Энна Адольфовна ЖЕЛУБОВСКАЯ

КРУШЕНИЕ ВТОРОЙ ИМПЕРИИ и ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ во ФРАНЦИИ

М.: изд-во АН СССР. 1956. 508 с.

Отв.редактор – чл.-корр Академии Наук СССР Ф.В.Потемкин

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Глава I. **Капиталистическое развитие Франции в 50—60-х годах. Обострение классовых противоречий**
Глава II. **Назревание кризиса Второй империи (1867—1869)**
Глава III. **Углубление политического кризиса во Франции в 1869—1870 гг.**
Глава IV. **Начало франко прусской войны. Первые поражения империи**
Глава V. **Революционные события в Париже и в провинции 7—9 августа 1870 года**
Глава VI. **Политическое положение во Франции в августе 1870 года. Седан**
Глава VII. **Революция 4 сентября 1870 года**
Глава VIII. **Политика Временного правительства в первые дни республики**
Глава IX. **Борьба народных масс против реакционных сил Франции накануне осады Парижа**
Заключение
Источники и литература
Указатель имен
Указатель географических названий

Текст распознан без вычитки. Даны дополнительные ссылки.

Документы, исследования, публицистику, посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям, можно читать и скачивать в специальном разделе нашей библиотеки:
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune
а также в сообществе
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p100499357.htm
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm
а также
http://community.livejournal.com/znanie_vlast/
а также
http://politazbuka.ru/

Опубликованы в электронном виде:
Гюстав Лефрансе. Воспоминания коммунара (Л.: Прибой. 1925)
Э.Лиссагаре. История Парижской коммуны в 1871 году (СПб., 1906)
М.Вильом. В дни Коммуны: записки очевидца (Л.: Прибой. 1926)
Луи Дюбрейль. Коммуна 1871 года (Пг., 1920)
А.Лурье. Портреты деятелей Парижской коммуны (М.: госполитиздат. 1956)
Речь Эжена Варлена перед судом в 1868 г. (Вятка, 1918)
Белфорт Бакс. Парижская коммуна 1870-1871 гг. (Пг., 1918)
П.Лавров. Парижская коммуна 18 марта 1871 г. (Л.: Прибой. 1925)
К.Беркова. Парижская коммуна и русские революционеры (М., 1926)
С.Н.Красильников. Боевые действия Парижской коммуны 1871 (М.: Государственное военное издательство. 1935)
БЕССМЕРТНАЯ КОММУНА. Воспоминания ветеранов, участников Парижской Коммуны Густава Инара, Антуана Ге, М.П.Сажина, Ашиля Леруа, В.Б.Арендта, Ипполита Ноэля (М.: Издательство ЦК МОПР СССР. 1928)И.Галкин. Франко-прусская война и Парижская Коммуна. Франция и Германия в1870-1914 гг. (М., 1952)
Э.Вандервельде. Парижская Коммуна (М.: изд-во Всерос. Центр. Исполнит. Комитета Совета Р., С., Кр. и Казач. Депутатов. 1918)
Н.Емельянова. Англия и Парижская Коммуна (М.: Наука. 1981. Отв.ред. В.М.Далин)
А.Молок. Очерки быта и культуры Парижской Коммуны: организация народного образования, клубы, женское движение (Л., 1924)
Парижская Коммуна: акты и документы. Эпизоды кровавой недели (по книге К.Пельтана) (издание 1920 года, предисловие Г.Зиновьева)
Ю.Данилин. Поэты Парижской Коммуны: историко-литературоведческая монография (М.: Худ.лит-ра. 1947)
Ж.Дюкло. На штурм неба. Парижская коммуна - предвестница нового мира (М.: Иностранная лит-ра. 1962)
Парижская Коммуна 1871 г. под ред. Э.А.Желубовской, А.З.Манфреда, А.И.Молока, Ф.В.Потемкина (М.: изд-во АН СССР, 1961). Тт.1, 2.
И.Книжник-Ветров. Русские деятельницы 1-го Интернационала и Парижской коммуны. Е.Л.Дмитриева, А.В.Корвин-Круковская, Е.Г.Бартенева (М.-Л.: Наука. 1964)
П.Керженцев. История Парижской коммуны 1871 г. (М.: Соцэкгиз, 1959.)
План Парижа 1871 г. Военные действия коммуны
Письма рабкорров Парижской коммуны (М., 1937)
Б.Итенберг. Россия и Парижская коммуна (М.: Наука. 1971)
Фильм Питера Уоткинса «Коммуна (Париж, 1871)» («La Commune (Paris 1871)», 2000 г.).

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
22	4—5 св.	депутата Фудр"	„Ла Фудр"
91	7 св.	Генон	Энон
104	5—6 св	прокуроры, —в	прокуроры. В
222	15 сн	1866	1867
239	21 сн	Виссембурга	Вейссенбурга
240	15—16 св	Саррбрюка	Саарбрюкена
242	8 сн		
255	7 сн	spionnagio	spionaggio
272	4 сн	2 (14) августа 1870, стр 1020	1870, т V, кн. 9, стр 388
277	18 сн.	Гренвилю	Гранвилю
279	4 сн	août	August
305	10 сн	своей	этой
320	17 сн	Витри-ле-Франса	Витри-ле-Франсуа
334	3 сн	194—195	195—196
344	16 сн	№ 44	t. 44, № 10
374	8 сн	состояли	частично состояли
389	5 св	своей	твоей
400	22 св	о ней	о нем
477	5 сн	Association	Assemblee
485	16 сн	1905	1894—1905
488	11 сн	Винсент	Венсан
490	27 сн	Гренвиль	Гранвиль
499	21 сн	dep. du	dep. de
502	8 св	Oice	Oise
503	7 сн	Cher, dep de la	Cher, dep. du

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советские историки проявляют глубокий интерес к славному прошлому французского народа. Интерес этот объясняется тем, что именно во Франции, начиная со средних веков вплоть до последних десятилетий XIX в., «историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца...» На примере Франции этого длительного периода с особой наглядностью подтверждается одно из основных положений марксизма-ленинизма — положение о том, что народные массы, производители материальных благ общества, являются подлинными творцами истории. Французские рабочие, как это неоднократно отмечалось Марксом, Энгельсом, Лениным, играли выдающуюся роль не только в истории своей страны, но и в мировом революционном движении. Они являлись решающей силой буржуазных революций 1789, 1830, 1848, 1870 гг. во Франции. Они же в 1871 г., впервые в истории человечества, осуществили попытку слома буржуазной государственной машины, основанной на классовом господстве, и ее замены подлинно демократической, пролетарской властью — Парижской Коммуной, опиравшейся на широкие массы трудового народа и действовавшей в интересах этих масс. Энгельс в конце 70-х годов прошлого века с полным основанием назвал французский пролетариат «боевой армией прогресса» 2.

Но не только периоды революций, которыми так богата история Франции XVIII—XIX вв., заслуживают внимательного изучения. Большой интерес представляют и другие, весьма поучительные этапы исторического развития этой страны. Одним из таких этапов является двадцатилетие, отделяющее революции 1848 и 1871 гг. Это были годы существования

1 Ф.Энгельс. Предисловие к третьему немецкому изданию книги К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». К.Маркс и Ф.Энгельс. Избранные произведения, т. 1. М., 1955, стр. 210.

2 Ф.Энгельс. Европейские рабочие в 1877 г. К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. XV, стр. 402.

Второй империи, ее крушения, рождения Третьей республики. Приходится, однако, констатировать, что этот период не привлек до сих пор должного внимания как советских, так и прогрессивных зарубежных историков.

В 1936 г. французский историк Р. Шнерб в библиографическом обзоре, посвященном периоду Второй империи (1852—1870) [3], отметил, что со времени выхода в свет семитомной «Истории Второй империй» Пьера де Ла Горса[4], за тридцать с лишним лет не появилось ни одной обобщающей работы об этом периоде. Но и за последние двадцать лет положение не изменилось существенно: работы буржуазного республиканца Таксиля Делора и монархиста-клерикала Пьера де Ла Горса остаются попрежнему наиболее полными работами о периоде господства Наполеона III во Франции. Следует лишь добавить, что ни та, ни другая работа не отвечают требованиям, предъявляемым к научному исследованию.

Таксиль Делор, освещая историю Второй империи с позиций умеренного буржуазного республиканца, крайне отрицательно относится и к бонапартистскому режиму и к революционному социалистическому движению французского пролетариата. Он считает главной ошибкой буржуазно-республиканской партии то, что она не сумела использовать растущее недовольство буржуазии режимом Второй империи, чтобы «постепенно привести ее к республике». По мнению Делора, для этого достаточно было «не забывать уроков прошлого и прилагать все усилия к тому, чтобы никого не запугивать». Надо было, рассуждает далее Делор, не только разоблачать участников публичных (народных) собраний 1868—1870 гг., на которых неизменно раздавались угрозы со стороны людей, называвших себя социалистами; для успокоения буржуазии следовало «дать ей гарантию, что республика, после ее установления, найдет в себе достаточно сил, чтобы обуздать, а в случае необходимости покарать всех этих людей» [5].

При таком отношении к революционным массам французского народа, активно участвовавшим в борьбе, развернувшейся в конце 60-х годов против полицейско-бюрократического режима Второй империи, Таксиль Делор, разумеется, неспособен был дать соответствующее действительности научное освещение общественно-политической жизни Франции этого периода.

Семитомное произведение консервативного историка де Ла Горса является шагом назад даже по сравнению с работой Делора. Оно представляет собой одну из первых в исторической литературе попыток реабилитации бонапартистского режима Второй империи, который довел Францию — как на это справедливо указывал В. И. Ленин — до экономического разорения и национального унижения. Изображая в ложном свете политическую историю Франции в годы Второй империи, де Ла Горе к тому же полностью игнорирует социально-экономические проблемы.

В начале 900-х годов, почти одновременно с книгами де Ла Горса, вышло в свет несколько работ о республиканском и социалистическом движении во Франции в годы Второй империи. Отметим среди них, как наиболее значительные, книги И.Чернова, Ж.Вейля, А.Тома.

Книга Чернова «Республиканская партия во время государственного переворота и при Второй империи» [6] представляла в свое время несомненный интерес как по характеру освещаемых в ней вопросов, так и благодаря тому, что автор использовал большое количество неопубликованных писем, а также ряд свидетельств участников политической борьбы периода Второй империи, которые тогда были еще живы. Написанная с буржуазно-республиканских позиций, книга в основном освещает антибонапартистское либерально-республиканское движение. Хотя в ней отводится известное место также социалистическому движению и развитию социалистической мысли, однако все это рассматривается автором только как один из оттенков республиканского движения.

По мнению Чернова, «к концу империи так же, как и в 1848 г., рабочие постоянно подтверждали свою тесную солидарность с буржуазией, когда речь шла о борьбе за республику» [7]. Чернов заявляет, что «между революционными демонстрациями 1870 г. и социальными устремлениями рабочего класса не было никакой связи» [8]. Он, таким образом, не замечает крупных сдвигов, происшедших в сознании французских рабочих в 50—60-х годах, а это приводит его к ошибочным оценкам и выводам при освещении периода Второй империи, особенно последних лет ее существования.

Позиция буржуазного республиканца Ж- Вейля в этом кардинальном вопросе совпадает с позицией Чернова. В своей книге «Социальное движение во Франции (1852—1902)» Вейль пишет: «В общем можно сказать, что в 1870 г. социалистическое движение было слито с революционным движением. Республиканцы и коммунисты, либералы и рабочие — все объеди-

[3] R. Schnerb. Napoleon III and the Second french empire. «Journal of modern history», 1936, vol. VIII, № 3.

* P. de La Gorce. Histoire du Second empire. Paris. 1894—1905. 7 vol

• T. Delord, Histoire du Second empire, t. VI. Paris, 1875, p. 120, 121.

[6] I. Tchernoff. Le parti republicain au coup d'Etat et sous le Second empire. Paris, 1906.

[7] Ibid., p 494.

[8] Ibid., p. 610.

нились, чтобы ускорить падение империи»[9]. Вейль, таким образом, умаляет значение социалистического движения во Франции в годы Второй империи. Он не желает видеть обострения классовых противоречий, роста классового сознания французского пролетариата в результате развития капитализма во Франции в 50—60-х годах. В другой своей работе «Республиканская партия во Франции» Вейль высказывается в таком же духе. Сообщив о том, что коллективисты «обучали рабочих коммунизму», он продолжает: «Однако рабочие, вопреки мнению их руководителей, сохраняли единство с республиканской буржуазией в своей антипатии к империи; они следовали за буржуазией во время выборов, до того как 4 сентября передали ей власть»[10].

Книга социалиста Альбера Тома, вышедшая в серии «Социалистическая история (1789—1900)» под общей редакцией Ж- Жореса, основана на обширном документальном материале, в том числе архивном. Эта ценная во многих отношениях работа направлена против режима Второй империи. Вместе с тем нельзя не отметить, что она страдает противоречивостью оценок внутренней и внешней политики Наполеона III. Наряду со многими правильными положениями, в ней содержатся утверждения, не согласующиеся с действительностью. Так, например, читатель узнает о том, что в основе политики Наполеона III «лежала постоянная забота: желание управлять государством на началах абсолютизма и в то же время с общего одобрения»[11]. Не проводя различия между политикой Наполеона III по отношению к буржуазии и его политикой по отношению к трудящимся города и деревни, автор сообщает о том, что «империя лишила Францию ее свобод, она поставила себе задачей дать удовлетворение ее материальным интересам»[12]. А. Тома утверждает, что реконструкция Парижа и других крупных городов была предпринята Наполеоном III также в интересах рабочего класса. Наполеон III руководствовался якобы тем соображением, что «рабочим будет обеспечена работа; они получат более здоровые и более приветливые жилища»[13].

Правительство Наполеона III, пишет А. Тома, прекрасно сознавало «облагораживающее действие труда». Оно «стремилось обеспечить рабочему классу максимум возможного благополучия»[14]. Касаясь внешней политики Наполеона III, Тома следующим образом характеризует сущность его так называемой «политики национальностей»: «Независимость Германии, Италии и вообще всех угнетенных национальностей — таковы были его постоянные мечтания. И с того момента, как он овладел властью во Франции, он начал подумывать об их осуществлении»[15]. Эти и другие подобные утверждения социалиста Тома, как и снисходительность самого тона, в котором он отзывается о Наполеоне III, весьма далеки от страстного, уничтожающего бичевания Наполеона-малого и его политики французскими социалистами в годы Второй империи и непосредственно после ее крушения.

В дальнейшем интерес либеральных историков и социалистов к периоду Второй империи значительно ослабел. Только в 1921 г. появилась работа о Второй империи буржуазного республиканца Шарля Сеньобоса, вошедшая в многотомную серию «История современной Франции», изданную под общей редакцией профессора Э. Лависса[16]. Эта работа, написанная чрезвычайно сжато, страдает методологическим пороком. Она рассматривает бонапартистскую империю как политический режим, опиравшийся исключительно на армию и не имевший социальной базы во Фракции. Исходя из этой неправильной точки зрения, игнорирующей тот факт, что бонапартистское правительство было в действительности правительством крупной, преимущественно финансовой буржуазии, Сеньобос ошибочно, в противоречии с исторической действительностью, определяет и причину крушения империи[17].

Особый интерес проявляет к бонапартистской империи и к возглавлявшему ее императору Наполеону III реакционная историография. Фальсифицируя историческую действительность, реакционные писатели, отстаивающие в своих произведениях классовые интересы монополистической буржуазии, изображают Наполеона III «императором-демократом» и даже «социалистом», якобы успешно разрешившим «социальную проблему» в интересах всех классов современного ему французского общества. Они пытаются таким образом навязать народным массам Франции и других капиталистических стран «идею» о спасительной роли «сильной личности», стоящей над всеми общественными классами и руководствующейся будто бы в своей политике интересами всех слоев населения.

[9] G. Weill. Le mouvement social en France (1852—1902). Paris, 1904, p. 132. Имеется русский перевод.
[10] G. Weill. Le parti republicain en France. 1814—1870. Paris, 1900, p. 527. Имеется русский перевод.
[11] A. Thomas. Le Second empire. Paris, s. d., p. 38. («Histoire socialiste (1789—1900)», sous la direction de J. Jaures, t. X). Имеется русский перевод.
[12] Ibid., p. 52.
[13] Ibid., p. 64, 65.
[14] A. Thomas. Op. cit., p. 66.
[15] Ibid., p. 106.
[16] Ch. Seignobos. Le Second empire («Histoire de France contemporaine», fed. par E. Lavisse, t. 6, 7).
[17] Ibid., t. 7, p. 248.

Эта лженаучная пропаганда, не прекращавшаяся и в наши дни, имеет полустолетнюю давность: она ведется с начала эпохи империализма. Вслед за де Ла Горсом *во* Франции, в первые десятилетия XX в. делались попытки реабилитации и возвеличения Наполеона III также в Англии[18]- Они получили дальнейшее развитие в 30-х годах, после прихода Гитлера к власти в Германии. Нацистские «историки» объявили Наполеона III, в котором они видели предшественника своего «фюрера», одним из крупнейших мыслителей и социальных реформаторов XIX в.[19] В 30-х годах появилась и новая книга де Ла Горса «Наполеон III и его политика»[20], представлявшая собой дальнейший шаг, сравнительно с первой его работой, по пути восхваления бонапартистской империи как «образца для подражания». За ней последовали другие аналогичные сочинения реакционных писателей[21].

Среди более поздних фальсификаторских работ о Наполеоне III и бонапартистской империи, появившихся в странах Европы и в США в годы второй мировой войны, выделяется своим объемом книга А. Герара «Наполеон HI», вышедшая в 1943 г. в США в серии «Творцы современной Европы»[22]. Придя к выводу о превосходстве бонапартистского режима Второй империи над всеми прочими политическими режимами, Герар призывает французов заменить республиканскую конституцию конституцией, изданной Наполеоном III в 1852 г. Он навязывает французскому народу свой политический идеал — авторитарный государственный строй, возглавляемый «современным Бонапартом».

В следующие годы второй мировой войнь! и в послевоенный период реакционная историография продолжает ту же линию идеализации и восхваления «современного монарха» — Наполеона III и его империи. В унисон с историками выступают государствоведы, утверждающие, будто Вторая империя так же, как и первая, основывалась «на принципе народного суверенитета или, как принято выражаться после 1848 г., на принципе демократии». Они называют империю Наполеона III «народной империей» (empire populaire), так как она якобы опиралась на рабочие и крестьянские массы; они откровенно выражают надежду на то, что ее пример «сыграет решающую роль при установлении демократии во Франщш как в социальной, так и в политической областях»[23]. В том же духе характеризуют Вторую империю авторы некоторых учебных пособий для высшей и средней школы.

Монополистическая буржуазия Четвертой французской республики не сочла для себя зазорным отметить в 1951 г. столетний юбилей бонапартистского государственного переворота, вызвавшего в свое время, по выражению Энгельса, «нравственное негодование» значительной части буржуазии во Франции и в других странах. Прогрессивные историки современной Франции справедливо напоминают о том, что в былые времена французская республиканская буржуазия питала лишь презрение к «герою» 2 декабря.

Вместе с тем следует отметить появление за последние десятилетия значительного количества монографических исследований и статей — пока по преимуществу локального характера,— в которых с большой полнотой, на основе обильного архивного материала, освещается процесс экономического развития различных районов Франции в 50—60-х годах, положение французского рабочего клгсса, отчасти мелкой буржуазии, и другие важные вопросы, касающиеся периода Второй империи[24]. Вышел в свет и ряд детальных биографий политических деятелей рассматриваемого нами времени, в том числе некоторых деятелей республиканского и социалистического движения[25]. Эти исследования, однако, только подготовляют почву,

[18] См. F. A. Simpson. The rise of Louis Napoleon. London, 1909; Ph. Guedalla. The Second empire. London, 1922; Earl of Kerry and Ph. Guedalla. The secret of the coup d'etat. London, 1924; F. A. Simpson. Louis Napoleon and the recovery of France. London, 1924 и др.

[19] См. напр., K.-H. Bremer. Der sozialistische Kaiser. Berlin, 1938.

[20] P. de La Qorce. Napoleon III et sa politique. Paris, 1933.

[21] R. Sencourt. Napoleon III, the modern emperor. London, 1933; O. Aubry. Le Second empire. Paris, 1938 и др.

[22] A. Guerard. Napoleon III. Cambridge. Massachusetts, 1943. («Makers of Modern Europe»)

[23] См. M. Prelot. Les institutions politiques franchises de 1789 a 1870. Fasc. III. La monarchie revolutionnaire. Universite de Paris. Institut d'etudes politiques. 1950—1951; M. Prelot. La signification constitutionnelle du Second empire. «Revue francaise de science politique», janvier-mars 1953, vol. Ill, № 1.

[24] P. Leon. La naissance de la grande industrie en Dauphine (fin du XVII siecle— 1869), 1 1—2. Paris, 1954; P. Leon. Les greves de 1867—1870 dans le departement de l'lsere. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1954, t. I; C. Fohlen. La concentration dans I'industrie textile francaise au milieu du XIX siecle. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1955, t. И; C Fohlen. Crise textile et troubles sociaux: le Nord a la fin du Second empire. «Revue du Nord», 1953, № 138; A. Lefevre. Sous le Second empire: chemins de fer et politique. Paris, 1954; L. Chevalier. La formation de la population parisienne au XIX siecle. Paris, 1950; G. Duveau. La vie ouvriere en France sous le Second empire. Paris, 1946 и др.

[25] J. Maurain. Baroche, ministre de Napoleon III d'apres ses papiers inedits. Paris, 1936; R. Schnerb. Rouher et le Second empire. Paris, 1949; M. Dessal. Un revolutionnaire jacobin Charles Delecluze. Paris, 1952; M. Dommanget. Blanqui, la guerre de 1870—1871, la Commune. Paris, 1947; G. Gill. Jules Vales. Paris, 1941; P. Guiral. Prevost-Paradol. Paris, 1955, и др.

создают, по мере их опубликования, все более солидный фундамент для написания подлинно научной, всесторонней истории Второй империи.

В рамках данного предисловия мы вынуждены были ограничиться лишь самыми общими критическими замечаниями историографического характера. Другие замечания, относящиеся к различным специальным проблемам, поставленным в данной работе, будут даны нами в ходе изложения.

Настоящее исследование имеет целью осветить социально-политическую историю Франции последних лет Второй империи и начала существования Третьей республики. Хронологическими рамками изложения являются 1867—1870 гг. Это был период неуклонного нарастания революционного кризиса во Франции, завершившегося крушением Второй империи и провозглашением буржуазной республики. В работе освещается, далее, борьба классов и партий в первые недели республиканского строя, предшествовавшие осаде Парижа немецкими войсками.

Мотивы, побудившие автора избрать объектом изучения очерченный выше период, могут быть сформулированы следующим образом:

1. Именно в годы кризиса бонапартистского режима с наибольшей очевидностью обнаружилась его подлинная сущность, глубокие противоречия всего общественного и политического строя Второй империи, ее неустойчивость, шаткость. «Всякие кризисы,— писал В. И. Ленин,— вскрывают суть явлений или процессов, отметают прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего»[26]. Не случайно апологеты Второй империи и ее главы, выдающие поверхностную, внешнюю оболочку бонапартистского режима за его сущность, мало интересуются последними годами господства Наполеона III, но зато проявляют особый интерес к периоду возникновения и первым годам существования Второй империи, к годам «возвышения» Наполеона III.

2. Одной из характерных черт избранного нами периода является нарастающий подъем революционного рабочего и демократического движения во Франции, изучение которого столь важно для понимания исторических корней революции 18 марта, как и ряда мероприятий Парижской Коммуны. Это прогрессивное движение обычно извращается реакционной историографией с легкой руки бонапартистских агитаторов и прочих агентов Второй империи. Оно, как мы видели, изображается в ложном свете также буржуазно-либеральными историками и не только ими, но и социалистами-реформистами, как это будет показано нами в ходе дальнейшего изложения. Выявить роль народных масс Франции в годы, предшествовавшие величайшему рабочему восстанию XIX в., Парижской Коммуне,— задача, которая до сих пор не разрешена полностью ни советскими, ни прогрессивными зарубежными историками.

3. Двухнедельный период, следовавший за крушением Второй империи,— период, предшествовавший осаде Парижа, которым завершается данная работа, отчетливо обнаруживает уже на этой ранней стадии существования Третьей республики антинародный и антинациональный характер внутренней и внешней политики республиканского «правительства национальной обороны», пришедшего на смену правительству Наполеона III.

Провозглашение республики 4 сентября 1870 г., как показывает изучение документального материала, отнюдь не означало в действительности наступления новой эры, крутого поворота ни в организации обороны Франции, ни в социально-экономической политике нового правительства.

В обширной буржуазной литературе, посвященной рождению Третьей республики, и сама революция 4 сентября и дальнейшая история Франции, начиная от периода, предшествовавшего осаде Парижа, во многих отношениях представлены неправильно. В буржуазной историографии чаще всего искажается роль народных масс Франции, их самоотверженная борьба против внешнего и внутренних врагов, идеализируется роль буржуазных республиканцев как во время сентябрьской революции 1870 г., так и после их прихода к власти, замалчиваются либо прикрашиваются неблаговидные стороны их государственной деятельности.

Автор стремился уделить как можно больше внимания истории трудящихся масс Франции в изучаемый им период и прежде всего истории рабочего класса. Он, однако, рассматривал классовую борьбу пролетариата в годы Второй империи и после провозглашения республики 4 сентября в тесной связи е борьбой других социальных сил, как тех, которые выступали совместно с рабочим классом, так и тех, которые боролись против него. Автор руководствовался при этом указанием В. И. Ленина относительно требования, предъявляемого к научному методу исторического исследования. «Наука требует,— писал В. И. Ленин,— ...учета *всех* сил, групп, партий, классов, масс, действующих внутри данной страны, отнюдь не определения политики на основании только желаний и взглядов, сте-

[26] В. И. Ленин. «Сожаление» и «стыд». Соч., т. 17, стр. 161.

пени сознательности и готовности к борьбе одной только группы или партии»[27].

Следует отметить значительные трудности, с которыми пришлось, в частности, столкнуться при попытке выяснить положение различных слоев французского крестьянства в годы Второй империи. Причина этих трудностей — крайняя тенденциозность официальных статистических данных об аграрном развитии Франции в 50—60-е годы, а равно и написанных на их основе работ буржуазных экономистов и историков. Марксистских исследований на эту тему пока не существует. Автор был также лишен возможности осветить с необходимой полнотой крестьянские движения во Франции в 50—60-х годах. Буржуазные историки, прикрашивающие положение трудящихся масс французского крестьянства в годы Второй империи, игнорируют изучение крестьянских движений этого периода. В прогрессивной зарубежной исторической литературе этот вопрос также не освещен. Возможности советского историка, не располагающего архивными материалами по крестьянскому вопросу периода Второй империи, крайне ограничены. В той мере, в какой это было выполнимо, мы старались показать, хотя бы в самых общих чертах, настроения отдельных слоев крестьянства в изучаемое нами время.

Автор считает также необходимым подчеркнуть, что вопросы внешней политики Второй империи освещаются им в той мере, в какой они оказывали влияние на ход социально-политической борьбы во Франции в 1867—1870 гг., изучение которой составляет основную задачу настоящей работы. История внешней политики и дипломатии Второй империи, теснейшим образом связанной с ее колониальной политикой и со всей сложной международной обстановкой 50—60-х годов, является особой, самостоятельной темой.

* * *

В ходе работы над настоящим исследованием автор руководствовался методологическими указаниями и конкретно-историческими высказываниями великих современников и участников излагаемых им событий — Маркса и Энгельса, как и ценнейшими замечаниями В. И. Ленина по ряду важнейших вопросов истории Франции изучаемого периода.

Классические труды Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» дают в руки исследователя ключ к правильному пониманию и оценке исторических событий, развернувшихся во Франции в период от революции 1848 г. до Парижской Коммуны включительно. В этих произведениях с непревзойденной глубиной разоблачены бонапартистские методы захвата власти и обмана народных масс, даны разносторонние характеристики положения трудящихся Франции, демократического и социалистического движения, ярко показаны революционная инициатива, героизм и самоотверженность французского рабочего класса.

Наряду с опубликованными произведениями, статьями, перепиской, речами и прочими документами, принадлежащими перу классиков марксизма-ленинизма, ценным источником служили также неопубликованные письма к Марксу видных деятелей французского социалистического движения, протоколы заседаний Генерального совета Интернационала и другой документальный материал, хранящийся в архиве Института марксизма-ленинизма.

К этой же группе источников принадлежат использованные в работе протоколы конгрессов Первого Интернационала, материалы его судебных процессов, отчеты рабочих делегатов Франции на всемирных выставках 1862 и 1867 гг.

В работе привлечены и другие архивные и печатные источники, критически изученные автором. К ним относятся:

а) Материалы Архива внешней политики России (фонд. канцелярии министра иностранных дел, фонд русского посольства), содержащие донесения русских дипломатических представителей в Париже министру иностранных дел России, князю А. М. Горчакову, о внутриполитическом положении Франции в последние годы Второй империи.

б) Материалы Центрального государственного военно-исторического архива, содержащие рапорты военных агентов России военному министру о различных мероприятиях бонапартистского правительства и о событиях политической жизни Франции того времени.

в) Стенографические отчеты сессий Законодательного корпуса и Сената Второй империи, дающие во многих случаях, при критическом их сопоставлении с другими источниками, важные сведения о позиции различных буржуазных партий и политических деятелей буржуазии в кардинальных вопросах внутренней и внешней политики.

г) Протокольные записи заседаний «правительства национальной обороны», сделанные секретарем правительственного совета А. Дрео и изданные им в 1903 г. Ценность этих записей, не носящих официального характера, заключается в том, что они не подвергались последующим исправлениям и, таким образом, рисуют подлинную картину происходившего на заседа-

[27] В. И. Л е н и н. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., т. 31, стр. 61.

ниях правительства. К сожалению, эти записи очень часто носят крайне лаконичный характер.

д) Секретные донесения генеральных прокуроров и префектов Второй империи о «моральном и политическом положении» во Франции в период 1852—1870 гг.

е) Секретная переписка и прочая документация, обнаруженная в Тюильрийском дворце после крушения Второй империи и опубликованная «правительством национальной обороны».

ж) Семитомное издание «Парламентской анкеты по расследованию деятельности правительства национальной обороны» («Enquete parlementaire sur les actes du gouvernement de la defense nationale») и трехтомное издание «Парламентской анкеты по расследованию восстания 18 марта» (Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars»).

Крайняя тенденциозность материалов парламентских расследований, проводившихся ярыми реакционерами после подавления Парижской Коммуны, требует весьма осторожного обращения с такого рода источником. Тем не менее, при условии сугубо критического его использования, он дает богатейшие данные о социальной и политической борьбе, происходившей во Франции в годы Второй империи, как и в период сентябрьской буржуазной республики. Помимо многочисленных свидетельских показаний, в том числе виднейших политических и военных деятелей Франции того времени, значительную часть этих изданий составляет обильный, вполне достоверный документальный материал, имеющий особую ценность.

з) Собрания декретов и прочих официальных документов Второй империи и сентябрьской республики.

и) Данные сельскохозяйственных переписей и промышленных анкет, статистические и прочие материалы, отражающие экономическое развитие Франции 50—60-х годов.

к) Французская и иностранная (русская, английская, немецкая, бельгийская, швейцарская) буржуазная периодическая печать (газеты, журналы) разных политических направлений, а также социалистическая пресса ряда стран.

л) Произведения, мемуары, переписка, речи участников и современников изучаемых событий, а также исторические исследования более поздних лет.

* * *

Автор выражает благодарность администрации и сотрудникам архива и библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Архива внешней политики России, Центрального государственного военно-исторического архива, Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР, Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве и Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде за оказанное ему содействие в выполнении данной работы.

За ценные критические замечания автор выражает глубокую признательность научным сотрудникам сектора новой истории Института истории Академии наук СССР и другим историкам, взявшим на себя труд прочесть работу или отдельные ее части в рукописи.

В подготовке рукописи настоящей работы к печати автору оказала помощь научный сотрудник Института истории, библиограф О. Л. Фролова.

Глава I

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРАНЦИИ В 50—60-х ГОДАХ. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

1

50—60-е годы XIX в. были временем небывалого до тех пор промышленного подъема в капиталистических странах Европы. Во Франции в эти два десятилетия, совпавшие с существованием Второй империи, общий объем промышленной продукции вырос почти вдвое. Более чем в три раза увеличились обороты французской внешней торговли.

В то же время, в 50—60-х годах, экономику Франции потрясали периодические кризисы перепроизводства, дававшие знать о себе в капиталистических странах уже с 20-х годов XIX в. Экономические кризисы 50—60-х годов были более глубокими, чем кризисы предшествующих десятилетий. Это подчеркнул Маркс осенью 1864 г. в «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих». Касаясь экономического развития Англии, Франции и других капиталистических стран за время с 1848 по 1864 г., Маркс указывал: «Эта эпоха отмечена в летописях мира все более частыми повторениями, все более обширными размерами и все более гибельными результатами социальной чумы, именуемой торговым и промышленным кризисом» [1].

В годы Второй империи во Франции завершился в главных чертах промышленный переворот[2]. Фабричное производство охватило почти все наиболее важные отрасли французкой промышленности, в том числе машиностроение. Число паповых машин, не считая локомотивов и паровых судов, увеличилось более чем в четыре раза; во столько же раз возросла их мощность[3]:

Годы	Число паровых машин	Их мощность. лош. силы
1852	6 080	75 518
1869	26 221	320 447

Число промышленных предприятий, применявших паровые машины, возросло в 3'/я раза (6543 предприятия в 1852 г., 22 851 предприятие в 1870 г.[4]).

Крупных успехов достигла французская тяжелая промышленность, капитальные вложения в которую были в 50—60-х годах намного значительнее, чем при Июльской монархии. По темпам своего роста тяжелая промышленность в годы Второй империи опережала легкую, в частности такую важную ее отрасль, как хлопчатобумажная. На это указывают следующие данные:

Годы	Добыча каменного и бурого угля, т*	Производство чугуна, т*	Производство железа, т*	Производство стали, т*	Потребление хлопка, т**
1851	4 485 033 (100%)	445 808 (100%)	254 167 (100%)	14 040 (100%)	58 484 (100%)
1869	13 509 745*** (301,2%)	1 380 965 (309%)	903 719 (365%)	110 225 (790%)	124 331 (213%)

• Statistique genera'e de !a France. Armuaire statistique, 1883, p. 343; Tab'eau retrospectif de FIndustrle minerale.

•* Statistljue genera e de 'a France. Annuaire statistique. 1913. Resume retrospectif, p. 116.

*** Согласно данным министерства общественных работ, добыча каменно о и бурого угля в 1869 г. составляла 13 464 20о т (см. «Tab eaux statist!ques sur 'a production miniere et siderurgique des principaux pays. 1864—1913». Paris, 1914, p. 95, 102).

Ф

Как видим, с 1851 по 1869 г. во Франции более чем утроилась добыча каменного и бурого угля, во столько же раз увеличилось производство чугуна, более чем в 3'/г раза возросло производство железа, почти в восемь раз — производство стали.

[1] К. Маркс. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 339.

[2] См. Ф. Энгельс. Введение к книге К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 97; Энгельс — А. Бебелю. 11 декабря 1884 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 434.

[3] См. Statistique generale de la France. Annuaire statistique, 1883, p. 343. Tableau retrospectif de l'industrie minerale; Statistique de la France comparee avec les divers pays de l'Europe, par M. Block, t. II. 2-e ed. Paris, 1875, p. 139.

[4] Statistique generale de la France. Annuaire statistique, 1922, vol. 28. Resume retrospectif, p. 64.

Между тем потребление хлопка, указывающее на развитие хлопчатобумажного производства, увеличилось за эти годы немногим более чем в два раза.

Развитие тяжелой промышленности в 50—60-х годах обусловливалось в значительной мере широким строительством железных дорог и судостроением. Протяженность железнодорожной сети увеличилась за эти десятилетия почти в пять раз[5]. В десять раз выросло производство железнодорожных рельс (27 тыс. т в 1851 г., 271 тыс. т в 1869 г.)[6], почти в пять раз — число локомотивов (973 в 1850 г., 4822 в 1869 г.)[7]. О размерах судостроения мы можем судить только отчасти, по данным роста морского торгового флота (паровых и парусных морских судов), а также речного парового флота. С 1850 по 1869 г. французский торговый флот увеличился на 1424 судна (с 14 354 до 15 778), в том числе на 328 паровых судов (со 126 до 454). При этом общий тоннаж паровых судов увеличился более чем в десять раз (с 13 925 до 142 942 т)[8]. Речной флот за тот же период вырос более чем вдвое (252 парохода в 1850 г., 575 — в 1869 г.)[9].

Опережая легкую промышленность по темпам своего роста, французская тяжелая промышленность уступала, однако, легкой — и не только в изучаемый нами период, но и позднее — по своему удельному весу в общем объеме промышленного производства. Это объясняется в известной мере тем, что промышленный переворот начался во Франции с легкой промышленности. Рост капитальных вложений в тяжелую индустрию с целью ускорения ее развития начался позднее, когда легкая промышленность — в своих основных отраслях — была механизирована.

[5] Согласно данным Левассера, протяженность железнодорожной сети во Франции в 1870 г. составляла 17 924 км против 3685 км в 1851 г. (E. Levasseur. Histoire des classes ouvrieres et de Industrie en France, t. II. Paris, 1904, p. 490). Данные М. Блока (M. Block. Op. cit.) за те же годы (17 465 км против 3546 км) несколько расходятся с данными Левассера Заслуживают внимания также данные 1852, 1855 и 1869 гг., приводимые в исследовании: A. Lefëvre. Sous le Second empire: chemins de fer et politique. Paris, 1951. Они заимствованы автором из архивной документации (Statistique des chemins de fer. Chemins de fer de l'Europe. Situation des longueurs exoloites au 31 decembre 1869. Archives Nationales; Bulletin general. Situation des chemins de fer du globe. Septembre 1855. Archives Nationales). Согласно этим данным, протяженность железнодорожной сети во Франции была: в конце 1852 г. 3886 км (A. Lefëvre. Op. cit., p. 13); в 1855 г. 6211 км (ibid., p. 50); в 1869 г. 16 954 км (ibid., p. 50).

[6] E. Levasseur. Histoire des classes ouvrieres..., t. II, p. 539. -

[7] См. M. Block. Op. cit, t. II, p. 297.

[8] Ibid.

[9] Ibid., p. 140.

В годы Второй империи во Франции фактически впервые укоренилась крупная промышленность[10]. Крупные предприятия, которые до того времени были в основном сосредоточены в текстильной промышленности, получили в 50—60-х годах более широкое распространение, чем в предшествующие десятилетия, также в добывающей, металлургической, химической и в некоторых других отраслях тяжелой промышленности. Процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях может быть иллюстрирован некоторыми примерами. Число доменных печей в 1856—1869 гг. изменилось следующим образом[11]:

Годы	На древесном топливе	На минеральном топливе	На смешанном топливе	Всего
1856	385	120	86	591
1861	281	113	77	471
1869	91	142	55	288

Из приведенных данных видно, что в металлургической промышленности число доменных печей с 1856 по 1869 г. сократилось вдвое. В 1870 г. их было еще меньше, чем в 1869 г., а именно 266[12]. Между тем за тот же период выплавка чугуна, как было показано выше, более чем утроилась. Следует также учесть, что с 1860 по 1869 г. производство чугуна на древесном топливе сократилось с 2 746 586 до 1 126 999 метрических квинталов, на смешанном топливе — с 736 017 до 654 408 метрических квинталов. За тот же период производство чугуна на минеральном топливе увеличилось более чем вдвое (с 5 471 767 до 12 029 333 метрических квинталов)[13].

Показательны в этом отношении данные о концентрации производства в металлургической промышленности департаментов Мерт и Мозель. За десятилетие 1859—1869 гг. общее производство чугуна в этих двух департаментах увеличилось впятеро (с 84 тыс. т до 420 тыс. т) и составляло в 1869 г. 30% всего произведенного во Франции чугуна (вместо 10% в 1859 г.). Между тем число доменных печей за этот период

[10] См. Ф. Энгельс. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции». К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 97.

[11] Таблица составлена на основе данных «Statistique de la France comparee avec les divers pays de l'Europe», par M. Block, t. II, p 200

[12] См. «La siderurgie franchise. 1864-1914». Ouvrage publie par le Comite des Forges de France. Paris, 1914, p. 126.

[13] Pio Il Гё La France industrielle, ou description des industries franvaises. 2-e ed. Pans., 1875, p. 98.

не увеличилось: в 1869 г., как и в 1859 г., их было 45. Они стали крупнее и были в большинстве своем переведены на минеральное топливо. Из 28 печей, работавших в 1859 г. на древесном топливе, в 1869 г. оставалось только 5. Число же печей, работавших на коксе, с 17 (в 1859 г.) увеличилось до 40 (в 1869 г.) [14].

В текстильной промышленности концентрация производства выразилась в увеличении числа машин при сокращении числа предприятий. Так, например, в хлопчатобумажном производстве в 1845—1865 гг. число прядилен сократилось на 7%, между тем как число механических веретен увеличилось почти на 80% [15]. На льнопрядильнях за одно шестилетие с 1860 по 1866 г. число механических станков почти удвоилось [16].

Французский исследователь К- Фолен приводит данные о росте концентрации в текстильном производстве Нормандии в 60-х годах. «В департаменте Нижняя Сена,— пишет он.— в 1860 г. насчитывалось 1400 тыс. механических веретен. Iiесмотря на закрытие 75 прядилен, 32 из которых были полностью заброшены, число механических веретен в 1869 г. составляло 1500 тыс. В среднем число механических веретен в каждой прядильне увеличилось на 33%: с 6 тыс. в 1860 г. до 8 тыс. в 1870 г. Изменилось распределение прядилен по категориям. Число крупных прядилен, насчитывавших более 10 тыс. механических веретен каждая, увеличилось: в 1860 г. было 40 таких прядилен с 570 тыс. механических веретен; в 1869 г.— 48 прядилен с 885 тыс. механических веретен, что составляет увеличение числа и мощности механических веретен приблизительно на 55%. Напротив, число прядилен, насчитывавших менее 10 тыс. механических веретен, сократилось: около половины из них исчезло, причем больше всего пострадали мелкие предприятия» [17].

: По данным того же исследователя, на хлопчатобумажных предприятиях Рубэ и Туркуэна, в результате их укрупнения, среднее число механических веретен с 9 тыс. в 1860 г. увеличилось до 17 900 в 1869 г.; в Лилле — с 13 400 до 16 тыс.; в департаменте Верхний Рейн — с 18 400 до 24 тыс.; в департаменте Вогезы с 9800 до 12 тыс. Концентрация производства

[14] См. «Cinquantenaire de la chambre de commerce de Meurthe et Moselle. Revue des industries du departement». Nancy, 1905, p. 11—13.

[15] J. Kuczynski. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Frankreich von 1789 bis die Gegenwart. Zweiter Teil. Seit 1830. 2. verbesserte Aufl. Berlin, 1955, S. 60. • . ,

[16] Q. de Molinari. La reaction protectioniste. «Journal des economistes», fevrier 1868, p. 187.

[17] C. Fohlen. La concentration dans l'industrie textile frangaise au milieu du XIX siecle. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», Janvier—mars 1955, t. II, p. 56.

была значительной в льняной промышленности Дюнкерка, в шерстяной промышленности Реймса, где «были созданы мощные общества, часто анонимные, акционерные (вместо фамильных)» [18]. Следует также назвать, например, ткацкое производство Пикардии, районов Ко и Бокаж (Нормандия), Шампани, Лангедока, где концентрация достигла больших успехов [19].

Среди крупных предприятий Франции 50—60-х годов имелись такие, на которых были сосредоточены сотни и тысячи рабочих. Так, например, на металлургическом заводе в Крезо, принадлежавшем председателю Законодательного корпуса Шнейдеру, было занято более 10,5 тыс. рабочих. Завод производил паровозы, железнодорожные рельсы, локомотивы, корабли, всевозможные машины и т. д. не только для Франции, но и для других стран. Стоимость его годовой продукции — по данным Тюргана — составляла в середине 60-х годов 30 млн. франков [20]. На заводе железных изделий братьев Жапи в Бокуре (деп. Верхний Рейн) было занято 5500 рабочих. Мощность машинного оборудования этого предприятия составляла в середине 60-х годов тысячу лошадиных сил [21]. На хлопчатобумажном предприятии «Дольфюс-Миг и К⁰» в предместье Мюлуза (Эльзас) работало 2600 рабочих [22]; в каменноугольных копях в окрестностях Марселя, принадлежавших акционерному обществу «Люиле и К⁰» — около 2 тыс. рабочих [23]; на заводе хрустальных изделий в Баккара—1500 рабочих [24]; на шелкоткацкой фабрике в Лионе— 1400 рабочих [25]; на императорском металлургическом заводе Де-ла-Шоссад в Гериньи (деп. Ньевр) [26] и на шелкоткацкой фабрике Бонне в Жюжюрье (деп. Эн) по 1200 рабочих [27]; на шерстечесальном предприятии Ольдена в Реймсе — более тысячи рабочих (данные 1868 г.) [28]; на фабрике шерстяных изделий фирмы «Вильмино, Рожле и К⁰» в Реймсе — 800 рабочих [29], столько же на аналогичной фабрике братьев Армель в Реймсе [30], на фабрике шерстяных материй Шарля Флавиньи в Эльбефе (деп. Нижняя Сена) [31]; на

[18] C Fohlen. Op. cit, p. 52, 56.

[19] Ibid., p. 56. - . • „ .

[20] J Turgan. Les grandes usines. Etudes industnelles en France et A l'etranger, t. VI. Paris, 1866, p. 65.

" J Turgan. Op. cit, t. VII. Paris, 1867, p. 303.

[22] J. Turgan. Op. cit., t. IV. Paris, 1865, p. 64.

[23] .! Turgan. Op. cit., t. III. Paris, 1870, p. 95.

и Ibid., p. 316.

[25] J. Turgan. Op.- cit., t. VII, p. 224.

[26] J. Turgan. Op. cit., t. VI, p. 235.

[27] J. Turgan. Op. cit., t. VII, p. 224.

[28] J. Turgan. Op. cit., t. VIII. Paris, 1871, p. 108.

[29] Ibid., p. 121.

[30] Ibid., p. 138.

[21] J. Turgan. Op. cit, t. V. Paris, 1865, p. 127.

скобяном заводе в окрестностях Саверна (деп. Нижний Рейн) [32]; на шелкоткацкой фабрике Саньяля в Бур-ле-Валансе (деп. Изер) [33]. На бумагопрядильном предприятии депутата Пуйе-Кертье, получившем известность под названием депутата Фудр» (Нормандия), работало 600—700 рабочих (данные 1862 г.) [34]; на металлургическом заводе в Юнье, департамента Луара, принадлежавшем депутату Законодательного корпуса Дориану,— 600 рабочих [35]; на многих прядильнях департамента Нижняя Сена — от 500 до 800 рабочих. Перечень крупных предприятий, насчитывавших в 50—60-х годах многие сотни рабочих, может быть значительно увеличен.

Некоторые из перечисленных предприятий являлись комбинированными. Они соединяли различные виды производства, представляющие последовательные стадии обработки сырья либо играющие вспомогательную роль один по отношению к другому. Так, например, на шерстяной фабрике Шарля Флавиньи в Эльбефе производилось пряденье, тканье, валянье, окраска шерсти и некоторые другие операции. Комбинированным являлось шелкопрядильное и шелкоткацкое предприятие Бонне в Жюжюрье.

В шелковой промышленности департаментов Изер и Дром, как сообщает автор исследования о зарождении крупной промышленности в Дофинэ П. Леон, имелось значительное количество комбинированных предприятий. Так, в департаменте Дром в 1860 г. существовало 72 комбинированных предприятия; на них производились две последовательные операции по производству шелковых тканей — прядение и сучение шелка. В 1865 г. число таких предприятий достигло 81. В соседнем департаменте Изер их было еще больше. В обоих департаментах имелись предприятия,— правда, единичные,— на которых, кроме прядения и сучения, производилось также тканье шелка [36].

Что касается тяжелой индустрии, то здесь в руках одной-двух компаний были в ряде случаев сосредоточены крупные комплексные предприятия по добыче руды, выплавке чугуна, стали, железа, по изготовлению разнообразных металлических изделий и т. д. В качестве примера можно назвать крупное предприятие фирмы Шарьер в промышленном районе Аллевар, департамента Изер. Еще в конце 50-х годов оно включало 16 железных рудников из 28, существовавших в данном районе.

Часть крупных предприятий этого рода составляли межрайонные промышленные объединения. Так, например, одно из таких предприятий в департаменте Изер объединяло каменноугольные копи и металлургические заводы промышленных районов Уазан и Бельдон, сталелитейные заводы района Рив и заводы Сент-Этьеннской группы [37]. Другое предприятие такого же типа объединяло часть литейных и металлургических заводов департаментов Луара и Ардеш с аналогичными предприятиями в районе Бессеж (деп. Гар). Это объединение, располагавшее капиталом в 5500 тыс. франков, распространяло свое влияние на промышленность четырех департаментов — Луара, Ардеш, Изер, Гар [38].

Рост крупной металлургической промышленности привел к созданию широкого объединения владельцев металлургических предприятий Франции — Comite des Forges de France. В состав объединения принимались собственники только тех предприятий, годовая продукция которых превышала 20 тыс. т чугуна и 15 тыс. т железа. В первый же год в объединение вступили 1251 владелец металлургических заводов, производивших чугун и железо. Они, в совокупности, владели 156 доменными печами, работавшими на коксе, 194 доменными печами, работавшими на древесном топливе, 1000 пудлинговыми и 138 металлоочистительными печами [39].

Развитие машинного производства и рост концентрации ускорили разорение владельцев мелких и отчасти средних предприятий. В ряде промышленных районов исчезло до 50% мелких заведений, другие пришли в крайний упадок. Назовем в качестве примера шерстяные, суконные, чулочно-вязальные, кожевенные, сыромятные, керамические, полотняные, хлопчатобумажные предприятия департаментов Изер, Дром, Верхние Альпы [40], многие прядильни департаментов Нижняя Сена и Эр [41].

Однако, несмотря на значительные успехи крупной индустрии, типичными для французской промышленности 50—60-х годов все еще являлись мелкие и средние предприятия. По данным переписи 1866 г., во Франции значилось 2 938 153 наемных рабочих и 1 661 584 владельца предприятий. Они распределя-

[32] A. Audiganne. Les populations ouvrieres et les industries de la France, t. I. 2-me ed. Paris, 1860, p. 163.

[33] P. Leon. La naissance de la grande industrie en Dauphine (fin du XVII siecle — 1869), t. II. Paris 119541, p. 688.

«J. Turgan. Op. cit. t. Ill, p. 176.

[3o] G. Duveau. La vie ouvriere en France sous le Second empire. Paris. 1946, p. 160—161.

[36] P. Leon. Op. cit., t. II, p. 687, 688.

[37] P. Leon. Op. cit., t. II, p. 693.

[38] Ibid., p. 695.

[39] «La siderurgie francaise», p. 441.

[40] P. Leon. Op. cit., t. II, p. 570—586.

[41] Chambre de commerce de Saint-Etienne. Rapport sur les traites de commerce avec TAngleterre etc., par E. Richard. S.-Etienne, 1870, p. 22.

лись следующим образом по различным отраслям промышленности[42]:

Отрасли промышленности	Общее число занятых рабочих	Число владельцев предприятий
Текстильная	825 829	178117
Производство одежды и прочих предметов туалета	700 754	427 961
Строительная	480 388	341 991
Пищевая	159 393	410 204
Производство металлических изделий	145 846	49198
Добывающая	121 824	25 949
Керамическое производство	71801	18 599
Производство предметов роскоши	63 084	11984
Каретное производство	60 759	92 021
Производство, обслуживающее науку и искусство	59 549	8150
Металлургическая	49 675	2 291
Деревообделочное производство	48937	56 637
Мебельное производство	48 684	15 185
Кожевенное производство	34 000	8 955
Военная	22 441	272
Химическая	21841	4 733
Осветительная	13 509	6 098
Прочие	9 839	3 239
Всего	2.938 153	1 661 584

Официальная промышленная статистика периода Второй империи крайне неудовлетворительна. За ее средними цифрами, указывающими количество рабочих и владельцев предприятий в каждой из отраслей промышленности, остаются скрытыми конкретные данные о росте крупной промышленности в ряде отраслей производства и ряде промышленных районов Франции. С другой стороны, многие номинальные владельцы предприятий, фактически утратившие уже былую самостоятельность, занесены в официальных статистических данных в графу самостоятельных предпринимателей. Мы, следовательно, не можем установить на основании этих данных подлинного соотношения крупного, среднего и мелкого производства во Франции в середине 60-х годов. Мы можем сделать лишь общий вывод о том, что наиболее распространенным типом промышленного предприятия было здесь мелкое производство с одним или несколькими рабочими, либо вовсе не использовавшее наемного труда. В некоторых же отраслях промышленности, как, например, в пищевой, деревообделочной, в каретном производстве, где число владельцев предприятий превышало число рабочих, процент предприятий, владельцы которых не пользовались наемным трудом, был, очевидно, наиболее значительным.

Таким образом, мелкое производство, хотя и было сильно подорвано конкуренцией крупного капитала, все еще занимало в середине 60-х годов значительное место в экономике Франции.

Но и в конце 60-х годов, несмотря на дальнейший рост концентрации во французской промышленности, мелкое производство не утратило своего значения. Об этом свидетельствуют данные переписи 1872 г.[43]:

Промышленность	Число владельцев предприятий	Общее число рабочих
Добывающая	14 717	164 819
Крупная фабрично-заводская	183 227	1112 000
Мелкая	596 776	1 060 444
Всего	794 720	2 337 269

Приведенные данные указывают на следующее:

1. В добывающей промышленности число рабочих увеличилось на 30% сравнительно с 1866 г. (121824 рабочих — в 1866 г.), между тем как число владельцев предприятий сократилось почти вдвое (25 949 — в 1866 г.). Это свидетельствует о росте концентрации производства и его механизации в этой важной отрасли промышленности.

2. Рост концентрации производства и его механизации во второй половине 60-х годов характерен для всей французской промышленности.

3. В конце 60-х годов около 60% французских рабочих все еще были заняты в мелком производстве. Около 75% предпринимателей были владельцами мелких промышленных заведений. Необходимо при этом учесть, что предприятия, насчитывавшие более 10 наемных рабочих, отнесены в таблице к

[42] E. Levasseui. Histoire des classes ouvrieres..., t. II, p. 576.

[43] Enquete 1872. «Journal officiel», 18 novembre 1875 p. 9434. Цит. по Q. Duveau. Op. cit, p. 196.

числу крупных — в соответствии с классификацией, принятой во французской статистике. Отсюда следует, что действительно крупных фабрично-заводских предприятий с числом рабочих свыше 50 — согласно классификации В. И. Ленина[44], было во Франции в конце 60-х годов гораздо меньше. Следует также иметь в виду, что в течение всего изучаемого нами периода во Франции сохранялась, наряду с предприятиями нового типа, рассеянная мануфактура с традиционным скупщиком-мануфактуристом (marchand-fabricant), который снабжал сырьем работавших у себя на дому на своем станке или на станке работодателя мелких ремесленников и кустарей и сбывал производимую ими продукцию. Работа на дому, характерная для мануфактурной стадии капитализма, продолжала играть во Франции немалую роль и при переходе к машинной промышленности. В ряде случаев она, правда, сочеталась с более высокой формой капиталистического производства: часть операций осуществлялась в предприятии индустриального типа, нередко принадлежавшем тому же скупщику-мануфактуристу.

* * *

В Париже, ввиду особенностей его исторического развития, мелкое ремесленное производство сохраняло большую устойчивость, чем во многих других промышленных районах Франции. Вместе с тем и здесь неуклонно развивалась крупная промышленность.

В 1860 г. население Парижа составляло 1 696 141 человек[45], в том числе 416 811 рабочих, занятых в частных и государственных предприятиях[46]. К середине 60-х годов численность парижского населения, по данным переписи 1866 г., достигла 1 825 300 человек[47]. Другие данные той же переписи позволяют сделать также некоторые выводы о сдвигах, происшедших за первую половину 60-х годов в промышленности Парижа и в составе его рабочего населения.

Материалы обследования значительной части парижских предприятий, опубликованные в 1860 г. парижской торговой палатой, рисуют картину распределения парижских рабочих

[44] См. В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 184.

[45] M. B ! o c k. Op. cit, t. II, p. 439.

[46] «Statisfique de !'industr:e a, Paris, resultant de l'enquete faite par la chambre de commerce pour l'annee 1860». Paris, 1864. Introduction, p. XXXI.

[47] CM. D. H. Pinkney. Migration to Paris during the Second empire. «Journal of modern history», march 1953, p. I.

по различным отраслям промышленности, а также указывают на число предприятий в каждой отрасли промышленности и на стоимость ее продукции.

Отрасли промышленности	Число предприятий	Число рабочих	Стоимость продукции, млн. фр.
Производство готового платья	23 800	78 377	455
Строительная	5 378	71242	315
Пищевая	29 069	38 859	1088
Мебельно-декоративная	7 391	37 951	200
Металлургическая, металлообрабатывающая	3 440	28 866	164
Производство пряжи, тканей	2 836	26 810	120
Производство „парижских изделий"	5 140	25 698	128
Полиграфическая, писчебумажная	2 759	19 507	94
Ювелирное производство	3199	18 731'	183
Производство военного снаряжения, каретное, шорное производство	1738	18 584	94
Химическая, керамическая	2 719	14 397	194
Точная механика, музыкальные инструменты, часовое производство	2 247	11 828	66
Кожевенное производство	685	6 597	101
Деревообделочное производство	1368	4 390	27
Прочие	9 402	14 974	141
Общее число	101 171*	416 811**	3 369*

* „Statistlque de ''industrie a Paris... pour l'annee 18 Introduction, p XXI.
«• Ibid., p. 5. Tableau general.
«** Ibid., Introduction, p. XXI.

Как видим, в 1860 г. наибольшее число рабочих Парижа было занято в производстве готового платья (около 20%), в пищевой (свыше 9%), в мебельно-декоративной (около 9%) отраслях промышленности, в производстве «парижских изделий» (около 8%) и в ряде других отраслей производства, слабо затронутых машинизацией; 17,09% рабочих было занято в строительной промышленности.

В большинстве отраслей парижской промышленности, за исключением металлургической, кожевенной, строительной, военной, численно преобладали мелкие предприятия с одним рабочим или без наемного труда. Это показывают следующие данные о соотношении предприятий различных категорий:

Отрасли промышленности	Предприятия с числом рабочих выше 10	Предприятия с числом рабочих от 2 до 10	Предприятия с одним рабочим и без наемного труда	Всего предприятий
Пишевая	360	6841	21 912	29 069
Строительная	1121	2769	1488	5378
Мебельно-декоративная	727	3006	3658	7391
Производство готового платья	1666	6703	15 431	23 800
Текстильная (ткани, пряжа)	520	896	1420	2836
Металлургическая, металлообрабатывающая	495	1481	1464	3440
Ювелирное производство	454	1362	1383	3199
Химическая, керамическая	304	1043	1372	2719-
Полиграфическая, писчебумажная	372	1020	1367	275»
Точная механика, музыкальные инструменты, часовое производство	230	699	1318	2247
Кожевенная	135	324	226	685
Производство военного снаряжения, каретное и шорное производство	263	986	489	1738
Деревообделочное производство	82	528	758	1368
Производство „парижских изделий"	598	1972	2570	5140
Прочие	209	1850	7343	9402
Всего	7492	31 480	62 199	101171*

* „Statistique de l'industrie a Paris... pour Гагшёе 1860", в. 4.

Приведенная таблица указывает на преобладание в Пари же в 1860 г. мелких предприятий; она вместе с тем свидетельствует о наличии в парижской промышленности 31 480 предприятий с количеством рабочих от 2 до 10 и 7492 предприятий с количеством рабочих больше 10. Среди последних имелись, как увидим, настоящие крупные предприятия, часть которых насчитывала сотни и тысячи рабочих.

В течение 60-х годов число крупных предприятий в Париже все возрастало; мелкие же и отчасти средние предприятия, сохранявшие самостоятельность ко времени переписи 1860 г., разорились в результате дальнейшего обострения капиталистической конкуренции. На это указывают, в частности, следующие данные: в 1860 г. на одно парижское предприятие приходилось в среднем около 4 рабочих[48], в середине 60-х годов — около 8 рабочих[49]. К концу 60-х годов общее число рабочих Парижа еще более увеличилось, составив не менее 550 тыс. человек[50] (в 1866 г.—442 310 человек). Число же предпринимателей сократилось до 39 тыс. (в 1866 г.—65 978).

Крупные предприятия в Париже, как и во всей Франции, были двоякого типа.-Согласно свидетельству, относящемуся к первой половине 60-х годов, в производстве готового платья «предприниматель, у которого ежегодный оборот составлял 8255 тыс. франков и у которого были заняты 4 тыс. рабочих, держал у себя в мастерской только 100 рабочих. Остальные были рассеяны по городу»[51]. Примером крупного парижского предприятия такого типа могут служить конфекционное заведение фирмы Бессо, в котором в 1865 г. работало 2 тыс. рабочих, аналогичное заведение Дюсотуа с 3300 рабочих[52]. Ряд процессов производства готового платья был механизирован. На это, в частности, указывает то обстоятельство, что несмотря на увеличение размеров производства в данной отрасли промышленности и валовой стоимости ее продукции в 50-х годах, число занятых в ней рабочих было в 1860 г. на 11 727 человек меньше, чем в 1847 г.[53] В 60-х годах число рабочих, занятых в производстве готового платья, еще более сократилось.

Другой тип крупных парижских предприятий представляли те из них, в которых рабочие были сосредоточены в одном или в нескольких помещениях. К такому типу принадлежало, например, машиностроительное предприятие фирмы «Ж--Ф. Кэль (Cail) и К°», в трех отделениях которого было занято около 2 тыс. рабочих[54]; машиностроительные заводы фирмы Де Косте и фирмы Гуэн; оружейный завод Лефоше, аналогичное предприятие с 2 тыс. рабочих, принадлежавшее депутату Законодательного корпуса Жевло[55], цинкоплавильный завод Удри, фабрика Тюке, производившая металлические кровати, пружинные матрацы и т. д., фабрика Рибайе с 600 рабочих,

[48] В 1860 г., как видно из таблицы на стр. 27, в 101 171 предприятии Парижа было занято 416 811 рабочих. Это и дает в среднем около 4 рабочих на предприятие.

[49] По данным переписи 1866 г. на 57 028 промышленных предприятий приходилось 442 310 рабочих.

[50] Эта цифра заимствована нами из данных переписи 1872 г. Надо полагать, что в конце 60-х годов, до франко-прусской войны и кровавого подавления Парижской Коммуны, число рабочих Парижа было, во всяком случае, не меньшим, чем в 1872 г.

[51] A. Cochin. Paris. Sa population, son Industrie. Memoire lu a l'Academie des sciences morales et politiques le 18 juin 1864 Paris 1864 p 64

[52] Q. Duveau. Op. cit., p. 211.

[53] См. таблицу,— Duveau. Op. cit, p. 210.

[54] J. Turgan. Op. cit., t. II. Paris, 1869, p. 18—20

[30] J. Turgan. Op. cit., t. VIII, p. 209.

на которой изготовлялась массивная деревянная мебель[56], ювелирное предприятие фирмы Кристофль, занимавшее около 1400 рабочих[57], предприятие по строительству омнибусов с 500 рабочих[58], химические предприятия, газовый завод, обеспечивавший освещение и отопление столицы[59], типография П. Дюпона с филиалом в предместье Парижа Клиши, на которой было занято 650 рабочих[60], обойная фабрика Леруа с 310 рабочими, центральная хлебопекарня Парижа, на которой было занято 100 рабочих[61], и многие другие крупные предприятия.

О степени механизации парижской промышленности мы можем судить лишь по числу зарегистрированных в Париже в начале 60-х годов паровых машин. В 1850 г. их было зарегистрировано 1189[62], в 1861 г.— 1800[63].

В январе 1860 г. к территории Парижа были присоединены прилегавшие к нему административные коммуны департамента Сена, изобиловавшие промышленными предприятиями. . Множество предприятий в этих коммунах, превращенных в новые районы (округа) столицы[64], объяснялось, в частности, тем, что здесь, в преддверии обширного рынка, каким являлся Париж с его почти двухмиллионным населением, цены на землю, налог на недвижимое имущество, а также налог октруа, взимавшийся с ввозимых продовольственных продуктов, были намного ниже, чем в Париже[65]. Население присоединенных к Парижу коммун составляло 234 тыс. человек.

Два новых округа Парижа, Гренелль и Вожирар, являлись средоточием металлургической промышленности департамента Сена. В Гренелле было расположено наиболее крупное из трех предприятий фирмы Кэль, насчитывавшее 1000—1200 рабочих. Здесь имелись железоделательные, медеплавильные, прокатные котлостроительные и другие предприятия. Первостепенное промышленное значение имел новый район Парижа Лавил-1ет Важный речной порт, ежегодный грузооборот которсго превышал миллион тонн, Лавиллет располагал, кроме того, множеством промышленных предприятий: металлургическими, вагоностроительными, стекольными, сахароваренными, пивоваренными, винокуренными, парфюмерными, спичечными, газовым и др. Его население к началу 60-х годов (в 1859 г.) составляло 30 тыс. человек, в том числе 9453 рабочих[66]. Большое число важных промышленных предприятий было сосредоточено в Монмартре, Бельвилле, Менильмонтане, Пюто, Иври, Пасси и в других новых округах.

Во вновь присоединенных промышленных районах Парижа фабрично-заводский пролетариат составлял гораздо большую часть рабочего населения, чем на территории прежнего Парижа. Однако и в этих районах он численно уступал ремесленному пролетариату, занятому в мелких мастерских. В 60-х годах число таких мастерских в бывших предместьях Парижа даже увеличилось, так как в связи с обострением капиталистической конкуренции владельцы мелких предприятий были вынуждены сокращать расходы на их содержание и для этого переводили их из центра на окраины. Современный французский исследователь состава и движения парижского населения в XIX в. Л. Шевалье резонно замечает по этому поводу: «Обычно считают, будто после 1860 г. в предместья переводились только крупные предприятия. Наряду с некоторыми крупными, туда в гораздо большем количестве переводились средние и мелкие предприятия, значительно сильнее задетые новыми таможенными условиями[67], чем крупные»[68].

Развитие капитализма во Франции в 50—60-х годах выразилось и в росте французской внешней торговли, в чрезвычайном расширении ввоза и вывоза. Обороты «общей торговли»[69] Второй империи в 1869 г. составляли 8003 млн. франков против

[56] J. Tu-rgan. Op. cit., t. V, p. 195.
[57] J. Turgan. Op. cit., t. I, p. 318.
[58] J. Turgan. Op. cit., t. Ill, p. 55.
[59] Ibid., p. 200 и след.
[60] J. Turgan. Op. cit., t. IV, p. 316.
[61] J. Turgan. Op. cit., t. Ill, p. 110.
[62] «Statistique de l'industrie a Pan's... pour Гаппёе i860». Introduction,, p. XLIV.
[63] A. Cochin. Op. cit., p. 23.
[64] До января 1860 г. Париж делился на 12 округов, с января I860 г.— на 20 округов. В результате присоединения к столице соседних административных коммун общая территория Парижа более чем удвоилась. Присоединенная территория составляла 4400 гектаров и превышала площадь прежнего Парижа на 998 гектаров. См. донесение префекта деп. Сена, датированное июлем 1868 г., в «Annuaire de l'economie politique et de la statistique». Paris, 1868, p. 53.
[65] Ch. La vol lee. Statistique industrielle de Paris. «Revue des deux mondes», 15 fevrier 1865, t. 55, p. 1036.
[66] L. Chevalier. La formation de la population parisienne au XIX siecle. Paris, 1950, p. 126.
[67] Имеется в виду снижение пошлин на товары, ввозимые во Францию, согласно торговым договорам, заключенным правительством Второй империи в начале 60-х годов с Англией и другими европейскими государствами. См. стр. 32.
[68] L. Chevalier. Op. cit., p. 77.
[69] «Общая торговля» (commerce generale) охватывает все виды импорта товаров, предназначающихся как для внутреннего потребления, так и для дальнейшего вывоза их из Франции (реэкспорта). «Общая торговля» охватывает все виды экспорта товаров — французского и иностранного производства.

2615 млн. в 1851 г. Обороты «специальной торговли»[70] Франции в 1869 г. составляли 6228 млн. франков против 1923 млн. в 1851 г.[71] Росту французской внешней торговли в 60-х годах в значительной мере способствовали торговый договор, заключенный правительством Наполеона III с Англией 23 января 1860 г[72], как и последовавшие за ним в 1861—1866 гг. торговые договоры между Францией и рядом других европейских стран: Бельгией (1861)[73], Германским таможенным союзом (1862)[74], Италией (1863), Швейцарией (1864), Швецией и Норвегией (1865), Испанией (1865), Голландией (1865), Австрией (1866), Португалией (1866)[75]. Все перечисленные торговые договоры были заключены сроком на десять лет.

Торговля с Англией занимала первое место во французской внешней торговле. Стоимость английского ввоза во Францию и вывоза из нее составляла в 1869 г. 1453 млн. франков против 192 млн. в 1846 г.[76] По условиям договора I860 г. Англия обязалась отменить ввозные пошлины на 42 предмета производства, в том числе на главные предметы французского экспорта — шелка, вина, готовое платье, «парижские изделия», высокосортные шерстяные ткани, обои. В 60-х годах, после заключения англо-французского торгового договора, превышение французского экспорта в Англию над импортом английских товаров во Францию составляло в денежном выражении[77]:

в 1861 г.	18 млн. фр.	в 1866 г. . . .	503 млн. фр.
1862 г.	92 . .	„ 1867 г. . . .	345
1863 г.	207 ш .	„ 1868 г. . . .	299 " '
1864 г.	gj - .	. 1869 г. . . .	354 I I
1865 г.			

Рост вывоза шелка и вина в Англию в 60-х годах в значительной мере компенсировал сокращение вывоза этих двух предметов французского экспорта в США[78], в связи с происходившей там гражданской войной.

Другие страны, с которыми Франция в 60-х годах заключила торговые договоры, также значительно снизили пошлины на' ввозимые в них французские товары. Так, например, пошлины на французские вина были снижены Бельгией с 35 до 23 "франков с гектолитра, Швецией с 47 до 23 франков, Германским таможенным союзом с 45 до 30 франков[79]. Главными центрами экспорта французских вин были Бордо, Нант, шелка — Лион, готовых изделий и предметов роскоши — Париж, набивного ситца и обоев — Эльзас.

Со своей стороны Франция открыла свой внутренний рынок для иностранной (главным образом, английской, а также бельгийской, шведской, германской) текстильной, металлургической, каменноугольной промышленности. Согласно договору 1860 г. с Англией, правительство Наполеона III полностью отменило запретительную систему в отношении английских товаров и снизило пошлины на предметы английского ввоза. Пошлины на чугун, железо, сталь и другие металлы, уголь, кокс, машины, инструменты, металлические, шерстяные, хлопчатобумажные, кожаные, ножевые изделия, рафинад, продукты химического производства, рессорные экипажи, морские суда и многие другие предметы были снижены до 30%, а с 1 октября 1864 г.— до 25% стоимости этих товаров[80]. Торговый договор 1860 г., как увидим в дальнейшем, вызвал сильное недовольство влиятельных кругов французской крупной буржуазии.

Обороты внутренней торговли Франции по меньшей мере удвоились за годы Второй империи[81]. В области торговли так же, как и в промышленности, чрезвычайно усилилась концентрация. В 50—60-х годах в Париже появились крупнейшие универсальные магазины: «Бон Марше» (1852), «Лувр» (1855), «Бель Жардиньер» (1856), «Прентан» (1865), «Самаритэн» (1869). Крупные торговые предприятия, принесшие разорение мелким и средним лавочникам, появились и в провинции.

[70] «Специальная торговля» (commerce special) охватывает импорт товаров, предназначающихся только для внутреннего потребления, и экспорт товаров исключительно французского производства.

[71] E. Levasseur. Histoire des classes ouvrieres..., t. II, p. 493.

[72] Договор был дополнен добавочными статьями от 25 февраля и 27 июня 1860 г., затем конвенциями от 12 октября и 16 ноября 1860 г. Он вступил в силу в октябре 1861 г.

[73] Дополнительная конвенция с Бельгией была заключена 12 мая 1863 г.

[74] Ратифицирован только в 1865 г.

[75] E. Levasseur. Histoire du commerce de la France, part 2. Paris, 1912, p. 297—299; A. Lefèvre. Op. cit., p. 19.

[76] E. Levasseur. Histoire du commerce de la France, part 2, p. 779. По данным О. Ноэля, «общая торговля» с Англией составляла в 1869 г. 1820,7 млн. франков. См. O. Noel. Histoire du commerce exterieur de la France. Paris, 1879, p. 366.

[77] CM. «Discussion du projet relatif a la denonciation du traite de commerce de 1860 a l'Assamblee nationale». Seance du I fevr. 1872. Discours de M. Wolowski, depute de la Seine, p. 14.

[78] Экспорт шелка из Франции в США сократился с 938 761 кг в 1859 г. до 351 283 кг в 1868 г. Экспорт вина —с 22 299 252 л в 1859 г. до 15 394 789 л в 1869 г. См. «La politique commerciale de la France ou le traite de 1860 avec l'Angleterre». Trad, de l'anglais par K, B. Murray. Pans, 1872. p. 13.

[79] O. Noel. Op. cit., p. 214, 215, 218.

[80] «Traite de commerce entre la France et la Grande Bretagne». In: «Nouveau recueil general de traites. Continuation du Grand recueil de G. F. Martins», t. XVI, part 2. Gottingue, 1860, p. 545—556); A.-L. Dunham. The anglo-french treaty of commerce of I860 and the progress of the industrial revolution in France. University of Michigan Press, 1930.

[81] E. Levasseur. Histoire du commerce de la France, part. 2, p. 284

Годы Второй империи были временем господства интересов финансовой аристократии, главным образом новой ее группы, соперничавшей со старыми банкирскими домами периода Июльской монархии[82]. Господство биржевиков не могло не оказать отрицательного влияния на развитие промышленного переворота во Франции. «Избыток капитала», не находивший применения внутри страны, вырос за годы Второй империи на 8 млрд. франков: в 1850 г. он составлял около 2 млрд. франков[83], в 1869 г.— 10 млрд.[84] Он был употреблен не на дальнейшее развитие промышленности, в которой мелкое производство сохраняло значительный удельный вес, не на развитие отстававшего *от* промышленности сельского хозяйства. Он вывозился за границу, в менее развитые страны Европы, частично в колонии, чтобы доставлять сверхприбыль крупной, банковской и промышленной буржуазии. Он ссужался в виде государственных займов либо вкладывался в промышленное, а главным образом в железнодорожное строительство этих стран.

Биржевой ажиотаж принял в годы Второй империи колоссальные размеры. Операции парижской биржи за 18 лет существования бонапартистского режима утроились: в 1851 г. на ней котировались 118 разновидностей ценных бумаг на сумму в 11 млрд. франков; в 1869 г.— 307 видов бумаг на сумму в 33 млрд. франков[85]. Сфера спекулятивной деятельности парижской биржи чрезвычайно расширилась. Парижская биржа превратилась в денежный рынок европейского масштаба, успешно конкурировавший с английским. В 1868 г. 14 правительств получили займы у французских биржевиков на сумму в 2127 млн. франков[86]. Иностранные ценные бумаги составляли, в 1869 г. около одной трети французского портфеля[87].

Курсы ценных бумаг, особенно в 1852—1856 гг., по выражению одного из биржевых маклеров Второй империи, «не повышались, а подскакивали вверх»[88], способствуя огромному обогащению банковской олигархии, крупной промышленной и торговой буржуазии. «Биржевая спекуляция не знала границ»,— откровенно сообщал о первых годах империи буржуазный экономический орган «Journal des economistes»[89]. Надувательство и мошенничество были обычными способами приобретения огромных состояний. «По крайней мере треть командитных обществ, возникших в первые годы империи, была основана бесчестными и неплатежеспособными лицами»,—признает буржуазный экономист Лескер[90]. Дутые акционерные общества, безнаказанно размещавшие свои акции среди одураченного ими населения, обиравшие многочисленных держателей ценных бумаг, главным образом из среды мелкой буржуазии городов и крестьян-середняков в деревнях, возникали в изобилии и в последующие годы господства Наполеона III. «Вся мерзость капиталистического строя, внутренним тенденциям которого был дан полный простор, прорвалась наружу с необузданной силой»,— писал Маркс, указывая на оргии биржевой спекуляции периода Второй империи[91].

Более чем в пять раз (с 1592 млн. франков в 1851 г. до 8325 млн. в 1869 г.) выросли операции Французского банка, крупнейшего кредитного учреждения страны, пользовавшегося со времени декрета от 25 марта 1848 г. монопольным правом выпуска банковых билетов с принудительным курсом на всей территории Франции. Золотая наличность банка увеличилась за этот период с 83 млн. франков до 697 млн. Число его филиалов возросло с 30 в 1852 г. до 61 в 1869 г. «Французский банк,— по выражению буржуазного экономиста Дюпон-Феррье,— превратился в официального банкира государственной казны»[92]. Он, кроме того, субсидировал железнодорожное и промышленное строительство.

В огромных размерах выросли также операции ряда других кредитных учреждений, созданных в годы Второй империи. «Общество поземельного кредита» (Credit fonder), основанное в феврале 1852 г., обеспечивало своим акционерам, главным образом крупным финансистам, колоссальные ростовщические барыши. Это общество, назначение которого формально состояло в том, чтобы финансировать сельское хозяйство Франции путем предоставления ссуд под ипотеки и без ипотечного обеспечения, на деле выкачивало крупные суммы из деревень, в города, где эти суммы в значительной своей части предостав

[82] См. Fr. Engels a Laura Lafargue. Lnndres, 8 octobre 1889. «La Pensee», mai —juin 1955, № 61, p. 22.

[83] E. Cameron. L'exportation des capitaux francais 1850—1880. «Revue d'histoire economique et sociale», 1955, № 3, p. 347.

[84] См. В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22, стр. 230.

[85] P. Dupont-Ferrier. Le marche financier de Paris sous le Second empire. Paris 1925, p. 163.

[86] Ibid., p. 13. Эти сведения заимствованы автором цитируемого труда из французского финансового органа «La Semaine financiere» от 23 января 1869 г.

[87] Ibid., p. 210.

[88] Feydeau. Memoires d'un coulissier. Paris, 1873, p. 188. Цит. по книге P. Dupont-Ferrier. Op. cit, p. 211.

[89] «Journal des economistes», Janvier 1868, p. 144 Revue financiere

" C. Lescoeur. Essai historique et critique sur la legislation des societes commerciales en France et a l'etranger. Paris, 1877 p 68-69 Пит no P. Dupont-Ferrier. Op. cit., p. 16. *V* , . Цт

, " К. Маркс. Второй набросок «Гражданской войны во Франции» «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр 421 франции»,

P. Dupont-Ferrier. Op. cit,, p. 53.

лились в распоряжение городских застройщиков — капиталистов.

Особенно важную роль в хозяйственной и политической жизни империи играло одно из крупнейших кредитных учреждений Франции, «Генеральное общество движимого кредита» (Societe generale de Credit mobilier), основанное в ноябре 1852 г. финансистами братьями Перейра при содействии и покровительстве Наполеона ИГ. На протяжении 50-х и первой половины 60-х годов, вплоть до 1867 г., когда «Общество движимого кредита» потерпело крах, оно субсидировало промышленные и транспортные предприятия как во Франции, так и в ряде зарубежных государств. «Операции «Движимого кредита»,— сообщает французский экономист А. Лефевр,— на первых порах состояли в предоставлении займов (1200 млн. франков менее чем за четыре года) Южной, Восточной, Центральной железным дорогам, а также займов правительству для финансирования Крымской, Итальянской и Мексиканской войн, затем займов для создания пароходной компании, принявшей вскоре название «Компании трансатлантических пассажирских пароходов», для создания «Компании недвижимого имущества», предпринявшей перестройку и украшение Парижа,... «Компании парижских омнибусов» и, наконец, для объединения газовых компаний Парижа. Эти операции сочетались с операциями по выкупу казной австрийских железных дорог (300 млн. франков), по постройке железных дорог в России и в Северной Испании, по созданию аналогичного общества в Нидерландах, в Италии, банка в Турции»[93]. В составе совета «Движимого кредита» находились крупнейшие банкиры, промышленники и видные сановники Второй империи.

Маркс в конце 1856 г. разоблачал грандиозные железнодорожные спекуляции, предпринятые «Обществом движимого кредита» в России совместно с другими руководящими банкирскими домами Европы[94]. «Общество движимого кредита», наряду с «Обществом земельного кредита», выкачивало также огромные суммы из деревень. «То, что называлось наполеоновской демократизацией кредита,— писал Маркс в 1856 г.,— было на деле лишь повсеместным распространением биржевой игры». Спекулятивные предприятия,— указывал далее Маркс,— «довели биржу до крестьянского двора, извлекли и:; него частные сбережения крестьян и унесли к себе мелкие капиталы, раньше вкладывавшиеся в улучшение сельского хозяйства»[95].

N h^L K^ie M^Vre - 0P - Cit, P - 2425 -

Ф. Энгелс. Л Со l^c - X1; Г1 Ттр^к б И^13ИС Во Фрадщм - К Ма Р^к

Там же, стр. ч69.

Крупнейшими кредитными учреждениями, созданными или неорганизованными в годы Второй империи, были также «Лионский кредит» (Credit lyonnais), основанный в 1863 г., «Национальная учетная контора» (Comptoir national d'escompte), основанная в 1848 г. и реорганизованная в 1854 г., «Генеральное общество для развития торговли и промышленности во Франции» (Societe generale pour le developpement du commerse ei de l'industrie en France) и «Марсельское общество промышленного кредита и сбережений» (Societe marseillaise de credit industriel et de depots), основанные в 1864 г. Эти кредитные учреждения располагали в 1870 г. 64 отделениями и кассами (17 в Париже и 47 в провинции). Их оборотный капитал, собственный и чужой, составлял 627 млн. франков[96]. В конце 60-х годов они держали в своих руках основные экономические нити страны.

В период Второй империи, особенно в 60-х годах, установилась значительно более тесная, чем в предшествующие десятилетия, связь между крупнейшими французскими банками и промышленностью. Не ограничиваясь эмиссионными операциями, банки во многих случаях непосредственно участвовали в создании и упрочении крупных промышленных и транспортных предприятий.

Почти все железнодорожные линии Франции были уже в 1857 г. сосредоточены в руках шести крупных акционерных компаний, вытеснивших около сорока более мелких железнодорожных обществ[97]. При покровительстве бонапартистского правительства они эксплуатировали 16 071 км рельсового пути, между тем как на долю уцелевших железнодорожных обществ приходилось только 1011 км[98].

В одном из писем конца 70-х годов к Н. Ф. Даниельсону Маркс отметил эту особенность французского капитализма периода Второй империи: «Система, введенная во Франции Луи-Филиппом и заключавшаяся в передаче железных дорог небольшой шайке финансовых аристократов, в обеспечении им долгосрочного владения и в гарантировании им прибылей из народного кармана и пр. и пр., достигла наиболее полного расцвета при Луи Бонапарте, правление которого в значительной мере покоилось на торговле железнодорожными концессиями, причем он был так щедр, что даже отдал в дар некоторым из железнодорожных компаний каналы и т. п.» ".

См. В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма -оч, т. 22, стр. 202.

(• .р- Duchene. L'empire industriel. Histoire critique des concessions unancieres et industrielles. Paris, 1869, p. 9—10.

99 М- Block. Op. cit., t. II, p. 323.

де п т 0 „ Переiска К- Ма Р Кса и ф- Энгельса с русскими политическими ятелями». Гоополитиздат, 1951, стр. 104.

Огромному обогащению банковской олигархии и связанной с ней крупной промышленной и торговой буржуазии, а также крупных землевладельцев способствовали государственные займы, субсидии, концессии, предоставлявшиеся им правительством Второй империи, авантюристические колониальные экспедиции и грабительские войны, предпринимавшиеся в их корыстных интересах. Наполеон III «подчинил политику интересам капиталистической наживы и биржевого шантажа» [100]. Государственный долг Франции за годы Второй империи чрезвычайно вырос. На 1 января 1852 г. он составлял 5516 млн. франков, на 1 января 1871 г. 12 454 млн. франков [101]. Маркс справедливо указывал в 1871 г., что «Вторая империя увеличила государственный долг больше чем вдвое...» [102]. Сумма выплачиваемых процентов по государственному долгу с 239 млн. франков увеличилась за этот период до 386 млн. [103]

К концу 60-х годов горстка крупнейших финансистов и промышленников сосредоточила в своих руках важнейшие промышленные, транспортные и банковские предприятия страны. Прудонист Жорж Дюшен писал в 1869 г.: «Банки, кредитные общества, пароходы, железные дороги, крупные металлургические и газовые заводы, все сколько-нибудь значительные общества сосредоточены в руках 183 лиц. Эти 183 лица полностью владеют огромными капиталами, которыми они управляют. Капиталы эти представляют в акциях и облигациях более 20 млрд. франков» [104].

2

Развитие капиталистической индустриализации Франции, рост крупного фабричного производства внесли изменения в состав французского рабочего класса. В годы Второй империи в промышленных центрах Франции, наряду с ремесленным и мануфактурным пролетариатом, составлявшим преобладающую часть французских рабочих, множились кадры индустриального пролетариата. Его ряды пополнялись разорявшимися мелкими парцеллярными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими, бегство которых в города резко усилилось в 50—60-х годах. Индустриальный пролетариат сосредоточивался преимущественно в металлургической, металлообрабатывающей, добывающей, текстильной, химической отраслях крупной

100 Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 459.

101 «Statesman's Year-Book». London, 1904, p. 595.

102 К. Маркс. Гражданская война во Франции. Текст первого издания. «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 19.

103 «Statesman's Year-Book», p. 595.

104 G. Duchene. Op. cit., p. 52.

промышленности. В Париже фабрично-заводские рабочие, занятые в крупной промышленности, насчитывали в конце 60-х годов лишь около 50 тыс. человек, т. е. составляли всего 10% парижского пролетариата. Многие из них только недавно прибыли из деревни, часть продолжала сохранять связь с деревней. Среди фабрично-заводского пролетариата Парижа были и разорившиеся ремесленники и рабочие, которые еще з недавнем прошлом работали в мастерских ремесленного типа.

Говоря о составе парижского пролетариата в годы Второй империи, следует также учесть многочисленные кадры строительных рабочих, происходивших из крестьян. Они составляли в 1860 г. 17,09%, а в 1866 г. 19,92% общего числа парижских рабочих [105]. Их было свыше 80 тыс. человек. Наконец, в Париже, являвшемся крупнейшим железнодорожным узлом, имелось несколько менее 10 тыс. железнодорожных рабочих [106].

Положение рабочего класса Франции в 50—60-х годах в целом ухудшилось. К такому заключению приводят данные об условиях труда и существования французского пролетариата в этот период. Данные эти, правда, неполны и во многих случаях только приблизительны. Они не позволяют с точностью установить для изучаемых нами десятилетий движение заработной платы и других показателей материального положения рабочих различных профессий и категорий. Однако общие тенденции этого движения вырисовываются и при изучении существующего статистического материала.

В буржуазной экономической и исторической литературе установилось мнение, будто в годы Второй империи во Франции имело место общее повышение номинальной заработной платы для всех категорий рабочих. Буржуазные экономисты и историки обычно основывают свои утверждения на сопоставлении свидетельств двух французских экономистов, Л. Вилерме и Л. Рейбо, относительно заработной платы рабочих хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых мануфактур севера Франции в 1840 г. (Вилерме) [107] и в 50—60-х годах (Рейбо) [108]. Они ссылаются также на статистические данные, опубликованные в 1853 и 1871 гг. французским министерством торговли на основании сведений, представленных мэрами, на данные парижской торговой палаты за 1847, 1860 и 1872 гг., на материалы парламентской анкеты 1872 г. об условиях труда во Франции.

105 L. Chevalier. Op. cit, p. 111.

106 «Paris-Guide», II partie, 1867, p. 1666—1667.

107 L. Villerme. Tableau de l'etat physique et moral des ouvriers employes dans les manufactures de coton, de laine et de soie. Paris 1840

108 L. Reybaud. Le coton. Paris, 1863; L. Reybaud. La laine.'Paris, 1867; L. Reybaud. Essai sur la condition morale, intellectuelle et matenede des ouvriers qui vivent de Findustrie de soie. Paris, 1860.

В соответствии с установившейся в буржуазной историографии точкой зрения, уже упомянутый нами современный французский экономист Л. Шевалье пишет: «Третья четверть XIX в. характеризуется общим повышением заработной платы в целом по всей Франции. Повышение происходило непрерывно между 1850 и 1860 гг.; в 1860—1870 гг. положение стабилизировалось на высоком уровне возросшей заработной платы» [109].

В действительности номинальная заработная плата в годы Второй империи повысилась не у всех французских рабочих. Распространение машинного производства в таких отраслях французской промышленности, которые в предшествующие десятилетия служили — полностью или частично — прибежищем ручного труда, привело, напротив, к снижению заработной платы ряда категорий квалифицированных рабочих, занятых в этих отраслях производства. В ряде других случаев заработная плата оставалась на прежнем уровне.

Делегаты парижских рабочих на Всемирной выставке 1867 г. в своих отчетах жаловались на то, что «машины, являющиеся элементом прогресса, становятся для рабочих причиной нищеты» [110], приводят к снижению заработной платы и к росту безработицы. На это же 'указывали делегаты рабочих Лиона. Применение паровых двигателей в промышленности и развитие транспорта, заявляли они, «послужили на пользу только обладателям капитала, широко использовавшим эти крупные нововведения». Что касается рабочих , в том числе высококвалифицированных, то «у них не остается уверенности даже в том, что своим трудом они смогут удовлетворить свои самые насущные жизненные потребности», ибо «введение разделения труда в мануфактурах и в мастерских приводит к самым пагубным последствиям, выражающимся прежде всего в снижении заработной платы» [111].

Русский революционный демократ Н. В. Шелгунов писал в ноябре 1861 г. в своей известной статье в «Современнике» о положении французских рабочих: «Положение рабочих во Франции представляет такие же печальные факты, как и в Англии. Фабрики и мануфактуры растут во Франции все более и более, но рабочему от этого не делается лучше... Вся система осталась прежней, и зло в целом его объеме не только не уменьшилось, но постоянно увеличивается. Фабрики и мануфактуры, с их механическими двигателями и машинами, разорвали все прежние социальные отношения рабочих и к хозяевам и между рабочими. Прежние патроны и мастера или обанкрутились, или пошли в рабочие, или сделались управляющими на фабриках. Что же касается собственно рабочих, то их втиснули огромными массами в огромные фабрики и поставили в то же положение пролетариата, в которое Англия поставила своих рабочих» [112].

Рабочие делегаты Парижа на Всемирной выставке 1862 г. указывали на рост капиталистической эксплуатации как на причину снижения номинальной заработной платы. Парижские перчаточники, например, объясняли снижение их дневного заработка (в 1832 г.—4 фр. 50 с, в 1836 г.—4 фр. 35 с, в 1840 г.— 4 фр., после 1848 г.— 3 фр. 25 с— 3 фр. 50 с.) тем, что хотя поштучная оплата их труда увеличилась, сложность, фасона, также выросшая, требовала более продолжительного труда, вследствие чего дневная выработка рабочего снизилась [113].

Парижские кожевники (дубильщики, сафьянщики и др.) со своей стороны жаловались на то, что хозяева не соблюдают установленного тарифа заработной платы. Пользуясь тем, что рабочие не объединены в профессиональную корпорацию, предприниматели снижают расценки на различные виды труда [114]. На это же жаловались парижские сапожники. «Большинство наших рабочих,— заявляли они, зарабатывают от 2 фр. 50 с. до 3 франков в день... Мы работаем изолированно, не объединены и поэтому не можем отстоять нашу заработную плату, которую многие фабриканты не стесняются снижать, когда наступает мертвый сезон» [115].

Делегаты парижских каретников [116], шорников [117], механиков [118], граверов обойного производства [119], мастеров производства гребенок [120], столяров, изготовляющих стулья и кресла [121], мастеров, производящих оптические инструменты [122], литейщиков печатного производства (fondeurs-typographes) [123], позу-

'» E 4 ? h F V i a h i e r " 0 p - c i t " P - 92 -
25 ans. Paris, 1872 D U r 4 g R L n e a / a U P J . r i S 1 I l e p a r i s i e n - S e s Proeres denuis образом содержащийся в *пей поНУ* т м * - H a M И использован главным
. , ' «Exposition univmeile t f i T " a T e P " т м - d e r e g U e s 'У 0 т м 2 *
publ.es par la delegation» Lyon 1868 p 20 T1

[112] Н. В. Шелгунов. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции. «Современник», 1861, т. 90, стр. 205 (Соч., т. 2. СПб. 1891, стр. 62).

[113] «Exposition unicerselle de Londres. 1862. Commission ouvriere. Rapports des delegues des ouvriers parisiens». Paris, 1862—1864, p. 130.

[114] Ibid., p. 26.

[115] Ibid., p. 54, 56.

[116] Ibid., p. 64—65.

[117] Ibid, p. 167.

[118] Ibid., p. 195—196.

[119] Ibid., p. 442.

[120] Ibid., p. 469.

[121] Ibid., p. 519.

[122] Ibid., p. 713.

[123] Ibid., p. 728.

ментщиков [ш], мастеров, изготовляющих музыкальные инструменты [125], котельщиков [128] и рабочих других специальностей указывали на снижение их дневного заработка. У рабочих некоторых профессий, например у ткачей и у разрисовщиков шалей [ш], у печатников обойного производства [128] и т. д., согласно заявлениям их делегатов, дневной заработок оставался на прежнем уровне. Снижение дневного заработка рабочего в годы Второй империи — явление, имевшее место не только в Париже и Лионе, а во всей Франции [129].

Но и те рабочие, у которых номинальная заработная плата повысилась в 50—60-х годах, в большинстве случаев не получали ее сполна. Существовал целый ряд скрытых форм ее снижения, к которым, как правило, прибегали предприниматели.

Следует учесть многочисленные денежные штрафы, налагавшиеся на рабочих под всевозможными предлогами. Они представляли собой, по определению Маркса, «прием, в котором работодатель сочетает в своем лице законодательную, судебную и исполнительную функции и крадет у рабочих деньги» [130]. Число разновидностей денежных штрафов — как об этом свидетельствуют, в частности, правила внутреннего распорядка, применявшиеся в одной из руанских мануфактур,— доходило до 29, а их размеры колебались от 10 сантимов до дневного заработка рабочего [131].

Скрытой формой снижения номинальной заработной платы являлась также принудительная оплата труда (полностью или частично) натурой, т. е. товарами; наценка на них, достигавшая нередко 80% их стоимости, шла в карман предпринимателей. Такая практика существовала на многих предприятиях департаментов Нор, Мез, на шахтах департамента Арьеж, в Бретани и в ряде других районов Франции [132]. Рабочие, оплата труда которых производилась натурой, эксплуатировались капиталистами не только как продавцы рабочей силы, но и как потребители. Они фактически получали значительно меньшую заработную плату, чем рабочие той же категории, оплата труда которых производилась только деньгами.

[124] «Exposition universelle de Londres. 1862. Rapports des delegues des ouvriers parisiens», p. 755.

[125] Ibid., p. 837, 845—846, 879.

[126] Ibid., p. 829—830.

[127] Ibid., p. 318; см. также A. Corbon. Le secret du peuple de Paris. Paris, 1863, p. 181.

[128] «Exposition universelle de Londres. 1862. Rapports des delegues des ouvriers parisiens», p. 415.

[129] См., напр., A. Audiganne. Les populations ouvrieres..., t. 1—2.

[130] К. Маркс. Гражданская война во Франции. Текст первого издания. «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 55, 57.

[131] G. Duchêne. Op. cit., p. 263—264.

[132] G. Duveau. Op. cit., p. 303

Необходимо принять также во внимание принудительные отчисления от заработной платы рабочих в пенсионные кассы, которые во многих случаях находились в распоряжении предпринимателей. Такие отчисления, производившиеся даже из заработной платы низкооплачиваемых рабочих, нередко достигали 4% получаемого ими заработка [ш]. Между тем рабочие, лишившиеся работы вследствие увечья, полученного на производстве, по болезни или старости, далеко не во всех случаях получали пособие; да и получаемое ими пособие было ничтожным по своим размерам.

Данные официальной статистики о размере номинальной заработной платы во Франции в годы Второй империи составлены без учета скрытых форм ее снижения. Скрытые формы снижения заработной платы игнорируются и в работах буржуазных исследователей, основывающихся на этих статистических данных.

Согласно данным парижской торговой палаты, 64 тыс. рабочих в Париже получали в 1860 г. дневную заработную плату в размере от 50 сантимов до 3 франков, 211 тыс. рабочих — от 3,25 до 6 франков и 15 тыс. рабочих — от 6,5 до 20 франков. Комментируя эти данные, буржуазный экономист Лаволе в 1865 г. писал: «Не следует, как это и очевидно, принимать в расчет первую группу, состоящую из учеников, подсобных рабочих или таких, которые отдают только часть своего времени, из инвалидов и прочих, как и третью группу, к которой принадлежат высокооплачиваемые рабочие и мастера. Весь интерес вопроса заключается во второй группе, насчитывающей свыше 200 тыс. рабочих, с градацией в заработной плате от 3,25 до 6 франков в день. Из них 53 тыс. рабочих получали 5 франков в день, 44 тыс. — 4 франка, 35 тыс. — 4,5 франка и 19 тыс. — 6 франков в день. В среднем для второй группы, которая — повторяем — одна только и является типичной, дневная заработная плата составляет 4,51 франка» [ш].

Что касается дневной заработной платы женщин, то из 106 310 парижских работниц, зарегистрированных переписью 1860 г., 17 203 работницы получали от 50 сантимов до 1 фр. 25 с. в день; 88 340 работниц — от 1 фр. 50 с. до 4 франков; 767 работниц — от 4 фр. 50 с. до 10 франков [135]. Сравнивая среднюю дневную заработную плату наиболее многочисленной группы парижских рабочих (4,51 франка) со средней заработной платой соответствующей группы работниц (2,14 франка),

[133] A. Rocher. Les tueurs d'hommes. Geneve, 1871, p. 3.

[134] Ch. Lavollee. Statistique industrielle de Paris. «Revue des deux mondes», fevrier 1865, p. 1039—1040.

[№] «Statistique de l'industrie a Paris... pour l'annee 1860». Introduction, p. XXXVII.

мы приходим к выводу, что дневная заработная плата парижских работниц была в среднем в два с лишним раза ниже заработной платы рабочих.

Дневная и среднегодовая заработная плата рабочих различных профессий представлена официальной статистикой следующими данными, относящимися к 1864 г. *:

Профессия	Нерабочий период за год	Дневная заработная плата	Среднегодовая: заработная' плата
Механики .	3 месяца	5—6,5	1500
Плотники .	4	5.5—6	1350
Шляпники .	3—4	4—5	1150
Каменщики	4	4,5—5,5	1150
Ювелиры .	Не менее 4 месяцев	4-5	1050
Бронзовщики	4 месяца	4—5	1050
Печатники	4	4—5	1050
Слесари . . .	4	4—5	1050
Столяры . . .	4	4—4,5	1000
Маляры . . .	5 месяцев	4,5—5	980
Портные . . .	4-5 „	4—4,5	1000
Сапожники	2—3 месяца	3-3,5	950'
Пекари . . .	Нерегулярно, но длительный срок	4-5	900
Рабочие, изготовляющие военное снаряжение .	Без простоев	2—2 о	850
Краснодеревцы.	Не менее 4 месяцев	3—3,5	700
Чернорабочие	Нерегулярно, но длительный срок	3-3,5	800
Модистки .	4—5 месяцев	2,225—3,5	640
Прачки . .	2 месяца	2,25	685
Цветочницы	4—5 месяцев	1,5—2,25	420
Швеи . . .	Не менее 4 месяцев	1-2,26	340

* „La Rive gauche", 20 aout 1865.

Данные официальной статистики о заработной плате рабочих Парижа в 1860 и 1864 гг. являются преувеличенными. Бельгийский социалист Сезар де Пап опубликовал в демократическом органе студенческой молодежи «La Rive gauche», издававшемся в 1865—1866 гг. в Брюсселе, две обширные статьи об экономическом положении французского пролетариата. Касаясь официальных данных 1864 г., он справедливо отмечал, что указанную в них заработную плату получали в действительности только квалифицированные рабочие и притом находившиеся в расцвете сил. «После 40 лет,— писал де Пап,— их заработная плата роковым образом снижается». По мнению де Папа, не выдерживают также критики официальные данные о нерабочем периоде. В них не учтены нерабочие дни по болезни, вследствие непредвиденных обстоятельств, в праздники и т. д. Данные о заработной плате большинства парижских рабочих в 1864 г., собранные парижским обществом «Трудового кредита», указывал де Пап, рисуют иную картину. Они приводят к заключению, что «заработная плата большинства рабочих составляет в среднем 3 франка в день из расчета 300 рабочих дней в году, следовательно, 900, самое большое 1000 франков в год при условии, что рабочий находится в расцвете сил. Что касается женского труда, то за немногими исключениями он в большинстве случаев приносит работнице от 240 до 360 франков в год» [136].

Общий вывод, к которому приходит де Пап, таков: номинальная заработная плата парижских рабочих в середине 60-х годов была в действительности ниже той, которая указана в данных официальной статистики.

Но если даже исходить из официальных данных при определении материального положения парижских рабочих, то и в этом случае нельзя не прийти к выводу об ухудшении условий труда подавляющего большинства парижского пролетариата в годы Второй империи. В самом деле, если дневная заработная плата в Париже — как это видно' из сопоставления данных парижской торговой палаты за 1847 г. [137] и за 1860 г. [138] — и была в 1860 г. в среднем выше, чем в 1847 г., то ввиду большей продолжительности нерабочего периода годовая заработная плата в ряде профессий была в 1860 г. ниже, чем в 1847 г. [139] Так, например, дневная заработная плата парижских портных в 1847 г. составляла в среднем 3 фр. 60 с, в 1860 г.— 4 фр. 25 с. Однако годовая заработная плата портных за этот период снизилась с 900 до 743 франков. Даже некоторые буржуазные писатели признавали в то время, что годовая заработная плата парижских рабочих во всяком случае не увеличилась за годы Второй империи. Так, например, один из них писал в конце 60-х годов: «Несомненно, двадцать пять лет тому назад дневная заработная плата рабочих была ниже,

[136] C. de Paepe. Situation economique du proletariat en France. «La Rive gauche», 20 aout 1865.

[137] «Statistique de l'industrie a Paris resultant de l'enquete faite par la chambre de commerce pour les annees 1847—1848». Paris, 1851.

[138] «Statistique de l'industrie a Paris... pour Гаппёе 1860».

[139] На этот факт указывал, между прочим, даже ренегат рабочего движения, правый прудонист Толен. См. H. Tolain. L'Internationale. Discours prononces a l'Assemblee Nationale. Seances des 4 et 13 mars 1872, p. 40—43 (Ин-т марксизма-ленинизма. Библиотека. Фонд архивного хранения).

чем в настоящее время. Но так как нерабочий период сейчас гораздо продолжительнее, чем он был когда-то, то заработок сейчас нисколько не выше...» [140].

Для выяснения положения рабочего класса во Франции в 50—60-х годах крайне важно установить продолжительность рабочего дня в этот период. К сожалению, до сих пор остаются неразработанными соответствующие документальные данные, хранящиеся во французских архивах. В существующей историко-экономической литературе, освещающей период Второй империи, этому вопросу до последнего времени уделялось крайне слабое внимание.

Согласно официальным данным 1860 г. о продолжительности рабочего дня в Париже, опубликованным парижской торговой палатой, в 37 061 предприятии (из 101 171 предприятия, которые были охвачены обследованием) рабочий день продолжался 12 часов, включая двухчасовой перерыв на еду и отдых. В 37 216 предприятиях он превышал 12 часов; в 19 965 он не был твердо установлен. В 6929 предприятиях (около 7% обследованных объектов) он продолжался менее 12 часов.

Составители анкеты, комментируя эти данные, утверждали, что рабочий день превышал 10 часов действительного труда только в пищевой промышленности и притом не в производственных, а в торговых ее предприятиях. Более 10 часов в день работали мясники, колбасники, продавцы бакалейных товаров, прохладительных напитков, работники трактиров, продавцы вин и т. п. Зато в производственных предприятиях пищевой промышленности, как, например, в пекарнях и в кондитерском, производстве, рабочий день продолжался менее 10 часов. В строительной промышленности менее 10 часов в день работали слесари, маляры; в мебельно-декоративном производстве — ковровщики, бронзовщики. Часовщики, печатники, механики, граверы и чеканщики по золоту и серебру, живописцы по фарфору точно так же работали менее 10 часов в день.

Общий вывод, к которому в результате таких рассуждений приходят составители официальной анкеты, таков: «В предприятиях промышленного типа рабочий день на производстве — за вычетом часов отдыха — составляет, как правило, 10 часов, действительного труда. Продолжительность труда имеет тенденцию сокращаться с каждым днем, и этот результат может считаться благоприятным в случае, если он будет иметь последствием увеличение числа часов, отводимых интеллектуальному развитию рабочего населения столицы» [141].

ш ЧЛ??-аГе' Les 4uartiers de rindustrie • Paris - Pour l'annee 1860». Introduction, pauvres de Paris. Paris, 1869, p. 90.

Данные официальной статистики 1860 г. о продолжительности рабочего дня в Париже далеки от действительности. Прежде всего не выдерживает критики утверждение, будто во всех производственных предприятиях рабочий день не превышал 10 часов действительного труда. Во многих из предприятий, в которых он официально числился десятичасовым, он в действительности был значительно более продолжительным. Усилением эксплуатации рабочего класса, снижением расценок при сдельной оплате труда, широко практиковавшейся во французской промышленности в годы Второй империи, предприниматели вынуждали рабочих трудиться гораздо больше десяти часов для обеспечения их прожиточного минимума. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить статистические данные 1860 г., опубликованные парижской торговой палатой, с показаниями рабочих делегатов Парижа на Всемирной выставке 1862 г.

Возьмем, например, парижских каретников. Их рабочий день, по официальным данным 1860 г., продолжался летом с 6 часов утра до 6 часов вечера с двухчасовым перерывом на еду, а зимой с 7 часов утра до 6 часов вечера с часовым перерывом. Следовательно, он составлял 10 часов действительного труда [142]. Но послушаем, что сообщали об условиях труда каретников их представители на Всемирной выставке в Лондоне. Они жаловались на то, что хотя их рабочий день официально числится десятичасовым, они фактически вынуждены, вследствие снижения расценок, работать 12 и 13 часов в день, чтобы свести концы с концами [143]. Парижские шорники, согласно официальным данным, имели 10-часовой рабочий день (летом с 6 часов утра до 6 часов вечера или с 7 часов утра до 7 часов вечера, зимой с 8 часов утра до 8 часов вечера, с двухчасовым перерывом) [144]. Но вот что сообщили их делегаты на Всемирной выставке: «Почти все мы работаем на сдельной оплате, однако ввиду снижения расценок наш рабочий день следует исчислять 12—13 часами. Даже при этих условиях средний дневной заработок все еще далеко недостаточен». Они требовали сокращения рабочего дня до 10 часов [145].

Жестяники Парижа, судя по официальным данным 1860 г., работали 10 часов в день (летом с 6 часов утра до 6 часов вечера; зимой с 7 часов утра до 7 часов вечера, при двухчасовом перерыве на еду) [146]. По свидетельству же самих рабочих на

[142] «Statistique de l'industrie a Paris... pour l'annee 1860», p. 817.

[143] «Exposition universeMe de Londres. 1862. Rapports des delegues des ouvriers parisiens», p. 66.

[144] «Statistique de l'industrie a Paris... pour l'annee 1860», p. 837, 840.

[145] «Exposition universelle de Londres. 1862. Rapports des delegues des ouvriers parisiens», p. 167, 169.

[146] «Statistique de l'industrie a Paris... pour l'annee 1860», p. 441.

Всемирной выставке 1862 г., их трудовой день ввиду снижения расценок продолжался 14 и 16 часов[147]. Печатники обойного производства при 11 часах действительного труда (а не 10, как указано в данных парижской торговой палаты[148]) получали такую же заработную плату, какая существовала 30 лет тому назад[149], и поэтому вынуждены были, вследствие вздорожания предметов первой необходимости, работать значительно дольше.

Рабочие, занятые в производстве роговых изделий, у которых, по данным официальной статистики 1860 г., был 10-часовой рабочий день[15о], жаловались в 1862 г. на то, что они более несчастны, чем заключенные, работающие летом 11 '/г часов, а зимой Ю'/г часов в день. «Нам же, свободным рабочим,— заявляли они,— надо трудиться 15 часов, чтобы обеспечить себе существование. Рабочие трудятся в мастерских 12 часов, и им приходится сверх того брать работу на дом, если они хотят заработать на хлеб для своих детей»[151]. Список рабочих различных профессий, официально имевших десятичасовой рабочий день, а фактически работавших гораздо больше, может быть значительно увеличен.

В провинции рабочий день, согласно- официальным данным 1860 г., составлял 11 часов действительного труда. Однако фактически он во многих случаях достигал 13—18 часов. Бывший железнодорожный рабочий Антуан Роше, автор брошюры «Человекоубийцы», вышедшей в 1871 г. в Женеве, сообщал, что[1] рабочий день землекопов и укладчиков рельс на железной дороге Париж—Лион—Марсель составлял в конце 60-х годов 17 часов, между тем как в официальных документах он значился 10-часовым. Предприниматели, угрожая рабочим увольнением, заставляли их давать в письменном виде ложные показания, будто их рабочий день не превышает 10 часов[152]. В шелковом производстве предместья Лиона Круа-Русс продолжительность рабочего дня также составляла 17 часов[153]. Лионские ткачи работали 16—18 часов в день[154]. Ленточники Лиона работали 14—16 часов, не считая

[147] «Exposition universelle de Londres. 1862. Rapports des delegues des ouvriers parisiens», p. 223.
[148] «Statistique de l'industrie a Paris... pour l'annee 1860», p. 201.
[149] «Exposition universelle de Londres. 1862. Rapports des delegues des ouvriers parisiens», p. 415.
[150] «Statistique de l'industrie a Paris... pour l'annee 1860», p. 938.
[151] «Exposition universelle de Londres. 1862. Rapports des delegues ouvriers parisiens», p. 461.
[1sa] A. Rocher. Op. cit., p. 5, 8.
[103] P. Louis. Le sort de l'ouvrier francais sous le Second empire «Revue politique et parlementaire», decembre 1946, № 562, p. 230.
[154] Fonteret. Hygiene physique et morale de l'ouvrier des grandes villes. Paris, 1858, p. 141.

перерыва, сучильщицы шелка — 13 и более часов, разматывальщицы — 13—14 часов[155].

В промышленных пунктах Але, Юзес (деп. Гар), в Обенасе (деп. Ардеш) рабочий день сучильщиц и разматывалыциц коконов составлял намного больше 12 часов[156]. Делегаты парижских шляпников на Всемирной выставке 1867 г., касаясь положения рабочих этой профессии, заявляли: «Чтобы поддержать свое существование, несчастные рабочие трудятся почти непрерывно с 3—4 часов утра до 10—11 часов вечера»[157]. Во всех индустриальных районах Франции 13, 14 и более часов действительного труда в день были далеко не редким явлением.

Вопрос о продолжительности рабочего дня взрослых рабочих и главным образом детей в годы Второй империи освещается в статье советского исследователя Ф. В. Потемкина, посвященной положению рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота[158]. Основываясь на донесениях префектов ряда департаментов Франции, на отчетах инспекторских комиссий, материалах заседаний департаментских генеральных советов, а также на других источниках, автор показывает, что в льнопрядильном и пенькопрядильном производстве, как свидетельствуют донесения префектов департаментов Сомма, Нор, Сарт, рабочий день детей в возрасте от 8 до 12 лет составлял 15 часов; в бумагопрядильном производстве департаментов Сена и Уаза, Марна, Об, Мез — 12 и более часов; в шелкомотальном и шелкокрутильном производстве департаментов Дром, Ардеш и др.— 147а—15 часов; в шерстепрядильном производстве департаментов Манш, Луара и Шер — 16 часов; в спичечном производстве департаментов Нижний Рейн, Сарт, Ланд — от 12 до 16—17 часов.

В ряде департаментов (Устья Роны, Изер и др.), об условиях труда в которых официальные отчеты в одних случаях сообщают сведения, не соответствующие действительности, в других — не сообщают никаких сведений, положение на фабриках в тех же отраслях промышленности.не отличалось от положения в охарактеризованных выше местностях[159]. «Нарушения законов, регулировавших условия фабричного труда (притом законов, которые и сами позволяли отступать от 12-часо-

155 j Simon. L'ouvriere. Paris. 1864, p. 42—43.
15в A Audiganne. Les populations ouvrieres..., t. 11, p. MO «'•
157 E-E Fribourg. Op. cit. Citations, p. 45.
158 ф В Потемкин. К вопросу о положении рабочего класса во Франции'в последний период промышленного переворота (50-ЬО-е годы XIX в) В сб.: «Из истории социально-политических идеи». К. семидесятлпятилетию акад. В. П. Волгина. М„ 1955.
[159] Там же, стр. 572—584.

вой нормы),— заключает Ф. В. Потемкин,— это не «случаи»... это — характеристическая в данных исторических условиях, закономерность» [160].

В «неохраняемых законом» отраслях производства, на предприятиях полуфабричного типа, на мелких предприятиях,, имевших менее 20 человек, и в ручном производстве продолжительность рабочего дня детей и подростков составляла: в вязальном производстве—'15—16 часов, в кружевном — 12—13 часов, в фарфоро-фаянсовом — по меньшей мере 12 часов [161]. Декретом от 9 сентября 1848 г. был аннулирован революционный закон 2 марта 1848 г. о 10—11-часовом рабочем дне и установлен для всех заводов и мануфактур рабочий день, равный 12 часам действительного труда, а для «простых мастерских»— неограниченный рабочий день. Декретом от 17 мая 1851 г. и январским декретом 1866 г. последовательно расширялся круг предприятий и отраслей промышленности, освобождавшихся от ограничения рабочего дня. Реальные же условия труда в фабричной промышленности, в полумеханизированных отраслях и в ручном производстве в годы Второй империи были, как мы видели, значительно хуже, чем о них можно судить по законодательным актам.

Одним из методов капиталистической эксплуатации, применявшихся французской буржуазией в изучаемый нами период,, являлась возрастающая интенсификация труда на предприятиях и в шахтах, выматывавшая мускульную и нервную энергию рабочих. Это подтверждают, например, данные об интенсификации труда шахтеров в угольной промышленности Франции (в 44 департаментах в то время имелось 74 угольных, месторождения [162]).

Дневная выработка шахтера (в кг) изменялась следующим образом [163]:

Годы	Выработка	Годы	Выработка
1852	662	1862	715
1853	704	1863	721
1854	670	1864	713
1855	680	1865	731
1856	695	1866	749
1857	674	1867	748
1858	664	1868	773
1859	—	1869	777
1860	698	1870	767
1861	718		

[160] Ф. В. Потемкин. К вопросу о положении рабочего класса но Фрак ции..., стр. 584.
[161] Там же, стр. 582—592.
[162] ? MP "Poire - °P- cit., t. II, p. 42.
[163] J. Kuczynski. Op. cit., S. 77.

Дневная выработка шахтера в конце 60-х годов, как пока-, зывают приведенные данные, превышала на 17% его дневнуку выработку в 1852 г. Такое увеличение выработки не может быть целиком отнесено за счет роста механизации труда во французской угольной промышленности. Мы не располагаем на этот счет данными, непосредственно относящимися к рассматриваемому нами периоду, но зато известно, что, например, в 1878 г. мощность паровых машин, применявшихся в шахтах. и каменоломнях Франции, составляла не более 83 тыс. лошадиных сил [164]. Механизация французских шахт и рудников вплоть до конца XIX в. происходила замедленными темпами. Дневная выработка шахтера в годы Второй империи, стало быть, увеличилась в значительной мере за счет возросшей интенсификации труда.

Рост номинальной заработной платы значительно отставал от роста цен на продукты питания и прочие предметы первой необходимости, в особенности от роста цен на квартиры. Цена гектолитра пшеницы с 17,23 франка в 1852 г. поднялась в 1868 г. до 26,64 франка [165]; цена килограмма белого пшеничного хлеба с 30 сантимов в 1849 г.— до 37 сантимов в 1869 г. [13G] Значительно повысились цены на мясо. Французский экономист Одиганн, основываясь на отчетах о рыночных ценах в Париже в годы Второй империи на мясо, масло, сыр, яйца, картофель, приводит сравнительные данные для 1849, 1859, 1869 гг. Изобразим эти данные в виде таблицы:

Годы	Говядина, 1 кг	Коровье мясо 1 кг	Телятина, 1 кг	Баранина, 1 кг
1849	1 фр.	80 сант.	1,06 фр.	1,04 фр
1859	1,26 „	1,13 фр..	1,85 *	1,53 .
1869	1,35 .	1,25 „		

Годы	Масло, 1 кг	Яйца, 1 тыс.	Сыр, 1 кг	Картофель, 1 кг
1849	1,28—1,90 фр.	38—56 фр.	10 фр.	3,5--4,5 фр.
1859	1,48—2,38 .	45—60	14 ,	6,5--7,00 „
1869	2,20—3,54 ,	80—94 .	20 ,	7—8 я [168]

«В розничной торговле мясом,— замечает Одиганн,— рост цен намного обгоняет рост цен на живой скот — к крайней невыгоде потребителей. Добавим, что это замечание относится не только к торговле мясом. Нельзя сделать ни шагу в сравнительном изучении цен на все продукты питания за два-

[164] «Annuaire statistique». Paris, 1913, p. 54. Resume retrospectif.
[165] M. Block. Op. cit., t. II, p. 48.
[166] A. Audiganne. Memoires d'un ouvrier de Paris. Paris, 1873, ' P. 172.
[167] В живом весе.
[168] A. Audiganne. Memoires d'un ouvrier de Paris, p. 180—181, 185-187.

дцать лет, чтобы не столкнуться с аналогичным невыгодным для потребителя фактом»[169].

Укажем далее, что кубометр дров, стоивший в 1850 г. 1,6 франка, в 1870 г. повысился в цене до 1,94 франка, осветительное масло за тот же период вздорожало с 1,16 до 1,60 франка за килограмм[170].

Парижский публицист Корбон, бывший рабочий, писал в 1863 г., что в Париже за последние 25—30 лет цены на продукты питания в среднем повысились по меньшей мере на 25%, а цены на все предметы потребления вместе взятые — не менее чем на 35%. Между тем годовая номинальная заработная плата для большинства профессий увеличилась не более чем на 10—15%, за исключением тех немногочисленных случаев, когда повышение достигало 25%[171].

Еще больше, чем на продукты питания и предметы массового потребления, повысилась цена на квартиры, особенно в крупных городах, прежде всего в Париже. Политика господствующих классов в жилищном вопросе диктовалась стремлением переложить на плечи трудящихся издержки реконструкции столицы и ряда крупных городов Франции (Лиона, Марселя, Гавра, Лилля и др.). Корбон в 1863 г. сообщал о том, что квартирная плата в Париже за последние два десятилетия в большинстве случаев повысилась на 70%[172]. Делегаты парижских кожевников на Всемирной выставке 1867 г. жаловались на крайнее вздорожание квартирной платы в Париже. «Комната и чулан на улице Грегуар-де-Тур,— сообщали они,— стоившие в 1846 г. 100 франков, в 1866 г. стоили 250 франков (вздорожание на 160%); комната на улице Сен-Мартен, стоившая в 1846 г. 160 франков, повысилась в цене в 1866 г. до 400 франков (на 150%); комната без окна на улице Гранд-Тюандери, стоившая 80 франков, поднялась в цене до 260 франков (на 325%). Наконец, комната на улице Поливо, стоившая в 1846 г. 90 франков, в 1866 г. стоила 180 франков (вздорожание на 100%)»[173].

Сведения, исходящие из буржуазных источников, подтверждают свидетельства рабочих о чрезвычайном вздорожании квартирной платы в Париже. «В 1853 г., до назначения г. Оссмана[174],— писал, например, в конце 60-х годов один из муниципальных деятелей Парижа,— рабочие обычно платили 80 франков в год за комнату; теперь она обходится им в 160 и 170 франков»[175].

В течение 50—60-х годов правительство Второй империи затратило свыше миллиарда франков на перестройку и украшение Парижа, в интересах его имущего населения. В результате реконструкции было уничтожено 57 улиц и проездов, разрушено 2227 домов, насильственно выселены из своих жилищ более 25 тыс. человек, почти исключительно рабочих[176]. Они были вынуждены покинуть свои старые квартиры, расположенные в центральной части города, поблизости от предприятий, на которых они работали, и от крупных центральных рынков, где они имели возможность приобрести к концу дня кой-какие продукты питания по более дешевой цене.

Новые дома, выстроенные вдоль широких проспектов, заменивших узкие, кривые улицы рабочих кварталов в центре Парижа, были чрезвычайно дороги и, следовательно, недоступны для рабочих. Их заняли главным образом имущие слои населения. Рабочие и ремесленники хлынули к окраинам, расположенным между внешними бульварами и городской стеной укреплений.

Но и на окраинах, остававшихся попрежнему немощеными, грязными, плохо освещенными, резко повысилась цена на квартиры, ввиду наплыва новых жильцов. В течение 1855—1865 гг. квартирная плата непрерывно возрастала. Этому также способствовал растущий спрос на квартиры, вызванный постоянным притоком в столицу из провинциальных городов и сельских местностей рабочих и крестьян, искавших здесь более сносных условий существования.

Когда и окраины оказались перенаселенными, рабочие и ремесленники были поставлены перед необходимостью переселяться в пригороды, расположенные за чертой старого Парижа. С января 1860 г., после включения этих пригородов в городскую черту, трудовое население лишилось единственного преимущества, которым оно здесь пользовалось: более низких, чем в черте города, цен на продукты питания и предметы первой необходимости. В новых кварталах Парижа, бывших административных коммунах департамента Сена, более чем на 20% повысились цены на мясо, вино, дрова, уголь, осветительное масло и т. д.

Парижские рабочие справедливо указывали на несоответствие между ростом цен и увеличением номинальной заработной платы, что приводило к фактическому снижению их

[169] A'. Audigfanne. Memoires d'un ouvrier de Paris, p. 181—182.
[170] E. Levasseur. Histoire des classes ouvrieres..., t. II, p. 724.
[171] A. Corbon. Op. cit., p. 181.
[172] Ibid.
[173] «Exposition universelle de 1867. Rapports des delegations ouvrieres». Paris, 1869, p. 13. Rapport des ouvriers en cuirs et peaux.
[174] Префект департамента Сена, занимавший этот пост с 1853 по 1870 г.

[175] L. Lazare. Op. cit., p. 58.
[176] Ibid, p. 51.

реального заработка. «За последние двенадцать лет,— жаловался, например, делегат типографских рабочих на Всемирной выставке 1862 г.,— цены на квартиры и съестные припасы выросли по меньшей мере на 50%, тогда как наша заработная плата повысилась не более чем на 9—10%. Таким образом, в итоге получилось уменьшение благосостояния на 40%»[177]. Типограф Базен, один из тех парижских рабочих, которые в лервые годы империи питали иллюзии насчет народолюбия Наполеона III, в 1862 г. также жаловался на непрерывный рост дороговизны и расходов рабочего[178].

Представители рабочих-позументщиков на Всемирной выставке 1862 г. заявили: «За последние 10 лет цены на предметы жизненной необходимости повысились на Уз, цены на квартиры выросли вполовину. Труд в нашей промышленности стал неблагодарным и оплачивается намного дешевле. Поэтому положение рабочего-позументщика граничит с нищетой»[179].

Позднее, на Всемирной выставке 1867 г., раздавались те же жалобы на ухудшение материального положения рабочих. «Заработная плата рабочих,— заявили, например, делегаты парижских сапожников,— не находится более в соответствии с требованиями современной жизни»[180]. Да и в 1870 г. прудонист Фрибур писал о положении парижских рабочих: «Чтобы получить заработную плату, фактически равную заработной плате 1846 г., необходимо затратить гораздо больше труда» [ш].

Важно отметить, что на отставание в росте заработной платы от роста цен на предметы первой необходимости указывали даже генеральные прокуроры империи, притом еще в период, предшествовавший экономическому кризису 1857 г. «Нигде заработная плата не находится сейчас в соответствии со все возрастающей ценой на предметы жизненной необходимости»,— сообщал, например, в феврале 1856 г. генеральный прокурор апелляционного суда в Нанси[182].

Согласно данным французского министерства труда и социального обеспечения, в Париже годовой расход рабочей семьи лз четырех человек на питание, квартиру, отопление, освещение составлял: в 1850 г.— 1150 франков, в 1860 г.— 1285, в 1870 г.- 1385 франков[183].

Если вдобавок учесть затраты на одежду и некоторые другие насущные потребности, то годовой расход составит еще большую сумму. Де Пап приводил данные 1864 г., указывавшие, что рабочей семье из четырех человек необходимо было на все ее расходы в среднем не менее 1500 франков в год. Между тем среднегодовая заработная плата парижского рабочего составляла в этот период около 1000 франков. Рабочий был, таким образом, вынужден снижать свой жизненный уровень. «В Париже,— писал в этой связи де Пап,— • в этом городе изобилия, население которого составляет двадцатую часть населения Франции, в этом привилегированном городе, в котором заработная плата значительно выше заработной платы в любом другом городе Франции, рабочий должен ежегодно отказывать себе в необходимом на сумму в 500—700 франков, либо из года в год производить на эту сумму долги,— что за 40 лет составит 25—28 тыс. франков,— и в конечном счете умереть банкротом или, хуже того, прибегать к частной и общественной благотворительности, к воровству и т. п.»[184]

Де Пап был неправ, когда безоговорочно утверждал, что в Париже заработная плата была значительно выше заработной платы в любом другом городе Франции. Рабочие делегаты Лиона на Всемирной выставке 1867 г., основываясь на сообщениях парижских делегатов различных корпораций, указывали в своих отчетах на то, что привилегированное положение парижских рабочих сравнительно с положением рабочих остальной Франции, о котором так настойчиво твердит буржуазная печать, в действительности только кажущееся. «Доклады рабочих Парижа, подтверждаемые весьма красноречивыми цифрами,— читаем мы в отчетах лионских рабочих,— показывают, что их нынешнее положение, несмотря на рост заработной платы, о котором так много говорили, в 1867 г. хуже, чем оно было десять лет тому назад. Провинции, которая, за редкими исключениями, находится в таких же условиях, решительно не в чем, следовательно, завидовать столице»[185].

В конце 60-х годов положение парижских рабочих еще более ухудшилось. Согласно различным свидетельствам, общий годовой расход рабочей семьи из четырех человек, в

[177] «Exposition universelle de Londres. 1862. Rapports des delegues des ouvriers parisiens», p. 392.

[178] A. Bazin. A propos des salaires. «Journal des economistes», 15 iuin 1862, p. 3.

[179] «Exposition universelle de Londres. 1862. Rapports des delegues des ouvriers parisiens», p. 754.

[181] Цит. по E.-E. Fribourg. Op. cit. Citations, p. 48.

[182] Sceaux a * p U M e Ur G era! de la Cour d A PP el de Manc y au Qar de des volL IV. Lefd e n939 y p fe 2e3 r

[183] Ministere du travail et de la prevoyance sociale. Statistique generate de la France. Salaires et coflt de l'existence a diverses epoques jusqu'en 1910. Paris, 1911, p. 105.

[184] «La Rive gauche», 20 aout 1865.

[185] «Exposition universelle de 1867. Rapports des delegues lyonnais». Lyon, 1868, p. 19.

результате дальнейшего вздорожания предметов первой необходимости, составлял уже не менее 1700 франков [186]. Отсюда следует, что даже относительно высокооплачиваемые рабочие, дневная заработная плата которых составляла около 6 франков, едва могли уложиться в свой бюджет, ибо их годовая заработная плата, за вычетом нерабочего времени, составляла около 1500 франков. Между тем, даже по преувеличенным данным парижской торговой палаты, такую заработную плату получали в 1860 г. только 19 тыс. из 416 тыс. рабочих Парижа [187]. Значительная же часть парижского пролетариата влачила нищенское существование. Делегат парижских швейников на Всемирной выставке 1867 г. заявил, например, следующее о тяжелых условиях труда и нищете рабочих этой специальности: «Необходимо посетить мастерские, в которых трудятся эти рабочие, чтобы получить точное представление о степени их нищеты... Это душераздирающая картина, безусловно достойная кисти наших крупных реалистов» [188].

Префект департамента Сена, барон Оссман, в своем докладе о бюджете департамента в 1862 г. вынужден был признать, что в Париже находились тогда на грани нищеты 1073 061 человек, которые «имели бы неоспоримое право на хлебные боны, если бы муниципальная администрация согласилась с необходимостью выдавать их» [189]. Нет сомнения в том, что подавляющее большинство этих лиц были рабочими и ремесленниками. Из 416 тыс. рабочих, зарегистрированных в Париже в 1860 г., 200—250 тыс. систематически прибегали к закладу вещей в ломбарде [190]. В дальнейшем число нуждавшихся в «услугах» ломбарда еще более увеличилось. Доходы этого ростовщического учреждения утроились за годы Второй империи. «Доходы ломбарда,— сообщал префект Оссман,— исчислявшиеся в 1852 г. суммой в 209 325 фр. 27 с, в 1869 г. составляли 655 127 фр. 5 с.» [191].

Реконструкция столицы провела также и территориальную грань между рабочим классом и буржуазией. Разумеется, Париж был и до реконструкции разделен на два мира — мир богачей и мир бедняков. Социальные контрасты, неизбежные при капитализме, существовали в нем издавна, все более

[186] См., напр., письмо буржуазного республиканца Жюля Симона к Абелю Даво от ноября 1867 г. Приведено в кн. E.-E. Fribourg. Op. cit. Citations, p. 56—57. Такая же цифра (1700 франков) была указана даже бонапартистским официозом «Le Pays».

[187] «Statistique de l'industrie a Paris... pour l'annee 1860». Introduction, p. XXXVI.

[188] E.-E. Fribourg. Op. cit. Citations, p. 49.

[189] CM. «La Rive gauche», 20 aout 1865.

[190] A. Coehin. Op. cit., p. 53.

[191] Memoires du baron Haussmann, t. II, Paris, 1890, p. 416.

углубляясь вместе с капиталистическим развитием Франции. Но пока все слои его населения жили в территориальной близости, эти контрасты внешне несколько стирались в водовороте столичной жизни. Реконструкция Парижа, осуществленная буржуазным правительством Наполеона III в интересах имущего населения, с особой наглядностью продемонстрировала и особо подчеркнула глубину классовых противоречий, существовавших во Франции в годы бонапартистской империи.

«Перестройка Парижа,— писал в 1863 г. Корбон,—вынудив, насильственно рабочее население отхлынуть от центра к окраинам, разделила столицу на два города: город богачей и город бедняков. Последний опоясывает первый. Класс неимущих, словно огромным жгутом сжимает класс имущих» [192].

Такое положение возбуждало беспокойство многих представителей буржуазии, обвинявших муниципальные власти Парижа в легкомысленной непредусмотрительности. «Все чудеса искусства, все соблазны роскоши, все разнообразие наслаждений сконцентрированы в Париже,— писал один из них.— Но вся эта роскошь, все богатства, все чудеса заперты, стиснуты, словно обручем, блокированы в огромном муравейнике. Вокруг города имущих классов грозно возвышается город рабочих. Один наряжен в кружева, шелка, бархат, бриллианты; у другого нет ничего, кроме блузы для прикрытия его наготы» [193].

Нищенское существование резервной армии безработных отрицательно влияло на положение рабочих, занятых в производстве. Мы, к сожалению, не располагаем сведениями о количестве безработных в Париже, как и во всей Франции, в 50—60-х годах. Официальные данные существуют, как мы видели, лишь относительно частичной безработицы в Париже в начале 60-х годов [194]. Но даже и эти явно преуменьшенные данные указывают, что во всех отраслях промышленности Парижа рабочие оставались незанятыми в течение 3—5 месяцев в году. В действительности нерабочий период продолжался гораздо дольше, по некоторым сведениям — от четырех до шести месяцев в году [195]. В таком же положении находились рабочие и в провинции.

Что касается полной безработицы, то о ее наличии в годы Второй империи свидетельствует, в числе других, уже известный нам парижский типограф Базен. «Вот уже ряд лет, как рабочий класс в целом испытывает жестокие страдания,— писал он в середине 1862 г.— В добавление к огромному вздорожанию предметов первой необходимости, на многих отцов се-

[192] A. Corboп. Op. cit., p. 209.

[193] L. Lazare. Op. cit., p. 109.

[194] См. выше, стр. 44.

[195] E.-E. Fribourg. Op. cit. Citations, p. 25—26.

мейств, которые и до этого получали за свой труд недостаточную заработную плату, обрушилась безработица». Далее говорилось о том, что «человеку не удается найти применение своим силам», что «все отрасли промышленности осаждаются многочисленными предложениями», что «предложение превышает спрос» [196].

На наличие безработицы указывало также непрерывное увеличение числа нищих.

К началу 1860 г. в Париже имелось 90 тыс. одних только зарегистрированных нищих [197] против 70 907 нищих, зарегистрированных в 1847 г. [198] С присоединением к столице территории прилегающих коммун департамента Сена число зарегистрированных нищих увеличилось более чем на 21 тыс. человек [199]. В 1866 г., по данным бонапартистских властей, в Париже числилось 121330 зарегистрированных нищих [200]. В XIII округе столицы зимой 1868—1869 гг. было зарегистрировано 15 тыс. нищих, в XVIII округе на 1 января 1868 г.— 9258, в XX округе зимой 1868—1869 гг.— 12 тыс. нищих. Примерно такое же положение было в XI, XII, XIV, XV, XVII, XIX округах Парижа [201].

В действительности, как нам уже известно из показаний префекта Оссмана, в 60-х годах в Париже имелось множество бедняков, которые по тем или иным причинам не были официально зарегистрированы. Это признавали и бюро общественной благотворительности ряда округов Парижа в своих обращениях к имущему населению столицы за материальной помощью для нуждающихся.

Бюджет благотворительных учреждений Парижа в 50—60-х годах все увеличивался: с 13 345 619 фр. 98 с. в 1852 г. он вырос в 1869 г. до 22 385 517 фр. 86 с. [202] Ежегодная государственная субсидия, предоставлявшаяся благотворительным учреждениям столицы, была увеличена за этот период с 4 421 813 до 10 413 879 франков [203].

Яркий пример обнищания рабочего класса Франции в 50—60-х годах в результате развития французского капитализма представляло положение лионских рабочих, в частности тех, которые были заняты в шелковой промышленности. Значительные изменения в технике и в организации шелкоткацкого производства, происшедшие в эти десятилетия, превращение старых предприятий мануфактурного типа в шелкоткацкие фабрики приводили ко все большему вытеснению квалифицированных рабочих, к разорению преобладающего большинства лионских ткачей. Уже в конце 50-х годов только в окрестностях Лиона насчитывалось более двадцати шелкоткацких фабрик [204].

Экономический кризис 1857 г., усиливший капиталистическую конкуренцию на мировом рынке, затем гражданская война в Америке, приведшая к огромному падению стоимости ввоза туда лионского шелка (с 138 млн. франков в 1859 г. да 35 млн. франков в 1861 г.) [205], далее застой, вызванный в шелковой промышленности Лиона австро-прусской войной 1866 г., наконец, экономический кризис 1866—1867 гг.,— все эти факторы непрерывно ухудшали и без того тяжелое положение ткачей, составлявших преобладающую часть рабочих Лиона. В 1859 г. 50% лионских ткачей оставались без работы; после некоторого улучшения безработица с конца 1861 г. снова возросла. В октябре 1861 г., в одной из петиций на имя префекта департамента Рона рабочие Лиона сообщали: «Половина из нас буквально умирает от голода. Мы могли бы назвать вам людей, которые пытались покончить самоубийством, чтобы положить конец своим страданиям» [206].

До 1868 г. рабочие шелкоткацкого производства жестоко страдали от непрерывной безработицы [207]. В 1867—-1868 гг. в лионской шелковой промышленности из 28 тыс. станков действовало только 14 тыс. [208] Таким образом, с 1857 г. шелковая промышленность Лиона находилась в состоянии постоянной депрессии, осложненной вдобавок болезнью шелковичного червя, вызвавшей вздорожание сырья. Возросшие издержки производства предприниматели старались переложить на рабочих. С целью удержания капиталистической прибыли на прежнем уровне лионские фабриканты в 50—60-х годах все чаще прибегали к переводу шелкоткацкого производства в окрестные сельские местности, где труд ткача, соединявшего ткацкий промысел с сельским хозяйством, обходился дешевле и где имелась возможность снижать заработную плату, не опасаясь вызвать в ответ стачечное движение. Во второй половине 60-х годов чи-

[196] A. Bazin. Op. eft., p. 5.
[197] Memoires du baron Haussmann, t. II, p. 425.
[198] E.-E. Fribourg. Op. cit. Citations, p. 58.
[199] Memoires du baron Haussmann, t. II, p. 425.
[200] E.-E. Fribourg. Op. cit. Citations, p. 58.
[201] См. обращение бюро общественной благотворительности XIII, XVIII и XX округов Парижа, L, Lагаге. Op. cit., p. 110—119.
[202] Memoires du baron Haussmann, t. II, p. 442.
[203] Ibid., p. 419.
[204] См., напр., L. Reybaud. Etudes sur le regime des manufactures. Conditions des ouvriers en soie. Paris, 1859, p. 197.
[205] E. Pariset. Histoire de la fabrique lyonnaise. Lyon, 1901, p. 376—377
[208] S. Maritch. Histoire du mouvement social sous le Second empire •a Lyon. Paris, 1930, p. 60.
[207] Ibid., p. 60—61.
[208] Lyon, cite republicaine a la veille de la guerre de 1870 et des journees insurrectionelles de la Commune lyonnaise. Etude collective. «1848. Revue ides revolutions contemporaines», 1951, № 188, p. 29.

сло ткацких станков в Лионе значительно уступало числу станков в сельских местностях. Так, в 1867 *т.* в Лионе оставалось 30 тыс. шелкоткацких станков, между тем как в окрестных деревнях их было 90 тыс.[209]

Безработица среди лионских ткачей приняла в годы Второй империи катастрофические размеры. «У большинства рабочих, было в году больше нерабочих дней, чем дней, когда они были заняты»,— сообщает исследователь социального движения в. Лионе в годы Второй империи Сретен Марич, ссылаясь на периодические донесения специального комиссара[210]. По свидетельству буржуазного республиканца Жюля Симона, «даже тогда, когда торговля в Лионе процветала, а шелкоткацкие предприятия работали на полном ходу, рабочий не был гарантирован от безработицы». «Существуют корпорации,— сообщал Симон "о положении лионских рабочих,— в которых безработица: является в некотором роде хронической»[211].

Но и занятые в шелкоткацком производстве лионские рабочие получали крайне низкую заработную плату вследствие конкуренции сельских ткачей и наличия резервной армии безработных. Их заработная плата не обеспечивала прожиточного минимума. Ткачи гладкого одноцветного бархата, составлявшие наиболее многочисленную прослойку рабочих шелковой промышленности Лиона, получали за 13-часовой рабочей день 1—2 франка.

Безработица и нищета являлись бичом лионского пролетариата в годы Второй империи, за исключением коротких периодов, когда его положение временно несколько улучшалось. Вот почему местные власти, опасаясь волнений в этом прославленном своими революционными традициями пролетарском центре, прибегали к выдаче пособий и к организации общественной благотворительности, которая, разумеется, не могла существенно улучшить положение рабочих.

Многочисленные свидетельства рисуют тяжелые условия' труда не только лионского и парижского, но и всего французского пролетариата в годы Второй империи. Шелгунов, например, писал в начале 60-х годов: «Жизнь и положение французского рабочего... показывают, что ему скверно и невозможно» оставаться долго в этом положении: задельную плату получает он очень малую, живет в дурном помещении, в грязи и нечистоте; работает до упадка сил...»[212]. Шелгунов правильно подчеркивал особенно тяжелое положение женщин-работниц. «Положение женщин во всем этом вышло самое печальное»,— писал он[213].

Более половины рабочих семейств во Франции,— признавал Жюль Симон,— прибегали в 60-х годах к общественной благотворительности[214]. По данным Левассера, общее число лиц, пользовавшихся общественной благотворительностью, составляло в 1861 г. 1159 тыс. человек (против 806 тыс. человек в 1837 г.)[215]. На 1 декабря 1867 г.,—узнаем мы из официального правительственного отчета,— во Франции насчитывалось около 1700 тыс. одних только зарегистрированных нищих. Бюджет благотворительных учреждений составлял 83 млн. франков[216]. В интересах сохранения «общественного порядка» правительство Наполеона III было вынуждено, ввиду роста нищеты, увеличить государственные расходы на благотворительные мероприятия. Однако государственных субсидий, муниципальных средств и частной благотворительности нехватало для удовлетворения самых насущных нужд трудящихся и безработных. В некоторых районах Франции,— как сообщал в 1860 г. Одиганн,— рабочие, лишившиеся работы и утратившие надежду получить ее вновь, были вынуждены заниматься нищенством. Оно было, в частности, широко распространено в департаменте Гар, в том числе в его административном центре, г. Ниме. «Когда из департамента Устья Роны, где нищенство запрещено,— писал Одиганн,— вы, миновав Бокер, попадаете сюда, вас останавливают многочисленные нищие...Часть этих людей в период кризиса лишилась работы в мастерских»[217].

Тысячи людей в различных районах страны умирали от голода, холода, нищеты. Этого не могла скрыть даже бонапартистская печать. Правда, приводившиеся ею официальные данные были весьма далеки от действительности и не отражали настоящего положения вещей. Так, например, для 1865 г. указывалось 4964 случая самоубийств, из которых якобы только 219 были совершены на почве нищеты. Кроме того, называлось только 244 случая смерти по той же причине[218].

[209] S. Maritch. Op. cit., p. 58.

[210] Ibid., p. 60.

[11] J. Simon. Le salaire et Ie travail des femmes. Les femmes dans la fabrique lyonnaise. «Revue des deux mondes», I860, t. XXV, p. 933.

Н. В. Шелгунов. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции «Современник», 186Г, т. 90, стр. 206 (Соч., т. 2. СПб., 1891, с. 61).

[213] Н. В. Шелгунов. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции. «Современник», 1861, т. 90, стр. 205. (Соч., т. 2, стр. 60).

[214] J. Simon. L'ouvriere, Huitieme ed. Paris, 1876, p. 313.

[215] Ё. Levasseur. Histoire des classes ouvrieres..., t. II, p. 901. Буржуазный экономист Левассер видел в этих цифрах только доказательство «более либерального распределения благотворительных средств, вызванного ростом общественного богатства».

[216] «Le Moniteur universel», 23 novembre 1867. «Expose de la situation •ф l'Empire».

[217] A. Audiganne. Les populations ouvrieres..., t. II, p. 158.

[218] См. напр., «Annuaire statistique de la France», 1922, t. 38, Resume retrospectif, p. 40; Bernard. De la criminalite en France depuis 1826. «Journal des economistes», 1867, № 19, p. 68—84.

При выяснении материального положения французских рабочих в 50—60-х годах должна быть также учтена тяжесть ложившихся на них налогов. Поступления от косвенных налогов удвоились за годы Второй империи: с 306,8 млн. франков в 1850 г. они выросли до 620,4 млн. франков -в 1869 г.[219] Попытки буржуазных экономистов, вроде Левассера, объяснить рост поступлений от косвенных налогов в годы господства Наполеона III ростом благосостояния широких масс населения не выдерживают критики. Никто иной, как министр финансов Второй империи Мань заявил со всей определенностью в начале 1868 г.. (в отчете о финансовом положении Франции), что рост косвенных налогов в 1866 г. был вызван, в частности, крупными затратами французского правительства на организацию Всемирной выставки 1867 г. в Париже[220]. К тому же, по признанию министра, правительство Наполеона III в 1867 г. увеличило на 21 млн. франков и чрезвычайное обложение 1866 г. прямыми налогами[221].

Таким образом, учитывая размер номинальной заработной платы во Франции в 50—60-х годах, уровень цен на предметы массового потребления и на квартиры, продолжительность рабочего дня и интенсификацию труда, наличие полной и частичной безработицы, тяжесть налогов, ложившихся на плечи трудящегося населения, нельзя не придти к выводу, что реальная заработная плата широких масс французского пролетариата снизилась за годы Второй империи. Исключение составляло ничтожное меньшинство, у которого она слегка повысилась. Для подавляющей части французских рабочих, как справедливо указывал Маркс в 1864 г., «повышение номинальной заработной платы так же мало означало реальное увеличение благосостояния, как, например, для обитателей лондонского дома для бедных или сиротского приюта — тот факт, что необходимые для их содержания продукты в 1861 г. стоили 9 ф. ст. 15 шилл., 8 пенсов вместо 7 ф. ст. 7 шилл. 4 пенсов в 1852 году»[222]. На" примере социально-экономического развития Франции рассматриваемого нами периода подтверждается указание Энгельса о том, что «материальное положение рабочих со времени введения капиталистического производства в крупном масштабе в целом ухудшилось...»[223].

[219] «Dictionnaire general de la politique» par M. Block, t. I. Paris 1873 p. 1033

[220] CM. «Le Moniteur universel», 27 Janvier 1868; «Journal des economistes», fevrier 1868, p. 291.

[221] Ibid.

[12] К. Маркс. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 339.

[223] Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 12.

Снижению реальной заработной платы французских рабочих, их абсолютному обнищанию, сопутствовало и их относительное обнищание. На фоне колоссального обогащения имущих классов еще резче выступала нищета широких масс трудящихся. Маркс в 1864 г. писал, имея в виду передовые промышленные страны, в том числе Францию: «Повсюду широкие массы рабочего класса опускались все ниже и ниже, по меньшей мере в такой же степени, в какой стоящие над ними классы поднимались вверх по общественной лестнице»[224].

Промышленное развитие Франции в 50—60-х годах, как неоднократно было нами показано выше, имело своим результатом прогрессирующее разорение городской мелкой буржуазии. Со времени промышленного застоя начала 60-х годов она приняло катастрофический характер. В текстильной промышленности положение осложнялось трудностями, вызванными гражданской войной в Америке. Высокие цены на хлопок, явившиеся следствием этих событий, привели владельцев мелких, а также многих средних предприятий к необходимости закрыть свои заведения. Только в одном из районов Нормандии, а именно в долинах Барантен и Павильи, были в 1864 г. приостановлены 40 тыс. из 205 тыс. (20%) имевшихся там хлопчатобумажных веретен и были закрыты либо находились в стадии ликвидации 12 из 30 (40%) прядилен. Выживали те предприятия, владельцы которых располагали необходимыми капиталами для их переоборудования с целью приспособления к обработке нового вида хлопка, ввозившегося из Индии[225]. В тяжелой, в частности, в металлургической промышленности, происходил тот же процесс полного исчезновения мелких предприятий, упадка средних промышленных заведений[226]. О разорении мелкой и отчасти средней буржуазии Франции в 60-х годах можно, между прочим, судить по возраставшему числу банкротств. Так, например, в хлопчатобумажной промышленности департамента Нижняя Сена число банкротств в 1862 г. было на 17% больше, чем в 1852—1854 гг. В департаменте Нор индекс банкротств составил в 1863 г. 221, если принять за 100 число банкротств в 1852—1854 гг. В департаменте Верхний Рейн число банкротств в 1864 г. было на 70% больше, чем в 1852—1854 гг. Больше всего пострадали владельцы мелких ремесленных мастерских. В одном из кантонов департамента Нижняя Сена в 1862 г. было, например, полностью приостановлено 75% ткацких станков[227].

[224] К. Маркс. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения т I стр. 339.

[225] C. Fohlen. Op. cit., p. 52.

[226] «La siderurgie francaise», p. 415.

[227] C Fohlen. Op. cit., p. 52.

Таковы некоторые из многих примеров, иллюстрирующие процесс разорения городской мелкой буржуазии во Франции в 50—60-х годах.

Этот процесс был ускорен растущей концентрацией в области французской торговли. Появление крупных торговых предприятий, в том числе универсальных магазинов, принесло гибель множеству мелких и средних торговых заведений. Разгул биржевой спекуляции в годы бонапартистского режима, способствовавший обогащению банковской, крупной промышленной и торговой буржуазии, углублял и ускорял в то же время разорение широких масс среднего класса — мелких лавочников, ремесленников, торговцев.

* * *

«... Буржуазное общество,—писал Маркс, характеризуя экономический подъем во Франции в 50—60-х годах,—... достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах»[228]. Маркс, как видим, не упомянул в данном случае о сельском хозяйстве. Хотя оно и сделало в 50—60-х годах заметные шаги по пути капиталистического развития, но в целом значительно отставало от промышленности и торговли, что вообще характерно для капитализма.

В первой половине XIX в. во французском сельском хозяйстве продолжался процесс парцеллирования земельной собственности; одновременно усиливалась концентрация земли в руках капиталистических слоев. Развитие капитализма во французской деревне сопровождалось вытеснением мелкого производства крупным, ростом задолженности и обнищания подавляющего большинства крестьян.

К 50—60-м годам значительно изменились структура сельской экономики и расстановка классовых сил во французской деревне.

Изобретения и научные открытия в области механики, биологии, агрохимии, агрономии послужили одной из предпосылок для развития крупного капиталистического производства в сельском хозяйстве. Прямыми показателями такого производства,— как отмечал В. И. Ленин,— являются интенсификация и специализация земледелия, применение в нем машин и наемного труда[229].

[228] К. Маркс. Гражданская война во Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 476.

[229] См. В. И. Ленин. Новые данные о законах капитализма в земледелии. Соч., т. 22, стр. 1—89.

Интенсификация и специализация сельскохозяйственного производства в годы Второй империя выразились в увеличении площади посевов зерновых культур при сокращении площади под пустошами, в увеличении поголовья крупного рогатого скота и свиней в связи с значительным развитием молочного и мясного животноводства[230], в расширении кормовой базы и, следовательно, площади, занятой под посевы луговых трав, в увеличении площади посевов сахарной свеклы и земли, отведенной под виноградники.

По данным французской официальной статистики, площадь под зерновыми посевами за период с 1840 по 1862 г.[231] увеличилась на 1069 тыс. га, между тем как площадь под пустошами за этот период сократилась на 1615 тыс. га. Площадь земли, занятой под посевы луговых трав, увеличилась на 1196 тыс. га (с 1577 тыс. га в 1840 г. до 2773 тыс. в 1862 г.)[232]; количество крупного рогатого скота возросло на 1 050 051 голов (с 11 761 538 в 1840 г. до 12 811 589 в 1862 г.), что составляет увеличение на 9%; количество свиней — на 1126 822 голов (с 4 910 721 в 1840 г. до 6 037 543 в 1862 г.), что составляет увеличение на 23%[233]; площадь посевов сахарной свеклы увеличилась на 134,47%[234]; площадь земли под виноградниками—на 17,69% (с 1972 тыс. га в 1840 г. до 2321 тыс. в 1862 г.)[235].

Относительно применения машин в сельском хозяйстве Франции 50—60-х годов мы, к сожалению, не располагаем необходимыми данными[236]. Мы можем лишь установить тенденцию развития механизации сельскохозяйственного производства путем сопоставления соответствующих данных сельскохозяйственных переписей 1862 и 1882 гг. Как показывают эти данные, количество паровых машин и локомобилей, применявшихся в сельском хозяйстве, за период с 1862 по 1882 г. увеличилось более чем в три раза (с 2849 до 9288); количество молотилок —

[230] Переход части крупнокапиталистических и кулацких хозяйств к интенсивному животноводству объяснялся потребностями городского рынка, возросшими в значительной мере в результате пролетаризации трудовых масс крестьянства.

[231] В 1840 г. во Франции была проведена первая сельскохозяйственная перепись, в 1852 г.— вторая, в 1862 г.— третья. Следующая сельскохозяйственная перепись была проведена только в 1882 г.

[232] «Statistique agricole de la France», publiee par le Ministere de l'agriculture. Resultats generaux de l'enquete decennale de 1892. Paris, 18Э7. Introduction, p. 242. (В публикуемых в этом издании таблицах приведены данные предыдущих сельскохозяйственных переписей).

[233] Ibid., p. 284.

[234] Ibid., p. 242.

[235] Ibid.

[236] Сельскохозяйственные переписи 1840 и 1852 гг. не дают сведений о применении машин в сельском хозяйстве.

более чем в два раза (с 100 733 до 211 045); конных косилок — более чем в семь раз (с 25 846 до 195 410); механических косилок — более чем в два раза (с 9442 до 19 147); сеялок — почти в три раза (с 10 853 до 29 391); жатвенных машин — почти в два раза (с 8907 до 16 025) и т. д.[237]

Однако только крупные землевладельцы и городская буржуазия, покупавшая или арендовавшая землю, а также кулацкая верхушка деревни имели возможность перейти к интенсивному, специализированному сельскохозяйственному производству с применением машин. Многочисленным массам трудящегося крестьянства была недоступна такая перестройка, так как они не располагали необходимыми для этого средствами. К тому же ничтожно малые размеры их парцелл вообще лишали их возможности пользоваться машинами. О том, как далеко зашло к концу 50-х годов дробление крестьянской земли, мы можем судить, например, по следующим данным: в департаменте Нижний Рейн,— как сообщает автор одного из локальных исследований, — пахотные земли в 1859 г. дробились на 1414 тыс. парцелл в среднем размером в 12 аров[238] Надо полагать, что в действительности средний размер крестьянских парцелл был здесь еще меньшим, так как в общее число парцелл буржуазные исследователи обычно включают также участки, принадлежавшие крупным землевладельцам.

В буржуазной экономической и исторической литературе утвердилось мнение, будто сельское хозяйство Франции в целом добилось за годы Второй империи крупных успехов, а положение крестьянства существенно улучшилось[239]. Между тем для такого утверждения нет оснований. В действительности успехи были достигнуты не всем французским крестьянством. а только капиталистической верхушкой деревни, что давало ей возможность дальнейшего обогащения. Маркс справедливо указывал на деградацию сельского хозяйства Франции в годы Второй империи. В 1856 г. он писал о том, что «сельское хозяйство,, которое во Франции никогда не достигало высокого развития, при существующем режиме прямо регрессирует» [240].

[237] «Statistique agricole de la France». Resultats generaux de l'enquete decennale de 1892. Tableaux, p. 256—257.

[238] E. Juillard. La vie rurale dans la plaine de Basse-Alsace. Paris, 1953, p. 183.

[239] СМ. «Dictionnaire general de la politique», par M. Block, t. I; E. Levasseur. Histoire des classes ouvrieres..., t. II; L. Lavergne. L'economie rurale de la France. Paris, 1866; H. Baudrillard. Les populations agricoles de la France, t. 1—2, Paris, 1885—1888; H. See. Esquisse d'une histoire economique et sociale de la France depuis les origines jusqu'a la guerre mondiale. Paris, 1929; A. Vialla te. L'activite economique en France de la fin du XVIII siecle a nos jours. Paris, 1937 и др.

[240] К. Маркс. Экономический кризис во Франции. К. Маркс и. Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 69.

Развитие капиталистических отношений во французской деревне в 50—60-х годах вело к растущей классовой дифференциации крестьянства, к усилению кулацкой верхушки деревни и обезземелению основной массы трудящегося крестьянства. Официальная статистика интересующего нас периода ограничивается лишь суммарными данными о сельском хозяйстве в целом; в ней отсутствуют сведения о распределении земельной площади, скота, инвентаря, машин, капиталов между различными слоями сельского населения, о размерах аренды земли, производившейся различными категориями хозяйств, о наемном труде в сельском хозяйстве и ряд других сведений, необходимых для выяснения вопроса о классовой дифференциации крестьянства. Те отрывочные сведения, которые в отдельных случаях приводятся, не могут служить основанием для каких-либо общих выводов, тем более, что их достоверность весьма сомнительна.

В. И. Ленин считал французскую аграрную статистику 'крайне несовершенной, не дающей, в частности, *«точного* определения *размеров* земельной площади, на которой ведется капиталистическое хозяйство». Он, однако, указывал, что эта статистика тем не менее может и должна быть использована, ибо «если не вполне точное, то все же *приблизительное* представление о размерах земельной площади, находящейся в капиталистической эксплуатации, можно составить и по французской аграрной статистике» [241].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют установить размеры перемещений земельной собственности во Франции в годы Второй империи. Будучи вынуждены ограничиться неполными данными, притом одной только сельскохозяйственной переписи 1862 г., мы можем установить лишь тенденцию развития сельского хозяйства Франции в последующие годы, путем привлечения данных более поздней сельскохозяйственной переписи 1882.

Данные сельскохозяйственных переписей касаются так называемых хозяйств (exploitations), включавших не только собственную, но и арендованную землю. В. И. Ленин неоднократно указывал, что развитие аренды составляет отличительную черту капиталистического и полу капиталистического способа производства-[242]. Мы, таким образом, можем по данным переписей составить представление о количестве земли, находившейся в рассматриваемый нами период в капиталистической эксплуатации.

[241] В. И. Ленин. О тезисах по аграрному вопросу французской коммунистической партии. Соч., т. 33, стр. ПО—111.

[242] См напр., В. И. Ленин. Доклад на Объединительном съезде РСДРП. Соч., т. 10, стр. 313.

Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1862 г., во Франции насчитывалось хозяйств размером[243]:

от 1 до 5 гектаров	1815 558,	или	56,29%
" 5 до 10 "	619 843,	или	19,19%
" 10 до 20 "	363 769,	или	11,28%
" 20 до 30 "	176 744,	или	5,49%
" 30 до 40 "	95 796,	или	2/98%
" 40 и выше "	154 167,	или	4,77%
Всего	3 225 877		100%

Пользуясь классификацией крестьянских хозяйств, применявшейся В. И. Лениным[244], мы можем установить, что во Франции в 1862 г. насчитывалось:

мелких крестьянских хозяйств (до 5 га)	56,29%,
средних крестьянских хозяйств (от 5 до 10 га)	19,19%,
кулацких хозяйств (от 10 до 40 га)	19,75%,
крупнокапиталистических хозяйств (свыше 40 га)	4,77%

Капиталистическое хозяйство, основывающееся на наемном труде,— как указывал В. И. Ленин,— может вестись и на сравнительно небольшом земельном участке при больших капиталовложениях на единицу земельной площади, в частности при виноградарстве, выращивании дорогостоящих ранних огородных культур или цветов, предназначающихся для производства духов высших сортов. Во Франции таких хозяйств было довольно много, но точных данных о них французская официальная статистика не дает.

В статистических данных 1862 г. отсутствуют сведения о количестве земли, обрабатывавшейся каждой из групп, перечисленных в приведенной нами выше таблице. Такие сведения мы можем, однако, почерпнуть из сельскохозяйственной переписи 1882 г. Естественно, что за два десятилетия, отделявшие перепись 1862 г. от переписи 1882 г., концентрация земельной собственности и аренда земли во Франции усилились. Сопоставляя данные двух переписей, мы можем все же составить себе приблизительное представление о количестве земли, находившейся в капиталистической эксплуатации в 1862 г.

Представим эти сравнительные данные в виде таблицы.

[243] См. «Statistique agricole de la France». Resultats generaux de l'enquete decennale de 1882. Nancy, 1887. Tableaux, p. 170—173; A. de Foville. Le morcellement. Etudes economiques et statistiques sur la propriete fonciere. Paris, 1885, p. 78.

[244] См. В. И. Ленин, Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу. Соч., т. 31, стр. 133.

Годы	Мелкие и средние крестьянские хозяйства (от 1 до 10 га)	Количество обрабатываемой земли, га	Кулацкие хозяйства (от 10 до 40 га)	Количество обрабатываемой земли, га	Крупнокапиталистические хозяйства (свыше 40 га)	Количество обрабатываемой земли, га
1862	2 435 401	—	636 309	—	154 167	—
1882	2 635 030	11 366 274	727 222	14 845 650	142 088	22 296 105
Увеличение с 1862 по 1882 год	+199 629	—	+90 913	—	—12 079*	—

* Таблица составлена на основе данных, приводимых в издании „Statistique agricole de la France". Résultats généraux de l'enquête décennale de 1892. Paris, 1897. Tableaux

В приведенных данных сельскохозяйственной переписи 1862 г. отсутствуют указания не только на количество земли, обрабатывавшейся на правах собственности или аренды различными группами хозяйств, но и на количество карликовых «хозяйств» рабочих, с наделом до 1 га. Известно, однако, что таких «хозяйств» во Франции было очень много. Так, например, в 1882 г. их насчитывалось 2 167 667[245]. Попытаемся косвенным путем определить, хотя бы приблизительно, число таких хозяйств в 1862 г.

Согласно переписи 1862 г., во Франции имелись 1812 573 собственника, обрабатывавших только свою землю — либо собственным трудом, либо с помощью наемных рабочих[246]. Кроме того, было 1 987 186 фермеров, издольщиков и поденщиков (648 836 фермеров, 203 860 издольщиков, 1134 490 поденщиков), имевших собственную землю, но одновременно арендовавших чужую землю или работавших в качестве сельскохозяйственных рабочих на чужой земле[247].

Таким образом, собственников больших или малых участков земли насчитывалось всего 3 799 759.

По той же переписи, как видно из вышеприведенной таблицы, насчитывалось 3 225 877 хозяйств размером от 1 га и выше[248].

Для того, чтобы сделать все эти цифры сопоставимыми, необходимо еще учесть фермеров и издольщиков, вовсе не имевших своей земли, но арендовавших чужую землю. Таких лиц также могли иметь в виду, когда шла речь о сельских хозяйствах, ибо, как уже указывалось, хозяйство могло вестить и на собственной и на арендованной земле. Фермеров и издольщи-

[245] «Statistique agricole de la France». Resultats generaux de l'enquete decennale de 1892. Tableaux, p. 232.

[246] Ibid, Tableaux, p. 248.

[247] Ibid.

[248] См. также, Ibid. Tableaux, p. 232.

ков, вовсе не имевших своей земли, во Франции, по переписи 1862 г., насчитывалось 588 060[249]. В таком случае сельских хозяев, обрабатывавших только свою, свою и чужую или только чужую землю, было 4 387 819 (3 799 759 + 588 060). Однако владельцев земли размером от 1 га и выше было 3 225 877. Следовательно, владельцев карликовых хозяйств (рабочих с наделом до 1 га) имелось 1 161 942.

Если учесть, что во Франции, согласно переписи 1862 г., насчитывалось еще 869 254 поденщика, лишенных земли[250], и 2 095 777 безземельных батраков, постоянно работавших по найму в сельском хозяйстве[251], то станет ясно, как далеко зашел процесс классовой дифференциации крестьянства, процесс обезземеления основной массы трудящихся крестьян. С другой стороны, приведенные цифры указывают на наличие во Франции огромного числа мелких и мельчайших парцеллярных хозяйств крестьян-бедняков, цеплявшихся за свои клочки земли.

В группе крупнокапиталистических хозяйств происходили явления двоякого рода. С одной стороны, крупные землевладельцы, не приспособившиеся по тем или иным причинам к новым условиям развивавшейся капиталистической экономики и капиталистического рынка, утратили свои земли. Об этом свидетельствует тот факт, что с 1862 г.,— как видно из приведенной выше таблицы,— количество хозяйств в этой группе уменьшилось на 12 079 единиц[252]. Однако имеются основания утверждать, что одновременно в этой группе происходила и концентрация земельной собственности. Мы не располагаем данными о размерах увеличения в этой группе за период с 1862 по 1882 г. земли, находившейся в капиталистической эксплуатации. Зато имеются соответствующие данные за период с 1882 по 1892 г. Число крупнокапиталистических хозяйств за это десятилетие сократилось еще на 3417 единиц, а количество земли, находившейся во владении крупных землевладельцев, увеличилось с 22 296 105 до 22 493 393 га, т. е. на 197 288 га[253]. Следовательно, можно установить тенденцию к уменьшению числа крупнокапиталистических хозяйств и увеличению количества земли, эксплуатируемой этой группой хозяйств.

Важно также отметить, что за 60—70-е годы группа крупных крестьянских хозяйств выросла на 90 913 единиц[254]. Наконец, из приведенной нами на стр. 69 таблицы и из последующих вычислений, основанных на официальных данных, видно, что 869 310 крупнокапиталистических и кулацких хозяйств к 1882 г. сосредоточили в своих руках 37 141 755 га земли (из 49 388 304 га всей обрабатывавшейся площади[255]), между тем как 4 802 697 (2 634 030 + 2 167 677) мелких и средних крестьян и рабочих с наделом владели только 12 240 549 га земли (11 366 274 га + 874 275 га), притом худшего качества.

Рост числа мелких и мельчайших хозяйств имел одной из причин широко применявшуюся практику наделения крохотными участками земли части сельскохозяйственных рабочих. Это делалось для того, чтобы привязать сельскохозяйственных рабочих к определенному месту и таким образом обеспечить крупные владения дешевой рабочей силой. Подобная практика диктовалась, следовательно, интересами землевладельцев[256].

Необходимо отметить, что в действительности капиталистические слои деревни захватили в свое владение гораздо больше земли, чем это следует из вышеприведенных статистических данных. Сама система, по которой производились до 1892 г. сельскохозяйственные переписи, позволяла преуменьшать количество хозяйств, принадлежавших крупным землевладельцам и соответственно преувеличивать число хозяйств других групп. Дело в том, что хозяйства крупных землевладельцев, расположенные в разных коммунах, кантонах, а тем более департаментах, фигурировали обычно в официальных переписях как самостоятельные хозяйственные единицы и, следовательно, попадали в рубрику менее крупных групп хозяйств.

Как видим, за годы Второй империи во Франции значительно усилился, сравнительно с предшествующими десятилетиями, процесс концентрации земельной собственности. В результате интенсификации и специализации сельскохозяйственного производства, применения в нем все большего числа машин углубилась классовая дифференциация французского крестьянства, его раскол на капиталистическое меньшинство и миллионные массы трудящихся крестьян. Во французской деревне 60-х годов 154 тыс. крупных землевладельцев и 636 тыс. кулаков — как это следует из приведенных нами выше цифровых данных — противостояли около 2,5 миллионам трудящихся крестьян и 4 с лишним миллионам сельских пролетариев и полупролетариев (1 161 942 рабочих с карликовым наделом до 1 га + + 869 254 поденщика + 2 095 777 безземельных батраков). Следует отметить, что крупными землевладельцами в годы Второй империи становились финансовые магнаты. На это

«Statistique agncole de la France». Resultats generaux de i'enauete decennale de 1892. Tableaux, p. 249

[250] Ibid.

[251] Ibid. Tableaux, p. 23*2.

[252] См. выше, стр. 69

[253] Ibid.

[255] A. de Foville. Op. cit., p. 91.

[258] См. В. И. Ленин. Капитализм в сельском хозяйстве. Соч., т. 4, стр. 121.

было в 1867 г. обращено внимание Сената. Так, в выступлении, сенатора Юбер-Делиля указывалось, что в одном только департаменте Жиронда крупные финансисты за короткий срок приобрели земельных владений на 12 млн. франков[257].

Одним из основных показателей развития капиталистических отношений во французской деревне периода Второй империи было отделение земельной собственности от производства как в прямой, так и в скрытой форме. Прямой формой отделения земельной собственности от производства является, как известно, развитие арендных отношений. По данным сельскохозяйственной переписи 1862 г., во Франции насчитывалось 386 533 хозяйства арендаторов-фермеров, не владевших никакой земельной собственностью. В последующие годы Второй империи их число увеличилось, судя по тому, что к 1882 г. их было 468 184 (увеличение на 81 651 единицу). Кроме того, в 1862 г. насчитывалось 648 836 фермеров, арендовавших землю и при этом владевших также собственной землей[258]. Среди них были как капиталистические арендаторы, так и крестьяне, вынужденные приарендовывать клочки земли, так как они не могли прокормиться с земли, находившейся в их владении (так называемая голодная крестьянская аренда).

Довольно широкое распространение имела во Франции в 50—60-х годах и аренда полуфеодального типа — издольщина (metayage). В 1862 г. здесь было 201 527 хозяйств издольщиков, лишенных всякой земельной собственности, и 203 860 хозяйств издольщиков, владевших, кроме того, своей собственной землей [259].

О размерах аренды во Франции в годы Второй империи дают представление данные международной статистики 1873 г., на которые ссылается известный французский буржуазный экономист А. де Фовилль. Согласно этим данным, общее число хозяйств издольщиков (metayers) и фермеров (fermiers) достигло к 1873 г. 1151393 (319 450 хозяйств издольщиков+ + 831 943 хозяйства фермеров). При этом на условиях аренды обрабатывалось в общей сложности, включая клочки земли, приарендовываемые мелкими крестьянами, а также земли, арендовавшиеся капиталистическими предпринимателями, 16 325 607 га, т. е. треть всей обрабатываемой площади[260].

Скрытой формой отделения земельной собственности от производства является ипотечная задолженность. Крестьянин,

[257] Association internationale des travailleurs. Comite central des sections de la langue allemande. «Manifeste aux travailleurs des campagnes». Geneve, Janvier 1870, p. 6.

[258] «Statistique agricole de la France». Resultats generaux de l'enquete -decennale de 1892. Tableaux, p. 246—249.

[259] Ibid.

[260] A. de Foville. Op. cit., p. 79.

заложивший землю под ипотеку, остается только ее номинальным собственником. Ради сохранения своей фиктивной собственности он обязан ежегодно выплачивать ростовщику огромные проценты. Фактическим же собственником земли становится ростовщический капитал.

В январе 1870 г. Комитет пропаганды немецких секций Интернационала в своем обращении к крестьянству указывал,, между прочим, на огромные размеры ипотечной задолженности французских крестьян. Однако данные, приводившиеся Комитетом, рисовали положение крестьян только в период, предшествовавший Второй империи, что свидетельствует о неудовлетворительной постановке статистики ипотечной задолженности во Франции в 50—60-х годах. «Во Франции,— указывалось в обращении,— стоимость обрабатываемой земли исчисляется в 48 млрд. франков, однако эта земля обременена 12 млрд. франков ипотечной задолженности — так что одна ее четверть принадлежит только номинально тем, кто, гордясь именем собственника, надрывается над её обработкой, едва извлекая для себя 2% годовых, в то время как своим кредиторам... они платят по меньшей мере 5% годовых» [261].

В действительности размеры ипотечной задолженности французских крестьян в годы Второй империи были гораздо значительнее. Приблизительные сведения о ней можно почерпнуть из статистических материалов французского министерства финансов и из других источников. Судя по этим материалам,, ипотечная задолженность во Франции с 1820 по 1840 г. выросла в полтора раза — с 8,86 млрд. франков до 12,54 млрд. В середине 70-х годов она составляла 14,37 млрд. франков[262]. Если учесть, что французские крестьяне выплачивали в среднем по ипотечным долгам 7—8% годовых, то с 14 млрд, франков ипотечной задолженности ежегодная сумма процентов составляла более миллиарда франков. Следует, кроме того, иметь в виду выплату процентов на проценты, а главное, выплату процентов по неипотечным ссудам, взятым у ростовщика.

Таким образом, в период Второй империи банки и деревенские ростовщики, крупные землевладельцы и кулаки ежегодно отвлекали от земледелия, во всяком случае, свыше миллиарда франков.

Незадолго до прихода Наполеона III к власти Маркс следующим образом охарактеризовал степень закабаления французского крестьянства. «Французский крестьянин,— писал

[161] Association internationale des travailleurs. Comite central des sections de la langue allemande. «Manifeste aux travailleurs des campagnes». Geneve, Janvier 1870, p. 6.

[262] E. Michel. La dette hypothecate et le credit foncier de France. Paris-Nancy, 1914. Цит. по кн. А. Шнеерсон. Аграрный вопрос во Франции. М., 1948, стр. 164.

он,— в виде *процентов* на тяготеющие на земле *ипотеки,* в виде процентов и на *неипотечные ссуды у ростовщика* отдает капиталистам не только земельную ренту, не только промышленную прибыль, одним словом,— не только *весь чистый доход,* но даже *часть своей заработной платы;* он опустился таким образом до уровня *ирландского арендатора,* и все это под видом *частного собственника»* [263].

Рост ипотечной задолженности во Франции в годы Второй империи является убедительным подтверждением замечания Маркса о том, что «каждое поколение крестьян.— *Э. Ж.* оставляет все больше долгов следующему, каждое новое поколение начинает свою жизнь при все более тяжелых и неблагоприятных условиях, задолженность рождает задолженность...» [264].

Растущее разорение мелкого крестьянства в 50—60-х годах обусловливалось также бременем тяготевших на нем, как и на рабочем классе, государственных налогов. «Отдельные капиталисты,— писал Маркс,— эксплуатируют отдельных крестьян посредством *ипотек* и *ростовщичества;* класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством *государственных налогов»* [265]. Как было сказано выше, общая сумма косвенных налогов, ложившихся на потребителей, подавляющее большинство которых составляли трудящиеся города и деревни, удвоилась за годы Второй империи [266]. Следует учесть и рост нотариальных, почтовых, гербовых сборов, обременявших французское крестьянство. По данным, приводимым буржуазными экономистами, рост общей суммы этих поборов вместе с косвенными налогами и таможенными пошлинами характеризуется следующими цифрами [267]:

Годы	Общая сумма млн. фр.
1850	747,8
1855	958,5
1860	1074,3
1865	1231,9
1869	1273,0

Известно, однако, что в результате заключения торговых договоров с Англией и другими странами таможенные пошлины

[263] К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 183.

[264] Там же.

[265] Там же, стр. 184

[266] См. стр. 62.

[267] «Dictionnaire general de la politique», par M. Block t I p. 1033.

во Франции снизились с 228 445 тыс. франков в 1859 г. до 147 349 тыс. в 1868 г. [268]

Таким образом, косвенные налоги и другие перечисленные выше поборы возросли в еще большей степени, чем это указано в приведенной таблице.

Что касается прямых налогов, в том числе основного поземельного налога, то в 1847—1870 гг. общая их сумма формально удерживалась примерно на одном уровне. В действительности, однако, это означало увеличение поземельного налога для трудящихся крестьян и его снижение, по сравнению с предшествующими десятилетиями, для капиталистической верхушки деревни. Необходимо учесть, что поземельное налогообложение во Франции основывалось на кадастровых оценках податных земельных участков, производившихся в течение первой половины XIX в. Владельцы участков, обложенных налогом в предшествовавшие Второй империи десятилетия, продолжали выплачивать его в прежних размерах, независимо от роста или снижения доходности их земельных участков.

Между тем доходность земли, принадлежавшей капиталистическим слоям деревни, значительно выросла; доходность же земельных участков мелких крестьян — -вследствие истощения почвы, отсутствия дополнительных капиталовложений, устаревших методов обработки земли, ограбления их владельцев посредническим капиталом при реализации продуктов и в силу ряда других причин — обнаруживала неуклонную тенденцию к снижению. «Только владельцам капиталов,— писал в этой связи П. Лафарг,— земля приносит доход — вот естественный закон капиталистического производства» [269].

Владельцы карликовых участков земли были вынуждены соединять труд в сельском хозяйстве с работой в домашней системе крупной промышленности. «В Оверни и на юге Франции,— сообщал П. Лафарг,— плетут кружева и соломенные шляпы, шьют перчатки; в северо-западных департаментах, в Севеннах и в департаментах, соседних с Лионом, ткут и прядут шерсть и шелк; эти работы составляют источники доходов крестьянской семьи. Заказы на все эти промышленные работы, производимые у домашнего очага, получались

[268] Ministere de l'agriculture et du commerce. «Situation economique et commerciale de la France». Expose сотргтаШ pour les quinze annees, 1853—1867, p. 104; 1854—1868, p. 404; 1855—1869, p. 150. Данные министерства сельского хозяйства и торговли несколько расходятся с соответствующими данными, приводимыми в изд. «La politique commerciale de la France ou le traite de 1860 avec l'Angleterre». Paris, 1872, p. 20.

[269] П. Лафарг. Движение поземельной собственности во Франции. Соч., т. II. М.—Л., 1928, стр. 119 (работа написана Лафаргом специально для издания в России).

от городских купцов, которые снабжали и сырым материалом»[270].

Другой формой побочного труда являлась сезонная работа в городской промышленности. Так, в центральных департаментах крестьяне работали зимой на стекольных и гипсовых заводах, в Луарском бассейне — рудокопами и кузнецами на шахтах. Из департамента Крез и из Оверни крестьяне уходили в Париж, где работали каменщиками и грузчиками[271].

Из одного только департамента Крез ежегодно уходило на сезонные строительные работы в департамент Сена, главным образом в Париж, до 40 тыс. человек[272], причем все большее число ушедших не возвращалось обратно в деревню. Согласно сообщению префекта департамента Крез, в конце 50-х годов половина здоровых мужчин этого департамента переселилась в город. К концу же 60-х годов, как сообщал из Лиможа генеральный прокурор, в некоторых дистриктах департамента Крез две трети мужчин ушли на строительные работы в город[273]. Даже официальные власти, обеспокоенные систематической убылью населения в департаменте, вынуждены были признать, что основной причиной переселений была низкая оплата труда в сельском хозяйстве, а также в промышленности этого департамента, в частности в строительной. Цены же на продукты были здесь высокие, нередко выше, чем в Париже.

В департаменте Верхняя Сона также резко сократилось сельское население, переселявшееся в Париж или эмигрировавшее в Алжир, Америку и в различные страны Европы. Основная причина эмиграции была здесь та же, что и в департаменте Крез: низкая оплата труда сельскохозяйственных рабочих, высокие цены на продукты, разорение мелкого, парцеллярного крестьянства.

Аналогичные явления наблюдались и в других районах Франции. Развитие капиталистических отношений в деревне, приводившее к разорению и обнищанию трудящегося крестьянства, имело результатом окончательный уход мелких парцеллярных крестьян и сельскохозяйственных рабочих в города, где они вливались в ряды промышленного пролетариата. Этот процесс нашел отражение и в росте городского населения, превышавшем избыток рождаемости над смертностью в городах, и в сокращении сельского населения. Следующие

[270] П. Лафарг. Указ. соч., стр. 68.
[271] Там же.
[272] A. Chatelain. Les migrants temporaries et la propagation des idees revolutionnaires en France au XIX siecle. «1848. Revue des revolutions contemporaines», 1951, № 188, p. 14.
[273] D. H. Pinkney. Migration to Paris during the Second empire. «Journal of modern history», march 1953, p. 4.

данные свидетельствуют об изменении соотношения сельского и городского населения во Франции в 1851—1866 гг.[274]:

	1851 г.	1856 г.	1861 г.	1866г.
Городское население	25,52%	27,31%	28,86%	30,46%
Сельское население	74,48%	72,69%	71,14%	69,54%

Согласно подсчетам французского экономиста Лаверня, за период с 1847 по 1866 г. «приблизительно половина территории Франции, состоящая из сельских округов... потеряла в целом миллион жителей»[275]. Но и эти данные являются преуменьшенными. Маркс еще в 1852 г. указывал на то, что во Франции, сверх официально числившихся четырех миллионов нищих, бродяг и т. д., «существует пять миллионов душ, находящихся на краю гибели и либо живущих в самой деревне, либо непрерывно перекочевывающих со своими лохмотьями и детьми из деревни в город и из города в деревню»[276]. Бегство из деревень приняло здесь во второй половине 60-х годов такие размеры, что стало предметом широкого обсуждения на страницах буржуазной экономической литературы и в периодической печати, темой многочисленных донесений префектов и прочих правительственных агентов.

Остававшиеся в деревне поденные рабочие, батраки и рабочие с наделом влачили жалкое существование. Правда, номинальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих, особенно в страдную пору, повысилась. П. Лафарг приводил данные буржуазной прессы о движении заработной платы поденных сельскохозяйственных рабочих в окрестностях Монпелье в 50—60-х годах. Сведения эти, по его словам, могут «до некоторой степени дать понятие о подобном движении во всей Франции»[277].

Годы	Зимняя пора	Страдная пора	Время сбора винограда
1852—1857	35 су	40 су	40 су
1860—1863	40 »	50 »	60 »
1870	50 »	60 »	80 »

Необходимо, однако, учесть, что 50—60-е годы были, как мы уже знаем, временем общего вздорожания цен на пред-

[274] В. Ф. Левитский. Сельскохозяйственный кризис во Франции (1862—1892). Харьков, 1899, стр. 142; H. See. Op. cit., p. 497.
[275] L. Lavergne. Sur le denombrement de la population en 1866. «Journal des economistes», jui'let 1867, p. 110.
[276] К Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 296.
[277] П. Лафарг. Указ. соч., стр. 78.
[278] Су равен 5 сантимам, 20 су — 1 франку.

меты первой необходимости, падения реальной заработной платы.

Приведенный нами статистический и прочий документальный материал подтверждает справедливость данной Марксом характеристики положения французского трудящегося крестьянства в конце 60-х годов. «Крестьянская собственность,— писал в 1871 г. Маркс,— вступила в период своего упадка. С одной стороны, из нее вырос обширный земельный *пролетариат* (сельский пролетариат), интересы которого совпадают с интересами городских наемных рабочих. Самый способ производства совершенно устарел вследствие новейших успехов агрономии. Наконец, и сама крестьянская собственность стала теперь номинальной, оставляя крестьянину иллюзию собственности и отнимая у него плоды его собственного труда. Конкуренция крупных фермеров, налог крови, государственный налог, ростовщичество городских ипотечных кредиторов и обирание его на разные лады опутывающей его судебной системой низвели его до положения индийского райота, в то же время экспроприация — даже экспроприация его номинальной собственности — и низведение его на степень сельского пролетария является повседневным фактом» [279].

Таким образом, следствием развития капитализма во Франции в 50—60-х годах,— какпоказано нами в настоящей главе,— было чрезвычайное обогащение финансовой аристократии, крупной промышленной и торговой буржуазии, крупных землевладельцев и кулацкой верхушки крестьянства, разорение и экспроприация трудящегося парцеллярного крестьянства, обнищание городского и сельского пролетариата.

Противоречие между трудом и капиталом значительно углубилось и обострилось в годы Второй империи сравнительно с периодом революции 1848—1849 гг. «Во всех странах Европы теперь стало очевидной истиной для каждого непредубежденного ума,— указывал Маркс в 1864 г.,—что ни усовершенствование машин, ни применение науки к производству, ни улучшение средств сообщений, ни новые колонии, ни эмиграция, ни расширение рынков, ни свободная торговля, ни все это вместе взятое не устранит нищеты трудящихся масс; на современной порочной основе всякое новое развитие производительных сил труда неизбежно углубляет общественные противоположности и обостряет общественные антагонизмы» [280].

[279] К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции-». «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 339, 341.

[280] К. Маркс. Учредительный манифест Международного товарищества рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 339.

Глава II

НАЗРЕВАНИЕ КРИЗИСА ВТОРОЙ ИМПЕРИИ (1867—1869)

1

Обострение классовых противоречий во Франции в 50—60-х годах в результате роста капиталистического производства привело к возрождению французского рабочего движения после удара, нанесенного ему поражением революции 1848—1849 гг., и к его дальнейшему подъему. Революционный подъем особенно усилился в конце 60-х годов. В эти же годы все более интенсивно нарастала оппозиция различных кругов французской буржуазии к империи Наполеона III, их недовольство ее внутренней и внешней политикой. С 1867 г. неуклонно назревал кризис бонапартистского режима.

Историческое развитие Франции в 1867—1870 гг., освещение которого составляет задачу настоящего исследования, тесно связано с историей Второй империи предшествующих лет.

Мы считаем поэтому целесообразным предварительно очертить основные этапы социально-политической борьбы, происходившей в бонапартистской империи со времени государственного переворота 1851 г. до начала изучаемого нами периода.

* * *

В первые годы после прихода к власти Луи Бонапарта французское рабочее движение переживало состояние крайнего упадка. Подлинная мощь, цвет революционного рабочего класса,— писал в 1852 г. Энгельс,— был или убит во время июньского восстания, или выслан и заключен в тюрьмы по бесчисленным *разнообразным* предлогам после июньских со-

бытии»[1]. В дни государственного переворота 1851 г. и вслед за ними были, кроме того, брошены в тюрьмы либо сосланы лучшие представители той части французских рабочих и революционной интеллигенции, которая к тому времени уцелела в Париже и в провинции. В числе сосланных были и наиболее видные деятели кооперативного движения.

Во Франции установился режим военного деспотизма, полицейско-бюрократического гнета, засилья католического духовенства. Демократическая печать была задушена, право собраний и союзов ликвидировано, политические, профессиональные, кооперативные организации рабочих разгромлены. По данным Т. Делора, из 299 рабочих объединений, существовавших ко времени государственного переворота 1851 г., уцелело всего 15[2]. Рабочий класс, таким образом, «был лишен всяких средств взаимной связи и организации»[3]. Он временно утратил возможность вести активную борьбу против бонапартистской империи.

Ослабление политической активности французских рабочих в начале 50-х годов объяснялось также их глубоким разочарованием в политической деятельности, вызванным поражением революции 1848 г. Во время этой революции обнаружилось предательское поведение буржуазных республиканцев по отношению к пролетариату. «Буржуазные республиканцы,— писал о них Маркс,— именем февральской революции захватили государственную власть и употребили ее на то, чтобы устроить июньскую бойню; они этой бойней доказали рабочему классу, что «социальная» республика есть не что иное, как социальное порабощение его республикой, а монархически настроенной массе буржуазии и классу землевладельцев,— что они могут беспрепятственно предоставить буржуазным «республиканцам» заботы и денежные выгоды управления»[4]. Буржуазия лишила широкие массы французского народа всеобщего избирательного права и других демократических завоеваний революции 1848 г.

У Следует далее учесть, что бонапартистский государственный переворот совпал с началом промышленного подъема во Франции, сменившего экономический кризис и депрессию предшествовавших лет. Временное улучшение экономического положения французских рабочих обеспечило Луи Наполеону «нейтралитет громадного большинства рабочего класса...»[5]

На это обстоятельство указывают, между прочим, донесения генеральных прокуроров бонапартистской империи. Так, например, в донесении от 11 марта 1852 г. о «моральном и политическом положении» в Марселе говорилось: «Оппозиция в Марселе многочисленна и влиятельна. Люди, преданные правительству, присоединившиеся к нему, отнюдь не составляют большинства... Но до тех пор, пока народ сможет удовлетворять свои потребности посредством труда или прибыльной торговли, не приходится опасаться за общественный порядок и общественное спокойствие»[6]. £"

С помощью демагогической политики мнимой защиты интересов рабочих французскому императору удалось в первые годы империи найти сторонников и среди некоторых, наиболее отсталых элементов пролетариата. Настроения именно этой части французского рабочего класса имел в виду, по всей вероятности, генеральный прокурор апелляционного суда[7] в Эксе (департамент Устья Роны), сообщая в донесении от 27 января 1854 г.: «... Многочисленные акты благотворительности, исходящие от их императорских величеств, учреждение касс вспомоществования старости и все официальные акты, касающиеся благосостояния трудящихся классов, производят в народе глубокое и спасительное впечатление»[8].

Наряду с передовыми представителями рабочего класса, в декабрьские дни 1851 г. и в последующий период подверглись жестоким репрессиям и передовые элементы крестьянства, участвовавшие в вооруженном сопротивлении бонапартистскому государственному перевороту. Облавами, массовыми арестами и ссылками ответило правительство Наполеона III на крестьянские восстания и волнения, охватившие значительную часть Франции, главным образом ее центральные и южные районы (департаменты Алье, Луаре, Ионн, Нижние Альпы, Авейрон, Устья Роны, Дром, Вар, Ло, Гар, Эро, Ло-и-Гаронна, Восточные Пиренеи, Тарн-и-Гаронна, Воклюз, Нижние

[1] Ф. Энгельс. Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого (1851) года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 421.

[2] T. Delord. Histoire du Second empire, t. II, Paris, 1870, p. 31. См. также J. Gaumont. Histoire generale de la cooperation en France. Paris, 1924, p. 436.

[3] Ф. Энгельс. Европейские рабочие в 1877 г. К. Маркс *а* *Ф.* Энгельс. Соч., т. XV, стр. 403.

[4] К. Маркс. Гражданская война во Франции. К. Маркс *щф* *Ф.* Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 475.

[5] Ф. Энгельс. Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого (1851) года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 421.

[6] Le Procureur General de la Cour d'Appel d'Aix au Garde des Sceaux ë Paris. Aix, le 11 mars 1852. «International review for social history», vol. IV, 1939, p. 239.

[7] После установление империи апелляционные суды были переименованы в императорские, но практически употреблялись и старые наименования.

[8] Le Procureur General de la Cour d'Appel d'Aix au Garde des Sceaux a Par: Aix, le 27 Janvier 1854. «International review for social history», vol. IV, p. 240.

Пиренеи и др.)[9]. «Со времен Людовика XIV Франция не знала подобных преследований крестьян «за демагогические козни»,— писал в этой связи Маркс в 1852 г.[10] Отметим, что Маркс в то время не был полностью осведомлен о масштабах,, какие приняли крестьянские выступления против бонапартистского переворота. Позднее, в конце 1868 г., прочитав книгу буржуазного республиканца Е. Тено, современника и историка Второй империи, «Провинция в декабре 1851 г.», он писал Энгельсу: «Движение (республиканское) среди сельского населения было гораздо значительнее, чем мы думали» [11].

Но если передовая часть французского крестьянства утратила к началу 50-х годов веру в династию Бонапартов и была охвачена республиканскими настроениями, то значительные массы крестьян все еще сохраняли веру в нее. и ожидали от новоявленного императора избавления от разорения и нищеты, обрушившихся на них в первой половине XIX в.

Все изложенные нами обстоятельства и позволили Наполеону III сохранить в первые годы его господства внешнее спокойствие в стране.

Единственными легальными организациями рабочих были в это время общества взаимопомощи, ограничивавшие свою деятельность выдачей пособий больным и нуждающимся своим членам, мирившиеся с «опекой» местного мэра и священника. Эти общества пользовались покровительством бонапартистского правительства, рассчитывавшего «приручить» таким образом рабочее движение, лишить его самостоятельности, облегчить полицейский надзор за ним. По данным Одиганна, в первые годы империи в различных отраслях промышленности Парижа существовало 30 обществ взаимопомощи, субсидировавшихся правительством; 26 обществ субсидировалось в провинции [12]. Одновременно жестоко преследовались малейшие попытки возрождения независимого от правительства рабочего движения.

В эту наиболее мрачную пору бонапартистской реакции, в пору политической апатии, овладевшей большинством французских рабочих, в их среде получило распространение мелкобуржуазное, утопическое учение Прудона, проповедовавшего анархизм и классовое сотрудничество, отрицавшего необходимость профессиональных союзов и стачечного движения, необходимость политической борьбы рабочего класса против капиталистической эксплуатации. Прудон идеализировал мелкую частную собственность и стремился ее увековечить. Он доказывал возможность социального освобождения трудящихся масс путем организации «справедливого обмена» продуктов труда мелких самостоятельных производителей, «дарового кредита» и взаимных услуг (мютюэлизма). «Не уничтожить капитализм и его основу — товарное производство,— писал в этой связи В. И. Ленин,— а *очистить* эту основу от злоупотреблений, от наростов и т. п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а, наоборот, «конституировать» ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, *«справедливой»,* лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений — вот идея Прудона» [13].

Влияние прудонизма было наиболее сильным среди разорявшейся мелкой буржуазии и ремесленного пролетариата. «Читали Прудона, конечно, очень немногие, а понимали его многочисленные запутанные творения и того меньше,— отмечала в свое время Вера Засулич,— но отдельные фразы Прудона, отрывочные сведения о даровом кредите, об обмене продуктов по их истинной стоимости, о федерализме и анархии были наготове у каждого, кто желал порассуждать, потеоретизировать» [14]. Следует добавить, что влиянию прудонизма на мелкобуржуазные и отчасти на рабочие массы Франции в значительной мере способствовала его критика крупной капиталистической собственности, разорявшей мелких ремесленников и торговцев, его разоблачения католической церкви.

Прудон немало содействовал тому, что у части французского пролетариата, особенно в первые годы бонапартистской империи, создалось ложное представление о Наполеоне как о защитнике интересов рабочих. В 1852 г. Прудон выступил с позорной книгой, озаглавленной «Социальная революция/продемонстрированная государственным переворотом»[15]. В ней он изображал Наполеона III человеком, призванным открыть эру революционных социальных преобразований, воплотить в действительность наиболее передовые идеи революции 1848 г. к осуществить, таким образом, во Франции социальную рево-

[9] См. донесения префектов Второй империи о крестьянских волнениях этого периода в публикации. G. Bourgin. Les prefets de Napoleon III, historiens du coup d'Etat. «Revue historique», 1931, t. CLXVI; E. Tёno I. La province en decembre 1851. Etude historique sur le coup d'Etat. Paris, 1868; V. Schoelcher. Histoire des crimes de deux decembre. London, 1852; А. И. Герцен. Былое и думы, глава XLII. Полное собр. соч. и писем, т. XIII, Пг., 1919.

[10] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 294.

[11] Маркс — Энгельсу. 19 декабря 1868 г. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. т. XXIV, стр. 150.

[12] См. A. Audiganne. Les populations ouvrieres..., t. II, p. 217, 336—338.

[13] В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20, стр. 17.

[14] В. Засулич. Очерк истории Международного общества рабочих. Женева, 1889, стр. 3.

[15] См. P.-J. Proudhon. La Revolution sociale demontree par le coup d'Etat. Paris, 1852.

люцию, которая всколыхнет Европу и весь мир. Недаром бонапартистские власти, беспощадно расправлявшиеся с республиканцами и социалистами, не чинили препятствий распространению этой книги и проявляли терпимость к ее автору.

Выдающиеся произведения Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в которых с подлинной научной глубиной и революционной страстью была вскрыта реакционная сущность бонапартистской империи, авантюризм и ничтожество ее главы, не были в то время известны французским рабочим и социалистам. Неизвестной оставалась тогда во Франции и вышедшая в 1847 г. работа Маркса «Нищета философии», содержавшая сокрушительную критику прудонизма. Только в конце 60-х годов передовые французские социалисты впервые познакомились с этими произведениями[16].

Однако, несмотря на прудонистскую пропаганду, во Франции не прекращалось стачечное движение даже в условиях жесточайшего полицейского террора первых лет бонапартистского режима. О стачках этого периода мы мало что узнаем из работ буржуазных историков. Между тем о множестве стачек, происходивших в эти годы, свидетельствуют донесения генеральных прокуроров Второй империи. Так, например, в донесениях от 9 мая и 5 июля 1852 г. из Лиона сообщалось о стачках лионских каменщиков, кровельщиков, землекопов, набойщиков ткани, о стачке углекопов Рив-де-Жье (департамент Луара); в донесении от 3 июля 1852 г. из Амьена — о стачке двухсот столяров Сен-Кантена (департамент Эн). 5 апреля 1853 г. из Лиона сообщалось о том, что там «повсюду объявляются стачки рабочих»[17],

В дальнейших донесениях генеральных прокуроров за 1854 и 1855 гг. снова сообщалось о стачках в Лионе, а также в Марселе, Тулузе, Бордо, Амьене, Дижоне, Кольмаре, Тулоне, Нанси, Ниме, Нанте, Ренне, на шахтах Анзена и в других менее зцачительных индустриальных пунктах. В донесениях указывалось и на голодные волнения, имевшие место, например, в Бурже и в Пуатье[18]. Тяжелые условия существования фабрично-заводского и ремесленного пролетариата еще более осложнялись неурожаями первых лет империи. Характерно, однако, что генеральные прокуроры и в урожайные годы указывали на наличие «продовольственного кризиса», имея, надо полагать, в виду чрезвычайную дороговизну продуктов.

[16] См. главу III.

[17] См. Le Procureur General de la Cour d'Appel de Lyon au Garde des Sceaux a Paris. Lyon, le 9 mai, 5 juillet 1852; le Procureur General de la Cour d'Amiens au Garde des Sceaux. Amiens, le 3 juillet 1852. «International review for social history», vol. IV, p. 241, 253, 254, 255,

[18] Ibid., p. 237—278.

Генеральный прокурор апелляционного суда в Ренне, сообщая 13 июля 1855 г. о многочисленных стачках, вспыхнувших «во всех рабочих корпорациях» Нанта вслед за стачками в Лионе, Марселе, Бордо, утверждал, что основной причиной стачек является «подстрекательство демагогии», иными словами, республиканская и социалистическая агитация. «В Ренне,— доносил он,-— хотели так же, как во всех других крупных городах, использовать бедствия трудящихся классов, являющиеся главным образом следствием огромного роста цен на продовольственные продукты. Но благодаря принятым мерам стачки рабочих до настоящего дня не привели ни к чему серьезному»[19]. Такое же объяснение стачечного движения давали и другие генеральные прокуроры, хотя это и не соответствовало действительности. Стачки возникали вне зависимости от республиканской и социалистической агитации. Они выражали протест рабочих против снижения их реальной заработной платы. Ответственность за тяжелые условия своего существования рабочие в этот период возлагали в большинстве случаев на предпринимателей, не распространяя ее на бонапартистский режим в целом.

Что касается республиканской агитации, то она, так же как и стачечное движение, не прекращалась во Франции после декабрьского государственного переворота, несмотря на разгул полицейского террора. В сферу ее влияния вовлекались люди различных социальных слоев: рабочие, ремесленники, буржуазная интеллигенция, в том числе студенчество, часть крестьянства. Об участии крестьян в республиканском движении первых лет бонапартистского режима сообщалось, в частности, в донесениях генеральных прокуроров. Так, в донесении из Экса от 12 сентября 1852 г. указывалось на то, что «в сельских кантонах» департамента Устья Роны «движение, разгораясь медленнее, чем в индустриальных городах, также гораздо медленнее приходит в успокоение»[20]. Республиканская агитация носила конспиративный характер. Открытой политической борьбы против империи в эту пору во Франции не существовало.

Представителей различных социальных групп, участвовавших в республиканском движении начала 50-х годов, объединяла общая ненависть к бонапартистскому полицейско-бюрократическому режиму. Это были, однако, люди разных обще-

[19] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Rennes au Garde des Sceaux a Paris. Rennes, le 13 juillet 1855. «International review for social history», vol. IV, p. 272.

[20] Le Procureur General de la Cour d'Appel d'Aix au Garde des Sceaux a Paris. Aix, le 12 septembre 1852. «International review for social history», vol. IV, p. 239.

ственно-политических идеалов. Рабочие стремились к «социальной и демократической республике», о которой они имели, правда, лишь смутное представление. Такая республика принципиально отличалась от буржуазной республики, во имя которой вели борьбу против империи буржуазные элементы разнообразных политических оттенков, участвовавшие в антибонапартистском республиканском движении. Однако глубокие идейные расхождения, существовавшие в республиканском лагере, проявились с большой остротой лишь на более позднем этапе политической борьбы.

Республиканское движение начала 50-х годов было обречено на поражение. Его главной слабостью был возврат к отжившим формам политической борьбы, к организации тайных обществ, заговоров, террористических актов. Французские рабочие, участвовавшие с первых лет империи в антибонапартистском движении, встали на этот ложный путь под влиянием буржуазной интеллигенции. Будучи лишены революционных руководителей, они действовали совместно с буржуазными республиканцами, нередко под их руководством.

Из сообщения генерального прокурора апелляционного суда в Лионе от 5 июля 1852 г. мы узнаем: «В момент ареста членов тайного общества.— *Э. Ж-* в Круа-Русс образовалась толпа в несколько тысяч человек, которая бросала оскорбления по адресу агентов власти; охваченная необычайным ожесточением, она отступила только в результате энергичных действий линейных войск»[21]. Многочисленными арестами и преследованиями республиканцев по всей Франции ответило правительство на наиболее значительное из антибонапартистских выступлений этого периода, предпринятое в ночь с 26 на 27 августа 1855 г. рабочими аспидоломен в окрестностях Анжера (департамент Мэн-и-Луара).

Завладев некоторым количеством оружия и вооружившись, кроме того, палками, топорами и т. п., около 300 рабочих вечером 26 августа двинулись в Анжер. По пути к ним присоединились еще несколько сот человек, в том числе крестьяне. 27 августа на рассвете они в количестве 500—600 человек прибыли в предместье Анжера, но здесь были окружены засевшими в засаду правительственными войсками и жандармерией. Было арестовано около 100 человек. Аресты были произведены также среди рабочих-республиканцев Анжера.

Выступление,— заявил один из обвиняемых во время судебного процесса по данному делу,— имело целью «опрокинуть правительство, которое заставляет нас голодать»[22]. Неурожаи 1853, 1854, 1855 гг. вызвали сильное вздорожание хлеба. Цена гектолитра пшеницы с 12 франков поднялась в 1855 г. до 30 франков и выше. Среди рабочего и крестьянского населения, доведенного до грани нищеты, нарастало сильное брожение.

Решаясь на это отчаянное выступление, рабочие и их руководители были уверены в том, что одновременно состоятся выступления и в других пунктах страны и прежде всего в Париже. 26 августа в районе Анжера циркулировали ложные слухи, будто в Париже «свергнуто правительство и провозглашена республика».

С целью усиления репрессий против республиканцев бонапартистское правительство приписало инициативу выступления в окрестностях Анжера тайному обществу «Марианна». В действительности тайные общества под таким названием действовали в различных районах Франции значительно раньше, в 1850 и 1851 гг. Что касается августовских событий 1855 г., то не установлено никаких следов причастности к ним какого-либо общества под названием «Марианна».

Донесения генеральных прокуроров Второй империи, относящиеся к первой половине 50-х годов, свидетельствуют о том, что передовые рабочие не переставали стремиться к социальному освобождению. В донесении от 5 февраля 1853 г. из Лиона генеральный прокурор сообщал: «Рабочий класс вообще убежден в несправедливости социального строя. Эксплуатация человека человеком, тирания капитала,— весь багаж уравнительной философии всех веков, который, как казалось, был предан забвению, так как о нем не говорилось более в печати, напротив, сохранился в более или менее грубой форме в сознании рабочих и составляет основу их политических убеждений. Правительство напрасно будет проявлять живую симпатию к трудящимся классам; ему не удастся уничтожить здесь (в Лионе) дурные умонастроения. Здесь существует своего рода вера, своеобразная политическая религия, гнездящаяся в мастерских. Любое благодеяние истолковывается там как уступка, сделанная под влиянием внушенного ими страха»[23].

24 февраля 1853 г.,— сообщал в другом донесении тот же генеральный прокурор,— в Лионе и его предместье Круа-Русс большинство рабочих отметили годовщину февральской рево-

S C J I L l P P T " T aen fral de-la Cour d'Appel de Lyon au Garde des history», voL IV p 254

[22] См. J. Suret-Canale. La «Marianne», une insurrection ouvriere manquee en 1855. «Cahiers internationaux», 1956, № 73.

[23] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Lyon au Garde des Sceaux a Paris. Lyon, le 5 fevrier 1852. «International review for social history», vol. IV, p. 254—255.

люции приостановкой работы на ткацких станках. На площади в Круа-Русс было водружено красное знамя[24].

О классовой ненависти к буржуазии, испытываемой республикански настроенными рабочими и отчасти крестьянами, сообщали в первой половине 50-х годов генеральные прокуроры и ряда других департаментов Франции: Сена, Нор, Рона, Кот-д'Ор, Алье и т. д.

Так, например, генеральный прокурор парижского апелляционного суда писал в 1855 г. в одном из своих донесений: «Следует признать, чего бы это признание ни стоило, что вражда бедняка к богатым, глубоко укоренившаяся среди рабочего класса благодаря революции 1848 г., и поддерживающие эту вражду учения в достаточной мере объясняют то обстоятельство, что из среды этого класса постоянно выходят все новые заговорщики, злоумышляющие против императорского правительства»[25].

В донесении из Дижона (департамент Кот-д'Ор) от 9 июля 1855 г. генеральный прокурор сообщал: «Среди этой... части населения (пролетариев городов и местечек) правительство уже по одному тому, что оно является правительством, насчитывает мало друзей... Эта часть населения питает к буржуазии непримиримую вражду. В нынешнем году вражда еще усиливается возмущением, вызванным дороговизной съестных припасов, и проистекающими отсюда страданиями. Элемент этот существует повсюду; он более или менее компактен, организован, и везде, где он численно преобладает, достаточно искры, чтобы вызвать волнение в городах»[26]. Можно привести и другие донесения того же рода.

Экономический кризис 1857—1858 гг. открывает новый этап в развитии внутриполитической жизни Франции. Оказав разрушительное действие на французскую промышленность, сельское хозяйство, торговлю, кредит и обнаружив, таким образом, непрочность материальной основы империи, кризис, впервые со времени государственного переворота 2 декабря, возбудил недовольство бонапартистским режимом среди всех слоев населения Франции, в том числе и буржуазии.

Усилившееся в условиях кризиса наступление предпринимателей на жизненный уровень рабочих, выразившееся в снижении их заработной платы, вызвало ряд стачек в различных отраслях промышленности Парижа и провинции. Глубокое недовольство нарастало среди трудящегося крестьянства. Оно проявлялось в многочисленных поджогах помещичьих имений, о чем бонапартистская печать старательно умалчивала.

Отзвуки обострившейся в деревне классовой борьбы слышны в донесениях генеральных прокуроров империи и в следующем 1858 г. «... Непрерывно возобновляются столкновения в деревне между сельскими хозяевами и их наемными рабочими»,— сообщал, например, 28 ноября 1858 г. генеральный прокурор в донесении из Орлеана[27].

Маркс в конце 1856 г. называл настроение французских крестьян революционным. Он отмечал, что бонапартистское правительство было вынуждено прибегать к жалким уловкам, «чтобы смягчить и отсрочить опасные требования сельскохозяйственной нужды»[28]. В разные концы страны были разосланы циркуляры, в которых префекты обращали внимание местных властей на необходимость «поощрения» частной благотворительности. Префект департамента Сарт, например, рекомендовал супрефектам «с максимальной настойчивостью и уверенностью... изыскивать средства для поддержки и доставления работы гражданам, нуждающимся в том и другом». Тем самым, доказывал он, они будут «содействовать поддержанию общественного спокойствия». Подчеркивая необходимость принятия срочных мер для умиротворения крестьян, префект далее писал: «Помещики и фермеры за последние годы получили значительные прибыли и, будучи особенно заинтересованы в поддержании тишины и спокойствия в своей местности, поймут, что жертвовать для них составляет столько же выгоду, сколько и обязанность»[29].

Оппозиционными настроениями начали проникаться и значительные слои буржуазии в связи с сокращением прибылей в различных отраслях промышленности, падением курса ценных бумаг, акций «Движимого кредита», Французского банка, железнодорожных и других компаний, трехпроцентной ренты и т. д. Особенно велико было озлобление разорявшейся мелкой буржуазии, а также многочисленных мелких рантье, пострадавших от постоянных колебаний на бирже.

С конца 1856 г. в Париже стали все чаще появляться антиправительственные прокламации, что повлекло за собой мно-

[24] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Lyon au Garde des Sceaux a Paris. Lyon, ic 4 mars 1853. «International review for social history», vol. IV, p. 255.

[25] Цит. по кн. A. Th o m a s. Le Second empire. Paris, s. d., p. 164. (Histoire socialiste sous la direction de J. Jaures, t. X). В книге приведен ряд выдержек из прокурорских донесений 1852—1856 гг.

[26] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Dijon au Garde des Sceaux a Paris. Dijon, le 9 juillet 1855. «International review for social history», vol. IV, p. 248.

[27] Le Procureur General de la Cour d'Appel d'Orleans au Garde des Sceaux a Paris. Orleans, le 28 novembre 1858. «International review for social history», vol. IV, p. 267.

[28] К. Маркс. Экономический кризис во Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 70.

[29] См. там же.

гочисленные аресты. Между 1 и 12 октября 1856 г. среди рабочих и буржуазных элементов столицы было произведено не менее девятисот арестов.

Аресты особенно усилились накануне выборов 1857 г. в Законодательный корпус. Правительство имело основания опасаться неблагоприятного для него исхода выборов в индустриальных центрах. Его опасения в значительной мере оправдались. Это подтверждают донесения генеральных прокуроров. «В индустриальных центрах,— сообщал, например, в июле 1857 г. из Кана генеральный прокурор,— оппозиционное настроение неустранимо. Повсюду, где имеются рабочие, можно быть уверенным, что они будут голосовать за самого враждебного правительству кандидата...»[30] Аналогичные тревожные сообщения поступали во время выборов от генеральных прокуроров из Буржа, Кольмара и других мест. Крайне неблагоприятными для правительства были, например," результаты голосования в Мюлузе. «Голосование в Мюлузе,— сообщалось в донесении генерального прокурора из Кольмара от 10 июля 1857 г.,— снова вызвало к жизни такие имена, которые напоминают худшие дни революции и гражданской войны»[31].

Несмотря на принятые правительством полицейские меры с целью оказать давление на избирателей и обеспечить успех рекомендованных им официальных кандидатур, несмотря на массовые аресты, большинство рабочих голосовало за кандидатов оппозиции.

На это обращали внимание бонапартистских властей генеральные прокуроры. Так, например, в донесении из Дижона от 13 июля 1857 г. сообщалось: «Нашим общим успехом во время выборов мы обязаны не столько ревностной инициативе избирателей, сколько упорным усилиям и активности чиновников всех рангов... И все же рабочие крупных центров голосовали за кандидатов оппозиции»[32]. «Активность чиновников» во время избирательной кампании 1857 г. выразилась главным образом в арестах лиц, подозревавшихся в республиканских настроениях. Другой генеральный прокурор сообщал из Гренобля: «Рабочие городов скверно голосовали во время последних выборов»[33]. На это жаловался и генеральный прокурор Лиможа: «Повсюду, где существует фабрика, завод и люди, работающие в большом количестве в одном месте, голосование прошло очень плохо»[34].

Французская буржуазия, при поддержке рабочих, провела в Законодательный корпус пять правых или так называемых «умеренных» республиканцев — Эмиля Оливье, Альфреда Даримона, Жака-Луи Генона, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара[35]. Они составили левую фракцию Законодательного корпуса. Правда, новая оппозиционная фракция, депутаты которой принесли верноподданническую присягу императору, была такой же жалкой, как и учреждение, к которому она принадлежала[36]. Но самый факт появления республиканской оппозиции в бонапартистской палате был свидетельством того, что отходила в прошлое пора, когда, по выражению Энгельса, «буржуазия повиновалась... и смотрела на Наполеона как на спасителя общества и потому как на необходимого человека»[37]. Буржуазия впервые выразила стремление вернуться к активной политической жизни, так как начинала терять веру в способность Наполеона III обеспечить ее материальные интересы.

Республиканские кандидаты нашли поддержку также в провинции: в Лионе, Тулузе, Бордо, Авиньоне, Монпелье и во многих других городах департаментов Марна, Мерт, Ло, Мэн-и-Луара, Об, Кот-д'Ор, Луара, Эр, Дордопь, Эро, Эндр, Шарант, Орн и др.[38]

«Эта манифестация общественного мнения,— • писал Э. Тено по поводу голосования во время выборов 1857 г.,— при всей ее скромности и нерешительности, произвела сильное впечатление на правительство. Есть основание полагать, что именно с этого времени император начал подумывать о новой войне для отвлечения общественного мнения и, возможно, также о внутренней реформе с целью расширения прав Законодательного корпуса. Идея итальянской войны, как и декрета от 24 ноября 1860 г., может быть вполне отнесена к периоду, непосредственно следовавшему за выборами 1857 г.»[39]

1858 год начался с покушения на жизнь Наполеона' III, совершенного 14 января в Париже итальянцем Орсини, казненным вскоре после его неудачной попытки. «...Гранаты Орси-

[30] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Caen au Garde des Sceaux a Paris. Caen, le 19 juillet 1857. «International review for social history», vol. IV, p. 245.

[31] Le Procureur General de la Cour d'Appel'de Colmar au Garde des Sceaux a Paris. Colmar, le 10 juillet 1857. Ibid., p. 245, n. 2.

[32] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Dijon au Garde des Sceaux a Paris. Dijon, le 13 juillet 1857. Ibid., p. 248.

[33] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Grenoble au Garde des Sceaux a Paris. Grenoble, le 10 octobre 1857. Ibid., p. 250.

[34] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Limoges au Garde des Sceaux a Paris. Limoges, le 28 juin 1857. «International review for social history», vol. IV, p. 252.

[33] Оливье, Даримой и Энон были избраны в 1857 г., Фавр и Пикар во время дополнительных выборов, в апреле Г858 г.

[36] См. Ф. Энгельс. Преследование Монталамбера. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 517.

[3?] Там же, стр. 519.

[38] См. E. Tenot et A. Dubost. Les suspects en 1858. Etude historique sur "application de la loi de sflrete generale. Paris, 1869, p. 69.

[39] Ibid., p. 69—70.

ни,— писал в этой связи Маркс,— точно молнией, осветили внутреннее положение Франции. Оказалось, что режим Луи Бонапарта все так же еще непрочен, как и в первые дни государственного переворота»[40]. Правительство Второй империи ответило на январские события изданием законов об общественной безопасности («lois de sfirete publique»), направленных против так называемых «подозрительных лиц». Законы эти были утверждены Законодательным корпусом 27 февраля 1858 г. Аресты и ссылки обрушились на рабочих, ремесленников, крестьян, мелкобуржуазную интеллигенцию, на республикански настроенных представителей торговой и промышленной буржуазии, в том числе на тех из них, кто после декабря 1851 г. отошел от политической жизни. В феврале 1858 г. министром «внутренних дел и общественной безопасности» был назначен генерал Эспинас, один из активных участников бонапартистского государственного переворота. Страна была разделена на пять военных генерал-губернаторств.

1 апреля 1858 г. Маркс, касаясь политического положения во Франции, писал: «Господство террора прогрессивно возрастает». Он приводил обширную выдержку из английского периодического органа «Continental review», в которой подробно описывалась система проведения в жизнь законов о подозрительных лицах, принятая опричниками Второй империи во главе с генералом Эспинасом. Заимствуем несколько строк из этой выдержки:

«Они взяли старые списки лиц, которые после политических волнений 1848 и 1851 гг. были признаны полицией опасными; стали их арестовывать массами как в Париже, так и в департаментах. Все это было сделано без какого бы то ни было расследования, давали ли с тех пор эти лица или нет какой-либо повод для жалоб против них, и результаты получились' самые тяжелые... Таким образом, ясно, что полиция воюет не против виновных, а против подозреваемых... В департаментах дело обстоит приблизительно так же, как в Париже»[41].

Усиление репрессивных мер против рабочего класса и революционного крестьянства, против республиканских элементов буржуазии изобличало непрочность бонапартистского режима, его изолированность внутри страны. «Франция,— отмечал в то время Маркс,— стала исключительной вотчиной преторианцев...»[42] Внутриполитическое положение осложнялось рядом просчетов во внешней политике, допущенных Наполеоном III в конце 50-х годов. Они ухудшили отношения Второй империи с Соединенными Штатами, Англией, Швейцарией, Сардинией, Португалией, Бельгией. Напряженность политической обстановки во Франции была такова, что Маркс в феврале 1858 г. писал о кризисе бонапартистского режима, о начале конца Луи-Наполеона[43].

Следует отметить, что и выдающийся русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский писал в конце 50-х годов об ослаблении бонапартистского режима во Франции и о неизбежности крушения Второй империи. «И не ясно ли,— подчеркивал он,— что чем круче средства, за которые должен браться старый порядок вещей, чтобы удержаться против напора новых интересов, тем яснее свидетельствуется ими сила новых интересов?.. И если с каждым годом старому порядку вещей приходится принимать для своего поддержания меры все более и более крутые, то не ясно ли сам он свидетельствует этим, что сила его противников с каждым годом увеличивается? И не приближается ли смерть его самими теми отчаянными средствами, к которым он принужден прибегать для поддержания своей жизни?».

Н. Г. Чернышевский выражал твердую уверенность в том, что «подавление политической самостоятельности» трудящихся масс Франции есть «только мимолетная дремота, за которою должно последовать их пробуждение с обновленными благодаря видимому бездействию силами»[44].

Однако в конце 50-х годов во Франции отсутствовало массовое революционное движение; да и оппозиция французской буржуазии политике бонапартистского правительства еще только зарождалась. Энгельс в ноябре 1858 г. писал о буржуазном антибонапартистском движении как о деле ближайшего будущего, но отнюдь не как о существующем факте. Он при этом подчеркивал, что оно явится «несомненным предшественником нового революционного движения» народных масс[45]. Только в первой и особенно во второй половине 60-х годов, в результате дальнейшего развития капитализма и обострения классовых противоречий, способствовавших росту политической сознательности рабочего класса, начинается подлинное возрождение революционного рабочего движения. Одновременно при-

[40] К. Маркс. Господин Фогт. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. I, стр. 377—378.

[41] См. К. Маркс. Нынешнее положение Бонапарта. К. Маркса Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 503.

[42] К. Маркс. Правление преторианцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 492.

[43] См. К. Маркс. Начало конца Луи-Наполеона. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 483—487.

[44] Н. Г. Чернышевский. Франция при Людовике-Наполеоне. Полное собр. соч. М., 1951, т. V, стр. 395—396.

[45] Ф. Энгельс. Преследование Монталамбера. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 520.

нимает явный характер и все более расширяется оппозиционное движение буржуазии.

Уже в самом начале 60-х годов, в связи с заключением англо-французского торгового договора (в январе 1860 г.), Наполеон III восстановил против себя весьма влиятельную часть крупной буржуазии, составлявшую в 50-х годах одну из опор бонапартистского режима. Новая торговая политика, обусловленная этим договором, поставила многих владельцев текстильных предприятий (в частности, прядильных фабрик Лилля, Руана, Рубэ, Эльбефа, Туркуэна и др.), металлургических заводов, угольных копей перед фактом английской конкуренции на внутреннем рынке. Чтобы противостоять этой конкуренции, французские предприниматели были вынуждены обновить основной капитал и переоборудовать свои предприятия в соответствии с новейшими требованиями техники. Для этого необходимы были крупные капиталовложения. Правительство Второй империи законом от 1 мая 1860 г. предоставило владельцам предприятий для обновления устаревшего оборудования 40-миллионную субсидию, из которой 15 млн. франков, разделенных на 80 ссуд, предназначались для нужд текстильных предприятий[46]. Были также снижены ввозные пошлины на текстильное сырье (шерсть, хлопок, красители), в котором нуждалась французская промышленность, и сокращена стоимость перевозки грузов по воде[47]. Однако эти меры не смогли ослабить недовольства тех кругов буржуазии, которые настойчиво требовали отказа от торгового договора 1860 г. Промышленный застой начала 60-х годов, осложненный событиями гражданской войны в Америке, еще более обострил оппозиционные настроения крупной буржуазии.

Но если торговый договор 1860 г. находил не только противников, но и сторонников среди крупной буржуазии в лице той ее части, которая была заинтересована в снижении ввозных пошлин на предметы французского экспорта (вина, шелка, «парижские изделия» и др.), то рабочая политика Наполеона III вызывала недовольство всей крупной буржуазии в целом. Провал этой политики становился для буржуазии все более очевидным. Наполеону III, несмотря на его демагогическое заигрывание с рабочими, не удалось привлечь их на сторону империи. Даже наименее сознательная их часть постепенно освобождалась от опеки и покровительства бонапартистских властей. Генеральные прокуроры империи уже в 1856 г. жаловались на то, что рабочие «отказываются от благодеяний» администрации и не желают создавать с ее помощью потребительских обществ, что «дух партийности берет у них верх над доводами нищеты»[48]. Среди французских рабочих росла вражда к бонапартистскому режиму; их борьба против усиливавшейся под покровительством этого режима капиталистической эксплуатации все обострялась. Ответственность за возрождение революционного рабочего движения буржуазия возлагала на бонапартистское правительство, давшее возможность рабочему классу оправиться после поражения 1848 г.

Ноябрьскими декретами 1860 г. начинается период либеральных преобразований, посредством которых Наполеон III рассчитывал умиротворить недовольную буржуазию. Этими «реформами»,— указывал В. И. Ленин,— французскому императору удалось затянуть на долгие годы петлю на шее трудящихся масс[49].

Декретами от 24 ноября 1860 г. Законодательному корпусу и Сенату было предоставлено право обсуждения политики правительства, в ответ на ежегодную тронную речь императора при открытии сессии Законодательного корпуса, и принятия адреса с ее оценкой. Бонапартистские палаты получили также право публиковать официальные отчеты о своих заседаниях.

Буржуазию, однако, не удовлетворяли эти незначительные уступки. Она требовала более радикальных политических преобразований — «необходимых свобод», свободы слова, печати и т. д., в том числе расширения прав муниципалитетов. Уже в период избирательной кампании 1863—1864 гг. был создан оппозиционный политический блок под названием «либерального союза» (union liberale), составивший ядро будущей «третьей партии» (tiers parti). Он состоял, в основном, из буржуазных республиканцев правого толка и орлеанистов. В него входила также часть легитимистов.

Буржуазное движение против полицейско-бюрократического централизма бонапартистского режима охватило все крупные города Франции. В 1865 г. на конгрессе в Нанси участники этого движения приняли программу, в которой излагались требования децентрализации государственного аппарата империи.

Однако, выступая в роли выразителя интересов народных масс, среди которых нарастало недовольство их политическим бесправием, требуя «необходимых свобод» для всего населения,

[46] C. Fohlen. La concentration dans l'industrie textile francaise au milieu du XIX siecle. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», Janvier — mars 1955, t. II, p. 51.

[47] M. Levy. Histoire economique et sociale de la France depuis 1848. Universite de Paris. 1951—1952, p. 106 и след.

[48] См. Le Procureur General de la Cour d'Appel de Grenoble au Garde des Sceaux a Paris. Grenoble, le 23 decembre 1855. «International review for social history», vol. IV, p. 250.

[49] См. В. И. Ленин. Четвертая конференция РСДРП. Соч., т. 13, стр. 125.

буржуазия в действительности заботилась исключительно о своих классовых интересах. Она рассчитывала использовать свободы, которые будут отвоеваны ею при помощи народных масс, против самих же масс. Она намеревалась усилить борьбу не только против бонапартистской империи, но и против возрождавшегося революционного рабочего движения, подавить которое оказался неспособен Наполеон III. Именно об этом умалчивают буржуазные историки, односторонне изображающие оппозиционное движение французской буржуазии в 60-х годах, как движение, направленное исключительно против бонапартистского режима.

О возрождении революционного рабочего движения свидетельствовал рост классового сознания французских рабочих. Он был продемонстрирован ими в период избирательной кампании 1863—1864 гг. Во время этой кампании рабочие выразили свое недовольство республиканской группой «пяти» в Законодательном корпусе, избранию которой они сами способствовали в 1857 г. Один из полицейских комиссаров Второй империи с тревогой сообщал в то время из Лиона: «В ряде мастерских заявляют во всеуслышание, что группа «пяти» ничем не лучше прочих депутатов... что интересы рабочих может отстоять только рабочий» [50]. Такую же тревогу по поводу политических настроений лионских рабочих выражал и генеральный прокурор Лиона. Он указывал, что от рабочих следует ожидать «весьма плохих выборов». Он особо подчеркивал, что «общества взаимопомощи, столь многочисленные в Лионе, заняли прискорбную позицию... На всех рабочих собраниях влиянием пользуются самые неистовые элементы, те, которые вводят в заблуждение своих товарищей лживыми и несбыточными обещаниями... Во время ближайших выборов успех выпадает не на долю Энона, Фавра, Морена и других, а на долю людей, избранных самыми низами демагогии... Рабочие сейчас отдались во власть вожаков, которые мечтают о нарушении общественного порядка» [51].

Майские выборы 1863 г. принесли значительный успех республиканской оппозиции. За ее кандидатов было подано 1 954 369 голосов против 5 308 254 голосов, собранных в результате всевозможных махинаций официальными правительственными кандидатами. В Законодательный корпус были избраны 35 депутатов оппозиции, большую часть которых составляли буржуазные республиканцы.

24 мая 1863 г., за неделю до выборов, группа парижских рабочих выставила в первом избирательном округе столицы кандидатуру рабочего-типографа Жозефа Блана. Первый рабочий кандидат получил только 342 голоса против 15 359 голосов, поданных за правого буржуазного республиканца Гавена, директора газеты «Steele», 7308 голосов, собранных бонапартистским кандидатом, и 1425 голосов, полученных либералом Ластейри.

Во время дополнительных выборов, состоявшихся 20—21 марта 1864 г., был вторично выставлен рабочий кандидат, на этот раз в пятом округе Парижа. Выбор пал на резчика Толена, за которого было подано 495 голосов [52], а по некоторым сведениям — 395 голосов против 14 444 голосов, полученных правым буржуазным республиканцем Гарнье-Пажесом, 6530 голосов, собранных официальным бонапартистским кандидатом Фредериком Леви, и 409 голосов — радикальным республиканцем Теодором Баком [53].

В опубликованной парижскими рабочими предвыборной декларации, получившей название «Манифеста шестидесяти» по числу подписавших ее лиц, выступление рабочего класса со своей собственной кандидатурой, отдельно от буржуазных партий, обосновывалось следующим образом: «Неоднократно повторяли, что не существует более классов; с 1789 г. все французы равны перед законом. Но мы, не имеющие другой собственности, кроме наших рук, ежедневно подчиняющиеся всяким законным и произвольным требованиям капитала, живущие под действием исключительных законов, вроде закона о коалициях..., с большим трудом можем поверить такому утверждению». Необходимость иметь своих, рабочих представителей в Законодательном корпусе авторы «Манифеста» объясняли расхождениями, существующими между рабочим классом и буржуазией в области социально-экономических вопросов, неспособностью представителей либеральной оппозиции в Законодательном корпусе отстаивать интересы рабочих. «Мы не имеем своих представителей,— говорилось в «Манифесте»,— вот почему мы выдвигаем вопрос о рабочих кандидатурах... Разве подавляющее большинство Законодательного корпуса не состоит из крупных землевладельцев, фабрикантов, купцов, генералов, журналистов и т. д.?» [54]

«Манифест шестидесяти» в других своих частях носил следы прудонистских заблуждений его составителей, остававшихся на позициях классового сотрудничества с буржуазией.

[50] Lyon, cite republicaine. Etude collective. «1848. Revue des revolutions contemporaries», 1951, № 189, p. 124.

[51] Le Procureur General de la Cour d'Appel de Lyon au Garde des Sceaux a Paris. Lyon, le 27 juin 1863. «International review for social history», vol. IV, p. 262.

[52] E.-E. Fribourg. L'Association internationale des travailleurs Paris, 1871, p. 11.

[53] CM. A. Zëvaë S. Les candidatures ouvrieres et revolutionnaires sous le Second empire. «La Revolution de 1848», t. 29, 1932, p. 139.

[54] «Манифест 60-ти» был опубликован 17 февраля 1864 г. в либеральной газете «L'Opinion nationale». Полный текст «Манифеста» воспроизведен в кн. A. Thomas. Le Second empire, p. 216—223, откуда заимствованы приведенные выше выдержки.

Но вместе с тем он свидетельствовал о начавшемся освобождении французских рабочих от влияния буржуазных республиканцев, как и от влияния прудонизма. «Манифест» 1864 г. показывает, что даже среди прудонистски настроенных рабочих намечался поворот к политической борьбе за осуществление социальных чаяний пролетариата. Недаром Прудон крайне отрицательно отнесся к выступлению парижских рабочих с политической избирательной программой[55]. «Манифест шестидесяти» подвергся яростным нападкам буржуазных республиканцев.

Еще более убедительным доказательством того, что французское рабочее движение вступило на путь возрождения, явилось установление французскими рабочими со времени Всемирной выставки 1862 г. интернациональных связей с английским пролетариатом и рабочими других стран, выраженная ими солидарность с польским восстанием 1863 г., их активное участие в основании Международного товарищества рабочих, появление в конце 1864 — начале 1865 г. первых французских секций этой всемирной организации рабочего класса. Именно под давлением возрождавшегося революционного движения правительство Наполеона III отменило в мае 1864 г. закон Ле Шапелье (1791 г.) о запрещении коалиций в расчете ослабить недовольство рабочих. Однако новый закон не мог удовлетворить французский пролетариат, так как ему не предоставлялось право собраний, и он фактически был лишен возможности должным образом пользоваться правом коалиций.

Как видим, политика лавирования между буржуазией и пролетариатом, попеременного заигрывания то с одним, то с другим из этих двух антагонистических классов, составлявшая сущность бонапартизма, только обостряла и расширяла недовольство того и другого класса бонапартистским режимом.

Наряду со значительными сдвигами в рабочем движении и в большой степени под их воздействием, с начала 60-х годов все явственнее обозначается перегруппировка политических сил французской буржуазии. Правое крыло буржуазных республиканцев, как мы уже знаем, все теснее сближается с орлеанистами. Одновременно совершается отход молодого поколения буржуазных республиканцев, выступившего на политическую арену в годы Второй империи, от так называемых «стариков», бывших деятелей 1848 г. В отличие от буржуазных республиканцев старшего поколения, сохранивших свои былые либеральные взгляды, не отвечавшие потребностям политической борьбы нового исторического этапа, молодые в основном составили радикальное крыло республиканской буржуазии. Да и в рядах самого радикального крыла республиканцев происходило идейное размежевание. Отдельные, лучшие представители республиканской молодежи (П. Лафарг, Ш. Лонге, редактор радикально-демократической газеты «La Rive gauche», редактор той же газеты А. Рожар, автор нашумевшего в 1865 г. антибонапартистского памфлета «Les propos des Labienus», и другие), сближались с рабочими и присоединялись к социалистическому движению. Лафарг, в то время студент Парижского университета, был одним из первых, кто порвал с буржуазными республиканцами. «Время открыло нам глаза,— писал он весной 1866 г.— Сегодня мы понимаем, что они буржуазные республиканцы.— *Э. Ж* являются сутенерами империи, ее предохранительным клапаном. Мы резко порвали с ними. Их салоны были открыты для нас, но они пустовали... Мы обосновались в Латинском квартале, посещали только рабочих»[56]. Однако, порвав с буржуазными республиканцами, передовая студенческая молодежь подпала под влияние мелкобуржуазных идеи Прудона. Только в ходе дальнейшей борьбы против империи она постепенно освобождалась от многих прудонистских заблуждений, затемнявших ее политическое сознание.

Результаты муниципальных выборов, состоявшихся во Франции в июле 1865 г., проливают свет на политическую обстановку, сложившуюся к середине 60-х годов в различных районах страны. Об этих результатах мы узнаем из донесений с мест генеральных прокуроров. В бумагах министра юстиции Второй империи Жюля Бароша сохранился рукописный экземпляр сводного обзора, составленного по окончании выборов на основе прокурорских донесений. Документ этот, не подлежавший в то время оглашению, был впервые опубликован в 1943 г.[57]

На основе донесений генеральных прокуроров из Риома,. Лиможа, Дижона, Буржа, Орлеана можно вкратце охарактеризовать политическое положение, сложившееся к середине 1865 г. в 16 центральных департаментах Франции.

В этих департаментах были крайне ослаблены «старые партии» — легитимисты и орлеанисты. Контингент легитимистов ограничивался немногочисленной замкнутой группой с центром в Блуа, а также несколькими знатными, богатыми семьями в гористых районах департаментов Канталь и Коррез, и на юге департамента Верхняя Вьенна. Столь же малочисленны были в центральных департаментах и орлеанисты. Они не имели сколько-нибудь прочных связей с населением, среди которого насчитывали лишь немногих приверженцев, преимущественно в департаменте Верхняя Марна, где были расположены обшир-

[55] См. P.-J. Proudhon. De la capacite politique des classes ouvrieres.

[56] P. Lafargue. Nouvelle generation. «La Rive gauche», 22 avril 1866.

[57] CM. «Journal of modern history», decemher 1943, p. 295—302 Documents.

D 1QCC

ные владения орлеанского принца де Жуанвиля. Часть орлеанистов к этому времени вступила в сотрудничество с империей. Духовенство занимало здесь в основном нейтральную позицию по отношению к империи. «Единственная серьезная сила, которой правительству следует заняться, это демагогия»,— указывалось в обзоре, авторы которого имели в данном случае в виду республиканцев и социалистов.

«Департаменты центра,— сообщалось далее,— могут быть разбиты на две существенно отличающиеся одна от другой группы, почти равные по числу входящих в них департаментов» [58].

Восточная группа департаментов центра, включавшая департаменты Верхняя Луара, Пюи-де-Дом, Алье, Шер, Ньевр, Сона-и-Луара, Кот-д'Ор, Верхняя Марна, носила преимущественно индустриальный характер и насчитывала множество промышленных предприятий и многочисленное рабочее население. Поэтому здесь пользовались успехом «дурные доктрины» — по терминологии бонапартистских чиновников. «Долина Луары,— поясняли они,— является колыбелью социализма; здесь в 1849 г. было поднято восстание, и сейчас еще прядильные, тюлевые и полотняные предприятия Бриуда и Исенжо, мастерские по производству котлов в Ламбере и Иссуаре, писчебумажные фабрики, кожевенные заводы в департаменте Алье, доменные печи и лесопромышленные предприятия департаментов Шер, Ньевр и Кот-д'Ор доставляют демагогии послушные кадры» [59]. Об этом свидетельствовали результаты муниципальных выборов 1865 г., а также происходившие здесь многочисленные стачки. На это указывала и густая сеть тайных обществ, «покрывающая все верховье Луарского бассейна, долины рек Алье, Шер, Арру, Ньевр, как и истоки Соны и Сены. Сеть тайных обществ через департаменты Дром и Ардеш сообщается с югом Франции; в центре она опирается на Лион и Сент-Этьенн и, наконец, на севере сходится у Дижона, превратившегося в один из наиболее мощных очагов движения» [60].

Западная группа департаментов центра, носившая преимущественно аграрный характер, в южной своей части (департаменты Канталь, Коррез, Крёз) была населена жившим на скудной земле крестьянством. Затерянное в горах, вдали от крупных индустриальных и торговых центров, оно не было охвачено революционной пропагандой. Население департаментов Эндр, Эндр-и-Луара, Луара-и-Шер, Луаре, состоявшее преимущественно из зажиточного крестьянства, сохраняло

[58] «Journal of modern history», december 1943, p. 296.
[59] Ibid., p. 297.
[60] Ibid.

верность империи. Иное положение было в департаменте Верхняя Вьенна. «В Лиможе выборы имели весьма прискорбный характер»,— констатировала правительственная сводка. «Впрочем,— указывалось в ней далее,— движение имеет здесь место не впервые: в 1848 г. демагогия два месяца хозяйничала в Лиможе. Она не утратила своей силы и организованности и в годы империи. Это легко объяснимо: знаменитые фарфоровые заводы — причина того, что четвертую часть жителей Лиможа, населяющую его предместья, составляет рабочее население, живущее в нищете, невежестве и глубокой деморализации. Социализм волнует и вдохновляет рабочих» [61].

В департаментах запада (за исключением двух небольших коммун в районе Пуатье, а также сельских коммун Бретани и особенно в округах Витре, Савенэ, Шатобриан и Ансени), клерикально-легитимистская партия, издавна имевшая здесь сильную опору, потерпела во время выборов 1865 г. поражение. Напротив, серьезного успеха добились демократические элементы. Основываясь на донесениях генеральных прокуроров из Пуатье, Анжера и Ренна, авторы обзора указывали на то, что росту демократического влияния в департаментах запада в известной мере способствовали местные бонапартистские власти. В борьбе против клерикально-легитимистского влияния они нередко использовали демократов. В результате демократы одержали во время выборов 1865 г. полную либо частичную победу в Рошфоре, Ла-Рошели, Трелазе, Монтрей-Беллей, Эвроне, Анжере, Сомюре, Мамере, Лориане, Фужере и в некоторых сельских коммунах. Сообщая о том, что «население с необычным для него рвением спешило воспользоваться своими избирательными правами», авторы обзора, вслед за генеральными прокурорами, делали такой общий вывод: «Едва зародившись, демагогия уже одержала на западе серьезные успехи» [62].

В юго-восточных департаментах, судя по донесениям из Лиона, Гренобля и Шамбери, социалистическая пропаганда была широко распространена со времени революции 1848 г. По словам генеральных прокуроров, это в первую очередь относилось к департаментам, расположенным близ Лиона и Марселя. Настроение умов в этих районах внушало бонапартистским властям серьезное беспокойство. В Монбризоне, Балансе, Вьенне, Монтелимаре выборы, по словам генеральных прокуроров, носили «ультрадемократический» характер. «Пятнадцать лет спокойствия и умиротворения,— гласит отчет,— не искоренили революционных идей; сейчас они вновь

«Journal of modern history», december 1943, p. 297.
[62] Ibid., p. 298.

получают здесь развитие, хотя и постепенное, но все возрастающее. Возможно, недалеко то время, когда эти идеи найдут здесь и более яркое выражение... Ближайшие законодательные выборы в этой части Франции будут, таким образом, трудными»[63]. Заслуживают при этом внимания сообщения генеральных прокуроров о случаях вступления буржуазных республиканцев в избирательный блок с орлеанистами и легитимистами, в противовес официальным бонапартистским кандидатам. Это имело место, например, в Гренобле.

В Савойе так же, как и в западных департаментах, бонапартистское правительство в своем увлечении борьбой против клерикалов само до некоторой степени способствовало успеху республиканских элементов, влияние которых здесь и без того непрерывно росло[64]. Результаты выборов, которые принесли серьезное поражение правительству, подтвердили опасения, неоднократно высказывавшиеся генеральным прокурором до выборов. «Одна партия является опасной в Савойе: это республиканская партия,— сообщал он, например, 30 марта 1865 г.— Она никогда не разоружалась и всегда готова использовать ошибки правительства, чтобы завладеть властью... Весьма вероятно, что муниципальные выборы выявят эту тенденцию. Надо ожидать выборов, которые будут крайне враждебны по отношению к правительству, а также по отношению к клерикалам»[65].

В восточных департаментах муниципальные выборы 1865 г., согласно единодушному заявлению генеральных прокуроров из Меца, Кольмара, Нанси, Безансона, прошли «вполне удовлетворительно» для правительства и неблагоприятно для «старых партий» и для республиканцев. «Тем не менее и здесь,— были вынуждены признать авторы обзора,— следует констатировать весьма тревожную тенденцию, выражающуюся в росте влияния революционных идей среди масс, в систематическом отказе во многих коммунах от кандидатур, выдвинутых из среды духовенства и местных именитых лиц, в пользу кандидатов рабочего класса либо мелкой буржуазии»[8] Правительство потерпело здесь неудачу с выборами мэров. В тех случаях, когда оно отступало от обещанного им нового принципа назначения мэров[66] и навязывало населению мэров

[63] «Journal of modern history», december 1943, p. 299.

[M] Ibid.

[60] См. основанную на архивных материалах статью P. Guichonnet. Jules Favre et la bataille pour les elections de 1869 en Haute-Savoie. «Cahiers d'histoire», 1956, № 1, p. 78.

«Journal of modern history», december 1943, p. 299.

[66] Речь идет об обещании, данном незадолго до выборов 1865 г. министром внутренних дел Второй империи Ла-Валером от имени бонапартистского правительства — назначать впредь мэров только из числа избранных

не из числа избранных членов муниципальных советов,— как это имело место, например, в департаментах Ду, Юра, Мёрт и в других местностях,— население бурно реагировало на такие нарушения. В отдельных случаях дело доходило до серьезных волнений, в результате чего правительство было вынуждено отстранять от должности вновь назначенных мэров.

В юго-западных департаментах, не считая нескольких крупных индустриальных центров с республикански настроенным рабочим населением, подавляющую часть населения составляло крестьянство, в значительной своей части зажиточное. Результаты выборов, как об этом свидетельствуют донесения из Ажана, Тулузы и Бордо, оказались здесь в общем благоприятными для бонапартистов. Согласно утверждению генеральных прокуроров, оппозицию в этих департаментах представляла только местная землевладельческая знать, принадлежавшая к старым партиям и старавшаяся использовать свое положение для возбуждения недовольства империей среди крестьян. И все же авторы донесений не могли не признать наличия в этих районах «общего подъема политической жизни»[67].

В северо-западных департаментах, согласно донесениям из Кана и Руана, зажиточное крестьянство, которое генеральные прокуроры называли «трудолюбивым и здравомыслящим сельским населением», продемонстрировало в основном свою преданность империи. Однако и среди этих слоев крестьянства, как были вынуждены признать бонапартистские чиновники, нашли проявление «либеральные тенденции». Старые партии, прежде всего легитимисты, утратили здесь свое былое влияние. Что касается «демагогии», то, согласно сообщениям генеральных прокуроров, «в крупных промышленных центрах она представляет опасность». Если она и не одержала победы во время выборов 1865 г., то все же «получила достаточно внушительное меньшинство, чтобы возбудить к себе внимание правительства». Местным властям,— настаивали генеральные прокуроры,— необходимо в дальнейшем изменить линию своего поведения, ибо до сих пор их тактика играла только на руку оппозиции. Она выражалась в неприкрытом вмешательстве в процедуру выборов. Таково было, например, поведение префекта департамента Эр, который оказал тем самым услугу о позиционным элементам[68].

членов муниципальных советов. До этого мэры назначались правительством произвольно. Во время муниципальных выборов 1865 г. население выразило недовольство существовавшей системой назначения мэров тем, что около 4 тыс. мэров, находившихся в этой должности ко времени выборов, не были избраны в муниципальные советы нового состава.

«Journal of modern history», december 1943, p. 300.

[68] Ibid.

В северных департаментах, как свидетельствуют донесения из Амьена и Дуэ, выборы 1865 г. принесли империи наиболее благоприятные результаты. «Даже там, где одержала верх оппозиция, ее кандидатами являлись люди неоспоримой благонамеренности,— заверяли генеральные прокуроры,— в Амьенском округе зажиточное крестьянство настроено в пользу империи. Если здесь и существует борьба мнений, то она выражается в борьбе либеральных и клерикальных тенденций, силы которых взаимно уравновешиваются». Это относится, в частности, к округу Дуэ. Донесения из северных департаментов заканчиваются констатацией того, что «рабочие департамента Па-де-Кале и Нор, которые могли бы доставить демагогии внушительные силы, сохраняли в последнее время достаточно спокойствия и благоразумия». Причину такого настроения, в частности, рабочих города Лилля, который издавна являлся республиканским центром, как и другие индустриальные города Франции, генеральный прокурор департамента Дуэ объяснял тем, что «рабочий класс был здесь введен в заблуждение поведением его вожаков» [69].

В южных департаментах Франции — насколько можно судить по донесениям из Экса, Нима, Монпелье — муниципальные выборы 1865 г. во многих местах сопровождались серьезными волнениями и «беспорядками». «Неоспорим тот факт,— указывалось в этой связи в отчете,— что общественное мнение на юге Франции претерпело за последние два года серьезные изменения; оно стало беспокойным, жаждущим свобод, перемен. Среди зажиточных и интеллигентных слоев населения либеральное движение захватило даже дружественно настроенных к правительству людей. Легитимисты и орлеанисты после длительного бездействия вновь бросаются в борьбу и, бессильные что-либо создать, стараются ускорить разрушение. Наконец, в народе приходит в движение и организуется многочисленная демократическая армия, возрождаются и пополняются кадрами тайные общества, и вот уже то тут, то там всплывает демагогия» [70].

Поэтому на юге выборы происходили под сильным давлением бонапартистских властей. Даже по признанию генеральных прокуроров, местные власти «энергично отстаивали» официальные кандидатуры.

Не только здесь, но и во всей Франции муниципальные выборы 1865 г. проходили в условиях полицейско-бюрократического произвола и террора, характерных для бонапартистского режима. Всеобщее избирательное право в годы Второй

[7°] 1ьТр[al]3Ш-302[ГП hist0ry, december] '943, Р- 301.

империи — как было отмечено Марксом,— «сделалось простой игрушкой в .руках исполнительной власти, простой машиной обмана, неожиданных махинаций и подлогов со стороны исполнительной власти» [71].

Однако, несмотря на все старания бонапартистских властей, муниципальные выборы 1865 г., если даже судить о них лишь по донесениям генеральных прокуроров, не принесли империи удовлетворительных результатов. Генеральные прокуроры не могли скрыть того факта, что во Франции в середине 60-х годов существовало широко разветвленное оппозиционное движение против империи, охватившее многочисленные массы пролетариата и революционно настроенной мелкой буржуазии в городах, а также часть трудящегося крестьянства в сельских местностях. Республиканское, демократическое движение приняло наибольшие размеры в значительной части департаментов центра, в ряде департаментов запада, юго-востока и особенно юга Франции.

Выборы продемонстрировали падение клерикально-легитимистского влияния даже в таких районах Франции, которые издавна являлись его средоточием, как, например, во многих сельских коммунах запада и северо-запада страны. Генеральные прокуроры вынуждены были признать, что поражение легитимистов далеко не всегда означало победу бонапартистов, что в ряде случаев оно являлось результатом влияния на часть сельского населения республиканцев и демократов. *t*

Избирательная кампания 1865 г. свидетельствовала и о продолжавшемся сближении правых буржуазных республиканцев и орлеанистов. Оно выразилось в ряде совместных выступлений этих двух оппозиционных по отношению к империи фракций буржуазии.

2

Экономический кризис 1866—1867 гг. способствовал дальнейшему росту антибонапартистского оппозиционного движения и еще большему обострению классовой борьбы во Франции. В стране с этого времени неуклонно назревал политический кризис,, первые признаки которого проявились, как мы видели, уже в конце 50-х годов.

/""Кризис 1866—1867 гг. был мировым. Он начался в Соединенных штатах, оттуда перебросился в Англию, затем во Францию, где он был особенно тяжелым. Он выражался в «замед-

[71] К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции». «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 299.

лении производства и потребления, критическом положении торговли и биржи, понижении предпринимательской прибыли и заработной платы».[72]. Наибольшей остроты он достиг во второй половине 1867 г. «Вот уже несколько месяцев как промышленность переживает интенсивный кризис. Кризис отличается всеобщим характером»,— указывал в декабре 1867 г. экономический орган французской крупной буржуазии «Journal des economistes» [73]. Промышленный кризис осложнился неурожаем 1867 г.

Потребление хлопка в 1867 г. сократилось, даже по сравнению с 1866 г., на 25,3% (в 1866 г.— 992 тыс. квинталов, в 1867 г.— 741 тыс. квинталов). Это было вызвано сокращением производства изделий текстильной промышленности, ввиду сужения внутреннего и внешнего рынков, снижения покупательной способности широких масс населения как в самой Франции, так и за ее пределами.

...Внешняя торговля Франции в 1867 г. сократилась сравнительно с 1866 г. на 161 млн. франков (в 1866 г. ее обороты равнялись 8126 млн. франков, в 1867 г. — 7965 млн. франков). При этом импорт иностранных товаров в 1867 г. увеличился на 233 млн. франков сравнительных. 1.866 .г., в то время как экспорт французских товаров за границу, напротив, сократился по сравнению с 1866 г. на 355 млн. франков[74].

Наиболее значительно сократился экспорт изделий французской легкой, особенно текстильной промышленности. Так, например, экспорт пряжи и тканей уменьшился на 41%, шерстяных тканей— на 33%, шелка — на 27%, шелковых тканей— на 10%, предметов роскоши и «парижских изделий» — на 19%.

Текстильные предприятия департамента Нор до конца 60-х годов не выходили из состояния депрессии и кризиса[75]. Разорение мелких и средних предпринимателей приняло здесь катастрофический характер. Об этом свидетельствует, в частности, число банкротств, индекс которых в округе Лилля достиг, например, в 1867 г. (принимая за 100 число банкротств в 1852—1854 гг.) максимума в 309, а по департаменту в целом — 200[76]. Кризис давал себя знать особенно сильно в Дюнкерке, где закрылась половина льнопрядилен. Их место заняли 13 крупных предприятий, шесть из которых были созданы на акционерных началах[77]. В Эльзасе наиболее тяжелыми были 1866 и 1868 гг.[78] В Нормандии ко времени кризиса 1867 г. владельцы значительной части мелких и отчасти средних предприятий были уже разорены, так как в этом крупном текстильном центре концентрация производства зашла в 60-х годах дальше, чем в других текстильных районах[79]

В тяжелой промышленности наиболее заметно сократилось производство добывающей и металлургической отраслей. «Железные рудники, доменные- печи и сталелитейные заводы стали производить меньше»,— сообщает Лескюр[80]. Добыча железной руды в 1867 г. сократилась почти на 13% по сравнению с 1866 г. (в 1866 г.—3162 тыс. т; в 1867 г.—2772 тыс. т). Сужение промышленного производства привело к падению импорта машин на 15%.

Сокращение производства во французской тяжелой промышленности было в значительной мере вызвано замедлением железнодорожного строительства внутри страны, а также за ее пределами — в Португалии, Австрии, России, Италии и в других государствах. Строительство железнодорожных путей в этих странах интенсивно обслуживалось французской металлургической промышленностью.

Открывшаяся в Париже 1 апреля 1867 г. Всемирная промышленная выставка[81], стоившая правительству около 24 млн. франков[82], была организована главным образом для того, чтобы вызвать хотя бы искусственное оживление французской промышленности и торговли и ослабить этим растущее недовольство буржуазии. Правительственная печать заверяла, что выставка «обогатит торговлю и всесторонне увеличит размах промышленности»[83]. Перед закрытием выставки Наполеон III в речи, произнесенной при раздаче призов, старался создать впечатление, будто выставка продемонстрировала мощь и расцвет французской экономики. «Поздравим себя, господа, с тем,— заявил он,— что мы приняли у себя большин-

[72] J. Lescure. Des crises generates et periodiques de surproduction. 3-e ed. Paris, 1923, p. 69.

[73] «Journal des economistes», decembre 1867, p. 321.

[74] См. таблицу общей и специальной внешней торговли Франции в кн.: E. Levasseur. Histoire du commerce de la France, t. II, p. 331. Несколько другие данные об экспорте и импорте Франции в 1867 г. приведены в экономическом обзоре за 1867 г., опубликованном в «Journal des economistes», fevrier 1868, p. 350.

[75] C. Fohlen. Crise textile et troubles sociaux: Le Nord a la fin du Second empire. «Revue du Nord», avril — .juin 1953, p. 107.

[76] C. Fohlen. La concentration dans l'industrie textile francaise. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», Janvier — mars 1955, p. 53.

[77] Ibid., p. 55.

[78] Ibid., p. 53.

[79] Ibid., p. 56.

[80] J. Lescure. Op. cit., p. 71.

[81] Выставка была открыта до 1 ноября 1867 г.

[82] См. «Annuaire de l'economie politique et de la statistique». Paris, 1868, p. 500.

[83] «Le bilan de l'annee 1868». Paris, 1869, p. 4.

ство государей и принцев Европы и столь большое количество усердных посетителей. Будем горды также тем, что мы показали им Францию такой, какой она является,— великой, процветающей и свободной. Надо быть лишенным всякого чувства патриотизма, чтобы усомниться в этом... Выставка 1867 г., надеюсь, ознаменует собой новую эру гармонии и прогресса»[84].

Однако в действительности Всемирная выставка не оправдала надежд, возлагавшихся на нее бонапартистским правительством. Как справедливо указывала после ее закрытия республиканская печать, выставка «оставила промышленность и торговлю в состоянии полного истощения и оплатила затраченные на нее средства множеством банкротств»[85].

В период кризиса усилилось недовольство противников англо-французского торгового договора. Застой в промышленности и торговле они приписывали главным образом пагубному влиянию этого договора на экономику Франции. Срок его действия истекал в феврале 1870 г. Согласно условиям, на которых договор был заключен, он мог быть денонсирован не позднее чем за год до истечения его срока, т. е. не позднее февраля 1869 г. Французские протекционисты усилили кампанию против продления договора в его прежнем виде, настаивая на изменении ряда пунктов. Они выступали в Законодательном корпусе, в котором были представлены влиятельными депутатами (владелец крупнейших в Нормандии хлопчатобумажных предприятий Пуйе-Кертье, владелец текстильных предприятий в департаменте Нор Жюль Брам, крупный фабрикант того же департамента Кольб-Бернар, генеральный дир ктор железнодорожной компании Париж-Лион-Средиземное море Талабо, совладелец Анзенских шахт Тьер, гаврский судовладелец Д. Ансель и ряд других крупных предпринимателей) . Вне Законодательного корпуса они устраивали митинги протеста против договора, который, по их мнению, служил исключительно интересам английской промышленности в ущерб французской. Очагами протекционистской пропаганды (устной и письменной) были индустриальные центры Фландрии, Нормандии, Пикардии, Эльзаса и других районов, главным образом города Лилль, Рубэ, Мюлуз, Руан, Эльбеф, Лувье, Амьен и др.[86]

Жалобы на падение капиталистической прибыли в результате усилившейся после заключения торгового договора 1860 г. английской конкуренции, звучали также в постановлении, принятом 11 марта 1867 г. объединением владельцев металлургических предприятий — Comite des Forges de France. «Вследствие нынешнего падения цен,— указывалось в постановлении,— положение французской металлургической промышленности никого не может сейчас удовлетворить... Надо учесть, какая масса капиталов заморожена. Большинство заводов находится в крайне тяжелом, если не угрожающем или критическом положении... Истина состоит в том, что большинство предпринимателей ценой тяжелых жертв прилагало энергичные усилия, чтобы оказаться способными вести борьбу в новых условиях конкуренции. И вот промышленность развивается, а промышленники отнюдь не процветают»[87].

Далее указывалось, что не только металлургическая промышленность, но и другие связанные с ней отрасли тяжелой индустрии находятся в крайне тяжелом положении. Примером может служить паровозостроение. Производство паровозов, по данным «Comite des Forges», получило к 1860 г. значительное развитие. Французские фабриканты были прежде в состоянии не только удовлетворить почти полностью потребность в локомотивах, испытываемую железнодорожным транспортом внутри страны, но и экспортировать локомотивы на внешние рынки. Снижение ввозных пошлин в 1860 г. с 40 до 15 франков, а затем,.в 1864 г. до 10 франков привело к полному изменению положения этой отрасли промышленности[88].

Промышленный и торговый кризис сочетался с расстройством денежного рынка, падением курсов акций, ростом числа банкротств (4600 банкротств в 1864 г.; 5200 — в 1866 г., 5600 — в 1867 г.). Французский экономический орган «Annuaire de l'economie politique et de la statistique» в обзоре за 1867 г. писал: «1867 год был омрачен одним из наиболее длительных и, как мы полагаем, наиболее глубоких кризисов, какие когда-либо переживал современный торговый мир. Франция — одна из стран, наиболее пострадавших от финансового потрясения; ее потери исчисляются миллиардами. Вследствие застоя в промышленности и торговле золотая наличность Французского банка достигла в июне 1867 г. 871 млн. франков[90]. В конце 1867 г. она, как увидим, еще более воз-

[84] «La Gazette des tribunaux», 1—2 juillet 1867.

[85] «Le bilan de l'annee 1868», p. 4.

[86] CM. A.-L. Dunham. The anglo-french treaty of commerce of 1860 and the progress of the industrial revolution in France. University of Michigan Press, 1930.

[87] «La siderurgie francaise», p. 416.

[88] Ibid.

[89] «Annuaire de l'economie politique et de la statistique». Paris, 1868. p. 500.

[90] CM. P. Cousteix. Les financiers sous le Second empire. «1848. Revue des revolutions contemporaines», 1950, № 186, p. 108.

росла. Между тем в 1866 г. она не превышала 748 млн. франков, а в 1865 г.— 521 млн.[91]

Акции многих крупных компаний понизились в два-три раза. Катастрофически пали акции «Движимого кредита». Их курс в 1863 г. достигал 14827г франка; в январе 1866 г. он составлял 877,5 франка; в июле того же года — 425 франков; в сентябре 1867 г.— 134 франка[92]. В октябре 1867 г., в разгар пышных придворных празднеств в честь Всемирной выставки, общество «Движимого кредита» и его филиалы прекратили платежи, вызвав панику на парижской бирже. Тысячи мелких и средних держателей его акций разорились. Крах этого крупнейшего кредитного учреждения, многомиллионные спекулятивные операции которого пользовались особым покровительством императора, был расценен оппозиционными буржуазными кругами как начало конца господства Наполеона III. Иронически подчеркивалось, что не только акции «Движимого кредита», но и акции правительства стоят двести франков после того, как они стоили две тысячи франков.

Операции Французского банка, как заявил в январе 1868 г. в Сенате директор банка сенатор Рулан, сократились в 1867 г. на 900 млн. франков даже по сравнению с 1866 г. На текущем счету его вкладчиков оставалось около 350—400 млн. франков, не пущенных в промышленный и торговый обороты. В конце 1867 г. золотая наличность Французского банка достигла огромной для того времени суммы в 1016 млн. франков. «Journal des economistes» в январе 1868 г. писал: «Доверие не восстановлено, столь желанное возобновление деловой жизни не осуществлено. Совсем наоборот. 1867 год — год великой выставки на Марсовом поле, представляет собой ту исключительно печальную картину, что он оказался годом многочисленных финансовых катастроф, годом просчетов и обманутых надежд»[93].

Директор Французского банка в своем январском выступлении в Сенате назвал необычайное скопление золота в подвалах банка «стачкой миллиарда»[94]. Он хотел этим подчеркнуть, что причиной финансового застоя является не столько экономический кризис, сколько преднамеренное нежелание буржуазии вкладывать капиталы в промышленность и торговлю — нежелание, вызванное политическими соображениями. Такое же объяснение причины резкого отлива капиталов из промышленности и торговли давали и другие представители французской крупной буржуазии, ссылавшиеся главным образом на «беспокойство, связанное с внешней политикой» империи.

Политическое настроение французской крупной буржуазии отнюдь не являлось основным фактором, оказывавшим разрушительное действие на французскую промышленность, торговлю и кредит. Таким фактором, как видно из предшествующего изложения, был экономический кризис. Однако и политическое настроение буржуазии играло роль в торгово-промышленном я финансовом застое. «Неуверенность и тревога»,— так охарактеризовал либеральный публицист Людовик Галеви настроение французской буржуазии в начале 1867 г.[9о] Настроение это нарастало в продолжение всего года, охватывая все более широкие круги буржуазии, несмотря на старания правительства ослабить его. В конце 1867 г. буржуазная печать констатировала дальнейший рост «недоверия и беспокойства»[96]. «Общее положение,— писал, например, «Journal des economistes»,— продолжает оставаться неопределенным, угрожающим, мрачным»[97].

Окончательно определившийся в 1867 г. провал внешнеполитических замыслов Наполеона III, его попыток добиться Посредством дипломатических маневров и колониальных авантюр территориальных приращений для Франции, новых рынков сбыта и сырья, новых сфер приложения капиталов,— чрезвычайно усилил недовольство крупной буржуазии общей политиошй императора, не оправдавшей ее ожиданий буржуазная печать в конце 1867 г. открыто перечисляла поражения и неудачи внешней политики правительства Второй империи, начало которых она относила ко времени итальянской войны 1859 г.

Наполеон III вступил в эту войну под предлогом освобождения Италии от австрийского господства, а на деле — в своих династических интересах! Он отнюдь не хотел полного объединения итальянских областей и появления по соседству с Францией нового сильного государства; поэтому-то он и продолжал держать с 1849 г. французские войска в Риме, поддерживая штыками светскую власть папы. Он был намерен содействовать лишь некоторому расширению территории Сардинского королевства (Пьемонта) и в компенсацию за это

[91] Ministere de l'agriculture et du commerce. Situation economique et commerciale de la France. Expose comparatif pour les quinze annees de la periode 1853—1867. Paris 1869, p. 96.

[92] P. Dupont-Ferrier. Op. cit., p. 242. Tableau.

«Journal des economistes», Janvier 1868, p. 117.

«Annates du Senat et du Corps Legislatib (в дальнейшем — «Annates...»). Senar. Session de 1868. Seance du 27 Janvier, p. *22.*

[95] L. Halevy. Carnets, t. 1. Paris, 1935, p. 139.

[96] «Journal des economistes», ianvier 1868, p. 181.

[97] Ibid., p. 117.

рассчитывал получить Савойю и Ниццу, входившие в состав этого королевства. По Пломбьерскому секретному договору, заключенному в июле 1858 г. с главой сардинского правительства Кавуром, Наполеон III обязался выступить в союзе с Пьемонтом против Австрии для освобождения от австрийского владычества Ломбардии и Венеции. Сардинское королевство обязалось передать Франции Савойю и Ниццу.

Начавшаяся в апреле 1859 г. австро-итало-французская война принесла франко-пьемонтским союзным войскам две крупные победы при Мадженте и Сольферино, в результате которых Ломбардия была очищена от австрийцев. В этих условиях вполне возможно было добиться и освобождения венецианских провинций, как это предусмотрено было Пломбьерским договором. Однако Наполеон III, напуганный все усиливавшимся национально-освободительным движением в Италии, принявшим революционный характер, предал своего союзника. В июле 1859 г. он заключил сепаратное Виллафранкское перемирие с побежденной Австрией, оставив Венецию под властью австрийцев. Это, однако, не помешало ему завладеть в 1860 г. Савойей и Ниццей.

Итальянская политика Наполеона III восстановила против него самые различные слои населения как во Франции, так и в Италии. Католическое духовенство не могло простить ему вступления в войну на стороне Пьемонта. Буржуазные республиканцы и даже либералы осуждали его за сговор с Австрией за спиной своего союзника. Французская буржуазия опасалась, в частности, того, что этот акт отрицательно отразится на франко-сардинской торговле. Своей предательской политикой по отношению к национально-освободительному движению в Италии Наполеон III возбудил негодование народных масс во Франции и ненависть итальянских патриотов. Одним из отрицательных для Франции результатов войны было также обострение франко-английских отношений.

Национально-освободительная борьба итальянского народа продолжалась. Французские войска оставались в Риме для оказания поддержки папе. Только к декабрю 1866 г., согласно итало-французскому соглашению от 15 сентября 1864 г., они должны были быть уведены оттуда. Осенью 1867 г. итальянский вопрос, как увидим, приобрел новую остроту.

В 1867 г. стал очевиден также,полный провал,Мексиканской экспедиции, предпринятой Наполеоном III в интересах французских байкиров-и в угоду клерикалам,- Авантюристический план создания французской колониальной империи в Америке путем вооруженной интервенции в Мексике; насильственного свержения демократического правительства луареца и восстановления монархии потребовал от Франции огромных расходов на содержание почти 40-тысячной оккупационной армии, остававшейся в Мексике свыше, четырех лет, с осени 1862 г. по февраль 1867 г. Усилия Наполеона III навязать населению Мексики в качестве императора своего ставленника, эрцгерцога Максимилиана, потерпели фиаско: новый мексиканский император был в 1867 г. расстреляй повстанцами. Мексиканская колониальная авантюра обострила отношения Франции с Соединенными Штатами Америки и Англией. Во Франции ее провал усилил республиканскую оппозицию и"в то же время оттолкнул от Наполеона III клерикалов.

Буржуазная оппозиция в Законодательном корпусе подвергала ожесточенной критике неудачную политику бонапартистского правительства в Мексике. Жюль Фавр от имени буржуазных республиканцев, Тьер от имени орлеанистов, глава клерикальной оппозиции Берийе и другие депутаты вели неустанную полемику по этому вопросу с представителями правительства, ближайшими советниками Наполеона III Руэром и Бийо, доказывавшими целесообразность экспедиции. Не менее острая полемика велась также в печати. Против правительственных органов «Le Moniteur», «Le Constitutionnel», «La France», «Le Pays», «Le Memorial diplomatique» и др. выступала орлеанистская и буржуазно-либеральная пресса — «Journal des debats», «Temps», «Siecle», «Opinion nationale», «Revue des deux mondos», «Correspondent»[98]. «Франция совершенно бесполезно пожертвовала своими солдатами и своими миллионами»,— писал «Journal des economistes», выражая мнение, которое разделяла в то время преобладающая часть французской крупной буржуазии ".

Правительство Второй империи подвергалось также резкой критике в Законодательном корпусе и в печати за глубоко ошибочную политику во время австро-прусской войны 1866 г., которая,— как подчеркивали критики,— сыграла на руку Пруссии, в ущерб интересам Франции[10°].

'Наполеон III, не решившись на военное вмешательство в австро-прусский конфликт, ввиду неподготовленности для этого французской армии, значительная часть которой, к тому же, находилась в то время в Мексике, Италии, Алжире, позволил Пруссии в короткий срок разгромить Австрию (в битве при Садове в июле 1866 г.) и с конца 1866 г. стать во главе Северо-германского союза. Обещанная Бисмарком Наполеону III территориальная компенсация (Люксембург) за его нейтрали-

[98] См. F. E. L a 11 y. French opposition to the Mexican policy of the Second empire. Baltimore, 1931; L. M. C a s e. French opinion on war and diplomacy during the Second empire. Philadelphia, 1954.

[99] «Journal des economistes», Janvier 1868, p. 117.

[100] Ibid.

тет не была получена Францией. Безуспешной осталась и вторично предпринятая Наполеоном III в 1867 г. попытка добиться присоединения Люксембурга к Франции.

Своей колеблющейся, противоречивой политикой во время польского восстания 1863 г. Наполеон III обострил отношения Россией и не приобрел расположения поляков.

Все эти и другие, менее значительные просчеты и поражения во внешней политике правительства Второй империи ухудшили отношения Франции с Пруссией, Англией, Италией, Россией, Австрией, Соединенными Штатами Америки и другими государствами, создали для Франции реальную угрозу внешнеполитической изоляции. Французская буржуазия проникалась все большим недоверием к правительству Наполеона III. Не случайно именно в 1866—1867 гг. окончательно сформировалась упомянутая нами в-ные «третья партия», выступившая с демагогической платформой, кратко сформулированной следующим образом: «прогресс путем свободы без революции» (le progres par la liberte sans la revolution), иными словами, завоевание буржуазией политических свобод путем конституционного преобразования империи.

Оппозиционное движение буржуазии внушало сильное спокойствя правительству Второй империи. В конце сентября 1867 г. префект парижской полиции в донесении Наполеону III с тревогой сообщал о росте опасных настроений среди парижской буржуазии. «Активная часть общества, больше всего занимающаяся политикой, питающая любовь к дискуссиям и критикующая правительство,— писал он,— более чем когда-либо подчеркивает свою радикальную и систематическую оппозицию... Она с удовольствием воспринимает нападки печати, неустанно твердит, что нанесен удар внешнему престижу империи, материальному процветанию страны, да и самой гарантии сохранения общественного порядка и консервативных интересов». Отношение буржуазии к бонапартистскому правительству префект в целом охарактеризовал словами:, «недоверие и охлаждение» [1Ш].

Серьезные опасения возбуждал у бонапартистского правительства рост недовольства среди трудящихся масс. В -результате промышленного кризиса и неурожая 1867 г. увеличились безработица и нищета пролетариата. Сокращение производства во французской промышленности, старания предпринимателей переложить «издержки» кризиса на плечи рабочих путем .снижения их заработной платы, увеличение косвенных налогов, дороговизна хлеба и других продуктов питания — усугубляли и без того тяжелое положение рабочего класса.

Глубокое недовольство в стране ростом налогового бремени нашло косвенное отражение в острой дискуссии, развернувшейся в Законодательном корпусе во время сессии 1868 г. в связи с обсуждением бюджета. Подводя итог этого обсуждения, либеральный орган «L'lllustration» вскоре после закрытия сессии писал: «Обсуждение бюджета, которым закрылась сессия 1868 г., показало, что доктрина высоких налогов и крупных займов изжила себя...» [102].

Непрекращавшийся рост цен на хлеб вызывал постоянное возбуждение рабочего населения Парижа. Префект парижской полиции в донесении от 15 сентября 1867 г. сообщал о росте оппозиционных настроений среди рабочих в связи со вздорожанием хлеба. «Владельцы хлебопекарен,— писал он,— объявили о новом повышении цен на хлеб. Растет число мятежных плакатов и надписей» [ш3]. 22 сентября префект снова сообщал: «Недовольство, вызванное дороговизной хлеба, не прекращается. Среди рабочих, особенно среди женщин, растет брожение. В предместьях обнаружены письма, содержащие угрозы по адресу хлеботорговцев, мятежные афиши с выпадами против самого императора, произносятся дерзкие речи, в них имеются напоминания о неурожае 1847 г. Эти настроения слишком распространены и требуют к себе сугубого внимания. Они ловко используются, вследствие чего необходима неустанная бдительность с нашей стороны». Префект доводил до сведения императора, что «рабочие встречаются и собираются чаще обычного» и что «в их среду проникают агитаторы, которые стараются возбудить в них озлобление» [104].

Правительственная печать была вынуждена открыто заговорить о непомерном росте цен на хлеб. Судебный орган империи «La Gazette des tribunaux» 16 ноября уделил этому вопросу передовую статью. Указав на то, что ввиду непрекращающегося роста цен на хлеб префект департамента Сена издал 8 ноября распоряжение о восстановлении так называемой компенсации, во исполнение статьи пятой декрета от 31 августа 1863 г.', газета продолжала: «Верховная администрация отдает себе отчет в том... что в нашей стране, особенно в Париже, власть не может оставаться безразличной к росту цен на хлеб и что необходимо, чтобы в годы дороговизны она вмешивалась и препятствовала росту цен выше известного уровня» [105].

[101] См. «Papiers et correspondance de la famille imperiale», t. II. Paris, 1871, p. 275. Cabinet du prefet de police. Note pour l'empereur, 30 septembre

[103] "L'lllustration», 1 aofit 1868, p. 75.

«Papiers secrets et correspondence de la famille imperiale» t II

[104] nf^pport du PrMet de Police Pal"is. le 15 septembre 1867

t ЧА7 £e P1r l-se?!; ,t , Pondance de la famille imperiale», t. П,

[105] т JPabmet du prefet de police. Paris, le 22 septembre 1867

«La Gazette des tribunaux», 16 novembre 1867.

Статья пятая декрета от 31 августа 1863 г. обязывала муниципальную администрацию Парижа выплачивать владельцам хлебопекарен в периоды дороговизны хлеба разницу «между существующей ценой на хлеб и ценой, по которой администрация хотела бы, чтобы он продавался населению»[106]. Максимальная цена на хлеб устанавливалась декретом в размере 50 сантимов за килограмм. За период с 10 ноября 1867 г. по 31 мая 1868 г.—пока цены на хлеб, в результате недорода 1867 г., возрастали — муниципальные власти Парижа, по свидетельству парижского префекта, выплатили владельцам хлебопекарен— в Париже было тогда 1200 хлебопекарен[107] — 3,3 млн. франков из средств так называемой «Кассы хлебопекарного производства» (Caisse de la boulangerie) [108], денежные фонды которой составлялись главным образом из поступлений от налога октруа, которым облагались зерно, мука, печеный хлеб, ввозившиеся в Париж [109].

31 августа 1867 г. Маркс писал Энгельсу: «Судя по всем известиям из Парижа, положение Бонапарта там очень непрочно» [1Ш]. Энгельс точно так же оценивал политическое положение во Франции. 2 сентября он писал Марксу: «В Париже, повидимому, дела очень скверны; воспоминания о 1829 и 1847 годах... проходят ежедневно через все газеты...» [ш].

Секретные донесения из других индустриальных центров Франции указывали на то, что и там росло недовольство рабочих и мелкой буржуазии. Так, в декабре 1867 г., в донесении из Лиона, сообщалось: «Указывают на непомерное вздорожание квартирной платы и патентов, на рост налогов, на дороговизну хлеба и мяса... Население требует увеличения заработной платы, упразднения городского ввозного налога — октруа, восстановления муниципального совета» [112].

В рабочем предместье Лиона Круа-Русс, так же как и в предместьях Парижа, в конце 1867 г. полицией были обнаружены антиправительственные плакаты. «Вот уже 15 лет,— говорилось в одном из них,— с тех пор как этот выскочка захватил власть, вы изнываете под бременем страшной нищеты. Тем не менее, доверившись лживым обещаниям этого ублюдка, вы до сих пор сохраняли спокойствие. Но сейчас его деспотизм, перешел всякие границы. Этот гнусный тиран осмелился проливать кровь французов и безжалостно истреблять наших братьев в Италии в интересах ненавистных иезуитов и духовенства. Он разоряет страну, чтобы послать золото папе, в то время как ваши дети умирают от холода и голода. Порабощенный народ, на что употребляются деньги от налогов? На то, чтобы убивать твоих сыновей в далеких и бесплодных войнах. Встряхнись, безрассудный народ, и помни о том, что достаточно одной волны, чтобы поглотить все судно» [ш].

О росте антибонапартистского движения в Лионе свидетельствовали результаты состоявшихся там летом 1867 г. выборов в генеральный и в окружной советы. В первом случае за республиканцев было подано $^2/_3$ голосов — 10 804 из 15 817; во втором — 3/4 голосов — 6193 из 8757 [1И].

Характеризуя политическую обстановку во Франции в 1867 г., следует также учесть, что в условиях кризиса и-неурожая усилилась стачечная борьба французского пролетариата. Среди многочисленных стачек можно насчитать немало крупных.

В феврале 1867 г. начали борьбу парижские бронзовщики, которым предприниматели предъявили требование отказаться от участия в созданном ими незадолго до того «Обществе взаимного кредита». В результате локаута, объявленного предпринимателями, около полутора тысяч рабочих лишились работы. Такая же участь ожидала еще 4 тыс. человек. Борьба бронзовщиков против произвола их хозяев длилась около двух месяцев. При поддержке Генерального совета Интернационала они одержали победу.

31 марта 1867 г. была объявлена стачка свыше 3 тыс. парижских портных, большая часть которых объединилась 4 апреля в «Братское общество солидарности и взаимного кредита», ставившее своей целью «сопротивление всеми законными средствами растущему снижению заработной платы» и борьбу за рабочий день, не превышающий 10 часов. Бастующие требовали увеличения заработной платы на 20%. Стачка длилась до конца апреля и была прекращена из-за вмешательства властей, запретивших собрания бастующих. Рабочие добились удовлетворения только части выставленных ими требований: их заработная плата была увеличена на 10%. В результате судебного преследования, возбужденного против «Братского общества солидарности и взаимного кредита», насчиты-

[108] «La Gazette ties tribunaux», 16 novembre 1867.

ч» Ibid.

ioe «Memoires du baron Haussmann», t. II, p. 359.

[a9] Налог октруа взимался в размере 1 сантима с килограмма зерна или хлеба, 1,3 сантима с килограмма муки.

[110] Маркс — Энгельсу. 31 августа 1867 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 436.

[111] Энгельс — Марксу. 2 сентября 1867 г. Там же, стр. 437.

[112] Цит. по ст. Lyon, cite republicaine. Etude collective «1848. Revue *Les revolutions contemporaines», 1951, № 189, p. 123.

[m] Lyon, cite republicaine. Etude collective. «1848. Revue des revolutions contemporaines», 1951, № 189, p. 123.

[1,4] Ibid., p. 122.

вавшего в середине мая 2382 члена, оно было распущено как противозаконное, а шесть человек из его руководящего состава были приговорены к денежному штрафу в размере 500 франков с каждого и к возмещению судебных издержек[115].

В марте начались также стачки рабочих канатного производства в Париже, ткачей и прядильщиков в Рубэ[116]. В апреле бастовали 400 углекопов Фюво (департамент Устья Роны); в июне — кровельщики Онфлера (департамент Кальвадос); в июле — набойщики ткани в Туркуэне, красильщики велюра в Амьене. В 1867 г. происходили также стачки рабочих других специальностей текстильного производства Амьена, шахтеров каменноугольного бассейна Па-де-Кале, рабочих различных профессий в ряде промышленных районов Франции[117].

Благодаря усилиям Генерального совета и парижского бюро Интернационала многие из стачек 1867 г. были морально и материально поддержаны французскими рабочими различных профессий, а некоторые стачки — и иностранными рабочими. Так, например, стачку бронзовщиков Парижа поддержали, наряду с французскими, также лондонские рабочие[118]. Они же предложили материальную помощь (5 тыс. франков) парижским портным[119].

Помощь Интернационала позволила в ряде случаев французским рабочим добиться успехов в борьбе за повышение их заработной платы и за сокращение рабочего дня. Ответом французского пролетариата на полученную им от Интернационала поддержку был рост секций Международного товарищества рабочих во Франции, несмотря на усилившиеся после Женевского конгресса 1866 г. преследования его членов.

Возросшей активностью французских секций и ростом популярности Интернационала среди французских рабочих объясняется та высокая оценка, которая в 1867 г. была дана Марксом успехам Международного товарищества рабочих во Франции. В письме к Зигфриду Мейеру Маркс отметил, что во

[115] См. «La Gazette des tribunaux», 3 aout, 14, 30 novembre 1867, 6 fevrier 1.868; см. также издание под названием «Proces des ouvriers tailleurs». Greve de mars — avril 1867. Paris, 1868.

[116] «La Gazette des tribunaux», 23 mars, 12 mai 1867.

[117] CM. «Le Courrier francais», juin — decembre 1867, а также L'H u i l-l i e r. Communication sur l'evolution des principals greves a la fin du Second empire. «Bulletin d'histoire moderne», 1951, № 24, p. 8; P. L e o n. La naissance de la grande industrie en Dauphine, t. 2. Paris, 1954, p. 769; P. L e o n. Les greves de 1867—1870 dans le departement de I'lsere. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», octobre — decembre 1954, p. 287.

[118] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. П/30. Minutes oi the General Council of the I International. 1867. Council Meetings, march 5, 12, 19, 26, april 2, 9, 16, may 14.

[119] CM. «Proces des ouvriers tailleurs», p. 29—30.

Франции, как и в ряде других стран, «Международное товарищество рабочих... стало крупной силой»[120].

Попытки правительства Наполеона III уничтожить французские секции Интернационала потерпели провал. Ни конфискация на границе у возвращавшихся с Женевского конгресса французских делегатов Устава Интернационала и материалов конгресса, ни запрещение их опубликования и распространения во Франции, ни полицейские налеты, обыски и аресты, ни судебные преследования не приостановили роста секций Международного товарищества рабочих во Франции, пропаганды его принципов. За год, отделявший второй конгресс Интернационала, состоявшийся в Лозанне 2—8 сентября 1867 г., от первого, Женевского конгресса 1866 г., во Франции появился ряд новых секций Международного товарищества рабочих. В сентябре 1866 г., ко времени Женевского конгресса,* секции Интернационала существовали в Париже и его предместьях — Сен-Дени, Пантен, Пюто, а также в городах Лион, Бордо, Руан, Кан, Вьенн, Лизьё, Шалон-сюр-Сон, Невшато, Конде-сюр-Нуаро, Аркур-Тэри, Гранвиль, Аржантон, во французской колонии Гваделупа. С сентября 1866 г. по июль 1867 г. появились новые организации Интернационала в Орлеане, Нанте, Амьене, Марселе, Фюво, Гавре, Оше, Вильфранше, Кастельнодари, а также в Алжире. Секции Интернационала на местах нередко насчитывали сотни человек. Так, например, в каменноугольном районе Фюво в мае 1867 г. насчитывалось около 300 членов Интернационала. Здесь, судя по сообщению, полученному Генеральным советом, ожидалось в ближайшее время увеличение местной секции до 500 человек[ш]. Секции Интернационала создавались и по территориальному и по производственному принципу. Так, в Париже в период между Женевским и Лозаннским конгрессами в Интернационал вступила целиком профессиональная организация переплетчиков, руководимая Варленом[122].

Ко времени Лозаннского конгресса большинство парижских секций отвергало доктрину правоверного прудонизма. Об этом свидетельствовали широкий размах стачечного движения, рост различных объединений рабочего класса, его политические выступления в защиту польских и итальянских патриотов, начавшийся отход рабочих от идей мютюэлизма, все большая популярность, которую приобретали в их среде идеи коллекти-

[120] Маркс — Зигфриду Мейеру. 30 апреля 1867 г. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XXV, стр. 485.

[121] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. 11/30. Minutes oi the General Council of the I International. 1867. Council Meetings, may 28, T1KJ11QT 9(1

[122] «Rapports lus au congres ouvrier reuni du 2 au 8 septembre 1867 a Lausanne». Chaux-de-Fonds, 1867, p. 15—16.

визма. Маркс, придававший огромное значение идейному освобождению французского пролетариата от влияния мелкобуржуазного прудонизма, писал в сентябре 1867 г. Энгельсу: «Между прочим: хуже всего то, что у нас нет в Париже ни одного человека, который мог бы связаться с рабочими секциями, *враждебными* прудонистам (а они составляют большинство!). Если бы Дюпон пробыл несколько недель в Париже, все было бы в порядке, но полиция зорко следит за ним»[123]. Да и раньше, в июне 1867 г., Маркс, касаясь выступлений французского пролетариата в защиту Польши, отметил падение влияния прудонизма во Франции. «Господин Прудон и его маленькая доктринерская клика — это еще не French people»[124],— писал он Энгельсу[125].

Отход широких масс французского пролетариата от ряда идей прудонизма был неизбежным следствием обострения классовых противоречий во Франции. Полицейские агенты Второй империи в своих донесениях 1867 г. выражали опасение, что в условиях растущего антагонизма между рабочим классом и буржуазией даже кооперативные общества могут стать очагами революционной деятельности. Так, например, в «Конфиденциальном политическом донесении» полицейской префектуры Лиона в декабре 1867 г. отмечалось: «Единства между предпринимателями и рабочими больше не существует. Эти два класса не питают никакой симпатии друг к другу. Рабочий не скрывает своих мыслей о мщении фабриканту, который принуждает его трудиться, а этот последний, со своей стороны, ни в чем не идет навстречу ткачу... Даже кооперативные общества могут стать опасными для спокойствия страны»[126].

Парижские прудонисты, терявшие опору во французском рабочем классе, именно поэтому и мобилизовали все силы, чтобы попытаться отстоять свои идейные позиции на международной арене. Составив вместе со швейцарскими прудонистами большинство делегатов Лозаннского конгресса Интернационала, они добились принятия нескольких прудонистских резолюций, в том числе резолюции, рекомендовавшей организацию производственных кооперативов в качестве радикального средства существенно улучшить положение рабочего класса в условиях капиталистического строя.

[123] Маркс — Энгельсу. 12 сентября 1867 г. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XXIII, стр. 446.

[124] Французский народ.

[125] Маркс — Энгельсу. 3 июня 1867 г. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XXIII, стр. 414.

[126] Lyon, cite republicaine. Etude collective. «1848. Revue des revolutions contemporaines», 1951, № 189, p. 137.

Парижским прудонистам, однако, не удалось добиться главного, к чему они стремились: вырвать руководство Интернационалом из рук Генерального совета путем его переизбрания. Повидимому, в этом вопросе их поддержали не все присутствовавшие на конгрессе прудонисты. Конгресс утвердил отчет Генерального совета, переизбрал его в прежнем составе и оставил Лондон местом его пребывания. Против прудонистов была направлена и резолюция Лозаннского конгресса о первостепенной важности установления политических свобод и о значении политической борьбы рабочего класса, а также резолюция об организационном укреплении Международного товарищества рабочих, об обязательности регулярной уплаты членских взносов для получения права представительства на его конгрессах (парижские прудонисты со времени основания Международного товарищества рабочих не внесли еще ни одного взноса). На конгрессе был поставлен вопрос о необходимости установления коллективной собственности на землю и передачи в собственность государства средств транспорта. Хотя по этим вопросам в результате усилий прудонистов не было принято никакого решения и их рассмотрение было перенесено на следующий конгресс, самая их постановка имела огромное принципиальное значение.

В этой связи важно отметить, что некоторые деятели французского кооперативного движения относили именно ко времени Лозаннского конгресса Интернационала поворот рабочего движения от прудонизма к марксизму[127]. Любопытно, что префект парижской полиции в сентябре 1867 г. в донесении Наполеону III обратил его внимание на необходимость «разоблачения» в печати «опасных заблуждений» Лозаннского конгресса, на котором, по его словам, «получил признание социализм со всеми его крайностями» и где «отвергалось право на владение капиталом и земельной собственностью»[128].

Осенью 1867 г. политическое положение во Франции чрезвычайно обострилось и в связи с отправкой в конце октября в Италию французского корпуса для оказания военной помощи папе ввиду новой попытки итальянских патриотов во главе с Гарибальди освободить Рим. Глубокое возмущение охватило массы парижского населения, когда 26 октября они узнали из сообщения правительственного органа «Le Moniteur universel» о посылке французских войск в Папскую область. 28 октября

[127] См. E. Hendie. Questions politiques et sociales. Paris, 1868, p. 212—213. Цит. по. кн. J. Qaumont. Histoire generale de la cooperation en France, t. I, p. 556.

[128] «Papiers et correspondance de la famille imperiale», t. II, p. 265. Rapport du prefet de police. Paris, le 15 septembre 1867.

группа парижских студентов-демократов, среди которых преобладали бланкисты, публично продемонстрировала свой протест против второй римской экспедиции Наполеона III. Возгласами «Да здравствует Гарибальди!, Да здравствует Италия! Долой интервенцию!» они сопровождали проезжавшую по улицам Парижа карету, в которой находились Наполеон III и императрица Евгения. Участники этой демонстрации были арестованы и отправлены в тюрьму Мазас. К суду были привлечены студенты юридического факультета: А. Менар, 21 года, А. Брейе, 20 лет, Шарль Да Коста, 21 года, Ж. Эмбер, 23 лет, журналисты Ф. Дюкас, 23 лет и Шарль Лонге, 34 лет, учащийся Гастон Да Коста, 17 лет[129].

3 ноября 1867 г. французские войска под командованием генерала Файи нанесли гарибальдийцам тяжелое поражение при Ментане в момент, когда те, сломив сопротивление папской армии, уже приближались к Риму. Рабочие, а также представители демократических слоев парижской буржуазии ответили на это разбойничье нападение крупной манифестацией, состоявшейся 4 ноября. Ей предшествовала 2 ноября, в день поминания умерших, другая манифестация на Монмартрском кладбище, у могилы борца за национальное объединение Италии Манина. В обоих политических выступлениях участвовала парижская организация Интернационала.

Французская крупная буржуазия была, со своей стороны, недовольна политикой Наполеона III в Италии, так как эта двойственная, противоречивая политика подрывала международный престиж Франции, не принося буржуазии никаких материальных выгод. «Повсюду избыток желчной критики, несправедливого недоверия, тревожных опасений... Уважение к власти ослабло, клевета наступает во-всю»,— осведомлял в конце ноября 1867 г. Наполеона III префект парижской полиции[130].

2 ноября, до событий при Ментане, Маркс писал Энгельсу: «...Грязная собака Бонапарт теперь в величайшем затруднении. Либо война,— не только с Италией, но и с Пруссией и Россией, и по такому поводу, который во Франции вызывает фанатическую ненависть Парижа, ненависть в Англии и т. д.,— или же опять отступление!.. Если он отступит, то во Франции, при теперешних ценах на хлеб, кризисе в делах и недовольстве возможна one fine morning[131] революция»[132].

[129] «La Gazette des tribunaux», 14 novembre 1867.

130 «p pi correspondance de la famille imperiale», t. II, p. 278. a Ll inet du a P rrefet et de police. Note pour l'empereur. Paris, le 24 novembre 1867.

[131] В один прекрасный день.

[132] Маркс—Энгельсу. 2 ноября 1867 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. **Соч.,** т. **XXIII,** стр. 464.

Энгельс давал такую же оценку политического положения во Франции. «Нашему Луи в Париже приходит конец,— писал он Марксу 5 ноября 1867 г.— Он влетел в недурную историю. Либо новое отступление, либо война за папу... Во всяком случае; он человек foutu[133]. Как обстоят дела в Париже, видно из событий на Монмартрском cimetiere[134]. История может начаться в любой день...»[135]. А в письме к Людвигу Кугельману от 8 ноября 1867 г. Энгельс писал: «Мне кажется, что благородный Бонапарт находится уже при последнем издыхании»[136]. Как видим, Маркс и Энгельс считали политическую обстановку во Франции в конце 1867 г. крайне напряженной и не исключали в то время возможности близкого крушения Второй империи.

Показательно, что и Бланки именно в конце 1867 г.— начале 1868 г. составил известную «Инструкцию к вооруженному восстанию», в которой подробно излагался план революционного восстания против бонапартистской империи, представлявшегося ему в то время делом ближайшего будущего.

Находясь в 1867—1868 гг. в Брюсселе, куда он в 1865 г. *бежал* из парижской тюремной больницы Некер, Бланки поддерживал постоянную связь с действовавшей в Париже с середины 60-х годов нелегальной бланкистской организацией, состоявшей из студенческой радикальной молодежи и рабочих. Бланкистская организация насчитывала в то время в Париже около 2500 членов. Наиболее видными ее представителями были Тридон, Гранже, Вайян, братья Да Коста, Жаклар, Рауль Риго, братья Вильнев и другие. Большинство бланкистов находилось вне рядов Международного товарищества рабочих, так как они оказались неспособными понять и должным образом оценить мудрую и гибкую тактику возглавляемого Марксом Генерального совета по отношению к французским прудонистам.

Передовых французских социалистов, находившихся в эмиграции, крайне беспокоило отсутствие надлежащего социалистического руководства парижским пролетариатом в момент, когда политическое напряжение во Франции нарастало с каждым днем. 1 ноября 1867 г. Эжен Дюпон, представлявший, как мы знаем, французское рабочее движение в Генеральном совете Интернационала, писал из Лондона члену парижского бюро, прудонисту Шемале: «Что вы пред-

[133] Конченный.

[134] Кладбище.

[135] Энгельс —- Марксу. 5 ноября 1867 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 465—466.

[136] Энгельс—Людвигу Кугельману. 8 ноября 1867 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 502.

принимаете там, в Париже? Есть ли у Интернационала шансы быть услышанным среди всей этой франко-итальянской чехарды? Что вы думаете насчет интервенции? Что касается меня, то я в течение ряда дней нахожусь в состоянии крайнего возбуждения; каждый день ожидаю услышать известие о восстании в Париже... Сообщите мне подробности о Париже. Каково действительное положение» [137].

Массовые манифестации, состоявшиеся в Париже 2 и 4 ноября 1867 г., не переросли в восстание, так как носили стихийный характер. Они не были возглавлены парижской организацией Интернационала, связи которой с рабочими массами были недостаточно прочны,— как вследствие преследований, которым она подвергалась, так и потому, что в составе ее руководства все еще преобладали правые прудонисты.

Буржуазные республиканцы, депутаты левой фракции Законодательного корпуса, все без исключения уклонились . от участия в той и другой манифестации, хотя до этого они в своих выступлениях усердно бичевали итальянскую политику Наполеона III. Дезертирство депутатов-республиканцев объяснялось их страхом перед возможностью революционного взрыва в Париже. Парижские секции Интернационала направили делегацию к Жюлю Фавру с требованием, чтобы республиканские депутаты демонстративно вышли в отставку, в знак протеста против политики Наполеона III в Италии, и дали таким образом возможность народу продемонстрировать свое возмущение посылкой французского экспедиционного корпуса против итальянских патриотов. Когда после 3,5 часов ожидания у входа в великолепный особняк Фавра делегация была, наконец, принята, то в ответ на изложенное ею требование получила от имени всей левой фракции категорический отказ. Фавру был задан вопрос: «Может ли пролетариат рассчитывать, что если он с оружием в руках поднимется на борьбу за республику', то либеральная буржуазия возглавит его», Фавр ответил: «Только благодаря вам, господа рабочие, империя смогла установиться... вы одни должны и свергнуть ее» [138].

Глава левой оппозиции откровенно выразил отношение буржуазных республиканцев к передовым рабочим Франции. Ярые противники социализма, враги Интернационала, они отмежевывались от объединявшегося под его руководством социалистического пролетариата, стремившегося свергнуть бонапартистскую империю и установить «социальную и демократическую» республику. Подъем рабочего и социалистического движения в 60-х годах бросил, как мы видели, правое крыло буржуазных республиканцев в объятия орлеанистов. Буржуазные политические деятели типа Фавра, Симона, Пикара, продолжавшие именовать себя республиканцами, в действительности проделали в 60-х годах значительную эволюцию вправо. Сознавая, что завоевать республику можно было лишь опираясь на широкие массы французского народа, они страшились выступления народных масс. Представители правого крыла буржуазных республиканцев предпочитали поэтому довольствоваться конституционной монархией, которую они намеревались установить парламентским путем.

Наиболее беззастенчиво действовал депутат левой фракции Эмиль Оливье. В январе 1867 г. он вступил в переговоры с Наполеоном III относительно своего вхождения в состав правительства, а позднее возглавил либеральное министерство Второй империи. Политический идеал Эмиля Оливье,— как правильно отмечала русская газета «Неделя»,— и тогда, когда он числился республиканцем и находился в оппозиции к империи, заключался, в сущности, в том, чтобы «превратить империю в конституционную монархию» [139].

Оливье подвергся ожесточенным нападкам буржуазных республиканцев. Все они, в том числе и наиболее умеренные из них, публично обвиняли его в измене республиканским принципам. В действительности недовольство правых республиканцев было вызвано только тем, что Оливье пошел на сговор с бонапартистским правительством, а не с орлеанистами, как это делали они.

Что касается буржуазных республиканцев радикального направления, возглавлявшихся Гамбеттой, то, объявляя себя непримиримыми противниками империи (les irreconciliables), выступая против компромисса с нею, они категорически отвергали, однако, революционные средства борьбы за установление республиканского строя. Так же, как и правое крыло буржуазных республиканцев, «непримиримые» республиканцы-радикалы питали жгучую ненависть к сторонникам революционного свержения империи. Гамбетта яростно нападал на тех, кто готов был прибегнуть к иным средствам борьбы против бонапартистского режима, нежели «мирные средства убеждения», и призывал предавать таких людей в руки правосудия наравне с уголовными преступниками [140].

[137] «Proces de Г Association internationale des travailleurs». Premiere et deuxieme commissions du Bureau de Paris. Paris, 1870, p. 43.

[138] E.-E. Fribourg. L.'Association internationale des travailleurs. Paris, 1871, p. 117—118; A. Vermorel. Le peuple aux elections. Paris, 1868, p. 33.

«Неделя», январь 1870, стр. 14.

Подробно об этом см. ниже, стр. 200.

Гамбетта и его сторонники, вступая в противоречие с ими же выдвинутым положением о «несовместимости империи со свободой», считали возможным добиться фактического осуществления всеобщего избирательного права, не прибегая к свержению империи[141], хотя, по их же собственным словам, бонапартистский режим превратил это право в фикцию. «Политика всеобщего избирательного права,— писал Гамбетта,— вот что должно стоять во главе нашей программы и нашей партии. Тем самым мы представим стране ни с чем не сравнимую основу для существования порядка и свободы»[142]. В проведении этой программы Гамбетта видел гарантию успеха буржуазно-республиканской партии, единственной партии, которая — по его мнению — была «способна соперничать с империей» и являлась «законной наследницей ныне существующего режима»[143].

Как видим, французская либеральная буржуазия к 60-м годам XIX в. утратила способность «сыграть роль гегемона в победоносной революции»[144]. Революционный подъем народных масс усилил идейное размежевание в буржуазно-республиканском лагере. Однако в одном кардинальном вопросе либеральная и радикальная буржуазия сходились между собой. Та и другая решительно отвергала революционный путь борьбы против империи; та и другая считала своей важнейшей задачей непримиримую борьбу против революционного пролетариата.

Вместе с тем французская либеральная буржуази своей борьбой против нелиберальной, бонапартистской буржуазии косвенно выражала «перемену настроения и начало демократического, революционного, республиканского подъема»[145] во Франции. Представители либеральной буржуазии, выступавшие против полицейско-бюрократического режима Второй империи и отстаивавшие буржуазно-демократические свободы, встречали в этом вопросе поддержку народных масс.

3

1868 год не принес улучшения политической обстановки во Франции. Буржуазная печать отмечала, что он «начался так же, как 1867 год,— общим чувством беспокойства и тревоги»[146]. Такое общественное настроение она объясняла главным образом не ослабевающей напряженностью международного положения, угрозой общеевропейской войны. Буржуазные писатели, правда, указывали и на экономические трудности, переживаемые страной, но они старались преуменьшить их влияние. Так, говоря о «дороговизне продуктов и нищете населения», они при этом уверяли, что такие явления наблюдаются не во всей Франции, а только в ряде отдельных местностей[147].

Тяжелые экономические условия, в которых продолжала находиться страна и в 1868 г., внушали страх и тревогу правительству Второй империи. Русский посол в Париже барон Будберг сообщал 8 марта 1868 г. министру иностранных дел России князю Горчакову: «В данный момент больше всего беспокоит правительство трудное положение, в котором находится экономическая жизнь страны. Со всех сторон жалуются на то, что дела идут плохо, жалуются на безработицу, на дороговизну, еще более усугубляющую все бедствия». Далее посол сообщал: «Последний дивиденд Французского банка был на 30% ниже дивиденда прошлого года, и так как это учреждение является регулятором положения дел, то отсюда справедливо делают вывод об упадке производства и потребления»[148].

Первая половина 1868 г. была отмечена принятием закона о военной реформе, изданием либеральных законов о печати и о публичных собраниях, организацией двух процессов Интернационала. Все эти мероприятия были направлены к одной цели: к укреплению — как это казалось бонапартистскому правительству — международного и внутреннего положения империи. Поэтому они и должны рассматриваться в тесной связи друг с другом.

Новый военный закон был принят Законодательным корпусом в январе 1868 г. Его подготовлял с конца 1866 г. военный министр маршал Ниэль, сменивший после австро-прусской войны[149] маршала Рандона.

Первоначальный проект реорганизации французской военной системы, слабость которой обнаружилась уже во время Крымской и Итальянской кампаний, предусматривал, в числе прочих реформ, увеличение численности кадровой армии вдвое и создание наряду с ней 400-тысячной мобильной гвардии. Для

[141] L. Gambetta. Discours et plaidoyers politiques, t. I, Paris, 1881, p. 251.

[142] «Lettres de Leon Gambetta. 1862—1880». Recueillies et annotees par D. Halevy et E. Pillias. Paris 1938. Письмо к Эдуарду Эду (Edoux) от 20 июня 1870 г. В книге отсутствует пагинация.

[143] Ibid Письма к Андре Лавертийону .от 1 и 7 октября 1869 г.

[144] В. И. Ленин. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы. Соч., т. 17, стр. 298.

[145] Там же.

[146] «Journal des economistes», 1868, № 25, p. 171, 172. Chronique ëconomique.

[147] Ibid.

[148] Архив внешней политики России (АВПР). Канд., д. 113, л. 88. Барон Будберг — Горчакову. Париж, 25 февраля (8 марта) 1868 г.

[149] Маршал Ниэль был назначен военным министром 19 января 1867 г.

выработки проекта была назначена в октябре 1866 г. военная комиссия, доклад которой был опубликован 12 декабря того же года в правительственном органе «Le Moniteur universel». В докладе указывалось, что Франции для сохранения ее первенствующего места в Европе необходима 800-тысячная кадровая армия. Во французской армии в то время числилось на бумаге немногим более 600 тыс. человек; под ружьем же находилось менее 400 тыс.; остальные считались резервистами.

Создание такой армии, какая предусматривалась в докладе военной комиссии, требовало введения во Франции всеобщей воинской повинности с шестилетним сроком военной службы в действующей армии и последующим трехлетним пребыванием в рядах мобильной гвардии. Этим объясняется глубокое недовольство, которое проект вызвал среди всех слоев населения. Французская крупная буржуазия широко пользовалась привилегией заместительства (l'exoneration), которую ей предоставлял военный закон 1855 г., фактически освобождавший ее от «налога крови». Она не была намерена отказываться от этой привилегии. Создание же обученной мобильной национальной гвардии пугало буржуазию. Она поэтому выражала недовольство законопректом. Так же отнеслись к нему крупные землевладельцы и кулацкая верхушка деревни.

Народные массы Франции, рабочий класс и трудящееся крестьянство, на плечи которых ложилась вся тяжесть воинской повинности, крайне враждебно отнеслись к проекту военной реформы. Намерение бонапартистского правительства увеличить численность французской армии вызывало у них вполне обоснованное опасение близости новых агрессивных, авантюристических войн, требовавших от народа тяжелых жертв. Об этих опасениях, выражавшихся трудящимися массами города и деревни, сообщали в своих донесениях в конце 1866 г. и в начале 1867 г. почти все 28 генеральных прокуроров Второй империи [150].

Такую же отрицательную реакцию встретил в широких массах населения и второй вариант проекта военной реформы, согласно которому продолжительность военной службы в регулярной армии вместо шести лет, предусмотренных в первоначальном проекте, устанавливалась в пять лет. Он был опубликован в марте 1867 г. «Проект более чем когда-либо непопулярен, в особенности среди сельского населения... он возбудил ропот и недовольство»,—сообщал 5 апреля из Тулузы генеральный прокурор [151].

В другом, более позднем прокурорском донесении от 26 октября 1867 г. из Монпелье указывалось: «Существует вера в то, что наша армия повсюду признана первой в мире и что поэтому незачем еще более увеличивать налог крови, если правительство не имеет воинственных намерений. Я не могу скрыть от Вашего Превосходительства, что таково умонастроение почти всего населения» [152].

В январе 1868 г. Законодательный корпус, после длительных бурных прений, начавшихся в декабре 1867 г., 199 голосами против 60 утвердил окончательный текст военного закона. Он лишь отдаленно напоминал проект военной реформы, предложенный в 1866 г. Бонапартистское большинство боялось лишиться голосов своих избирателей — крестьян на приближавшихся очередных выборах в Законодательный корпус [153].

Как позднее отмечал Энгельс, новая военная система, узаконенная во Франции в январе 1868 г., «оставила почти в неприкосновенности внутреннюю организацию французской армии...» [154]. Единственным радикальным нововведением было создание мобильной гвардии. Однако продолжительность пребывания в ее рядах в мирное время ограничивалось пятнадцатью днями вместо первоначально предполагавшегося трехлетнего срока.

Но и в таком виде это нововведение не было проведено в жизнь. Правительство Второй империи ни разу не решилось в последующие годы созвать числившуюся на бумаге мобильную гвардию. В конце июня 1870 г., незадолго до объявления франко-прусской войны, преемник маршала Ниэля военный министр Лебеф откровенно заявил в Законодательном корпусе, что мобильная гвардия, которую так и не удалось организовать, «существует только на бумаге» [155]. Неосуществленными остались, как увидим, и другие статьи закона 1868 г., в частности те, в которых излагался план более рациональной мобилизации, а также снаряжения и передвижения французских войск в случае объявления войны.

[150] См. донесения генеральных прокуроров и префектов Второй империи за 1866—1867 гг., приводимые в статье английского историка G. Wright. Public opinion and conscription in France 1866—1870, «Journal of modern history», 1942, vol. XXV, № 1.

[151] «Journal of modern history», 1942, vol. XXV, № 1, p. 33.

[152] Ibid., p. 36.

[153] АВПР. Канд., д. 113, л. 3. Чичерин — Горчакову. Париж. 29 дек. 1867 г. (10 янв. 1868 г.); там же, л. 13, 14. Чичерин — Горчакову 16 (28) января 1868 г. См. также A. Darimon. Notes pour servir a l'histoire de la guerre de 1870. Paris, 1868. Introduction, p. II—IV.

[154] Энгельс — Марксу 22 июля 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 361.

[155] «Enquete parlementaire sur les actes du gouvernement de la defense nationale (в дальнейшем — «Actes»), t. I, p. 451. Piece justificative № 4 Discours de M. le marechal Leboeuf.

Таким образом, правительству Наполеона III, вследствие непрочности его положения, ставшей особенно очевидной с 1867 г., как было показано нами выше, не удалось осуществить свое намерение,— радикально, перестроить французскую военную систему и удвоить численность французской армии. Военная реформа 1868 г. не могла обеспечить успеха военных планов французского императора, связанных, в частности, с обострением франко-прусских отношений после австро-прусской войны 1866 г. Согласно справедливому замечанию французского историка А. Сореля, правительство Наполеона III «не имело ни достаточной силы, чтобы заставить Законодательный корпус принять военные реформы, ставшие необходимыми, ни достаточного мужества, чтобы открыто принять объединение Германии. Оно было таким образом вынуждено избрать наихудшую политику: итти навстречу войне, не обеспечив себя средствами, необходимыми для ее успешного ведения» [156].

Не оправдали расчетов правительства Второй империи и два других крупных политических маневра, осуществленных им одновременно с военной реформой, в первой половине 1868 г.

Еще в феврале 1867 г. Наполеон III, стремясь умиротворить оппозиционную буржуазию, требовавшую «необходимых свобод», заявил в тронной речи при открытии сессии Законодательного корпуса, что «настало время для либеральных мероприятий» [157]. Но только по прошествии полутора лет, в мае — июне 1868 г., были изданы так называемые либеральные законы о печати и о публичных собраниях. Законом от 12 мая 1868 г. допускалось создание новых органов печати без предварительного правительственного разрешения, которое до того времени было обязательным. Однако для Все' изданий сохранялся высокий гербовый сбор, что оставляло их попрежнему недоступными для широких масс населения и, кроме того, крайне затрудняло появление демократических изданий.

Другим законом, от 6 июня 1868 г., были формально легализованы публичные собрания. Однако в тех случаях, когда они носили политический характер, требовалось предварительное разрешение, которое давалось только в периоды избирательных кампаний по заявлению, подписанному семью жителями коммуны, на территории которой предполагалась организация собрания. Кроме того, обязательным было присутствие на публичных собраниях полицейского комиссара, сопровождаемого секретарем-стенографом, который вел запись выступлений. Комиссар имел право разогнать собрание, когда обсуждение отклонялось от официальной повестки дня. За несоблюдение требуемых правил организаторы собраний и выступавшие на них ораторы подлежали судебной ответственности.

Идя навстречу либеральной буржуазии, правительство Второй империи одновременно"" принимало меры к тому, чтобы лишить передовых рабочих возможности воспользоваться даже теми ничтожными политическими «свободами», которые предоставлялись куцыми либеральными реформами 1868 уг. Наряду с подготовкой и проведением этих реформ, .былдгтодготовлены *я,* проведены также первый и второй процессы 'парйжското' бюро Интернационала. Бонапартистское правительство намеревалось этим путем устранить с политической арены наиболее активных участников рабочего и социалистического движения до вступления в силу новых законов.

Подвергая преследованиям передовых рабочих, правительство одновременно старалось задобрить отсталые элементы парижского пролетариата, рассчитывая удержать их под своей опекой и надзором. 30 марта 1868 г., через десять дней после вынесения приговора по первому процессу парижского бюро Интернационала, Наполеон III удовлетворил ходатайство о легализации синдикальных палат, возбужденное рабочими — участниками покровительствуемых им собраний в пассаже Рауль, ставившими целью «изыскать мирные средства», ведущие к улучшению положения трудящихся. Синдикальные палаты были, однако, признаны только «терпимыми», но не разрешенными законом.

Однако преследования парижской организации Международного товарищества рабочих привели к результатам, обратным тем, каких ожидало бонапартистское правительство и на какие рассчитывала буржуазия. Преследования «не только не уничтожили Товарищество, но, напротив, дали новый толчок к его развитию»,— как это было отмечено в отчете Генерального совета Брюссельскому конгрессу Интернационала, происходившему 6—13 сентября 1868 г. [158]

Толчком к дальнейшему развитию Интернационала во Франции послужили, прежде всего, судебные процессы над членами первого и особенно второго парижского бюро Международного товарищества рабочих. Эти процессы были использованы обвиняемыми для публичной пропаганды принципов Интернационала, для ознакомления присутствоваших на процессах рабочих с историей его возникновения и роста, для характеристики его деятельности.

Первый процесс начался в декабре 1867 г. и закончился в марте 1868 г. Согласно приговору, парижское бюро было

[156] A. Sorel. Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande, t. I. Paris, **1875, p.** 37.

[157] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 14 fevrier 1867, p. ,4.

[158] К. Маркс. Отчет Генерального совета Брюссельскому конгрессу М.Т.Р.. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. **XIII,** ч. **I, стр.** 275.

объявлено распущенным, а его члены — обложены денежными штрафами. Процесс воочию показал, что французское рабочее движение переросло своих руководителей, правых прудонистов, преобладавших, как уже было сказано, в парижском бюро Международного товарищества рабочих. Правые прудонисты, Толен, Фрибур, Лимузен и другие, в своих выступлениях на процессе старались доказать, что они «никогда и нигде» не занимались политикой, а «всегда воздерживались» от нее сами и «отвергали попытки» других членов парижской организации заниматься ею [159]. Однако сами же они в ходе процесса опровергли свои утверждения вынужденным признанием того, что в своей практической деятельности они, вопреки своим принципам, не раз нарушали «границу, отделяющую политику от социальной экономии» [160], ибо соблюсти эту границу, по их словам, не всегда представлялось возможным.

Процесс Интернационала показал и то, что парижское бюро активно препятствовало распространению во Франции Манифеста и Устава Международного товарищества рабочих, написанных в 1864 г. Марксом по поручению организационного комитета этой международной пролетарской организации и изданных в том же году в Лондоне. Прудонист Толен в своих показаниях на процессе представил эти важнейшие программные документы, в которых излагались основные идейные и организационные принципы Международного товарищества рабочих, как документы, «опубликованные английскими рабочими» и отнюдь не обязательные для рабочих других стран, в том числе и для рабочих Франции. Толен заверял бонапартистский суд — и видимо сам был убежден в этом,— что обнаруженный у него при обыске французский перевод Манифеста и Устава Интернационала [161] являлся единственным экземпляром, существовавшим в то время во Фрав£*Гп. Как бы то ни было, но одно не подлежит сомнению: прудонисты, возглавлявшие французскую организацию в течение трех с лишним лет, прошедших со дня основания Интернационала, не только не способствовали, а, напротив, всемерно препятствовали распространению Манифеста и Устава Международного товарищества рабочих среди французского пролетариата.

Сдвиги, происшедшие во французском рабочем движении со времени основания Интернационала, отражал состав нового парижского бюро, избранного 8 марта 1868 г., до вынесения приговора по процессу первого бюро. Второе парижское бюро, в отличие от первого, состояло исключительно из сторонников коллективной собственности на орудия и средства производства, признававших необходимость политической борьбы рабочего класса, осуждавших консервативные взгляды правых прудонистов на роль женщины в обществе и на задачи воспитания. Новое парижское бюро, куда входили 9 коллективистов, именовавшихся в то время левыми прудонистами, возглавлял выдающийся деятель французского рабочего движения Луи-Эжен Варлен.

Варлен и его соратники блестяще организовали в марте — апреле 1868 г. помощь бастовавшим строительным рабочим Женевы. В короткий срок они собрали в пользу стачечников среди французских рабочих различных профессий (переплетчиков, строителей, типографских рабочих, жестяников, ювелиров и др.) около 10 тыс. франков. Наряду с материальной помощью, они оказывали женевским рабочим неустанную моральную поддержку. Благодаря солидарности, проявленной рабочими других стран, главным образом Франции, бастовавшие добились повышения заработной платы и сокращения на один час их рабочего дня. Весной 1868 г. парижская организация заняла одно из первых мест среди организаций Международного товарищества рабочих. Ее активность послужила бонапартистскому правительству основанием для возбуждения судебного преследования против второго парижского бюро и для устройства нового процесса. Процесс второго парижского бюро начался 22 мая 1868.

Защитительная речь, произнесенная во время процесса 28-летним парижским переплетчиком Варленом, явилась ярким обвинительным приговором капиталистической системе производства, основанной на эксплуатации человека человеком. «Если перед лицом закона вы судьи, а мы обвиняемые,—заявил Варлен, — то с точки зрения принципов мы представляем две партии: вы — партию порядка во что бы то ни стало, партию застоя; мы — партию преобразования, партию социализма» [162].

Варлен подверг сокрушительной критике существующий «социальный строй, разъедаемый неравенством, строй, на кото-

[159] «Proces de l'Association internationale des travailleurs». Premiere et deuxierne commissions du Bureau de Paris, p. 22, 23, 48, 50.

[160] Ibid., p. 48.

[161] Французский перевод Манифеста и Устава Интернационала был сделан Шарлем Лонге — в то время прудонистом — и вышел в свет в Брюсселе в 1866 г. незадолго до Женевского конгресса Интернационала в издании студенческой демократической газеты «La Rive gauche». Во французском переводе было искажено одно из основных положений Устава о роли политической борьбы рабочего класса в деле его социального освобождения. В нем было сказано лишь о том, «что экономическое освобождение рабочего класса есть... великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено». Следовавшие же далее слова: «как средство» были опущены.

[162] «Proces de l'Association internationale des travailleurs». Premiere et deuxierne commissions du Bureau de Paris, p. 161.

рый оказывает пагубное действие отсутствие в нем солидарности, который скован, словно железными тисками, антиобщественными предрассудками». Он подчеркнул, что заработная плата рабочего не обеспечивает ему самого необходимого, между тем как повсюду вокруг него «процветают синекуры». Он образно обрисовал жизненный путь тех, кто «производит в четыре раза больше, чем потребляет», — путь лишений и страданий, и сопоставил его с жизненным путем людей, которые «ничего не производят, а только пользуются плодом лишений 99% их братьев», живут в довольстве и наслаждениях. «Взгляните на современную нам эпоху, — заявил в своей речи Варлен, — и вы обнаружите глухую вражду между классом, стремящимся сохранить свое привилегированное положение, и классом, который стремится отвоевать утраченное им» [163].

Изложив основные принципы Интернационала и его цели, рассказав о его деятельности, Варлен возвестил появление на исторической арене нового класса, пролетариата, несущего возрождение человечеству, уничтожение всякой эксплуатации и порождаемого ею классового антагонизма. Обращаясь к буржуазии, Варлен в заключение сказал: «Класс, который утратил нравственное превосходство, приведшее его к власти, должен как можно скорее устраниться... Буржуазия должна понять, что так как ее стремления недостаточно широки, чтобы охватить требования эпохи, ей остается лишь раствориться в молодом классе, несущем с собой более мощное возрождение: равенство и солидарность через посредство свободы». Варлен убеждал буржуазию в том, что с ее стороны «будет разумно приветствовать его нового класса.— *Э. Ж-* пришествие, отвечающее требованиям разума, и предоставить ему возможность выполнить свою миссию осуществления справедливости» [164].

Речь Варлена, как видим, не бь[Т7т]ч свободна от пережитков прудонизма и других разновидностей утопического социализма. Но она вместе с тем свидетельствовала о начале нового этапа освободительной борьбы французского пролетариата. Передовые рабочие Франции начинали сознавать историческую миссию пролетариата и переходили к более решительной борьбе против политического гнета Второй империи, против капиталистической эксплуатации.

Защитительная речь Варлена была 16 июня 1868 г. зачитана в выдержках[165] на заседании Генерального совета

[163] «Proces de l'Association internationale des travailleurs». Premiere et deuxieme commissions du Bureau de Paris, p. 164.

[164] Ibid., p. 165.

iK rr_0 тексту, опубликованному в «Gazette des tribunaux» вместе с другими материалами процесса.

Интернационала [166]. Она была опубликована совместно с другими материалами второго процесса парижского бюро, изданными на средства рабочих в 1868 г. и переизданными в 1870 г.[167]

Позднее, в 1890 г., речь Варлена на втором процессе Интернационала в Париже была издана нелегально «Русским социал-демократическим союзом» под названием «Варлен перед судом исправительной полиции» [168]. Автором предисловия и послесловия к ней была Вера Засулич. В 1906 г. речь Варлена была переиздана совместно с последним словом русского рабочего-революционера Петра Алексеева, одного из подсудимых по процессу 50-ти [169].

Второй процесс Интернационала закончился роспуском нового парижского бюро. Члены бюро были приговорены к трем месяцам тюремного заключения и к денежному штрафу.

Период, следовавший за вторым процессом Интернационала, явился яркой демонстрацией дальнейших успехов французского рабочего движения и роста популярности и влияния Международного товарищества рабочих во Франции. Об этом мы узнаем, в частности, из выступления Варлена в сентябре 1869 г. на Базельском конгрессе Интернационала, на котором он присутствовал в качестве делегата от парижских переплетчиков. «После нашего осуждения, — сообщил Варлен, — многие рабочие, которые до того времени не интересовались Интернационалом, приходили к нам и спрашивали, можно ли еще присоединиться к нашей организации. Мысль о том, что парижская ассоциация продолжает существовать, была общераспространенной и жила как в рабочих массах, так и среди встревоженной буржуазии» [170].

О том же сообщал другой член второго парижского бюро, Комбо. «Разгром парижской организации, во время которого было разогнано несколько сот членов регулярно действовавшей группы,— писал Комбо в годовщину первого процесса Интернационала,— имел результатом то, что к Интернационалу в принципе и на деле присоединилась, хотя и не по установ-

[166] См. в газ. «Beehive», 1868, 20 June, отчет о заседании Генерального совета Интернационала от 16 июня 1868 г. См. также «Der Vorbote», 1868, Juni, № 6.

[167] См. «Proces de l'Association internationale des travailleurs». Premiere et deuxieme commissions du Bureau de Paris, p. 143—165.

[168] В. Засулич. Варлен перед судом исправительной полиции. Изд. Русского социал-демократического союза. Женева, 1890.

[169] Две речи. Изд. «Лиги русской революционной социал-демократии». Женева, 1906.

[170] См. текст речи Варлена на Базельском конгрессе, найденный парижской полицией в его бумагах, в изд. «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris». Paris, 1870, p. 16. Протокольную запись этой речи см. в «Report of the fourth annual congress of the International Working men's Association». London, 1869, p. 17.

ленным правилам, вся мыслящая и деятельная часть рабочего населения Парижа» [171].

Обострение классового антагонизма между пролетариатом и буржуазией выразилось в дальнейшем росте стачечного движения. Стачки были вызваны снижением заработной платы, широко проводившимся в 60-х годах французскими предпринимателями, ссылавшимися обычно на английскую конкуренцию. В конце 1868 г. в Париже произошла крупная стачка рабочих мраморного производства, окончившаяся победой рабочих. Федеральная палата мраморщиков оказала стачечникам материальную помощь в размере 116 600 франков [172]. В первые месяцы 1869 г. вспыхнули стачки в текстильной и в других отраслях промышленности: стачки рабочих текстильного предприятия Бертеля в Сотевилль-ле-Руане, стачка 400 прядильщиков шерсти в Вьенне (Дофинэ) и др. Бастовавшие рабочие Сотевилль-ле-Руана и Вьенны обратились за помощью к Генеральному совету Интернационала.

Во второй половине 1868 г. получило дальнейшее развитие и буржуазное оппозиционное движение против империи. Уже в первые два месяца после издания закона о печати в Париже и провинции появилось около 70 новых оппозиционных буржуазных газет различных политических оттенков, от умереннейшего еженедельника «L'Electeur libre», основанного правым буржуазным республиканцем Э. Пикаром, до радикального «Le Reveif» "[3], руководимого мелкобуржуазным демократом-неоякобинцем Шарлем Делеклюзом. Из других оппозиционных органов печати, появившихся в эти месяцы в Париже, назовем газету «La Tribune», основанную 14 июня 1868 г. правыми буржуазными республиканцами Пеллетаном и Гле-Бизуэном.

С 1 июня 1868 г. в Париже начал выходить памфлет-еженедельник Рошфора «Lanterne», завоевавший в короткий срок огромную популярность благодаря смелым и метким нападкам его редактора на Наполеона III и на династию Бонапартов. Тираж этого издания превышал 100 тыс. экземпляров. «Чем больше «Lanterne» осыпает бонапартизм оскорблениями и презрением, тем больший она имеет успех. Как низко должно пасть правительство, чтобы стал возможен такой успех»,— писал в июле 1868 г. буржуазный радикал Аллен-Тарже [174]. В августе 1868 г. «Lanterne» был конфискован, а Рошфор приговорен к 13 месяцам тюремного заключения и к 10 тыс. франков штрафа. Он скрылся в Бельгию, где в Брюсселе продолжал издавать свой еженедельник. «Lanterne» пересылался во Францию и нелегально распространялся в Париже и в провинции.

Не меньший успех, чем рошфоровский «Lanterne», имела вышедшая в 1868 г. книга буржуазного республиканца Эжена Тено «Париж в декабре 1851 г.». В ней описывались обстоятельства, при которых произошел государственный переворот и рассказывалось о преступлениях, совершенных бонапартистами. Книга Тено произвела сильнейшее впечатление в Париже. Республиканские газеты печатали обширные выдержки из нее.

В короткий срок книга выдержала десять изданий, из них шесть изданий в одном только 1868 г. Интересно отметить, что и вышедшая в 1865 г. другая книга Тено «Провинция в 1851 г.», оставшаяся тогда почти незамеченной, выдержала в 1868 г. семь новых изданий.

Маркс в одном из писем 1868 г. к Энгельсу так объяснял необычайный успех книги Тено «Париж в декабре 1851 г.»: «Громадная сенсация, вызванная книгой в Париже и во Франции вообще, свидетельствует о весьма интересном факте,— а именно, что поколение, выросшее при Баденгэ [175], решительно ничего не знало об истории режима, в котором оно живет. Они теперь протирают себе глаза и как будто упали с облаков» [176].

2 ноября 1868 г. в Париже состоялась массовая манифестация на Монмартрском.кладбище, у могилы депутата-республиканца Бодена, погибшего 3 декабря 1851 г. на баррикадах Сент-Антуанского предместья. Здесь произносились антиправительственные речи; раздавались возгласы: «Да здравствует свобода!», «Да здравствует республика!». 3 ноября по инициативе редактора газеты «Le Reveil» Делеклюза была открыта подписка на сооружение памятника Бодену. В Париже подписку проводили республиканские и либеральные газеты «Le Reveil», «L'Avenir national», «La Tribune», «Le Siecle», еженедельник «Le Revue politique» и др., орлеанистская «Le Temps»; в провинции — в Лионе, Тулузе, Лилле, Марселе, Бордо, Кане, Нанте, Авиньоне и в ряде других городов — наиболее крупные из местных оппозиционных газет. Виднейшие деятели буржуазной оппозиции, не только республиканцы, но и часть орлеанистов и даже легитимисты, включились в это широкое политическое антибонапартистское движение. На него откликнулись и французские эмигранты-республиканцы, среди них Виктор Гюго и Луи Блан.

Правительство Наполеона III возбудило судебное преследование против ряда участников манифестации на Монмартрском

[171] «L'Egalite», 20 mars 1869.

[172] J. Barberet. Les greves et la loi sur les coalitions. Paris, 1873 p. 63.

[173] Первый номер «Le Reveil» вышел 2 июля 1868 г.

[174] H. Allain-Targe. La Republique sous l'Empire. Lettres (1864—1870). Paris, 1939, p. 179. Письмо к отцу от 21 июля 1868 г.

[175] Презрительное прозвище Наполеона III.

[176] Маркс — Энгельсу. 14 декабря 1858 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 145.

кладбище и инициаторов подписки. Процесс состоялся 13—Л4 ноября 1868 г. Защитником обвиняемого Делеклюза выступил Гамбетта. Его речь прозвучала обвинительным актом против господствующей бонапартистской клики, против всего режима Второй империи. Она обнаружила в тридцатилетнем буржуазном адвокате незаурядного политического оратора и положила начало его широкой популярности. «Утром 14 ноября,— писали позднее по этому поводу его биографы,— имя Гамбетты было известно в Латинском квартале и в нескльких кафе. Вечером этого дня он был знаменит во всей Франции, во всей Европе» [177].

Радикал Аллен-Тарже в день окончания процесса восторженно писал о Гамбетте как о самом выдающемся политическом ораторе своего времени, в сравнении с которым «Фавр является младенцем». Тарже считал отныне обеспеченным избрание Гамбетты в Законодательный корпус. «Он *первый человек* в партии. Он стоит выше всех Фавров, всех Симонов, выше всех, всех,— восхищался он.— Гамбетта является сейчас парижским львом» [178].

В этой связи представляет интерес оценка Гамбетты как оратора и политического деятеля, данная Марксом вскоре после процесса Делеклюза. «В речи Гамбетты, нынешнего французского льва,--писал Маркс 14 декабря 1868 г. Энгельсу,— я не нахожу ничего особенного. Его манера удивительно напоминает мне манеру Мишеля де-Буржа. Этот Мишель тоже составил себе имя политическим процессом. За несколько месяцев до февральской революции он объявил, что отказывается от своей веры в «демократию», потому что она всегда переходит в «демагогию». Это не помешало ему, разумеется, после февраля блистать в качестве «до-революционного республиканца» (republicain de la veille) и, nolens-volens [179], оказать Бонапарту великую услугу...» [180].

В октябре—ноябре 1868 г. Маркс и Энгельс неоднократно отмечали серьезность создавшегося во Франции политического положения. Маркс указывал на стремление бонапартистского правительства спровоцировать вооруженное восстание в Париже и таким образом получить возможность убедиться на деле в достоинствах ружей Шаспо и нарезных пушек [181]. Энгельс был того же мнения. «Что Бонапарт желает вызвать попытку восстания,— это несомненно и очевидно...»,— писал он [182]. Маркс и Энгельс считали выступление парижского пролетариата преждевременным.

* Как видим, политическая обстановка во Франции после издания либеральных законов 1868 г. не только не стала менее напряженной, как рассчитывало бонапартистское правительство, но, напротив, еще более обострилась.

[177] «Lettres de Leon Gambetta. 1862—1880». Paris 1938. Introduction

[178] H. A 11 a i n - T a r g ë. Op. cit, p. 184, 185. Письмо к отцу от 14 ноября 1868 г.

[179] Волей-неволей.

[180] Маркс — Энгельсу. 14 декабря 1868 г. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XXIV, стр. 145—146.

[181] См. Маркс — Энгельсу. 18 октября 1868 г. Т а м же, стр. 119.

[182] Энгельс — Марксу. 20 ноября 1868 г. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XXIV, стр. 132.

4

После разгрома парижской организации Интернационала передовая часть парижского пролетариата нашла новую форму борьбы за свое политическое и социальное освобождение. Воспользовавшись законом от 6 июня 1868 г., она приняла активное участие в происходивших в Париже с середины 1868 г. многочисленных публичных собраниях. Эти собрания сыграли крупную роль в общественно-политической жизни Франции 1868—1870 гг.

Первое публичное собрание состоялось 18 июня [183] 1868 г., через двадцать лет после июньского восстания парижского пролетариата. Концертный зал одного из столичных парков, где происходило это знаменательное собрание, не мог вместить всех желавших принять в нем участие: по воспоминаниям одного из его участников, члена Интернационала Гюстава Лефрансе, их было свыше 2 тыс. человек. Большинство присутствовавших составляли рабочие [184].

Председателем собрания и докладчиком на нем был буржуазный экономист Горн. На повестке дня стоял один вопрос — о женском труде. Полицейский комиссар, присутствовавший в зале в сопровождении секретаря-стенографа, имел все основания быть довольным собранием. Докладчик органичился изложением фактов и цифр, свидетельствовавших о прогрессирующем снижении заработной платы работниц, не поставив ни одной социальной проблемы, касающейся труда женщин в капиталистическом обществе. После доклада Горна собрание закрылось. Прения были отложены до следующего собрания.

Однако обсуждение вопроса о женском труде приняло в дальнейшем такой характер, какого не предвидели организаторы собрания и докладчик. В течение нескольких месяцев вопрос этот не сходил с повестки дня еженедельно созывавших-

[183] По некоторым сведениям — 19 июня. См., напр., «L'Illustration», 4 juillet 1868, p. 6.

[184] G. L e f r a n c a i s. Souvenirs d'un revolutionnaire. Bruxelles 1902, p. 295.

ся публичных собраний. Вслед за буржуазными экономистами и буржуазными политиками, упорно навязывавшими аудитории свои взгляды на труд женщин, выступили на сцену прудонисты,— Толен, Мюра, Элигон, Шемале, Жорж Дюшен и другие. Они, в свою очередь, развивали реакционные взгляды на назначение женщины и ее место в обществе, уводя своих слушателей от главного вопроса — о неизбежности эксплуатации женского труда в условиях капиталистического строя.

Прения на публичных собраниях приняли совсем иное направление и сразу привлекли к себе внимание правительственной и оппозиционной буржуазной печати, когда в горячую полемику с прудонистскими ораторами вступили коллективисты, придерживавшиеся передовых взглядов на роль женщины в обществе. В своих выступлениях они связывали вопрос о заработной плате работниц в условиях Второй империи с вопросом о неизбежности эксплуатации женского труда при капитализме.

Восторженная реакция аудитории на выступления коллективистов, писал впоследствии Г. Лефрансе, «предвещала, что публичные собрания примут совершенно иной характер и что социальные проблемы, поднятые при обсуждении вопроса о женском труде, отныне будут открыто и смело ставиться на обсуждение»[185].

И действительно, буржуазные ораторы — орлеанисты и республиканцы, рассчитывавшие, что «при известной энергии и настойчивости» им «удастся на публичных собраниях отвоевать почву у социалистов»[186], были вскоре вынуждены признать свое бессилие. Они не смогли овладеть аудиторией многочисленных собраний, происходивших в рабочих районах Парижа.

Из переписки Малона с лионским бакунистом А. Ришаром мы узнаем, что публичные собрания в Париже были двоякого рода. «Те из них,— писал Малой,-— которые происходят в центре Парижа и в первое время наделали так много шума, остались чисто либеральными в области политики и реформистскими в том, что касается социализма. В предместьях они имеют иное лицо: здесь они являются подлинно революционными в политике и определенно коммунистическими в области социальной экономии. Поэтому именно на эти собрания и обрушила свои удары администрация»[187].

Малон переоценивал идейную зрелость парижских рабочих, участвовавших в публичных собраниях. Да и сам он был весьма неустойчив в своих взглядах. Его идейные шатания нанесли

[185] G. L e f r a п Q a i s. Souvenirs d'un revolutionnaire, p. 301.

[186] «Journal des debats», 17 novembre 1868.

[187] См. ПИСЬМО Б. Малона к А. Ришару от 28 марта 1869 г. A. Richard. Les propagateurs de l'Internationale en France. «La Revue socialiste», 1896, t. 23, p. 654.

впоследствии большой вред французскому социалистическому движению. Но одно с несомненностью вытекает из его сообщений: публичные собрания в рабочих районах Парижа приобретали все более революционный характер. Несмотря на присутствие полицейского комиссара и стенографа, на них происходили горячие, страстные дискуссии по разнообразным вопросам, волновавшим в то время передовых рабочих. Наиболее опытные ораторы, поддерживаемые сочувствием аудитории, искусно вводили в заблуждение агентов бонапартистской полиции. По словам Малона, ораторы призывали рабочих взять ведение-своих дел в собственные руки, доказывали им, что «до сих пор почти все, кто их представлял, обманывали их; что не следует забывать ни июня, ни декабря, что социальная философия основывается на атеизме, на отрицании частной собственности,—словом, на коммунизме в самом широком его понимании»[188].

О публичных собраниях конца 60-х годов в Париже писал также Варлен в своих корреспонденциях в швейцарской газете «L'Egalite». В одной из них, написанной в феврале 1869 г., Варлен следующим образом охарактеризовал тогдашнее состояние рабочего движения во Франции: «Общественное движение с каждым днем расширяется и углубляется среди нашего рабочего населения. С каждым днем устраивается все больше и больше публичных собраний для обсуждения экономических вопросов; со дня на день увеличивается их посещаемость. В то же время потребность в объединении, ощущаемая рабочими, с каждым днем приводит к образованию новых союзов рабочих тех профессий, которые до сих пор не думали объединяться»[189].

Относительно публичных собраний Варлен сообщал: «Ораторам приходится разрываться на части, чтобы успеть обслужить все собрания, на которых ведутся прения по самым интересным, но и самым сложным вопросам». На крупную роль публичных собраний в общественно-политической жизни Франции указывал, по. мнению Варлена, самый характер стоявших в повестке дня вопросов. Важнейшими из них были, по его сообщению, следующие: о привилегиях, о праве наследования, о безработице, о монополиях, о наемном труде и пауперизме, о воспитании и образовании, о рабочих синдикальных палатах, о процентах на капитал, о коммунизме и мютюэлизме, о борьбе человека с природой, о наемном труде и собственности, о правах и обязанностях личности в современном обществе и. др.[190]

188 Б. Малон —А. Ришару. 28 марта 1869 г. «La Revue socialiste» 1896, t. 23, p. 654.

I" «L'Egalite», 9 fevrier 1869.

[190] Ibid.

Наиболее видными представителями коллективизма среди ораторов публичных собраний 1868—1870 гг. являлись Варлен, Флуранс, Мильер, Лефрансе, Ранвье, Андре Лео, Гранже, Эд, Шовьер, Ландрен, Жаклар, Дебок, Делакур и другие[191]. Это были главным образом левые прудонисты и бланкисты. Наряду с ними выступали лица, не примыкавшие ни к той ни к другой группе. Члены Интернационала являлись активными участниками публичных собраний.

Публичные собрания способствовали значительному расширению контингента рабочих, интересовавшихся социальными вопросами. Они умножили среди рабочих число социалистически мыслящих людей, выявили в их среде незаурядных агитаторов. Одним из лучших ораторов собраний был рабочий Брион, член Интернационала.

Буржуазия проникалась все большей враждебностью к участникам публичных собраний, в особенности к выступавшим на них ораторам. Орлеанист Молинари, видный буржуазный экономист, редактор самого крупного орлеанистского органа «Journal des debats», писал в июне 1868 г.: «В последние годы конгрессы Международного товарищества рабочих, доклады рабочих делегатов на всемирных выставках в Лондоне и в Париже, ложное направление, которое приняло кооперативное движение, и т. д. уже послужили для нас предупреждением о том, что социализм отнюдь не был в такой степени раздавлен, как это с удовлетворением утверждали». Однако только после разрешения публичных собраний, стало вполне очевидным, по мнению Молинари, что социализм не только не уничтожен, но, напротив, «никогда не прекращал распространять в массах свои разлагающие теории», что «он располагает штабом и армией и может при известных обстоятельствах вызвать страшные потрясения». Все это Молинари считал необходимым знать в целях эффективной борьбы против социализма[192].

Несколько позднее, в феврале 1869 г., Молинари с возросшим озлоблением и тревогой констатировал, что «социализм вновь появился на сцене, более чем когда-либо неистовый, уверенный в своей жизненной силе и мощи». Ответственность за такое положение он возлагал на бонапартистское правительство, обвиняя его в том, что оно, «стремясь заставить умолкнуть социалистов, сочло необходимым лишить свободы слова всех без исключения», в результате чего была приостановлена активная консервативная пропаганда, которая в годы июльской монархии велась в противовес социалистической пропаганде[193].

[191] B. Malon. Les collectivistes francais. «La Revue socialiste», 1887, t. 5, p. 311—312.

[192] «Journal des economistes», juin 1868

[193] «Journal des debats», 5 fevrier 1869.

Публичные собрания и их наиболее активные участники, прежде всего члены Интернационала, вызывали злобные выпады не только орлеанистов. «Депутаты-консерваторы и депутаты оппозиции, буржуа-монархисты, либералы и республиканцы,— вспоминал впоследствии социалист Лефрапсе,— все единодушно изображали публичные собрания ужасными притонами, а выступавших на них ораторов — бандитами, проповедующими кровавые эксцессы и кражи, или, по меньшей мере, людьми подозрительными, оплачиваемыми полицией»[194]. Депутаты левой фракции Гарнье-Пажес, Пеллетан, Эмиль Оливье возводили подобные обвинения на передовых парижских рабочих и социалистов с трибуны Законодательного корпуса. Когда во время сессии 1869 г. депутаты правого большинства внесли запрос правительству о том, как оно осуществляет на практике июньский закон 1868 г. о публичных собраниях, и потребовали от него усиления репрессий против ораторов этих собраний, то депутаты-республиканцы фактически присоединились к ним. После того как от имени правительства было дано обещание удовлетворить требование большинства, депутат Пеллетан, выражая мнение левой фракции, сделал следующее заявление: «Правительству было предъявлено требование, чтобы репрессии применялись чаще. Правительство обещало выполнить это. Вопрос, поставленный таким образом, не касается партии свободы»[195].

По поводу позиции, единодушно занятой в этом вопросе левой фракцией Законодательного корпуса, Варлен справедливо писал: «Мы ничего лучшего и не ожидали от наших республиканских депутатов... Когда дело идет об их персонах, когда дело идет о том, кто будет вершить общественные дела, у них идет серьезная потасовка, но как только речь заходит о социалистах, которых нужно осудить, тогда между ними водворяется согласие»[196].

Буржуазная печать, от бонапартистской до республиканской, не отставала от буржуазных политических деятелей, усердствуя в клеветнических выпадах против публичных собраний. Даже неоякобинская, левобуржуазная газета «Le Reveil» поддалась влиянию реакционной буржуазной пропаганды. В ней появилась статья Франсуа Фавра, брата Жюля Фавра, в которой ораторы публичных собраний изображались «усыпителями» народных масс, отвлекающими в интересах бонапартистского правительства внимание народа от революционной борьбы против империи. И хотя Делеклюз на другой день отмежевался от статьи своего сотрудника, он тем не менее про-

[194] G. Lefrancais. Etude sur le mouvement communaliste a Paris en 1871. Neuchatel, 1871, p. 46.

[195] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 1 fevrier 1869, p. 87.

[196] «L'Egalite», 9 fevrier 1869.

должал и впредь питать неприязнь к публичным собраниям и к их участникам [197].

Преследования и аресты ораторов публичных собраний принимали все более широкий характер. По свидетельству Малона, уже в начале 1869 г. по меньшей мере 60 ораторов публичных собраний в Париже предстали перед шестой судебной палатой и были приговорены к тюремному заключению на срок от 15 дней до 8 месяцев и к денежному штрафу от 50 до 2 тыс. франков [198].

Выпады бонапартистской и оппозиционной буржуазной печати против организаторов и участников публичных собраний особенно усилились в период избирательной кампании 1869 г. Ввиду предстоявших в мае этого года выборов в Законодательный корпус правительство Наполеона III распространило в сотнях тысяч экземпляров по всей Франции, главным образом в сельских местностях, гнусный пасквиль на происходившие в Париже публичные собрания. Одна из основных задач этого пасквиля заключалась в том, чтобы запугать крестьян, изображая социалистов сторонниками насильственного дележа крестьянской земли. Автором этой грязной стряпни был бонапартист Огюст Витю, редактор реакционной газеты «L'Etendard» [199].

Поверенный в делах России Окунев сообщал в мае 1869 г. из Парижа о предвыборной «деятельности» правительства Наполеона III: «Правительство сумело весьма ловко использовать в своих интересах бурные манифестации выборных собраний в Париже. Его агенты наводнили сельские местности и мелкие города и там распространяли преднамеренно преувеличенные слухи о том, что происходило в столице. Красный призрак был снова с успехом вызван к жизни среди непросвещенных масс. Он привел нерешительных и колеблющихся под знамя официальных кандидатур» [200].

Из донесения русского посла в Париже графа Штакельберга от 8 мая 1869 г. мы узнаем также о том, что депутаты-бонапартисты, задолго до начала выборов — многие из них покинули сессию Законодательного корпуса до ее закрытия (26 апреля) — устремились в провинцию, чтобы «следить за погодой и стимулировать рвение своих избирателей» посредством активной предвыборной агитации и подкупа своей агентуры

[197] G. Lefrancais. Etude sur le mouvement communaliste.., p. 46. ,"Б- Малон —А. Ришару. 28 марта 1869 г. «La Revue socialiste», 1896. t. 23, p. 654.

[199] *A.* Vitu. Les reunions publiques a Paris. 1868—1869. Paris, 1869

200 АВРІР Канц д 125; 141 Окунев — Горчакову. 15 (27) мая

в сельских местностях (в частности, раздачи зонтов, непромокаемых пальто, велосипедов и т. п.) [201].

Выборы, задолго до их начала, вызвали чрезвычайное оживление общественно-политической жизни Франции. Буржуазная оппозиция развернула активную предвыборную агитацию, борясь не только против официальных кандидатур бонапартистского правительства, но и против рабочих кандидатов, которых выдвигали участники публичных собраний, превратившихся на время избирательной кампании в предвыборные собрания. В борьбе против кандидатов рабочего класса действовали согласованно все фракции оппозиционной буржуазии, что не исключало ожесточенной борьбы между ними за депутатские места.

Буржуазные республиканцы правого толка в блоке с орлеанистами прилагали все усилия, чтобы добиться успеха на выборах. Маркс задолго до выборов разгадал замыслы и цели главарей «либерального союза» — Фавра, Симона, Гарнье-Пажеса, Тьера и других. С негодованием писал он в начале марта 1869 г. Людвигу Кугельману о том, что эти господа «хотят жульнически использовать ближайшие выборы» [202].

О размахе предвыборной деятельности буржуазной оппозиции можно отчасти судить по официальному донесению начальника бюро печати министерства внутренних дел Второй империи, датированному 5 апреля 1869 г. Бонапартистский чиновник доводил до сведения министра внутренних дел о том, что оппозиция с самого начала избирательной кампании употребила «поистине сверхъестественные усилия, чтобы наилучшим образом организовать существующие и создать новые враждебные органы печати» [203]. Только за три месяца, с 1 января по 5 апреля 1869 г., оппозиция, кроме издания 14 специальных предвыборных публикаций, основала в провинции еще «46 новых полемических газет, являющихся в ее руках настоящим орудием войны, применяемым ею с большой решительностью и часто с крайним неистовством». Она реорганизовала также большинство существовавших ранее- газет [204].

Автор докладной записки далее подчеркивал, что хотя число правительственных органов печати превышает число оппозиционных— правительственных газет было свыше 180,—

2d АВПР. Канц., д. 125, л. 82. Штакельберг — Горчакову. 26 апреля

"м Маркс— Людвигу Кугельману. Лондон. 3 марта 1869 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 8.

203 «Papiers et correspondence de la famille impenale» t I, p. 17. Note sur l'orR?n'sation de la presse en vue des elections. 5 avnl 1869.

[204] Ibid., p. 19.

в действительности это только «количественное превосходство, а не превосходство сил»[205].

Рост антиклерикального движения во Франции в конце 60-х годов побудил французских клерикалов активно включиться в избирательную кампанию 1869 г. Клерикалы первоначально намеревались выступить против официальных правительственных кандидатов в блоке с главарями «либерального союза», главным образом с орлеанистами. Они опасались, что избирательная победа и упрочение бонапартистского правительства ускорит объявление франко-прусской войны, а это побудит Наполеона III отозвать французские войска из Рима, чтобы обеспечить Франции союз или, по крайней мере, нейтралитет Италии. Однако в ходе избирательной кампании клерикалы были вынуждены во многих случаях переориентироваться. Все более явственно обозначавшийся успех республиканских кандидатов на предстоявших выборах побудил клерикалов поддержать ставленников правительства во всех тех местностях, где существовало сильное республиканское влияние. Там же, где республиканское влияние было незначительным, католическое духовенство блокировалось с орлеанистами против кандидатов-бонапартистов[206].

В первом избирательном округе Парижа, в рабочем районе Бельвилль, наряду с правым буржуазным республиканцем, деятелем 1848 г. Ипполитом Карно, выставил свою кандидатуру Леон Гамбетта. Кандидатура Гамбетты одновременно баллотировалась в Марселе, наряду с кандидатурой Тьера. Оба они выступали против официального кандидата де Лессепса.

Выступая перед избирателями на многочисленных публичных собраниях в Париже, Бордо, Тулузе, Авейроне, Кагоре, Ниме, Монтобане, Ажане и других городах, Гамбетта называл себя «радикальным демократом», приверженцем принципа народного суверенитета[207]. Он давал клятву «народу-суверену» отстаивать требования, изложенные в его избирательном мандате.

В так называемом Бельвилльском мандате Гамбетты содержались следующие основные требования: свобода личности, обеспечиваемая законом, отмена закона о «подозрительных», прямая ответственность всех чиновников, передача на рассмотрение судов присяжных дел о политических преступлениях, неограниченная свобода печати и собраний с правом обсуждения религиозных, философских, политических и социальных вопросов, полная свобода союзов, упразднение бюджета культов, отделение церкви от государства, светское, бесплатное, обязательное начальное образование, отмена налога октруа, упразднение высоких окладов и совместительства, преобразование налоговой системы, выборность должностных лиц, упразднение постоянной армии — «этой причины финансового и всякого иного разорения для нации, источника ненависти между народами и недоверия внутри каждой страны»,, отмена привилегий и монополий.

Что касается социальных требований, то они были формулированы в наказе крайне невразумительно. Гамбетте предлагалось «энергично требовать экономических реформ, касающихся социальной проблемы, решение которой хотя и подчинено политическому преобразованию, но должно постоянно подвергаться изучению и исследованию, исходя из принципа социальной справедливости и равенства».

Вполне удовлетворенный неопределенностью социальных требований своих избирателей, Гамбетта откровенно изложил свое собственное понимание социальной проблемы. По его мнению, «правильно и законно установленная демократия -есть наилучшая политическая система, наиболее быстро и верно осуществляющая моральное и материальное освобождение большинства населения и наилучшим образом обеспечивающая социальное равенство в области законодательства, в практической деятельности и в области нравов»[208]. Это означало, что установленная путем всеобщего голосования буржуазная республика является таким политическим строем, который обеспечивает полное разрешение социального вопроса. Гамбетта, в сущности, отрицал наличие социальной проблемы и старался ограничить требования своих избирателей-рабочих одними лишь политическими преобразованиями.

Французские социалисты включились в предвыборную кампанию и выступили с избирательной программой, которую они опубликовали в начале мая 1869 г., после того, как Варлену и его единомышленникам удалось преодолеть сопротивление сторонников бойкота выборов. К их числу принадлежал и Малон. Варлен и ряд других парижских социалистов считали необходимым выставить самостоятельные рабочие кандидатуры в противовес кандидатам буржуазных партий. «Мы вступили на

[205] «Papiers et correspondence de la famille imperiale», t. I, p. 19.

[206] CM. J. Maurain. La politique ecclesiastique du Second empire dc 1852 a 1869. Paris, 1930, p. 902—939.

[207] L. Gambetta. Discours et plaidoyers, t. I, p. 251; «Lettres de Leon Gambetta. (1862—1880)». Paris 1938.

[208] Полный текст Бельвилльской избирательной программы Гамбетты см в работе E Ollivier. L'Empire liberal, t. XI, p. 497—498, а также в. приложении к книге J. P. T. Bury. Gambetta and the national defence, p 285—287 Ответ Гамбетты его избирателям (Reponse au cahiers de' mes electeurs) см. в книге L Gambetta. Discours et plaidoyers politiques, t. I, p. 422.

избирательной арене в борьбу с буржуазными республиканцами всех оттенков для того, чтобы подчеркнуть разрыв народа с буржуазией»,— писал Варлен 8 января 1869 г. социалисту Эмилю Обри, возглавлявшему руанскую секцию Интернационала [209].

В качестве рабочего кандидата был выдвинут в одном из избирательных округов Парижа член Интернационала Брион. В другом избирательном округе был выставлен Варлен [210], который, судя по некоторым сведениям, снял свою кандидатуру. В Руане была выдвинута кандидатура Эмиля Обри. В Лионе и в Марселе также намечались к выдвижению рабочие кандидатуры.

В «Избирательной программе группы парижских рабочих» Варлен и 19 других активных деятелей французского рабочего движения, членов Интернационала, призывали всех социалистов сплотиться на основе ближайших политических и социальных требований, которые им надлежит выставить сообща. «Настало время,'— указывалось в программе,— когда демократическая и социалистическая партия должна заявить о себе... Не будем держаться прежних заблуждений. Вместо того, чтобы высказываться за кандидатов, в пользу которых говорит только их более или менее установившаяся репутация, народ-суверен должен сам выработать свою программу и составить перечень реформ, в осуществлении которых он нуждается, а затем избрать тех граждан, которые окажутся в его глазах наиболее подходящими для выражения народной воли». Далее указывалось на то, что с точки зрения «абсолютных принципов» избранники народа «должны быть отзываемы в тех случаях, когда они не выполняют своих обязательств», но «ввиду современных трудностей» от них следует «требовать, по крайней мере, того, чтобы они поддерживали постоянную связь со своими избирателями и ежегодно переизбирались на основе всеобщего голосования».

В избирательной программе парижских социалистов были выставлены следующие требования: упразднение постоянной армии и вооружение всех граждан, упразднение бюджета культов, отделение церкви от государства, свобода религиозных и политических дискуссий, общая реорганизация судопроизводства, выборность судей, установление суда присяжных по гражданским и уголовным делам, обязательное для всех светское, бесплатное общее образование, выдача детям на время их обучения пособия на питание, отмена привилегий, связанных с университетскими учеными степенями, неограниченная свобода союзов, собраний, печати, отмена гербового сбора и залогов, свобода личности, гарантируемая действительной и постоянной ответственностью всех должностных лиц, независимо от их ранга; введение прогрессивного налога, упразднение всех косвенных налогов, налога октруа и пр.; освобождение коммун, департаментов, колоний от централизованной опеки и управление ими через посредство свободно избранных уполномоченных; ликвидация государственного долга; экспроприация всех финансовых компаний и передача в собственность нации для преобразования в общественные учреждения Французского.— *Э. Ж* банка [211], каналов, железных дорог, рудников, транспортных контор, страховых обществ [212].

Как видим, избирательная программа парижских социалистов содержала, наряду с буржуазно-демократическими требованиями, и такие требования, как экспроприация банков, железных дорог, шахт, рудников, финансовых компаний и т. д.,— в соответствии с решением, принятым в сентябре 1868 г. по вопросу о собственности Брюссельским конгрессом Интернационала [213]. В этом заключалось ее принципиальное отличие даже от наиболее радикальной буржуазной избирательной программы, с которой выступил в Бельвилле Гамбетта. В программе Гамбетты, как мы видели, социальный вопрос был, в сущности, обойден. На заседании Генерального совета Интернационала от 4 мая 1869 г. член Генерального совета Г. Юнг охарактеризовал избирательную программу парижских рабочих и социалистов как «основанную на принципиальной платформе Международного товарищества рабочих» [214].

Заслуживает внимания и тот факт, что избирательная программа парижских социалистов была направлена против полицейско-бюрократического централизма бонапартистского режима, как и против засилья католической церкви. Содержавшиеся в ней требования упразднения бюджета культов, отделения церкви от государства, свободы религиозных дискуссий, обязательного для всех граждан общего, светского, бесплатного образования выражали антиклерикальные настроения широких масс рабочего класса и революционной мелкой буржуазии. Они открыто проявлялись на публичных собраниях и в демократических органах печати, появившихся в Париже

[209] «Troisieme proces de l'Association international des travailleurs a Paris», p. 19.

[210] «L'Ir.ternationa'e», 15 mai 1869. Корреспонденция из Франчии. Автор корреспонденции — член Интернационала, парижский социалист Комбо.

[211] Французский банк был частным предприятием, контролируемым государством.

[212] «L'Internationale», 9 mai 1869.

[213] См. «Compte rendu officiel du Congres de Bruxelles de l'Association internationale des travailleurs, 6—13 septembre 1868». Bruxelles, 1868.

[214] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. П/30. Minutes of the General Council of the I International. 1869. Council Meeting, may 4.

и в провинции после издания закона о печати 1868 г. Эти настроения нашли отражение и в Бельвилльском мандате Гамбетты. В нем также содержались пункты, требовавшие ограничения власти католической церкви.

В мае 1869 г., накануне выборов, Лафарг информировал Маркса о настроении рабочих Парижа: «Публичные собрания,— писал он,— хорошо подготовили почву для борьбы не только против правительства, но и против оппозиции. Повсюду, где в противовес «старикам» были выставлены серьезные кандидатуры, как, например, Гамбетта против Карно, Распайль против Гарнье-Пажеса, Кантагрель и Рошфор против Фавра,— против февральских героев выступали обличители, и им удавалось привлечь внимание слушателей. В итоге имена Фавра, Мари, Пажеса, которые не решались даже появляться на собраниях, встречались свистками и шиканьем»[215].

Согласно другим сведениям, такая же участь постигла Симона, Пеллетана и иных представителей либерально-республиканской оппозиции[216]. «Либералы серьезно поплатились своей популярностью,— сообщал в мае 1869 г. в редакцию швейцарской газеты «L'Egalite» парижский социалист Комбо.— Во всех городах они вынуждены выслушивать иной раз суровую правду. Так было с Фавром, Гарнье-Пажесом, Тьером, Герулем в Париже, с Мари — в Марселе. Все, кто был причастен к июньской бойне, получили по справедливости суровую отповедь»[217].

Большую роль в разоблачении буржуазной оппозиции и либеральных республиканцев сыграли книги социалиста Вермореля «Деятели 1848 года» и «Оппозиция», вышедшие в начале 1869 г. Его перу принадлежали также биография Жюля Симона и ряд популярных брошюр, написанных им еще ранее, в 1868 г. специально к избирательной кампании[218]. Книги Вермореля содержали убийственные изобличения Жюля Фавра, Гарнье-Пажеса, Карно, Мари, Симона и других либеральных республиканских главарей. «Истина заключается в том,—писал Верморель в послесловии к книге «Деятели 1848 года», датированном 10 января 1869 г.,—что дистанция между людьми июня и людьми декабря не так велика, как нас хотят в этом убедить те и другие»[219]. Поэтому-то, по его мнению, империя и смогла просуществовать семнадцать лет. «Именно в слабости оппозиции, в ее шаткости и заключается сила правительства»,-— подчеркивал Верморель в другой работе, разоблачавшей Жюля Симона[220]. Призывая народные массы не воздерживаться от участия в предстоящих выборах, он в то же время предостерегал их от опасности быть одураченными главарями «либерального союза». «Если парижский народ хочет вернуться к правлению 1848 г., т. е. отступить назад на двадцать лет,— писал Верморель,— пусть голосует за господ Гарнье-Пажеса и Карно. Если он хочет вернуться к правлению 1830 г., т. е. отступить назад на 38 лет, пусть голосует за Тьера. Если он хочет продлить компромиссы и недоразумения двусмысленной, ублюдочной политики, пусть голосует за Гавена, Геруля, Жюля Симона. Но если он хочет итти вперед по пути своего прогрессивного освобождения, пусть изберет из своей среды представителей, проникнутых его новыми идеями, находящихся с ним в достаточно тесном контакте, чтобы во всех случаях быть выразителями его подлинных чувств и истинных потребностей»[221].

Дальнейшим шагом по пути развенчания либеральной оппозиции явилась вышедшая в 1869 г., почти одновременно с книгами Вермореля, книга бланкиста Тридона «Жиронда и жирондисты»[222]. На ней, как и на ряде других работ о буржуазной революции конца XVIII в., появившихся во Франции во второй половине 60-х годов, мы остановимся в ходе дальнейшего изложения[223].

Маркс, следивший с неослабевающим интересом за развитием общественно-политической жизни во Франции, писал в период избирательной кампании 1869 г. Кугельману. «Во Франции происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе»[224]. Касаясь богатой исторической и публицистической литературы, появившейся в последние годы Второй империи, Маркс называл книги о происхождении империи и о декабрьском перевороте и среди них выделял работы Э. Тено о событиях декабря 1851 г. в Париже и в провинции. «Затем,— указывал Маркс,— наступила очередь социалистической партии, которая стала разоблачать оппозицию и республиканских демократов старого покроя». Это было сделано, в частности, А. Верморелем в его книгах «Деятели

[215] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8226, оп. 5. П. Лафарг — Марксу. Май 1869.

[216] См. J. Adam. Mes sentiments et nos idees avant 1870. Paris, 1878, p. 373.

[217] «L'Egalite», 29 mai 1869.

[218] См., например, вышедшие в 1868 г. в популярном издании «Les livres du peuple» брошюры А. Вермореля «Les vampires»,, «Le peuple aux elections».

[219] A. Vermorel. Les hommes rie 1848. Paris, 1869, p. 420.

[220] A. Vermorel. M. Jules Simon. Paris 1869, p. 1.

[221] A. Vermorel. Le peuple aux elections. Paris, 1868, p. 60—61.

[222] G. Tridon. Gironde et Girondins. Paris, 1869.

[223] См. главу III.

[224] Маркс — Людвигу Кугельману. 3 марта 1869 г. К. Маркс и Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 7.

1848 г.» и «Оппозиция», бланкистом Тридоном в книге «Жиронда и жирондисты».— «И вот кипит весь котел у чародейки-истории»,— с восхищением заключал Маркс, мечтая о том, чтобы и в Германии так же забурлила общественно-политическая жизнь, как она кипит и бурлит во Франции[225].

Майские выборы 1869 г. в Законодательный корпус принесли крупный успех буржуазной оппозиции. За нее высказались 3 258 777 избирателей — почти на полтора миллиона больше, чем во время предшествовавших выборов 1863 г. Правительство получило 4 477 720 голосов, потеряв, таким образом, сравнительно с результатами выборов 1863 г. более 800 тыс. голосов. Да и полученные им голоса, как справедливо указывал русский демократический журнал «Отечественные записки», были добыты путем фальсификации голосования в ряде местностей. «Во Франции,— подчеркивал журнал,— при том порядке, который существует в ней с 1852 г., при безответственности министров, при подчинении всякой власти личному произволу государя, принимающего всю ответственность на одного себя, при существовании политической и административной централизации, которая представляет собой как бы постоянную избирательную агентуру, при том условии, что правительство, само распределяющее избирательные округа,— часто наперекор географическим особенностям страны и здравому смыслу,— имеет всегда возможность действительное меньшинство превращать в кажущееся большинство, один учет голосов не значит ровно ничего»[226].

Отметим, что русский посол в Париже граф Штакельберг за две недели до выборов высказал мнение о том, что правительству Наполеона III удастся избежать поражения главным образом благодаря поддержке крестьян, а также благодаря тому, что в его руках — «все нити, ведущие к-бирже», что оно «располагает средствами коррупции», что оно «нейтрализовало влияние крупных городов путем присоединения к их территории кусков от сельских коммун под предлогом доведения количества голосующих до 35 тыс. душ, как это установлено законом для каждого избирательного округа». «Кроме того,— отмечал Штакельберг,— оппозиция крайне разобщена»[227].

Крестьянство в большинстве своем голосовало за официальных кандидатов. Следует, однако, отметить, что, по имеющимся сведениям, часть крестьян, «наводнив города», отдала свои голоса республиканцам[228]. Так, в окрестностях Лиона, в третьем избирательном округе департамента Рона, буржуазный республиканец Эскиро получил более 10 тыс. голосов, главным образом крестьян, между тем как официальный кандидат с помощью местных властей получил не более 14 тыс. голосов. «При всех обстоятельствах,— писала по этому поводу газета «L'Egalite»,— подобная демонстрация со стороны крестьянства представляет нечто реальное»[229]. В департаменте Юра несколько ранее, во время частичных выборов в августе 1868 г., был избран буржуазный республиканец Жюль Греви. За него было подано 22 тыс. голосов, против 11 136 голосов, полученных официальным кандидатом[230]. В Безансоне, по сообщению префекта департамента Ду, окрестные крестьяне голосовали вместе с рабочими за буржуазного республиканца Ординера, «обещавшего им упразднение налогов и постоянной армии»[231]. В других местностях, в частности в департаменте Жер, часть крестьян также продемонстрировала свои республиканские настроения[232].

Во всех крупных городах большинство голосов завоевали республиканцы. В Париже и Лионе правительство потерпело наибольшее поражение. «Париж и Лион, — сообщал в мае 1869 г. социалист Комбо,— нанесли империи один из тех ударов, от которых правительства редко оправляются. В Париже из 300 тыс. избирателей за правительство голосовало только 70 тыс., в Лионе из 60 тыс. голосовавших—не более 12 тыс.»[233].

В первом туре голосования радикальные кандидаты буржуазно-республиканской оппозиции одержали ряд побед над либеральными кандидатами. Так, например, Гамбетта, Рошфор, Альтон-Ше, Бансель, Распаиль и другие радикалы одержали победу над Карио, Жюлем Фавром, Гарнье-Пажесом, Гле-Бизуэном, Эммануэлем Араго, Эмилем Оливье, как и над орлеанистом Тьером. Гамбетта. в частности, получил в Париже 21 734 голоса против 9142 голосов, полученных Ипполитом Карно.

Своим успехом радикальные кандидаты были в значительной мере обязаны поддержавшим их социалистам, которым в ходе кампании пришлось отказаться от выдвижения самостоя-

[225] Маркс — Людвигу Кугельману. 3 марта 1869 г. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 8.

[226] «Отечественные записки», 1869, № 7, стр. 131. Современное обозрение.

[227] АВПР. Канц., д. 125, л. 83. Штакельберг — Горчакову. 26 апреля (8 мая) 1869 г.

[228] I. Tchernoff. Le parti republicain au coup d'Etat et sous le Second empire, p. 554. Автор ссылается на сведения, приводившиеся газетой «La Democratic» в номепе от 30 мая 1869 г.

[229] «L'Egalite», 19 juin 1869.

[230] T. Delord. Histoire du Second empire, t. V. Paris, 1874, p. 277.

[231] «Papiers sauves des Tuileries» publies par Robert Halt. Paris, 1871.. p. 223. Prefet du Doubs a Interieur. Besancon, 24 mai 1869, 8 h. soir.

[232] J. Dagnan. Le Qers sous le Second empire. «La Revolution de-1848», decembre 1932. janvier-fevrier 1933, № 148, p. 242—243.

[231] «L'Egalite», 29 mai 1869.

тельных кандидатур. Первые же месяцы избирательной кампании обнаружили, что рабочий класс Франции все еще не располагал возможностью с успехом вести избирательную борьбу против буржуазии. Усилившиеся с февраля 1869 г. правительственные преследования наиболее активных участников публичных собраний, непрекращавшиеся аресты социалистов, имевшие целью парализовать социалистическое движение к моменту выборов, предпринятая буржуазными партиями клеветническая кампания против социалистов, на которую те не могли ответить должным образом из-за недостатка материальных средств,— все это сильно уменьшало шансы социалистов на успех в случае их самостоятельного выступления во время выборов. Поэтому вскоре после начала избирательной кампании они решили поддержать на определенных условиях наиболее радикальные буржуазные кандидатуры и использовать при этом выборную кампанию для пропаганды своих взглядов, и в частности — своих ближайших социально-политических требований.

Результаты первого тура голосования сильно обеспокоили правых республиканцев. Жюль Симон с крайней тревогой писал 27 мая буржуазному республиканцу Фердинанду Эро. «Последние три дня я в отчаянии; ничто не может меня успокоить с тех пор, как Жюль Фавр, Гле-Бизуэн, Эммануэль Араго, Карно потерпели поражение. А ведь какая была возможность завоевать свободу и сохранить при этом порядок!»[234].

Второй тур голосования, состоявшийся 6—7 июня, оказался для кандидатов либеральной оппозиции более благоприятным благодаря помощи, оказанной некоторым из них правительством. Так, Жюль Фавр при поддержке бонапартистов, снявших в его пользу свои кандидатуры, взял на этот раз верх над Рошфором и был избран в Законодательный корпус. Точно так же и Оливье, потерпевший в первом туре поражение в Париже, был избран в департаменте Вар только благодаря тому, что по приказу Наполеона официальный кандидат снял в его пользу свою кандидатуру[235].

. День 6 июня 1869 года был отмечен в Париже событиями, свидетельствовавшими о крайней напряженности политической обстановки, создавшейся в стране в дни выборов. Вооруженные отряды полиции и жандармерии совершали в этот день многократные нападения на рабочее население, взволнованно ожидавшее результатов второго тура голосования у помещений избирательных комитетов и редакций республиканских газет «Le Reveil» и «Le Rappel». Провокационное поведение правительства, а также ставшие вскоре известными неблагоприятные для Рошфора и Распайля результаты выборов вызвали ответную реакцию рабочих, устремившихся по улицам и бульварам Парижа с возгласами «Да здравствует Рошфор!», «Да здравствует Распайль!». По сообщению правительственного органа «Journal officiel», 7 июня имели место столкновения с полицией в квартале Сорбонны, у ратуши, на бульваре Монмартр, в Бельвилле. Враждебно настроенная толпа, по словам газеты, выражала протест против результатов голосования, проклинала полицию, бросала в нее камни, пела Марсельезу, кричала «Да здравствует республика!». Полиция арестовала около 500 человек[236].

Правительственная печать сообщала также о беспорядках, происходивших 7 июня в Бордо, Сент-Этьенне, Нанте. В Бордо поводом для волнений послужило известие о поражении радикального кандидата Лавертийона. Были вызваны войска и произведены многочисленные аресты. В Нанте волнения среди рабочего населения после того, как стали известны результаты выборов, были настолько значительны, что на помощь местному гарнизону прибыли подкрепления из Тура. Начались аресты и судебные преследования. В Сент-Этьеннском угольном бассейне рабочие ответили на неблагоприятные для их кандидатов результаты выборов прекращением работы в шахтах. Гражданские и военные власти, сообщал «Journal officiel», приняли соответствующие меры. 12 июня в Сент-Этьенн прибыли войска из Лиона и Монбризона. Согласно заверениям той же газеты, «порядок был восстановлен без применения оружия»[237]. Из другого источника мы узнаем, что не только в названных городах, но и в ряде других, в частности, в Монпелье, Тулузе, Дижоне, Амьене, Лилле, имели место беспорядки[238].

Полицейская префектура Парижа, стремясь спровоцировать массовое стихийное выступление рабочих, которое было бы легко подавить, устраивала ежедневно с 7 по И июня манифестации с участием полицейских агентов,— так называемых белоблузников. Они оглашали город пением Марсельезы, били стекла, опрокидывали киоски, сооружали баррикады. Используя эти провокации, правительство произвело около 1500 арестов.

16 июня группа парижских членов Интернационала опубликовала воззвание, в котором выражала протест против произвольных арестов, произведенных бонапартистской полицией. В нем указывалось на непричастность демократов-социалистов

[234] I. Tchernoff. Op. cit., p. 560—561. Дата письма указана в книге Чернова ошибочно (27 марта 1849 г.).

[235] АВПР. Канц., д. 125, л. 169. Окунев — Горчакову. 24 мая (5 июня)

[236] См. «Journal officiel de l'Empire Francais», 14 juin 1869.

[237] Ibid.

[238] АВПР. Канц., д. 125, л. 144. Окунев — Горчакову. 15(27) мая 1869 г.; там же. л. 181. Окунев — Горчакову 30 мая (11 июня) 1869 г.

к провокационно состряпанным манифестациям, сопровождавшимся актами бесчинства. Члены Интернационала призывали социалистов оказать материальную помощь семьям арестованных, оставшимся без средств к существованию. «Пока не прольется свет на это дело,— гласило воззвание,— мы, поручившиеся за невиновность и нравственность товарищей, многие из которых ныне задержаны, мы, провозгласившие принцип солидарности, не забудем также о том, что имеются семьи, оставшиеся без кормильцев, а именно, женщины и дети, самое существование которых находится под угрозой. Мы призываем всех демократов-социалистов притти на помощь этим несчастным и избавить их, по крайней мере, от материальных лишений, если мы бессильны избавить их от нравственных страданий»[239]. В пользу семей арестованных была объявлена подписка. Взносы принимали члены Интернационала Варлен, Каманина, Шарбонно, Дотье, Лалож, Ланжевен, Леве.

Правительство Второй империи не удовольствовалось произведенными арестами. Так как среди арестованных не оказалось видных республиканцев, то были подвергнуты домашнему обыску и аресту несколько десятков активных деятелей республиканского и социалистического движения, видные участники публичных собраний, журналисты. Среди арестованных были члены Интернационала Брион, Лефрансе, Элигон, Мюра, четыре редактора газет «Le Reveil» и «Le Rappel», члены комитета по выборам Распайля и некоторые другие политические деятели[240].

Провал полицейской провокации бонапартистского правительства был признан даже людьми, враждебно относившимися к освободительному движению французского рабочего класса. Либеральный публицист Людовик Галеви, иронизируя над «неудавшимся мятежом», писал 14 июня: «В Париже восстановлено спокойствие. Кем оно было нарушено?— это остается тайной... Был ли оплачен этот мятеж белоблузников? Если да, то кем?»[241].

Значение майско-июньских выборов 1869 г. заключалось прежде всего в том, что они продемонстрировали, насколько подорваны были основы бонапартистского режима во Франции. Выборы показали также, как сильно пал политический вес буржуазных республиканцев умеренно-либерального толка среди рабочих Парижа и крупных провинциальных центров. Непаром предвыборные собрания парижского пролетариата возбуждали

[239] «L'Internationale», 4 juillet 1869.
[240] «L'Internationale» 20 juin 1869; «L'Egalite», 19 juin 1869; H. Allain-Targe. Op. cit., p. 195—197.
[241] L. Halevy. Carnets, t. I, p. 217.

ярость буржуазии, особенно настороженно следившей за биением пульса революционного Парижа. Именно в период избирательной кампании 1869 г. орлеанист Молинари, призывая французскую буржуазию к бдительности, писал: «У нас не может быть больше иллюзий насчет взглядов и тенденций, господствующих в массах. Из десяти рабочих, интересующихся не только хлебом насущным, девять являются социалистами или находятся на пути к тому, чтобы стать ими»[242].

Впоследствии сами буржуазные республиканцы откровенно признавались в упадке их политического влияния на рабочие массы Парижа в последние годы империи. Так, Жюль Ферри в 1872 г. заявил по этому поводу следующее: «Наше положение было крайне тяжелым. Мы в значительной мере утратили почву во время выборов 1869 г. Жюль Фавр был избран только во втором туре и то с большим трудом. На публичных собраниях против нас допускались выпады, не предвещавшие ничего хорошего»[243].

Жюль Фавр в своих показаниях следственной комиссии был вынужден признать, что во время избирательной кампании 1869 г. он двенадцать раз выступал кандидатом в противовес Рошфору и двенадцать раз потерпел поражение. Особое значение он придавал тому, что его постигла неудача не только в Париже, но и в Лионе, где его популярность, как ему до того времени казалось, была наиболее прочной. «Много раз после того, как я выходил с этих предвыборных.— *Э. Ж-* собраний,— сообщал он,— вслед мне раздавались брань и самые невероятные оскорбления: меня обвиняли в измене... Однажды мне, к моему несчастью, оказала защиту полиция; было намерение опрокинуть мою карету, хотели повалить и меня самого»[244].

Вместе с тем следует отметить, что «пустая декламация» (выражение Энгельса) буржуазных республиканцев все еще оказывала влияние в конце 60-х годов на известные слои французского пролетариата. Долголетнее пребывание бывших деятелей 1848 г. в официальной оппозиции к империи — как указывал Маркс — способствовало тому, что французский народ начинал постепенно забывать об их «подлом прошлом»[245]. Незрелость социалистических воззрений рабочего класса мешала ему полностью освободиться от буржуазного влияния.

Передовые деятели французского рабочего и социалистического движения видели одну из своих ближайших задач в том, чтобы полностью избавить французский рабочий класс от поли-

[242] «Journal des economistes», juin 1868.
[243] «Actes», t. V, p. 174. Deposition Ferry.
[244] «Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», t. II, p. 39. Ф0. Deposition Favre.
[245] К. Маркс. Первый набпосок «Гражданской войны во Франции». «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 299.

тического влияния «героев 1848 г.» Неотложность этой задачи была ясна Варлену и другим французским социалистам. Так, например, коллективист Аристид Рей в феврале 1869 г., незадолго до выборов, писал А. Ришару о том, как важно в интересах дальнейшего успешного развития социалистического движения во Франции, чтобы победа на предстоящих выборах не досталась либеральным республиканским деятелям, побежденным 20 лет тому назад, ничему с тех пор не научившимся и ничего не забывшим. «Постараемся,— писал Рей,— помешать тому, чтобы завтрашний враг овладел передовыми позициями под тем предлогом, что он борется против" нашего сегодняшнего врага, и чтобы господа орлеанисты и господа республиканцы из школы фавров и Симонов не могли грызть каштанов, вытащенных из огня нашими руками»[246].

Усилия французских социалистов предотвратить избрание Фавра, Симона и других правых буржуазных республиканцев в Законодательный корпус не увенчались успехом. «Старая оппозиция,— с горечью констатировал после выборов Варлен,— вошла, торжествующая, в Законодательный корпус»[247]. Она составила большинство левой фракции в обновленной бонапартистской палате. Тем настоятельнее становилась для социалистов задача дальнейшей борьбы против этих опасных врагов рабочего класса и его социалистических стремлений. Это и подчеркивал Варлен непосредственно после окончания выборов. «Для нас,— писал он 14 июня 1869 г.,— важно иметь в оппозиции людей, которые нас представляют, или, по крайней мере, не являются нашими врагами. Люди из «либерального союза» так же опасны для нас, как империя. Мы видели их за работой после июня 1848 г. Мы должны заблаговременно их разбить, пусть даже несколько отсрочится вследствие этого падение империи. Важно, чтобы одним ударом мы могли сокрушить все притязания—монархистов и парламентаристов»[248].

Важнейшее значение майских выборов 1869 г. заключалось далее в том, что и радикальные кандидаты буржуазии смогли добиться успеха только ценой таких обещаний своим избирателям, которые они не были намерены выполнить. Бельвилльская программа Гамбетты, доставившая ему во время избирательного периода широкую популярность среди рабочих Парижа, была выставлена им скорее из тактических соображений[249]. Гамбетта отнюдь не был сторонником общественно-политических преобразований, обещанных им парижским рабочим накануне майских выборов 1869 г., а именно: выборности и прямой ответственности чиновников, ничем не ограниченной свободы печати, собраний, союзов, перестройки всей государственной налоговой системы в интересах трудящихся, уничтожения привилегий капиталистических монополии. Об этом свидетельствует его деятельность в качестве члена «правительства национальной обороны» в 1870—1871 гг. 1о же следует сказать о предвыборных обещаниях Жюля Ферри и других тогдашних буржуазных радикалов. Руководители французских рабочих, в частности Варлен, отмечали, что невыполнение радикальными политическими деятелями буржуазии своих обещаний будет способствовать дискредитации этих деятелей в глазах рабочих, ускорению идейного освобождения пролетариата от всяких буржуазных влияний, в том числе и от влияния буржуазных радикалов.

Это была одна из важнейших задач, стоявших перед французским рабочим движением.

246 цит. по Thomas. Op. tit., p. 345.
247 «L'Egalite», 19 juin 1869.
248 Ibid.
249 Это признают и некоторые буржуазные историки и публицисты, в том числе биограф Гамбетты J. P. T. Bury. См. J. P. T. Bury. Op. cit., p. 16—19: E. G. Grenvi 11 e. Les hommes de la III. Republique, t. I. Paris, 1873, p. 179.

Глава III

УГЛУБЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ВО ФРАНЦИИ В 1869—1870 гг.

1

Выборы 1869 г. послужили толчком для нового подъема рабочего движения во Франции. Маркс, живший нелегально в Париже с 6 по 12 июля 1869 г. под именем А. Вильямса[1], по возвращении в Лондон писал Людвигу Кугельману о том, что в Париже «рост движения прямо бросается в глаза»[2]. О росте революционного движения свидетельствовало, в частности, усиление стачечной борьбы французского пролетариата. «Успешно испробовав свои силы в борьбе против всенародного деспота во время выборов, рабочие, естественно, решили после выборов испробовать их против своих частных деспотов. Одним словом, выборы пробудили их духовные силы»,— сообщал Маркс в сентябре 1869 г. в отчете Генерального совета Интернационала Базельскому конгрессу[3].

Во второй половине 1869 г. в различных районах Франции вспыхнули многочисленные стачки. Горняки Луарского каменноугольного бассейна, продукция которого составляла в то время свыше 25% продукции всей французской каменноугольной промышленности; углекопы Анзенских шахт Северного бассейна, на которых было занято около 12 тыс. рабочих[4]; шахтеры каменноугольных копей в департаментах Гар и Тарн; рабочие различных отраслей промышленности Лиона — сучильщики шелка, литейщики, медеплавильщики, бронзовщики, металлисты других специальностей, текстильщики, шляпники, булочники, сыромятники, шорники, столяры, штукатуры, маляры, печники, жестяники, каретники, рабочие газовых предприятий; литейщики, плотники, каретники Марселя; прядильщики Эльбефа и Дарнеталя (район Руана); штукатуры, литейщики, рабочие мраморного производства, сыромятники, ткачи, щеточники, корзинщики, столяры, торговые служащие Парижа; плотники Вьенны, шахтеры Нотр-Дам-де Во каменноугольного района Ла Мюр, набойщики Бургуэн-Жальё и Сен-Симфорьен-д-Озон, шляпники Бур-де-Пеажа, набойщики Бур-ле-Валанса[5],— таков был, в основном, контингент участников стачечного движения во Франции во второй половине 1869 г.

«Стачки, одни стачки и снова стачки... эпидемия волнений свирепствует во Франции, парализует производство»,— с досадой констатировал правый прудонист Фрибур, характеризуя французское рабочее движение этого периода[6].

Требования, выставлявшиеся французскими рабочими, свидетельствовали о том, насколько тяжел и изнурителен был в конце 60-х годов их труд, как низок был их жизненный уровень и до какой степени скромны были их притязания. В подавляющем большинстве случаев рабочие добивались увеличения заработной платы в таком размере, который хотя бы частично возмещал растущее вздорожание предметов первой необходимости и квартирной платы, принявшее особенно значительные размеры с сентября 1869 г.[7] Бастующие требовали также сокращения до 11—10 часов рабочего дня, упразднения грабительских штрафов и прочих незаконных отчислений от их заработной платы.

[1] Маркс еще в марте 1869 г. намеревался поехать на несколько дней в Париж ввиду нездоровья его дочери Лауры, но вынужден был отказаться от поездки, так как парижской полиции стало известно из его письма к П. Лафаргу о его предстоявшем приезде. После этого Маркс решил «натурализоваться в качестве англичанина», чтобы иметь возможность ездить в Париж. «Без такой поездки.— писал он 20 марта Энгельсу,— французское издание моей книги «Капитала».— *Э. Ж* никогда не выйдет. Мое присутствие там совершенно необходимо... Я, право, не вижу, почему бы мне не посетить Парижа *без позволения* господина Бонапарта». См. Маркс — Энгельсу 1 и 20 марта, 14 июля 1869 г.; Энгельс— Марксу 3 марта 1869 г, К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 165, 168, 177, 212.

[2] Маркс — Людвигу Кугельману. Лондон, 15 июля 1869 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 27.

[3] К. Маркс. Отчет Генерального совета Четвертому ежегодному конгрессу Международного товарищества рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 328.

[4] P. Poire. La France industrielle ou description des industries franchises, p. 43.

[6] См. Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. 11/30. Minutes of the General Council of the I International. 1869; газ. «L'Egalite», 1869; «L'Internationale», 1869; Fr. Dutacq. Les greves lyonnaises de la fin du Second empire «La Revolution de 1848», 1931, t. 28; P. Leon. La naissance de la grande industrie en Dauphine (fin du XVII siecle—1869), t. 2, Paris, 1954. P. Leon. Les greves de 1867—1870 dans le departement de l'lsere. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», t. I, oct.-dec. 1954, p. 287.

[6] E.-E. Fribourg. L'Association internationale des travailleurs, p. 141.

[7] L'Huillier. L'evolution des principales greves a la fin du Second empire. «Bulletin de la societe d'histoire moderne», 1951, № 24, p. 6.

Многие стачки второй половины 1869 г. носили длительный, упорный характер. Наиболее крупными из них были стачки шахтеров Луарского бассейна, лионских сучильщиков шелка, парижских сыромятников. Начавшаяся 11 июня 1869 г. стачка шахтеров Кантенских копей (район Сент-Этьенна), требовавших пересмотра тарифа заработной платы и сокращения рабочего дня, длившегося 12 часов в исключительно тяжелых условиях, была 17 июня подавлена с помощью правительственных войск. Были убиты 11 рабочих, в том числе две женщины. Кровавая бойня, учиненная на Кантенских копях в Рикамари, вызвала глубокое возмущение широких слоев населения не только во Франции, но и за ее пределами. «...На этот раз правительство быстро сообразило, что оно совершило не только преступление, но и грубый промах,— указывал по этому поводу Генеральный совет Интернационала в сентябре 1869 г. в отчетном докладе Базельскому конгрессу.— Буржуазия не приветствовала его как спасителя общества. Весь муниципальный совет г. Сент-Этьенна подал в отставку, отметив в своем заявлении подлое поведение солдат и настаивая на их удалении из города. Вся французская пресса разразилась криками ужаса. Даже такие консервативные газеты, как «Moniteur universel», открыли подписку в пользу потерпевших. Правительству *пришлось* отозвать ненавистный полк из Сент-Этьенна»[8]. Тем не менее за участие в стачке были привлечены к судебной ответственности 72 шахтера; 60 человек из них были приговорены к различным срокам тюремного заключения[9].

Провал гнусной провокации бонапартистского правительства в Рикамари- не помешал ему, однако, вторично прибегнуть к вооруженному подавлению бастующих рабочих во время стачки шахтеров Обена, начавшейся в октябре 1869 г. Среди стачечников были и на этот раз убитые и раненые. Часть шахтеров, участвовавших в стачке, была предана суду и приговорена к различным мерам наказания.

Ряд стачек 1869 г. закончился победой бастующих благодаря материальной помощи и моральной поддержке, оказанной им французскими и иностранными рабочими. Варлен и другие деятели парижской, лионской, руанской и марсельской организаций Международного товарищества рабочих проявили замечательную инициативу и приложили большие усилия для обеспечения своевременной помощи бастовавшим рабочим и их семьям. На поддержку стачки сыромятников Парижа, охватившей около тысячи рабочих[10] и длившейся почти четыре месяца, парижская организация Интернационала израсходовала свыше 51 тыс. франков ". Одни переплетчики Парижа, профессиональное объединение которых возглавлял Варлен, предоставили сыромятникам 28 тыс. франков. Им оказали помощь рабочие Руана и других индустриальных городов Франции.

Материальная поддержка была оказана французскими секциями Интернационала и бастовавшим лионским сучильщикам шелка, в подавляющем большинстве женщинам, получавшим за 14-часовой рабочий день нищенскую заработную плату в 1 фр. 40 с. Денежные суммы направили сучильщицам рабочие корпорации руанского округа, входившие в местную секцию Интернационала, возглавлявшуюся социалистом Эмилем Обри, а также марсельские рабочие, члены Интернационала, и другие. «Почти все наши стачки закончились успешно,— писал Дюпону 9 августа 1869 г. из Лиона А. Ришар.— Успех стачки сучильщиц, которым они обязаны Интернационалу, произвел сильное впечатление»[12]. Братская солидарность была проявлена рабочими и по отношению к участникам других стачек, происходивших в то время во Франции: горнякам Луарского и прочих угольных районов, прядильщикам Эльбефа и т. д.[13]

Неудивительно, что 1869 год — год крупных стачечных боев французского пролетариата — знаменовал собой возрождение французских организаций Интернационала после полицейского разгрома 1868 г. и их дальнейшее развитие. Успешно закончившиеся стачки вызывали к жизни новые местные организации Международного товарищества рабочих. Так, лионские сучильщицы шелка после победного окончания их стачки вступили в Интернационал, не взирая на попытки запугать их репрессиями, и уплатили Генеральному совету членские взносы. Их примеру последовали одержавшие победу лионские бронзовщики.

Сотни бастовавших рабочих Лиона, не добившихся победы, также вступали в Интернационал. «Таким образом, в течение нескольких недель,— сообщал в сентябре 1869 г. Генеральный СОЕСТ в отчете Базельскому конгрессу,— мы приобрели около 10 тысяч новых членов среди этого героического населения, более тридцати лет тому назад написавшего на своем знамени

[8] К. Маркс. Отчет Генерального совета Четвертому ежегодному конгрессу Международного товарищества рабочих. К-МарксиФ. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 329—330.

[9] См. «La Gazette des tribunaux», 5 aout 1869.

[10] Э. Варлен — Э. Обри. 4 ноября 1869 г. «Troisieme proces de l'Association international des travailleurs a Paris», p. 27.

[11] Э. Варлен — Э. Обри. 2 декабря 1869 г. Ibid., p. 30.

[12] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. Ш/1966. А. Ришар — Э. Дюпону. Лион, 9 августа 1869.

[13] Э. Варлен — Э. Обри. 6 августа 1869 г. «Troisieme proces de l'Association international des travailleurs a Paris», p. 21 См также F. Dutacq. Op. cit, p. 223—224.

лозунг современного пролетариата: «Жить, работая, или умереть, сражаясь» [14].

Значительно усилилась марсельская организация, пополнившаяся вступившими в Интернационал рабочими различных профессий, а также матросами. «Международное товарищество,— сообщалось в декабре 1869 г. в корреспонденции из Марселя,— нашло здесь горячих сторонников и пламенных пропагандистов» [15]. Крупная секция Интернационала образовалась в Сент-Этьенне. «Первыми членами этой секции,— писала газета «L'Egalite» в ноябре 1869 г.,— явились позументщики и горнопромышленные рабочие,— все они люди преданные и решительные» [16]. Оформились новые секции Интернационала в Руане, Эльбефе, Безансоне, Гренобле [17] и в других местах. Недаром полицейский агент Второй империи, адвокат-бонапартист Тестю, располагавший обширной документацией о деятельности Интернационала, неоднократно утверждал впоследствии, что стачки 60-х годов во Франции кончались, как правило, присоединением участвовавших в них рабочих к Интернационалу [18].

Мощная волна стачек ускорила появление новых профессиональных объединений французского пролетариата, носивших в то время название синдикальных палат. К концу 1869 г. во Франции, по приблизительным подсчетам, существовало около 60 синдикальных палат рабочих и служащих. Еще большее число рабочих объединений находилось в стадии формирования. Практика стачечной борьбы привела деятелей французского рабочего движения к сознанию необходимости создания в крупных промышленных городах федераций синдикальных палат. Первым вступил на этот путь Париж. В ноябре 1869 г. была создана парижская федерация. Примеру Парижа вскоре последовали Лион, Марсель, Руан. На очередь дня встала задача создания общефранцузской федерации синдикальных палат.

Популярность Интернационала во Франции в 1869 г. была настолько велика, что рабочие в некоторых случаях вступали в него целыми коллективами. Коллективно вступили, например, в Интернационал профессиональные союзы переплетчиков и литографов Парижа [19]. Причину выдающихся успехов Интернационала следующим образом сформулировали в июне 1869 г. лионские социалисты. «Международное товарищество,— писали они в одной из корреспонденции в газету «L'Egalite»,— предстало перед глазами масс в *его настоящем свете. Массы* чувствуют, что именно в нем заключена подлинная мощь — мощь будущего» [20].

Чаяния и чувства французского рабочего класса нашли выражение на банкете, организованном 19 сентября 1869 г. рабочими обществами Парижа. На нем присутствовало 710 представителей парижского пролетариата. Здесь был поднят тост в честь «Международного товарищества рабочих, всемирной организации обществ сопротивления» [21].

2

Однако при всех успехах Интернационала во Франции задача организационного и идейного сплочения французского рабочего класса, настоятельно выдвигавшаяся в условиях нараставшего подъема рабочего движения, далеко еще не была решена. Французские секции Интернационала были в организационном отношении слабы, страдали текучестью своего состава. Они не обладали необходимой идейной зрелостью и единством. Правые прудонисты, постепенно оттеснявшиеся от руководства секциями, все еще продолжали играть в них далеко не последнюю роль.

Передовые деятели французского рабочего движения считали важнейшей задачей дальнейшую организацию сил пролетариата. Эжен Дюпон в письме к Марксу от 22 ноября 1869 г. высказал замечательную мысль о том, что Брюссельский (1868 г.) и Базельский (1869 г.) конгрессы Интернационала подготовили почву для радикального очищения французских секций от прудонистов и для создания идейно однородной организации рабочего класса. «Пока наше Товарищество не пользовалось известностью, пока перед ним не был открыт путь,— писал Дюпон,— было политично и даже необходимо принимать в него людей различных взглядов. Но сейчас, когда на двух, следовавших один за другим конгрессах провозглашено упразднение собственности или, по крайней мере, коллективное владение ею, мы должны без колебаний произвести индивидуальную чистку наших корреспондентов-неколлективистов,[22] — произ-

[14] К. Маркс. Отчет Генерального совета Четвертому ежегодному конгрессу Международного товарищества рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 330.

[15] «L'Egalite», 11 decembre 1869.

[16] Ibid., 27 novembre 1869.

[17] Ibid., 19 juin 1869.

[18] CM. O. Testut. L'Internationale. Paris, 1871, p. 68—69, 78 и др.

[19] «Association international des travailleurs. Compte rendu du IV Congres internationale a Bale en septembre 1869». Bruxelles (1869), p. 67—68.

[20] «L'Egalite», 26 juin 1869.

[21] Ibid., 16 octobre 1869.

[22] Корреспонденты Интернационала были наделены Генеральным советом широкими полномочиями. Они производили прием в члены Интернационала (в индивидуальном и в коллективном порядке), прием членских взносов, сбор средств по подписке. Они, кроме того, имели право «пред-

вести ее не официально, а постепенно. Эти люди служат для нас помехой, ибо прудонисты являются для Интернационала тем же, чем «политики» являются для революции». Дюпон высказывался за расширение полномочий корреспондентов-коллективистов «для того, чтобы пропаганда велась более активно». «В ряде департаментов,— сообщал он,— у нас имеются надежные корреспонденты. Постепенно мы сгруппируем всех коллективистов и освободимся от прежних корреспондентов».

Дюпон выражал уверенность в том, что эта задача будет успешно выполнена. «Если Баденге сможет протянуть еще некоторое время,— писал он далее,— то мы получим возможность организоваться в том духе, о котором я говорил выше. Тогда Интернационал сможет играть эффективную роль в революции» [23].

Поль Лафарг, состоявший в то время в регулярной переписке с Марксом, писал ему 23 октября 1869 г.: «Самое важное сейчас то, что создается социалистическая партия» [24].

И Лафарг и Дюпон, говоря о необходимости дальнейшего организационного и идейного сплочения французского пролетариата, имели в виду укрепление французских секций Интернационала. Именно секции Интернационала во Франции представлялись им основной базой для создания партии рабочего класса, для подготовки рабочих масс к революции.

Что касается Варлена и других видных французских коллективистов, то они в тот период не ставили вопроса о создании социалистической партии во Франции. Варлен, как это следует из его письма к Эмилю Обри от 25 декабря 1869 г., видел ближайшую задачу социалистов в том, чтобы подготовиться к революционной борьбе путем «активной пропаганды через газету, через публичные и закрытые собрания, через организацию рабочих обществ» [25]. Далеки были от признания значения и роли революционной партии пролетариата бланкисты, недооценивавшие роль народных масс в революции и необходимость их организационной подготовки к ней. Бланкисты, как писал Энгельс, возлагали, в основном, осуществление революции на «сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей...» [26]. «Инструкция к вооруженному восстанию», написанная Бланки в 1867—1868 гг., свидетельствует о том, что в его взглядах на роль рабочего класса в революции не произошло существенных сдвигов с 1848 г. Хотя по смыслу «Инструкции» в предстоявшем восстании должен был участвовать «парижский народ», однако он появляется у Бланки на арене борьбы только после того, как восстание начато немногочисленной группой людей [27]. Бланки, таким образом, и в конце 60-х годов был далек от правильного понимания роли и задач пролетариата в грядущей революции. Ожидая, как это отмечал В. И. Ленин, «...избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» [28], Бланки не понимал, какое значение имеет для победоносного осуществления революции «...*рабочая* партия, опирающаяся на рабочее движение, *классовая* партия» [29].

Не только идейно-теоретическая слабость бланкистов, не только пережитки прудонизма, не преодоленные французскими рабочими и многими видными деятелями французского социалистического движения, именовавшими себя левыми прудонистами, затрудняли организационное укрепление рядов французского пролетариата, его идейный рост и сплочение. С конца 1868 г. усилилась и подрывная деятельность Бакунина во Франции. К этому времени относится основание Бакуниным глубоко враждебной революционному марксизму открытой анархистской организации «Альянс социалистической демократии» и активизация формально ликвидированного им тайного Альянса.

Правда, в Париже Бакунин никогда не пользовался серьезным влиянием. Несмотря на все его старания, он не смог овладеть рабочим движением в столице Франции, как не сумел завербовать действительных руководителей парижского пролетариата. Провалом окончились, как увидим в дальнейшем, настойчивые усилия Бакунина заручиться сотрудничеством Варлена, чтобы через его посредство отвоевать у Генерального совета Интернационала рабочие массы Парижа. Что касается отдельных деятелей рабочего движения — Малона, Аристида Рея, Эли и Элизе Реклю, Шассена, Таландье и некоторых других, которых Бакунину все же удалось привлечь временно

принимать любые действия с целью распространения принципов Международного товарищества рабочих». См. «Troisieme proces de l'Association Internationale des travailleurs a Paris», p. 232.

[23] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 6118, оц. 5, Э. Дюпон — Марксу. 22 ноября 1869 г.

[24] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8207, оп. 5. П. Лафарг — Марксу. 23 октября 1869 г.

[25] «Troisieme proces de l'Association Internationale des travailleurs a Paris», p. 35.

[26] Ф. Энгельс. Введение к книге Маркса «Гражданская война во Франции». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 92.

[27] «Instruction pour une prise d'armes». Впервые опубликована в журнале «Историк-марксист», 1927, т. III. Первая часть «Инструкции» опубликована и в журнале «La Pensee», 1948, № 19. Текст первой части см. также в кн. Л. О. Бланки. Избранные произведения. Вступительная статья В. П. Волгина. М., 1952.

[28] В. И. Ленин. К итогам съезда. Соч., т. 10, стр. 360.

[29] В. И. Ленин. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. Соч., т. 17, стр. 129.

на свою сторону в Париже, то, за исключением Малона[30], остальные перечисленные лица не играли видной роли во французском рабочем движении.

Зато на юго-востоке Франции, главным образом в Лионе и в Марселе, Бакунин добился в конце 60-х годов определенных успехов, сумел подчинить своему влиянию наиболее активных в то время деятелей лионской и марсельской организаций Интернационала,— Альбера Ришара и Бастелика, а через них и ряд других членов этих организаций. Ришар находился в переписке с Бакуниным и неоднократно в 1869 г. ездил к нему в Женеву за инструкциями.

Все более обострявшаяся политическая обстановка во Франции требовала от социалистов, чтобы они возглавили политическую борьбу против империи. Однако некоторые видные деятели французского социалистического движения, не будучи ни правоверными прудонистами, ни бакунистами, тем не менее недооценивали важность и необходимость такой борьбы для успеха освободительного движения рабочего класса. Одним из таких деятелей был руководитель руанской секции Интернационала Эмиль Обри. Варлен, поддерживавший путем переписки связь с Обри, доказывал ему, как важно в интересах социалистического движения во Франции прежде всего свергнуть империю и установить республику. «Вы, очевидно, считаете,— писал, например, Варлен 6 августа 1869 г. Эмилю Обри,— что в той среде, в которой я живу, больше интересуются политическими революциями, чем социальными преобразованиями. Должен вам сказать, что для нас политическая и социальная революция неотделимы; одна не может обойтись без другой. Политическая революция сама по себе не будет иметь никакого значения. Но мы хорошо понимаем —этому учат нас обстоятельства, с которыми мы сталкиваемся,— что мы не сможем организовать социальной революции, пока будем жить в условиях политического строя, основанного на произволе»[31].

В ноябре 1869 г. должны были состояться дополнительные выборы четырех депутатов в Законодательный корпус. Социалисты были и на этот раз вынуждены отказаться от выдвижения самостоятельных рабочих кандидатур. Взвесив свои силы, они признали более целесообразным поддержать буржуазного радикала Рошфора, выставившего свою кандидатуру в первом округе Парижа, в Бельвилле. Рошфор, как мы знаем, пользовался в то время огромной популярностью среди мелкобуржуазного и значительной части рабочего населения столицы. Он выставлялся кандидатом на место Гамбетты, избранного в мае 1869 г. одновременно в Париже и в Марселе и отдавшего предпочтение Марселю.

Необходимо отметить, что *со* времени майских выборов заметно пало доверие передовых масс парижского пролетариата к радикальным кандидатам буржуазии, избранным при поддержке рабочего класса в Законодательный корпус. Левые депутаты, в том числе и «радикальный демократ» Гамбетта, как он называл себя в то время, не обнаружили намерения выполнить данные ими предвыборные обещания. Мало того, в октябре 1869 г., незадолго до ноябрьских выборов, они воочию показали, как велик был их страх перед избравшим их народом.

3 октября правительство Второй империи особым декретом незаконно отсрочило до 29 ноября возобновление, после перерыва, заседаний Законодательного корпуса, которое, согласно конституции, должно было состояться не позднее 26 октября. Это вызвало волнение среди различных слоев парижского населения. Левые депутаты шумно протестовали против произвола бонапартистских властей. Они намеревались демонстративно явиться 26 октября в Бурбонский дворец. Парижские социалисты, в свою очередь, были преисполнены решимости подготовить к этому дню, в поддержку республиканским депутатам, стотысячную манифестацию. Они надеялись на то, что массовое выступление 26 октября приведет к свержению империи. Об этом свидетельствует, в частности, письмо парижского социалиста, члена Интернационала, Жюля Жоаннара к члену Генерального совета Интернационала Герману Юнгу от 3 октября 1869 г. «Во всяком случае, будьте уверены,— писал Жоаннар,— что 26 октября 100 000 граждан прибудут на площадь Согласия, и тогда мы увидим, так ли лойяльны и храбры наши депутаты, как они это нам обещали, когда просили нас голосовать за них; мы увидим также, на что способны французы... Если в этот день ничего не будет сделано..., тогда надо отказаться от надежды совершить когда-нибудь революцию...»[32].

Левые депутаты, как и следовало ожидать, отказались от своего первоначального намерения. Они испугались подготовлявшейся массовой манифестации. Она так и не состоялась по их вине.

Рошфор, учитывая разочарование, вызванное в рабочих массах поведением буржуазных республиканцев, старался в своих предвыборных выступлениях казаться радикальнее, чем

[30] Бакунист А. Ришар называл впоследствии Малона «главным представителем Интернационала .в Париже» в изучаемый нами период, что не соответствует действительности. См. A. Richard. Les propagateurs de l'Internationale en France. «La Revue socialiste», 1896, t. 23, p. 660.

[31] «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris», p. 21.

[32] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. III/1157. Ж. Жоаннар— Г. Юнгу. Париж. 3 октября 1869 г.

он был на самом деле. Он не скупился на обещания. Безоговорочно согласившись принять императивный мандат[33] от своих избирателей, рабочих Бельвилля[34], он заверял их, что если будет избран депутатом, то на депутатское жалование наймет помещение и будет регулярно, не реже одного раза в неделю, созывать своих избирателей,— а их было 47 944[35] — и консультироваться с ними по каждому важному вопросу, обсуждаемому в Законодательном корпусе. Без предварительной консультации с избирателями он не произнесет в палате ни одного слова, не примет участия ни в одном голосовании[36]. Рошфор объявил себя даже сторонником революционных методов борьбы против империи. На предвыборном собрании, состоявшемся 8 ноября в переполненном зале на бульваре Клиши, он, после очередного заверения, что останется верен мандату, который будет ему дан избирателями, продолжал: «Но, с другой стороны, если Законодательный корпус не пожелает выслушать мои слова,... если, наконец, обстоятельства вынудят меня перенести мой мандат из Законодательного корпуса на улицу, то я надеюсь, что вы без колебаний последуете за мной туда, куда я позову вас...»[37]. Это заявление, вызвавшее восторженную реакцию избирателей Рошфора, коренным образом расходилось с его действительными взглядами. 1Как показал дальнейший ход событий, Рошфор был убежденным сторонником классового сотрудничества рабочих с буржуазией. Таким он показал себя и во время Буланжистского кризиса[38].

Поведение Рошфора во время ноябрьских выборов 1869 г. было продиктовано тактическими соображениями, стремлением быть избранным в Законодательный корпус. Он добился своей цели благодаря поддержке социалистов. Остальными депутатами, дополнительно избранными от Парижа, были Араго, Кремье, Гле-Бизуэн; они принадлежали к правому, либеральному крылу буржуазных республиканцев.

Характеризуя вскоре после дополнительных выборов внутриполитическое положение во Франции и задачи социалистического движения, Варлен писал: «Империя пришла в полнейшую дряхлость. Ни один общественный класс, ни одна категория граждан не верит более в ее жизнеспособность. Когда какое-нибудь правительство доходит до такого состояния, достаточно одного дуновения, одной манифестации, объединяющей различные слои населения, чтобы свергнуть его. Однако, несмотря на старческую немощь империи, невозможно указать срок ее падения; быть может, она еще продержится дольше, чем многие думают или надеются».

Варлен указывал далее на то, что в результате усиления социалистической пропаганды «увеличилось недоверие народа к буржуазии и возрос страх благонамеренных буржуа перед социализмом». Он видел неотложную задачу социалистов в том, чтобы «умножать свои силы посредством активной пропаганды и подрывать престиж всех этих буржуазных, более или менее радикальных господ, представляющих серьезную опасность для социальной революции»[39].

Французские социалисты, члены Интернационала, Дюпон, Варлен и другие, не переоценивали и буржуазного радикала Рошфора. Дюпон в ноябре 1869 г. жаловался Марксу на то, что «французский народ, социалистический по чувству», готов совершить революцию, чтобы привести к власти таких людей, как Рошфор[40]. Варлен был точно так же далек от того, чтобы считать избрание Рошфора существенным достижением рабочего и социалистического движения. «По моему мнению, результат этих выборов будет ничтожный,— писал он А. Ришару за день до избрания Рошфора.— В Законодательный корпус войдут еще четыре буржуазных республиканца, вот и все»[41].

Однако условия политической борьбы, сложившиеся во Франции к концу 1869 г., вынуждали социалистов пойти на сближение с Рошфором, хотя они отдавали себе отчет в том, что он был только буржуазным радикалом. «Нынешнее положение Франции,— доказывал Варлен бакунисту Гийому в письме от 25 декабря 1869 г., через три месяца после Базельского конгресса Интернационала,— не позволяет социалистической партии держаться в стороне от политики. В настоящий момент вопрос о близком падении империи берет верх над всем остальным; социалисты, во избежание политического банкротства, должны стать во главе этого движения»[42]. Такого же мнения придерживался и Малон, сотрудничавший в то время с Варленом в Париже. «Я отнюдь не являюсь сторонником самоустра-

[33] Наказ, которому избранное лицо должно строго следовать.

[34] См., например, «Journal des debats», 8 novembre I860,— отчет о предвыборном собрании в зале на бульваре Клиши с участием Рошфора.

[35] См. «La Gazette des tribunaux», 26 novembre 1869.

[36] См. «Journal des debats», 9 novembre 1869. Перепечатка из газеты «Le Siecle».

[37] «Journal des debats», 8 novembre 1869.

[38] См. письма Энгельса Полю и Jlavpe Лафарг за 1888—1889 гг. в журнале «La Pensee», 1955, № 61.

[39] «L'Egalite», 4 decembre 1869.

[40] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 6118, оп. 5. Э. Дюпон— Марксу. 22 ноября 1869 г.

[41] Э. Варлен — А. Ришару. 20 ноября Г869 г. «La Revue socialiste», 1896, t. 23, p. 658. Это письмо Варлена было позднее опубликовано полностью Э. Долеаном в «International review for social history», vol. II, 1937 p. 181—183.

[42] Гийом опубликовал это письмо в швейцарском анархистском органе «Le Progres» от 1 января 1870 г.

нения социалистов от волнующего Париж движения,— писал он Ришару 26 января 1870 г.— Революция надвигается со всей неизбежностью, но пока она еще подвержена всевозможным влияниям. При таких условиях уклонение было бы для нас самой гибельной линией поведения, так как оно было бы равносильно предоставлению руководства всем движением чистым политикам» [43].

Сотрудничество с Рошфором давало французским социалистам возможность усилить политическую борьбу против империи: Рошфор в конце 1869 г. приступил к изданию собственной ежедневной газеты, названной им «Марсельеза» («Marseillaise»). При ее помощи он рассчитывал еще более упрочить свою популярность. Для успешного осуществления своих планов он считал необходимым привлечь к широкому участию в своей газете социалистов. Французские социалисты не имели в то время своего печатного органа [44] и не располагали средствами для его издания, хотя давно испытывали крайнюю потребность в таком органе [45]. «Чтобы создать во Франции газету, в особенности ежедневную, которая могла бы изо дня в день давать отпор другим газетам,— писал Варлен Эмилю Обри вскоре после выхода «Марсельезы»,— нужно много *денег, а социалистическая* партия отличается от всех других партий своей бедностью. Ясно, что на собственные средства партия не смогла бы создать свой орган, а с Рошфором трудности устранялись не благодаря его богатству,— он его не имеет,— а благодаря его имени».

В том же письме Эмилю Обри Варлен формулировал другую важнейшую задачу, которую ставили перед собой парижские социалисты, вступая в сотрудничество с Рошфором в новой газете: «Небесполезно будет дать вам разъяснения относительно «Marseillaise», чтобы вы не думали, что эта газета представляет собой только орудие войны против империи. Уже давно социалистическая партия ощущала потребность в органе для пропаганды своих идей и для защиты их от всех нападок со стороны буржуазных газет различных направлений,— единственных газет, которые мы до сих пор имели». Таким органом, в котором социалистам будет дана возможность «отстаивать и поддерживать революционный социализм», и представлялась Варлену и другим парижским социалистам рошфоровская «Марсельеза». «Основатели намерены не только вести пропаганду,— сообщал в заключение Варлен,— но также сплотить воедино социалистическую партию в Европе, установить при помощи газеты постоянную связь между группами,— одним словом, подготовлять европейскую социальную революцию» [46].

[43] Б. Малой — А. Ришару. 26 января 1870 г. «La Revue socialiste». 1896, t. 23. p. 659.

[44] В декабре 1869 г. прекратила существование еженедельная газета «Travail», орган парижских рабочих союзов, в котором сотрудничали парижские социалисты — Варлен и другие. Газета первоначально носила название «Commerce»; основной контингент ее подписчиков составляли торговые служащие Парижа. После того, как в конце 1869 г. их стачка потерпела неудачу, они не возобновили подписки на газету. 25 декабря 1869 г. Варлен писал Змилю Обри: ««Travail» действительно умерла, она больше не будет выходить». См. «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris», p. 33. В письме к А. Ришару от 29 декабря 1869 г. Варлен сообщал относительно «Travail»: «Газета больше не выходит... Мы сожалеем об этом, так как она была бы нам очень полезна». «International review for social history», vol., II, p. 183

[45] См. Э. Варлен — А. Ришару. 20 ноября 1869 г. «International review for social history», vol. II, p. 182.

3

Первый номер «Марсельезы» вышел 19 декабря 1869 г. Газета появилась в дни, предшествовавшие приходу к власти (2 января 1870 г.) либерального кабинета, возглавленного бывшим республиканцем Оливье, окончательно перешедшим на сторону империи после длительного заигрывания с нею. Новое правительство состояло в основном из членов «третьей партии», орлеанистов и так называемых либеральных бонапартистов, стремившихся спасти империю ценой некоторых конституционных преобразований. В него входили и легитимисты. Социалисты, сотрудничавшие в «Марсельезе», правильно оценивали сущность либерального курса, взятого Наполеоном III. Они указывали, что правительство Оливье представляет собой коалицию различных фракций буржуазии, направленную против французского народа, вступившего на путь активной борьбы за социальную, демократическую республику. Они подчеркивали непрочность союза обреченной на неминуемое крушение бонапартистской империи с пробравшимися к власти орлеанистами [47], игравшими главенствующую роль в новом кабинете. Они раскрывали политические замыслы орлеанистов, рассчитывавших сосредоточить со временем в своих руках всю полноту власти и таким образом спасти режим конституционной монархии от республиканского, демократического переворота [48].

Следует отметить, что прогрессивная печать других стран, в частности России, высказывала аналогичные суждения. Так,

[46] Э. Варлен — Э. Обри. 25 декабря 1869 г. «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris», p. 33. См. также Э. Варлен — А. Ришару. 29 декабря 1869 г. «International review for social history», vol. II, p. 183—184.

[47] «La Marseillaise», 29 decembre 1869.

[48] Ibid.. 5—10 ianvier 1870.

например, журнал «Дело» подчеркивал, что в правительстве Оливье «важнейшие министры принадлежат к партии орлеанистов и легитимистов»[49]. По адресу орлеанистов журнал правильно замечал: «Они вошли в министерство вовсе не с целью служить стремлениям ..бонапартизма, а с желанием направить власть в интересах буржуазии, с которой они связаны своими симпатиями. Как в Законодательном собрании до государственного переворота, так и теперь они представляют интересы той буржуазии, которая управляла Францией во время 18-летнего правления Луи-Филиппа, «короля-буржуа», и которая умела лавировать так ловко, что, не давая народу действительной свободы, заставляла его долго удовлетворяться кажущейся по виду широкой парламентской свободой, и потом, во время республики, вместе с Кавеньяком устроила в Париже плачевную июньскую резню»[50].

Социалисты разоблачали в «Марсельезе» и линию правых буржуазных республиканцев, напуганных революционным подъемом в стране. Одна их часть во главе с Пикаром открыто поддержала правительство Оливье; другая, во главе с Жюлем Фавром, заняла двусмысленную позицию, малодушно уклонившись от прямого выступления на стороне «либеральной империи» или против нее. Левые депутаты делали вид, будто принимают всерьез орлеанистскую игру, и тем самым помогали монархической буржуазии обманывать народные массы, вводить их в заблуждение относительно подлинного характера режима 2 января. «Они чувствуют,— писала по этому поводу «Марсельеза»,— что власть над народом, который они хотели превратить в орудие своих честолюбивых замыслов, ускользает из их дряблых рук... Поэтому они, страшась революции, не смеют вместе с тем открыто присоединиться к империи»[51].

Противопоставляя себя всем буржуазным партиям, вместе взятым, социалисты указывали: «Республика только по названию не является подлинной республикой. Мы хотим республики не ради господства той или иной касты,., а республики, которая представляет собой осуществление всеобщего избирательного права и единственной основой которой служит труд... Мы хотим... демократической и социальной республики»[52].

Подвергая критике буржуазную республику, социалисты не делали исключения и для швейцарской и североамериканской республик. В них они также видели одну из форм классового господства имущего меньшинства над трудящимся большинством, призванную «держать трудовое население в повиновении закону, установленному в интересах немногих». «Эта власть,— писал в газете Варлен, касаясь различных политических форм буржуазного господства,— может быть более или менее жесткой, может допускать больше или меньше произвола, но это не меняет основы экономических отношений, и рабочие всегда остаются в полном подчинении у владельцев капитала»[53].

Варлен в этой связи доказывал, что «грядущая революция, чтобы быть окончательной, не должна ограничиться простой переменой правительственной этикетки и кой-какими частичными реформами. Она должна радикально освободить рабочего от всякого рода эксплуатации, капиталистической и политической, и установить справедливость в общественных отношениях»[54].

Эту мысль развивал И Эжен Дюпон. Еще 13 августа 1868 г. он писал А. Ришару: «Скажу Вам, что для меня революция вся заключается в социальном вопросе; надо изменить существо, а не форму. В Америке существует республика и свобода, а народ там эксплуатируется так же, как в Европе. В Англии тоже существует свобода, и, однако, миллионы человеческих существ лишены там крова, одежды, хлеба. Свобода в том виде, в каком она сейчас существует, такая, какой ее хочет видеть буржуазия, служит лишь для откармливания капитала»[55].

Убежденные в близости революции, французские социалисты считали необходимым безотлагательно приступить к уточнению основных принципов организации будущего общества. Варлен придавал этому особое значение. «Упразднение всех стесняющих нас институтов будет легким делом, почти все мы сходимся в этом вопросе,— писал он 20 ноября 1869 г. Ришару.— Что касается построения нового, то это будет труднее, так как у трудящихся нет еще общего мнения на этот счет, очень немногие имеют вообще более или менее определенное представление об этом»[56].

В марте 1870 г. Варлен снова возвращается к этой теме. «В то время как наши государственные деятели,— писал он в «Марсельезе»,— пытаются заменить личный режим управления государством парламентарным и либеральным (в орлеанистском стиле) и надеются таким образом предотвратить революцию, которая надвигается, угрожая их привилегиям, мы, социалисты, знающие по опыту, что все старые политические формы бессильны удовлетворить народные требования, должны при-

«Дело», январь 1870. Политическое обозрение, стр. 7.
Там же, стр. 2.
«La Marseillaise», 23 decembre 1869.
Ibid'., 6 Janvier 1870.

[53] «La Marseillaise», 11 mai 1870.
[54] Ibid., 11 mars 1870.
[65] Э. Дюпон —А. Ришару. 13 августа 1868 г. «La Revue sociaiiste», 1896, t. 23, p. 653.
[66] Э. Варлен — А. Ришару. 20 ноября 1869 г. «International review for social history», t. II, p. 182—183.

близить час освобождения, используя ошибки и промахи наших противников. Мы должны употребить все свои силы на подготовку элементов организации будущего общества, чтобы легче и вернее разрешить задачу общественного переустройства, стоящую перед революцией»[57].

Высказываясь за «демократическую и социальную республику», социалисты, группировавшиеся вокруг «Марсельезы», имели крайне неясное представление о путях осуществления такой республики. Это, прежде всего, показывают статьи Мильера, печатавшиеся в газете с первого дня ее существования и выражавшие, по словам Варлена, ее «социалистическую линию»[58].

«Социальные принципы «Марсельезы»,— писал Мильер,— полностью выражаются в трех принципах нашего республиканского девиза — свобода, равенство, братство». Претворение в жизнь этих великих принципов и должно, по мнению Мильера, «лечь в основу будущей демократической республики, единственной политической формы, обеспечивающей подлинный суверенитет народа»[59].

В демократической республике будущего неотчуждаемость народного суверенитета будет гарантирована подлинным осуществлением всеобщего избирательного права.

Мильер — сторонник коммунистического принципа производства и распределения: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям. В реализации этого принципа он видел осуществление подлинного равенства.

Однако «социальный прогресс», доказывал Мильер, может быть осуществлен «не иначе как путем постепенного введения солидарности интересов в систему общих законов, а это, в свою очередь, может быть достигнуто исключительно путем общего соглашения»[60]. Исходя из этой утопической идеи, Мильер старался убедить собственников капитала и земли, что социалисты служат «действительным интересам» также и тех, кто считает их своими врагами, ибо ведь и капиталисты хотели бы, чтобы «рядом с их богатством не было страдающих от нищеты и чтобы справедливость была в этом мире оказана всем без исключения»[61]. Развивая ту же мысль, Мильер заявлял: «Я не атакую собственность, я только заставляю ее играть ту роль, которая ей принадлежит при рациональном устройстве общества»[62].

Эти реформистские рассуждения эклектически сочетались у Мильера с идеями революции и «народной диктатуры». «Революция,— писал он,— есть по существу диктатура народа, диктатура масс, и она должна бшь организована»[63]. Однако в ходе изложения даже этих революционных идей Мильер отдавал дань реформизму. Он спешил как можно скорее покончить с революционной диктатурой, которую считал необходимым установить в Париже непосредственно после победоносного осуществления политического переворота. Он допускал существование такой диктатуры только до тех пор, пока все другие коммуны Франции организуются по примеру Парижа. Как только это совершится, вопрос о дальнейшей организации власти, по мнению Мильера, должен будет решить народ.

Мильер был крайне непоследователен и в вопросе об установлении после революции коллективной собственности на орудия и средства производства. Он предлагал сохранять предприятия за их владельцами во всех тех случаях, когда те изъявят желание возглавить их, ограничиваясь обложением таких владельцев прогрессивно-подоходным налогом. Экспроприации, по его мнению, подлежат предприятия только тех собственников, которые будут злостно саботировать мероприятия революционной власти. Он предостерегал против насильственного осуществления мероприятий переходного периода.

В предлагавшейся Мильером программе реформ переходного периода не нашел места аграрный вопрос. Мильер намечал для этого периода такие преобразования, как уничтожение косвенных налетов, установление прогрессивно-подоходного налога, передача рабочим ассоциациям промышленных и торговых предприятий, покинутых их владельцами, организация базаров, обменных пунктов, народных банков, осуществление всеобщего светского обучения, введение свободы слова, печати, собраний, союзов, отмена постоянной армии[64]. Как видим, коллективист Мильер, сторонник освободительной политической и социальной борьбы рабочего класса, далеко еще не преодолел влияния идей Прудона.

Социально-политические взгляды Варлена отличались большей зрелостью, чем взгляды Мильера и многих других французских социалистов. Варлен не разделял, в частности, иллюзий Мильера насчет возможности достижения «гармонии интересов» буржуазии и пролетариата. Он видел противоречия, разделяющие эти два класса, и потому, в отличие от Мильера, не был склонен сохранить после осуществления революции за собственниками орудий производства право распоряжаться ими. «Капиталист, фабрикант или торговец,— писал Варлен,— не должен больше по своему усмотрению распоряжаться кол-

[57] «La Marseillaise», 11 mars 1870.
[58] Э. Варлен — Э. Обри. 25 декабря 1869 г. «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris» p. 34.
[69] «La Marseillaise», 24 decembre 1869.
[60] Ibid, 23 decembre 1869.
[61] Ibid, 30 decembre 1869.
[62] Ibid, 4 Janvier 1870.
[63] «La Marseillaise», 9 Janvier 1870.
[64] Ibid, 9, 10, 15, 16, 19, 22 Janvier 1870.

лективным капиталом...»[65]. Варлен, однако, не признавал необходимости диктатуры пролетариата после победоносного осуществления революции. Он высказывался против централизованной организации труда, считая, что трудящиеся должны сами «свободно располагать и владеть своими орудиями производства» и «приносить на обмен продукты своего труда по цене, равной издержкам производства, с тем, чтобы существовала взаимность услуг между работниками различных профессий»[66]. Это были прудонистские идеи.

Варлен причислял себя одно время, после Базельского конгресса Интернационала, на котором он познакомился с Бакуниным[67], к сторонникам «антиавторитарного коммунизма»[68]. На Базельском конгрессе он высказался за отмену права наследования[69], не поддержав при обсуждении этого вопроса сторонников Генерального совета. Варлен был, однако, далек от того, чтобы разделять полностью взгляды бакунистов. Это признавали и они сами. Бакунин 7 февраля 1870 г. писал А. Ришару: «Г-жа Д. Т.[70] — превосходная и полезная особа, но она далеко еще не целиком наша»[71]. Позднее анархист Макс Неттлау. касаясь взглядов Варлена в 1869—1870 гг., признавал, что Варлен был мало склонен увлекаться идеями Бакунина[72].

В конце апреля 1870 г. Лафарг писал Марксу из Парижа: «Бакунин... не оказывает здесь никакого влияния на руководство движением... Напротив, его постановка вопроса о наследовании весьма осуждается людьми, которые немного знакомы с этим вопросом»[73]. Не исключена возможность, что и Варлен после Базеля пересмотрел свой взгляд на вопрос о праве наследования. Во всяком случае, Бакунин имел веские основания жаловаться Ришару в январе 1870 г.: «Г-жа Р.[74] приводит меня в отчаяние,— там нет никого»[75].

[65] «L'Egalite», 20 novembre 1869.

[66] «La Marseillaise», 11 mars 1870.

[67] На Базельском конгрессе присутствовал также видный бакунист Джемс Гийом. Мы. однако, не можем с уверенностью утверждать, что Варлен познакомился и с ним именно на этом конгрессе. Варлен и Гийом были в 1866 г. делегатами Женевского конгресса Интернационала и, возможно, познакомились уже тогда.

[68] Э. Варлен — Э. Обри, 25 декабря 1869 г. «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris», p. 34—35.

[69] СМ. «Report of the Fourth congress of the International Working-Men's Association», p. 28.

[70] По конспиративному словарю Бакунина — Варлен.

[71] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». М., 1927, т. III, стр. 361.

[72] M. Nettlau. Der Anarchismus von Proudhon zu Kropotkin. Berlin. 1927, S. 142.

[73] Апхив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8213, оп. 5. П. Лафарг— Марксу. Около 29 апреля 1870 г. Эти строки письма отчеркнуты Марксом.

[74] По конспиративному словарю Бакунина — Париж.

[75] «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», М. 1927, т. III. сто. 359.

Лафарг считал Варлена наиболее влиятельным из парижских социалистов. Сообщая в апреле 1870 г. Марксу о том, что «Интернационал имеет здесь в Париже.— *Э. Ж-* весьма ценных членов», он особо выделял Варлена как человека, который «пользуется наибольшим влиянием». Однако Лафарг признавал за Варленом «главным образом организаторский талант»[76].

Что касается самого Лафарга, то он к концу 60-х годов в гораздо большей степени, чем Варлен, освободился от идейного влияния прудонизма[77]. Этим он был обязан личному общению с Марксом во время своего более чем трехлетнего пребывания в Лондоне. Он приехал туда из Парижа в феврале 1865 г., чтобы сообщить Марксу о положении в незадолго перед тем созданной парижской организации Международного товарищества рабочих[78]. 6 марта 1866 г. Лафарг был единогласно избран членом Генерального совета Интернационала[79] и в течение двух с лишним лет систематически участвовал в его заседаниях. В 1868 г. он вернулся в Париж.

Являясь активным деятелем французского рабочего движения, борясь за объединение сил пролетариата, Лафарг прилагал также немало усилий к тому, чтобы вооружить французских рабочих революционной теорией научного социализма.

Весной 1870 г., одновременно с борьбой за создание парижской федерации Интернационала, чему упорно противодействовали прудонисты[80], Лафарг принял деятельное участие в подготовке нового французского издания Устава Международного товарищества рабочих. В этом издании были устранены прудонистские извращения старого перевода 1866 г., касавшиеся политической борьбы рабочего класса. Французские рабочие в 1870 г. получили, наконец, правильное разъяснение того, какое место занимает политическая борьба в их освободительном движении. Это была идейная победа революционного социализма над прудонизмом и бакунизмом во Франции.

Лафарг перевел на французский язык ряд других важнейших документов марксизма: в 1866 г.— написанную Марксом «Инструкцию для делегатов временного Центрального совета на Женевском конгрессе Международного товарищества рабочих»; в августе 1867 г.— часть предисловия Маркса к закон-

[7S] Аохив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8209, оп. 5. П. Лафарг— Марксу. Париж, 20 апреля 1870.

[77] О прудонистских заблуждениях Лафарга в 1866 г. см. письма Маркса к Энгельсу от 20 марта, 7 и. 20 июня 1866 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 469; т. XXIII, стр. 354—355. 359.

[78] P. Lafargue. Karl Marx. «Neue Zeit», 1890—1891, Bd. 1, S. 10.

[79] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. П/30. Minutes of the General Council of the I International. 1866. Council Meeting, march 6.

[80] См. ниже, стр. 198.

ченному им в том же месяце (16 августа) I тому «Капитала», которую Маркс намеревался опубликовать в газете Верморелй «Le Courrier francais»; в начале 1869 г.— «Коммунистический манифест»[81].

Лафарг и другими средствами способствовал в то время популяризации идей марксизма во Франции. Еще осенью 1866 г. в демократической студенческой газете «La Rive gauche» он выступил с характеристикой выдающегося «ученого-революционера Маркса». Он приводил выдержки из произведений Маркса, в частности из «Нищеты философии»[82]. В конце 1868 г. он распространял эту книгу среди парижских социалистов[83]. Бланки, живший нелегально в Париже в феврале — июне 1869 г.[84], познакомился, благодаря Лафаргу, с которым был близок и у которого бывал дома[85], с этим произведением Маркса и затем сам давал его читать своим приверженцам. По этому поводу Лафарг в феврале 1869 г. писал Марксу: «У Бланки имеется один экземпляр, и он дает его читать всем своим друзьям. Тридон также читал его и очень радовался тому, как Мавр расправился с Прудоном. Бланки питает к Вам величайшее уважение»[86]. «Нищету философии» прочел также Лео Франкель, который, как сообщала Марксу его дочь Лаура Лафарг, зачитывался всеми произведениями Маркса, какие попадались ему в руки. Он был «одним из самых искренних почитателей «Капитала». «Я обещала одолжить ему «Восемнадцатое брюмера»,— писала Лаура Лафарг в первых числах мая 1870 г.[87]

О пропагандистской деятельности Лафарга в конце 60-х годов, имевшей целью популяризовать основные положения научного социализма, мы узнаем частично из его же письма к Марксу, написанного в мае 1869 г.: «Я написал статью против Прудона,— сообщал он,— и другую о коммунизме, в которой воспроизвел Манифест Коммунистический.— *Э. Ж-,* придав ему менее научную форму. Энгельс должен прочесть и исправить перевод; хорошо бы иметь его уже совсем готовым к печати, когда для этого настанет момент»[88]. Лафарг систематически информировал Маркса о политическом положении во Франции[89] и в своей практической революционной деятельности в Париже руководствовался указаниями и советами Маркса, восторженным поклонником которого он являлся.

Лафарг идейно превосходил Варлена и в том отношении, что он, в отличие от Варлена, активно боролся против проникновения бакунистского влияния во французское рабочее движение и оказывал противодействие попыткам Бакунина опереться в своей борьбе против Генерального совета Интернационала на парижских рабочих и их руководителей. Возможно, что именно благодаря усилиям Лафарга не была в дальнейшем закреплена связь, наметившаяся во время Базельского конгресса между бакунистами и Варленом. Варлен остался непричастным к борьбе, которую бакунисты развернули в Интернационале против Маркса и его сторонников.

Вопросами, связанными с осуществлением революции и с мероприятиями революционной власти после победы занимался также Бланки. Вслед за «Инструкцией к вооруженному восстанию», касавшейся, в основном, военно-технической подготовки революции, Бланки в 1869—1870 гг. написал теоретическую работу «Капитал и труд», в которой выступил сторонником коммунизма.

Однако незрелость экономических воззрений Бланки помешала ему найти верный путь борьбы за коммунизм. Ярый враг прудонизма (в частности,— мелкобуржуазных идей Прудона о кооперации как радикальном способе серьезно улучшить положение рабочих, не прибегая к революции), горячий поклонник Маркса, отзывавшийся с восхищением о «Нищете философии», Бланки в то же время не был свободен от мелкобуржуазных заблуждений в экономических вопросах. Его неуменье разобраться в существе капиталистического способа производства и капиталистической эксплуатации привело его к ложному выводу, будто источником капиталистической прибыли является неэквивалентный обмен[90]. Отсюда его непонимание

[81] См. Маркс — дочери Женни 5 сентября 1866 г.; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 477; Маркс — Энгельсу. 24 августа 1867 г. Там же, т. XXIII, стр. 431; Маркс — Энгельсу. 12 сентября 1867 г. Там же, Стр. 446; Маркс — Энгельсу. 14 октября 1867 г. Там же, стр. 457; Энгельс — Марксу. 18 октября 1867 г. Там же, стр. 458; Маркс — Энгельсу. 15 апреля 1869 г. Там же, т. XXIV, стр. 190; Энгельс — Марксу. 19 апреля 1869 г. Там же, т. XXIV, стр. 193.

[82] См. P. Lafargue. La lutte sociale. «La Rive gauche», 15 juillet 1866.

[83] Маркс — Энгельсу. 15 октября 1868 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 117; Энгельс — Марксу. 22 октября 1868 г. Там же, стр. 121.

[84] См. Маркс — Энгельсу. 14 июля 1869 г. К. Маркой Ф. Энгельс Соч., т. XXIV, стр. 212.

[85] Маркс — Энгельсу. 20 марта 1869 г. Там же, т. XXIV, стр. 178.

[86] Маркс — Энгельсу. 1 марта 1869 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 165—166. Приведены выдержки из письма Лафарга.

[87] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8191, оп. 5. Лаура Лафарг — Марксу. Май (ранее 4-го) 1870 г.

[88] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8226, оп. 5. П. Лафарг— Марксу. Париж. Конец мая 1869 г.

[89] См. Маркс — Энгельсу. 18 октябоя 1868 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 118—119; Маркс — Энгельсу. 14 ноября 1868 г. Там .же, стр. 129; Маркс — Энгельсу. 23 октября 1869 г. Там же. сто. 239; Женни Маркс — Энгельсу. 10 августа 1870 г. Там же, стр. 376; Женн» Маркс — Энгельсу. Около 18 августа 1870 г.. Там же, стр. 386.

[su] A. Blanqui. La critique sociale, t. I. Paris, 1885, p. 73.

роли пролетариата как производителя материальных благ в капиталистическом обществе, его неспособность выделить рабочий класс из общей массы трудящихся. К пролетариату Бланки относил всех граждан, живущих своим трудом и не пользующихся плодами чужого труда.

Резко расходясь с прудонистами в своем отношении к политической борьбе, признавая, в отличие от прудонистов, необходимость вооруженного восстания и захвата власти пролетариатом, Бланки, как мы знаем, недооценивал, однако, роль рабочего класса в революции, значение его классового самосознания и организованности, его передовой революционной партии. Бланки не придавал также значения выбору благоприятного момента для осуществления революции; он допускал, что революцию можно совершать в любое время.

Критикуя в начале 60-х годов аполитизм прудонистов, Бланки правильно указывал на то, что «социализм неотделим от политики»[91]. Однако сам он подходил к политической борьбе односторонне. «Бланки,— писал в 70-х годах Энгельс,— по существу—политический революционер; социалист он только по чувству, из сочувствия к страданиям народа, но у него нет ни социалистической теории, ни определенных практических предложений социального переустройства»[92].

Лафарг в одном из позднейших писем к Энгельсу следующим образом объяснял, почему Бланки уделял так мало внимания экономическим вопросам. «Бланки,— писал Лафарг,— придерживался такой теории, что, во избежание раздоров и в целях привлечения к революции большего количества людей, следует поднимать только политические вопросы, оставляя в тени вопросы экономические»[93].

Взгляды Бланки на характер революционной власти переходного периода и на ее политические функции отличаются прежде всего тем, что он был сторонником революционной диктатуры, противником традиционного созыва Учредительного собрания и всеобщих выборов на другой день после победы революции. Он считал, в частности, необходимым лишить политических свобод врагов революции. Этому, по его словам, учит опыт республики 1848 г. «В тот день, когда будет вынут кляп изо рта рабочих, его вставят в рот капиталистов»,— писал он[94].

[91] R. Garaudy. Les sources francaises du socialisme scientifique Paris, 1949, p. 225. Автор ссылается на неопубликованную рукопись Бланки, датированную 14 сентября 1862 г.

[92] Ф. Энгельс. Эмигрантская литература. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 225.

[93] P. Lafargue a Fr. Engels a Londres. Paris, 24 juin 1884. «Economie et politique», 1955, № 11, p. 8—9.

[94] A. Blanqui. La critique sociale, t. I, p. 208.

Однако, высказываясь за установление революционной диктатуры после победы революции, Бланки не имел в виду диктатуры революционного класса. По его собственным словам, в данном случае он подразумевал «диктатуру Парижа», видя в ней «подлинное национальное представительство»[95]. Диктатура Парижа в понимании Бланки означала диктатуру парижского революционного органа власти, опирающегося на трудящееся население столицы.

Политические мероприятия, которые Бланки рекомендовал осуществить непосредственно после победы революции, таковы: упразднение постоянной армии и создание национальной армии путем вооружения по месту жительства рабочих и всего республикански настроенного населения; отстранение от должности высших и средних чиновников и реорганизация чиновничьего аппарата; упразднение существующей судебной власти и установление арбитража для гражданских дел, суда присяжных — для уголовных; изгнание духовенства и монашества («черной армии»),

В области финансовой политики Бланки считал необходимым упразднить государственную книгу долгов и заменить все прямое и косвенное обложение прямым прогрессивно-подоходным и имущественным налогом. В области народного просвещения он требовал светского, бесплатного, обязательного для всех обучения[96].

Экономические мероприятия, намечавшиеся Бланки для осуществления после победоносной революции, носят печать незрелости его социалистических воззрений. Бланки считал необходимым «предписать всем владельцам промышленных и торговых заведений, под страхом высылки, временно сохранить неизменным существующий персонал и его заработную плату». Он предлагал созвать совещание компетентных лиц для урегулирования вопроса о таможнях, рудниках, крупных промышленных и кредитных компаниях с целью «заложить основы рабочих ассоциаций»[97]. По его мнению, «нападение на принцип частной собственности является столь же бесполезным, как и опасным»[98]. Одни только владения церкви и их движимое имущество подлежали, по мнению Бланки, конфискации в пользу государства. Но и этот единственный акт экспроприации он обосновывал политическими, а не социальными мотивами.

Не сумев научно обосновать неизбежность коммунизма, Бланки идеалистически связывал его осуществление со всеобщим распространением просвещения после победы революции.

[95] A. Blanqui. La critique sociale, t. I, p. 208

[96] Ibid., p. 205-206.

[97] Ibid., p. 204.

[98] Ibid., p. 208.

«Коммунизм,— писал он,— нельзя навязать путем декрета; он может явиться только результатом свободно принятых решений страны, а эти решения могут быть приняты только на основе всеобщего распространения просвещения»[99].

Следует полностью присоединиться к общей характеристике взглядов Бланки относительно переходного периода, данной академиком В. П. Волгиным. «В общем,— пишет В. П. Волгин,— представления Бланки о переходном периоде от существующего строя к коммунизму или к «интегральной ассоциации» весьма наивны и неопределенны. У Бланки имеются положения, свидетельствующие о его способности к трезвой оценке реального соотношения сил в период непосредственной борьбы за построение коммунизма (возможный саботаж предпринимателей, настроение крестьянства), но эти положения тонут в рассуждениях о просвещении как основной предпосылке общественного преобразования, как о силе, автоматически приводящей к торжеству коммунизма»[100].

Можно с известным основанием считать, что хотя работа Бланки «Капитал и труд» была опубликована только в 80-х годах, после его смерти, изложенные в ней теоретические положения были уже в конце 60-х годов известны его ближайшим соратникам. Бланки, находившийся в то время в эмиграции в Брюсселе, был тем не менее постоянно связан с парижскими бланкистами. Он неоднократно приезжал нелегально в Париж.

Идеи Бланки о диктатуре Парижа развивал в 1869 г. его ближайший ученик Тридон в упомянутой нами брошюре «Жиронда и жирондисты». Эти идеи были раскритикованы Энгельсом. «Брошюра Тридона,— писал Энгельс Марксу 6 июля 1869 г.,— интересовала меня главным образом из-за второй части[101], так как я незнаком с новейшей литературой о первой революции. В первой же части[102] большая путаница, особенно по вопросу о централизации и децентрализации... Смешна мысль, что диктатура Парижа над Францией, погубившая первую революцию, могла бы теперь быть попросту повторена, но с иным результатом»[103].

Лозунги и традиции французской буржуазной революции, сыгравшие в свое время огромную прогрессивную роль, но уже в значительной мере устаревшие к концу 60-х годов XIX в., в иной исторической обстановке, тем не менее продолжали в то время сохранять большое влияние на французских социалистов,— бланкистов и левых прудонистов. Эти традиции заслоняли от них подлинные социальные отношения новой исторической эпохи, ослабляли их борьбу против капитализма.

Маркс и Энгельс неоднократно отмечали идейно-теоретическую незрелость французских социалистов. «Что меня пугает у французов, так это чертовская путаница в головах»,— писал, например, Маркс в конце 1869 г. Энгельсу[104]. «Несомненно,— отвечал ему Энгельс,— путаница велика...»[105].

Однако основоположники научного социализма по-разному относились к прудонизму и к бланкизму. Видя главную опасность для французского социалистического движения того времени в прудонизме, Маркс и Энгельс придавали особое значение борьбе против идейного влияния Прудона, «этого социалиста Второй империи»[106], на французских рабочих. Маркс по этому поводу писал немецкому демократу Людвигу Бюхнеру: «Я считаю чрезвычайно важным освободить французов от тех ложных воззрений, во власти которых они находятся благодаря Прудону с его идеализацией мелкой буржуазии»[107].

Не преуменьшая идейных заблуждений и ошибок Бланки,, неоднократно отмечая его теоретическую беспомощность, Маркс и Энгельс вместе с тем ценили в нем пламенного борца против капиталистической эксплуатации и угнетения, беззаветно преданного делу рабочего класса, горячего сторонника социализма.

Поэтому Маркс с большой заботой и вниманием относился не только к самому Бланки, но и к его последователям. Маркс не терял надежды оказать в дальнейшем решающее идейное воздействие на Бланки и бланкистов, помочь им освободиться от порочных взглядов, наносивших большой вред французскому рабочему движению и мешавших им стать подлинными руководителями французского революционного пролетариата.

Традиции французской революции конца XVIII в. и, в особенности, преклонение перед якобинской республикой 1793 г., были наиболее типичны для мелкобуржуазных демократов — неоякобинцев. Их политический идеал фактически ограничивался такой буржуазной республикой, при которой, как они утверждали, возможно реальное осуществление демократических свобод.

Неоякобинцы отражали рост республиканских настроений среди городской мелкой буржуазии, недовольной разорявшей

[99] A. B l a n q u i. La critique sociale, t. I, p. 208.

[100] Л. О. Бланки. Избранные произведения. Вступительная статья В. П. Волгина, стр. 55—56.

[101] Вторая часть брошюры Тридона носит название: «Жиронда в 1793 году».

юг Первая часть брошюры Тридона называется «Жиронда в 1869 году»

[103] Энгельс — Марксу. 6 июля 1869 г. К. Маркс и Ф Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 211.

[104] Маркс — Энгельсу. 12 ноября 1869 г. К- Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XXIV, стр. 247.

[105] Энгельс — Марксу. 17 ноября 1869 г. Там же, стр. 248.

[106] Ф. Энгельс. К жилищному вопросу. Там же, т. XV, стр. 25.

[107] Маркс — Людвигу Бюхнеру. 1 мая 1867 г. Там же, т. XXV. стр. 486.

ее экономической политикой Второй империи. В ходе изложения мы неоднократно приводили данные о крайне тяжелом положении мелкой буржуазии в годы Второй империи, особенно в 60-х годах. В конце этого десятилетия положение ее еще более ухудшилось. В июле 1868 г. префект департамента Рона в донесении министру внутренних дел сообщал: «Мелкая торговля с трудом может выдержать разорительную конкуренцию крупных торговых предприятий и огромные общие расходы, в частности на квартирную плату. Положение ее еще более ухудшается с наступлением сроков платежей, что находит свое наглядное выражение в большом количестве переездов с квартир в результате прекращения торговли... Мелкие торговцы страдают от отсутствия достаточного количества торговых сделок. Они нуждаются в средствах, вследствие чего им приходится прибегать к долгосрочным кредитам»[108]. Эта характеристика положения мелкой буржуазии департамента Рона может быть отнесена и к мелкой буржуазии всей Франции.

Поэтому неоякобинцы обрушивались именно на крупную финансовую и промышленную буржуазию. Характерно в этом отношении одно из предвыборных выступлений неоякобинца Феликса Пиа в 1869 г. Обращаясь к избирателям, Пиа заявил: «Крупная буржуазия,— я не говорю о мелкой, которая сама занята в производстве (qui est ouvriere) и которая, благодаря богу, достаточно трудится, чтобы быть сохраненной,— эта буржуазная аристократия, которая одна только ничего не делает и всем пользуется, роковым образом катится по наклонной плоскости к упадку»[109]. Неоякобинцы были убежденными сторонниками сохранения капиталистической системы производства, противниками социализма. Те из них, кто, отдавая дань времени, признавали на словах преимущество социализма, отделывались весьма туманным его определением.

Интерес к буржуазной революции конца XVIII в. и к возглавлявшим ее политическим деятелям, характерный для французских социалистов и особенно для радикальной буржуазной интеллигенции 60-х годов, выразился, в частности, в опубликовании ряда новых книг, посвященных этой революции. Отметим среди них, кроме упомянутой нами книги бланкиста Тридона «Жиронда и жирондисты», другую его книгу «Эбертиеты»; серию книг, посвященных деятелям первой революции: книгу радикального республиканца Альфреда Бужара «Жан-Поль Марат, друг народа»[110], которую высоко оценил Энгельс[111], книгу демократа Жоржа Авенеля «Анахарсис Клоотс — оратор рода человеческого»[112], в которой, по мнению Маркса и Энгельса, дано «первое, основанное на изучении архивных материалов, правильное изображение» наиболее критического периода французской революции, с 10 августа по 9 термидора[113], и ряд других. Из произведений этого периода назовем далее трехтомную работу Эрнеста Амеля «История Робеспьера»[114], его же «Сен-Жюст»[115]. В эти годы были также переизданы труды Марата, речи Робеспьера, Дантона и других трибунов революции XVIII в.

Авторы новых книг о французской революции и ее деятелях подвергались полицейским преследованиям и репрессиям. Так, в 1859 г. была конфискована книга Амеля о Сен-Жюсте, в 1865 г.— книга Бужара о Марате. Как свидетельствуют материалы судебного процесса по делу Бужара и издателей его книги, состоявшегося в июне—июле 1865 г., всем им были предъявлены обвинения: 1) в попытке нарушения общественного спокойствия путем возбуждения у одних граждан презрения и ненависти к другим; 2) в нападках на принцип частной собственности; 3) в восхвалении действий, квалифицируемых уголовным кодексом как преступления и правонарушения; 4) в оскорблении общественной морали.

Шестая палата парижского исправительного суда, рассматривавшая дело Бужара и его «соучастников», мотивировала обвинение, в частности, тем, что:

«В работе, о которой идет речь, автор задался целью реабилитировать Марата, наиболее полную биографию которого он написал; он рассматривает шаг за шагом его частную и общественную жизнь, все, что им сделано и все, что им написано; это исследование представляет собой абсолютный и безоговорочный панегирик, в котором автор, бросая вызов единодушно выраженному общественному мнению, восхваляет доктрины, наиболее пагубные для всякого общественного порядка, и действия, наиболее противоречащие законам морали и совести».

Далее в приговоре суда указывалось: «Работа Бужара является не только критическим произведением. Напоминая о действиях Марата, приводя выдержки из того, что им написано,

[108] Lyon, cite republicaine. Etude collective. «1848. Revue des revolutions contemporaines». 1951, № 189, p. 123.

[109] Ю Э р р у а т L e s inassermentes. Paris, 1869, p. 60.

[110] Q. T r i d o n. Les hebertistes. Paris, 1864; A. B o u g e a r d. Jean-Paul Marat, ami du peuple. Paris, 1865.

[111] См. Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу. 4 февраля 1886 г. К, М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. XXVII, стр. 533; Ф. Э н г е л ь с. Маркс и «Новая Рейнская Газета» 1848—1849 гг. Т а м же, т. XVI, ч. I, стр. 170—171.

[112] G. A v e n e l. Anacharsis Gloots, l'orateur du genre humain. Paris, 1865.

[113] См. Ф. Энгельс — Виктору Адлеру. 4 декабря 1889 г. К. М а в к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т XXVIII, стр. 161, 162; Энгельс — Ф. Домела-Нивенгейсу, 4 февраля 1886 г. Т а м же, т. XXVII, стр. 532—533.

[114] E. H a m e l. Histoire de Robespierre, t. 1—3. Paris, 1865—1867,

[115] E. H a m e l. Histoire de Saint-Juste. Paris, 1859.

Бужар не ограничивается только их комментированием и объяснением, исходя из условий, в которых они имели место. Он выводит из них определенную теорию и принципы, к которым присоединяется, развивает их, оправдывает и считает применимыми для всех народов и для всех времен и в конечном итоге превращает в доктрину...» [116].

4

Усилившийся среди французских социалистов в конце 1869—начале 1870 г. интерес к социально-политическим вопросам, касавшимся грядущей революции и созидательной деятельности революционной власти после победоносного завоевания социальной и демократической республики, объяснялся дальнейшим углублением политического кризиса. Это показали, в частности, события 10—12 января 1870 г. в Париже.

10 января принц Пьер-Наполеон Бонапарт убил у себя дома журналиста-республиканца Виктора Нуара, сотрудника «Марсельезы», явившегося к нему в качестве секунданта бланкиста Паскаля Груссэ, сотрудничавшего в той же газете. Груссэ считал себя оскорбленным выпадами принца по его адресу в одной из корсиканских газет. Убийство, совершенное принцем, всколыхнуло рабочий Париж. 12 января в парижское предместье Нейи, куда был доставлен гроб с телом Нуара, явилось около 200 тыс. парижских рабочих. Они были готовы выступить против империи по первому слову Рошфора, призвавшего их накануне в своей газете, вышедшей обрамленной траурной каймой, покончить с династией Бонапартов. «Вот уже восемнадцать лет,— писал Рошфор,— как Франция находится в окровавленных руках разбойников, которые не довольствуются расстрелом республиканцев на улицах, но еще завлекают их в гнусные западни, чтобы убивать у себя на дому. Французский народ, неужели ты все еще не находишь, что пора с этим покончить?» [117].

12 января, как свидетельствует в своих воспоминаниях бланкист Шарль Да Коста, в Нейи присутствовали прибывший из Брюсселя Бланки и его приверженцы. Их было, по словам Да Коста, *около* двух тысяч человек, «хорошо вооруженных и серьезным образом организованных» [118]. Социалист Флуранс настаивал на том, чтобы похоронная процессия направилась через центр Парижа к кладбищу Пер-Лашез, так как рассчитывал, что в этом случае она превратится в политическую манифестацию.

[116] «La Gazette des tribunaux», 1 juillet 1865. Tribunal correctionnel de Pans (6-e ch.). Audience du 30 juin; ibid., 8 juillet 1865. Audience du 7 juillet.

[117] «La Marseillaise», 12 Janvier 1870.

[118] Ch. Da Costa. Les blanquistes. Paris, 1912, p. 31

Но Рошфор решительно воспротивился этому. Такого же мнения был Делеклюз. Похороны Нуара состоялись в Нейи [119].

Выступление неминуемо потерпело бы поражение, если бы оно состоялось. Оно не было подготовлено, не было своевременно возглавлено. Рабочие, за немногими исключениями, не были вооружены. Им противостояли около 60 тыс. вооруженных правительственных солдат. Из рапорта русского военного агента генерал-майора князя Витгенштейна от 8 февраля 1870 г. на имя военного министра мы узнаем о военных приготовлениях бонапартистского правительства ко дню похорон Виктора Нуара. «В день 12 января [120],— сообщал князь Витгенштейн,— когда весь Париж, начиная от правительства, ожидал беспорядков, все войска, расположенные в самом Париже, были лод ружьем. Из войск, расположенных в окрестностях Парижа, была призвана в город кавалерийская дивизия. В 1 ч. 30 м. дня генерал Лебеф послал из Законодательного корпуса депешу в Версаль с приказанием, чтобы эта дивизия прибыла в Париж и заняла Елисейские поля. В 3 ч. 30 м. дня дивизия была уже на месте и заняла Дворец индустрии» [121].

Энгельс крайне отрицательно оценил попытку Флуранса вызвать 12 января в Париже вооруженное восстание. «Истинное счастье,— писал он Марксу,— что, несмотря на Г. Флуранса, на похоронах Нуара *не* вспыхнуло восстание. Бешенство «Pays» [122] служит доказательством жестокого разочарования бонапартистов. Ведь для них нет ничего более желательного, как захватить en flagrant delit [123] всю революционную парижскую массу *вне* Парижа и *даже вне крепостных стен,* имеющих лишь два-три прохода, а в открытом поле... А так как имелось 60 тысяч солдат, то можно было даже впустить толпу внутрь крепостного вала, а потом занять его и расстрелять массу картечью и раздавить ее конницей на свободном пространстве Елисейских полей и Авеню де Нейи. Господи! 200 000 безоружных рабочих должны были из открытого поля завоевать Париж, занятый 60 000 солдат!» [124].

События 10—12 января 1870 г. показали организационную слабость революционных сил, их неподготовленность к свержению империи. Варлен в письме к Обри от 19 января сам призна-

[119] Флуранс в знак протеста вышел на другой день из состава редакции «Марсельезы», членом которой он состоял.

[120] В тексте донесения ошибка: написано 12 декабря.

[121] Государственный центральный военно-исторический архив (ШВИА). Фонд ВУА, 440, д. 187, л. 7. Генерал-майор князь Витгенштейн военному министру, 8 февраля 1870 г.

[122] «Pays» — бонапартистский официоз.

[123] На месте преступления.

[124] Энгельс — Мапкс.у. 1 февраля 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 285.

вал, что руководящие деятели Федеральной палаты профессиональных организаций Парижа после убийства Виктора Нуара «не собирались и заранее не договаривались», что они своевременно не установили связи с рабочими и после убийства Нуара впервые встретились с ними лишь 12 января в Нейи во время похорон [125]. То же следует сказать и о руководящих членах парижской организации Интернационала [126]. Социалисты, деятели рабочего движения, плелись в хвосте политических событий И не предприняли никаких попыток своевременно возглавить их. «Один Рошфор,— сообщал Варлен,— держал в руках все движение». И он подчеркивал заслугу Рошфора, который «проявил достаточно понимания и благоразумия, чтобы не отдать пагубного распоряжения, которое послало бы на кровавое истребление лучших солдат революции» [127].

Какой же урок извлекли руководители парижских рабочих из событий 12 января? «Мы решили,-—писал Варлен,— внимательно следить отныне за политическим движением и во всех случаях предварительно обсуждать необходимые шаги. Настроение сейчас повышенное, революция надвигается, и мы не должны допустить, чтобы нас захлестнула стихия» [128].

Такой организационный вывод был недостаточен для обеспечения победоносной революции, особенно если учесть, что сами же парижские социалисты ожидали от буржуазных партий ожесточенного сопротивления революционному свержению империи. «Не думаю,— писал Варлен 19 января 1870 г. Эмилю Обри,— чтобы буржуазные партии любых оттенков желали революции. Они страшатся социализма, который растет у них на глазах. Их, несомненно, удовлетворило бы восстание, которое окончилось бы поражением, ибо это дало бы повод к возбуждению преследования против нас. Но именно потому, что мы чувствуем себя изолированными, мы будем особенно осторожны. Мы должны одним ударом отрубить у гидры все ее головы, но нам нельзя промахнуться, и именно поэтому мы колеблемся» [129].

Из другого письма Варлена, написанного несколько позднее, в конце января 1870 г., мы узнаем об активной организации парижскими социалистами новых революционных секций Интернационала и о проводившейся ими подготовке к революционным боям. «В случае, если в Париже начнется борьба,— запрашивал Варлен Ришара,— сможем ли мы рассчитывать на то, что вы отвлечете от нас внимание; пользуетесь ли вы достаточным влиянием в Лионе, чтобы вызвать движение в случае, если мы поставим вас в известность, что мы здесь начинаем бой? Я договорился на этот счет с Бастелика. Мы рассчитываем на Марсель. Необходимо, чтобы все промышленные центры были одинаково настроены» [130].

В крайне обострившейся в связи с событиями 12 января 1870 г. политической обстановке, в условиях массовых увольнений рабочих, участвовавших в похоронах Виктора Нуара [ш], началась стачка в Крезо на металлургическом предприятии Шнейдера. 19 января свыше 10 тыс. рабочих этого предприятия прекратили работу в знак протеста против увольнения членов делегации, явившейся для переговоров с администрацией относительно передачи в ведение рабочих пенсионной кассы [132], фондами которой распоряжалась администрация. 20 января в Крезо для подавления бастовавших были присланы правительственные войска — 4 тыс. солдат. Стачка приняла политический характер. В результате арестов, произведенных среди рабочих, 24 человека были приговорены к различным срокам тюремного заключения, от двух месяцев до трех лет.

Парижские секции Интернационала опубликовали 27 января в «Марсельезе» за подписью Варлена, Малона и других социалистов манифест, в котором заявили о своей солидарности с бастующими рабочими Крезо, борющимися против «режима политического гнета и промышленной анархии, обрекающего на нищету именно тех, кто способствовал огромному накоплению капитала». Они выражали протест против насилий над рабочими, учиненных буржуазией и ее орудием — бонапартистским правительством. «Не удовлетворяясь тем, что они незаконно держат в своих руках все экономическое могущество,— говорилось в манифесте о владельцах капитала,— они желают еще располагать для сохранения своих несправедливых привилегий и действительно располагают всеми общественными силами принуждения (армией, полицией, судами и т. д.)». Манифест заканчивался следующими словами: «Констатируя еще и еще раз несправедливость нашего экономического строя и его плачевные результаты, мы приветствуем исполненное спокойствия, выдержки и достоинства поведение наших братьев в Крезо в ходе борьбы» [133].

Вскоре после стачки на заводах Шнейдера, в Париже произошли новые политические события, вызванные арестом Рош-

[125] Э. Варлен—-Э. Обри. Париж. 19 января 1870 г. «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris», p. 39.
[126] G. Lefrangais. Souvenirs d'un revolutionnaire, p. 374—375.
[127] Э. Варлен — Э. Обри. Париж, 19 января 1870 г. «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris», p. 39.
[123] Ibid., p. 40.
[129] Ibid, p. 40.

[130] Э. Варлен — А. Ришару. Париж, 26 января 1870 г. «International review for social history», v. II, p. 186.
[131] «La Marseillaise», 16 Janvier 1870.
[132] Наличность пенсионной кассы составляла тогда 450 тыс. франков
[,3] «La Marseillaise», 27 Janvier 1870.

фора. Он был задержан 7 февраля в рабочем районе Парижа Ла Виллет в момент, когда входил в помещение, где с его участием должно было состояться публичное собрание избирателей I округа. Ему был предъявлен ордер на арест во исполнение приговора суда исправительной полиции, осудившего его на шесть месяцев тюремного заключения за статью, напечатанную в «Марсельезе» 11 января 1870 г. в связи с убийством Виктора Нуара. Рошфор был доставлен в тюрьму Сент-Пелажи.

Вечером 7 февраля — согласно сведениям, сообщаемым бонапартистским судебным органом «Gazette des tribunaux» — около 300 человек во главе с Мильером, редактором «Марсельезы», с возгласами «Да здравствует Рошфор!», «Да здравствует республика!» направились из района Ла Виллет на улицу Абукир, где помещалась редакция «Марсельезы». Их разогнали правительственные войска, спешно направленные в Ла Виллет. В различных пунктах Парижа, в Бельвилле, на Парижской улице, на улицах Нуайе, Венсан, Орийон, Рампонно, Сен-Мор, на Белывилльском бульваре, в пассаже Рено, а также в районе Тампля и в других местах были сооружены баррикады. Все они были захвачены правительственными войсками. Наиболее крупная баррикада, сооруженная по призыву Флуранса в Бельвилле, продержалась дольше других. Она пала только после полуночи.

Из того же источника мы узнаем, что 7 февраля в полночь к парижскому фабриканту оружия Лефоше явилось около 100—150 человек. Они захватили огнестрельное оружие и довольно значительное количество боевых припасов. Для охраны дома и предприятия Лефоше были высланы пешие и конные войска, остававшиеся здесь весь следующий день.

Министр внутренних дел и министр юстиции оставались до 3 часов ночи с 7 на 8 февраля в помещении префектуры, куда к ним поступали сведения о положении в различных пунктах столицы и откуда они направляли соответствующие распоряжения. В ночь на 8 февраля и утром этого дня в Париже было произведено свыше 130 арестов,

Весь день 8 февраля среди рабочего населения Бельвилля, Ла Виллета, Тампля, на площади Шато д'О, у тюрьмы Сент-Пелажи царило сильное возбуждение. По некоторым данным, часть рабочих не явилась в мастерские [134]. В Бельвилле, несмотря на наличие правительственных войск, занявших ряд пунктов в этом рабочем районе, была вновь сооружена баррикада. Рабочие удерживали ее до глубокой ночи.

«La Gazette des tribunaux», 2 avril 1870

8 февраля были арестованы члены редакции «Марсельезы» — Мильер, У. Фонвиель, Паскаль Груссе, Эмбер, Базир, активные сотрудники этой газеты Пюисан, Кае, Артур Арну, Абенек, Дерер. Флурансу удалось скрыться. Он бежал в Англию.

По делу о волнениях 7—8 февраля в Бельвилле были привлечены к судебной ответственности «за участие в мятеже» 94 человека, главным образом рабочие. Их приговорили к различным срокам тюремного заключения, а часть из них, кроме того, к денежному штрафу. Апелляция осужденных при пересмотре дела высшей судебной инстанцией была отклонена [135].

События 7—8 февраля 1870 г. в Париже показали, насколько неумело было организовано выступление против империи. Неудивительно, что его «легко подавили полицейскими силами, которым охотно помогали буржуа Бельвилля и Монмартра», как сообщал в Петербург русский посол в Париже граф Штакельберг [136].

8 февраля к депутатам левой фракции Законодательного корпуса направилась рабочая делегация, предложившая буржуазным республиканцам подать в отставку в знак протеста против «оскорбления, нанесенного правительством Оливье принципу всеобщего избирательного права» арестом депутата Рошфора. Вторичная встреча с депутатами состоялась 9 февраля. Переговоры не имели успеха.

Варлен, сообщая об этом 9 февраля А. Ришару, писал: «Если бы депутаты согласились с предложением, то это послужило бы сигналом ко всеобщему восстанию. Рабочие полны готовности; такой акт со стороны буржуазных депутатов мог бы увлечь буржуазию, а при единодушном восстании и армия, несомненно, поколебалась бы и революция была бы совершена. Но, разумеется, попытка была бесплодной, от этих господ нельзя было ничего ожидать, мы знаем это давно».

Варлен запрашивал Ришара: «Могли ли бы вы в Лионе взять на себя инициативу энергичной манифестации и потребовать отставки лионских депутатов? Это привело бы к окончательной дискредитации в глазах многих граждан всей левой фракции, так как главный и единственный результат, какого можно добиться от предпринятых шагов — это все большее развенчивание ее представителей, буржуазных республиканцев» [127].

[135] См. «La Gazette des tribunaux», 7, 8, 9, 17, 20 fevrier, 2 avril 1870; «La Marseillaise», 4 avril 1870.

[136] АВПР. Канд., д. 116, л. 118. Донесение Штакельберга Горчакову, 8 (20) февраля 1870 г.

[137] Э. Варлен — А. Ришару. Париж, 9 февраля 1870 г. «International review for social history», vol. II, p. 187.

7 февраля, как и в день убийства Виктора Нуара, Варлен и другие парижские социалисты, учитывая неподготовленность революционных сил, призывали парижских рабочих к «терпению и спокойствию», указывая на то, что «момент для решительных и немедленных действий еще не наступил». «Революция быстро надвигается,— гласило обращение членов парижской организации Интернационала к рабочим Парижа.— Не станем же тормозить ее ход -нетерпением, вполне законным, но в то же время способным сыграть пагубную роль. Во имя социальной республики, к которой все мы стремимся, во имя спасения демократии мы призываем всех товарищей не компрометировать столь благоприятного положения»[138].

13 февраля 1870 г. Варлен был арестован. После 14-дневного предварительного заключения в тюрьме «Сантэ» его без допроса освободили[ш].

Оценивая события, вызванные в Париже в январе — феврале убийством Виктора Нуара и арестом Рошфора, Энгельс выражал тревогу по поводу того, что Рошфора — человека, который «проповедует единение между буржуазией и рабочими», «окружают чрезмерным ореолом»[ио]. После ареста Рошфора Энгельс писал Марксу: «Было бы очень хорошо, если бы почтенный Рошфор... застрял теперь на некоторое время в тюрьме»[ш]. Отдавая дань «малой прессе» (petite presse) рошфоровского типа, которая «очень хороша» в своих нападках на династию Бонапартов, Энгельс, однако, считал крайне опасным для социалистического движения во Франции то, что эта пресса «вытесняет все другое». Энгельс, разумеется, не считал Рошфора человеком, способным возглавить революционную борьбу французского рабочего класса против империи. «Supply[ш] *умов* к пролетариату из других классов, который имел место до 1848 года, повидимому, с тех пор совершенно прекратился, и притом во всех странах,— заключал Энгельс.— Очевидно рабочим приходится все больше и больше рассчитывать на *самих себя»*[нз].

[138] «La Marseillaise», 7 fevrier 1870.

[139] «Troisieme proces de l'Association Internationale des travailleurs a Paris», p. 52. Об освобождении Варлена сообщалось на заседании Генерального совета Интернационала 1 марта 1870 г. См. Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед хр. П/30. Minutes of the General Council of the I International. 1870. Council Meeting, march 1.

[140] Энгельс — Марксу. 19 января 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 280.

[141] Энгельс — Марксу. 11 февраля 1870 г. Там же, стр. 290.

[142] Приток.

[143] Энгельс — Марксу. 11 февраля 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 290.

События первых месяцев 1870 г. побуждали коллективистов, членов Интернационала, усилить организационную и пропагандистскую деятельность в Париже и в провинции. Подъем рабочего движения в стране облегчал выполнение этой задачи. За январской стачкой в Крезо последовали новые крупные стачки в Сен-Кантене, Лионе, затем в марте снова в Крезо, в апреле в Фуршамбо, далее в Париже и в ряде других промышленных центров.

Вторая стачка рабочих металлургического завода Шнейдера началась 21 марта. В Крезо были спешно присланы войска. Одновременно туда прибыли префект департамента Сона-и-Луара, генеральный и имперский прокуроры, судебный следователь. Среди бастующих были произведены аресты. Еще до окончания стачки в срочном порядке был начат судебный процесс против 24 арестованных. Суд исправительной полиции приговорил их к различным срокам тюремного заключения, от двух месяцев до трех лет.

Только этими мерами, как признал в обвинительной речи генеральный прокурор, бонапартистским властям удалось дез*организовать стачечников, которые и после прибытия в Крезо* правительственных войск не приступали к работе, выполняя решение стачечного комитета. По некоторым данным, достоверность которых полностью не установлена, до 30 солдат из числа прибывших в Крезо для подавления стачки понесли суровое наказание за сочувствие бастующим[144].

Апелляция осужденных была оставлена почти без внимания. Третья судебная палата в Дижоне при новом рассмотрении дела, 25—27 апреля 1870 г., сократила некоторым из них сроки наказания на 1—2 месяца. Зато одному из организаторов стачки, Аллеманусу, палата увеличила срок тюремного заключения, мотивируя это тем, что стачка носила по преимуществу политический характер и что Аллеманус, Асси (которому удалось скрыться в Швейцарию) и другие распространили в Крезо до 150 экземпляров газеты «La Marseillaise», а также экземпляры газет «Le Reveil» и «Le Rappel»[145].

Следует отметить, что женевские рабочие — живописцы по эмали постановили производить еженедельные отчисления в пользу бастующих по 1 франку с человека в течение всего времени, пока будет длиться стачка.

Другая крупная стачка, начавшаяся 8 апреля 1870 г. в индустриальном центре Фуршамбо (деп. Ньевр), охватила около 2 тысяч рабочих металлургических предприятий фирмы «Буаг, Рамбур и К°». К стачечникам присоединились рудо-

См. «La Gazette des tribunaux», 25 mars 1870.
Ibid., 25, 26, 30 mars, 1, 9, 11, 12 avril 1870.

копы близлежащих железных рудников, а также рабочие аналогичного предприятия в Тортроне (деп. Шер), расположенного близ Фуршамбо и принадлежавшего той же фирме. Бастовавшие требовали повышения заработной платы. В Фуршамбо были вызваны пехотные и кавалерийские войска из департаментского центра Невера, из Мулена и Лиона; в Тортрон — линейный батальон из Буржа. Были произведены многочисленные аресты. Стачка, однако, продолжалась. За участие в ней было привлечено к судебной ответственности 39 человек — 36 мужчин и 3 женщины, не считая лиц, осужденных за участие в стачке на заводе в Тортроне. Здесь так же, как в Крезо, за сочувствие бастующим были арестованы солдаты, по некоторым сведениям,— 6 человек[146].

Стачка парижских литейщиков, начавшаяся 16 апреля, длилась около четырех месяцев. Она была поддержана парижскими металлургами других специальностей, а также рабочими металлургической промышленности Англии, Бельгии, Германии.

В следующие месяцы, предшествовавшие франко-прусской войне, стачечная волна, как увидим, широко разлилась по стране. Крупные стачки имели, в частности, место в департаменте Верхний Рейн[147].

Необходимо указать на участие сельскохозяйственного пролетариата в стачечном движении первых месяцев 1870 г. Так, в окрестностях Лиона бастовало в этот период около 7 тыс. сельскохозяйственных рабочих[148].

Стачки 1869—1870 гг. представляли собой важный этап в развитии рабочего движения во Франции. Начавшись на одном предприятии, они в ряде случаев перебрасывались на другие однородные предприятия данной местности или района. Нередки бывали случаи, когда в той или иной отрасли промышленности — каменноугольной, металлургической, текстильной — стачечной борьбой охватывались одновременно рабочие различных промышленных центров страны[149]. Эти отличительные особенности стачек 1869—1870 гг. служат ярким свидетельством роста классовой солидарности французских рабочих в результате идейного влияния Интернационала.

[146] «La Gazette des tribunaux» 13, 14, 16, 18, 19, 21 avril, 30, 31 mai 1870.

[147] Rapport de M. l'Huillier sur revolution des principales greves a la fin du Second empire. «Bulletin de la societe d'histoire moderne», 1951, № 24, p. 8.

[148] «L'Egalite», 28 mai 1870.

[149] J. Dautry. Le probleme national devant l'opinion ouvriere a la veille de la Commune de Paris. «Cahiers internationaux», 1953, № 44, p. 54—55.

Значительная часть стачек этого времени приводила к возникновению новых профессиональных объединений и местных секций Международного товарищества рабочих. «Франция скоро вся покроется секциями Интернационала,— сообщала в конце апреля бакунистская газета «La Solidarite».— Стачки в Крезо и в Фуршамбо сделали социалистические доктрины популярными в департаментах центра: Невер и Лимож обещают в ближайшее время протянуть руку Сент-Этьенну и Лиону. В Безансоне насчитывается много рабочих обществ. Лилль организуется благодаря усилиям Варлена. Секция Интернационала создается в Бресте (Бретань)»[150]. В действительности новых секций Интернационала, возникших в первые месяцы 1870 г., было значительно больше. Помимо перечисленных, в эти месяцы усилиями парижских и местных социалистов были созданы новые секции Интернационала также в Рубэ, Туркуэне, Дижоне, Реймсе, Ретеле, Гонфароне, в Коне, Крезо, Фуршамбо, Сен-Кантене и во многих других местностях.

Судя по сообщению из Реймса от 13 марта 1870 г., местное профессиональное объединение, насчитывавшее около *1600* членов,— из них *1100 чел.* в самом Реймсе, *150 чел. в* окрестностных деревнях и 320 чел. в ближайшем городе Ретеле — целиком вступило в Интернационал. «Напечатайте в «Marseillaise» сообщение о том,— писал Варлену председатель Реймского профессионального объединения,— что Реймское общество сопротивления входит в состав Интернационала; представьте нас также парижской Федеральной палате, чтобы она приняла нас. У меня имеются связи в Седане, и я надеюсь, что вскоре организую там, а также в Сен-Кантене комитет, который вольется в нашу федерацию»[151].

Французский историк Жан Дотри отмечает, что начиная с 1868 г., а особенно в 18.69—1870 гг., существенно изменился самый характер Интернационала во Франции. «Из организации меньшинства рабочих мелкой промышленности, какой он являлся при своем основании в 1864 г., Интернационал в одних городах уже превратился, в других находился на пути к превращению в массовую организацию рабочих всех отраслей промышленности»[152].

В апреле 1870 г. в Париже имелось 16 секций Интернационала. По сообщению Варлена, в них входили 25 профессио-

[150] «La Solidarite», конец апреля 1870 г.

[151] Ж. Гюар — Э. Варлену. Реймс, 13 марта 1870 г. O. Testut. L'Internationale et le jacobinisme au ban de l'Europe. t. I. Paris 1872 p. 339—340.

[152] J. Dautry. Op. cit., p. 55.

нальных объединений парижских рабочих из 40 объединений, составлявших парижскую Федеральную палату. Основной базой парижской организации Интернационала являлись рабочие районы и предместья столицы— Вожирар, Медон, Клиши, Пюто, Батиньоль, Бельвилль, Монмартр, Гренелль, Ла Виллет, Монруж, Сен-Дени, Мезон-Бланш. Политическое положение в стране неотложно требовало объединения парижских секций в единую федерацию и установления регулярной связи между нею и Генеральным советом.

Парижским коллективистам пришлось, однако, вести упорную борьбу против правопрудонистской группы Толена, сопротивлявшейся созданию парижской федерации. Лафарг, который, как мы уже знаем, был одним, из активных участников этой борьбы, вспоминал о ней позднее в письме к Марксу. «Вам известно,— писал он,— что при империи они прудонисты.— *Э. Ж-* всеми силами сопротивлялись в Париже созданию федерации парижских секций; они полностью устранились от этого движения, которым руководили Варлен, Авриаль, Робей, Малон и другие,—словом, группа коллективистов или, лучше сказать, коммунистов. В последние дни империи прудонисты рассматривались как группа, стоящая вне Интернационала»[153].

Вопреки прудонистам парижская федерация была все же создана. Это произошло 18 апреля 1870 г. на общем собрании членов парижских секций, состоявшемся под председательством Варлена. Здесь же был утвержден устав федерации, один из пунктов которого обязывал ее руководящий орган — Федеральный совет — ежемесячно представлять Генеральному совету отчет о деятельности парижской федерации. Поль Лафарг, участник этого объединенного собрания, на котором, по его свидетельству, присутствовало 1200—1300 членов Интернационала и делегатов от различных групп, с восхищением и гордостью писал Марксу под непосредственным впечатлением от этого знаменательного события: «Что было прекрасно на этом собрании — так это потребность в централизации, которую испытывали все члены, ясное и точное понимание рабочим классом своей индивидуальности как класса, своего антагонизма к буржуазии. Как счастливы были бы Вы, рыцарь классовой борьбы, присутствовать при проявлении этих чувств»[154].

К середине апреля во Франции были организационно оформлены четыре областных федерации Интернационала — парижская, лионская[155], марсельская, руанская. Очередная задача заключалась в том, чтобы полностью завершить объединение французских секций, насчитывавших около 250 тысяч членов, созданием общенациональной федерации Интернационала. Варлен и ранее высказывался за необходимость ускорить создание такой организации. «Как у вас обстоят дела в Лионе? — писал он Ришару 20 ноября 1869 г.'— Думаете ли вы об объединении в федерацию? Это крайне необходимо. Мы могли бы сейчас основать национальную федерацию, объединив парижскую, руанскую, лионскую и марсельскую федерации. Думается, что и в Марселе можно основать местную федерацию. Таким образом мы приобрели бы значительную силу, что обеспечило бы нам большую роль и влияние в подготовляющихся событиях. Что особенно важно — мы могли бы приступить к изучению способов организации труда после революции, ибо мы должны быть готовы к этому дню, если не хотим, чтобы нас еще раз околпачили»[156]. Точку зрения Варлена разделяли и другие руководящие деятели французского социалистического движения.

18 апреля Лаура Лафарг писала Марксу об успехах Интернационала во Франции и, в частности, в Париже: «Интернационал делает здесь чудеса. Рабочие явно питают к Товариществу неограниченное доверие; секции образуются ежедневно. Инициатива каждого нового движения среди рабочих, каждой новой стачки приписывается в той или иной мере Интернационалу и, в свою очередь, каждая стачка, как это видно, помогает Интернационалу, привлекая в его ряды все большее число обществ и отдельных лиц. К званию члена Интернационала начинают здесь относиться с большим уважением»[157]. О том же писал 20 апреля Марксу Поль Лафарг: «В настоящее время рабочий класс, благодаря Интернационалу, который со времени последних выборов добился громадных успехов, как и благодаря Федеральной палате рабочих обществ, сознает свою силу и хочет действовать во что бы то ни стало»[158].

[153] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8222, оп. 5. П. Лафарг— Марксу, 9 ноября 1871 г.

[154] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8209, оп. 5. П. Лафарт — Марксу. Париж, 20 апреля 1870 г.

[156] Лионская федерация была создана 13 марта 1870 г. на общем собрании местных членов Интернационала, состоявшемся под председательством Варлена. На собрании, по некоторым сведениям, присутствовало около 4 тыс. человек, в том числе члены других французских организаций Интернационала. См., напр., Fr. Dutacq. Les greves lyonnaises de la fin du Second emoire. «Le Revolution de 1848», 1931, t. 139, p. 229.

[156] Э. Варлен — А. Ришару. Париж, 20 ноября 1869 г. «La Revue socialiste», 1896, t. 23, p. 658; «International review for social history», vol. II, p. 182.

[157] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8190, оп. 5. Лаура Лафарг —Марксу. Париж, 18 апреля 1870 г.

[158] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8209, оп. 5. П. Лафарг— Марксу. Париж, 20 апреля 1870 г.

Но именно вследствие нараставшего подъема революционного движения и крупных успехов Интернационала во Франции буржуазные республиканцы — и не только их правые элементы, образовавшие в этот период во главе с Пикаром так называемую «открытую левую» группировку, фактически объединившуюся с орлеанистами, но и их радикальные элементы, в том числе Гамбетта,— решительно отмежевывались от сторонников революционных методов борьбы против империи. Выступая 19 апреля перед студенческой молодежью Парижа, Гамбетта заявил: «Необходимо торжественно провозгласить, что мы презираем насилие, совершаемое узурпаторами»[159]. Излагая в мае в Бельвилле перед своими прошлогодними избирателями политическую программу возглавляемых им «непримиримых» противников империи, он объявил себя и непримиримым врагом сторонников революции. «Непримиримый,— подчеркнул он,— это тот, кто не прибегает ни к насилию, ни к мятежу, ни к заговорам. Принцип, на который он опирается, принадлежит к числу тех, которые не ждут своего торжества от применения силы... Непримиримые обязаны, следовательно, отвергать всех тех, кто хотел бы прибегнуть к иным средствам, кроме убеждения. Если где-либо существуют подобного рода злодеи, то кто бы они ни были, их надо предавать правосудию; они не имеют ничего общего с политикой»[160]. Неудивительо, что заявление Гамбетты было встречено негодующими протестами части присутствовавших на собрании рабочих Парижа. В других своих выступлениях Гамбетта также резко обрушивался на сторонников революционного свержения империи[161]. Можно согласиться с либеральным публицистом того времени Гектором Песаром, который утверждал, что «непримиримый» Гамбетта, заявивший с трибуны Законодательного корпуса о несовместимости бонапартистского режима с принципом всеобщего избирательного права, был в действительности не страшен Второй империи, ибо его платоническая декларация в высокопарных и вместе с тем умеренных выражениях не содержала в себе никакой угрозы существованию кабинета Оливье[162].

5

Парижская федерация Интернационала организационно оформилась в разгар кампании, предшествовавшей плебисциту. Назначение плебисцита заключалось в том, чтобы упрочить пошатнувшееся положение империи и династии Бонапартов путем всеобщего признания либеральной конституции, опубликованной правительством Наполеона III 20 апреля 1870 г. Новая конституция, состоявшая из 46 статей, являлась компромиссом между авторитарным и парламентским режимом. Сенат и Законодательный корпус частично делили отныне с императором законодательную власть; они получили право постатейного голосования бюджета; кабинет министров в целом объявлялся ответственным перед палатами и т. д. Однако за Наполеоном III сохранялись такие важные прерогативы, как объявление войны, назначение членов Сената, право помилования, право отстранения назначенных палатами министров в тех случаях, когда его мнение расходилось с мнением палат, право обращаться к народу посредством плебисцита и т. д. Декретом от 23 апреля 1870 г. французский народ созывался в свои комиции, чтобы ответить на вопрос: «Одобряет ли он либеральные реформы, вводившиеся императором с 1860 г. в конституцию, при содействии высших государственных органов, и ратифицирует ли он сенатус-консульт от 20 апреля 1870 г.?»

Вопрос был поставлен таким образом, что утвердительный ответ фактически означал не только признание либеральных преобразований, но и приверженность к бонапартистской империи. В прокламации от 23 апреля, с которой Наполеон III обратился к народу, было сказано: «Дайте мне новое доказательство вашей привязанности. Ответив утвердительно на поставленный вам вопрос, вы отвратите угрозу революции, поставите на прочный фундамент порядок и свободу и облегчите переход короны к моему сыну». Плебисцит должен был состояться 8 мая.

Первым крупным политическим актом парижской федерации Интернационала явилась широкая пропагандистская кампания, имевшая целью разъяснить рабочим массам политический смысл плебисцита, открыто и ясно сказать им, что участвовать в плебисците — значит «голосовать за деспотизм внутри Франции и за внешнюю войну»[163].

Буржуазные республиканцы — либералы и радикалы — поспешили отмежеваться от социалистов, членов Интернационала, так как опасались, что совместным с ними выступлением придадут революционный характер оппозиционной кампании

[159] L. Gambetta. Discours et plaidoyers politiques, t. I, p. 247.
[160] L. Gambetta. 1869—1879. Discours de Belleville. Paris, 1879, p. 45.
[161] См., напр., статью Гамбетты от 24 августа 1870 г. в лионской буржуазно-радикальной газете «Le Progres», перепечатанную в швейцарском официозе «Journal de Geneve» от 4 сентября 1870 г.
[162] H. Pessard. Mes petits papiers. 1860—1870. Paris, 1887, p. 310.

[163] £ Маркс. Отчет Генерального совета Пятому ежегодному конгрессу Международного товарищества рабочих, заседавшему в Гааге от 2 до 7 сентября Г872 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 483.

против плебисцита[164]. Они, а также неоякобинцы, отвергли предложение социалистов о совместном издании антиплебисцитарного манифеста. В отличие от социалистов, считавших необходимым не принимать участия в голосовании, либо голосовать пустыми бюллетенями, буржуазные республиканцы предприняли широкую кампанию за отрицательное голосование.

Вопрос о тактике рабочего класса во время плебисцита обсуждался 19 апреля на первом организационном собрании парижской федерации Интернационала. «После принятия устава,— сообщал Марксу на следующий день Поль Лафарг,— говорили о плебисците и о том, как должен держать себя во время него рабочий класс. Все выступавшие ораторы высказывались за воздержание и считали, что обстановка благоприятствует выпуску манифеста»[165]. Созданная для составления такого манифеста комиссия, в состав которой вошел и Лафарг, в тот же вечер выработала его основные положения.

Манифест от имени парижской федерации Интернационала и Федеральной палаты профессиональных рабочих обществ Парижа был опубликован 24 апреля в «Марсельезе». В нем выражался протест против нарушения бонапартистским правительством суверенных прав народа фальсификацией принципа всеобщего избирательного права. Авторы манифеста отрицали право исполнительной власти предлагать народу вопросы, обсуждение которых запрещено законом. Обращаясь к трудящимся города и деревни, к мелким предпринимателям и торговцам, «ко всем тем, кто искренне стремится к установлению равенства», они подчеркивали, что не дело народа отдавать предпочтение конституции 1870 г. перед конституцией 1852 г., парламентской империи перед авторитарной, что, стало быть, недостаточно ответить на плебисцит, навязываемый стране, отрицательным голосованием. «Необходимо,— гласил манифест,— чтобы из избирательной урны вышло категорическое осуждение монархического режима, полное, радикальное утверждение единственной формы государственного устройства, способной удовлетворить наши законные стремления,— демократической и социальной республики». Поэтому лучшим ответом на плебисцит должно явиться воздержание от голосования[166].

В манифесте перечислялись основные социально-политические требования, осуществления которых должен добиваться народ и удовлетворить которые неспособна никакая монархическая конституция. Эти требования таковы: превращение рудников, каналов, железных дорог, банков и т. д. из средств эксплуатации, какими они являются в руках «капиталистических феодалов», в общественные предприятия, функционирующие в интересах всех граждан; полная реорганизация налогового обложения, которое в настоящее время является прогрессивным только для неимущих; обобществление земельной собственности духовенства; пресечение злоупотреблений крупных и мелких чиновников; обязательное, бесплатное, всеобщее обучение; упразднение «налога крови», выражающегося в воинских призывах в постоянную армию.

Манифест содержал специальное обращение к труженикам деревни, в котором подчеркивалась общность интересов рабочих и крестьян. «Подобно вашим городским братьям,— говорилось в нем,— вы несете на себе бремя существующей социальной системы, вы неустанно производите и вы лишены необходимого, в то время как ростовщик и землевладелец жиреют за ваш счет. А империя, не довольствуясь тем, что угнетает вас налогами, отнимает у вас еще ваших сыновей, чтобы превратить их в солдат ради интересов папы и чтобы усеять их трупами земли Сирии, Кохинхины и Мексики»[167].

Руанская федерация Интернационала опубликовала обращение к населению, призывавшее либо воздерживаться от голосования, либо голосовать пустыми бюллетенями[168]. В Лионе на 8 мая — день голосования — было назначено общее собрание членов рабочих корпораций с платой за вход в размере 25 сантимов. Сбор предназначался для помощи семьям рабочих Крезо, осужденных за участие в мартовской стачке. Собрание, по замыслу его организаторов, должно было положить начало официальному существованию лионской федерации Интернационала и одновременно — • как гласило воззвание, опубликованное по этому поводу лионскими социалистами,— • выразить «торжественный и мирный протест лионских рабочих против комедии плебисцита, к участию в котором имеют смелость призывать их, словно речь идет о деле, которое их интересует»[169]. В Марселе, по инициативе «республиканско-социалистического антиплебисцитарного комитета» департамента Устья Роны, было выпущено обращение к армии, в котором солдаты призывались «отказать в поддержке» суще-

[164] См. письмо Мюра к Тейсу. Париж, 18 апреля 1870 г. в кн. O. Testut. L'Internationale et le jacobinisme au ban de l'Europe, p. 71—72.

[165] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8209, оп. 5. П. Лафарг—Марксу. Париж, 20 апреля 1870 г.

[166] «La Marseillaise», 24 avril 1870.

[167] «La Marseillaise», 24 avril 1870.

[168] Воззвание было опубликовано в органе руанской федерации «La Reforme sociale» от 1 мая 1870 г.

[169] «Progres de Lyon», 24 avril 1870. Цит. по кн. O. Testut. Op. cit., t. I, p. 283—284.

ствующему режиму и найти в себе «достаточно патриотизма», чтобы «выразить протест против империи»[170].

Опыт революционной борьбы против империи, как это видно, в частности, из апрельского манифеста парижской федерации Интернационала, подсказывал социалистам необходимость установления прочных связей с трудящимися массами крестьянства. Первые практические шаги в этом направлении были предприняты ими лишь в самом конце 60-х годов. То же следует сказать и о пропаганде в армии. О ней мы можем отчасти судить по печатавшимся в «Марсельезе» со времени ее выхода, с декабря 1869 г., статьям Флуранса о тяжелых условях существования французских солдат. Эти статьи указывают на то, что парижские социалисты старались установить связи с рядовым составом французской армии. Их попытки, повидимому, имели известный успех. Как сообщал в мае 1870 г. русский дипломатический официоз «Nord», Наполеона III крайне тревожило «влияние «Марсельезы» на войска»[171].

Социалистическая пропаганда в сельских местностях не носила, однако, организованного характера. Ее вели лишь отдельные социалисты. Многие из них все еще относились к крестьянам с предубеждением, недооценивали важность привлечения трудовых слоев крестьянства на сторону рабочего класса.

Социалист Бастелика, один из тогдашних руководителей марсельской организации Интернационала, побывал в первые месяцы 1870 г., в качестве пропагандиста, в сельских местностях, расположенных в окрестностях Тулона. В конце апреля он обратился с письмом в редакцию «Марсельезы», в котором заявлял, что по его твердому убеждению, социалисты, при правильной постановке пропаганды, привлекут на свою сторону крестьянские массы. «Крестьяне,— писал Бастелика,— безусловно останутся врагами социализма, пока мы будем позволять, чтобы консерваторы и землевладельцы разъясняли им его сущность, твердя им о дележе и о красном призраке». «Несправедливо,— продолжал он,— возмущаться этими честными тружениками сельского хозяйства; не лучше ли повести среди них разъяснительную и организационную работу?».. Бастелика сообщал, что ему и другому пропагандисту марсельской федерации, имени которого он не называл, удалось в короткий срок созвать ряд публичных собраний и организовать среди рабочих и крестьян окрестностей Тулона общества взаимопомощи и секции Интернационала. Автор заканчивал письмо общим выводом, что «крестьяне с энтузиазмом приобщаются к социальному движению» и что «они подготовлены к восприятию» социалистической пропаганды. «Задача заключается в том, чтобы не медлить дольше с организацией такой пропаганды»[172]. К такому же поспешному выводу насчет «подготовленности крестьян» пришел одновременно и Малон. В апреле он писал из окрестностей Крезо, куда ездил с пропагандистской целью, парижскому социалисту, члену Интернационала Комбо: «Заверяю тебя, что вопреки вашим предубеждениям против крестьян, эта провинция центра относительно подготовлена к социальной революции»[173]. Итоги майского плебисцита 1870 г. показали, однако, как велика была в действительности политическая отсталость значительных масс французского крестьянства.

Правительство Второй империи решило отказаться от официального участия в подготовке и проведении плебисцита, о чем торжественно заявил в Законодательном корпусе Оливье. Оно компенсировало себя неофициальной, агитацией в сельских местностях и всевозможными махинациями. Тогдашний поверенный в делах России Окунев сообщал из Парижа министру иностранных дел Горчакову: «Министерство прилагает усилия, чтобы заменить действия властей частной инициативой. Оно вступило в связь с правым центром Законодательного корпуса и спровоцировало создание... плебисцитарного комитета из депутатов правого центра, сенаторов и журналистов с целью организации пропаганды в Париже и в остальной Франции... Комитет находится в непосредственных отношениях с министерством и получает от него указания»[174].

О дальнейшей деятельности плебисцитарного комитета мы узнаем из более позднего донесения Окунева на имя Александра II. «Комитет,— сообщал Окунев 18 мая,— развил большую активность, обеспечил крупные суммы на печатание циркуляров, раздачу избирательных бюллетеней, на разъезды его агентов. Он создал по всей Франции подкомитеты, добился помощи правых депутатов и депутатов правого центра в деле установления непрерывной пропаганды. Специальным агентам было поручено разъяснение населению городов и сельских местностей важного значения акта, который им предстоит выполнить, и побудить к голосованию главным образом крестьян, невежественных и крайне безразличных. Осуществляя таким образом цели правительства и облегчая ему прямое

[170] Полный текст обращения приводится в кн. O. Testut. Op. cit., t. I, p. 78—79.

[171] АВПР. Пресса, 1870 г., д. 101, л. 207.

[172] Цит. по газ. «L'Internationale», I mai 1870

[173] «Troisieme proces de l'Association Internationale des travailleurs a Paris», p. 82.

[174] АВПР. Канц., д. 116, л. 255, 256. Окунев — Горчакову, 16 (28) апреля 1870 г.

воздействие на нацию, плебисцитарный комитет прикрывал министерство и давал ему возможность внешне соблюдать полную незаинтересованность»[175].

Были приняты действенные меры к тому, чтобы воспрепятствовать не только социалистической, но даже радикально-буржуазной пропаганде в сельских округах. На это указывает, в частности, секретное послание министра внутренних дел Шевандье-де-Вальдрома от 5 мая на имя главы правительства. «Мне представляется,— писал министр,— что при известном желании можно было бы найти повод к возбуждению преследования против радикальных органов печати. Я остаюсь при своем мнении, что *крайне важно* помешать им в эти ближайшие дни *отравлять сознание* сельского населения»[176]. Министру внутренних дел не пришлось долго убеждать Эмиля Оливье.

Но главный удар был направлен правительством против социалистов и прежде всего против французских секций Интернационала. Они были обезглавлены как раз в дни, предшествовавшие плебисциту. Все испытанные средства бонапартистского террора и провокации были пущены в ход Эмилем Оливье, чтобы отстоять существование империи. 30 апреля за его подписью был разослан всем генеральным прокурорам циркуляр следующего содержания: «Этой ночью мной отдан приказ об аресте всех лиц, принадлежащих к Интернационалу. Бели это общество имеет у вас ответвление, арестуйте его членов. Возбуждайте без колебаний дело о преследовании против органов печати, в которых будут обнаружены призывы к гражданской войне или оскорбительные выпады против императора. Мы не можем пассивно наблюдать, как в стране разливается революционный поток. Уважайте свободу, но имейте в виду, что призывы к убийству и к гражданской войне противоречат свободе»[177]. В тот же день был направлен в провинцию новый циркуляр, в котором генеральным прокурорам предлагалось возбуждать преследования против лиц, «занимавшихся на публичных собраниях подстрекательством к убийству императора»[178].

По всей стране начались аресты социалистов по обвинению в принадлежности к Интернационалу либо в соучастии в «заговоре» против Наполеона III, изобретенном парижской полицейской префектурой по заданию правительства. Широкие масштабы преследований, два одновременно подготовлявшихся крупных процесса — третий процесс Интернационала и «процесс в Блуа» над мнимыми участниками покушения' на жизнь императора — имели целью полностью дезорганизовать рабочее и социалистическое движение, принявшее небывалый размах. Начиная с 1 мая на имя Оливье, в ответ на его предписания генеральным прокурорам, посыпались запросы о том, какое из двух обвинений надлежит в каждом отдельном случае предъявлять социалистам. Такой запрос был, в частности, направлен генеральным прокурором Руана относительно члена Интернационала Эмиля Обри. «В Руане,— писал он,— находится один из главных членов Интернационала во Франции. Следует ли его арестовать по обвинению в принадлежности к тайному обществу или за соучастие в заговоре?»[179].

Не довольствуясь циркуляром от 30 апреля, Оливье и в следующие дни посылал генеральным прокурорам предписания ускорить «вылавливание» членов Интернационала, имеющего, как он сообщал, свои организации «во всех крупных городах». «Выловлен ли Интернационал в Марселе? Он там. безусловно существует,— телеграфировал, например, Оливье 1 мая.— Не проявляйте колебаний, покажите пример, ударьте главным образом по руководящей головке»[180]. Подобные же предписания были направлены в Лион, Тулузу, Безансон, Монпелье, Драгиньян и в другие провинциальные города Франции. Полицейские сыскные органы развили большую активность. Аресты руководящих членов секций и федераций Интернационала в Париже и в провинции умножались с каждым днем.

Генеральный совет Интернационала в составленном Марксом протесте от 3 мая 1870 г. против преследований членов французских секций разоблачал инсинуации французского правительства в отношении Международного товарищества рабочих и заявлял, что «данный заговор займет достойное место в ряду двух предшествовавших ему заговоров, о которых никто не вспоминает без смеха». «Преследования, которым подвергаются наши французские секции,— гласило далее заявление Генерального совета,— очевидно, представляют собой не что иное, как маневры, связанные с политикой плебисцита»[181].

[175] АВПР. Канц., д. 116, л. 311—312. Донесение Окунева на имя Александра II, 6 (18) мая 1870 г.

[176] «Papiers secrets et correspondence de la famille imperiale», t. I,. p. 325. Confidentielle. Paris, 5 mai 1870.

[177] Ibid., p. 315. Justice a tous les procureurs generaux. 30 avril 1870, 9 h. 20 m. matin.

[178] Ibid., p. 316. Justice a tous les procureurs generaux. 30 avril 1870, 5 h. 30 m. soir.

[179] «Papiers secrets et correspondance de la famille imperiale», t. I, p. 317. Le Procureur General a M. le Garde des Sceaux a Paris. Rouen, 1 mai 1870, 9 h. 15 m. matin.

[180] Ibid., p. 319. Justice a Procureur General.— Aix, 1 mai 1870, 10 h. 10 m. matin.

[181] К. Маркс. О преследованиях членов французских секций Международного товарищества рабочих. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 378—379.

Результаты майского плебисцита превзошли первоначальные ожидания самого бонапартистского правительства. В апреле министр иностранных дел Франции граф Дарю, касаясь в беседе с Окуневым предстоявшего плебисцита, заявил, что правительство Второй империи «рассчитывает на 5—6 млн. голосов» [182]. Это значит, что в действительности бонапартисты ожидали для себя гораздо худших результатов. В донесении Горчакову от 10 апреля Окунев писал: «Если общественное мнение мало благоприятно плебисциту, то он внушает страх и искренним друзьям императора с точки зрения сохранения его престижа. Оптимисты рассчитывают приблизительно на 5 млн. голосов, т. е. на такое число голосов, какое получили официальные кандидатуры во время последних выборов. Пессимисты не рассчитывают на такое количество» [183].

7 358 786 голосов, полученных 8 мая 1870 г. Наполеоном III, принадлежали в подавляющем большинстве крестьянам, на которых было оказано грубое давление. Немалое влияние оказала на результаты голосования также фабрикация очередного дела о покушении на жизнь императора и организация повсеместного преследования социалистов,— членов Интернационала. «Открытие заговора,— писал Окунев в Петербург,— оказалось подлинной удачей... Кабинет, на помощь которому пришли эти обстоятельства, понял, какую пользу он может из всего этого извлечь. Спешно было произведено упрощенное следствие, и элементы, оказавшиеся налицо,., были представлены публике в докладе генерального прокурора на имя Оливье. Этот документ и все прочие приложенные к нему публикации произвели живейшее впечатление» [184].

8 городах враждебные империи слои буржуазии, напуганные ростом революционного движения в стране, предпочли отдать свои голоса Луи Бонапарту, чтобы не «содействовать революции» отрицательным голосованием или неучастием в нем. «Депутаты левого центра..., высказывавшиеся против плебисцита,— узнаем мы из депеши Окунева,— почти все присоединились и вместе с собой привели чисто парламентскую партию. Значительная часть орлеанистов и многие легитимисты, крупные земельные собственники, поступили точно так же, увлекая за собой своих клиентов. Полагаю, что не ошибусь, если скажу, что доклад Гранперре[185] принес П/г миллиона голосов» [186].

Вместе с тем следует признать, что одной из немаловажных причин избирательного успеха бонапартистов в мае 1870 г. была слабость социалистической пропаганды среди французского крестьянства. Значение плебисцита заключалось, в частности, в том, что он со всей остротой поставил вопрос о крестьянстве не только перед французскими социалистами, но и перед социалистами других стран. На страницах социалистической печати уже непосредственно после плебисцита, в мае 1870 г., было уделено большое внимание значению революционной пропаганды среди крестьянства для успеха социалистической революции.

Орган романской федерации Интернационала «L'Egalite», освободившийся от временного влияния бакунистов и проводивший с весны 1870 г. линию Генерального совета, подверг в номере от 23 мая резкой критике позицию бельгийской социалистической газеты «La Liberte» в крестьянском вопросе. На основании результатов плебисцита во Франции бельгийская газета приходила к выводу, что рабочему классу при осуществлении «социальной революции во имя коллективной собственности» следует рассчитывать только на свои собственные силы и предоставить крестьянству «прозябать в условиях частной собственности». В противовес этому «L'Egalite» правильно указывала на настоятельную необходимость для рабочего класса не отмежевываться от крестьянства, а, напротив, усилить социалистическую пропаганду в деревне. «Разве мы, городские рабочие и ремесленники, выполнили свой долг по отношению к крестьянам? Разве мы подумали о том, чтобы одновременно с объединением и организацией сил в городах понести нашу пропаганду в деревню?» •— спрашивала газета. Благоприятные для империи результаты плебисцита явились, по ее мнению, естественным следствием недооценки социалистами важности союза с крестьянством: «Мы... испытали на себе последствия нашей собственной беспечности, нашего забвения». В статье указывалось, что интересы рабочего класса совпадают с интересами всех трудящихся, что социалистическая организация общества представляет огромные преимущества для всех, кто страдает и обездолен при капитализме. Для ускорения социальной революции необходимо «понести в деревню знамя Интернационала». При этом надо разъяс-

[182] АВПР. Канд., д. 116, л. 223. Окунев — Горчакову. 30 марта (11 апреля) 1870 г.

[183] АВПР. Канд., д. 116, л. 219. Окунев — Горчакову. 29 марта (10 апреля) 1870 г.

[184] АВПР. Канд., д. 116, л. 314, 315. Донесение Окунева на имя Александра II от 6 (18) мая 1870 г.

[185] Генеральный прокурор Второй империи, выступавший с обвинительным заключением на процессе в Блуа.

[186] АВПР. Канд., д. 116, л. 316. Донесение Окунева на имя Александра II от 6 (18) мая 1870 г.

нять крестьянам, чего хочет Интернационал, а именно: чтобы каждый человек пользовался плодами своего труда; чтобы земля принадлежала тем, кто ее обрабатывает; заводы, рудники, железные дороги и т. д.— тем, кто вкладывает в них свой труд, а не тем, кто эксплуатирует только чужой труд. «Интернационал провозглашает,— читаем мы далее,— что ни земля, ни заводы не могут принадлежать отдельным лицам, а должны составлять коллективную собственность всех трудящихся, в противном случае собственники мелких клочков земли не смогут выдержать конкуренции крупных капиталистов, которые в конечном счете сосредоточат в своих руках всю земельную собственность» [187].

За усиление социалистической пропаганды в деревне высказывался в 1870 г. и Бланки. Он подчеркивал необходимость рассеять у крестьян ложное представление о коммунизме как о дележе — заблуждение, оказавшее столь пагубное влияние на судьбу республики 1848 г. «Надо,— писал он,—приучить крестьян слышать в этом слове не угрозу, а надежду» [188]. Необходимо, по мнению Бланки, разъяснить крестьянам, что мелкой и средней собственности не угрожает никакая опасность со стороны революционной власти, что «никто со своим участком не будет насильственно включен в ассоциацию; если он вступит в нее, то только добровольно, с полного своего согласия» [189].

Значение майского плебисцита 1870 г. заключалось далее в том, что он показал, как велико было число противников империи в городах. Даже по официальным данным бонапартистского правительства, они составляли почти 3,5 млн. (точнее, 3 472 620) человек: 1894 681 человек воздержался от голосования и 1 577 939 голосовали против. В целом по стране, согласно официальным данным, воздержавшихся (15,6%) и голосовавших против (14,8%) было 30,4% избирателей. В Париже из 405 тыс. участников плебициста только 138 тыс., т. е. около одной трети, ответили утвердительным голосованием, 184 тыс. человек дали отрицательный ответ и 83 тыс. человек воздержались от голосования.

Голосование формально представляло следующую картину: в департаментах Манш, Па-де-Кале, Сомма, Уаз, Арденны, Мез, Вандея, Шарант, Эндр, Ло, Верхние Пиренеи, а также в Корсике ответили утвердительным голосованием свыше 80% лиц, участвовавших в плебисците.

В департаментах Иль-и-Вилен, Сарт, Эндр-и-Лаура, Вьенна, Де-Севр, Алье, Пюи-де-Дом, Корез, Дордонь, Эн, Марна, Авейрон, Лозер, Тарн-и-Гаронна, Ланд, Нижние Пиренеи — от 75 до 80% голосовавших.

В департаментах Кот-дю-Нор, Морбиган, Кальвадос, Орн, Майенн, Нор, Мозель, Верхняя Марна, Об, Луаре, Эр-и-Луара, Луара-и-Шер, Ньевр, Нижняя Шаранта, Канталь, Жер, Тарн, Од, Арьеж — от 70 до 75% голосовавших.

В департаментах Финистер, Эр, Сена-и-Марна, Мерт, Верхний Рейн, Шер, Верхняя Вьенна, Верхние Альпы, Нижние Альпы, Ло-и-Гаронна — от 65 до 70% голосовавших.

В департаментах Нижняя Сена, Сена-и-Уаза, Нижний Рейн, Нижняя Луара, Ионн, Юра, Верхняя Савойя, Савойя, Приморские Альпы — от 60 до 65% избирателей.

В департаментах Жиронда, Крез, Вогезы, Верхняя Сона, Ду, Кот-д'Ор, Луара, Верхняя Луара — от 55 до 60%.

В департаментах Рона, Изер, Дром, Воклюз, Гар, Эро, Восточные Пиренеи — менее 55% избирателей.

В департаментах Сена, Устье Роны — большинство избирателей голосовало против империи [190].

Часть голосов, высказавшихся против империи, принадлежала рядовому составу французской армии. В одном только парижском гарнизоне, по данным, исходившим из бонапартистских источников, отрицательным голосованием ответили на плебисцит 46 тыс. солдат [191], причем Наполеон III, как сообщал из Парижа русский дипломатический официоз «Nord», прямо приписывал это «пропаганде демагогических идей в войсках, пребывающих в Париже, через посредство революционных газет, а также путем посещения казарм людьми из народа» [192]. Важно отметить что «часть армии,— по данным французской антиправительственной печати, — не только п лосовала против империи, но и высказалась за республику» [193].

Парижский корреспондент газеты «Nord» сообщал в Петербург 9 мая, на второй день после плебисцита: «Император очень взволнован оппозиционным голосованием в армии. При подсчете голосов в казарме принца Евгения оказалось 1100 отрицательных голосований. В казарме Наполеона, в казармах Ратуши, Аве Мария, предместья Пуасоньер результаты голосования также мало удовлетворительны. В некоторых казармах солдаты и унтер-офицеры устремлялись к бюро, чтобы наблюдать за ходом голосования».

В Тюильри — как мы узнаем из того же источника — состоялось собрание командиров. Двое из них открыто заявили, что в случае мятежа они не отвечают за свои войска. «Император хотел было сократить срок службы в Париже с 3 до 2 лет. Но потом отказался от этого намерения из тех сообра-

«L'Egalite», 28 mai 1870. Статья напечатана без подписи.
A. Blanqui. La critique sociale, t. I, p. 210.
Ibid., p. 210, 211.

[190] См. картограмму № 1 в кн. Q o и a и 11. Comment la France est devenue republicaine. Les elections generates et partielles a L'Assemblee Nationale. 1870—1875. Paris, 1954, p. 27.

[191] АВПР. Канц., д. 116, л. 318. Донесение Окунева на имя Александра II от 6(18) мая 1870 г.

[192] АВПР. Пресса, 1870, д. 101, л. 211.

[193] Там же, л. 207.

жений, что это будет истолковано солдатами и особенно офицерами как признак недоверия к ним и вызовет среди них недовольство»[194].

11 мая Энгельс писал Марксу: «Результаты голосования крупных городов Франции очень хороши. Голосование в остальных местах фальсифицировано и не имеет значения»[195]. Несколькими днями позднее Энгельс с большой похвалой отозвался о поведении французских рабочих, имея, несомненно, в виду позицию, занятую ими во время плебисцита. «Поведение французских рабочих великолепно,—писал он 19 мая Марксу.— Эти люди теперь опять стали активными, а это их стихия, в этой области они мастера»[196].

Русский журнал «Дело», оценивая итоги майского плебисцита во Франции, писал: «Результаты вовсе не были так благоприятны для бонапартистов и неблагоприятны для республиканцев. Получить в свою пользу 1 600 000 голосов при тех интригах, которые пустил в ход официальный мир; получить $^2/_3$ голосов в Париже и большинство в некоторых других больших городах — это почти полная победа. Если прибавить к этому, что нет ни одного округа, где бы не обнаруживались оппозиционные элементы, что почти треть армии вотировала «нет», то победа Второй империи далеко не может быть названа победой, она только не поражение»[197].

Преследования социалистов, особенно усилившиеся в период подготовки и проведения плебисцита, не приостановили деятельности Интернационала во Франции. Маркс с величайшим одобрением писал по этому поводу Энгельсу: «Наши французские члены наглядно демонстрируют французскому правительству различие между политическим тайным обществом и действительным рабочим объединением. Едва успело оно запрятать в тюрьму всех членов парижского, лионского, руанского, марсельского и др. комитетов (частью они бежали в Швейцарию и в Бельгию), как *вдвое более многочисленные комитеты* объявляют о себе в газетах, как о преемниках их, в самых резких и вызывающих заявлениях (к тому же предусмотрительно сообщая при этом *свои личные адреса).* Французское правительство сделало, наконец, то, чего мы так долго желали,— превратило политический вопрос: империя или республика — в вопрос de vie ou de mort[198] для рабочего класса»[199]

[194] АВПР. Пресса, 1870. д. 101, л. 211.
[195] Энгельс — Марксу. 11 мая 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 338—339.
[196] Энгельс — Марксу. 19 мая 1870 г. Там же, стр. 346.
[197] «Дело», 1870, № 5, сгр. 103—104.
[198] Жизни или смерти.
[199] Маркс — Энгельсу. 18 мая 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 345.

Усиление бонапартистской реакции не ослабило также стачечного движения во Франции. Напротив, в мае-июле 1870 г. стачечная волна еще шире разлилась по стране. Ткачи Больбека (деп. Нижняя Сена), сыромятники Анноней (деп. Арденны), рабочие канатного производства Живора (деп. Рона), рабочие-шляпники Альби (деп. Тарн), сапожники Булонь-сюр-Мер (деп. Па-де-Кале), металлурги Рив-де-Жье (деп. Луара), красильщики и чесальщики шерсти в Бедарье (деп. Эро), рабочие всех местных профессий Вуарона (деп. Изер), прачечных заведений Пфаштадта (деп. Верхний Рейн), бархатного производства Ложельбаха (деп. Верхний Рейн), столяры Экса (деп. Устья Роны), железнодорожные рабочие Ренна (деп. Иль-и-Вилен), каменщики По (деп. Нижние Пиренеи), рабочие бархатного производства Нима (деп. Гар), плотники и каменщики Шалон-сюр-Сон (деп. Сона-и-Луара), столяры Отэна (деп. Сона-и-Луара), плотники Буржа (деп. Шер), плотники Дижона (деп. Кот-д'Ор), металлурги Вьенны (деп. Изер), рабочие-крепильщики Сент-Этьенн-'ского каменноугольного бассейна, мраморщики, краснодеревщики, кузнецы, слесари, литейщики, токари, монтажники, котельщики Сент-Этьенна, мраморщики, кузнецы, столяры, плотники, литейщики Руана, булочники, столяры, литейщики Бордо, обойщики, маляры, столяры мраморщики, булочники Марселя, каретники, каменщики, столяры Нанта, каменщики, сапожники, литейщики Лиона, рабочие мебельного производства Парижа, рабочие почти всех корпораций Мюлуза, рабочие Гебвиллера, Танна, Вессерлинга, Бичвиллера, Сент-Амарена, Сульца, и множества других местностей в департаменте Верхний Рейн, рабочие сигарочного производства Тулузы — таковы были участники стачек, происходивших во Франции в период плебисцита и непосредственно после него[200].

В Мюлузе и его окрестностях в стачечном движении участвовало в это время около 40 тыс. рабочих[201]. По сведениям, сообщавшимся газетой «Courrier du Bas-Rhin» от 11 июля 1870 г., здесь бастовали рабочие хлопчатобумажной, металлургической и других отраслей промышленности. Бастующие требовали сокращения рабочего дня до 10 часов и повышения заработной платы. По данным той же газеты, они направили делегацию в су-префектуру с требованием неограниченной свободы собраний[202].

[200] См. J. Barberet. Les greves et la loi sur les coalitions. Paris 1873, p. 57.
[201] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. П/30. Minutes oi the General Council of the I International, 1870. Council Meeting, july 19.
[202] СМ. «La Gazette des tribunaux» от 14 июля 1870 г., в которой были напечатаны материалы «Courrier du Bas-Rhin» от 11 июля, а также телеграфное сообщение из Мюлуза от 13 июля.

Из Мюлуза стачечное движение перебросилось в Пфаштадт, Танн, Гебвиллер, Бичвиллер, Ватвиллер и их окрестности. 11 июля в Мюлуз были затребованы из Бельфора и Энинга войска. Благодаря упорству и стойкости большинства бастовавших, им удалось вырвать у предпринимателей уступку: 11-часовой рабочий день при сохранении прежнего тарифа заработной платы.

* * *

22 июня в Париже начался третий процесс Интернационала. Процесс наглядно показал, насколько выросла и окрепла французская организация Интернационала, несмотря на непрерывные правительственные преследования, за два года, прошедших со времени предыдущего процесса. Это, прежде всего, подтверждал обширный документальный материал о деятельнсоти Интернационала во Франции в 1868—1870 гг., который лег в основу обвинительного заключения по делу 38 привлеченных к суду обвиняемых. Материал этот был конфискован парижской полицией во время произведенных ею обысков у руководящих членов Интернационала. Характеристика, данная Международному товариществу рабочих в приговоре по третьему процессу, свидетельствовала о том, что правительство Второй империи видело в этой революционной пролетарской организации огромную опасность для бонапартистского режима. «Основанное исключительно в экономических целях для улучшения положения рабочего класса,— гласил один из пунктов приговора,— это общество вскоре уклонилось от своей цели, и ныне не подлежит сомнению, что оно... стало социальной опасностью и к тому же огромной, если принять во внимание число его членов, которое в одной только Франции, по признанию обвиняемых, достигает нескольких сот тысяч человек, а также тот пыл, с каким оно ринулось в область самых жгучих вопросов текущей политики, не отказываясь при этом и от своей первоначальной программы, но заявляя, что она может быть осуществлена только путем революции и установления демократической и социальной республики» [203].

Процесс взволновал широкие массы парижского пролетариата. «Это был один из самых захватывающих процессов»,— писала впоследствии Луиза Мишель[204]. По ее свидетельству, в зале суда присутствовало около трех тысяч человек, многие из которых открыто выражали свое сочувствие подсудимым[205]. Лучшие представители французских рабочих — члены Интернационала — убежденно и самоотверженно отстаивали на суде свои социалистические убеждения. Шален, 25-летний рабочий-токарь, произнесший защитительную речь от имени всех обвиняемых, превратил ее в обвинительный акт против капитализма и закончил следующими мужественными словами: «Каков бы ни был .ваш приговор, мы будем и впредь действовать в соответствии с нашими республиканскими и социалистическими убеждениями. Мы останемся верными и преданными Интернационалу. Вы убедитесь по результатам, которые последуют за вашим приговором, что идеи Интернационала и его мощь непобедимы... Интернационал непобедим потому, что его девизом является всемирная социальная республика» [206]. 30-летний рабочий-механик Авриаль заявил: «Я горжусь тем, что являюсь членом Интернационала, и жалею только о том, что так мало для него сделал... Все мы являемся социалистами, все мы революционеры» [207]. Рабочий-механик Асси, один из руководителей стачек в Крезо, закончил свою речь словами: «Я не являюсь сейчас членом Интернационала, но я намерен после суда вступить в него» [208]. Комбо, 32-летний рабочий-ювелир, заявил, обращаясь к суду: «Вы можете уничтожать людей, но вы бессильны уничтожить идею, ибо идея переживет все виды преследования»[209]. 27-летний рабочий Жоанар, член Генерального совета Интернационала, в своем выступлении сказал: «В обвинительном заключении я назван в числе руководителей Интернационала. Считаю это для себя великой честью, но заявляю, что я прежде всего просто член Интернационала, и если я недостаточно сделал для него, то мои друзья могут рассчитывать на меня; я сумею наверстать упущенное» [21о]. Лео Франкель, венгерский рабочий-ювелир, 26 лет, провозгласил, что «союз пролетариев всех стран — совершившийся факт, и никакая сила не сможет их разобщить» [2П].

Процесс вместе с тем показал, что даже передовые французские рабочие, члены Интернационала, не освободились полностью в 1870 г. от влияния мелкобуржуазных идей Пру-

[203] «Troisieme proces de l'Association Internationale des travailleurs a Paris», p. 230—231.
[204] L. Michel. La Commune. Paris, 1898, p. 23.
[205] L. Michel. Op. cit., p. 22.
[206] «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris», p. 106.
[207] Ibid., p. 139, 140.
[208] Ibid., p. 142.
[209] Ibid., p. 227.
[210] Ibid., p. 120.
[211] Ibid., p. 221.

дона, которые, как отмечал Энгельс, питали французское рабочее движение на протяжении двух с половиной десятилетий. Об этом свидетельствовали и общая защитительная речь Шалена и выступления других подсудимых. Наиболее близок к научному социализму был Лео Френкель, лично познакомившийся с Марксом во время своего пребывания в Лондоне в 1864—1867 гг. По словам одного из реакционных французских писателей, Франкель во время процесса «удивил суд своими познаниями в области политической экономии»[212]. На Bonpw о том, какие цели ставит перед собой' Интернационал, он дал ясный ответ. «Интернационал,— заявил Франкель,— имеет целью не увеличение заработной платы рабочих, а полное уничтожение системы наемного труда»[213].

8 июля был оглашен приговор по третьему процессу парижской организации Интернационала. Варлен, во избежание ареста эмигрировавший 21 апреля в Бельгию[214], а также Жоанар, Комбо, Мюра, Малон, Пенди и Элигон были приговорены к году тюремного заключения и денежному штрафу. Остальные подсудимые — к двум месяцам тюрьмы и штрафу. Парижская организация Интернационала была объявлена несуществующей.

Судебный процесс подготовлялся также над членами лионской федерации Интернационала. В Лионе были преданы суду 38 человек[215]. В результате многочисленных арестов в Париже и в провинции организация Интернационала во Франции лишилась наиболее испытанных своих руководителей и своих наиболее активных членов.

Однако правительственные преследования могли лишь временно ослабить революционное движение во Франции, возглавляемое Интернационалом. В условиях нарастания революционного кризиса в стране возрождение французских секций было неминуемо.

Задача, стоявшая перед французскими рабочими и социалистами, заключалась в том, чтобы не только возродить, но и поднять на большую высоту свою освободительную борьбу, преодолеть ее слабости, закрепить достижения. Только при условии дальнейшего организационного и идейного укрепления своих рядов французские рабочие могли рассчитывать на руководящую роль в грядущей революции, которая — согласно их представлению — должна была смести бонапартистскую империю и установить демократическую республику с социалистическими тенденциями. В середине 1870 г., ко времени третьего процесса Интернационала, французские рабочие, как мы видели, не были подготовлены к успешному осуществлению такой революции. Это так или иначе сознавали их руководители, старавшиеся предотвратить преждевременные выступления рабочего класса.

Событие, последовавшее за третьим процессом Интернационала, а именно объявление франко-прусской войны, нарушило ход революционной подготовки французского пролетариата. Но война вместе с тем ускорила крушение империи.

Французское правительство уже в дни третьего процесса Интернационала решило, в основном, вопрос о вступлении в войну с Пруссией. Поводом для войны послужил, как известно, конфликт, возникший между обоими государствами из-за кандидатуры прусского принца Леопольда Гогенцоллерна на вакантный королевский престол в Испании. 6 июля, через три дня после того, как в Париже стало известно о согласии принца Леопольда принять предложенный ему престол, министр иностранных дел Франции Грамон выступил в Законодательном корпусе с заявлением, прозвучавшим официальным вызовом Пруссии. «Мы не думаем,— заявил Грамон,-—что уважение к правам соседнего народа[216] обязывает нас терпеть, чтобы постооонняя держава, посадив одного из своих принцев на престол Карла V..., могла нарушить в ущерб нам существующее равновесие сил в Европе и поставить под угрозу интересы и честь Франции...». В случае, если бы такая «возможность» осуществилась,— продолжал Грамон, обращаясь к депутатам,— тогда «сильные вашей поддержкой и поддержкой нации, мы сумеем без колебания и слабости выполнить свой долг»[217]. Это была недвусмысленная угроза объявить войну, если Пруссия не откажется от своего замысла.

В тот же день, 6 июля, военный министр Франции Лебеф на заседании совета министров сделал официальное заявление о полной подготовленности Франции к войне, а Наполеон III огласил дипломатическую переписку 1869 г. между правительствами Франции, Австрии и Италии, создавшую ложное представление, будто Франция, вступая в войну, может рассчитывать на поддержку Австрии и Италии.

[212] P. Delion (Paul Bourde). Les membres de la Commune et du Comite Central. Lemerre, 1871. Цит. по «Cahiers internationaux», № 16, mai 1950, p 36.

[213] «Troisieme proces de l'Association internationale des travailleurs a Paris», 1870, p. 218.

[214] Ibid., p. 63. Э. Варлен — Э. Обри. Париж, 20 апреля 1870 г.

[215] «L'Interna'tionale», 28 aoflt 1870.

[216] Имеется в виду Испания.

[217] «Annales...» Corps Legislate. Seance du 6 juillet 1870, p. 448.

Нет нужды останавливаться на дальнейших дипломатических шагах французского правительства, на колебаниях и противоречивой позиции императора, на интригах военно-придворной клики и т. д.— все это подробно описано в исторической литературе. Эти шатания в конечном счете привели к тому, что в принципе было решено уже 6 июля,— к объявлению Францией войны Пруссии.

К войне стремилось также прусское правительство. Бисмарк уже со времени австро-прусской, войны 1866 г. был убежден в неизбежности вооруженного столкновения с Францией. «Я был твердо уверен,— писал он впоследствии, касаясь этого периода,— что на пути к нашему дальнейшему национальному развитию — как интенсивному, так и экстенсивному — по ту сторону Майна, неизбежно придется вести войну с Францией, и что *в* нашей внутренней и внешней политике мы ни при каких условиях не должны упускать из виду этой возможности»[218]. В мае 1867 г. Бисмарк откровенно заявил в кругу своих приближенных о предстоящей войне с Францией, которая будет начата тогда, «когда окрепнут наши новые армейские корпуса и когда у нас установятся более прочные взаимоотношения с различными немецкими государствами»[219].

Конфликт между Францией и Пруссией из-за кандидатуры принца Леопольда Гогенцоллерна был использован Бисмарком для того, чтобы спровоцировать дальнейшее обострение франко-прусских отношений и объявление войны Францией. Бисмарк прибег для этого к грубой фальсификации текста депеши, посланной ему 13 июля из Эмса прусским королем Вильгельмом для пересылки в Париж. Депеша содержала ответ прусского короля на требование французского правительства, чтобы он официально одобрил высказанное накануне отцом принца Леопольда решение отказаться от испанского престола для своего сына. Французское правительство требовало, кроме того, чтобы Вильгельм дал гарантию, что притязания подобного рода не повторятся в будущем. Вильгельм соглашался на первое требование и отказывался удовлетворить второе. Текст ответной депеши прусского короля был преднамеренно изменен Бисмарком таким образом, что депеша в результате этого приобрела оскорбительный для французского правительства смысл.

13 июля, в день получения в Берлине депеши из Эмса, Бисмарк в беседе с фельдмаршалом Мольтке и военным министром Пруссии фон Рооном откровенно выразил свое недовольство примирительным тоном депеши. «Драться мы должны...,— сказал он,— но успех во многом зависит от впечатлений, какие вызовет у нас и у других происхождение войны; важно, чтобы мы были теми, на кого напали, а галльское высокомерие и обидчивость помогут нам в этом»[220]. Фальсификацией первоначального текста так называемой Эмской депеши Бисмарк достиг намеченной им цели. Вызывающий тон по-бисмарковски измененного текста депеши сыграл на руку бонапартистской клике и привел к тому, что объявление войны было ускорено.

В победоносной внешней войне, которая должна была последовать непосредственно за разгромом рабочего, социалистического движения внутри страны, правительство Второй империи искало выхода из глубокого внутриполитического кризиса, принявшего, как мы видели, в конце 60-х годов угрожающий для бонапартистского режима характер. Мы располагаем откровенным признанием одного из советников Наполеона III Сильвестра де Сасси относительно мотивов, толкнувших правительство Второй империи в июле 1870 г. вступить в войну с Пруссией. «Я не сопротивлялся внешней войне,— писал много лет спустя Сильвестр де Сасси,— ибо она казалась мне последним ресурсом и единственным средством спасения для империи... Со всех сторон появились самые грозные признаки гражданской и социальной войны... Буржуазия помешалась на каком-то неутолимом революционном либерализме, а население рабочих городов — на социализме. Именно тогда император рискнул на решительную ставку — на войну против Пруссии»[221]. Война была официально объявлена Францией 19 июля 1870 г.

Политические расчеты бонапартистского правительства были, однако, ложными. «К счастью, war of classes[222] в обеих странах, во Франции и в Германии,— писал в июле 1870 г. Маркс,— достигла такого развития, что никакая abroad[223] война не может серьезно повернуть назад колесо истории»[224]. В первые же дни войны Маркс предсказал близкое крушение бонапартистской империи, независимо от исхода военных действий. «Чем бы ни кончилась война Луи Бонапарта с Пруссией,— гласило июльское Воззвание Генерального совета Ин-

[218] O. Bismarck. Gedanken und Erinnerungen. Stuttgart — Berlin 1928, S. 376. Имеется русский перевод.

[219] Bernhardt. Aus dem Leben, Bd. 7, S. 375. Цит. по. кн. P. Matter. Bismarck et son temps, t. II. Paris, 1906. p. 665.

[220] O. Bismarck Op. cit., S. 407.

[221] S. de Sacy. Lettres a ma fille, 1862—1878. «Revue des deux mondes», 1 novembre 1926, p. 143, 146.

[222] Классовая борьба.

[223] Внешняя.

[224] Маркс —Энгельсу. 28 июля 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 362.

тернационала о франко-прусской войне,— похоронный звон по Второй империи уже прозвучал в Париже»[225].

В том же Воззвании Маркс, называя войну оборонительной для германских государств, одновременно разоблачал провокационную роль Пруссии, «давшей возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии», и указал на реакционность и агрессивность ее господствующих классов. От имени Генерального совета Интернационала Маркс предупреждал немецкий рабочий класс, что, если он «допустит, чтобы данная война нотеряла свой чисто оборонительный характер и выродилась в войну против французского народа,—тогда и победа и поражение будут одинаково гибельны»[226].

[225] К. Маркс. Первое воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 447.
[226] Там же, стр. 448.

Глава IV

НАЧАЛО ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ. ПЕРВЫЕ ПОРАЖЕНИЯ ИМПЕРИИ

1

Вступая в войну, Наполеон III, объявивший себя главнокомандующим французской армии, намеревался начать кампанию стремительным вторжением французских войск на территорию Германии до завершения мобилизации в Пруссии и соединения войск Северо-германского союза с войсками южно-германских государств.

Осуществление такой операции — как указывал в июле 1870 г. Энгельс в одной из своих блестящих военных корреспонденции в «Pall Mall gazette» — облегчалось тем, что французская кадровая система допускала гораздо более быстрое сосредоточение войск, чем прусская система ландвера. Успешная переправа французской армии через Рейн нарушила бы весь дальнейший ход мобилизации в Пруссии и заставила бы прусское командование «с величайшей поспешностью стянуть к Майну все наличные войска, независимо от степени их боевой готовности». Это дало бы возможность французской армии «наносить пруссакам поражения по частям, по мере того, как те прибывали бы из различных мест страны» [1].

Французское командование рассчитывало, что, завладев коммуникациями между севером и югом Германии и изолировав Северо-германский союз, оно предотвратит присоединение южно-германских государств к Пруссии и обеспечит Франции по меньшей мере нейтралитет этих государств, в которых существовало сильное недовольство прусской политикой.

Правительство Второй империи вступало в войну, не имея союзников. Оно, однако, возлагало надежды на то, что после

[1] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч т. XIII, ч. II, стр. 11.

первых же побед французского оружия Австрия и Италия выступят на стороне Франции.

Наполеон III отдавал себе отчет в том, что для Франции был невозможен благоприятный исход войны в случае, если она примет затяжной характер. Он был осведомлен о численном превосходстве прусской армии военного времени над французской и об ее более высоких боевых качествах. Об этом неоднократно предупреждали, начиная с 1866 г., военные и дипломатические деятели Франции, в частности французский военный атташе в Пруссии полковник Стоффель[2], генералы Дюкро[3], Бурбаки[4], Трошю[5], французский посол в Пруссии Бенедетти[6].

В тронной речи при открытии законодательной сессии 1869 г. Наполеон III, правда, утверждал, что военная мощь Франции достигла «необходимого развития», а ее «военные ресурсы отныне находятся на высоком уровне, соответствующем ее мировому предназначению» Он заверял, что французские сухопутные и морские вооруженные силы «прочно конституированы», что численность войск, находящихся под ружьем, «не уступает их численности при предыдущих режимах». «При этом,— заявил он,— наше вооружение усовершенствовано, наши арсеналы и склады полны, наши резервы обучены, мобильная гвардия организуется, наш флот преобразован, наши крепости находятся в хорошем состоянии»[7]. Однако это официальное заявление, как и другие аналогичные утверждения Наполеона III, имели лишь целью скрыть от собственного народа и от внешнего мира отсталость французской военной системы[8]. Далеки были от действительности также хвастливые заверения бонапартистской печати в конце 1869 г. об отличном боевом состоянии французской армии[9].

Но если правительству Второй империи удалось обмануть народные массы Франции, которые под влиянием лживой бонапартистской пропаганды верили в незыблемость военной мощи своей страны, то оно не смогло ввести в заблуждение своего будущего противника. Прусское правительство имело в 1870 г. достоверные сведения о неподготовленности Франции к войне. Получению этих сведений способствовал, в частности, широко разветвленный прусский шпионаж во Франции, особенно усилившийся со времени австро-прусской войны.

Ставка французского правительства на стремительную войну диктовалась не только военными, но и политическими соображениями. Правящая бонапартистская клика была осведомлена о том, что народ Франции не хотел войны, в необходимости и справедливости которой он не был убежден. Она опасалась поэтому внутриполитических осложнений в случае затяжной кампании.

Правительство Наполеона III старалось внушить широким массам населения Франции, что война объявлена им под давлением общественного мнения[10]. Для большей убедительности оно организовало в Париже и в провинции шовинистические демонстрации с участием полицейских агентов и деклассированных элементов, инсценировавших воинственный энтузиазм. Но все это не могло ввести в заблуждение страну. «В начале войны,— сообщал, например, французский военный писатель Леокур,— обстоятельства не способствовали возбужде-

[2] Col. St off el. Rapports militaires, ecrits de Berlin, 1866—1870. Paris, 1871.

[3] «Actes», t. I, p. 440. Piece justificative № 1. Lettre du 7 decembre 1866 du general Ducrot au general Trochu.

[4] Comte de Palikao. Un ministere de la guerre de vingt quatrc jours. Paris, 1871, p. 46.

[5] Gen. Trochu. L'armee francaise en 1866. Paris, 1867.

[6] «Actes», t. V, p. 39. Deposition Benedstti.

[7] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 18 Janvier 1869, p. 3.

[8] Начатые в январе 1870 г. по инициативе французского правительства, при посредничестве Англии переговоры между Францией и Пруссией о франко-прусском разоружении были предприняты правительством Второй империи отнюдь не из «миролюбия», как утверждают французские буржуазные историки, повторяющие официальную версию бонапартистского правительства, а вследствие отставания французской военной системы от прусской, о котором было хорошо осведомлено правительство Наполеона III. Об этих переговорах см. «Actes», t. I, p. 2. Rapport Saint-Marc Girardin; Duval. Projets de desarmement franco-prussien en 1870. «Revue de Paris», 1914, № 4. Вопрос этот освещался и на страницах русской печати. См. В. Н. Перцев. Проект франко-прусского разоружения в 1870 году. «Голос Минувшего», 1914, № 4.

[9] См., напр., «Journal offHel de l'Empire Francais», 16 aofit 1869. Цит. no Le dossier de la guerre de 1870. Paris, 1877, p. 49.

[10] Эта лживая версия была позднее снова пущена в ход бывшими сановниками Второй империи в их мемуарах. См., напр., воспоминания тогдашнего французского посла в Пруссии Бенедетти (V. Benedetti. Ma mission en Prusse. Paris, 1871, p. 367, 368); министра иностранных дел Второй империи Грамона (Gramont. La France et la Prusse avant la guerre. Paris, 1871, p. 130, 211); главы либерального министерства Второй империи Эмиля Оливье (E. Olivier. L'Empire liberal, t. XIV. Paris, 1909, p. 50, 461); главы последнего министерства и военного министра Второй империи графа Паликао (Comte de Palikao. Op. cit., p. 31), генерала Лебрена (Gen. Lebrun. Souvenirs militaires (1866—1870). Paris, 1895, p. 280), брошюру чиновника министерства внутренних дел Второй империи Ф. Жирардо (F. Girardeau. La verite sur la campagne de 1870—1871. Marseille, 1871) и др. Отметим, что Грамон в беседе с британским послом в Париже лордом Лайонсом, состоявшейся 7 июля 1870 г, сослался на требования общественного мнения в объяснение воинственной позиции, занятой им накануне, 6 июля, в Законодательном корпусе («Actes», t. I, p. 457. Piece № 5. Lord Lyons au comte de Granville. Paris, le 7 juillet 1870. Тот же мотив выставил 7 июля в разговоре с Лайонсом глава министерства Эмиль Оливье («Actes», t. I p. 456. Piece № 5. Lord Lyons au comte de Granville. Paris, le 7 juillet 1870).

нию нашего воинственного энтузиазма. Нация в массе своей не знала, во имя чего она воюет» [11].

Даже бонапартистские префекты в своих подобострастных донесениях правительству в июле 1870 г. были вынуждены указать, что в 71 департаменте (из 87) население в массе своей было против войны [12]. В действительности гораздо более многочисленные массы французского народа жаждали мира. На это справедливо указывала, в частности, видная провинциальная газета «L'Impartial du centre», издававшаяся в Невере (департамент Ньевр). «Если не считать официальных лиц,— писала эта газета 16 июля,— роль которых обычно заключается в том, чтобы повторять «Аминь», а также некоторых крайне воинственно настроенных частных лиц, то все трудовое, мыслящее и здраво рассуждающее население требует сохранения мира» [13].

Об отношении к войне населения Франции сообщал также в июле 1870 г. П. Лафарг в письме к Марксу. В Париже, писал Лафарг, радуются войне только бонапартисты и спекулянты, вследствие чего «полиция была вынуждена сама инсценировать энтузиазм, чтобы заставить поверить в него». Однако это «никого в Париже не вводит в заблуждение». В отношении провинции Лафарг писал: «Общественное мнение провинции, видимо, враждебно войне, так как ни один воинствующий орган не сослался ни на одну воинствующую провинциальную газету» [14]. Это письмо Лафарга и было, надо полагать, тем «частным письмом» о настроении французской провинции, на которое сослался Маркс 19 июля 1870 г. на заседании Генерального совета Интернационала [15].

Сказанное Лафаргом об отношении к войне населения французской провинции в июле 1870 г. находит подтверждение в письмах Жорж Санд. «В Париже энтузиазм,— писала она, например, 14 июля из Ноан-Вик (департамент Эндр) журналистке Жюльетте Адан [16], введенная в заблуждение лживой бонапартистской прессой.— Совсем не то в провинции. Здесь подавлены; никто не поддается обману; на все это смотрят не как на вопрос национальной чести, а как на безумную и гнусную потребность померяться оружием, как на игру государей!» [17].

Буржуазный республиканец Жюль Симон, объездивший незадолго до начала войны весь юг Франции и, кроме того, хорошо осведомленный о настроении парижского населения, писал впоследствии по этому поводу следующее: «Совершенно не соответствует действительности столь часто повторявшееся заявление, будто страна хотела войны... Мои впечатления полностью совпадают с впечатлениями моих коллег по оппозиции, у которых, как и у меня, были весьма широкие связи. Считаю несомненным, что настроение в стране было в в высшей степени миролюбивое» [18]. Орлеанист Тьер, со своей стороны, засвидетельствовал в 1872 г. в своих показаниях следственной комиссии: «Я утверждаю, положа руку на сердце, что страна не хотела войны» [19].

Об отношении к войне парижских рабочих мы узнаем и от республиканца Корбона. «Многочисленное политически мыслящее рабочее население Парижа,— заявил он в своих показаниях следственной комиссии,— было категорически настроено против войны. Если в таком огромном городе, как Париж, известная часть населения и была настроена по иному, то это потому, что она была обработана полицией» [20].

Укажем, наконец, на неоднократные донесения в Петербург русского посла в Париже графа Штакельберга о том, что во Франции растет стремление к миру. «Страна,— сообщал он, например, 8 мая 1869 г.,— все больше и больше высказывается за сохранение мира» [21]. В конце июня того же года Штакельберг снова сообщал: «Во время выборов 1869 г. ясно обнаружились миролюбивые чувства Франции. Замечательно, что из 400 предвыборных циркуляров, выпущенных кандидатами в депутаты, только один высказался в пользу войны, и это был голос вопиющего в пустыне, затерявшийся среди мирных деклараций, содержавшихся в этих многочисленных политических программах, авторы которых, несомненно, запрашивали мнение своих доверителей прежде чем высказаться» [22].

[11] P. Lehautcourt. La guerre de 1870—1871, t. I. Paris, 1901, p. 38—39.

[12] СМ. «Actes», t. I, p. 463—470. Piece № 7. Correspondence prefectorale au sujet de la declaration de la guerre; Maupas. Memoires sur le Second empire, t. II. Paris, 1885, p. 534; J. Pointu. Histoire de la chute de l'Empire. Paris, 1874, p. 62; A. Sorel. Histoire diplomatique de la guerre franco-allemande, t. I. Paris, 1875, p. 197.

[13] Цит. по ст. E. M. Carrol. French public opinion in 1870. «American historical review», 1926, vol. XXXI, № 4, p. 609.

[14] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8225, оп. 5. П. Лафарг— Марксу. Париж, июль 1870 г.

[15] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр И/30. Minutes of the General Council of the I International, 1870, Council Meeting, July 19.

[16] Жене буржуазного республиканца Эдмона Адан.

» George Sand. Correspondance, t. VI (1812-1876). Paris 1884, тх3.

» J. Simon. Origine et chute du Second empire. Pans, 1874, p. 143-144.

[19] «4ctes» t V p. 5. Deposition Thiers.

20 «Actes»', t. VI, p. 440. Deposition Corbon.

[21] АВПР. Канц., д. 125, л. 85. Штакельберг — Горчакову. 26 апреля

[22] АВПР. Канц, д. 125, л. 230. Штакельберг — Горчакову. 10(22) июня 1869 г.

Широкие массы французского народа многолюдными антивоенными манифестациями выражали протест против войны, в которую их вовлекла правящая бонапартистская клика. Сведения об одной из таких манифестаций, состоявшихся в Париже еще до официального объявления войны, мы находим даже в. бонапартистском официозе «Фигаро». Около 500 человек, как сообщала газета, выстроившись на площади Бастилии, успели дойти только до скрещения бульваров Бон-Нувель и Монмартр. Здесь их разогнали жандармские войска. «Так как, несмотря на предупреждения агентов власти,— писала «Фигаро»,— сторонники мира отказывались разойтись, то жандармский офицер отдал приказ стрелять в них. У них было отнято знамя; знаменосец был- арестован. Возбуждение в этот момент было неописуемо»[23].

Швейцарский официоз «Journal de Geneve» сообщал о другой антивоенной демонстрации, состоявшейся в Париже накануне объявления войны при «огромном числе» участников, главным образом рабочих Бельвилля[24]. Социалистическая печать за пределами Франции указывала на многочисле[1] ные аресты членов Интернационала в Париже за участие в рабочих антивоенных манифестациях.

О позиции французского студенчества в эти дни мы, в частности, узнаем из русской печати. «Учащаяся молодежь Франции,— сообщал «Вестник Европы»,— протестовала в демократических газетах против органов бонапартизма, утверждавших, что парижские студенты будто бы ходили целой тысячной толпой по улицам с криками: «Да здравствует война! Долой Пруссию!» [23].

Парижская федерация Интернационала, отражая настроения французских рабочих, опубликовала 12 июля в левореспубликанской газете Делеклюза «Le Reveil» воззвание «К рабочим всех стран», в котором выражался протест против затевавшейся войны. «Война из-за вопроса о преобладании или в интересах какой-либо династии,— гласило воззвание,— не может быть в глазах рабочих чем-либо иным, кроме преступного безумия. Мы,— те, кто хочет мира, работы и свободы,— мы громко протестуем против воинственных кличей тех, кто может откупиться от «налога крови» и для кого общественное несчастье служит источником новой спекуляции!». Обращаясь к немецким рабочим, передовые рабочие Франции, объединенные в Интернационале, заявляли: «Братья в Германии! Вражда между нами имела бы единственным последствием полное торжество деспотизма по обеим сторонам Рейна...». Воззвание заканчивалось следующим призывом: «Рабочие всех стран! Каковы бы ни были в данный момент результаты наших общих усилий, мы, члены Международного товарищества рабочих, для которых не существует никаких государственных границ, шлем вам, как залог неразрывной солидарности, добрые пожелания и привет от рабочих Франции»[26]. Немецкие рабочие, как увидим, откликнулись на призыв французского пролетариата.

Подлинные чувства широких масс французского народа были выражены также в многочисленных воззваниях других французских секций Интернационала, последовавших за манифестом 12 июля. В воззвании секции Нейи-сюр-Сен, под которым стояло около 80 подписей рабочих, говорилось: «Справедлива ли эта война? Нет! Национальна ли эта война? Нет! Это война исключительно династическая. Во имя справедливости, во имя истинных интересов Франции мы всецело и энергично присоединяемся к протестам Интернационала против войны» [27].

В июле Лафарг писал Марксу: «Для французского правительства кампания начинается с очень дурных предзнаменований относительно спокойствия внутри страны» [28].

Как видим, правительство Второй империи вполне обоснованно опасалось неблагоприятных для него — как в военном, так и в политическом отношении — последствий затяжной войны. Поэтому французское командование старалось создать в самом начале кампании, в результате стремительного вторжения в пределы Германии, военное преимущество для французской армии, которое, согласно его расчетам, должно было в дальнейшем принести империи победу.

Рискованность военного плана, избранного французским командованием, заключалась в том, что в случае его провала и необходимости перехода к затяжной кампании, шансы на успех в войне перемещались на сторону Пруссии. Военная организация Пруссии обладала существенными преимуществами перед военной организацией Франции, которые при затяжной

[23] См. «Journal de Geneve», 19 juillet 1870, в которой было перепечатано сообщение газ'. «Figaro».

[24] «Journal de Geneve», 19 juillet 1870.

[25] «Вестник Европы», 1870, август, стр 801.

[26] «Le Reveil», 12 juillet 1870. Воззвание было опубликовано также особым изданием совместно с протестом бельгийских секций Интернационала против войны. См. «Association internationale des travailleurs. Protestations contre la guerre». Bruxelles, 1870.

Выдержки из протеста французских секций цитировались Марксом в Воззвании Генерального Совета Интернационала от 23 июля 1870 года. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 446.

[27] «La Marseillaise», 22 juillet 1870. Цитируется Марксом в Воззвании Генерального Совета Интернационала от 23 июля 1870 г.

[28] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8225, оп. 5. П. Лафарг— Марксу. Париж, июль 1870 г.

кампании не замедлили бы сказаться,— прежде всего численным преобладанием германской армии военного времени и превосходством ее командования. При этих условиях для Франции приобретала решающее значение степень ее подготовленности к ведению стремительной наступательной войны.

2

Французская армия должна была быть готова к походу 20 июля. Но и 29 июля .югда прибывший в Мец Наполеон III[29] намеревался переправить войска через границу, «было еще время для почти беспрепятственного наступления до самого Рейна»[30], так как к этому времени немецкие армии не были еще полностью сосредоточены. В эти дни, как сообщал Энгельс, внимательно изучавший ход военных действий, «южно-германские войска походным порядком и по железной дороге еще только стягивались к рейнским мостам. Прусская резервная конница проходила бесконечными колоннами через Кобленц и Эренбрейтштейн, направляясь к югу. 7-й корпус находился между Аахеном и Триром, вдалеке от каких-либо железных дорог. 10-й корпус только выступал из Ганновера, а гвардия отправлялась из Берлина по железной дороге»[31].

Но как раз по прибытии Наполеона III в Мец стало ясно, что наступательный план французского командования не может быть осуществлен. Вместо необходимой для наступления 250-тысячной армии, которая должна была быть к этому времени отмобилизована и сосредоточена на границе[32], здесь оказалось только 135—140 тыс. человек: 100 тыс. в окрестностях Меца и около 40 тыс. у Страсбурга. Что касается 50-тысячной резервной армии, которая по плану французского командования должна была быть к этому времени сосредоточена в Шалоне с тем, чтобы в дальнейшем продвинуться к Мецу, то такой армии в Шалоне не оказалось. Вследствие беспорядочной, запоздалой мобилизации не были своевременно подтянуты к границе необходимые для вторжения боевые силы.

[29] Наполеон III прибыл в Мец 28 июля.

[30] Ф Энгельс Кризис войны. К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 56.

[31] Ф. Энгельс. Заметки о войне. Там же, стр. 22.

[32] В марте—мае 1870 г., во время обсуждения в Париже плана франко-австрийской военной кампании против Пруссии в случае ее нападения на Францию,— плана, представленного французскому правительству австрийским эрцгерцогом Альбертом, военный министр Франции Лебеф заверил Наполеона- III, что в случае объявления войны французская армия будет в течение 14 дней отмобилизована и сосредоточена и на пятнадцатый день сможет перейти границу. См. Gen. Lebrun. Op. cit., p. 75.

Французские военные специалисты впоследствии указывали на устаревшую систему комплектования французской армии как на одну из причин, крайне затруднивших ее своевременную мобилизацию[33]. Порочность такой системы, от которой Пруссия отказалась еще в 1813 г., заключалась в том, что она не предусматривала заблаговременного комплектования, в условиях мирного времени, боеспособных воинских частей, которые в том же составе можно было бы использовать в военное время. Так называемые французские «армейские корпуса» мирного времени (их было семь, соответственно семи военным округам, на которые с 1858 г. делилась Франция)[34], комплектовавшиеся из разнородных воинских частей, расположенных на территории соответствующих военных округов, прекращали существование с переходом страны на военное положение. Вместо них приходилось наспех комплектовать боевые формирования из воинских частей, разбросанных по всей стране. Мы имеем на этот счет свидетельство генерала Монтобана (графа де Паликао), командовавшего в течение пяти лет, предшествовавших франко-прусской войне, 4-м армейским корпусом; Французскому командованию, сообщал он о первых днях войны 1870 г., «в момент вступления в войну с державой, которая была давно к ней готова, пришлось расформировать войска, входившие в состав крупных соединений, и заново создавать из них действующие армейские корпуса под командованием новых начальников, которые были едва известны войскам и в большинстве случаев сами плохо знали свои войска»[35].

Слабость французской армейской системы комплектования обнаружилась еще во время военных кампаний 50-х годов. Поэтому после австро-прусской войны 1866 г. была предпринята уже известная нам попытка перестройки мобилизационного плана французской армии на случай войны. Однако выработанный маршалом Ниэлем новый мобилизационный план, исходивший из наличия армейских формирований, годных как для мирного, так и для военного времени, не был проведен в жизнь. Правительство Второй империи по политическим соображениям предпочло оставить его только на бумаге.

Мобилизационный план маршала Ниэля исходил, далее, из наличия в распоряжении французского командования, при объ-

[33] См напр L-t col. Rousset. Histoire generate de la guerre franco-allemande" (1870-1871), t. I, p. 48-49; Gen. Thoumas. Les transformations de l'armee francaise, t. I. Paris, 1887, p. 463; Col. V. Derrecagaix. La guerre moderne. t. I. Paris, 1885, p. 103.

[34] 1-й армейский корпус со штаб-квартирой в Париже; 2-й — со штаоквартирой в Лилле; 3-й — со штаб-квартирой в Нанси; 4-й — со штабквартирой в Лионе; 5-й — со штаб-квартирой в Туре; 6-и — со штаб-квартирой в Тулузе; 7-й—со штаб-квартирой в Алжире.

[35] Comte de Palikao. Op. cit., p. 38.

явлении войны, трех действующих армий. Судя по приказам французского командования от 7 и 11 июля 1870 г., в которых шла речь о трех армиях, первоначально предполагалось руководствоваться именно мобилизационным планом Ниэля. Однако от такого намерения скоро отказались. После 11 июля план военной кампании был радикально изменен: вместо трех армий создали одну объединенную Рейнскую армию под верховным командованием Наполеона III. Такое нарушение заранее составленного мобилизационного плана привело к тому, что Рейнская армия в момент, когда она должна была перейти в наступление, оказалась неукомплектованной. Вследствие отсутствия значительной части ее боевых сил, она оставалась в бездействии на границе.

Особенно медленно шла запоздавшая мобилизация резервов. Склады военного снаряжения были, как правило, расположены далеко от мест формирования воинских частей. Чтобы получить оружие и обмундирование, призванному в армию резервисту часто приходилось исколесить сотни, а иной раз тысячи километров, прежде чем он прибывал к месту назначения. Вот что сообщал по этому поводу бонапартистский генерал Винуа: «Во время войны 1870 г. лица, состоявшие в резервных полках зуавов, расположенных в департаментах севера Франции, были вынуждены проезжать через всю страну, чтобы в Марселе сесть на пароход и направиться в Колеан, Оран, Филипенвиль для получения оружия и экипировки, а затем возвращаться в часть, расположенную в том месте, откуда они выбыли. Они проделывали напрасно 2 тыс. км по железной дороге, по два переезда, не менее двух дней каждый»[36]. Подобную же картину рисовал и маршал Канробер: «Солдата, призванного в Дюнкерке, отправляли экипироваться в Перпиньян или даже в Алжир, чтобы затем заставить присоединиться к своей воинской части, расположенной в Страсбурге»[37]. То же засвидетельствовал и другой участник военной кампании 1870—1871 гг. полковник Дерекагэ[38].

Французское командование было поэтому вынуждено приступить к концентрации на границе отмобилизованных войск до того, как была полностью завершена мобилизация армии. Эти две операции, совершавшиеся одновременно, взаимно нарушали одна другую, чему в немалой мере способствовала беспорядочная работа железных дорог, предварительный план военных перевозок которых был также нарушен[39].

[36] Gen Vinoy. Lартёе francaise en 1873. Paris, 1873, p. 174—175.
[37] «Actes», t. VI, p. 402. Deposition Canrobert.
[38] Col. Derrecagaix. Op. cit., t. I, p. 405.
[39] CM. F. Jacqmin. Les chemins de fer pendant la guerre de 1870—1871. Paris, 1872, p. 118. Жакмен был в 1870 г. директором Восточной железной дороги.

Картина беспорядка и путаницы, царивших на железных дорогах Франции в июле — августе 1870 г., в решающие дни мобилизации и концентрации французской армии, образно описана историком А. Шюке. «Штабы и административные управления, артиллерийские и инженерные войска, пехота и кавалерия, кадровые и резервные части,— писал он,— набивались в поезда доотказа. Люди, лошади, материальная часть, провиант — все это в великом беспорядке и путанице выгружалось на главных сборных пунктах. В течение ряда дней вокзал в Меце представлял картину хаоса, в котором, казалось, невозможно было разобраться. Люди не решались освобождать вагоны; прибывший провиант выгружался и снова грузился в те же составы, чтобы быть направленным в другой пункт. С вокзала сено переправлялось в городские склады, в то время как со складов оно переправлялось на вокзалы»[40].

Нередко железнодорожные составы с войсками задерживались в пути из-за отсутствия точных сведений о пункте их назначения. Путаница и беспорядок на железных дорогах усугублялись и тем, что в ряде случаев по несколько раз менялись пункты сосредоточения войск. Подполковник Руссэ приводит, например, сведения о том, что 3-й корпус, который должен был формироваться в Меце, получил 24 июля неожиданный приказ направиться в Булей; 5-му корпусу вместо Бича пришлось стягиваться в Саррегёмин; императорской гвардии вместо Нанси — в Мец[41].

Значительная часть резервистов попадала в свои воинские части с большим запозданием, уже на поле боя. Другие застревали где-либо в пути, так и не добравшись до места своего назначения. По свидетельству директора Восточной железной дороги, запоздавшие и затем затерявшиеся в пути резервисты, когда им не удавалось присоединиться к какому-либо другому военному формированию, составляли «текучую массу, блуждавшую по дорогам, ютившуюся в импровизированных вокзальных буфетах, жившую из милости на'Средства сердобольных людей... К концу августа на Реймском вокзале пришлось защищать составы от попыток их разграбления 4—5-тысячной толпой такого рода людей, составлявших бич армии и страны,— людей, которые после добросовестных поисков своих полков легко сживались с мыслью, что никогда их не отыщут»[42].

Неудивительно, что генералы не. обнаруживали своих войск. «Прибыл в Бельфор,— телеграфировал, например, 21 июля в Париж бригадный генерал Мишель,— не застал ни своей бригады, ни своей дивизии. Как быть? Мне неизвестно, где

[40] A. Chuquet. La guerre 1870—1871. Paris, 1895, p. 15
[41] L-t col. Rousset. Op. cit., t. I, p. 114.
[42] F. Jacqmin. Op. cit., p. 116—117.

находятся мои войска»[43]. Такого рода запросы поступали в военное министерство и от других командиров французской армии.

Но и те численно недостаточные войска, которые французскому командованию удалось сосредоточить к 29 июля на границе, оказались небоеспособными, так как не были обеспечены необходимым походным снаряжением, боеприпасами и провиантом. Правительство Второй империи, с 1866 г. считавшее войну с Пруссией неизбежной, тем не менее не уделяло должного внимания такому важному вопросу, как снабжение армии. Из показаний генерал-интенданта французской армии Блондо явствует, что даже перед самым началом франко-прусской войны, при обсуждении в государственном военном совете плана кампании 1870 г., вопрос о снабжении армии «никому в голову не приходил»[44]. Снабжение французской армии фактически началось только 1 августа 1870 г., после объявления войны,— указывал Энгельс, ссылаясь на свидетельство старого французского офицера, капитана Жаннейро, состоявшего корреспондентом газеты «Temps» при французской действующей армии[45].

Поэтому с первых дней войны в адрес военного министерства посыпались многочисленные жалобы на необеспеченность воинских частей провиантом. «Из бесед, которые я имел с интендантом 5-й дивизии, а также с генерал-интендантом армии,—телеграфировал, например, 18 июля из Меца командовавший тогда 3-м корпусом Рейнской армии маршал Базен,— явствует, что после того, как армия будет укомплектована, снабжение ее провиантом окажется недостаточным»[46]. Командующий 5-м корпусом генерал Файи взывал: «Нахожусь в Биче с 17 батальонами пехоты. Никаких средств, полное отсутствие денег в городских и корпусных кассах. Пришлите звонкую монету на содержание войск. Бумажные деньги не имеют хождения»[47]. Командующий дивизией в Страсбурге генерал Дюкро телеграфировал 19 июля военному министру: «Положение с продовольствием тревожное... Не принято никаких мер к обеспечению доставки мяса. Прошу предоставить мне полномочия для принятия мер, диктуемых обстоятельствами, или я ни за что не отвечаю...»[48]. «В Меце,— сообщал 20 июля местный интендант,— нет ни сахара, ни кофе, ни риса, ни спиртных напитков, нехватает сала, сухарей. Срочно пришлите в Тионвиль, по крайней мере, один миллион суточных порций»[49].. 21 июля маршал Базен телеграфировал в Париж: «Все командиры настойчиво требуют транспортных средств, лагерных принадлежностей, которыми я не в состоянии их снабдить». В ряде других, следовавших одна за другой телеграмм сообщалось о недостатке санитарных повозок, вагонов, котелков, походных фляг, одеял, палаток, медикаментов, носилок, санитаров и т. д. «В армию,— сообщали 27 июля из Меца,— продолжают прибывать войска без патронов и походного снаряжения». Снаряжения нехватало и в Страсбурге. «С трудом можно поверить, чтобы в Страсбурге, этом крупном арсенале восточной Франции, невозможно было найти *игл* и *дисков* для наших винтовок!»,— писал побывавший там в начале войны французский офицер[50].

Тяжелое положение со снабжением армии еще более осложнялось противоречивыми запросами с мест, являвшимися, в свою очередь, следствием беспорядочной мобилизации.. «В вашей вчерашней телеграмме от 9 ч. 30 м. утра,— • телеграфировал 8 августа военный министр в Мец. главному интенданту,— вы настоятельно требуете отправки муки в Мец; в телеграмме от 5 ч. 30 м того же дня вы просите ничего туда не присылать, и, наконец, в третьей телеграмме от 10 ч. 12 м. вы требуете 22000 центнеров различных съестных припасов. Эти запросы, прибывающие один за другим, ставят меня в самое затруднительное положение. Во всяком случае, я ничего не отправляю из Парижа в Мец»[51].

Энгельс имел все основания писать в эти критические дни кампании: «Пожалуй, можно сказать, что армия Второй империи понесла поражение пока только от самой же Второй империи. При таком режиме, при котором его сторонникам щедроплатят всеми средствами издавна установившейся системы взяточничества, нельзя было ожидать, что эта система не коснется интендантства в армии. Настоящая война... была подготовлена давно; но заготовке запасов, в особенности снаряжения, повидимому, уделялось наименьшее внимание; и вот как раз теперь, в самый критический период кампании, беспорядок, царивший именно в этой области, вызвал задержку в действиях почти на неделю. Эта небольшая задержка создала огромное преимущество в пользу немцев»[52].

[43] «Actes», t. I, p. 501. Piece № 16, Depeches. General Michel a Guerre. 21 juillet 1870.

[44] Le dossier de la guerre de. 1870. Paris, 1877, p. 67.

[45] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 23.

[43] Le dossier de- la guerre ce 1870, p. 56.

. [47] «Actes», t. I, p. 502. Piece № 17. General de Failly, commandant 3-e corps a Guerre,—Paris. Bitche, le 28 juillet 1870.

[43] Le dossier de la guerre de 1870, p. 57.

[49] «Actes», t. I, p. 502. Piece № 17. Intendant general a Blondeau, directeur administration guerre — Paris. Metz, le 20 juillet 1870, 9 h. 50 matin.

[50] Le dossier de la guerre de 1870, p. 71,

[51] Ibid., p. 80—81.

[52] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 23.

Французское командование упустило, таким образом, благоприятный момент для наступления. Тем самым французская армия еще до начала военных действий лишилась своего единственного, обусловленного особенностью ее кадровой системы, военного преимущества, позволявшего ей отмобилизоваться и стянуть к границе свои боевые силы быстрее, чем это могла сделать немецкая армия. «Решительное наступление в этот момент 29 июля.— *Э. Ж.*.— писал Энгельс,— привело бы французов к передовым фортам Майнца и обеспечило бы им значительные преимущества над отступающими колоннами немцев...»[53].

Отказ от своевременного наступления практически означал провал военного плана французского командования, переход к непредусмотренной им затяжной кампании.

Для ведения затяжной кампании против Пруссии Франция не была подготовлена. Прежде всего в этих условиях приобретало особо важное значение численное превосходство прусской армии военного времени над французской. Французская действующая армия,— по данным, приводимым военными специалистами,— ко времени объявления войны насчитывала на бумаге 639 748 человек. За вычетом нестроевых частей, а также войск, находившихся в Алжире, дивизии, оккупировавшей Рим, гарнизонов крепостей, жандармерии, императорской гвардии и персонала военно-административных управлений, французское командование могло рассчитывать примерно на 300 тыс. человек[54]. Военные силы немцев, сосредоточенные в начале августа на границе, составляли свыше 500 тыс. солдат и офицеров[55]. Вместе с гарнизонами и запасными воинскими частями в германской армии, согласно утверждению ее главнокомандующего, фельдмаршала Мольтке, состояло на довольствии около миллиона человек[56]. Численный перевес немецких войск над французскими являлся весьма важным преимуществом. Энгельс в конце июля 1870 г. писал, что это преимущество «будет все более и более сказываться по мере отсрочки решительного сражения...»[57].

Французская армия значительно уступала немецкой и по своим боевым качествам. Общая атмосфера коррупции, которая была характерна для режима Второй империи, не могла не захватить и французскую армию. Это сказалось прежде всего на боевой подготовке и моральном облике ее командного состава, меткую характеристику которого дал в свое время один из видных военных специалистов Франции генерал Тума. «Чтение «Ежегодника»' и рассуждения о шансах на выдвижение,— сообщал он о большинстве офицеров периода Второй империи,— составляли основу их военного образования... Приобретение знаний было не в почете, зато в почете были кафе; офицеры, которые оставал'ись дома, чтобы поработать, брались под подозрение как люди, чуждающиеся своих товарищей. Чтобы преуспевать, необходимо было прежде всего иметь щегольскую наружность, хорошие манеры и должную осанку. Кроме этих свойств надлежало: в пехоте, стоя перед начальством, держать, как подобает, руки по швам и устремлять глаза на 15 шагов вперед; в кавалерии — зазубрить наизусть теорию и уметь проскакать верхом на хорошо выдрессированной лошади по двору казармы; в артиллерии — питать глубокое презрение к техническим занятиям... Наконец, во всех родах оружия — иметь рекомендации. Поистине новый бич обрушился на армию и на страну: рекомендации. Между тем как все другие бедствия, чума, холера, саранча, носят преходящий характер, этот бич, рекомендации, укоренился подобно хронической болезни, которая убивает больного, если не принять решительных мер, чтобы убить болезнь»[58].

Во Франции в годы Второй империи, несомненно, имелись и офицеры, добросовестно относившиеся к своим обязанностям. Однако, вследствие общей деградации французской армии, и они не владели передовыми военными знаниями, приобретаемыми систематической военной подготовкой. «Между тем как в области военной науки росло число изобретений, а военное искусство требовало все более умелого применения усовершенствованных средств, обучение французской армии странным на первый взгляд образом снизилось в наши дни»,— вынужден был позднее признать один из бывших военных деятелей Второй империи[59].

Главнокомандующий французской армии Наполеон III не обладал ни военными дарованиями, ни личными качествами, необходимыми для умелого и твердого руководства войсками. Что касается французского генерального штаба, то он представлял собой в рассматриваемый нами период отсталое, бюрократическое учреждение, не связанное живыми нитями с армией и неспособное учесть ее насущных потребностей. В годы, предшествовавшие франко-прусской войне, французский генеральный

[53] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 22.

[64] Col. Derrecagaix. Op. cit., t. I, p. 12. Такие же, примерно, цифры приводит и другой военный специалист, подполковник Руссэ.

[55] См. L-t col. Rousset. Op. cit., t. I, p. 105.

[56] H. Moltke. Geschichte des deutsch-franzosischen Krieges von 1870—1871. 2. Aufl. Berlin, 1891, S. 5. Имеется русский перевод.

[57] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К Марксе Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 14.

[68] Gen. Thoumas. Les transformations de l'armee francaise, t. II, Paris 1887, p. 636.

[59] De La-Tour-du-Pin, Chambly. L'armee francaise a Metz Paris, 1871, p. 92.

штаб был почти полностью, отстранен от участия в военных мероприятиях правительства, которые замышлялись главным образом в недрах военного министерства. «Очутившись после рядалет такого режима лицом к лицу с трудностями войны,— писал подполковник Руссэ об офицерском составе французского генерального штаба,— они в целом не могли справиться со своей задачей и ни в области разведки, ни в деле подготовки и составления приказов не оказали тех услуг, которых по праву можно-было от них ожидать»[60].

Задолго до начала войны 1870 г. французский военный атташе в Берлине полковник Стоффель предупреждал правительство Второй империи об отставании французского генерального штаба от прусского. «Необходимо заявить во всеуслышание,—писал он, в частности, в донесении от 23 апреля 1868 г.,— прусский генеральный штаб является первым в Европе. Наш генеральный штаб не может итти в сравнение с ним. Я неизменно настаивал на этом в моих первых донесениях 1866 *г.,* как неизменно высказывал и мнение о том, что необходимо подумать о средствах доведения нашего генерального штаба до-уровня прусского. Уверенный, что в предстоящей войне армия северной Германии извлечет серьезные выгоды из построения ее генерального штаба и что нам, возможно, придется жестоко расплачиваться за наше отставание, я вновь возвращаюсь к этому наиболее важному с моей точки зрения вопросу»[61].

Полковник Стоффель, отдавая дань увлечению пруссачеством, переоценивал прусский генеральный штаб. Но в его рапортах имелось, вместе с тем, много верных наблюдений и ценных сведений о боевых качествах и общем состоянии прусской армии. Характерно, однако, что во Франции рапорты Стоффеля были оставлены без внимания. Из донесения штабс-капитана Леонтьева, временно исполнявшего в начале 1871 г. обязанности военного агента при русском посольстве в Париже, мы узнаем,, что большинство рапортов полковника Стоффеля — как это было впоследствии установлено — «никем не читались, некоторые же из них были найдены не распечатанными»[62].

Генералы французской армии были оторваны от своих войск и все больше «теряли навыки командования»[63]. Командные посты в армии раздавались лицам, снискавшим милость трона отнюдь не за военные дарования. Не случайно во время франко-прусской войны семью корпусами Рейнской армии из восьми командовали генералы, принадлежавшие к ближайшему окружению Наполеона 111. Организаторские навыки начальствующего состава французской армии, уровень его военно-теоретической подготовки значительно отставали от военных знаний и организаторских навыков прусского командования.

Что касается вооружения, то французская артиллерия в целом уступала прусской. Французская армия имела однако, то преимущество перед немецкой, что ее ружья Шаспо по своим боевым качествам превосходили немецкие игольчатые ружья системы Дрейзе. К началу войны во Франции имелось около миллиона ружей Шаспо. Однако, вследствие негодной организации интендантской службы, крайнего беспорядка в системе снабжения армии, далеко не все войсковые части были снабжены ружьями Шаспо. Значительная часть французских солдат была вооружена винтовками устаревших систем. К тому же солдаты, особенно из резервных частей, не умели обращаться с ружьями новой системы: давал себя знать низкий уровень военного обучения рядового состава французской армии. Такое отставание было характерно для всех родов войск: пехоты, кавалерии и артиллерии.

В итоге, французская армия, все еще сохранявшая за собой в 1870 г. славу первоклассной армии, «в час испытания... не могла противопоставить противнику,— как писал в то время Энгельс,— ничего кроме славных традиций и врожденной храбрости солдат...»[64]. Этого было недостаточно для успешного ведения войны против первоклассной для того времени прусской армии.

Наконец, самое расположение французских войск, которое, по определению Энгельса, было бы превосходным на случай наступательных операций, для обороны совершенно не годилось, так как французские войска были растянуты не менее чем на 70 миль вдоль франко-германской границы. Французское командование после вынужденного отказа от наступления ничего не предприняло для того, чтобы сократить протяженность фронта. Между тем немцы сгруппировали свои силы в три компактные армии, сконцентрированные между Мозелем и Рейном.

Это обстоятельство сыграло немалую роль в ходе войны.

3

4 августа немцы частями Третьей армии в составе V и XI прусских корпусов и II баварского корпуса под общим командованием кронпринца Прусского атаковали линию Виссембурга

[60] L-t. col. Rousset. Op. cit., t. I, p. 45.

[61] Col. Stoffel. Op. cit., p. 112.

[62] ГЦВИА, ф. 440, д. 188, л. 23. Штабс-капитан Леонтьев — военному министру. Париж. 25 янв. (6 февр.) 1871 г.

[63] P. Lehautcourt. Op. cit., t. I, p. 44.

[64] Ф. Энгельс. Расцвет и упадок армий. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 105.

в Эльзасе. Генерал Абель Дуэ, командовавший 2-й дивизией 1-го армейского корпуса,—единственной французской дивизией, противостоявшей немцам на этом участке фронта, не ожидал атаки немцев, тем более, что рано утром 4 августа па его приказу была произведена разведка местности, примыкавшей к расположению французских войск вплоть до р. Лаутер, и разведка ничего не обнаружила[65]. Атака немцев явилась внезапной и для генерала Дюкро, которому был подчинен генерал Абель Дуэ. 3 августа в инструктивном письме генералу Дуэ Дюкро писал: «Не *думаю, чтобы значительные силы противника* находились поблизости от нас, по крайней мере, на дистанции, достаточно близкой для того, чтобы незамедлительна предпринять против нас что-либо серьезное»[66].

Немцы, напротив, имели достоверную информацию о расположении французских войск. Это и побудило их атаковать французскую армию в одном из наиболее слабых пунктов ее обороны[67].

Таким образом, уже в самом начале войны сказался один из существенных недостатков французской армии — плохая организация ее разведки-. «Удивительная и вместе с тем прискорбная вещь,— отмечал впоследствии в этой связи французский военный писатель Шарль Мазад,— в то время как пруссакам были с 24 июля с исключительной точностью известны состав и расположение наших корпусов, имена генералов, боеспособность батальонов и дивизий, наши штабы не подозревали о том, что происходит в непосредственной близости от них; они плохо знали действительную обстановку»[68].

А действительная обстановка, как ее описывал французский полковник Дерекагэ, была утром 4 августа такова: «Напротив нашей границы,— сообщал он,— стояла армия в 170 тыс. человек (6-й корпус и 2-я кавалерийская дивизия еще не прибыли),— сосредоточенная, готовая к выступлению, передовые части которой находились в 1500 м от нашей территории, хорошо осведомленная своей кавалерийской разведкой о нашей малочисленности и неспособности действовать эффективно, армия, которая была в состоянии на другой день решительно взять в свои руки инициативу выступления. На нашей стороне — дивизия в 6600 человек, не знавшая о присутствии противника, не подозревавшая о его планах, убежденная в том, что ее миссия ограничивается наблюдением, дивизия, охраняемая лишь двумя-тремя дозорами пехоты, в то время как кавалерия, которой она располагала, стояла бивуаком у нее в тылу»[69].

Против единственной дивизии генерала Дуэ пруссаки ввели в бой три армейских корпуса, хотя им было хорошо известно, что генерал Дуэ, вследствие разобщенности французских войск, не мог рассчитывать на своевременное подкрепление. Бой у Виссембурга, как это было в то время отмечено Энгельсом, «с успехом мог бы выполнить один корпус». «Повидимому,— заключал Энгельс,— присутствие трех корпусов, угрожающих Эльзасу, должно было произвести впечатление на французов»[70]. В этом состоял один из тактических приемов немецкого командования, стремившегося при первом же столкновении с противником внести разложение в его ряды огромным перевесом своих сил.

Однако Третья немецкая армия, вопреки ожиданиям прусского командования, встретила упорное сопротивление со стороны застигнутой врасплох, оставленной без всякой помощи французской дивизии. Этот факт был вынужден впоследствии признать и Мольтке. Даже в его сухом изложении ярко выступает храбрость французских солдат, героически сражавшихся, против численно во много раз превосходившего их противника. «Уже рано утром,— сообщал Мольтке,— баварцы на правом крыле натолкнулись на энергичное сопротивление под стенами Виссембурга... Сильно укрепленный замок Вейссенбург оказывал самое упорное сопротивление. Тщетно с величайшими жертвами штурмовали этот замок гренадеры 7-го королевского полка; гарнизон сдался лишь тогда, когда на высоту с чрезвычайными усилиями удалось поднять артиллерию. Французская дивизия притянула на себя три германских корпуса и после упорного сопротивления, хотя и с большими потерями и в беспорядке, произвела отступление. Немцы понесли сравнительно большие потери — 91 офицер и 1460 солдат. Генерал Кирбах был ранен»[71].

Данные о потерях немецкой армии в битве у Виссембурга,. исходившие из французских источников, в основном совпадают с данными прусского командования. «Напрасно пруссаки предпринимали все новые и новые попытки,— сообщал, например. Шарль Мазад,— они неизменно терпели неудачу, сдерживаемые ружейными залпами и штыковыми атаками. Был момент, когда батальон королевских гренадер потерял почти всех офицеров...

[66] См. Ch. Mazade. La guerre de France (1870—1871), t. I. Paris, 1875, p. 92.

[66] L-t col. Rousset. Op. cit, t. I, p. 168.

[67] Ф. Энгельс. Прусские победы. К. Маржей Ф. Энгельс. Соч. т. XIII, ч. II, стр. 27.

[68] Ch. Mazade. Op. cit., p. 92.

[69] Col. Derrecagaix. Op. cit., t. I, p. 481.

[70] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.. т. XIII, *ч.* II, стр. 25.

[71] H. Moltke. Op. cit., S. 13.

Только благодаря численному превосходству и введению в бой артиллерии, благодаря тому, что немцы смогли выдвинуть вперед более 25 тыс. солдат, они в конце концов одолели эту несчастную, насчитывавшую менее 5 тыс. бойцов дивизию, так мужественно выдерживавшую с раннего утра натиск в Виссембурге и в Гейсберге и отступившую только после того, как она нанесла противнику значительные потери: около 100 офицеров и от 1500 до 2000 солдат убитыми и ранеными. Сама она потеряла 1200 человек[72], оставила в руках пруссаков батальон, запертый в Виссембурге, еще некоторое количество пленных и единственную подбитую пушку, которую не удалось спасти»[73]. В бою был убит командир дивизии генерал Абель Дуэ.

/Виссембургское сражение было первым серьезным столкновением двух воюющих армий. Предшествовавшая этому сражению атака французскими войсками прусского города Саррбрюка и «победа», одержанная здесь 2 августа двумя дивизиями генерала Фроссара над охранявшим город германским гарнизоном, состоявшим из одного батальона и трех эскадронов, не может быть принята всерьез. Эта операция была проведена французским командованием исключительно для того, чтобы создать видимость наступления с французской стороны и до некоторой степени успокоить общественное мнение Франции.

5 августа известие о поражении, понесенном накануне французской армией, проникло в Париж из английских и немецких источников, несмотря на все старания правительства сохранить военные события 4 августа в тайне. Париж пришел в крайнее возбуждение. Публицист Альфред Даримон, бывший прудонист, перешедший в 1869 г. на сторону империи, в панике писал 5 августа под впечатлением виденного им в Париже: «Если в течение 24 часов население не получит сообщения о победе, то неизвестно, до каких крайностей оно способно будет дойти»[74].

Поражение у Виссембурга, как предвидел Энгельс, расстроило военные планы Наполеона III. «Это такого рода известие,— писал Энгельс в лондонской «Pall Mall gazette» непосредственно после Виссембургского сражения,— которое нельзя передать французской армии даже в весьма смягченной форме, если оно не сопровождается сообщениями об успехах в других пунктах... Мы можем поэтому ожидать, что император двинет свои колонны в поисках этого успеха...»[75]. А Марксу Энгельс писал 5 августа: «Держу пари, завтра Бонапарт сфабрикует победу, чтобы затушевать это»[76].

6 августа Париж облетел провокационный слух о крупной победе, одержанной командующим 1-м корпусом Рейнской армии маршалом Мак-Магоном, о тысячах захваченных в плен немцев, в числе которых находился якобы кронпринц Прусский, командующий Третьей немецкой армией. Слух этот был пущен, не без ведома правительства, биржевыми воротилами Парижа. «Трехпроцентная рента возросла до невероятной цены, до 69 франков 15 сантимов»,'—сообщал 6 августа парижский корреспондент русского демократического журнала «Дело» Эли Реклю, сотрудничавший в этом органе под псевдонимом Жак Лефрень[77].

К концу дня 6 августа стало известно, что слух о победе французской армии не соответствует действительности и что он был преднамеренно распространен парижскими биржевиками. «Охваченная негодованием и яростью толпа ринулась к бирже, откуда был пущен этот слух,— узнаем мы от французского буржуазного историка Огюста Дешана, современника описываемых событий.— Здесь произошли столкновения, в результате которых были нанесены повреждения фронтону биржи»[78]. По свидетельству Эли Реклю, очевидца этих событий, «многие парижские биржевики отделались не совсем дешево: их спинам пришлось познакомиться с увесистыми кулаками парижских рабочих. Толпа грозно и единодушно потребовала закрытия биржи»[79]. Многолюдные массы парижан устремились к министерству юстиции на Вандомской площади, местопребыванию главы правительства Оливье, и потребовали от него правдивых сведений о положении на фронте. Однако Оливье не сообщил ничего достоверного. Тревога и возбуждение в народе все возрастали.

Ложный слух о победе был пущен 6 августа также в Эльзасе, в Лотарингии, в Шампани, в ряде крупных городов Франции, в частности в Лионе[80]. Источник провокации был в провинции тот же, что и в Париже. На лионской бирже, как и на парижской, чрезвычайно повысился курс ценных бумаг. Однако правительство оказалось вынужденным в тот же день поставить население Лиона в известность о поражении 4 августа.

[72] По другим сведениям, французская армия потеряла у Виссембурга убитыми и ранеными 1521 солдат, 89 офицеров и 700 человек пленными. См. L-t col. Rousset. Op. cit., t. I, p. 190.

[73] Ch. Mazade. Op. cit., t. I, p. 93.

[74] A. Darimon. Les cent seize sous le Second empire. Paris, 1874, p. 408.

[70] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. XIII, ч. II, стр. 26.

[76] Энгельс--Марксу. 5 августа 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 373.

[77] «Дело», 1870, № 8, Хроника, стр. 51.

[78] A. Deschamps. Histoire de la chute du Second empire. Paris, 1871, p. 229—230.

[79] «Дело», 1870, № 8, стр. 51.

[80] «Journal de Geneve», 8 a out 1870.

6 августа, около полуночи, в Париж прибыло сообщение из Меца от Наполеона III об «отступлении» французской армии. В нем указывалось на необходимость «объявить Париж на осадном положении и подготовиться к обороне столицы». Утром 7 августа прибыли новые депеши. В них сообщалось о поражениях, понесенных 6 августа французской армией у Вёрта и у Форбаха. Правительство было вынуждено тут же сообщить о них населению.

Тотчас после поражения 4 августа французское командование, в погоне за реваншем, бросило в район Виссембурга для возобновления боев два новых корпуса под командованием Мак-Магона. Однако, пока Мак-Магон стягивал силы к месту предполагавшегося сражения, немецкие войска, возглавляемые кронпринцем, атаковали французскую армию около Вёрта, в пятнадцати милях к юго-западу от Виссембурга. Это произошло 6 августа. Мак-Магон был выбит из своей позиции до того, как ему удалось полностью собрать свои боевые силы. По подсчетам Энгельса, у Вёрта было разгромлено от одной пятой до одной четверти французских вооруженных сил[81].

В сражении у Вёрта, как и в сражении у Виссембурга, французские солдаты продемонстрировали отвагу и стойкость. В продолжение многих часов они успешно отражали атаки неприятеля, вчетверо превосходившего их в численном отношении: 35 тыс. французских солдат противостояло 140 тыс. немецких. Французские солдаты самоотверженно удерживали свои позиции. Однако одной их доблести было недостаточно, чтобы предотвратить поражение французской армии. Французские войска, в отличие от немецких, своевременно получавших подкрепление, так и не дождались обещанной им в течение дня помощи. Обещания были лишены всякого основания. Они не могли быть выполнены: ожидавшееся прибытие 5-го корпуса генерала де Файи не состоялось, так как две его дивизии еще находились в тот день на пути из Саррегемина в Бич. Мак-Магон был разбит и отброшен к Рейхсгофену, откуда он начал отступление на юг, в направлении на Нанси.

Одновременно с поражением, понесенным Мак-Магоном в Эльзасе на восточных склонах Вогезов, генерал Фроссар, командовавший 2-м корпусом Рейнской армии, потерпел поражение на границе Лотарингии, у Форбаха. Три его дивизии и один полк 3-го корпуса, находившегося под командованием маршала Базена, были отброшены к югу от Саррбрюка за Форбах, откуда началось их отступление к Мецу. Это сражение также было выиграно немцами главным образом благодаря большому численному превосходству. Между тем на левом фланге Фроссара бездействовали семь пехотных дивизий, а в тылу его — две гвардейские дивизии. 2-й корпус Фроссара поверял убитыми, ранеными и пропавшими без вести 4078 солдат и офицеров. Потери немцев составляли 4871 человек[82].

Поражение, понесенное генералом Фроссаром у Форбаха, имело для французской армии крайне тяжелые последствия. «Французская армия,— писал по этому поводу подполковник Руссэ, — была вынуждена эвакуировать линию Саар и оставить противнику всю территорию, простирающуюся вплоть до крепостей Мозель, Тионвиль и Мец. Что касается Вогезского барьера, то он был совершенно для нас потерян... Последние надежды на наступление окончательно исчезли. Отныне надо было думать лишь о том, чтобы противодействовать успехам противника, которого его удачи сделали еще более предприимчивым и который оказался в исключительно выгодных условиях благодаря обильному скоплению провианта между Мозелем и границей; этим провиантом наши солдаты так и не воспользовались»[83].

В результате трех поражений, понесенных французской армией в дни 4 и 6 августа, из восьми ее корпусов оказались в большей или меньшей степени разбитыми четыре корпуса, а местонахождение одного из них, седьмого (Феликса Дуэ), было неизвестно[84].

Немцы оккупировали часть Эльзаса и Лотарингии.

[81] Ф. Энгельс. Прусские победы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 28.

[82] L-t col. Rousset. Op. cit., t. 1, p. 314, 315.

[83] Ibid. p. 325.

[84] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 33.

Глава V

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В ПАРИЖЕ И В ПРОВИНЦИИ 7—9 АВГУСТА 1870 ГОДА

1

«Французская армия лишилась всякой инициативы, — писал Энгельс 8 августа 1870 г.— Ее действия диктуются не столько военными соображениями, сколько политической необходимостью. Если армия в 300 000 человек, стоящая почти на виду у противника, должна в своих действиях руководствоваться не тем, что творится в неприятельском лагере, а тем, что происходит или может происходить в Париже, то она уже наполовину разбита»[1].

Известное представление о том, какую реакцию встретила 7 августа в Париже весть о поражениях предыдущего дня, можно получить, обратившись к воспоминаниям буржуазного республиканца Ранка, опубликованным под названием «Sous l'Empire». Ранк приводит в них письмо видного бонапартистского журналиста того времени (которого он называет Депортом), написанное поздно вечером 7 августа и адресованное в провинцию одному из правых депутатов Законодательного корпуса. «Вообразите,—сообщалось в письме,—какой это был крах, когда прибыла депеша и когда узнали о неудаче Мак-Магона и о поражении Фроссара. Оливье был так ошеломлен, что огласил депешу генерального штаба без всяких изменений.' 8 течение двух часов город оставался без власти. Министры метались растерянные... На бульварах гудели толпы народа. В префектуре растерянность была еще большая, чем в министерстве внутренних дел... Полицейские и жандармерия... не получали никаких распоряжений, никаких инструкций. Тем не менее они вели себя превосходно. Повсюду они разгоняли мятежников,— что за храбрецы! Произведено около ста арестов. К несчастью, среди арестованных нет ни одного известного имени, которое можно было бы использовать»[2].

Из другого источника — от парижского корреспондента швейцарского официоза «Journal de Geneve» — мы узнаем о «многочисленных народных манифестациях», состоявшихся в Париже 7 августа, о «ненужном возбуждении и множестве излишних выкриков», раздававшихся в этот день на улицах и бульварах французской столицы. Автор корреспонденции сообщал, что «для охраны порядка» правительство решило прибегнуть к помощи «жандармерии и некоторых частей национальной гвардии»[3]. В разных районах Парижа имели место столкновения народа с полицией и правительственными войсками. «Казалось, все население спустилось к бульварам, к площадям, заполнило улицы»,—сообщает Дешан.—Жандармы с шашками наголо бросались на первых попадавшихся им под руку людей. Знаменосец манифестантов.— *Э.* Ж. был схвачен полицейскими агентами; с него сорвали шапку; он был арестован... На Монмартрском бульваре... конный отряд жандармерии, применяя грубое насилие, оттеснил беззащитных граждан в соседние улицы... Кирасиры выстрелами заставили людей освободить шоссе вплоть до церкви св. Мадлены»[4].

На улицах Парижа в этот день требовали оружия; повсюду раздавались требования низложения Бонапарта и провозглашения республики[5]. «В Париже чувствовалось... дыхание революции»,— признает один из буржуазных историков[6].

Мы, однако, не находим каких-либо свидетельств того, что манифестации, состоявшиеся 7 августа в Париже, были возглавлены и носили организованный характер. Напротив, можно с уверенностью утверждать, что рабочие Парижа, предоставленные самим себе, действовали стихийно. Поэтому они не сумели использовать благоприятно сложившиеся в этот день — в результате замешательства в правительственных кругах — условия для свержения империи. Не имея ясного представления о том, какими средствами осуществить задачу, которую они перед собой поставили, они ограничились лишь тем, что вступали в беспорядочные столкновения с правительственными войсками.

Растерянность правительства имела свое объяснение. Правительственные круги вполне обоснованно восприняли пораже-

[1] Ф. Энгельс. Прусские победы. К- Маркс и Ф. Энгельс Соч т. ЛШ, ч. II стр. 29.

[2] A. Ranc. Sous l'Empire. Paris, 1872, p. 156.

[3] «Journal de Geneve», 9 aout 1870.

[4] A. Deschamps. Op. cit, p. 232—233.

[5] CM. J. P. T. Bury. Op. cit., p. 38; R. Dreyfus. M. Thiers contre l'Empire, la guerre, la Commune. Paris, 1928, p 101.

[6] J. P. T. Bury. Op. cit. p. 42.

ния 6 августа как «нечто более серьезное и более плачевное, чем два проигранных сражения»,— как признал впоследствии один из офицеров Второй империи[7]. Первые поражения французской армии ясно обнаружили неподготовленность Франции к войне; они поставили бонапартистский режим под непосредственную угрозу крушения. «Уныние так велико, что никто не верит, чтобы империя могла пережить еще одно поражение»,— писал 7 августа Альфред Даримон[8]. Убийственный приговор империи вынес в этот же день и либеральный журналист Людовик Галеви. «Если не произойдет чуда, мы погибли. Все это походит на французскую Садову... Вот и конец империи!»,— писал он[9].

Дипломатические представители иностранных государств, находившиеся в эти дни в Париже, подобным же образом оценивали политическое положение во Франции. Британский посол лорд Лайонс сообщил 6 августа в Лондон: «Династия с каждым днем приближается к своему падению»[10]. Сообщение Лайонса передал 7 августа в Берлин прусский посол в Лондоне Бернсторф в следующих выражениях: «Лорд Лайонс... телеграфировал вчера из Парижа, сообщив, что он опасается революции...»[11].

В Лионе, как сообщала местная буржуазная газета «Le Salut public», известие о поражениях 6 августа вызвало «в народе недовольство, граничившее с гневом... Возбуждение было вначале крайне тягостным... люди были чрезвычайно взволнованы... Свое раздражение они высказывали в весьма решительных выражениях»[12]. Не подлежит сомнению, что 6 августа и в следующие дни на улицах Лиона звучали антибонапартистские, республиканские лозунги. Лионский правый республиканец Луи Андрие признавал позднее — и не без основания,— что в Лионе, уже со времени первых поражений империи, «революция представлялась неизбежной»[13]. Видимо по этой причине Лион был с самого начала войны наводнен войсками. «Население не может себе объяснить причину чрезмерного обилия войск в Лионе в настоящий момент»,— телеграфировал 10 августа

[7] «Actes», t. I, p. 292. Rapport Chaper.

[8] A. Darimon. Les cent seize sous le Second empire, p. 411.

[9] L. Halevy. Op. cit., t. II, p. 213.

[10] The letters of Queen Victoria. Second Series, v. II. London, 1926, p. 56 (17 August 1870).

[11] K. Rheindorf. England und der deutsch-franzosische Krieg 1870—71. Bonn. u. Leipzig, 1923, S. 179. Feldmarschal Bernstorf an Bismarck. London, den 7. August 1870.

[12] Цит. по перепечатке в газ. «Journal de Geneve», 9 aout 1870. См. также «Temps», 7 aout 1870.

[13] L. Andrieux. La Commune a Lyon en 1870 et 1871. Paris, 1906, p. 9.

в Париж командующий 8-й армейской группой, расположенной в департаменте Рона[14].

В Марселе 7 августа, после получения известия о первых поражениях французской армии, состоялась под руководством республиканца Гастона Кремье[15] антиправительственная манифестация, в которой участвовали члены Интернационала Комб и Алерини[16]. На другой день, 8 августа, состоялась новая манифестация. Манифестанты завладели ратушей, приступили к созданию революционной коммуны, но были вытеснены оттуда правительственными войсками. По обвинению в организации восстания и участии в нем были арестованы четырнадцать человек. Во многих департаментах Франции, как сообщала швейцарская печать, 6 и 7 августа наблюдалось «чрезвычайное возбуждение среди всех классов общества»[17]. В ряде городов, судя по другим источникам, имели место антиправительственные выступления[18].

В департаментах, расположенных в районе Тулузы, первые военные поражения империи вызвали, наряду с подавленностью и неприязнью к бонапартистскому режиму, открытые выражения классового антагонизма, проявлявшегося здесь задолго до войны. Генеральный прокурор Тулузы сообщал о повсеместных «глухих нареканиях в народе..., клеветнически возлагающих вину за первые поражения нашего оружия на богачей, дворян и духовенство». В округе Вильфранш-де-Лораге департамента Верхняя Гаронна (в 36 км к юго-востоку от Тулузы) крестьяне, по сообщению того же генерального прокурора, «передавали шопотом друг другу, что священники и богачи вступают в сговор с пруссаками», и даже называли по имени «некоторых собственников». Аналогичные явления наблюдались в ряде округов департаментов Тарн, Арьеж, Тарн-и-Гаронна. «Было бы интересно знать,— пишет французский историк А. Арманго, располагавший донесениями одного лишь тулузского прокурора за август 1870 г.,— наблюдались ли подобные факты и в других местах, особенно в районах, находившихся под непосредственной угрозой нашествия. Если уже с этих пор повсюду так сильно проявлялся антагонизм, тогда события осени 1870 г.

[14] «Papiers secrets et correspondance du Second empire», Paris, 1871, p. 254. General commandant 8-e division — a Guerre, Paris. Lyon, 10 aout 1870.

[15] «Actes», t. II, p. 68. Rapport Sugny.

[16] CM. M. Dommanget. Blanqui, la guerre de 1870—1871, la Commune. Paris, 1947, p. 10. Как правильно отмечает французский историк Пьер Ангран, у Доманже ошибочно названы имена Alerine и Combes (вместо корсиканца Alerini и лакировщика Etienne Combe). См. «Questions d'histoire». Paris, 1954, t. 2, p. 177, note 34.

[17] «Journal de Geneve», 9 aout 1870.

[18] «Papiers secrets et correspondance du Second empire», p. 261.

и весны 1871 г., несомненно, предстанут в совершенно ином свете»[19].

Из переписки Жорж Санд мы узнаем о настроениях крестьян департамента Эндр после поражений 4—6 августа 1870 г. 13 августа она писала Анри Аррису из Ноан-Вик. «Необходимо сказать вам о том, чего вы там, в Париже, не знаете,— а именно о том, что происходит в наших самых мирных, самых терпеливых, наименее революционно настроенных деревнях... Что меня поражает,— так это оцепенение, ужас, ненависть к правительству, которое испытывает не один какой-нибудь класс или партия: это испытывают все, в особенности крестьяне... Я считаю империю погибшей, конченой. Те самые люди, которые доверчиво голосовали за плебисцит, сейчас будут единодушно голосовать за низложение Наполеона III.— *Э. Ж.*... Они считают, что их предали, что их с самого начала отдали в руки врага, оставили без всякой помощи»[20].

События, происшедшие в первых числах августа 1870 г. в Шалонском военном лагере, свидетельствовали о том, что и «национальная гвардия»,— как справедливо отмечала тогда газета «Неделя»,—не отличается особой преданностью делу Второй империи[21]. Мобильные гвардейцы 4, 5 и 6-го батальонов, состоявших из рабочего и мелкобуржуазного населения Парижа, были насильственно переведены в Шалон. В день своего отбытия туда они выразили протест против бонапартистских властей криками «Долой Наполеона!», «В Кайенну министерство!», «Да здравствует республика!». Они встретили сочувственную поддержку провожавших их жителей столицы. Маршал Канробер, прибывший в Шалонский лагерь для проведения военного смотра, был встречен крайне враждебно. По некоторым сведениям, рядовые мобильной гвардии пустили в ход камни. Правительство старалось скрыть от общественного мнения то, что в действительности произошло в Шалоне. Оно сообщило о незначительном инциденте, вызванном якобы лишь тем, что мобильные гвардейцы были раздражены неудовлетворительным питанием и усталостью с дороги. Однако последовавшими репрессиями оно само же опровергло эту версию. Военный суд приговорил некоторых из участников шалонских волнений к смертной казни. О серьезности событий, происшедших в Шалоне, свидетельствовал и тот факт, что предполагавшееся отправление из Парижа в Шалон новых девяти батальонов мобильной гвардии было приостановлено. Эти батальоны направили

[19] A. Armengaud. Sur l'opinion publique toulousaine en aout 1870. «Annales (Economies-Societes-Civilisations)», 1954, № 1, p. 107.
[20] George Sand. Correspondance, t. VI, p. 10—11.
[21] «Неделя», 14 августа 1870 г., стр. 1022.

в Безансон, Лангр и другие пункты[22]. «Вот какими превосходными средствами поддерживается народный энтузиазм французов! — писала «Неделя» по поводу расправы французского правительства с мобильными гвардейцами в Шалоне.'— Можно с положительностью утверждать только то, что с таким энтузиазмом национальная гвардия не только окажется совершенно не годною для поддержания Второй империи, но может случиться, что Второй империи придется пригласить, как сказал Парье[23], «другие силы» для того, чтобы национальная гвардия, прежде чем итти на защиту Франции, не решилась избавить ее от Второй империи»[24].

Состоявшиеся 6 и 7 августа муниципальные выборы, в свою очередь, показали, насколько шатким было положение бонапартистского правительства в стране. Выборы эти были слабо освещены в печати. Бонапартистская пресса преднамеренно умалчивала о них. Республиканские газеты «Le Reveil», «Le-Rappel», в которых они получили бы правдивое освещение, были 10 августа закрыты бонапартистским правительством. По имеющимся сведениям, в архивах Второй империи не сохранилось сводного обзора результатов августовских выборов 1870 г., основанного на донесениях с мест генеральных прокуроров, наподобие изложенного нами выше сводного обзора предшествовавших муниципальных выборов 1865 г. Такой обзор дал бы ценный материал для выяснения политического положения во Франции в августе 1870 г. Нам приходится поэтому судить о результатах муниципальных выборов 1870 г. по отрывочным данным. Но и эти неполные сведения определенно указывают на значительные успехи, одержанные буржуазными республиканцами и социалистами.

Позднее бонапартист Калле, подводя итоги августовским муниципальным выборам 1870 г., писал: «С вполне законной тревогой пришлось увидеть, как в крупнейших индустриальных центрах Франции в результате выборов администрация оказалась в руках не только более или менее радикальных, более или менее сведущих республиканцев, но и неистовых социалистов, явно неспособных к управлению»[25]. Калле вынужден был признать, что во многих местах выборы вылились в демонстрацию республиканских настроений населения. «Обновление муниципальных советов,— писал он,— предоставило республиканской партии в провинции новый удобный случай подсчитать

[22] «Le Gaulois», 8 aout 1870.
[23] Парье (Parieu) — министр-председатель Государственного совета Второй империи, член Сената.
[24] «Неделя», 14 августа 1870 г., стр. 1022.
[25] A. Callet. Les origines de la Troisieme Republique. Paris, 1921, p.- 27.

свои силы. В обстановке общественного траура она на глазах у торжествующего неприятеля, вторгшегося в нашу страну, старалась придать муниципальным выборам политический характер, чтобы ослабить правительство и продемонстрировать перед неприятелем всю глубину и непримиримость наших внутренних расхождений»[26].

В числе городов, в которых избирательную победу одержали республиканцы, Калле называл такие крупные провинциальные центры Франции, как Лион, Марсель, Гавр, Сент-Этьенн, Бордо, Тулуза. О том же говорят и показания других лиц. Так, по свидетельству правого буржуазного республиканца Туреля, избранного 7 августа 1870 г. в муниципальный совет Марселя, «республиканская партия в Марселе была настолько уверена в своих силах, что выступила одна против всех других партий, объединившихся в борьбе против нее... Весь ее список прошел полностью. Другие партии не провели ни одного человека»[27]. В Гавре, по словам бывшего мэра этого города, муниципальные выборы носили такой острый политический характер, что «смысл голосования фактически сводился к высказыванию за или против империи». В результате выборов «ни один из членов предшествующей администрации, ни один член муниципального совета, принадлежавший к антидемократическому списку, не был переизбран»[28]. Муниципальный совет Гавра оказался в руках одних только республиканцев. В Бордо, по сообщению газеты «Temps», «кандидатуры, выставленные демократами, собрали наибольшее число голосов». Крупный успех, по сведениям той же газеты, имел демократический список в Орлеане. Почти полностью прошел демократический список в Пюто (деп. Сена). Только один кандидат из этого списка был выставлен во втором туре голосования... «В Нейи,— писала «Temps»,— избирательная борьба в связи с обновлением муниципального совета... выглядит весьма ожесточенной. Демократические комитеты опубликовали программу и список кандидатур»[29]. В состав муниципального совета г. Каркасон, согласно свидетельству префекта департамента Од, были избраны одни республиканцы[30]. То же имело место в Ниме[31] и во многих других местностях. «Случаи полного успеха демократического списка весьма многочисленны»,— указывала «Temps»,

[26] A. Callet. Op. cit., p. 27.

[27] «Actes», t. V, p. 548. Deposition Thourel.

[28] L. Brindeau. Les evenements de 1870—71 au Havre. Le Havre, 1909, p. 36.

[29] «Temps», 7, 10 aout 1870.

[30] «Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 136. Rapport de M. le prefet du departement de l'Aude.

[31] «Actes», t. VII, p. 242. Deposition Boissel.

называя ряд городов и коммун[32]. А в Тулузе — по сообщению той же газеты — «3Д избранных членов муниципального совета принадлежали к демократам-социалистам»[33].

В ряде мест несомненное влияние на исход выборов оказали первые военные поражения империи. Именно поэтому в Перпиньяне, например, местные власти скрывали от населения до-завершения выборов известие о поражениях 6 августа. Так же поступили бонапартисты и в некоторых коммунах департамента Жер и других департаментов.

Августовские муниципальные выборы принесли крупный успех оппозиционным партиям Второй империи — буржуазным республиканцам, социалистам, отчасти орлеанистам, выступившим на этот раз под «демократической» личиной[34].

2

Бонапартистское правительство страшилось, главным образом, того, что рабочие Парижа, в ответ на поражения 6 августа, выступят против империи под руководством депутатов левой фракции. 7 августа министр иностранных дел Шевандье де Вальдром предложил «с целью предотвращения революции» арестовать 22 левых депутата, в числе которых были им названы Гамбетта, Фавр, Пикар, Ферри, Пеллетан, Ординер, Кератри, Дориан[35]. Ввиду крайней непопулярности императрицы Евгении, назначенной регентшей на время пребывания Наполеона III в армии, эта мера была, по предложению Оливье, отложена до предполагавшегося в ближайшие дни возвращения в Париж Наполеона III.

Однако поведение буржуазных республиканцев рассеяло первоначальные опасения бонапартистов. 7 августа Фавр, Симон, Пеллетан и некоторые другие депутаты левой фракции отправились к председателю Законодательного корпуса Шнейдеру. Фавр настойчиво убеждал Шнейдера в необходимости безотлагательно отстранить Наполеона III от командования армией, а также лишить его исполнительной власти, которую следует передать комитету из 15 человек, выделенному из состава бонапартистского большинства Законодательного корпуса. Глава республиканской оппозиции заверял бонапартиста Шнейдера в том, что депутаты левой фракции далеки от мысли претендовать на участие в новой власти. «Мы, мои друзья и я,

[32] «Temps», 18 aout 1870.

[33] Ibid., 24 aout 1870.

[34] Это видно, в частности, из рассуждений газеты «Temps», которая в своих сообщениях о результатах выборов 1870 г. зачисляла орлеанистов в демократический список.

[35] R. Dreyfus. Op. cit., p. 101; J.P.T. Bury. Op. cit., p. 39.

докажем это, полностью стушевавшись,— заявил Фавр.— Мы убеждены, что Законодательный корпус должен взять власть в свои руки; мы же на власть не претендуем, мы хотим лишь служить ей»[36]. Фавр настаивал на скорейшем созыве Законодательного корпуса[37], на первом заседании которого и следовало, по его мнению, принять предлагаемые им решения.

Касаясь впоследствии своего поведения 7 августа 1870 г., Жюль Фавр откровенно признавал: «Я умолял моих противников взять власть в свои руки, хотя мне было хорошо известно, что они воспользуются ею против моих взглядов. Я отнюдь не изменил своего мнения о Законодательном корпусе: составлявшие его официальные кандидаты не представляли страну; тем не менее это была законная власть, и я склонялся перед нею без всякой задней мысли....»[38].

Шнейдер не обнаружил склонности поддержать в Законодательном корпусе предложения левых депутатов. Он объявил первое из них (отстранение Наполеона III от командования армией) преждевременным, а второе (создание правительственного комитета) противоконституционным.

Подводя вечером 7 августа политический итог этого критического для империи дня, бонапартист, которого Ранк называет Депортом, писал: «Дело обошлось благополучно. Однако достаточно было малейшего колебания полиции, и это приняло бы дурной оборот. Не знаю, чем бы все это кончилось в том случае, если бы депутаты левой оказались в Париже и решительно встали во главе движения. (К счастью, эти господа за городом. Они прибудут завтра[39]. Но время уже упущено. Словом, нас это выручило, и мы. пока благополучно преодолели первый критический момент»[40].

Правительство, оправившись от первоначально охватившего его замешательства, приняло ряд чрезвычайных мер, имевших целью беспощадно подавить возможные выступления. Уже 7 августа оно объявило Париж на осадном положении. Во главе парижского гарнизона был поставлен ярый бонапартист маршал Бараге д'Илье. В столицу были вызваны из Шербура 10 тыс. солдат морской пехоты[41] и переведены войска из некоторых пограничных департаментов[42]. Сюда была направлена также часть войск маршала Канробера, потерпевших поражение 6 августа у Вёрта. Об этом мы узнаем от Энгельса. «Из войск Канробера,— писал он 13 августа 1870 г. в «Pall Mall gazette»,— мы неожиданно обнаруживаем по крайней мере одну дивизию (Мартемпрэ) в Париже, обращенную не против немцев, а против республиканцев»[43]. Энгельс определил в 40 тыс. человек количество войск, сосредоточенных в Париже для подавления революционных выступлений[44]. 8 августа было введено осадное положение и в ряде департаментов, в том числе в департаментах Кот-д-Ор, Сона-и-Луара, Эн, Рона, которым не угрожала непосредственная военная опасность.

Одновременно 7 и 8 августа были опубликованы три воззвания к населению Парижа и провинции. Правительство демагогически призывало в них всех «добрых граждан» возродить традиции 1792 г. и «сплотиться в одну партию, партию Франции, стать под одно знамя, знамя национальной чести». Оно убеждало население «поддерживать порядок, ибо нарушать его — значит быть в заговоре с врагами». В прокламации к парижанам от 8 августа подчеркивалось, что участие в волнениях равносильно борьбе против французской армии. Республиканцы объявлялись в ней врагами отечества, шпионами Пруссии[45]. Ввиду чрезвычайных обстоятельств было постановлено созвать 9 августа чрезвычайную сессию Законодательного корпуса..

Левые депутаты между тем вступили в сговор с орлеанистами. «Согласно имеющимся у нас сведениям,— сообщала по этому поводу лондонская «Pall Mall gazette»,— некоторые политические деятели Франции из орлеанистской и республиканской партий обсуждали вопрос о выдвижении в палате предложения об установлении временного правительства»[46]. Центральный орган немецкой социал-демократической рабочей партии «Der Volksstaat» также сообщал о сговоре левых депутатов с орлеанистами как о несомненном факте. «С полной достоверностью установлено,— писала газета,— что благонамеренные господа республиканцы оттенка Жюля Фавра объединились с орлеанистами, чтобы спасти монархический принцип за счет династии Бонапартов»[47].

Политическая линия буржуазных республиканцев определилась, таким образом, уже в начале августа 1870 г. В страхе

[36] J. Favre. Le Gouvernement de la defense nationale, t. I. Paris, 1871, p. 32.

[37] Правительство первоначально предполагало возобновить заседания Законодательного корпуса 11 августа.

[38] J. Favre. Op. cit., t. I, p. 31; «Actes», t. V, p. 149. Deposition Favre. Такую же позицию занимял и Жюль Симон. См. J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 254.

[39] Только небольшая группа левых депутатов, посетившая Шнейдера, находилась 7 августа в Париже. Все остальные отсутствовали.

[40] A. Ranc. Sous l'Empire, p. 156.

[41] «Times», 11 August 1870; «Pall Mall gazette», 11 August 1870.

[42] «Annales...», Corps Legislatif. Seance du 10 aout 1870, p. 20.

[43] Ф. Энгельс. Заметки о войне. 13 августа 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 41.

[44] Ф. Энгельс. Заметки о войне. 15 августа 1870 г. Там же, стр. 44.

[45] «Temps», 9, 11 aout 1870.

[46] «Pall Mall gazette», 9 August 1870.

[47] «Der Volksstaat», 11. August 1870.

перед рабочей революцией они бросились в лагерь монархической реакции, чтобы совместными усилиями предотвратить свержение империи и установление республики революционным путем. Впоследствии сами буржуазные республиканцы откровенно признавали, что в эти дни подавляющая часть населения Парижа высказывалась за свержение империи. Так, например, Жюль Симон в своих позднейших воспоминаниях писал о том, что уже после 6 августа «о низложении Наполеона III.— *Э. Ж.* заговорили в Париже все, кто находился в оппозиции к империи, а это были широкие массы населения»[48].

Рабочие Парижа, как мы зна.ем, были в августе 1870 г. лишены своих наиболее опытных и активных руководителей (Бланки, Варлена, Дюпона и ряда других). Преследования французских секций Интернационала, особенно усилившиеся со времени майского плебисцита 1870 г. и завершившиеся в июне — июле того же года третьим процессом парижской организации Интернационала, обезглавили французский рабочий класс. За несколько дней до описываемых нами событий, 2 августа 1870 г., Маркс писал И.-Ф. Беккеру»—«Наши французские секции разрушены, самые испытанные люди — либо бежали, либо заключены в тюрьму»[49]. Протоколы заседаний Генерального совета Интернационала за вторую половину июля и начало августа указывают на новую волну преследований деятелей Интернационала, поднявшуюся во Франции после объявления войны[50]. Об этом же свидетельствует социалистическая печать.

Уцелевшие в Париже социалисты предприняли попытку организовать массовое выступление рабочих в день открытия чрезвычайного заседания Законодательного корпуса. Об этом мы узнаем из переписки деятельницы русского революционного движения А. В. Корвин-Круковской, получившей такие сведения от Малона, арестованного в Париже в мае 1870 г. и выпущенного на поруки. «На-днях пришло второе письмо от Малона, в котором он пишет очень туманно и экзальтированно и говорит, что в Париже что-то готовится и затевается»,—писала А. В. Корвин-Круковская в начале августа 1870 г. из Женевы своей сестре Софье Ковалевской в Гейдельберг[51].

Сообщение А. В. Корвин-Круковской частично подтверждается показаниями одного из полицейских комиссаров Второй империи. «9 августа,— заявил он,— я находился на посту в здании палаты. В кабинете префекта нам сообщили, что мастерские в этот день, вероятно, будут закрыты... Нам стало известно, что мастерские не работают и что там происходит какое-то движение»[52]. Правительство узнало о готовившемся выступлении. Министр внутренних дел Шевандье де Вальдром 8 августа доложил регентше о «происках демагогической партии, замышляющей вторгнуться завтра силой в Законодательный корпус»[53]. Утром 9 августа был арестован член парижской федерации Интернационала Пенди, возглавлявший «Комитет действия», созданный для руководства выступлением.

Мы, к сожалению, не располагаем достоверными сведениями о ходе подготовки к 9 августа массовой манифестации. Мы можем лишь высказать предположение, что ее провал явился результатом провокации со стороны кого-либо из окружения Пенди. Не исключена возможность, что провокационную роль сыграл и он сам. Сейчас документально установлено, что несколько позднее, а именно в 70-х годах, Пенди находился в переписке с полицейским агентом Второй империи Оскаром Тестю, организатором шпионажа в международном рабочем движении[64]. Вопрос о виновниках провала манифестации 9 августа 1870 г. и, в частности, о роли Пенди в этот период, заслуживает тщательного изучения[55], тем более что сам он называл себя тогда мютюэлистом и, следовательно, был противником политических выступлений. В письме к бельгийскому социалисту Э. Гинсу от 28 сентября 1869 г. Пенди следующим образом объяснял свое голосование на Базельском конгрессе Интернационала против коллективной собственности на землю: «Из коммуниста я превратился в мютюэлиста и не питаю никакой надежды на то, что снова превращусь в коллективиста: это означало бы итти вспять»[56].

В дни 7—9 августа рабочие Парижа обращались к депутатам левой оппозиции, предлагая им возглавить борьбу за свержение империи. Это подтвердили в своих показаниях перед правительственной следственной комиссией в 1872 г. сами левые-депутаты. Вот что сообщил Гарнье-Пажес: «Когда войска

[48] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 238.

[49] Маркс — И.-Ф. Беккеру. 2 августа 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 65.

[50] См. Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. П/30. Minutes of the General Council of the I International. 1870. Council Meetings, July 19, 26; August 2.

[51] И. Книжник-Ветров. А. В. Корвин-Круковская (Жаклар). М., 1931, стр. 48.

[52] «Enquete parlementaire sur (Insurrection du 18 mars 1871», p. 270. Deposition Mace.

[63] Об этом сообщает de La Gorce («Histoire du Second empire», t. VII, P. 18), ссылаясь на архив Шевандье де Вальдрома, которым он располагал.

[54] См. G. Del Bo. -Lo spionnagio intorno alia I Internazionale. Oscar Testut, agento segreto «Numero 47». «Movimento operaio», 1952, № 5—6.

[й] Часть французских социалистов в свое время подозревала Пенди в тайных сношениях с бонапартистской полицией. См., напр., G. Da Costa. ommune vecue. t. II, p. 267—268.

Архив И.ч-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. Ш/1927. Пенди — Э.Гинсу. Париж, 28 сентября 1869 г.

покинули Париж, к нам приходили люди из предместий и говорили: «Париж остался без войск; мы готовы вручить вам власть». Я и мои коллеги сопротивлялись почти с гневом... Я говорил им: «Нет! нет! мы потерпели только первое поражение, но ведь маршал Базен еще сражается, маршал Мак-Магон продвигается вперед. То, что нам нанесли поражение на нашей границе, еще не может служить основанием для отчаяния. Если вы совершите сейчас революцию, то это будет преступлением с вашей стороны» [57].

В числе депутатов, к которым парижские рабочие безуспешно обращались с предложением возглавить их борьбу за установление республики, был также Гамбетта. Но и его отношение к революционному свержению империи ничем не отличалось, как мы видели, от отношения других левых депутатов [58].

Неудачей окончилась настойчивая попытка, предпринятая представителями парижской федерации Интернационала совместно с редакторами прогрессивных газет склонить левых депутатов к участию в организации 100-тысячной манифестации ко дню открытия заседания Законодательного корпуса. «Решено было, однако, ждать дальнейших событий»,— таков был результат переговоров, происходивших по этому поводу [59]. Другое совещание, состоявшееся на квартире у левого депутата Жюля Ферри, также оказалось бесплодным. «Колебались, так как не хотели, чтобы республика родилась из мятежа»,— сообщал впоследствии брат депутата Шарль Ферри [60].

Буржуазные республиканцы поспешили поддержать движение за всеобщее вооружение населения, начавшееся повсеместно во Франции с первых дней войны и усилившееся после первых поражений французской армии. Они при этом руководствовались двоякой целью: 1) укрепить в массах иллюзию, будто всеобщее вооружение населения осуществимо и при сохранении империи; 2) парализовать намерение насильственно захватить оружие, имевшееся уже в эти дни у части парижских рабочих [61]. Как будет видно из дальнейшего изложения, буржуазные республиканцы, требовавшие на словах всеобщего вооружения населения, способного носить оружие, в действительности делали все возможное, чтобы воспрепятствовать вооружению рабочих масс.

8 августа левые депутаты на своем фракционном совещании приняли декларацию о необходимости «немедленно вооружить всех граждан Парижа» [62]. Была выделена делегация из трех депутатов — Фавра, Пикара, Ферри — для переговоров с министром внутренних дел. На подступах к Бурбонскому дворцу, в котором происходило совещание, ожидала огромная толпа. Многие намеревались сопровождать делегацию. Другие решили дожидаться ее возвращения у здания Законодательного корпуса [63].

Текст декларации за подписью 17 депутатов левой фракции был опубликован в ряде парижских газет. Вопрос должен был решиться 9 августа в ходе заседания Законодательного корпуса.

3

Хотя значительной части бонапартистов было уже ясно, что буржуазные республиканцы «неспособны рискнуть на переворот», все они, однако, с крайней тревогой ожидали дня открытия заседаний Законодательного корпуса. Они считали, что для империи опасность еще не миновала, так как 9 августа «республиканские вожди могут оказаться вынужденными действовать вопреки их воле»—под давлением масс. Бонапартисты не были склонны переоценивать внешнее успокоение, наступившее в Париже с вечера 7 августа. «Париж лишь с виду спокоен,— писал один из них.— День 9 августа будет тяжелым... Так будем же начеку и ради спасения главного предоставим огню то, чего нельзя отстоять; иначе пожарные прибудут слишком поздно и дом сгорит целиком» [64].

Часть бонапартистов считала возможным сохранить бонапартистский режим даже после поражений 6 августа, если пойти во имя этого на нарушение прерогатив императора. Она готова была решением Законодательного корпуса отстранить окончательно дискредитировавшее себя министерство Оливье, заменив его новым кабинетом. Согласно конституции, этот акт осуществлялся императором. Сторонники такой «уступки» надеялись спасти империю, опередив левых депутатов и взяв инициативу смещения министерства Оливье в свои руки. Они рассчитывали, в случае, если это им удастся, снова навязать стране правительство правых бонапартистов. Преодолевая колебания другой части бонапартистов, не решавшихся на такой шаг, они настаивали на необходимости решительных и быстрых действий. Бонапартист, названный Депортом, писал 7 августа: «Не может быть никаких колебаний; надо действовать решительно и, не теряя ни минуты, на первом же заседании Законодательного корпуса пожертвовать прежде

[57] «Actes», t. V, p. 202. Deposition Garnier-Pages.
[58] См. выше, стр. 200.
[59] I. Tchernoff. Op. cit., p. 602.
[60] Ibid., p. 598.
[м] См. J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 266.

[62] «Temps», 9 aofit 1870.
[63] «Journal de Geneve», 11 aoflt 1870.
[64] A. Ranc. Op. cit., p. 155—157.

всего Оливье, Грамоном и всем министерством... Именно вам, членам большинства, следует сбросить министерство 2 января[65] и сформировать кабинет общественного спасения... Действуя таким образом, мы, я надеюсь, останемся господами положения...»[66].

8 августа в Бурбонеком дворце собрались депутаты правой фракции, правого и левого центра. Все они сошлись на следующих требованиях, которые признано было необходимым безотлагательно предъявить регентше: 1) немедленно сменить министерство Оливье; 2) назначить генерала Трошю военным министром в новом кабинете; 3) генерала Монтобана графа де Паликао назначить командующим войсками, которые должны будут составить армию для прикрытия Парижа. Вечером того же дня делегация от названных трех фракций была принята регентшей.

Уже один тот факт, что генерал Трошю, находившийся в оппозиции к империи, был выдвинут бонапартистами на пост военного министра, свидетельствовал о серьезности создавшегося политического кризиса. Решающую роль при выдвижении Трошю играло то, что он сумел завоевать популярность среди широких масс населения как человек, который задолго до начала войны осуждал военную организацию французской армии[67]. Сотрудничество с Трошю представлялось бонапартистам спасительным для империи при создавшихся после поражений 6 августа обстоятельствах.

Трошю, с которым с 7 августа велись переговоры от имени регентши, не был, однако, назначен военным министром. Выставленные им требования были единодушно признаны неприемлемыми. Трошю соглашался принять пост военного министра[68] только при условии, что ему будет дана возможность подвергнуть с трибуны Законодательного корпуса неограниченной критике военные мероприятия правительства, все ошибки, совершенные им со времени австро-прусской войны 1866 г. Трошю намеренно выдвигал условия, которые, как он заранее знал, не будут приняты. Это был маневр с его стороны, рассчитанный на то, чтобы избегнуть сотрудничества с режимом, обреченность которого была для него в то время уже ясна. В голове этого честолюбивого карьериста зрели иные планы.

[ao] министерство Оливье, как было сказано, пришло к власти 2 января 1870 г.

[66] A. Rапс. Op. cit, p. 156.

[67] «Actes», t. V, p. 85. Deposition Brame.

[e3] Трошю впоследствии утверждал, что ему было предложено занять не только пост военного министра, но и возглавить новый кабинет. Предложение будто бы сделали презседател Законодательного корпуса Шнейзер и адъютант императора адмирал Жюрьен де ла Гравьер. См. Gen. Trochu. Une page d'histoire contemporaine devant l'Assemblee Nationale Paris, 1871, p. 25.

Условия, выставленные Трошю, были отклонены. Регентша дала понять депутатам, что на пост главы нового правительства и военного министра намечен граф де Паликао. Таким образом, к открытию заседания Законодательного корпуса бонапартисты имели наготове свой кабинет. Паликао, командовавший в то время 4-м армейским корпусом, был срочно вызван из Лиона[69]. Этот ярый бонапартист должен был подобрать себе соратников из того же лагеря, к которому принадлежал сам.

9 августа в 1 час дня открылось заседание Законодательного корпуса. Оно происходило под усиленной военной и полицейской охраной. Кавалерийскими и пехотными частями, охранявшими Бурбонский дворец, распоряжался лично маршал Бараге д'Илье. Парижская печать, в частности газета «Le Gaulois», следующим образом описывала внешний вид столицы в этот день: «Прилегающие к палате улицы со всех сторон заполнены вооруженными войсками. На набережной д'Орсэ и вдоль террасы Тюильрийского дворца правительство расставило батальоны морской пехоты. Все мосты доотказа запружены войсками. Национальные гвардейцы, подкрепленные полицейскими войсками, занимают мост Согласия. Даже вход в здание Законодательного корпуса обложен конными частями Парижской гвардии... В парках, прилегающих к резиденции председателя палаты, у здания министерства иностранных дел, на всех углах расположились батальоны 25-го линейного полка, морской пехоты, Парижской гвардии, национальной гвардии. На площади у улицы Бургонь конная и пешая Парижская гвардия... От Тюильрийского дворца через улицу Риволи направляются к зданию Законодательного корпуса батальон императорской гвардии и батальон зуавов. Вход в парк Тюильрийского дворца закрыт. Парк заполнен войсками»[70]. Описания других парижских газет в основном совпадают с приведенным.

В 1 ч. 13 м. дня, в момент открытия заседания Законодательного корпуса, регентша телеграфировала Наполеону III: «Вы не представляете себе положения... Огромные трудности... у меня нет командующего войсками, чтобы встретить события: на улицах почти уже бушует мятеж... Через 48 часов я буду предана — одними под влиянием страха, другими вследствие недомыслия»[71].

Площадь Согласия и прилегающие к Законодательному корпусу улицы заполнили многие тысячи парижан[72]. Среди них преобладало население рабочих кварталов столицы. Очевидец

[69] «Actes», t. V, p. 73. Deposition Palikao.

[70] «Le Gaulois», 11 aofit 1870.

[71] «Papiers secrets du Second empire», № 12. Bruxelles, 1871, p. 35.

[72] По одним сведениям (G. Lefran5ais. Souvenirs d'un revolution-?D[1r]i' P' 3), их было около 30 тыс. человек; по другим — около 100 тыс. (P. Lissagaray. Histoire de la Commune de 1871. Paris, 1929, p. 2).,

событий этого дня бонапартист Лудэн[73] по этому поводу сообщал: «Я провел два часа на площади Согласия, переполненной, как и все соседние улицы, народом. В толпе мало буржуа; в большом количестве блузники... Мост и аллеи, ведущие к зданию палаты, преграждены войсками. Я прислушиваюсь к тому, о чем говорят во всех группах. Ясно одно: большинство, если не почти весь этот народ, состоит из мятежников и из самой демократической части населения: здесь присутствует Бельвилль. Из одной группы до меня доносятся слова: «Мы, рабочие завода Кэль, все явились сюда; мы пришли с грязными от работы руками». Эти люди открыто высказываются против правительства... Они требуют оружия и жалуются на то, что его не дают народу. Ясно, что оружие предназначается не для того, чтобы сражаться с врагом... Разные лица... обращаются к толпе с речами. Раздаются возгласы: «Да здравствует республика!», гремят звуки «Походного гимна». Несутся крики: «К палате!». Тысячи людей с пением двинулись вперед, направляясь к мосту...»[74].

От другого очевидца, публициста Людовика Галеви, мы также узнаем о требованиях провозглашения республики, раздававшихся 9 августа на подступах к Законодательному корпусу и исходивших от парижских рабочих. «С республикой мы двинемся вперед против пруссаков!», только что говорили рабочие у круглой дворцовой террасы»[75],— записывал он 9 августа в свой дневник о виденном и слышанном на подступах к Бурбонскому дворцу[76].

Впоследствии левый депутат Жюль Симон, ссылаясь на личные наблюдения, утверждал, что 9 августа 1870 г. у здания Законодательного корпуса, «находилось известное число вожаков парижских рабочих.— *Э. Ж-,* а также большинство лиц, завоевавших себе в последние годы популярность и влияние на публичных собраниях». Жюль Симон признавал, однако, что «настоящие вожди» рабочих здесь отсутствовали[77].

Когда в ответ на раздавшийся из рядов манифестантов клич: «Вперед, к палате!» вся многотысячная масса двинулась к Законодательному корпусу, ей преградили путь кавалерийские отряды, охранявшие Бурбонский дворец. Имеются сведения о стрельбе, неоднократно раздававшейся в этот день поблизости от Законодательного корпуса[78]. Отдельные группы, прорвавшиеся к Бурбонскому дворцу, проникли в прилегающий к нему сад[79].

Только при учете того, что присходило 9 августа вне Законодательного корпуса, в гуще народных, масс, обступивших Бурбонский дворец, можно правильно оценить события, происходившие в этот день в Законодательном корпусе.. Буржуазные историки, игнорирующие это важнейшее обстоятельство, неправильно истолковывают сущность тех острых и бурных прений, которые развернулись 9 августа в палате.

Что же в действительности произошло в зале заседаний Законодательного корпуса?

Заседание открылось пространным выступлением Эмиля Оливье, сделавшего последнюю попытку спасти свой кабинет. Неоднократно прерываемый депутатами оппозиционных фракций, Оливье всячески старался представить военное положение Франции в лучшем свете, чем оно было в действительности., Первые неудачи французской армии, уверял он, не окажут существенного влияния на дальнейший ход войны, ибо подавляющая часть армии «не только не побеждена, но и не вовлечена, еще в военные операции»; солдаты, участвовавшие в первых боях, показали образцы мужества и героизма; армия в целом воодушевлена патриотизмом и верой в близкий реванш. «Ни одно из наших природных укреплений, ни одна из наших крепостей,— заявил Оливье,— не находятся в руках неприятеля; наши огромные ресурсы остаются нетронутыми... Страна чувствует, как вместе с испытанием возрастает ее стойкость»[80]. В данный момент, доказывал далее Оливье, правительство нуждается только в том, чтобы получить поддержку палаты в деле «организации национального движения», к чему оно уже приступило. Париж надолго обеспечен провиантом. Всюду на местах организуется национальная гвардия; упрощаются формальности при зачислении добровольцев. Этими и другими мероприятиями правительство рассчитывает не только пополнить убыль французской армии, но и увеличить ее численность. «Чтобы получить возможность еще большего пополнения армии и создания новой армии в 450 тыс. человек,— заявил Оливье,— мы предлагаем прежде ьсего увеличить численность мобильной национальной гвардии, призвав в ее ряды всех холостых мужчин в возрасте от 25 до 30 лет... Мобильную гвардию следует влить. в состав действующей ар.мии, в которую, кроме того, должен быть призван контингент 1870 г.»[81].

Вслед за тем генерал Дежан, исполнявший обязанности военного министра во время отсутствия маршала Лебефа, назначен-

[73] Псевдоним реакционного публициста Эжена Балейгье.

[74] E. Loudun. Journal de Fidus. La revolution de septembre, t. I. Paris, 1889, p. 50—51.

[75] Речь идет о круглой террасе Бурбонского дворца, выходящей на площадь Согласия.

[76] C Halevy. Op. cil, t. И, p. 219.

[77] J. Simon. Ongine et chute du Second empire, p. 247.

[78] «Journal de Geneye», 12 aoflt 1870; «Pall Mall gazette», 11 August

[79] «Actes», t. V, p. 171-172. Deposition Ferry.

[80] «Annates...» Corps Legislatif. Seance du 9 aoflt 1870, p. 2.

[81] Ibid., p. 3.

ного после объявления войны начальником главного штаба Рейнской армии, зачитал текст законопроекта «Об увеличении численности вооруженных сил Франции». Пышные фразы законопроекта об усилиях, прилагаемых правительством для повсеместной организации и поощрения «национального движения», скрывали подлинный замысел бонапартистского министерства. Законопроект имел целью не поощрять «национальное движение» или, иными словами, формирование местной и мобильной национальной гвардии, а, напротив, препятствовать ему. Мобильная гвардия, в частности, подлежала укомплектованию лишь теми холостыми мужчинами в возрасте от 25 до 30 лет, которые отбыли военную службу в армии и, следовательно, прошли школу армейской дисциплины и соответствующей идеологической обработки. Укомплектованная таким образом мобильная гвардия должна была быть влита в действующую армию, что являлось в глазах правительства гарантией ее безопасности для существующего режима.

Фавр, с трудом получивший слово после выступления Оливье, от имени 34 депутатов левой фракции внес на рассмотрение Законодательного корпуса два предложения. Первое касалось национальной гвардии.

Обращаясь к депутатам, глава левой оппозиции лицемерно твердил, что в условиях, когда «иноземец наступает на Париж..., было бы преступно отказать любому жителю столицы в оружии, которое ему необходимо для защиты его очага»; палата, следовательно, должна вынести решение о вооружении «боеспособных граждан города Парижа, занесенных в списки избирателей». Фавр настаивал на соблюдении закона 1851 г. о национальной гвардии. Этот закон, однако, исключал из рядов национальной гвардии неимущее население, не располагавшее средствами, чтобы обмундироваться за собственный счет. Таким образом, буржуазные республиканцы, депутаты Законодательного корпуса, были в действительности противниками вооружения рабочих. Они добивались выдачи оружия только буржуазным слоям населения. Прикрываясь демагогическим требованием всеобщего вооружения граждан, они преследовали лишь одну цель — ввести в заблуждение широкие массы французского народа и этим отвратить революционное свержение империи.

Предложение левой фракции не было отклонено: политическая обстановка в стране в этот момент была слишком напряженной. Но к нему была принята поправка о необходимости вооружить также национальную гвардию остальной Франции. Затем оно было направлено на рассмотрение комиссии, специально выделенной для этой цели. Внесение поправки было вызвано страхом перед революционными массами Парижа, ненавистью к ним, стремлением вооружить реакционные элементы провинции, в том числе крестьянства, чтобы в случае необходимости призвать их в столицу на помощь правительству. Все это прозвучало в выступлениях ряда депутатов-бонапартистов. Оливье в заключительной части своей речи грозил вооруженным подавлением любых антиправительственных демонстраций, нарушающих общественный порядок и играющих, по его словам, на руку пруссакам. Правительство, заявил Оливье, намерено «призвать на помощь, помимо храброй и преданной национальной гвардии Парижа, также национальную гвардию всей Франции»[82]. Этим заявлением, вызвавшим одобрительную реакцию у правых депутатов, Оливье ставил под сомнение «благонадежность» парижской национальной гвардии. В тот же день и в Сенате, в речи председателя Государственного совета, ярого бонапартиста Парье, прозвучала угроза по адресу «меньшинства», которое попыталось бы насильственно нарушить «национальное единство». Парье настаивал на необходимости призвать в столицу национальную гвардию провинции, давая понять, что это требуется для борьбы против революционного Парижа[83].

Впоследствии Жюль Симон откровенно разъяснил, чем в действительности руководствовался 9 августа 1870 г. бонапартистский Законодательный корпус, принимая такую поправку. «Чувствовали,— писал он,— что Париж стоит перед революцией, и это пробуждало вражду к нему»[84]. Следует отметить, что прогрессивная русская газета «Неделя» уже в то время, в августе 1870 г., правильно объясняла истинный смысл поправки, внесенной бонапартистами к предложению левой фракции[85].

Второе предложение левых депутатов вызвало ожесточенные споры и было отвергнуто бонапартистским большинством. Так же как и 7 августа в кабинете у Шнейдера, Фавр настаивал на том, чтобы Законодательный корпус немедленно отстранил от командования армией и от государственного управления Наполеона III, поставившего страну «на волосок от гибели». «Император,— заявил Фавр,— должен покинуть штаб-квартиру. Он не должен более командовать армией: его преследуют неудачи, и он должен возвратиться». Что касается исполнительной власти, то она должна быть передана комитету из 15 членов Законодательного корпуса.

Убеждая депутатов, что «спасение отечества» властно требует принятия такого решения, Фавр одновременно давал по-

«Annales...» Corps Legislatif Seance du 9 aout 1870, p. 3.
«Annales...» Senat. Seance du 9 aout 1870, p. 2.
J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 243
«Неделя», 14 августа 1870 г., стр. 1022..

нять, что это не единственный мотив, побуждающий его настаивать на неотложности такого акта. «Если мы хотя бы еще на десять минут оставим власть в руках тех, кто ею сейчас обладает, мы погибли»,— заявил он, имея в данном случае в виду отнюдь не «интересы отечества». Его беспокоили рабочие массы Парижа, заполнявшие в тот момент подступы к зданию Законодательного корпуса и требовавшие провозглашения республики.

Другие депутаты левой фракции, со своей стороны, прилагали усилия, чтобы ускорить решение Законодательного корпуса. Жюль Ферри обращал внимание депутатов на то, что в настоящий момент «солдаты расстреливают парижский народ». Пеллетан указывал, что «в этот самый момент происходят столкновения народа с парижскими войсками» [86].

Напуганные выстрелами, раздававшимися поблизости от Бурбонского дворца, левые депутаты поспешили на помощь маршалу Бараге д'Илье. Жюль Ферри появился на террасе дворца как раз в тот момент, когда народ ворвался в примыкающий ко дворцу сад. Он старался всевозможными доводами убедить рабочих отказаться от намерения проникнуть в помещение Законодательного корпуса. Он призывал их к спокойствию, доказывая, что именно в этом состоит их патриотический долг.

В более поздних своих показаниях, после подавления Парижской Коммуны, Ферри не преминул напомнить восторжествовавшей реакции об услуге, которую он оказал империи 9 августа 1870 г. «В этот день, 9 августа,— сообщил он следственной комиссии,— вокруг палаты царило большое волнение и сильное возбуждение. Оно возросло до такой степени,— факт, который может быть засвидетельствован и другими,— что народ ворвался в небольшой сад на набережной, возле самого здания Законодательного корпуса. Тот, кто разговаривает сейчас с вами, обратился тогда с энергичным призывом к патриотическим чувствам этой обезумевшей толпы, заставил ее отступить и добился того, что она не проникла внутрь... В известной мере благодаря мне Законодательный корпус не был 9 августа захвачен народом» [87].

В Законодательном корпусе прения принимали все более бурный характер. Поведение левых депутатов окончательно убедило бонапартистское большинство в том, что в лице депутатов-республиканцев, обещавших в предшествующие дни всемерно содействовать «сохранению порядка» [88], рабочие Парижа в этот решающий день не приобрели союзников.

[86] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 9 aout 1870, p. 11.
[87] «Actes», t. V, p. 171—172. Deposition Ferry.
[88] СМ. «Journal de Geneve», 10 aout 1870.

Поэтому бонапартисты оставались непреклонными. Председатель Законодательного корпуса заявил, что предложение Жюля Фавра о передаче исполнительной власти палате носит «по существу революционный характер». Бонапартист Гранье де Касаньяк усмотрел в этом предложении «начало революции» и, следовательно, «акт предательства по отношению к отечеству». «Я заявляю,— пригрозил он левым депутатам,— что если бы имел честь сидеть на правительственной скамье, все вы, подписавшие это предложение, сегодня же предстали бы перед военным судом» [89].

Сцена, последовавшая за выпадом Гранье де Касаньяка, заслуживает того, чтобы быть отмеченной. С криком: «Вы развязываете гражданскую войну!»—левый депутат Жюль Симон, неистово жестикулируя,— как гласит протокол заседания,— устремился со своего места на середину зала. Приняв трагическую позу, он, обращаясь к правым депутатам, воскликнул: «Мы готовы предстать перед военным судом! Если нас хотят расстрелять, мы готовы; нам остается лишь явиться туда!». Это патетическое заявление возбудило лишь усмешки на правых скамьях. Грамон, министр иностранных дел, откровенно рассмеялся, вызвав негодующий протест левых депутатов. Министры и депутаты, вскочив со своих мест, возбужденно пререкались. Председатель палаты, бессильный восстановить спокойствие, был вынужден прервать заседание.

Столкновения, имевшие место 9 августа в Законодательном корпусе, были порождены острой борьбой за власть между различными фракциями буржуазии. Все они сходились лишь в одном: в стремлении не допустить революции. Левые депутаты доказывали, что это возможно только путем «аннулирования власти императора» и передачи исполнительной власти комитету, составленному из 15 членов Законодательного корпуса. Намереваясь передать власть Законодательному корпусу, они старались снять с него ответственность за ошибки империи. Они направляли свои нападки исключительно против Наполеона III и его министров. Бонапартисты же отдавали себе отчет в том, что при сложившихся обстоятельствах создание такого правительственного комитета практически означает переход власти из их рук в руки орлеанистов и буржуазных республиканцев. Поэтому они пытались сохранить хотя бы номинальную власть за Наполеоном III и доказывали, что, только отстояв существующий режим, можно предотвратить революцию.

Следует при этом подчеркнуть, что в лице буржуазных республиканцев бонапартисты видели 9 августа отнюдь не

[89] «Annates...» Corps Legislatif. Seance du 9 aout 1870, p. 7.

представителей народных масс, как обычно утверждают буржуазные историки, объясняя этим остроту разногласий между бонапартистским большинством и буржуазно-республиканским меньшинством. Напротив, бонапартисты имели в этот день возможность убедиться в том, как страшатся буржуазные республиканцы народных масс. Их недоверие к проекту левых депутатов о передаче исполнительной власти Законодательному корпусу объяснялось в действительности тем, что в лице буржуазных республиканцев они видели союзников наиболее опасных, по их мнению, врагов империи — орлеанисюв.

Когда заседание возобновилось, правый республиканец Э. Пикар предложил ограничиться отстранением кабинета Оливье. Эту меру он считал неотложной, так как «состояние общественного мнения» таково, что «для охраны некоторых министров приходится держать в Париже войска, для которых нашлось бы лучшее применение на границе»[90]. Решение вопроса о передаче исполнительной власти палате можно было, по его мнению, отложить. Бонапартисты, таким обазом, одержали верх. Результаты голосования еще более закрепили их победу: предложение левой фракции было отвергнуто 190 голосами против 53 при 2 воздержавшихся. Если учесть, что левая фракция насчитывала 34 человека, то вывод таков: вместе с левыми депутатами за передачу власти Законодательному корпусу голосовали 19 депутатов, принадлежавших к другим фракциям. Как видно из поименного списка голосовавших[91], это были главным образом орлеанисты. В их числе был и Тьер.

В 5 час. 45 мин. министерство Оливье подало в отставку. По поручению регентши Оливье сообщил депутатам, что сформировать новый кабинет поручено графу де Паликао. Сообщение было встречено на правых скамьях аплодисментами.

Жюль Симон впоследствии писал о том, что 9 августа, после окончания заседания Законодательного корпуса, на площади Согласия его обступила дожидавшаяся здесь толпа, чтобы узнать о результатах заседания. Когда же он сообщил о предложении Жюля Фавра, требовавшего передачи власти Законодательному корпусу, то увидел иронические усмешки и услышал с горечью произнесенные слова: «Да ведь это был бы тот же хозяин только за другими подписями»[92]. Передовые рабочие Парижа правильно расценили поведение левых депутатов в Законодательном корпусе как маневр, имевший целью воспрепятствовать свержению империи.

[90] «Annates...» Corps Legislatif. Seance du 9 aout 1870, p. 8.
[91] Ibid., p. 16-17.
[82] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 249.

Гнев и возбуждение рабочих, когда им стали известны результаты заседания Законодательного корпуса, были так велики, что левым депутатам, после их выхода из Бурбонского дворца, пришлось употребить немало красноречия, чтобы несколько унять «нетерпеливых». Гамбетта, например, вынужден был трижды обращаться с призывом к «спокойствию» и «терпению». «Враги,— заявил он,— смогут истолковать наше волнение как проявление антипатриотических чувств»[93].

Призывы к патриотизму возымели действие: многие парижские рабочие, как мы знаем, далеко еще не освободились в то время от влияния буржуазных республиканцев и от необоснованной веры в их патриотизм.

4

Так окончилось 9 августа 1870 г. заседание Законодательного корпуса, во время которого, как мы видели, правительственные войска под командованием бонапартиста Бараге д'Илье сдерживали, при пособничестве левых депутатов, рабочих Парижа, пытавшихся проникнуть в Бурбонский дворец и оказать свое воздействие на события этого дня.

Услуга, оказанная буржуазными республиканцами империи в дни 7—9 августа, была тем более велика, что войска, которые должны были охранять бонапартистский режим, далеко не все составляли надежную опору правительства. Национальные гвардейцы, выстроившиеся 9 августа вдоль набережной и на площади вокруг Бурбонского дворца, согласно некоторым свидетельствам, «разделяли все эмоции и впечатления толпы»[94]. Часть из них, как сообщал корреспондент русского демократического журнала «Дело», «браталась с парижскими республиканцами»[95]. Повидимому, по этой причине национальные гвардейцы, охранявшие Бурбонский дворец, были вскоре заменены эскадроном кирасир, оттеснившим народ и освободившим набережную от людей[96]. Что касается правительственных войск, то и они, согласно сообщению парижского публициста Ива Гийо, «испытывали колебания»[97]. Недаром бонапартистская печать на следующий день сообщала о том, что «солдаты стреляли вверх, в воздух»[98].

Префект парижской полиции Пьетри впоследствии утверждал, что 9 августа 1870 г. рабочие Парижа имели намерение «разогнать национальное представительство» и что «в этот

[93] «Le Rappel», 1l' aout 1870; «Le Gaulois», 11 aout 1870.
[94] L. Halevy. Op. cit., t. II, p. 222.
[95] «Дело», 1870, № 8, стр. 59.
[96] См. L. Halëvy. Op. cit., t. II, p. 222.,
[97] См. M. Dommanget. Op. cit., p. 10.
[98] «Le Gaulois», 11 aout 1870.

день, безусловно, могла с успехом совершиться революция, так как народ, окружавший Законодательный корпус, состоял из тех же элементов, которые восторжествовали 4 сентября» ". Такое же мнение высказал и полицейский комиссар Жако, участвовавший 9 августа в охране Законодательного корпуса. «9 августа,— заявил он,— мы имели в некотором роде прелюдию того, что произошло 4 сентября... Толпа уже тогда проявляла те же настроения... Мы с трудом сдерживали ее напор со стороны площади Согласия» [10о]. Бонапартистский жандарм Пьетри вполне правильно считал, что опасность, угрожавшая империи, миновала 9 августа не только благодаря «решительной поддержке» военного командования в лице маршала Бараге д'Илье, но и благодаря роли, которую сыграли левые депутаты.

Своим предательским поведением в дни 7—9 августа буржуазные республиканцы продлили существование бонапартистского режима в ущерб национальным интересам Франции, интересам ее безопасности. Даже по признанию официального докладчика правительственной следственной ксмиссии графа Дарю, с первых дней войны установилось «словно молчаливое перемирие между главными членами оппозиции и большинством Законодательного корпуса.— *Э. Ж.»*[101]. Левые депутаты всемерно старались помешать революционному свержению империи. Жюль Фавр впоследствии сам признал это в своих показаниях следственной комиссии. «Я знал,— заявил он,— что революция была совсем близка и что достаточно было не мешать проявлению чувств народа, чтобы император, недостойный сохранять власть, был свергнут... Я страшился революции... Я ожидал от нее еще больших бедствий, нежели те, к которым она уже привела» [102]. Буржуазные республиканцы не только упорно отвергали, как мы видели, настояния рабочих, предлагавших им возглавить движение за установление республики, но и активно препятствовали наиболее решительной части парижского пролетариата осуществить это без их помощи.

Ряд представителей буржуазной интеллигенции ясно сознавал, что после поражений 6 августа только установление республики может спасти Францию от окончательного поражения в войне. «Так примем же республику, если она способна спасти нас от позора и от ужасов этого нашествия!— писал, например, 9 августа Людовик Галеви.— Это надо сделать прежде всего. Республиканский кризис может всколыхнуть страну, взбудоражить всю Европу, заставить призадуматься пруссаков». Сознавая, что империя обречена и что в этот момент возможна только республика, Людовик Галеви добавлял, что он, однако, не видит политической партии, способной установить республику во Франции. «Что за посредственность эта республиканская партия, за исключением Гамбетты!» — бросает он в адрес буржуазных республиканцев, явно переоценивая в данном случае Гамбетту[ш3]. Так же как и другие депутаты левой фракции, Гамбетта в дни 7—9 августа поддерживал предложение о передаче власти Законодательному корпусу и так же, как они, показал себя врагом революционного движения.

В свете изложенных нами фактов становится очевидным, как далека от действительности интерпретация событий 7—9 августа 1870 г. и роли участвовавших в них сил, которую мы находим в буржуазной историографии. Левые депутаты обычно представлены в ней борцами за свержение империи в эти критические для нее дни. Те немногие буржуазные историки, которые не вполне одобряют поведение левых депутатов в день 9 августа, видят их вину лишь в том, что они недостаточно настойчиво добивались передачи власти Законодательному корпусу. Причину этой ошибки они усматривают не в чем ином, как в их «величайшем самоотречении», в их отказе от личных интересов «во имя интересов национальной обороны» [104].

Глубоко неправ был и социалист Ж- Жорес, когда он писал, объясняя исход событий 7—9 августа: «Народ Парижа... ке помог путем уличных движений депутатам левой фракции в их робких усилиях отстранить от власти регентшу и заставить Законодательный корпус взять власть в свои руки» [10э]. Это утверждение, как мы видели, противоречит действительности. Оно умаляет роль народных масс Парижа в день 9 августа и приукрашивает трусливое, предательское поведение буржуазных республиканцев, оказавшее решающее влияние на исход событий 7—9 августа, так как рабочие Парижа оставались в то время без надлежащего социалистического руководства.

Размах революционной борьбы французского пролетариата в предвоенные годы показал, насколько ненавистен был рабочим Франции бонапартистский режим и как пало влияние, оказываемое на них буржуазными республиканцами. Однако в дни 7—9 августа обнаружилось, что после объявления войны значительная часть рабочих и деятелей французского рабочего

[99] «Actcs», t. V, p. 113. Deposition Pietri.
[100] Ibid., p. 396. Deposition Jacob.
[101] «Actes», t. I, p. 180. Rapport Daru.
[102] «Actes», t. V, p. 149. Deposition Favre.

[103] L.'Halevy. Op. cit, t. II, p. 222.
[104] A. Deschamps. Op. cit., p. 239.
[105] J. Jaures. La guerre franco-allemande (1870—1871), Paris, s. a., p. 247. («Histoire socialiste (1789—1900)». t. XI).

движения увлеклась необоснованными иллюзиями о готовности буржуазии подчинить свои классовые интересы общенациональным интересам своей страны — иллюзиями, порожденными воспоминаниями о 1792—1794 гг.

Выдающийся французский социалист Эжен Дюпон, член Генерального совета Интернационала, находившийся в эмиграции (в Англии), с горечью констатировал, что часть парижских рабочих и их руководителей оказалась в августе 1870 г. не на высоте стоявших перед ними задач. Они «составили согласованный хор с буржуазией, которая повсюду кричала: «забудем наши разногласия, принесем самые дорогие для нас принципы на алтарь отечества и прогоним неприятеля». Низкий обман!» [Ш6].

Крайнюю горечь и тревогу выражал также Варлен. «Что предпринимает Интернационал среди этого большого шовинистического движения,— спрашивал он в письме от 19 августа из Антверпена члена парижской федерации Интернационала Марию Яцкевич.— Вы не представляете себе, как я томлюсь и тоскую в изгнании. Меня беспокоит все происходящее сейчас в Париже»[107]. Варлен не возлагал никаких надежд на левых депутатов. В предвоенные годы он, как мы помним, неоднократно предостерегал французских рабочих против «всех этих фавров, Симонов, пикаров», доказывая, что в борьбе против империи рабочие должны полагаться лишь на собственные силы. С болью сознавая отсутствие в Париже надлежащего руководства рабочими массами, Варлен продолжал: «Несмотря на то, что парижане показали себя с такой стороны во время последних событий, связанных с войной, что мало заслуживают моего уважения, я бы хотел быть в Париже, чтобы лично видеть проявления настроений рабочих, следить за ними и действовать в случае необходимости» [108].

Варлена крайне удручал исход событий 7—9 августа. «Почему парижский народ,— писал он,— не сокрушил империю после первых поражений и не противопоставил прусскому королю революционную Францию? Если бы война и продолжалась, то народ по крайней мере знал бы, за что он воюет, тогда как сейчас тысячи людей, которых косит смерть, проливают кровь ради Наполеона III и Вильгельма I. Как все это прискорбно!» [109].

Бланки разделял те же взгляды. Он писал: «Именно в воскресенье 7 августа, на другой день после бедствия у Рейхсгофена (Вёрта), всколыхнувшего Париж, надо было обрушиться на империю» [110]. Это, по его мнению, необходимо было для спасения Франции. Правда, Бланки пришел к такому выводу лишь значительно позднее [111].

События 7—9 августа не привели к свержению империи. Они, напротив, завершились приходом к власти правобонапартистской клики во главе с графом де Паликао, подчинившей, как увидим, интересы Франции интересам бонапартистской династии и ускорившей тем самым военный разгром Франции.

[106] См. письмо Эжена Дюпона от 17 октября 1870 г. в кн. O. Testut. L'Internationale en France apres le 4 septembre. **Paris, 1871,** p. 8.

[107] E. Varlin a la citoycnne Marie Jatskevich a Paris. Anvers, 19 aout 1870. «La vie ouvriere», 5 mai 1914, p. 504.

[108] Ibid., p. 504.

[109] Ibid., p. 505.

[110] «La Patrie en danger», 16 septembre 1870.

[111] См. гл. 6.

Глава VI

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИИ В АВГУСТЕ 1870 ГОДА. СЕДАН

1

10 августа, во время заседания Законодательного корпуса, был оглашен состав нового правительства. Его главой и военным министром был назначен генерал Кузен-Монтобан, ярый бонапартист, «реакционер самого отчаянного и бессовестного свойства», как открыто охарактеризовала его в те дни газета «Неделя»[1]. По отзыву другого русского органа, генерал Монтобан был «известен всей Европе своими варварскими и грабительскими подвигами в Китае»[2]. В награду за эти «подвиги» ему был пожалован в 1860 г. Наполеоном III титул графа де Паликао. Так же, как в Китае, он отличился и в Алжире, за что стяжал себе прозвища «due de Massacre», «comte de Pillage». Об этом напоминала 11 августа лондонская «Pall Mall gazette»[3].

Именно такая фигура нужна была французской монархической реакции, особенно после событий 7—9 августа. Редактор католического органа «L'Univers» Луи Вейо, ожесточенный противник либерального курса империи, откровенно писал на другой день после прихода к власти правительства Паликао: «Новый кабинет вселяет в нас надежду на сохранение гражданского мира, сильно скомпрометированного в последние несколько дней». И далее он разъяснял, что «преобладание в кабинете военного элемента» гарантирует «молчание улицы»[4].

[1] «Неделя», 2(14) августа 1870, стр. 1020.
[2] «Вестник Европы», 2(14) августа 1870, стр. 1020.
[3] «Pall Mall gazette», 11 August 1870. Affairs in Paris.
[4] «L'Univers», 11 aoQt 1870. Цит. по H. Guillemin. Les origines de la Commune. «Les Temps modernes», 1955, № 116, p. 61.

Сам Монтобан-Паликао следующим образом изложил мотивы, побудившие его возглавить новый кабинет: «Я никогда не был человеком политики, но я понял, что страна может быть спасена только объединенными усилиями консерваторов всех политических оттенков из числа депутатов палаты»[5].

Министром внутренних дел в правительстве 10 августа был назначен префект департамента Сена, член Сената Анри Шевро, сохранивший за собой и в дальнейшем пост префекта. «Ввиду важности событий,— сообщал по этому поводу швейцарский официоз «Journal de Geneve», имея в виду возможные попытки новых революционных выступлений против империи,— считали целесообразным сосредоточить в одних руках руководство министерством внутренних дел и важнейшей муниципальной магистратурой Франции»[6]. Во главе министерства юстиции и культа был поставлен генеральный прокурор империи Гранперре, смертельный враг рабочих и социалистов, как это, в частности, показали Турский процесс по делу об убийстве Виктора Нуара и процесс французских революционеров в Блуа. Пост министра земледелия и торговли получил Клеман Дювернуа, в прошлом примыкавший к либеральной оппозиции, а затем перешедший на сторону империи. Дювернуа был верным слугой и фаворитом Наполеона **III.** Возглавляемая им газета «Le Peuple Francais» субсидировалась бонапартистским правительством[7]. Министерство общественных работ было вверено правому бонапартисту барону Жерому Давиду, «вся политическая жизнь которого была посвящена реакции»[8]. Жером Давид являлся одним из лиц, получавших персональную субсидию от Наполеона **III**[9]. Министром иностранных дел был назначен правый бонапартист князь Латур д'Овернь; министром финансов — Мань, которого «знали и ценили французские и иностранные, капиталисты»[10]. Он занимал тот же пост в 50-х годах, а затем снова с 1867 г. до прихода к власти либерального правительства Оливье. Министром морского флота был оставлен попрежнему адмирал Риго де Женуйи. Из всего состава кабинета Паликао только министр просвещения Жюль Брам был депутатом левого центра, сторонником некоторых либеральных реформ.

[5] Comte de Palikao. Op. cit., p. 53.
[6] «Journal de Geneve», 13 aoflt 1870.
[7] «Papiers secrets du Second empire», № 1, p. 76, № 10, p. 16. С 1 марта 1869 г. по 30 июля 1870 г. газета Дювернуа «Le Peuple Francais» получила из государственной казны 1417 тыс. франков.
[8] См. J. Claretie. Histoire de la Revolution de 1870—71, t. I. Paris 1875, p. 245.
[9] «Papiers secrets du Second empire», № 1, p. 41; № 5, p. 18; № 8, p. 23. Помимо единовременных субсидий Жером Давид с 1868 г. получал от Наполеона III ежемесячную «пенсию» в 3 тыс. франков.
[10] «Actes», t. V, p. 66. Deposition David.

10 августа, как и в предыдущий день, здание Законодательного корпуса охранялось многочисленными линейными войсками и жандармерией. Вход в Бурбонский дворец, вопреки обыкновению, был разрешен только лицам, «имеющим непосредственное отношение к заседаниям Законодательного корпуса»[11]. В Париже продолжались многочисленные аресты[12]. Все это свидетельствовало о крайнем беспокойстве бонапартистских заправил, опасавшихся, что приход к власти правобонапартистского кабинета Паликао — Шевро вызовет волнения в Париже. Судя по сообщениям парижской печати, только 12 августа были сняты чрезвычайные наряды войск у здания Бурбонского дворца. Однако для охраны Законодательного корпуса были оставлены несколько рот национальной гвардии, Парижской гвардии, морской пехоты и жандармерии[13].

Новый кабинет, о составе которого население Парижа узнало только вечером 10 августа, назвал себя «министерством национальной обороны». Паликао и его министры хотели этим подчеркнуть свою независимость от императора и вместе с тем снять с себя ответственность за предшествующую политику империи. Такое наименование давало, кроме того, министерству Паликао возможность утверждать в своих официальных заявлениях, что его единственной задачей является изгнание вторгшегося неприятеля. Председатель Государственного с вета бонапартист Бюссон-Бийо, излагая 10 августа в Законодательном корпусе программу нового министерства, заявил: «Вновь сформированный кабинет взял на себя коллективную ответственность перед палатой. Он проникнут единственной мыслью, которой он неустанно вдохновлен,— мыслью об обороне дорогого всем нам отечества. Мы употребим для этого все наши усилия. Ни один час не будет потерян; можете быть в этом уверены»[14]. В том же духе высказывались и другие члены нового кабинета[15].

В действительности министерство Паликао видело главную свою задачу в том, чтобы любыми средствами спасти бонапартистский режим. Оно готово было приложить энергичные усилия, чтобы организовать действенную оборону и выправить тяжелое военное положение Франции, видя в этом верную гарантию дальнейшего сохранения империи. Однако оно отнюдь не было намерено жертвовать интересами бонапартистской династии в случае, если бы они вступили в столкновение с интересами обороны.

Демагогически отождествляя интересы правящей бонапартистской клики с государственными интересами Франции, новый кабинет, а вслед за ним и правительственная печать, в своих обращениях к населению неустанно твердили, что успех борьбы против внешнего врага возможен только при условии «спасения отечества» от «внутренних врагов». Говоря о внутренних врагах, они имели в виду главным образом революционно настроенных рабочих и их политических руководителей, хотя открыто не называли их.

Свой приход к власти министерство Паликао ознаменовало закрытием республиканских органов печати. 10 августа прекратила существование газета «Le Reveil», декрет о запрещении которой был подписан Оливье в день его отставки. Такая же участь постигла газету «Le Rappel», связанную с именем Гюго. Запрет на эту газету был наложен новыми правителями 10 августа.

Для охраны правительства в Париже были оставлены многочисленные войска. Задержаны были вызванные сюда после поражений 6 августа остатки корпуса маршала Канробера, составлявшего часть Рейнской армии, а также затребованная 8 августа из Шербура морская пехота. Как мы помним, по подсчетам Энгельса войска эти составляли в общей сложности около 40 тыс. человек. Кроме того, в столицу были переведены войска из пограничных департаментов (Мёрт и др.)[16], нуждавшихся в них для оказания сопротивления прусскому нашествию. Паликао, намеревавшийся было 10 августа отправить из Парижа часть войск в подкрепление Рейнской армии и уже сообщивший .об этом возглавлявшему генеральный штаб Рейнской армии маршалу Лебефу, в тот же день отказался от своего первоначального намерения. «Считайте шифрованную телеграмму, отправленную мной час назад, не полученной», телеграфировал он Лебефу вслед за первым сообщением[17].

Газета «Неделя» справедливо осуждала такую политику нового французского правительства. «В то время, когда армию бьют на границе и около Меца,— писала она,— министерство Паликао стягивает в Париж значительную часть морских солдат, которые стояли в Шербуре, ожидая приказа об отправлении в Балтийское море. Теперь в Париже до 40 тыс. воинов, которым бы следовало биться с неприятелем и которые между тем занимаются лишь караульной службой в Тюильри и во

[11] «Journal de Geneve», 12 aout 1870; «La Liberie», Paris, 11 aout 1870,
[12] «Journal de Geneve», 14 aout 1870.
[13] «La Liberte», Paris, 12 aout 1870.
[14] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 10 aout 1870, p. 27.
[15] См., напр., «Actes», t. V, p. 83. Deposition Brame; Ibid., p. 66, Deposition David.

[16] См. «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 10 aout 1870, p. 20.
[17] См. H. Delbruck. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Teil 6. Buch I. Berlin, 1929, S. 136—137

дворе Законодательного корпуса, да «стремительными натисками» на безоружных граждан, которые постоянно кричат солдатам, где бы их ни встретили: «a la frontiere» — «на границу!» [18].

Осадное положение все шире распространялось по стране, охватив даже районы, находившиеся вне непосредственной угрозы неприятеля. Уже 13 августа, через три дня после прихода к власти нового кабинета, был объявлен на осадном положении департамент Верхняя Гаронна (административный центр — г. Тулуза) [19]. В дальнейшем, как увидим, было введено осадное положение в ряде других департаментов Франции (Шер, Ньевр, Восточные Пиренеи и др.).

Первые же мероприятия министерства Паликао свидетельствовали, таким образом, о том, что оно было полно решимости, под флагом борьбы за эффективную оборону, беспощадно подавить любое проявление антибонапартистских настроений, которое могло исходить от народных масс. Эти мероприятия, с другой стороны, указывали на то, до какой степени непрочным было положение правительства империи внутри страны. Следует отметить, что Энгельс еще 8 августа, на другой день после того, как Оливье ввел осадное положение в Париже, писал: «Объявление осадного положения в Париже неопровержимо указывает на то, что может последовать за новой победой пруссаков» [20].

Газета «Le Rappel» в своем последнем номере от 10 августа поставила правительству в упор вопрос о том, против кого введено осадное положение — «против пруссаков или против французских патриотов?». «Пруссаки,— писала газета,— не угрожают, как мы полагаем, ни Макону, ни Буржу, ни Лиону. Почему же объявлены на осадном положении эти три города, два из которых не имеют никаких укреплений? Не потому ли, что эта часть Франции, всегда сражавшаяся с такой несравненной отвагой против иноземцев, является очагом демократического движения?» [21].

Передовая статья того же номера содержала призыв к революционным массам Парижа не забывать о том, что день 10 августа вошел в историю как дата свержения монархии. «Сегодня, 10 августа, исполняется 78 лет с того дня, как парижский народ взял приступом Тюильри и установил во Франции республику,— напоминала газета.— Своей энергией и решимостью он 78 лет тому назад спас целостность национальной территории, которой угрожала почти вся Европа. В условиях происходящих ныне событий мы не можем не помнить об этих навеки прославленных страницах нашей истории» [22].

Не только французская республиканская печать, но и зарубежная печать различных политических направлений объясняла введение осадного положения во Франции слабостью правительства империи. Английская «Times», например, писала по этому поводу 13 августа: «Во всем этом мы усматриваем невольное признание того, что недовольство существующим режимом и неприязнь к нему получили широкое распространение... Всего за две недели Наполеон III подорвал основы своего трона в гораздо большей степени, чем это было сделано до сих пор объединенными усилиями всех оппозиционных классов вместе взятых» [23]. Та же газета, уже на второй день после прихода к власти министерства Паликао писала: «Положение в Париже поразительно точно отображает положение на фронте. Тут и там ситуация в высшей степени критическая» [24]. Такое же мнение высказывала другая крупная буржуазная газета Лондона — «Pall Mall gazette» [25]. Лондонский «Telegraph» еще более откровенно выражал сомнение в жизнеспособности нового французского кабинета. «Министерство Паликао,— заявляла эта газета,— мало походит на кабинет, способный спасти Францию в столь критический для нее момент. Страна нуждается в министерстве, которое представляло бы всю нацию» [26].

Так же скептически оценивалось положение правительства Второй империи в донесениях из Парижа британского посла лорда Лайонса министру иностранных дел Великобритании лорду Гренвилю. «Общее чувство таково,—сообщал 12 августа лорд Лайонс,— что новое поражение незамедлительно окажется роковым для династии. Мнения расходятся даже по вопросу о том, каковы будут последствия победы. При этом нет никакой уверенности, что и победа французских войск на поле сражения окажется способной предотвратить революцию» [27].

Социалистическая печать называла министерство Паликао «министерством на час». Центральный орган бельгийских секций Интернационала, еженедельная газета «LTnternationale» в номере от 14 августа писала: «Окончательно потеряв здравый смысл, они образовали самое реакционное министерство,

[18] «Неделя», № 32, 9(21) августа 1870, стр. 1051.
[19] J. Pointu. Histoire de la chute du Second empire. Paris, 1874, p. 128.
[20] Ф. Энгельс. Прусские победы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 30.
[21] «Le Rappel», 11 aoflt 1870.
[22] «Le Rappel», 11 a out 1870.
[23] «Times», 13 August 1870.
[24] Ibid., 11 August 1870..
[25] «Pall Mall gazette», 13 August 1870.
[26] Цит. по «Pall Mall gazette», 13 August 1870.
[27] Цит. по J. Claretie. Op. cit., p. 202.

какое только можно себе представить, поставив во главе его генерала Монтобана... Образование такого министерства означает, что существует намерение в случае надобности разгромить весь Париж. Пусть устраивают совещания, пусть мнят себя сильными,— все это не более как на 48 часов. Они далеко не уйдут. Этим министрам не избежать крушения»[28]. Центральный орган германской социал-демократической рабочей партии «Der Volksstaat» видел в «назначении министерства Паликао, состоявшего из махровых бонапартистов», признак того, что «империя приближается к своему концу и уже не считает более необходимым сохранять маску приличия». «С безрассудной и беззастенчивой быстротой,— подчеркивал «Der Volksstaat»,'— она стремится навстречу своему падению»[29].

Между тем министерство Паликао с первых дней своего пребывания у власти нашло единодушную поддержку у буржуазных республиканцев, депутатов Законодательного корпуса. Они усердно старались внушить широким массам французского народа, что министерство 10 августа, в отличие от предшествовавшего, является «министерством действия», способным успешно «организовать национальную оборону» и исполненным готовности подчинить всю свою деятельность ее интересам. Они направили к главе министерства делегацию, чтобы заверить его в своей готовности оказать поддержку всем его мероприятиям[30]. 11 августа, в день, когда представители рабочих организаций Парижа безуспешно убеждали, как увидим, левых депутатов «дать сигнал к свержению империи», левый депутат Поль Бетмон с трибуны Законодательного корпуса подобострастно заверял графа Паликао в симпатии и доверии, которые питает к нему левая фракция. «Как член оппозиции...— заявил Бетмон в ответ на выступление Паликао, подчеркнувшего установившееся между всеми фракциями Законодательного корпуса единство,— считаю для себя честью заявить, что я глубоко тронут и глубоко признателен за доверие и энтузиазм, которые я встретил в заявлении генерала графа Паликао, и должен добавить, что я, со своей стороны, полон доверия»[31]. Даже махровые бонапартисты в те дни признавали, что с приходом к власти министерства Паликао «оппозиция, казалось, на время поняла, насколько неуместны неистовства по отношению к правительству и к правым фракциям». Они подчеркивали, что после 10 августа заседания Законодательного корпуса «были отмечены известным умиротворением умов и относительно спокойным тоном дебатов»[32]. Да и сам Паликао в Законодательном корпусе и в прочих своих заявлениях отмечал оказанную ему депутатами левой фракции поддержку[33].

Гамбетта, по примеру других левых депутатов, уже 12 августа поспешил выразить с трибуны Законодательного корпуса благодарность главе министерства за усилия, которые он намерен приложить в деле обороны страны. «Господин генерал,— заявил Гамбетта,— благодарю вас... вам предстоит стяжать славу — славу освободителя нашей территории... Надеюсь.., что вы окажетесь на высоте этой благородной миссии»[34]„ Заявление Гамбетты было отмечено печатью и за пределами Франции[35].

Интересно, что Виктор Гюго, очевидно введенный в заблуждение аттестацией, которую поспешили дать министерству Паликао Гамбетта и другие левые депутаты, именно в эти августовские дни 1870 г. впервые за долгие годы своего изгнания изъявил желание вернуться на родину. 19 августа он писал из Брюсселя литератору Полю Мерису: «Я хочу открыто вернуться во Францию, вернуться в Париж, просто как национальный гвардеец, вместе с двумя моими сыновьями. Я запишусь в национальную гвардию в том округе, где буду жить, и с ружьем за плечом отправлюсь нести службу у крепостных стен»[36].

2

Несмотря на осадное положение, в стране не прекращались революционные выступления, жестоко подавлявшиеся правительством Паликао. Бонапартистская печать ничего не сообщала о них. Мы, однако, можем почерпнуть сведения о некоторых выступлениях из сообщений печати других стран. Так, из корреспонденции Эли Реклю в журнале «Дело» мы узнаем, что в первые дни после прихода к власти нового министерства в «семи или восьми департаментах» Франции произошли «республиканские вспышки», в результате чего в этих департаментах «свирепствует военный деспотизм»[37]. В английской, русской, швейцарской, бельгийской печати сообща-

«L'Internationale», 14 aoflt 1870.
«Der Volksstaat», 17. August 1870. Politische Uebersioht.
«Annales...» Corps Legislatif. Seance du 24 aout 1870, p. 189.
Ibid. Seance du 11 aout 1870, p. 49.

[32] См. d'Abrantes. Essai sur la regence de 1870. Paris, 1879, p. 207.
[33] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 23 aoflt 1870, p. 192; Cornte de Palikao. Op. cit., p. 92.
[34] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 12 aout 1870, p. 65.
[35] См., напр., «Pall Mall gazette», 13 aout 1870; «Journal de Geneve». 12 aoflt 1870, «Неделя», «Дело», «Вестник Европы» и др.
[36] V. Hugo. Correpondance. 1836—1882. Paris, 1898, p. 345.
[37] «Дело», 1870, № 8, стр. 87.

лось о «беспорядках» в Лионе, Марселе, Тулузе, Лиможе, Бордо[38].

В рабочем предместье Лиона Круа-Русс 13 августа, по инициативе местного буржуазного республиканца, судейского служащего Жозефа Лантийона, была предпринята беспомощная, неудачная попытка провозгласить республику. Рабочие, собравшись на центральной площади Круа-Русс, оглашали предместье возгласами «Да здравствует республика!», но их вскоре разогнала жандармерия, которая произвела среди них аресты. Кроме Лантийона, были арестованы одиннадцать рабочих — ткачей. Они предстали перед военным судом[39].

Лионские бакунисты, возглавлявшие местную секцию Интернационала, намеревались, со своей стороны, выступить 17 августа. Как сообщает лионский социалист Гарель, «предполагалось задержать в пути лионских мобилей, которые в этот день должны были направиться через Лион в военный лагерь Сатонэй, вернуть их назад в Лион и совместно с ними действовать на площади перед ратушей»[40]. События 13 августа расстроили этот план, который и без того не имел шансов на успех.

В Марселе с первых дней после прихода к власти министерства Паликао свирепствовал бонапартистский террор. Здесь приступил к работе военный суд, перед которым предстали, по обвинению «в организации мятежа», марсельские республиканцы, участвовавшие в описанном нами выше выступлении 8 августа[41]. В числе обвиняемых были адвокат Гастон Кремье, адвокат Поль Жиро, служащий Жозеф Тардиф, сапожник Жозеф Мавиель, сапожник Пьер Бернар-, лакировщик Этьенн Комб, каменщик Виктор Боск, живописец Фредерик Борд, сборщик машин Огюст Кутвиль, портной Филипп Жобер, служащий Эжен Бартелеми, каменщик Эспри Турьер, журналист Огюст Сорбье, коммивояжер Феликс Дебей[42].

11 августа в Париже состоялись собрания профессиональных рабочих объединений. Предметом обсуждения на них, судя по сообщению газеты «Der Volksstaat», был «создавшийся кризис». Мы не располагаем сведениями относительно характера выступлений на этих собраниях, как и о принятых на них решениях. «Der Volksstaat» резонно писала в те дни по поводу итога состоявшихся собраний: «Если бы он был в пользу бонапартистов, то господин Рейтер[43] нашел бы способ поставить о нем в известность европейскую публику»[44].

Об одном из решений этих собраний мы все же косвенно' узнаем из воспоминаний члена Интернационала Гюстава Лефрансе. 11 августа, сообщает Лефрансе, парижская федерация профессиональных рабочих объединений направила к депутатам левой фракции делегацию из 60 человек, в составе которой был также и он. Делегации было поручено запросить левых депутатов, «намерены ли они дать, наконец, населению Парижа сигнал к ниспровержению этого злополучного правительства». Делегация явилась на квартиру к депутату Кремье, у которого собрались и другие левые депутаты — Пеллетан, Эммануэль Араго, Дессо, Жиро, Гле-Бизуэн. «Мы,— вспоминал впоследствии Лефрансе,— изложили им положение, которое они знали не хуже нас, и указали, к каким страшным несчастьям оно может привести в случае, если оно будет продолжаться и далее. Эти господа укрываются за старой легендой 1851 г.: парижский народ не поддержал их тогда. Пусть, мол, теперь он сам берет инициативу в свои руки, после чего депутаты посмотрят, что им следует делать». В своем ответе парижские рабочие указали буржуазным республиканцам, что раз, по их мнению, инициативу сейчас должен взять на себя народ, «почему же они несколько дней назад[45] уговаривали тридцать тысяч человек, окруживших Законодательный корпус, чтобы эти люди дожидались их сигнала, который они сейчас отказываются им дать?». Тогда Араго и Пеллетан стали ссылаться на несвоевременность выступления. Пеллетан цинично заявил, что «следует дожидаться нового поражения, после чего опасность станет еще более явной». Ни протесты делегатов, ни их доводы, ни предупреждения не возымели действия. «Этих мнимых республиканцев,— с возмущением и горечью писал по этому поводу Лефрансе,— объединяет с бонапартистами одно чувство: пусть лучше погибает отечество,, чем быть свидетелями его победы над врагом посредством революции. Мы — я и Брион[46] — ушли, охваченные ужасом при мысли о том, что приближается момент, когда, несмотря ни на что, власть фатальным образом перейдет в руки этих людей»[47].

[38] См., например, газеты «Неделя», «Times», «Pall Mall gazette», «Journal de Geneve», «Gazette de Lausanne», «L'Independance beige» за 13—18 августа 1870 г.

[39] Материалы судебного процесса по делу 13 августа 1870 г. в Круа-Русс см. в газете «Le Rappeb, 17 septembre 1870, а также в «Journal de Geneve», 16 aout 1870.

[40] L. Garel. La revolution lyonnaise depuis le 4 septembre. Lyon, 1871, p. 17.

[41] СМ. «Journal de Geneve», 14 aout 1870, в котором приводятся материалы "о процессе, опубликованные в газете «Le Courrier de Marseille».

[42] «Actes», t. II, p. 68. Rapport Sugny.

[43] Речь идет о телеграфном агентстве Рейтер.

[44] «Der Volksstaat», 20. August 1870. Politische Uebersicht.

[45] Имеется в виду 9 августа 1870 г.

[46] Брион (Briosne)—парижский социалист, член I Интернационала.

[47] G. Leirancais. Souvenirs d'un revolutionnaire, p. 385—386.

Лондонский «Standard», сообщая в эти дни о настроении парижских рабочих, писал, что оно таит в себе большую опасность для империи, и выражал опасение, как бы день 15 августа — знаменательная дата для династии Бонапартов[48] — не оказался на этот раз роковым для нее[49].

В ночь на 12 августа из Брюсселя в Париж тайно прибыл Бланки, вызванный своими сторонниками. События 9 августа привели бланкистов к убеждению, что в тот день можно было свергнуть империю; для этого достаточно было революционного призыва к народным массам, находившимся на подступах к Законодательному корпусу. Считая, что свержение империи, не удавшееся 9 августа, может быть с успехом осуществлено под руководством Бланки в любой из следующих дней, бланкисты начали активно готовиться к выступлению. На средства Гранже, пожертвовавшего полученные им в наследство 18 тыс. франков, были приобретены 300 револьверов и 400 кинжалов. Кроме того, бланкисты рассчитывали захватить оружие в Венсеннском форту, раздать его народу и бросить все силы на штурм правительственных учреждений. Бланкисты установили связь с гарнизоном форта, тщательно изучили внутреннее расположение крепости, все ее входы и выходы и выработали план действий, определив необходимое для успеха выступления количество людей. «Все было установлено с точностью часового механизма, взятие форта казалось самым легким делом»,— сообщает биограф Бланки Морис Домманже[50].

Вечером 12 и утром 13 августа в комнате, нанятой Эдом для Бланки,— в ней хранилось приобретенное оружие,— состоялись два совещания, на которых, кроме Бланки, присутствовали Эд, Гранже, Брейе, Кариа, Тридон, Реньяр, Пиль и Флот. Бланки, в отличие от своих приверженцев, настаивавших на немедленном выступлении, долго колебался, так как не был уверен в своевременности такого шага. Только после того, как его заверили, что «народные массы волнуются, революция готова выйти на улицу, дужно лишь открыть последнюю дверь», он, дал согласие к выступлению и назначил на утро 14 августа новое совещание.

На этом совещании Бланки неожиданно объявил об изменении плана выступления. Захват оружия — по его мнению — должен был быть произведен не в Венсеннском форту, расположенном далеко от рабочих кварталов и, к тому же, недавно пополнившемся новыми воинскими силами, а в казарме пожарных, расположенной в непосредственной близости от рабочих районов Ла Виллет и Бельвилль. Оружие, по указанию Бланки, следовало захватить путем внезапного нападения на казарму, но при этом всячески избегая применять насилие. Бланки подчеркивал, что пожарных «парижане любят и уважают как воинскую часть, не вмешивающуюся в гражданские битвы и проникнутую даже демократическими идеями». После получения оружия и его раздачи предполагалось двинуться к следующей казарме. По свидетельству другого биографа Бланки Гюстава Жеффруа, «общий план заключался в том, чтобы обойти парижские окраины и к вечеру объединить революционную армию в центре города... Пунктом соединения Бланки назначил Институт, который господствует над Сеной и находится вблизи префектуры, Тюильри и ратуши»[51]. Условившись о встрече у казармы пожарных в три часа дня, участники совещания разошлись, чтобы отдать последние распоряжения своим отрядам.

Точно в назначенный час Бланки первым явился в условленное место. Вскоре начали[1] сходиться и другие члены инициативной группы со своими людьми. Был воскресный день, и гуляющая публика заполнила аллеи бульвара Ла Виллет. По распоряжению Бланки повстанцы, в ожидании запоздавших, рассеялись в толпе, окружившей на бульваре близ казармы уличного фокусника. В 3,5 часа дня, когда стало ясно, что явились все, кто откликнулся на призыв бланкистов,— их было не более ста человек[52],— небольшой отряд, по сигналу Бланки, медленно направился к казарме. Однако при повороте с аллеи на шоссе, которое предстояло перейти, чтобы оказаться у казармы, бланкисты привлекли к себе внимание часового. Подняв тревогу, тот старался помешать им проникнуть в помещение казармы. Неожиданно раздался кем-то произведенный выстрел, часовой был легко ранен.

О внезапном нападении, на которое рассчитывал Бланки, теперь не могло быть и речи. Внутри казармы все было поднято на ноги. И когда Бланки в сопровождении десятка человек все же проник в казарму, он принялся убеждать пожарных, •стоя перед направленными на него штыками, «помочь низвержению империи и провозглашению республики, которая одна только может сделать нацию способной изгнать вторгшегося неприятеля»[53]. Его призывы не встретили отклика.

[48] День рождения Наполеона I.

** Цит. по газ. «Der Volksstaat», 20. August 1870.

Paris, m 0 m a n g e l Blan 4 ui - La g uerre de 1870-1871. La Commune.

[61] G. Gef froy. L'enferme. Paris, 1897, p. 284.

[62] Сведения на этот счет расходятся: Бланки сообщает о 100 человек, Тридон о 60. В литературе и в печати того времени цифра колеблется от 60 до 100.

sa M. Do mm an get. Op. cit., p. 14.

Выстрелы, раздавшиеся в этот момент на улице, заставили Бланки, Гранже, Пиля, Брейе и других поспешить на помощь оставшимся там бланкистам, отбивавшимся от атак полицейского отряда, прибывшего на помощь пожарным. После того как повстанцы отбили атаки полицейских и те, оставив одного убитого и нескольких тяжело раненых, обратились в бегство, Бланки возвратился в казарму, все еще надеясь убедить пожарных добровольно выдать оружие. Но начальник поста лейтенант Котрей, сославшись на воинскую дисциплину, категорически отказался вести переговоры по этому вопросу. Хотя в помещение казармы тем временем ворвалась новая группа людей, Бланки распорядился покинуть казарму. Бланкисты через бульвар Ла Виллет направились к Бельвиллю[54].

«Для них бланкистов.— *Э. Ж-* стало тогда ясно,— писал Бланки месяц спустя, имея в виду этот момент в событиях 14 августа,—что их план не имеет никаких шансов на успех. Население, казалось, впало в оцепенение. Привлеченное любопытством и сдерживаемое страхом, оно оставалось недвижимым и безмолвным, теснясь вдоль домов по обеим сторонам бульвара. Повстанцы проследовали через опустевший бульвар. Напрасно взывали они к населению: «Да здравствует республика! Смерть пруссакам! К оружию!». Ни единого слова, ни. единого движения не последовало в ответ...»[55].

После того как бланкисты прошли около двух тысяч метров и никто в этом рабочем районе Парижа к ним не присоединился, Бланки остановил их и обратился к ним со словами: «Наше дело проиграно. У нас нет оружия и, как видите, никто к нам не присоединяется. Без народа мы бессильны что-либо сделать. Через десять минут наша маленькая группа натолкнется на шаспо, против которых наши револьверы ничего не стоят. Нам надо разойтись. Дорога свободна, никто не помешает нашему отступлению. Спрячьте ваше оружие и рассейтесь по соседним улицам»[56]. Бросив три захваченных в казарме ружья и запрятав револьверы, повстанцы беспрепятственно разошлись, между тем как у казармы пожарных полиция производила многочисленные аресты среди непричастных к делу людей, привлеченных любопытством к месту, где разыгрались события этого дня. Были арестованы и брошены в тюрьму около 80 человек, представших перед военным судом по «делу Ла Виллет». Из них только двое, Эд и Бридо, были действительными участниками бланкистского выступления. Но и эти двое бланкистов попали в руки полиции случайно: их арестовали вечером 14 августа по доносу шпиона, обратившего внимание на револьвер, торчавший из кармана Эда.

Впоследствии префект парижской полиции Пьетри уверял, будто еще до событий 14 августа он напал на след подготовлявшегося бланкистами заговора и что 12 августа по его распоряжению были произведены обыски на квартире у Эда, а также у другого бланкиста, проживавшего в Монмартре, имени которого он не назвал. Во время этих обысков был якобы захвачен ящик с оружием — новыми револьверами иностранной марки и широкими кинжалами, а также большое число красных флагов и «компрометирующих» документов[57].

Бланки уже через месяц решительно осудил выступление 14 августа. Он указал на несвоевременность этого акта. «Повстанцев, действовавших в Ла Виллет,— писал он 17 сентября 1870 г.,— можно справедливо упрекнуть в том, что они запоздали на неделю. На империю надо было обрушиться в воскресенье 7 августа, на другой день после поражения у Рейхсгофена, поднявшего на ноги весь Париж»[58]. 14 августа, по признанию Бланки, «было слишком поздно», чего не учли руководители выступления. Они ошибочно полагали, «что серьезность положения и предшествовавшие тревожные дни послужат для населения достаточным мотивом, чтобы присоединиться к повстанцам». Тем самым они показали свою неспособность учесть сложившуюся к середине августа новую, неблагоприятную для выступления ситуацию. «На смену недавно пережитым волнениям,— писал Бланки,— у населения явилось какое-то уныние и упадок энергии. Мысли приняли иное направление. Люди стали подозрительными, испытывали преувеличенный страх перед прусскими шпионами»[59].

Упустив 7 августа благоприятный момент для свержения империи, бланкисты, как признавал далее Бланки, поторопились выступить 14 августа. Между тем после событий 9 августа для успешного выступления «час еще не пробил». «Надо уметь угадывать его приближение,— писал Бланки.— В вопросах столь грозных всякая оплошность, всякая ошибка в расчете влекут за собой тяжелую ответственность. «Я думал» — никогда не может служить оправданием. Поставить на карту, по собственному усмотрению, судьбу свободы и, быть может, судьбу всего народа — значит подчас совершить непоправимую ошибку, которую никогда и ничем нельзя загладить».

[54] При изложении событий 14 августа 1870 г. в Париже нами использованы материалы судебного процесса по «делу Ла Виллет», опубликованные в «La Gazette des tribunaux» в двадцатых числах августа 1870 г.

[55] A. Blanqui. Affaire de la Villette. «La Patrie en danger», 16 septembre 1870.

[56] G. Geffroy. Op. cit., p. 287.

[57] «Actes», t. V, p. 113—114. Deposition Pietri.

[58] «La Patrie en danger», 17 septembre 1870.

[59] Ibid.

Бланки все же пытался оправдать до некоторой степени участников выступления 14 августа. «Они хотели,— писал он,— осуществить 14 августа то, что было осуществлено 4 сентября... У смельчаков остается извинение: каждая минута была дорога, каждый миг промедления угрожал гибелью. И действительно, это промедление стоило стране ее военной мощи, рухнувшей в бездну, куда ее толкнул Бонапарт. Предположите, что республика была бы провозглашена 14 августа. Базен, конечно, не выбрался бы из блокады. Это был уже совершившийся факт. Но 150 тыс. человек Мак-Магона могли бы, опираясь на Париж, превратиться в непобедимую армию. В настоящее время пруссаки были бы сметены»[60].

Лично для себя Бланки не искал оправдания. «Когда человек участвует в серьезных политических делах,— писал он,— ничто не должно застигать его врасплох»[61].

Как видим, Бланки и в сентябре 1870 г. был далек от правильного понимания условий успеха революционного восстания. Его анализ причин провала выступления 14 августа свидетельствует о том, что он, в частности, попрежнему недооценивал необходимость организационной подготовки восстания, необходимость опираться при этом на передовые массы народа. Неудачный опыт бланкистского выступления подтверждает справедливость слов В. И. Ленина, указавшего, в чем заключается различие между марксистской постановкой вопроса о восстании и бланкистской. «Восстание,— писал Ленин,— чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*»[62].

Бланкистов резко осуждали в то время за их безрассудство многие передовые люди Франции. Варлен с горечью писал 19 августа из Бельгии: «Я хотел бы видеть, как империя и все, что с нею связано, будут низвергнуты революционным движением. Но право же, инициаторы этого нападения — безумцы; они не догадываются, что прежде чем обратиться к народу с призывом к восстанию, надо пощупать у него пульс, чтобы узнать, есть ли у него жар»[63]. Их осуждал и демократ-республиканец Жюль Валлес, считавший их «честными и храбрыми, преданными своим принципам и своему отечеству республиканцами»[64]. А. В. Корвин-Круковская, жена французского социалиста Виктора Жаклара, писала в 20-х числах августа 1870 г. по поводу неудачного выступления бланкистов: «Это — безрассудное дело, имеющее самые трагические последствия, и, кроме того, оно нравственно подорвало все значение самого главы. Ему уж не подняться после этого»[65].

Выдающаяся французская революционерка, будущий член Парижской Коммуны Луиза Мишель в следующих стихотворных строках взволнованно выразила свое сочувствие горстке бланкистов, смело, хотя и безрассудно, ринувшейся в бой против империи:

«Мы верили,— «а наш призыв: вперед!
Да здравствует республика!
Откликнется, восстанет гордо весь Париж,
Но город был безмолвен.
Я вижу, как сейчас, туманный этот день:
Все ставни — на запор, и улица — пустая...
Шпионы прусские!—несутся злобно крики
Вдогонку нашим храбрецам».[66]

Правительство, воспользовавшись осадным положением Парижа, немедленно передало «дело Ла Виллет» на рассмотрение военного трибунала, приступившего к судебному разбирательству уже 16 августа. Бонапартистская печать подняла невероятную шумиху по поводу выступления 14 августа, распространяя всевозможную клевету по адресу бланкистов. Среди терроризированного населения Парижа и провинции получила широкое хождение провокационная версия о том, будто «покушение» 14 августа — дело рук прусских шпионов. Формальным поводом для этого клеветнического измышления послужила визитная карточка одного из приближенных герцога Мекленбург-Шверинского, обнаруженная полицией при обыске у бланкиста Эда в одной из конфискованных у него книг — немецкой грамматике, приобретенной для него бланкистом Бридо у парижского букиниста. Выступая в 20-х числах августа на суде, Эд с негодованием отверг предъявленное ему обвинение в Шпио-

«La Patrie en danger», 17 septembre 1870.
Ibid., 16 septembre 1870.
В. И. Ленин. Марксизм и восстание. Соч., т. 26, стр. 4—5.

[63] «La Vie ouvriere», 1914, p. 504—507. Deux lettres de Varlin.
[64] J. Valles. L'insurge. Paris, 1886, p. 180.
[65] И. Книжник-Ветров. А. В. Корвин-Круковская (Жаклар). М., 1931, стр. 54.
[66] «Memoires de Louise Michel, ecrites par elle-meme», t. I. Paris, 1886, p. 113.

наже в пользу Пруссии. «Я никогда не имел никаких сношений ни с Пруссией, ни с прусскими принцами,— заявил он.— Я протестую против обвинения меня в том, будто я хотел помочь планам Пруссии. Я хотел отразить вражеское нашествие и для этой цели прежде всего ниспровергнуть империю. Я считал, что именно в этом заключается спасение страны. Я протестую также против приписываемого мне намерения совершить убийство личного характера. Утверждение, будто я был заодно с пруссаками — гнусная клевета. Пусть кто-либо попытается доказать, что это так. Я действовал со всем присущим мне пылом патриота во имя Франции, во имя республики. Если вам нужна моя голова, возьмите ее, но не позорьте меня!»[67].

Ни выступление самого Эда, ни выступления других лиц в его защиту не оказали воздействия на судей. Эд, Бридо и четверо ни в чем не повинных прохожих — Огюст Дрест, Ипполит Казн, Пьер Циммерман, Антуан Брисе были приговорены к смертной казни, три человека — к десяти годам каторги, двое — один из них, Перен, был членом Интернационала — к пятилетнему тюремному заключению. Все эти люди, за исключением Эда и Бридо, писал впоследствии Бланки, «были так же причастны к делу, как турецкий султан»[68]. Следы участия в событиях 14 августа самого Бланки полиции так и не удалось обнаружить.

Кассационный суд утвердил приговор военного трибунала. Эд и Бридо демонстративно отказались ходатайствовать о пересмотре дела. Их казнь казалась неотвратимой.

3

После провала бланкистского выступления в стране еще более усилился бонапартистский террор. «Никогда еще империя, казалось, не была так решительно настроена покончить со своими внутренними врагами»,— писал о внутренней политике правительства Паликао правый буржуазный республиканец, историк Жюль Кларти. Этого не отрицал и сам глава министерства, демагогически оправдывавший усиление преследований противников империи интересами борьбы против внешнего врага.«Мы направляем все наши усилия против внешнего и внутреннего врага,— заявил Паликао в Законодательном корпусе.— Мы не прекратим борьбы до тех пор, пока отечество не будет избавлено от внешнего врага и пока мы не обессилим внутреннего врага *(возгласы одобрения)*. Вы можете рассчитывать на непоколебимую твердость с моей стороны. В моих руках имеются все необходимые средства для подавления любых могущих произойти беспорядков, и я отвечаю перед палатой за спокойствие Парижа *(возгласы:* «Очень хорошо! Очень хорошо! Браво!» *Аплодисменты.)»*[69].

Население Парижа было до крайности терроризировано. Согласно свидетельству социалиста Артура Арну, находившегося в августе 1870 г. в Париже, полицейский террор принял в то время такие размеры, что «там, где оказывались вместе несколько человек, ни один не решался заговорить со своим соседом, и если кто-нибудь возвышал голос, чтобы произнести мужественное слово, окружающие его граждане смотрели на него с недоверием, считая, что перед ними агент-провокатор». «Жителям Парижа всюду мерещилась полиция, и это видение, этот кошмар отуплял их, лишал способности понимать друг друга — продолжал Артур Арну.— Это не было трусостью, безусловно нет. Парижский народ за время с 4 сентября по 30 мая показал, на какие героические усилия он был способен. В условиях непрерывной смены небывалых превратностей и измен он своим мужеством доказал, что никакая героическая задача ему не была страшна. Но нет ничего губительнее черного дела деспотизма — разделять граждан, изолировать их друг от друга, возбуждать в них взаимное недоверие...»[70].

Необузданный террор свирепствовал и в провинции. Реакционные элементы провокационно натравливали городское и сельское население на республиканцев, которых они выдавали за прусских шпионов. Правительственные агенты, направлявшиеся в провинцию с официальным поручением ускорить вооружение местной и мобильной национальной гвардии, в действительности имели задание всемерно способствовать усилению преследований социалистов и республиканцев. Запугивая население прусскими шпионами, орудующими якобы в городах и селах, эти агенты-провокаторы превращали немало городских и сельских жителей в своих пособников в борьбе против противников империи. «В сельских местностях и даже в городах,— сообщает в этой связи А. Дешан, ссылаясь на секретные донесения агентов Второй империи,— люди бредили лишь предателями, шпионами, пруссаками. Этими пруссаками, шпионами, предателями, естественно, оказывались республиканцы, которых империя всячески старалась выдать за грабителей... В деревнях и в небольших городах сбитые с толку, обезумевшие от страха и подозрений массы вскоре дошли до того, что стали самочинно расправляться на местах с этими

M. Dommanget. Op. cit., p. 17.

«La Patrie en danger», 17 septembre 1870. Affaire de la Villette.

[69] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 24 aout 1870, p. 195.

[70] A. Arnould. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, t. I. Bruxelles, 1878, p. 14—15.

мнимыми преступниками»[71]. Такие расправы, как видно из сообщений печати, производились в департаментах Дордонь, Эро, Морбиган, Сомма. Нор, в Шампани, в Пуату и в других районах Франции[72]. «Департаментские власти возглавили повсюду во Франции настоящую бонапартистскую жакерию,— записал в свой дневник в августе 1870 г. орлеанист д'Оссонвилль, ссылаясь на полученные им сведения,— комиссары, недавно посланные по указанию Шевро в провинцию, не имеют никакой иной миссии, кроме этой»[73].

Бонапартистская пресса («Figaro», «Le Peuple», «Le Francais» и др.) разжигали эти настроения, изображая самосуды, чинимые в провинции, главным образом в сельских местностях, как справедливую месть народа «изменникам родины».

Буржуазные республиканцы открыто поддерживали репрессивные меры Паликао против участников антиправительственных выступлений. 17 августа Гамбетта с трибуны Законодательного корпуса назвал участников выступления 14 августа в Париже агентами Пруссии и снова, как и в своем предыдущем выступлении в Законодательном корпусе, выразил благодарность правительству — на этот раз за то, что оно «как всегда безошибочно указало преступную руку, руководившую нападением на казарму Ла Виллет и сраз напало на след агентов Бисмарка, изобличив их перед общественным мнением». Доказывая необходимость применения самых суровых мер против виновников августовских событий, Гамбетта заявил: «В настоящий момент личность каждого, кто носит военный мундир, должна быть признана священной. Все усилия должны быть направлены против внешнего врага. Мы рассматриваем гражданских и военных должностных лиц как людей, охраняющих порядок и защищающих территорию»[74]. Гамбетта требовал как можно более быстрого применения к обвиняемым закона об иностранцах; он настаивал на беспощадной расправе с ними. Бонапартист Паликао был принужден умерить нетерпение депутата-республиканца. Он указал на то, что правительству приходится считаться с существующими законами. Приветствуя «патриотическое», по его определению, выступление Гамбетты, Паликао заверил его, что «правительство приложит все усилия к тому, чтобы наложить руку на иностранцев, вносящих смятение в наши ряды». «Военные суды,— заявил он,— уже приступили к делу»[75].

[71] A. Deschamps. Op. cit., p. 260, 261.
[72] См. газеты «Temps», «Journal des debats», «Journal de Geneve», за август 1870 г.; «Annales...» Corps Legislate. Seance du 25 aout 1870, p. 212.
[73] Comte D'Haussonville. Mon journal pendant la guerre. Paris 19051, p. 50.
[74] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 17 aout 1870, p. 143.
[75] Ibid., p. 144.

Заявление Гамбетты было заведомо клеветническим: он уже в то время знал, что именно бланкисты были инициаторами выступления 14 августа и его участниками. Мы располагаем на этот счет свидетельством буржуазного республиканца Жюля Симона. «Это предприятие,— писал он о бланкистском выступлении,— вызвало негодование и тревогу у республиканской партии, которая понимала всю важность, какую имело, особенно для нее, сохранение спокойствия на улицах». Одобрительно оценив выступление Гамбетты, Жюль Симон откровенно признал: «Мы уже тогда считали, что во главе этого движения стоял Бланки»[76].

Позиция «радикального демократа» Гамбетты в «деле Ла Виллет» вызвала глубокое возмущение среди социалистов и демократов Парижа. «О, бандит! — негодовал Жюль Валлес.— Ему лучше других известно, что выступление совершено мужественными, благородными людьми! Но такие люди внушают ему беспокойство; они представляют для него угрозу в будущем... Хорошо было бы избавиться от этих непокорных при помощи войск империи»[77]. Сурово заклеймил поведение Гамбетты и Гюстав Лефрансе[78].

Даже умеренно-либеральный русский журнал «Вестник Европы» подчеркивал на своих страницах «бестактность, проявленную Гамбеттой в Законодательном корпусе», и выражал опасение, что «после выходки Гамбетты каждого республиканца, который почему-либо не нравится министерству, можно тотчас бросить в тюрьму по одному подозрению в том, что он будто бы подкуплен Пруссией... Гамбетта решился утвердить своим голосом справедливость приговоров военного суда»[79]. Более резко осудила поведение Гамбетты газета «Неделя». «За свою жестокость Гамбетта удостоился даже похвалы и благодарности от такой свирепой личности, каков граф Паликао...— писала эта газета.— Военный суд после речи Гамбетты уже успел приговорить к смертной казни четырех участников в Вилетских беспорядках — кровь этих людей отчасти ляжет и на Гамбетту»[80].

Орлеанисты во главе с Тьером также поддерживали в Законодательном корпусе правительство Паликао. Тьер, который уже в то время не верил в успех военного сопротивления пруссакам и был настроен капитулянтски, тем не менее на словах одобрял военные мероприятия Паликао. Он считал крайне важ-

[76] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 353.
[77] J. Valles. Op. cit., p. 184.
[78] G. Lefrancais. Souvenirs d'un revolutionnaire, p. 387.
[79] «Вестник Европы», 1870, кн. IX. Иностранное обозрение, стр. 392—393.
[80] «Неделя», 16(28) августа 1870, стр. 1086.

ным временно продлить существование империи для того, чтобы ответственность за военное поражение Франции легла полностью на нее. К тому же правительство, состоявшее из махровых реакционеров, возглавляемых генералом, было способно, как он полагал, лучше всякого другого обеспечить спокойствие в стране. Поэтому 10 августа Тьер в Законодательном корпусе встретил аплодисментами сообщение о составе нового министерства, выразив особое удовлетворение по поводу назначения графа Паликао главой кабинета и военным министром[81]. И в дальнейшем он неоднократно на заседаниях Законодательного корпуса выражал одобрение деятельности Паликао[82].

Это, однако, не означало, что орлеанисты прекратили борьбу против бонапартистской империи. Напротив, воспользовавшись относительной свободой, предоставленной им правительством Паликао, не чувствовавшим под собой твердой почвы и вынужденным вследствие этого заигрывать с оппозиционными фракциями буржуазии, орлеанисты после 10 августа еще более активизировались. Орлеанистский орган «Le Centre gauche», отмечал в те дни парижский корреспондент журнала «Дело» Эли Реклю, «заговорил таким тоном, каким говорят, когда уверены в безнаказанности... Если бы один из наших демократов позволил себе хотя бы десятую долю таких смелых соображений, то его живо предали бы военному суду»[83]. Мастер политической интриги Тьер, как свидетельствует один из очевидцев, в августе 1870 г. «метался как белка в колесе»; он «бегал в министерства,... посещал посольства, в которые был вхож,... расспрашивал дипломатов, старался узнать настроение правительств, был деятелен, занят. Его можно было видеть повсюду»[84]. Политический салон Тьера на площади Сен-Жорж в Париже служил тогда центром притяжения для орлеанистов и для буржуазных республиканцев правого толка, все более сближавшихся с орлеанистами. В дни, следовавшие за поражениями 6 августа, «салон Тьера,— по словам орлеаниста Э. Додэ,— был всегда переполнен... Сюда стекались все новости. Здесь они обсуждались, здесь определялось их значение и последствия»[85].

Именно сюда орлеанист граф д'Оссонвилль принес 10 автуста известие о том, что принцы Орлеанские обратились к правительству с просьбой о разрешении им вернуться во Францию «для участия в обороне отечества». Письменные обращения принцев были 9 августа пересланы конфиденциально в Париж на имя орлеаниста Эдуарда Боше, которому была дана инструкция хранить демарш принцев в строжайшей тайне до тех пор, пока не будет получен ответ правительства. В случае отрицательного ответа или в случае, если правительство вообще откажет в ответе, принцы уполномочивали Боше сообщить содержание их писем друзьям орлеанской династии в Париже, а также в редакции парижских оппозиционных газет.

9 августа, в день получения писем, Боше сообщил о них графу Д'Оссонвиллю. Ввиду падения кабинета Оливье Боше был принят только 10 августа главой нового кабинета. «При виде писем,— сообщал потом Боше,— граф Паликао в ужасе отпрянул». Он отказался вести переговоры. И хотя на следующий день на дом к Боше явился за письмами чиновник военного министерства, чтобы передать их по назначению, ответа на них так и не последовало.

«На трупный запах слетаются вороны»,— писала по поводу демарша принцев Орлеанских газета «Der Volksstaat». Она разоблачала тайные происки представителей орлеанской династии, искусно прикрывавшиеся ими демагогическими заявлениями и демонстративными жестами: посылкой денег из Англии для раненых французских солдат, публичным выражением глубокой скорби по поводу невозможности «быть полезными отечеству на поле боя», заявлениями о желании вступить «рядовыми добровольцами» во французскую армию. Под шум этих мнимопатриотических деклараций, как отмечал «Der Volksstaat», орлеанистам тем временем «уже удалось ввести контрабандой в генеральный штаб императорской армии отъявленного негодяя Шангарнье и посадить на влиятельнейшие места в политическом штабе в Париже множество интриганов».

Однако газета выражала уверенность в том, что, несмотря на известные успехи подрывной деятельности орлеанистов, «перспективы принцев безнадежны», так как их компрометирует активная поддержка, которую им оказывают европейские правительства. Их ждет неудача также вследствие революционного настроения масс в самой Франции[86].

Тьер считал преждевременным появление принцев Орлеанских на политической сцене. Он опасался, что в данный момент их напоминание о себе может нанести большой вред успеху орлеанистгкой реставрации. Поэтому он был взбешен их поведением. «Пагубно и преступно,—заявил он 10 августа графу Д'Оссонвиллю, с которым находился в тесных личных отноше-

[81] Comte de P a l i k a o. Op. cit., p. 54.

[82] См., напр., «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 22 aout 1870, p. 169, Comte de P a l i k a o. Op. cit., p. 92, 93.

[83] «Дело», 1870, № 8, стр. 82. Корреспонденция от 16 августа.

[84] Comte d'H e r i s s o n. Journal d'un officier d'ordonnance. Juillet 1870 —fevrier 1871. Paris, 1885, p. 50.

[85] E. D a u d e t. Le due d'Aumale. 1822—1897. Paris, .1898, p. 148,

[86] «Der Volksstaat», 17. August 1870

ниях,— позволить себе в такой момент шаг, который вызовет немало подозрений и скомпрометирует... все тяжкие усилия, которые я пытаюсь предпринять для того, чтобы выручить наше отечество из ужасного положения, в котором оно оказалось... Все это сделано так грубо. Малейший ложный шаг может причинить много вреда»[87].

11 августа Боше передал копии писем принцев в редакции ряда крупных парижских газет «Journal de Paris», «Temps», «Siecle», «Journal des debats» и др. Ответственный издатель «Journal de Paris» орлеанист Эдуард Эрве дал твердое обещание, «не взирая на опасность», опубликовать эти письма в своей газете. Такое же обещание было получено от редакторов ряда других газет. Большую осторожность проявил редактор самого крупного орлеанистского органа «Journal des debats.». В этой газете письма принцев были опубликованы только после того, как они появились в других органах печати. 11 и 12 августа текст писем был напечатан всеми видными парижскими газетами. «Опубликование этих писем симптоматично,— писал 11 августа граф Д'Оссонвилль.— Восемь дней тому назад газеты не решились бы их напечатать. Все они понимают, что режим империи приближается к падению и что открываются новые перспективы»[88].

12 августа, во время заседания Законодательного корпуса, член левого центра депутат Этанселен, к величайшей досаде Тьера, огласил текст письма принца Жуанвильского на имя министра морского флота и сделал пространное сообщение о письмах, полученных на имя правительства от двух других принцев Орлеанских. Свое выступление Этанселен закончил предложением отменить закон от 20 мая 1848 г. об изгнании принцев из пределов Франции. Предложение не было даже поставлено на обсуждение.

Несколько позднее, после поражений французской армии у Гравелотта и Сен-Прива (16 и 18 августа)[89], Тьер в конфиденциальной беседе с графом д'Оссонвиллем более откровенно изложил свои политические замыслы. Обстановка, сложившаяся к тому времени во Франции, не позволяла пока орлеанистам, по мнению Тьера, открыто претендовать на власть. «У меня могут быть известные предпочтения насчет будущего,— дал он понять д'Оссонвиллю,— но в настоящий момент я запрещаю себе думать об этом»[90]. Тьер и орлеанисты, которых он возглавлял, были уже тогда сторонниками создания «анонимного» коалиционного правительства из представителей оппозиционных буржуазных партий. К этой теме он во второй половине августа возвращался неоднократно.

Так, 18 августа Тьер заявил д'Оссонвиллю, что наступило время для создания коалиционного правительства. Указав, как «велико у всех желание избавиться от существующей династии», он продолжал: «Было бы чрезвычайно опасно выдвигать в настоящий момент то или иное собственное имя; поэтому идея безымянного правительства объединяет сейчас наибольшее число людей»[91]. 21 августа он снова развивал идею коалиционного буржуазного правительства. «Только подлинно безымянное правительство,— заявил он,— не олицетворяемое каким-либо определенным именем, правительство, которое не означало бы немедленной или возможной в ближайшем будущем победы одной какой-либо партии, способно сейчас занять место существующего режима»[92]. Однако орлеанисты рассчитывали получить командные посты в этом правительстве.

Идея отстранения Наполеона III от власти и создания временного коалиционного правительства приобретала в августе 1870 г. все большее число сторонников среди парижской крупной буржуазии. 26 августа к Тьеру явилась делегация, вручившая ему адрес от крупных парижских буржуа, в котором те заявляли о своем нежелании идти на какие-либо жертвы «ради существующего режима», о своей готовности поддержать реставрацию Орлеанов и о своей преданности ему, Тьеру[93].

Энгельс, не будучи еще полностью осведомлен о закулисных интригах орлеанистов в августе 1870 г., тем не менее правильно определил их политические замыслы. «Я думаю,— писал он уже 10 августа Марксу,— орлеанисты — без армии — недостаточно сильны, чтобы сразу рискнуть на реставрацию. Так как теперь они представляют собою единственную еще возможную династию, то вероятно они сами вновь предпочтут республиканское междуцарствие»[94]. 15 августа Энгельс вторично затронул этот вопрос в письме к Женни Маркс. «Мне кажется,— писал он,— орлеанисты желают теперь временной республики, которой бы они сами управляли, как в 1848 г., чтобы она опозорила себя заключением мира, после чего корона досталась бы их Орлеанам как единственной возможной теперь династии»[95].

[87] D'Haussonville. Op. cit., p. 22, 25.
[88] Ibid, p. 29—30.
[89] См. ниже, стр. 306—307.
[90] D'Haussonville. Op. cit, p. 43.
[91] D'Haussonville, Op. cit, p. 36.
[92] Ibid, p. 43.
[93] Ibid, p. 56—57.
м Энгельс —Марксу. 10 августа 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 95 Эвгельс — госпоже Маркс. 15 августа 1870 г. К. Маркс « Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 384.

Политика министерства Паликао в вопросе о вооружении местной и мобильной национальной гвардии полностью выдавала его подлинные цели.

Вопрос об организации национальной гвардии и о ее вооружении волновал широкие массы населения Франции с самого начала войны. После первых поражений французской армии он стал одним из центральных вопросов политической жизни страны. Об этом свидетельствуют, в частности, донесения префектов министру внутренних дел. «Наше крайне возбужденное население требует оружия; мобильная гвардия не имеет еще ни одного ружья»,— телеграфировал, например, 7 августа в Париж и одновременно дивизионному генералу в Безансон префект департамента Рона[96]. В тот же день префект департамента Нижний Рейн сообщал из Страсбурга: «Население требует оружия. Я сегодня обещал организовать и вооружить 400—500 человек национальной гвардии»[97]. О том же сообщал префект департамента Верхняя Марна: «Население выражает удивление по поводу того, что все еще не создана мобильная национальная гвардия»[98]. «В Эпинале,— доносил префект департамента Вогезы,— с 1 августа существует четырехтысячная мобильная гвардия, являющаяся предметом беспокойства для населения, ибо она остается невооруженной и плохо оплачивается» ". Префект департамента Юра сообщал 8 августа: «Население желает сформироваться р добровольческие отряды франтиреров и в отряды национальной гвардии. Повсюду требуют оружия. Крайнее возбуждение» [10°]. Аналогичное сообщение направил в Париж префект департамента Восточные Пиренеи. «Население выражает недовольство по поводу того, что до сих пор не организована мобильная национальная гвардия. Мне представляется полезным как можно скорее выйти из ложного положения»,— телеграфировал он из Перпиньяна[10']. Можно было бы назвать и ряд других подобных донесений.

[96] «Papiers secrets et correspondence du Second empire», p. 258. Prefet a Interieur—Paris; A general division Besancon. Lyon, le 7 aout 1870, 4 h. 47 m. soir.

[97] Ibid., p. 253. Prefet a Interieur — Paris. Strasbourg, le 7 aout 1870 10 h. 15 m. matin.

[98] Ibid., p. 258. Prefet a Interieur—Paris. Chaumont, le 7 aout 1870. 5 h. soir.

[99] Ibid., p. 255. Prefet Vosges a Interieur — Paris. Epinal, le 2 aout 1870, 8h. 5 m. matin.

[100] Ibid., p. 255. Prefet a Interieur — Paris. Lons-le-Saunier, le 8 aout 1870, 10 h. 55 m. matin.

[101] Ibid., p. 253. Prefet a Interieur — Paris. Perpignan, le 8 aout 1870, 2 h. 15 m. matin.

Местные власти, не желавшие брать на себя ответственности за раздачу оружия населению, запрашивали на этот счет центральную власть. «Могу ли я безотлагательно выдать оружие для местной национальной гвардии, для добровольческих отрядов? Все префекты требуют его от меня»,— запросил, например, 9 августа военное министерство командующий лионским военным округом[102]. Аналогичные запросы поступали также из других мест. «Со вчерашнего дня многие префекты обращаются ко мне за получением оружия для местной национальной гвардии; как быть?»—телеграфировал 9 августа из Л а Фер начальник 4-го военного управления [ш].

Правительство Оливье давало, как правило, отрицательный ответ на такие запросы с мест. Даже префекту департамента Нижний Рейн, находившегося под непосредственной военной угрозой, было дано предписание воздержаться от вооружения национальной гвардии в Страсбурге, как и в других пунктах этого департамента[104].

Зачисление в национальную гвардию и в добровольческие отряды обставлялось сложными бюрократическими формальностями. Вызванное этим среди различных слоев населения недовольство было настолько велико, что и буржуазная либеральная печать, как, например, газета «La Liberte», выражала протест против «медлительности и бюрократизма, которые стоят па пути патриотического порыва населения», и требовала скорейшего их устранения[105]. В редакции парижских газет поступали многочисленные жалобы на недопустимую медлительность муниципалитетов, тормозящих добровольческое движение[106]. «Полезно, чтобы вы знали, какие трудности встречают люди, предлагающие себя в качестве зашитников отечества,— писал автор одной из корреспонденции в редакцию газеты «La Liberte», подробно перечислявший мытарства, которые ему лично пришлось претерпеть.— Это необходимо для того, чтобы вы добились от правительства радикального изменения нелепой системы, тем более абсурдной при создавшемся положении. Считаете ли вы, что при такой медлительности правительство, при всем его желании, сможет быстро мобилизовать многочис ленные массы людей, в которых оно нуждается? Необходимо было бы учредить 100—200 вербовочных пунктов, которые

[102] «Papiers secrets et correspondence du Second empire», p. 258. General en chef a Guerre — Paris. Lyon, le 9 aout 1870.

[103] Ibid., p. 259. Le Colonel Directeur a La Fere au Ministere de la Guerre, 4-e direction, 2-e bureau, le 9 aout 1870.

[104] Ibid., p. 257. Interieur a Prefet Bas-Rhin, Strasbourg (chiffre special). Paris, le 17 juillet 1870. 7 h. 55 m. soir.

[105] «La Liberte», II aout 1870.

[106] Ibid., 12 aout 1870.

производили бы запись добровольцев даже под открытым небом, как это было в 1792 г.»[107].

Многочисленные жалобы населения на неупорядоченность дела вооружения национальной гвардии не приводили к сколько-нибудь ощутимым результатам, ибо в действительности причина неупорядоченности заключалась не только в бюрократизме чиновников, но и в преднамеренном саботаже правительства, не желавшего вооружать население.

Правительство Паликао продолжало в этом отношении политику правительства Оливье. Так, в ответ префекту департамента Устья Роны, запрашивавшему министерство внутренних дел о целесообразности организации национальной гвардии в департаменте, была направлена 11 августа в Марсель депеша следующего содержания: «Своевременно ли, по вашему мнению, создавать местную национальную гвардию, учитывая, что в вашем департаменте по политическим соображениям введено осадное положение? Если вы отвечаете на это утвердительно, тогда договоритесь с генералом»[108].

Новое правительство, по примеру предшествовавшего, всемерно тормозило формирование и вооружение национальной гвардии. 10 августа, в день своего прихода к влагги, члены этого правительства приложили все старания к тому, чтобы помешать принятию Законодательным корпусом решения об ускорении организации национальной гвардии. Такого решения требовали левые депутаты, опасавшиеся, что в противном случае возникнут серьезные политические осложнения. Гамбетта прямо заявил в Законодательном корпусе, что «вооружение национальной гвардии является политической и тактической необходимостью»[109]. Позднее Жюль Симон с еще большей откровенностью изложил мотивы, побуждавшие в августе 1870 г. левую фракцию торопить Законодательный корпус с принятием решения об ускорении создания национальной гвардии. Депутатов, по его словам, беспокоило «крайнее возбуждение, которое вызвал бы отказ от принятия решения; такой отказ вполне основательно рассматривался бы как выражение недоверия к национальной гвардии». «Нас особенно тревожил Париж,— сообщал Симон,— так как мы являлись депутатами от Парижа и так как он ежедневно с раннего утра требовал оружия и угрожал завладеть оружием силой, если ему не дадут его добровольно»[110].

[107] «La Liberte», 11 aoflt 1870.

[108] «Papiers secrets et correspondence du Second empire», p. 261. Interieur a Prefet BoAches-du-Rhone — Marseille. Paris, le 11 aoflt 1870, 7 h. 30 m. soir.

[109] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 10 aoflt 1870, p. 30.

[110] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 266.

Беспокойство депутатов-республиканцев было понятно: требования оружия исходили преимущественно от рабочих, остававшихся в Париже при всех обстоятельствах. Имущие элементы, напротив, ввиду приближения немецких войск, спешили покинуть столицу, которой угрожала опасность осады. По свидетельству очевидца, «совершенно здоровые люди, вполне способные нести службу у крепостных стен и даже участвовать в будущих военных вылазках, разбрелись во все стороны, каждый куда ему заблагорассудилось,— кто в Италию, кто в Испанию, кто в Бельгию, кто в Англию»[111].

Правительству, при поддержке правого большинства Законодательного корпуса, удалось 10 августа перенести на следующий день принятие решения по этому вопросу. Оно — как гласит один из секретных документов Второй империи — старалось выиграть время «для предварительного рассмотрения и обсуждения опасных и компрометирующих сторон этого мероприятия»[112]. Такое совещание, повидимому, состоялось в тот же день. На нем был с гораздо большей откровенностью, чем в Законодательном корпусе, обсужден вопрос о последствиях, к которым может привести вооружение местной, а также мобильной гвардии. «Мы прилагали все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать принятию законодательного постановления о национальной гвардии,— сообщил в своих показаниях министр общественных работ в кабинете Паликао Жером Давид.— Мы доказывали, что вооружить всех без различия граждан вовсе не значит усилить обороноспособность страны. Мы говорили, что нарушители общественного порядка воспользуются выданным им оружием скорее для того, чтобы произвести социальный переворот, чем в интересах национальной обороны»[113]. Однако 11 августа, когда вопрос был снова поставлен на обсуждение в Законодательном корпусе, ни один из министров, как и ни один из депутатов, не рискнул открыто высказать свои опасения. Закон о повсеместной организации национальной гвардии, об ее укомплектовании гражданами в возрасте от 21 года и старше и о ее вооружении был принят Законодательным корпусом единогласно (268 голосами)[114]. Бонапартистской палате, как и бонапартистскому правительству, было хорошо известно, что 9 августа левым депутатам удалось отвести от империи угрожавшую ей смертельную опасность лишь благодаря данному ими народным массам обещанию —

[111] Comte d'Herisson. Op. cit, p. 52.

[112] «Papiers secrets du Second empire». Цит. по A. Deschamps. Op. cit., p. 248.

[113] «Actes», t. V, p. 66. Deposition David. См. также «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 10 aoflt 1870, p. 29.

[114] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 11 aoflt 1870, p. 47, 59.

добиться положительного разрешения в законодательном порядке вопроса о всеобщем вооружении населения.

Вынужденное, таким образом, в интересах самосохранения примириться с принятием постановления о повсеместной организации и вооружении национальной гвардии и о выборности ее начальствующего состава [115], правительство срочно приняло все меры к тому, чтобы воспрепятствовать действительному вооружению народных масс. «Закон от 11 августа,— признавал впоследствии в своих показаниях один из офицеров Второй империи, полковник Шапе,— выполнялся с нарочитой медлительностью, так как воздерживались от того, чтобы прибегать к этому оружию, которое возбуждало страх». Именно поэтому «в мэриях,— как показывал Шапе,— мало что делалось во исполнение закона о вооружении. Вас зачисляли — и только. Да и быть зачисленным удавалось нелегко... Оружия не выдавали; за зачислением не следовало организационных мер; ограничивались одним занесением в списки» [116].

В первую очередь зачислялись в национальную гвардию имущие слои населения. «Округа, расположенные в центре Парижа,— сообщал тот же полковник,— первыми получили разрешение увеличить свой контингент, да и здесь действовали с большой осторожностью. Правительство чинило препятствия: поэтому оно производило запись надежных людей также и в тех кварталах, где они не проживали» [117]. В ряде округов Парижа вовсе не записывали в национальную гвардию. Так, например, в V округе, в котором преобладали демократические слои населения, один лишь квартал Сорбонны производил у себя запись, да и то национальную гвардию этого квартала — из предосторожности — присоединили к национальной гвардии VI округа, заселенного преимущественно зажиточной буржуазией. «Надежным» элементам национальной гвардии также в первую очередь выдавалось оружие, частично в обмен на имевшиеся у них винтовки устаревшей системы [118].

Правительство Паликао прибегало ко всевозможным ухищрениям, чтобы воспрепятствовать вооружению рабочего населения Парижа. «Когда требования оружия участились,— узнаем мы из показаний Корбона, исполнявшего после 4 сентября 1870 г. обязанности мэра одного из округов Парижа,— было заявлено, что оружие будет выдаваться только тем национальным гвардейцам, которые явятся за ним в обмундировании. Известное число буржуа приобрело обмундирование и получило ружья, но таких людей было не так много. Это достоверный факт» [119].

Таким образом, из показаний Корбона, так же как из показаний полковника Шапе, следует, что закон от 11 августа 1870 г. о зачислении в национальную гвардию и о вооружении всех слоев населения, как правило, не приводился в исполнение; в тех же случаях, когда в национальную гвардию зачисляли рабочих, их оставляли без оружия.

За пределами Франции закон от 11 августа, а также предшествовавший ему закон от 10 августа о призыве в армию всех холостых мужчин и бездетных вдовцов в возрасте от 25 до 35 лет, не занесенных в списки мобильной гвардии [120], нашли отклик и в буржуазной и в социалистической печати. Никто не заблуждался относительно мотивов, побудивших правительство Второй империи издать эти законы, так же как никто не питал иллюзий насчет готовности этого правительства претворить принятые им законы в жизнь. Буржуазная «Pall Mall gazette», сообщая о принятии названных законов, одновременно подчеркивала наблюдаемое повсюду во Франции «парализующее действие правительственных агентов», чинивших препятствия вооружению населения. «Население,— указывала лондонская газета,— горит нетерпением служить интересам отечества. Казалось, чиновники должны были бы с таким же рвением производить запись в национальную гвардию. Однако на пути у населения, воодушевленного единодушным порывом, стоят бюрократические формальности. Люди, изъявляющие желание быть зачисленными, проводят время в мытарствах, обращаясь то к гражданским, то к военным властям; каждая из этих властей заявляет, будто именно другая должна выполнить необходимые формальности. Так проходит зря время, охладевает пыл, и мы являемся свидетелями досадного зрелища,— торжества писак, преграждающих путь волне энтузиазма и делающих все возможное для того, чтобы затруднить большое народное движение» [121].

Избегая прямого обвинения французского правительства в преднамеренном срыве своих же собственных постановлений, английский буржуазный орган возлагал ответственность на косных бонапартистских чиновников. Однако он при этом не преминул намекнуть на истинную причину бюрократических проволочек, срывавших своевременное вооружение населения Франции. Газета сообщала, что «принятое решение вооружить всех без исключения граждан,— республиканцев, социалистов

[115] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 11 aout 1870, p. 47.
[116] «Actes», t. V, p. 475, 476. Deposition Chaper.
[117] Ibid., p. 476. Deposition Chaper.
[118] «Actes», t. VI, p. 440. Deposition Corbon.

[119] «Actes», t. VI, p. 440. Deposition Corbon
[120] См. «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 10 aout 1870, p. 23—24. Закон был принят единогласно 266 голосами.
[121] «Pall Mall gazette», 11 August 1870.

и прочих, не исключая нарушителей общественного порядка, входящих в состав Интернационала, вызвало недовольство буржуазных слоев. Если всех этих людей вооружить в целях обороны территории, то что же, однако, будет потом? Кто их разоружит? А что если они провозгласят республику?» [122]. Вывод относительно истинных причин бюрократических препон, ставившихся на пути вооружения населения Франции, напрашивался сам собой.

В отличие от буржуазной печати, зарубежная социалистическая печать, в частности газета «Der Volksstaat», открыто и недвусмысленно писала о том, что причиной саботажа вооружения населения Франции является страх правительства Наполеона III перед вооруженным народом. Газета указывала, что решение о вооружении населения, принятое бонапартистским правительством, следует рассматривать как «акт отчаяния» с его стороны, ибо вооружение народа означает вооружение важнейших крупных городов, трудящееся большинство населения которых показало во время майского плебисцита, до какой степени враждебно оно относится к империи. «Вооружая народ, Бонапарт вооружает своих собственных врагов»,— заключала газета. Она указывала далее на то, что Наполеон III не питает никаких иллюзий на этот счет, ибо даже в годы его блестящих успехов он боялся вооруженного народа. Поэтому одним из первых его актов после государственного переворота 2 декабря был роспуск национальной гвардии, за исключением ничтожной ее части, состоявшей из преданных ему людей. «Как же может он,— задавала она вопрос,— не бояться вооруженного народа теперь, когда удача повернулась к нему спиной?» [123].

Результатом антинародной политики правительства Паликао в деле вооружения населения было то, что в период с 10 августа по 4 сентября 1870 г., иными словами, за время существования этого правительства, в департаменте Сена, включая Париж, национальная гвардия численно увеличилась всего на девять батальонов, с 51 батальона до 60. Да и эти формально вновь созданные батальоны, как явствует из ряда свидетельств, не были полностью укомплектованы людьми и обеспечены оружием. Фактически за указанное время численность национальной гвардии департамента Сена увеличилась не более чем на 12—15 тыс. человек [124], причем только часть этих людей получила годное оружие. Многие же национальные гвардейцы из рабочего населения так и остались невооруженными до конца существования Второй империи.

[122] «Pall Mall gazette», 11 August **1870.**
[123] «Der Volksstaat», 13. August 1870.
[124] «Actes», t. VI, p. 440. Deposition Corbon.

Несмотря на такое положение вещей, министр внутренних дел Анри Шевро считал впоследствии возможным утверждать в своих показаниях, будто кабинет Паликао «старался со всей лойяльностью выполнить предписания, вотированные Законодательным корпусом, и всемерно вооружал национальную гвардию Парижа» [125]. Да и во время своего пребывания на посту министра Шевро своими официальными заявлениями вводил в заблуждение страну. Так 20 августа 1870 г. он утверждал в Законодательном корпусе, что в Париже уже имеется 49 тыс. вооруженных национальных гвардейцев, а к 26 августа их будет 80 тыс. [126]. Министр общественных работ Жером Давид называл еще большую цифру. Он заверял, что «после 11 августа было роздано более 100 тыс. винтовок, согласно воле палаты, так что все население Парижа.— *Э. Ж.* было вооружено» [127]. Эти и подобные им заявления [128] опровергались, однако, показаниями других членов кабинета Паликао. Так, например, министр просвещения Жюль Брам откровенно заявил следственной комиссии: «Вплоть до последних дней мы отказывались вооружать народные массы» [129].

В августе 1870 г. на улицах Парижа можно было видеть национальных гвардейцев, проходивших военное обучение с применением палок, тростей, зонтов вместо винтовок. На этот факт указывалось как во французской, так и в зарубежной печати [130]. Даже в Шалонском лагере практиковался такой способ военного обучения. «Волонтеры и национальные гвардейцы в Шалоне,— сообщала «Неделя»,— обучаются военному ремеслу на палках» [131].

Аналогичная политика проводилась и в отношении мобильной гвардии. Вооружали преимущественно тех мобильных гвардейцев, которых включали в ряды регулярной армии; другая их часть в подавляющем большинстве оставалась невооруженной. Правительство Оливье проявляло бездействие в этом вопросе. Из показаний министра внутренних дел в кабинете Паликао мы узнаем, что при правительстве Оливье, т. е. до 10 августа, «заботами военного министерства были вооружены только несколько батальонов мобильной гвардии в департаментах, за счет которых комплектовались лишь первые восемь дивизий. Кроме мобильной гвардии департамента Сена, ни

[125] «Actes», t. V, p. 121. Deposition Chevreau.
[126] «Annates...» Corps Legislatif. Seance du 20 aout 1870, p. **164.**
[127] «Actes», t. V, p. 67. Deposition David.
[128] См., напр., «Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars», p. 261. Deposition Marseille.
[129] «Actes», t. V, p. 85. Deposition Brame.
[130] См., напр., «Дело», 1870 № 8. Политическая хроника, стр. **68** и др.
[131] «Неделя», 9(21) августа 1870, № 32, стр. 1053.

один из батальонов мобильной гвардии в провинции не был экипирован. Что касается остальных батальонов, то они существовали только на бумаге» [ш].

Это однако, не помешало военному министру в правительстве Оливье маршалу Лебефу утверждать, будто с начала войны до 10 августа 1870 г. были приведены в боевую готовность 120 тыс. мобильных гвардейцев [ш].

Но и заверения Шевро были так же далеки от действительности, как и заверения Лебефа. Шевро утверждал, что правительство Паликао «за 18 дней собрало в департаментских и окружных административных центрах, расквартировало и обеспечило провиантом мобилен четырнадцати военных подразделений, снабдило временным обмундированием... свыше 150 тыс. человек»[134]. 100 тыс. человек, по словам Шевро, получили из арсеналов оружие.

В действительности правительство Паликао вооружало почти исключительно реакционные части мобильной гвардии. Это видно из показаний Шевро, признавшего, что мобильная гвардия и другие созданные правительством Паликао «войска во главе с их офицерами, исполненными патриотизма и энергии, ... успешно содействовали 31 октября подавлению попытки восстания, предпринятой радикальной партией» [135].

Некоторые из реакционных частей мобильной гвардии, создававшихся в провинции, специально переводились в Париж для охраны в нем «порядка». «Мы старались переводить из департаментов вооруженную силу»,— откровенно признал в своих показаниях министр Жюль Брам [136]. Напротив, части парижской мобильной гвардии, не внушавшие доверия правительству, удалялись из столицы. Так, например, «ненадежные» части мобильной гвардии Парижа были переведены в Шалонский военный лагерь.

Мобильная гвардия департамента Сена не пользовалась доверием бонапартистского правительства. Поэтому оно всячески тормозило ее вооружение. На этот счет имеется ряд свидетельств; среди них — свидетельство французского историка-демократа Жоржа Ренара, служившего в 1870 г. во 2-й роте 7-го батальона мобильной гвардии департамента Сена. В своих воспоминаниях о событиях 1870—1871 гг. Ренар, касаясь описываемого нами периода франко-прусской войны, сообщает: «Парижскую мобильную гвардию не хотели вооружать, ибо ее боялись, так как она в подавляющем большинстве была республиканской» [137].

Несколько более терпимо относилось правительство Паликао к созданию на местах так называемых вольных отрядов (corps francs). «Такие отряды,— сообщал в данной связи Гюстав Флуранс,— было легче и обуздать и разогнать» [138]. Лица, которым доверялось формирование этих отрядов и руководство ими, старались «приручить» поставленных под их начальство людей, преимущественно крестьян, чтобы в случае надобности бросить их против «мятежных» элементов.

Что касается добровольческого движения, то в июле — августе 1870 г. оно было крайне незначительным. Маршал Лебеф впоследствии признал, что с начала войны вплоть до 31 августа 1870 г. добровольно вступило в регулярную армию всего 28 099 человек, вместо 100 тыс. добровольцев, на которых рассчитывало правительство и военное командование. Это незначительное число добровольцев, по словам Лебефа, состояло из «людей интеллигентных, весьма преданных родине, воодушевленных воинственным порывом»[139]. Такая аттестация, разумеется, не могла быть отнесена бонапартистом Лебефом к враждебно настроенным по отношению к империи народным массам Франции. Люди из народа не шли добровольно в армию Второй империи. Корреспондент английской буржуазной «Daily news» и тот писал в середине августа 1870 г., что во всем Париже «едва ли найдется несколько сот рабочих, которые согласны сражаться во имя интересов бонапартистской империи» [140]. Социал-демократический «Der Volksstaat» выражал в эти дни уверенность в том, что «парижские рабочие, требуя оружия, намереваются с его помощью покончить в первую очередь с декабрьской бандой» [ш].

Буржуазные республиканцы не строили никаких иллюзий насчет политики правительства Паликао в вопросе о вооружении населения. В этом они сами сознавались впоследствии. Так, например, Жюль Симон писал по этому поводу: «Колебались — это было ясно — между желанием вооружить население против врага и боязнью дать ему в руки оружие против династии» [142]. В том же духе высказался и Жюль Фавр [143]. Однако они тщательно скрывали от народных масс подлинную сущность своей политики.

«Actes», t. V, p. **121.** Deposition Chevreau.
Ibid., p. 21. Deposition Leboeuf.
Ibid., p. **121.** Deposition Chevreau.
Ibid., p. 121. Deposition Chevreau.
Ibid., p. 85. Deposition Brame.

[137] G. Renard. Mes souvenirs (1870—71). «La Revolution de 1848», t. 28, 1931, p. 15.
[138] G. Flou'rens. Paris livre. Paris, 1871, p. 56.
[139] «Actes», t. V, p. 21. Deposition Leboeuf.
[140] Цит. по газ. «Der Volksstaat», 20. August 1870.
[141] «Der Volksstaat», 24. August 1870.
[142] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 26b.
[143] CM. J. Favre. Op. cit., t I, p. 37.

5

После поражений 6 августа уцелевшие части Рейнской армии начали отступление в направлении Вердена и Шалона на Марне, в районе которого французское командование намеревалось создать новую, так называемую Шалонскую армию. Уже 5 августа, после первого поражения французских войск у Внесем бурга, Наполеон III назначил маршала Базена командующим 2, 3. и 5-м корпусами[144], составлявшими левое крыло Рейнской армии. 12 августа Базен был назначен главнокомандующим всей Рейнской армии, вместо Наполеона III.

Движение французских войск к Вердену и Шалону было, однако, задержано 14 августа, когда значительная их часть уже переправилась на левый берег Мозеля. Прусское командование, разгадав план французов, решило отрезать им путь на Верден и оттеснить к Мецу. Оно навязало им бой у деревни Борни (или у Коломбей-Нуйльи). Не принеся'победы ни одной, ни другой стороне, бой этот на целые сутки задержал переправу французских войск через Мозель.

Эта вынужденная задержка привела в ходе дальнейших военных действий к тяжелым последствиям для французской армии. 16 и 18 августа французам пришлось выдержать два новых, навязанных им сражения,— одно у Гравелотта (или Марсла-Тура), другое у Сен-Прива. Эти сражения завершили поражение Рейнской армии.

Ни самые сражения, ни их катастрофические для французской армии результаты не были неизбежными. Французские войска под командованием Базена вполне могли, несмотря на задержку, успешно завершить движение к Шалону, избегнув столкновения с немецкими войсками. Но Базен, руководствуясь преступными личными целями, раскрывшимися только впоследствии, стремился сохранить свою армию нетронутой и поэтому преднамеренно медлил, не желая покидать Мец. Это и позволило пруссакам преградить ему путь и навязать кровопролитные сражения. Сражение у Гравелотта — по словам военного историка А. Шюке — было самым крупным кавалерийским сражением за всю кампанию 1870—1871 гг., одной из ожесточеннейших битв, какие знала в то время военная история[145].

Оба сражения были проиграны французами, несмотря на исключительный героизм и стойкость французских солдат. Во время сражения у Сен-Прива Базен не появлялся на поле боя, не давал ни необходимых распоряжений, ни подкреплений, не ввел в дело артиллерийских и прочих резервов,— словом, не предпринял ничего, что могло бы обеспечить его войскам благоприятный исход боя. В конечном результате его армии был отрезан путь к Шалону. Она была отброшена к Мецу, где оказалась блокированной семью корпусами Первой и Второй немецких армий, численностью в 160 тыс. человек. Третья армия, беспрепятственно перейдя Вогезы, совершала путь на Париж. Параллельно ей двигалась к Парижу Четвертая немецкая армия.

«Хотя угроза такой заключительной катастрофы была очевидна уже в течение нескольких дней,— писал Энгельс 20 августа под свежим впечатлением от пятидневных* боев, происходивших 14—18 августа в окрестностях Меца,— все же трудно представить себе, что она в самом деле произошла. Действительность превзошла все ожидания... Военная мощь Франции, повидимому, полностью разрушена... Мы не можем пока еще оценить политических результатов этой огромной катастрофы. Мы можем только удивляться ее размерам и неожиданности и восхищаться тем, как ее 'Перенесли французские войска»[146].

Энгельс выражал особое восхищение мужеством и героизмом, проявленным французскими войсками на последней стадии этих крайне тяжелых для них боев, во время девятичасового сражения, происходившего 18 августа у Сен-Прива. «Тот факт,— писал он,— что после четырех дней почти непрерывных боев, при самых, какие только возможны, неблагоприятных условиях, они смогли на пятый день в течение девяти часов оказывать сопротивление наступлению противника, численно значительно превосходившего их, делает величайшую честь их мужеству и стойкости. Никогда еще, даже во времена самых победоносных кампаний, французская армия не покрывала себя более заслуженной славой, чем при ее катастрофическом отступлении от Меца»[147].

Исходя, повидимому, из оценки военного положения Франции, данной 20 августа Энгельсом, Вильгельм Либкнехт в политическом обозрении центрального органа германской социал-демократической рабочей партии писал о том, что после' боев 14—18 августа в окрестностях Меца «война с императорской Францией может считаться оконченной». Сейчас перед французским народом поставлена дилемма: либо сдаться на милость победителя, т. е. Бисмарка, либо свергнуть наполеоновскую династию и спасти себя. Свержение империи приобретает, таким образом, для него жизненное значение. «Если Париж поднимется,— писал В. Либкнехт,— то взовьется знамя

[144] До 5 августа маршал Базен был командующим 3-м корпусом Рейнской армии.

[145] См. A. Chuquet. Op. cit., p. 64.

не ф Энгельс. Кризис войны. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 59—60.

[147] Там же, стр. 60.

республики. В течение нескольких дней под это знамя встанут миллионы граждан, и начнется революционная народная война». Либкнехт называл две причины, вследствие которых во Франции все еще не провозглашена республика, хотя «Бонапарт фактически перестал управлять». Провозглашению республики препятствовали так называемые «благонамеренные» буржуазные республиканцы, от Жюля Фавра до Гамбетты включительно, которые «в страхе перед... наиболее сознательной частью французского рабочего класса обязались не предпринимать в условиях войны никаких шагов к смене правительства,— под предлогом того, что все усилия должны быть сейчас направлены против внешнего врага». Сами же французские рабочие «полностью понимают существо сложившейся ситуации», но лишены надлежащего руководства. Ввиду этого «необходимо время, чтобы пролетариат снова стал способен к действию». «Будем надеяться, что нужный момент не будет упущен»,— заключал автор обозрения [148]. Следует отметить, что Маркс и Энгельс в то время гораздо резче оценивали поведение парижских социалистов и рабочих. Неоднократно клеймя политику национального предательства, проводимую всеми фракциями французской буржуазии, от бонапартистов и орлеанистов до буржуазных республиканцев, составлявших официальную оппозицию, Маркс и Энгельс вместе с тем осуждали также и рабочий Париж, который «и после страшных поражений попрежнему продолжает терпеть над собой господство мамелюков Луи Бонапарта и испанской авантюристки Евгении...» [149]. Они видели в этом плачевный результат 18-летнего пребывания народных масс Франции в условиях бонапартистского режима.

Французский социалист Артур Арну, находившийся в июле — августе 1870 г. в Париже, впоследствии утверждал, что парижские социалисты с самого начала войны вплоть до 4 сентября «прилагали все усилия, чтобы вызвать движение», которое привело бы к свержению империи, но их усилия не увенчались успехом. Причину этого Арну видел в двух обстоятельствах: в предательстве депутатов левой фракции, «державших народ в узде и игравших роль буфера между ним и империей», и «в отсутствии веры в свои силы» у самого французского народа, «утомленного двадцатью годами деспотизма и искусно осуществляемой коррупции» [150]. Арну, таким образом, не видел

[148] «Der Volksstaat», 27. August 1870.

[149] Маркс — Ф.-А. Зорге. 1 сент. 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 71. См. также Маркс — Энгельсу. 2 сентября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 390; Энгельс — Марксу. 20 августа 1870 г. Там же, стр. 388.

[150] A. Arnould. Op. cit., p. 14.

слабости самих парижских социалистов, не сумевших возглавить передовых рабочих Парижа и повести за собой отсталые слои парижского пролетариата. Среди последних одни только строительные рабочие, происходившие из крестьян, привлеченных строительными работами в столицу, составляли, как было сказано, около 20% всего рабочего населения. Вследствие слабости социалистического руководства 'буржуазным республиканцам и удавалось в течение всего августа 1870 г. «вводить в русло» рабочее движение каждый раз, когда оно начинало выходить из него.

Беспомощность уцелевших в Париже социалистов, их недостаточная связь с народными массами, их слабое идейное влияние на массы явились, в частности, одной из причин того, что генералу Трошю легко удалось в августе 1870 г. завоевать популярность среди широких слоев парижского населения, в том числе среди значительной части рабочих. Путем изощренной демагогии этот честолюбивый реакционер сумел внушить им веру в свою способность спасти честь Франции, как и в искренность своих нападок на антинародную политику бонапартистского правительства.

Активная поддержка, оказанная генералу Трошю буржуазными республиканцами, немало потрудившимися над упрочением его популярности, а также слабое противодействие, которое он встречал со стороны парижских социалистов, помогли этому политическому авантюристу ввести в заблуждение народные массы Парижа относительно его истинных намерений. Все это тормозило свержение империи, в ущерб национальным интересам Франции, интересам ее безопасности и независимости.

Имя генерала Трошю фигурировало, как мы помним, в дни 7—9 августа 1870 г. в числе кандидатов на пост военного министра и даже на пост главы нового кабинета, которому предстояло занять место кабинета Оливье. Трошю уклонился от предложенных ему постов, и последнее министерство Второй империи возглавил бонапартист де Паликао. Отказавшись от вхождения в правительство Второй империи, обреченность которого была для него в то время вполне ясна, Трошю одновременно настойчиво добивался поста командующего парижским гарнизоном, так как стремился сосредоточить в своих руках вооруженные силы столицы. Из оставленного им политического «Завещания» мы узнаем, что 10 августа он вел на этот счет переговоры с маршалом Бараге д'Илье, занимавшим пост командующего гарнизоном, рассчитывая на его поддержку (после «беспорядков» предыдущего дня в Париже маршал должен был уйти в отставку). Трошю был уверен в успехе своих домогательств; после переговоров с маршалом он поспешил

составить текст обращения к населению Парижа уже в качестве командующего парижским гарнизоном [ш],

Трошю, однако, не был назначен 10 августа на этот пост. Пришедшее в тот день к власти министерство Паликао отклонило его кандидатуру[152]. А 12 августа он получил предписание направиться в Шалон, чтобы принять командование над формировавшимся там 12-м армейским корпусом, который совместно с продвигавшимися в Шалон остатками 1, 5 и 8-го корпусов Рейнской армии, находившихся под командованием маршала Мак-Магона, должен был составить, как мы знаем, Шалонскую армию. Главное командование новой 'армией поручалось Мак-Магону.

Трошю отбыл в Шалон только 16 августа. К этому времени уже вполне выяснилось назначение Шалонской армии. Она, согласно предписанию Паликао, действовавшего заодно с регентшей, должна была направиться к Мецу и, преодолев по пути сопротивление немецких вооруженных сил, соединиться со 170-тысячной армией Базена. После успешного завершения этой операции предполагалось объединенными силами обеих армий дать бой пруссакам в окрестностях Меца, а затем движением на Париж приостановить марш пруссаков к столице, сосредоточив на подступах к ней не менее 250 тыс. солдат.

Трошю был решительным противником этого плана и совершенно не намерен был содействовать его осуществлению. План Трошю, который он уже 10 августа (и, следовательно, до того, как Базен был блокирован в Меце) постарался довести до сведения Наполеона III[153] через одного из офицеров генерального штаба.— по некоторым предположениям, через генерала-оолеаниста Шангарнье [154],— существенно расходился с планом Паликао. Трошю,— повидимому под непосредственным впечатлением от революционных событий 7—9 августа в Париже,— настаивал на том, чтобы, не дожидаясь окончательного сформирования Шалонской армии, немедленно начать движение к Парижу объединенными силами армий Мак-Магона и Базена. По его мнению, тогда, до военных событий в окрестностях Меца, осуществить это было хотя и не легко, но все же возможно. Несколько позднее, когда выяснилось, что армия Базена заперта в Меце, Трошю призывал отказаться от мысли объединить силы обеих армий, в успех чего он не верил, и настаивал на безотлагательном движении к Парижу одной Шалонской армии.

Оба изложенных нами военно-стратегических плана дальнейшего ведения войны при всем их различии имели то общее, что и тот и другой диктовались в большей мере политическими, чем военными соображениями. Для находившихся у власти бонапартистов во главе с Паликао план немедленного отступления французской армии к Парижу, независимо от его стратегической целесообразности, был неприемлем уже по одному тому, что вместе с французскими войсками в столицу возвратился бы император. Правительство Паликао — как мы знаем —строило всю свою политику на том, чтобы держать Наполеона III вдали от Парижа. В этом оно видело одно из «спасительных средств» предотвращения революции. После первой победы над пруссаками в окрестностях Меца бонапартисты намеревались перейти в решительное наступление на внутреннем фронте и беспощадно усмирить «бунтующий Париж» с помощью армии, которая будет сосредоточена под его стенами. Об этом свидетельствуют более поздние признания членов кабинета Паликао и других политических деятелей Франции в их показаниях следственной комиссии[155]. Официальный докладчик этой комиссии следующим образом изложил сущность стратегического плана Паликао и его сторонников: «Марш Шалонской армии к Мецу был не только отважным движением: соединение обеих армий, в случае если бы оно удалось, создало бы для Франции и для империи силу, способную, быть может, оказать сопротивление вторжению, а также революции, способную... при условии победы защитить Париж и охранить все наши интересы»[156].

Стратегический план генерала Трошю точно так же имел основной целью оказать противодействие надвигавшейся революции. Но в отличие от Паликао, считавшего, что немедленное движение Шалонской армии вместе с Наполеоном III к Парижу ускорит в нем революцию, Трошю был, напротив убежден в том, что, располагая армией под Парижем, можно будет с ее помощью усмирить революционную столицу и без предварительной победы над пруссаками.

Трошю уже со времени первых поражений французской армии был убежден в неотвратимости разгрома Франции. На

[151] «L'Empire et la defense de Paris devant le jury de la Seine». Testament du general Trochu. 10 aout 1870. Pris, 1872, p. E00.

[152] «Actes», t. V, p. 66. Deposition David; ibid., p. 98. Deposition Duvernois.

[153] Gen. Trochu. Oeuvres posthumes, t. I. Tours, 1896, p. 99. Текст письма Трошю с изложением его военно-стратегического плана был оглашен им в Национальном Собрании 13 июня 1871 г. См. «Documents sur les evenements de 1870—1871. Trochu et Palikao. Extrait du discours du general Trochu sur les evenements de 1870—71», Paris, 1871, p. 10—12.

[154] СМ. A. Deschamps. Op. cit., p. 301. Сам Трошю называл имя генерала де Вобер, одного из адъютантов Наполеона III.

[155] См. «Actes», t. I, p. 33—37. Rapport Saint-Marc Qirardin: Ibid. t. V. Deposition David, Palikao, Brame, Duvernois, Busson-Billaut, Thiers.

[154] «Actes», t. I, p. 32. Rapport Saint-Marc Girardin.

этот счет имеется ряд свидетельств [157]. Поэтому он исключал возможность того, чтобы избежать революции путем военной победы. В своих действиях, как и в своих планах, он руководствовался стремлением сохранить «порядок» иными путями,— в случае надобности за счет династии Бонапартов. В отличие от него Паликао видел в победе над пруссаками единственное средство спасти династию и империю. Но именно потому, что он соединял воедино эти две несовместимые задачи — завоевание победы и сохранение империи,— он обрекал на неизбежный провал военные операции французской армии.

Паликао продолжал настаивать на движении Шалонской армии к Мецу, в помощь Базену, и после того, как ему стали ясны два обстоятельства, ставившие под удар успех этой операции: с одной стороны, нежелание самого Базена вывести свои войска из блокады, с другой — небоеспособность армии, на которую возлагалась столь ответственная миссия.

Шалонская армия, которую правительство намеревалось бросить против пруссаков в район Меца, создавалась, как мы знаем, из остатков войск Мак-Магона, отступавших к Шалону после поражений 6 августа, а также из войск формировавшегося в Шалоне 12-го корпуса, командование которым было поручено генералу Трошю. Что касается войск Мак-Магона, то они, по признанию начальника штаба 12-го армейского корпуса генерала Шмитца, наблюдавшего эти войска в Шалоне, «имели такой вид, словно воевали уже шесть месяцев... У большинства не было ни ранцев, ни винтовок. Все офицеры растеряли в этих злосчастных сражениях 6 августа 1870 г.— *Э. Ж*- свой багаж, своих лошадей» [158]. Показания Шмитца совпадают с характеристикой, которую дал в те дни остаткам войск Мак-Магона Энгельс. «Это была,— писал он 19 августа,— смесь солдат всех родов войск и разных полков, без оружия, без патронов, без ранцев; у кавалеристов не было лошадей, у артиллеристов — пушек; пестрая, дезорганизованная, деморализованная толпа, для организации которой снова в батальоны, эскадроны и батареи понадобились бы недели» [159]. Войска, составлявшие 12-й армейский корпус,— за исключением бригады морской пехоты, посланной в Шалон из Парижа,— были также мало пригодны для немедленного вступления в бой с прусской армией. Этот корпус был пока укомплектован только 18 батальонами мобильной гвардии департамента Сена, численностью

[157] См. «Actes», t. V; J. Favre. Histoire du Gouvernement de la defense nationale.

[158] «Actes», t. V, p. 433. Deposition Schmitz.

[159] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 54.

в 13 500 человек [160], и незначительным количеством необученных солдат-новобранцев. Хотя французская буржуазная печать и сообщала о поголовном вооружении шал омских мобилей [161], в действительности 6 тыс. человек из них не имели никакого оружия, у остальных имелись лишь ружья устаревшей системы [162]. Броситься с такими боевыми ресурсами навстречу немецким войскам значило погубить последнюю имевшуюся в распоряжении французского командования армию.

Трошю появился в Шалоне в ночь на 17 августа. Здесь он узнал о поражении французских войск у Марс-ла-Тура. 17 августа в Шалон прибыл из окрестностей Меца Наполеон III. В тот же день состоялся военный совет, в котором, кроме Наполеона III и Трошю, участвовали принц Наполеон, маршал Мак-Магон, начальник штаба 12-го армейского корпуса генерал Шмитц и командир 18 батальонов парижских мобилей генерал Берто.

Поспешность, с которой был созван в Шалоне военный совет, объяснялась главным образом тревогой, которую внушало положение дел в Париже. Неминуемость революции, как только в столице станет известно о поражении 16 августа, представлялась участникам совещания настолько очевидной, что принц Наполеон открыто заговорил с императором о грозящей ему опасности быть "насильственно отрешенным от престола. При создавшихся обстоятельствах,—-продолжал принц,— только один человек, генерал Трошю, пользующийся популярностью среди населения Парижа, может попытаться спасти императора, фактически поставившего себя вне управления страной и командования армией.

Трошю, в случае его согласия, должен был немедленно возвратиться в Париж в качестве назначенного императором военного губернатора столицы и командующего войсками парижского гарнизона [163]. Его задача состояла в том, чтобы подготовить население Парижа к возвращению императора и- провести необходимые для этого военные мероприятия [164].

Трошю, который, как мы знаем, только к тому и стремился, чтобы быть назначенным военным губернатором Парижа, выразил готовность принять на себя «столь тяжкую миссию». «В том полном опасностей положении, в котором находится страна,—

[160] «Actes», t. I, p. 293, note 3. Rapport Chaper. Эта цифра была заимствована полковником Шапе из донесения Комитету обороны Парижа от 1 сентября 1870 г.

[161] «La Liberie», И aout 1870.

[162] См. «Дело», 1870, № 8, стр. 84.

[163] «Actes», t. V, p. 14. Deposition Mac-Mahon.

[164] Gen. Trochu. Une page d'histoire contemporaine devant Г Assemb1e Nationale. Paris, 1871, p. 31—32; «Actes», t. V, p. 434. Deposition Schmitz.

заявил он,— революция ввергнет ее в пропасть. Я сделаю все возможное, чтобы предотвратить революцию»[165].

Было решено, что вслед за генералом в Париж прибудет император. Шалонской армии надлежало сразу же начать движение к столице.

Трошю, однако, поставил дополнительным условием немедленное возвращение в Париж 18 батальонов мобильной гвардии. Наполеон III крайне неохотно согласился удовлетворить последнее требование. Парижские мобили, и особенно батальоны, состоявшие из населения рабочих районов столицы, Монмартра, Менильмонтана и Ла Биллета[166], с самого начала войны составляли предмет беспокойства для правительства и преднамеренно были удалены в Шалон[167]. Опасения, которые внушали бонапартистам парижские мобили, были настолько велики, что когда военному министру сообщили из Шалона об их непригодности для участия в боях в районе Меца, из Парижа последовало предписание — отправить все 18 батальонов из Шалона на север «для завершения их военного обучения» в пограничных крепостях[168].

Снабженный документом за подписью Наполеона III о назначении его с 17 августа «губернатором Парижа и командующим всеми вооруженными силами, долженствующими обеспечить оборону столицы»[169], Трошю в ночь на 18-августа вернулся в Париж. За ним следовали 18 батальонов парижской мобильной гвардии.

Трошю, разумеется, не верил в возможность возвращения в Париж Наполеона III, особенно после нового военного поражения империи, которую он и без того считал обреченной. Беря на себя 17 августа в Шалоне обязательство снова водворить Наполеона III в Париже, он был убежден в провале этой, по его выражению, «опасной миссии»[170]. К тому же ему было известно о твердом намерении регентши и главы министерства не допустить возвращения Наполеона III в Париж. Но его стремление оказаться в Париже в качестве командующего вооруженными силами столицы было настолько велико, что для достижения этого все средства казались ему пригодными. Правда, приказ о его новом назначении должен был быть санкционирован Паликао, который безусловно воспротивится этому. Но Трошю был заранее убежден в том, что политическая ситуация окажется для него благоприятной и что, кроме того, известие

Gen. Trochu. Une page d'histoire contemporaine..., p. 32.
«Actes», t. V, p. 14. Deposition Mac-Mahon.
Ibid., p. 98, 99. Deposition Duvernois.
Ibid., p. 434. Deposition Schmitz.
«Actes», t. I, p. 26, note 2. L'empereur Napoleon au general Trochu.
Gen. Trochu. Pour la verite et pour la justice, p. 17.

о возвращении в Париж 18 батальонов мобильной гвардии, которые, по его словам, верили только ему одному[171], произведет на парижское правительство соответствующее впечатление и поможет ему, Трошю, добиться своей цели. Он и на этот раз — также, как и 10 августа,— поспешил заблаговременно, еще в пути, составить текст обращения к парижанам. В нем он сообщал о назначении, полученном им от императора, а также о предстоящем прибытии Наполеона III в Париж[172].

Неожиданное появление в Париже генерала Трошю было встречено Паликао крайне враждебно. Так же отнеслась к этому и регентша. Узнав о предстоящем прибытии в Париж и Наполеона III, Евгения заявила: «Только враги императора могли посоветовать ему возвратиться в Париж. Он не вернется живым в Тюильри»[173]. Для такого заявления у регентши имелись веские основания. Свержения империи можно было ожидать со дня на день,— как только в Париже станут известны результаты сражения 16 августа у Марс-ла-Тура, которые тщательно скрывались правительством от широких масс населения.

18 августа регентша направила Наполеону III в Шалон депешу следующего содержания: «Подумали ли вы о всех последствиях вашего возвращения в Париж после двух понесенных поражений? Что касается меня, то я не беру на себя ответственности советовать вам это»[174]. В сущности, это было требование отказаться от принятого решения и оставаться в Шалоне. Паликао еще 17 августа, как только ему стало известно шалонское решение, телеграфировал императору, настаивая на сохранении прежнего стратегического плана[175]. 18 августа от Наполеона III прибыл ответ. Император сообщал о своем решении отказаться от принятого в Шалоне плана[176]. Паликао тотчас же вторично предписал Мак-Магону пойти на соединение с войсками маршала Базена[177].

[171] «Actes», t. V, p. 142. Deposition Trochu.

[172] По одной версии (показания Трошю), Наполеон III должен был прибыть в Париж через несколько часов после генерала; по другой (показания Мак-Магона), возвращение Наполеона III в Париж было в Шалоне намечено на 19 августа.

[173] Gen. Trochu. Une page d'histoire contemporaine..., p. 34.

[174] «Papiers secrets du Second empire», № 13, p. 46.

[175] «Papiers secrets et correspondance de la famille imperiale», № 13, p. 426. Guerre a S. M. l'Empereur — Camp Chalons. Paris, 17 aout 1870, 10 h. 27 m. soir.

[176] Ibid., p. 428. Ministre de la Guerre — Paris. Camp, 18 aout 1870, 9 h. 4 m.

[177] «Actes», t. I, p. 29. Rapport Saint-Marc Girardin.

Утром 18 августа появилось обращение генерала Трошю к населению Парижа. В нем отсутствовало сообщение о возвращении Наполеона III. Трошю без сопротивления подчинился требованию регентши не упоминать об императоре. Она категорически заявила, что он «не вернется в Париж». Генерал зато проявил большую настойчивость, добиваясь приказа за подписью военного министра, подтверждающего его назначение военным губернатором Парижа и командующим парижским гарнизоном. Он не преминул упомянуть при этом о возвращающихся в Париж 18 батальонах мобильной гвардии. Паликао, взбешенный возвращением Трошю, был, однако, вынужден выполнить его требование и уже в ночь на 18 августа подписал приказ о его назначении. Утром 18 августа этот приказ появился в правительственном органе «Journal officiel». Внутриполитическая обстановка не позволяла бонапартистам создавать новые осложнения.

Паликао счел благоразумным скрыть подлинные обстоятельства, при которых Трошю возвратился в Париж. 18 августа он в Законодательном корпусе заверил депутатов, что инициатива назначения Трошю принадлежит именно ему. «В поисках способного, деятельного, энергичного человека, который сумел бы сосредоточить в своих руках власть, необходимую для того, чтобы осуществить вооружение Парижа,— заявил Паликао,— я подумал о генерале Трошю и лично вызвал его из военного лагеря, где его может заменить другой генерал» [178].

С первого же дня своего возвращения в Париж Трошю настойчиво проводил в жизнь свои политические замыслы. Уже в первом воззвании, с которым он обратился 18 августа к парижанам, он давал понять, что намерен ориентироваться на оппозиционное к империи большинство населения и отнюдь не склонен согласовывать свои действия с политической линией правительства. Демагогически заигрывая с широкими массами парижского населения, Трошю заявил о своей готовности «не пользоваться властью, которая ему предоставляется осадным положением, а основывать свои отношения с населением на принципах взаимного доверия и морального воздействия на тех, кто в силу чрезмерного рвения не способен себя сдерживать». Он заверял население Парижа, что отныне столица будет превращена в центр военной обороны. «Париж,— заявил он,— снова берет на себя роль, которая именно ему и принадлежит; он намерен стать центром великих усилий, великих жертв и примеров» [179].

:Annales...» Corps Legislatif. Seance du 18 aout 1870 p. 149
Temps», 18 aoflt 1870; «Journal de Geneve», 20 aout 1870.

19 августа генералу пришлось дать специальное разъяснение в печати относительно своего вчерашнего заявления о «моральной силе», как основе его будущих взаимоотношений с населением. Это заявление, как и все воззвание от 18 августа в целом, возбудило крайнее негодование в правительственных кругах. Однако в своем новом разъяснении Трошю еще резче подчеркнул свои расхождения с правительством империи. В письме, направленном им в редакцию газеты «Temps», он писал: «Ошибка всех известных мне до сих пор правительств заключалась в том, что они рассматривали силу как ultima ratio [180] власти. Все они в разной степени отодвигали на второй план подлинную силу, единственно действенную во все времена, единственную силу, имевшую основное значение каждый раз, когда дело шло о решении трудных проблем, волновавших цивилизованный мир,— а именно, моральную силу». Разглагольствуя далее о том, что «идея обеспечения порядка силой штыка и сабли» наполняет его «ужасом и отвращением», Трошю лицемерно провозглашал, что «только не персонифицированное, безличное правительство, рассматривающее себя исключительно как национальное представительство, мыслящее и действующее только в интересах нации и никогда в своих собственных интересах, подчиняющееся контролю нации и считающее его спасительным для себя; правительство прямодушное, искреннее, ревностно отстаивающее общественное благо и олицетворяющее общественную честь,— только такое правительство обладает подлинной моральной силой, могущество которой я и определил. В таком именно духе,— заключил он,— я и говорил с населением Парижа» [ш].

Воззвание от 18 августа и «разъяснение» от 19 августа, являлись прямым вызовом политическому режиму Второй империи, и печать — французская и зарубежная — справедливо расценила их как «политическую манифестацию». «Генерал Трошю в действительности требует отказа навсегда от любых форм личного правления»,— писал, например, по этому поводу парижский корреспондент швейцарского официоза «Journal de Geneve» [182].

Следующие два воззвания Трошю — одно от 19 августа «К национальной гвардии Парижа, к мобильной гвардии, к солдатам парижской регулярной армии и ко всем прочим защитникам Парижа» [183], другое от 23 августа, обращенное специально к мобилям, прибывшим 20 августа из Шалона и размещенным в военном лагере Сен-Мор в окрестностях Пари-

[180] Буквально: последний довод.
[181] «Temps», 20 aout 1870.
[182] «Journal de Geneve», 21 aout 1870.
[183] Ibid.. 23 aout 1870.

жа, были составлены в том же духе. В последнем воззвании Трошю открыто противопоставлял себя правительству Паликао, удалившему в свое время парижских мобилей из столицы. «Я потребовал вашего немедленного возвращения в Париж,— заявил он,— ибо вы имеете на это право, ибо ваш долг находиться здесь, ибо я питаю к вам полное доверие» [184].

На одном из заседаний Законодательного корпуса, вскоре после своего возвращения в Париж, Трошю следующим образом обосновал необходимость «гибкой» тактики в отношении народных масс в условиях, когда угроза революции нарастает с каждым днем. «Судьба империи,— заявил он,— находится в полной зависимости от нового военного поражения. Не рассчитывайте, что в случае такого поражения вам удастся, после того как вы проиграете четвертое сражение против неприятеля, выиграть в Париже сражение против народа. Необходимо предупредить столкновение с народом при помощи моральной силы. Всю ту моральную силу, которой я располагаю, я предлагаю к услугам правительства, ибо убежден, что для ее поддержания не следует рассчитывать на солдатские штыки. Прошу вас, поверьте в мой опыт, разрешите мне попытаться личными усилиями, и притом морального свойства, устранить возможность такого столкновения до того, как оно произойдет. Да у вас и нет гарнизона» [185].

Обращая внимание бонапартистской палаты на то, что правительство не располагает необходимой вооруженной силой для подавления революции (военный министр Паликао был вынужден отправить в Мец 13-й армейский корпус генерала Винуа, являвшийся наиболее «надежной основой» парижского гарнизона), Трошю подчеркивал, что немногочисленные войска, которые оставались в Париже, мало чего стоили в военном отношении, да и не внушали полного доверия. «Вы воображаете, — доказывал он, — что представляющие здесь французскую армию сборные войска, которые, так же как и крайне возбужденное население, среди которого они живут, изо дня в день узнают о том, что нас побили и еще раз побили и что неприятель повсюду производит прорыв наших границ,— что эти войска станут стрелять в народ ради правительства, которое подготовило такую катастрофу? Вы глубоко заблуждаетесь» [186].

Первые выступления Трошю в Париже вызвали в правительственных кругах крайнее недоверие и подозрительность. Военный министр принимал все меры к тому, чтобы ограничить связи Трошю с поставленными под его начальство войсками.

[la]* «Temps», 25 aout 1870; «Actes», t. I, p. 293. Rapport Chaper.
[35] Gen. Trochu. Une page d'histoire contemporaine.,., p. 39—40.
[186] «Actes», t. V, p. 140. Deposition Trochu.

Отстранить военного губернатора от занимаемого им поста было опасно: популярность Трошю в Париже возрастала с каждым днем. Он становился «кумиром парижской буржуазии» [187]. Буржуазная пресса на все лады восхваляла его военный гений, укрепляя в широких массах убеждение в том, что в его лице Франция нашла, наконец, своего спасителя. В таких условиях бонапартистскому правительству приходилось тщательно маскировать свои действия, направленные против Трошю. «С 17 августа [188],— сообщал позднее министр общественных работ Ж.ером Давид,— генерал Трошю становится верховным арбитром судьбы правительства, как и обороны Парижа. Можно было не одобрять приказов генерала Трошю, приводить против них доводы, но нельзя было — это можно сказать с достоверностью — сбросить его, ибо мы возбудили бы этим в Париже одно из тех глубоких потрясений, которых при создавшихся обстоятельствах следовало любой ценой избежать». За спиной Трошю, указывал далее Жером Давид, «стояли 15 тыс. молодых парижских мобилей, имевших во всех концах столицы родственные и иные связи с населением» [189]. Бывший министр Второй империи утаил в своих показаниях не менее важный мотив, побуждавший Паликао и его кабинет мириться с пребыванием Трошю на посту военного губернатора Парижа. Бонапартисты тщательно скрывали от народных масс разногласия и вражду, разъедавшие правительственный аппарат и обострявшие политический кризис. Их усилия были направлены на то, чтобы не ослаблять в народе убеждения в сплоченности правительства, в эффективности организуемой им обороны страны.

В действительности действия военного министра Паликао и военного губернатора Парижа Трошю крайне ослабляли оборону Парижа: каждый из них игнорировал распоряжения другого. Паликао, поддерживаемый регентшей, относившейся к Трошю с недоверием как к скрытому орлеанисту, настоял, как мы видели, на отказе от принятого в Шалоне военно-стратегического плана. 20 августа в Шалон направился вдобавок член государственного совета Руэр, чтобы оказать дальнейшее давление на колебавшегося императора и на Мак-Магона и добиться их окончательного и бесповоротного отказа от намерения двинуть свои войска к Парижу [190].

[187] См. «Actes», t. V, p. 71. Deposition David.
[188] Со дня возвращения Трошю в Париж из Шалонского военного лагеря.
[189] «Actes», t. V, p. 67. Deposition David; «Actes», t. I, p. 27. Rapport Saint-Marc Girardin.
[190] В своих позднейших показаниях Руэр утверждал, будто он 20 августа 1870 г. отправился в Шалонский военный лагерь по собственному

В Шалоне Руэр не застал Мак-Магона. 21 августа тот перебросил свои войска в Реймс, откуда шли пути на Мец через Вузье и Арденны и на Париж через Эпернэй. Не получая ответа от Базена на запрос относительно его дальнейших намерений [191], Мак-Магон считал опасным оставаться далее в Шалоне. По имевшимся у него сведениям, авангардные части армии кронпринца Прусского достигли Витри-ле-Франсуа, угрожая одновременно Мецу и Шалону. Как сообщал впоследствии Мак-Магон, Руэр, прибывший вслед за ним из Шалона в Реймс, «в присутствии императора доказывал, что ничто не требует движения армии к Парижу, что оставление Базена без помощи будет иметь самые пагубные последствия и приведет в Париже к серьезнейшим осложнениям; наконец, что совет министров и императрица придерживаются мнения, что мне Мак-Магону.— *Э. Ж-* следует идти на помощь Базену» [192].

Между тем Мак-Магон к этому времени еще более укрепился в своем убеждении, что движение на помощь Базену сопряжено с потерей последней французской армии. Шалонская армия, по его мнению, могла бы в ближайшее время послужить ядром для создания 250—300-тысячной армии, которая служила бы прикрытием для Парижа. Свои опасения погубить Шалонскую армию движением на Мец Мак-Магон мотивировал 21 августа тем, что, по полученным им накануне вечером сведениям, «следовало предполагать, что маршал Базен окружен в Меце 200-тысячной армией; что впереди от Меца, в направлении Вердена, находится армия принца Саксонского численностью в 80 тыс. человек; наконец, что кронпринц Прусский во главе 150-тысячной армии достиг Витри-ле-Франсэ». «Направляясь на восток,— доказывал Мак-Магон,— я могу оказаться в тяжелейшем положении и потерпеть разгром, которого я стремлюсь избежать». Эти соображения приводили Мак-Л1агона к выводу, что он «не может идти на такой риск и очутиться в окружении прусских армий». Он просил Руэра «изложить в этом духе военному министру мотивы, побуждающие его начать отступление к Парижу» [193]. Мак-Магон намеревался выступить 23 августа из Реймса в направлении столицы.

побуждению, без ведома правительства, движимый исключительно желанием встретиться с императором, которого он не видел с мая 1870 г. См. «Actes», t. V, p. 106. Deposition Rouher.

[191] «Papiers secrets et correspondance de la famille imperiale», № 13, p. 427. Marechal Mac-Mahon a Marechal Bazaine — Metz. Camp Chalons, le 19 aout 1870, 3 h. 35 m. soir.

[192] «Actes», t. V, p. 15. Deposition Mac-Mahon.

[193] Ibid.

Однако 23 августа он, в полном противоречии со своим решением, двинул свои войска на восток, через Монмеди, к Мецу. Излагая впоследствии в своих показаниях следственной комиссии мотивы, побудившие его отказаться от принятого им решения и предпринять движение к Мецу, приведшее французскую армию к катастрофе, Мак-Магон ссылался на депешу, полученную им 22 августа от Базена на имя императора и датированную 19 августа. В ней Базен, умолчав о поражении 18 августа у Сен-Прива, сообщал о своем намерении двинуться на север, чтобы достигнуть Шалона, либо через Монмеди, если эта дорога еще свободна, либо через Седан или даже Мезьер. «Именно после этой депеши,— уверял впоследствии Мак-Магон— я решил, что маршал Базен собирается выступить из Меца и что я застану его в окрестностях Монмеди. Вследствие этого я и сделал необходимые распоряжения для того, чтобы на другой день двинуться на восток. Повторяю, только эта депеша маршала Базена, и ничто другое, изменила мои планы и привела меня к решению направиться к Мецу — не дорогой на Верден, которая, по моим сведениям, была перерезана войсками принца Саксонского, а держась севернее, дороги на Стенэ» [194].

В действительности депеша Базена была не единственной причиной, побудившей Мак-Магона отказаться от отступления к столице. Другая не менее веская причина заключалась в новом давлении, оказанном на него из Парижа. 22 августа, в день получения депеши от Базена, была также получена из Парижа депеша на имя Наполеона III от военного министра. В ней Паликао вновь настаивал, чтобы Мак-Магон направился к Мецу, ибо этого требуют политические соображения, интересы сохранения империи. «Париж, кстати, и не нуждается во вспомогательной армии — заверял Паликао.— Он сам в состоянии защитить себя против армии кронпринца Прусского. Оборонительные работы подвинулись далеко вперед, в Париже создается новая армия» [195].

13 августа Мак-Магон выступил из Реймса, направляясь на восток, через Арденны и Вузье, навстречу Базену. Его армия, общей численностью в 120 тыс. человек, была, как мы уже знаем, мало пригодна для осуществления крайне тяжелого, рискованного перехода через Арденны. К тому же она не была обеспечена провиантом и снаряжением, что обнаружилось к вечеру первого же дня после ее выступления. Усталость от предшествующих переходов, деморализация в результате понесенных ею ранее поражений, необеспеченность продовольст-

«Actes», t. V, p. 16. Deposition Mac-Mahon.

Ibid., p. 15—16. Deposition Mac-Mahon.

вием привели к тому, что передвижение Шалонской армии происходило крайне медленно, с вынужденными отклонениями на запад в поисках продовольствия. Имевшееся у Мак-Магона некоторое преимущество во времени перед армией кронпринца Прусского, продвигавшейся к Мецу, было им скоро утрачено. 27 августа, когда Шалонская армия, выйдя снова на магистральную дорогу, которая вела к Мецу, прибыла в Шен-Популе, Мак-Магон получил сведения о том, что войска его правого фланга во главе с генералами Дуэ и Файи подверглись атаке кавалерийских частей армии принца Саксонского. Кроме того, он узнал, что его расчеты на своевременное выступление Базена оказались ошибочными и что нет, следовательно, никаких оснований ожидать ближайшей встречи с ним в Монмеди [196]. В этот же день XII немецкий корпус занял Дэн и Стенэ (на реке Мёз), преградив армии Мак-Магона путь к Мецу.

По мнению некоторых военных историков (например, А. Шюке), Мак-Магон и 27 августа имел еще возможность опрокинуть преградивший ему путь XII немецкий корпус, так как остальные немецкие силы, направлявшиеся к Мецу, были пока далеко [197]. Однако Мак-Магон, плохо осведомленный о расположении немецких войск, боялся оказаться в результате дальнейшего продвижения на восток в окружении двух немецких армий. Поэтому он отдал приказ повернуть на запад, рассчитывая быстрым движением к Мезьеру избегнуть такого положения, при котором его армия может оказаться запертой в узком коридоре между рекой Мёз и бельгийской границей.

Отход к Мезьеру начался в ночь на 28 августа. Перед выступлением Мак-Магон отправил в Париж на имя военного министра депешу следующего содержания: «Первая и Вторая немецкие армии, насчитывающие более 200 тыс. человек, блокируют Мец, главным образом с левого берега Мёз; около 50 тыс. войск на правом берегу имеют целью помешать моему продвижению к Мецу. По имеющимся сведениям, армия кронпринца Прусского, численностью в 150 тыс. человек, направилась сегодня к Арденнам и сейчас находится уже в Ардейле. Я нахожусь в Ле Шен с армией, насчитывающей немногим более 100 тыс. человек. С 19-го не имею никаких известий от Базена; если я пойду ему навстречу, я буду атакован в лоб частями Первой и Второй армий, которые имеют возможность укрыть в лесах превосходящие нас силы; одновременно я подвергнусь атаке со стороны армии кронпринца Прусского, который перережет мне путь к отступлению. Завтра я достигну окрестностей Мезьера, откуда, в зависимости от обстоятельств, буду продолжать отступление на запад» [198].

28 августа Мак-Магон во главе своих войск прибыл в Мезьер. Но в тот же день он снова переменил решение и возобновил прерванное им движение на восток, через Монмеди к Мецу,— несмотря на то, что позиция его армии еще более ухудшилась, вследствие проволочки с отходом к Мезьеру, позволившей немцам продвинуться тем временем к Мецу.

Что же побудило Мак-Магона предпринять 28 августа авантюристическое, не оправданное стратегическими соображениями движение навстречу Базену, несмотря на то, что еще накануне он был убежден в пагубности движения к Мецу и видел единственное спасение для своей армии в отходе к Мезьеру, как это видно из его депеши в Париж? В этот день была получена из Парижа, за подписью военного министра, новая депеша, отправленная вечером 27 августа. Она гласила: «Если вы покинете Базена, в Париже произойдет революция». Основываясь на устаревших сведениях о местонахождении немецких войск, Паликао дезориентировал Мак-Магона, уверяя его, будто кронпринц Прусский, «почувствовав опасность кругового движения» французской армии, изменил направление и сейчас продвигается на север. Другие немецкие войска, блокирующие Мец,— заверял далее Паликао,— также находятся в заблуждении относительно местонахождения армии Мак-Магона [199]. В следующей депеше от 28 августа Паликао ставил Мак-Магона в известность о том, что из Парижа ему в подкрепление направляется 13-й корпус генерала Винуа. Он снова повторил свое требование оказать помощь Базену [200]. Как видим, и на этом решающем этапе войны именно политическими соображениями, интересами бонапартистской династии, как это было уже не раз с июля 1870 г., диктовались военные действия французской армии.

Что же происходило в эти дни в Париже?

24 августа, в день, когда Мак-Магон во главе последней действующей французской армии блуждал в Арденнских лесах, правительство Паликао все еще скрывало от населения Парижа поражения, понесенные французскими войсками в окрестностях Меца. Лживая информация официальных правительственных бюллетеней находила «достойное» подражание в воен-

«Actes», t. V, p. 16. Deposition Mac-Mahon.
A. Chuquet. Op. cit., p. 83—88.

[198] «Papiers et correspondence de la famille imperiale», Livr XIV. Paris 1870, p. 429. Marechal Mac-Mahon a Guerre — Paris. Le Chesne, 27 aout 1870, 8 h. 30 m. soir.

[199] Ibid., p. 429—430. Paris 1870. Guerre a Empereur. Quartier imperial. Paris, 27 aout 1870, 11 h. soir.

[200] Ibid., p. 430. Guerre a Marechal Mac-Mahon, au quartier genera!. Paris, 28 aout 1870, 1 h. 30 m. soir.

ных обзорах, которыми изобиловала в эти дни французская печать. «Французские газеты,—-писал по этому поводу 21 августа швейцарский официоз «Journal de Geneve»,— полны подробностей о сражениях 14 и 16 августа. Но эти сообщения, за весьма немногими исключениями, настолько бессвязны, полны множества столь противоречивых фактов, что не позволяют сделать какого-либо вывода»[201]. В то время, как немецкая пресса сообщала, например, о том, что французская армия понесла 16 августа поражение у Марс-ла-Тура, парижская печать невозмутимо утверждала, будто немцы были 16 августа отброшены к Мозелю, а французские войска «одержали победу, только с большими потерями»[202]. Лживые сообщения о сражениях 16 и 18 августа, закончившихся якобы в пользу французских войск, перемежались на столбцах французских правительственных газет со столь же лживыми заявлениями о полной боевой готовности Шалонской армии и о несомненном успехе, ожидающем армии Мак-Магона на подступах к Мецу[203]. Военный министр в своих выступлениях в Законодательном корпусе подтверждал не соответствовавшие действительности сообщения правительственной печати о положении на фронте. «Заявление, сделанное вчера в палате генералом Паликао, о том, что пруссаки потерпели 18 августа поражение,— сообщал 21 августа парижский корреспондент газеты «Journal de Geneve»,— успокоило общественное мнение, чрезвычайно встревоженное сведениями из немецких источников. Сегодня с утра ходят слухи, что маршал Мак-Магон уже выступил на помощь, маршалу Базену»[204]. В другой корреспонденции из Парижа сообщалось о том, что «значительность одержанного успеха представляется неоспоримой после того, как она подтверждена генера'лом Паликао»[205].

Народные массы Парижа с исключительным легковерием позволяли преступному, авантюристическому правительству обманывать себя много дней спустя после поражений 16 и 18 августа, в то время, когда вся Европа была полна слухов о постигшей Францию новой военной катастрофе. На это обращала, в частности, внимание газета «Неделя». «Париж,— писала она,— и 24 августа не знал еще об окончательном поражении французских войск под Мецом. Когда республиканский депутат Гамбетта стал требовать правильных известий о битве 18 августа под Гравелоттом (или Резонвилем), то министр внутренних дел Шевро, вместо того чтобы сказать, что

«Journal de Geneve», 21 aout 1870.
Ibid., 19 aout 1870.
Ibid., 17 aout 1870.
Ibid., 22 aout 1870. Корреспонденция из Парижа от 21 августа.
Ibid., 23 aout 1870.

маршал Базен лишен возможности прислать рапорт об этой битве, так как армия его отрезана от Парижа, отвечал, что Базен будто бы так сильно занят разными неотложными делами, что не имеет времени составить рапорт»[206].

Интерпелляция Гамбетты в Законодательном корпусе, о которой упоминала газета «Неделя», отнюдь не означала, что депутаты левой фракции находились в постоянном неведении относительно действительного военного положения Франции. Напротив, Паликао, как это было им засвидетельствовано впоследствии, обычно своевременно информировал их о положении на фронте. Буржуазные республиканцы, считавшие опасным публично обращаться к правительству с интерпелляциями, предпочитали осведомляться у него иным путем. В своих показаниях следственной комиссии Паликао сообщил, что депутаты левой фракции приходили в индивидуальном порядке осведомляться о новостях, спрашивали о том, что предпринимается, что предполагается предпринять. Им «никогда не отказывали в любом разъяснении»[207]. Именно потому, что левые депутаты были осведомлены о действительном военном положении империи, они все теснее связывались с орлеанистами. Эта связь особенно укрепилась во второй половине августа 1870 г., после возвращения из Шалона генерала Трошю.

В своих показаниях следственной комиссии, как и в других своих заявлениях, Трошю категорически отрицал наличие какой-либо связи между ним и левыми депутатами до конца существования империи. Он утверждал, будто лично познакомился с ними впервые только после образования «правительства национальной обороны». Исключение составлял один Жюль Фавр, с которым, как уверял Трошю, он познакомился несколькими часами раньше, утром 4 сентября 1870 г. Утверждение Трошю опровергается многочисленными свидетельствами, с несомненностью установившими, что в августе между ним и левыми депутатами существовала систематическая связь.

Тьер уже 21 августа, через три дня после возвращения Трошю из Шалонского лагеря, с одобрением отметил в беседе с графом д'Оссонвиллем, что «Трошю слегка обхаживает парламентскую левую»[208]. 21 августа Трошю, как это вынужден был признать впоследствии Жюль Фавр, принял в своей резиденции, в Лувре, его, Фавра, а также Пикара и Ферри, которых сопровождала депутация парижских буржуа. Левые депутаты предложили генералу свою поддержку, а тот в двухчасовой речи, в которой «были затронуты многие темы», «изливал душу» перед своими посетителями и на прощание засвидетель-

[206] «Неделя», № 33, 16(28) VIII, 1870, стр. 1085.
[207] «Actes», t. V, p. 76. Deposition Palikao.
[208] D'Haussonville. Op cit., p. 38—39.

ствовал им свою «величайшую сердечность»[209]. Из дальнейших показаний Фавра следует, что лично он имел до 4 сентября неоднократные встречи с Трошю[210]. Левый депутат Жюль Симон в свою очередь признавал, что «почти вся левая фракция в одиночку и группами в 3—4 человека», в том числе и он сам, побывала у Трошю до революции 4 сентября. Жюль Симон поспешил, правда, оговориться, будто он и его коллеги «никогда не спрашивали у Трошю ни о чем другом, кроме военных событий, и тот всегда говорил с ними только об этом»[211]. О свиданиях Трошю с левыми депутатами до 4 сентября и о его неоднократных беседах с ними сообщил также в своих показаниях депутат Кератри[212].

Мы располагаем далее на этот счет свидетельством начальника штаба военного губернатора Парижа генерала Шмитца. «Резиденция губернатора,— сообщал генерал Шмитц,— представляла собой своеобразную ярмарочную площадь, куда приходили все, от легитимистов до Гамбетты включительно. Хождение было беспрерывным, так что время от времени приходилось запирать двери, чтобы приостановить непрерывный поток посетителей. Ходили ко мне, ходили к генералу. Однако мои ответы в большинстве случаев не удовлетворяли господ депутатов»[213]. Министр торговли в кабинете Паликао бонапартист Клеман Дювернуа также сообщил в своих показаниях о связях, существовавших между Трошю и депутатами левой фракции. Вскоре после своего возвращения из Шалона Трошю, по словам Дювернуа, имел беседу с депутатом Пикаром[214]. Это была не единственная беседа между ними. Левый депутат Гийо-Монпейру сообщал о систематических встречах Трошю с Пикаром. «Я лично только один раз имел случай видеться с генералом Трошю,— заявил он в своих показаниях.— Полагаю, что в это время Трошю встречался больше всего с г. Пикаром»[2Иа]. Тьер, поддерживавший во второй половине августа постоянную связь с Трошю, в одной из бесед с ним, происходившей 25 августа, даже слегка упрекнул генерала, что он слишком много времени отдает левым депутатам в ущерб оборонной работе. «Это очень хорошо, и, быть может, необходимо уделять по четыре часа в день господам Симону, Пеллетану, Араго и другим,— заметил Тьер,— но надо также уделять четыре и больше часов в день инспектированию

[203] J. Favre. Op. cit., t. 1, p. 49—50.
[210] «Actes», t. V, p. 151. Deposition Favre.
[211] J. Simon. Origine et chute de Second empire, p. 340, 423.
[212] «Actes», t. V. p. 297. Deposition Keratry.
[213] «L'Empire et la defense de Paris devant le jury de la Seine», p. 144—145. Deposition Schmitz.
[214] «Actes», t. V, p. 99. Deposition Duvernois.
[21«] «Actes», t. V, p. 399. Deposition Guyot-Montpayroux.

работ по укреплению Парижа»[215]. О связях левых депутатов с генералом Трошю свидетельствует и письмо, адресованное графу Паликао бывшим военным комендантом Лувра. Письмо указывает, в частности, на то, что 4 сентября, между 9 и 10 часами утра, левый депутат Араго находился в служебном кабинете генерала Трошю в Лувре[216].

Эти и другие аналогичные свидетельства[217] можно с полным основанием считать достоверными. Сам Трошю в последних числах августа заявил в беседе с регентшей: «Ваше величество, если ваша полиция работает хорошо, то вам должно быть известно, что я нахожусь в сношениях с членами оппозиции. Считаю своей обязанностью быть осведомленным о состоянии общественного мнения, прощупывать пульс этого мнения»[218].

По мере того как умножались поражения Второй империи, Трошю, подобно Тьеру, все более склонялся к идее создания коалиционного буржуазного правительства. Так же как Тьер, он считал целесообразным временное сотрудничество с буржуазными республиканцами, при содействии которых рассчитывал предотвратить революцию в Париже и сосредоточить власть в своих руках. Трошю чрезвычайно заботился о росте своей популярности. «Он ищет популярности и преуспевает в этом, что, на мой взгляд, совсем не плохо при создавшихся обстоятельствах»,— с удовлетворением отметил 21 августа Тьер в беседе с графом д'Оссонвиллем[219]. И действительно, Трошю искусно завоевывал все большую популярность не только среди крупной буржуазии, но и среди всех других слоев населения Парижа, не исключая рабочих. Уже в ответ на его первые обращения к парижанам, которые оппозиционная буржуазная печать усердно рекламировала, называя их образцом «благороднейшего патриотизма и чистейшей демократии»[220], на его имя посыпались приветствия от ряда батальонов национальной гвардии, от мобильной гвардии, от гражданского населения. 23 августа к нему обратились с адресом жители третьего избирательного округа Парижа, главным образом его буржуазное население. Авторы обращения, испещренного многочисленными подписями, засвидетельствовали Трошю свое полное доверие и выразили надежду, что отныне дело обороны Парижа находится в верных руках. Они жаловались на антипатриотиче-

[215] D'H aussonville. Op. cit., p. 55.
[216] «Actes», t. V, p. 74. Lettre d'ancien commandant militaire du palais du Louvre au general Palikao. Orleans, 7 juilet 1872.
[217] См. напр., A. B or re go. Le general Trochu devant l'histoire. Tra-
ш P 31101 Par Louis Gerdebat. Paris, 1871, p. 16.
«L'Empire et la defense de Paris devant le jury de la Seine», p. 96. Deposition Rouher.
[2,9] D'H aussonville. Op. cit., p. 39.
[220] «Temps», 20 aoflt 1870.

скую медлительность администрации в деле вооружения населения. «Вполне законное нетерпение парижского населения,— говорилось в адресе,— наталкивается на непреодолимую косность отсталой, завистливой, проникнутой формализмом администрации. Множество записей в национальную гвардию осталось безрезультатным. Вооружение осуществляется так медленно, что приводит прямо в отчаяние. Плохо подвигается и организация кадров... Мы обращаем ваше внимание, генерал, на это положение вещей, так мало отвечающее важности момента. Пора использовать все живые силы столицы. Довольно недоверия, довольно ненависти и боязни!»[221].

Политическое доверие выразили генералу Трошю также буржуазные республиканцы Корбон, Флоке и другие от имени населения левого берега Сены[222]. Аналогичные послания Трошю получал ежедневно в большом количестве не только от населения Парижа, но и от населения других городов Франции. Парижский «Temps», ссылаясь на газету «Journal de Havre», сообщал, например, о декларации жителей Гавра. «Считаем своим долгом,— заявляли буржуазные элементы. Гавра,'— публично засвидетельствовать вам нашу патриотическую благодарность за то, что вами уже сделано для находящейся в опасности Франции. Полагаем, что мы выразим искренние чувства страны, заверив вас в том, что все благонамеренные граждане питают к вам доверие». Адрес заканчивался заверением в полной готовности населения Гавра сплотиться вокруг Трошю и первыми явиться по его зову с возгласом «Да здравствует Франция!»[223].

В 20-х числах августа среди национальной гвардии Парижа циркулировал текст адреса к генералу Трошю, собравшего множество подписей. В нем выражалась благодарность генералу за «благородное и патриотическое обращение к жителям столицы». «Население Парижа,— говорилось в адресе,— оправдает надежды, которые вы возлагаете на него. В тесном единении с нашей героической армией оно сумеет показать, на что способен великий город во имя защиты чести и независимости родины. Национальная гвардия хочет своим поведением засвидетельствовать вам доверие, которое она питает к вам»[224]. Национальные гвардейцы 52-го батальона департамента Сена в своем адресе, под которым стояли 400 подписей, со своей стороны, заверяли Трошю в своем доверии к нему и полной готовности исполнить все его предписания. «Во имя спасения столицы и нашего несчастного отечества,— гласил адрес,— примите все необходимые меры, которых требует положение. Мы отдадим себя полностью в ваше распоряжение и исполним со всей преданностью и храбростью любые ваши предписания, направленные к обороне отечества. Генерал, на вас вся наша надежда. Рассчитывайте на нас точно так же, как мы рассчитываем на вас»[225]. В таком же духе был составлен адрес к Трошю от 2-й роты 3-го батальона парижской национальной гвардии. Во всех кварталах Парижа составлялись многочисленные обращения к военному губернатору, в которых ему нередко предлагалась не только моральная поддержка, но и материальные средства на организацию обороны Парижа. Авторы одного из таких обращений, однако, требовали:

1. Устранить произвол полицейской префектуры, поставив ее под контроль министра, назначенного Законодательным корпусом.
2. Отменить ограничения свободы печати и собраний.
3. Немедленно вооружить национальную гвардию, укомплектовав ее на основе избирательных списков[226].

Как видим, Трошю удалось завоевать в Париже в августе 1870 г. репутацию человека, преданного интересам Франции и ее народа. Однако подавляющее большинство приветственных адресов, полученных Трошю в августе 1870 г., исходило от буржуазных элементов гражданского населения и национальной гвардии, о чем можно судить, в частности, по тому, что военному губернатору предлагалась материальная помощь для организации обороны.

Стремясь снискать как можно большую популярность в целях успешного осуществления своих замыслов, Трошю провел 24 августа в лагере Сен-Мор военный смотр возвращенных им в Париж 18 батальонов мобильной гвардии. Смотр был организован с большой пышностью и привлек многочисленное гражданское население. Лагерь оглашали возгласы «Да здравствует Трошю! Да здравствует генерал!». На утро после смотра мобильным гвардейцам был зачитан манифест, с которым обратился к ним Трошю. «Мобильные гвардейцы Парижа,— говорилось в манифесте,— я с нетерпением ждал свидания с вами; я вас увидел и остался доволен вами. Вы предстали предо мной как войска, готовые померяться силами с врагом». Поздравляя мобильных гвардейцев и их командира с достигнутыми успехами, Трошю в заключение заявил: «Я призвал вас в столицу, ибо полностью доверяю вам. Вы достойно ответили на мое доверие, и я прошу вас еще более укрепить меня в чувствах, которые я к вам питаю, путем все большего подчинения требованиям дисциплины и установленным правилам»[227].

[221] «Temps», 30 aoflt 1870.
[222] Ibid., 20 aout 1870.
[223] Ibid., 24 aoflt 1870.
[224] Ibid., 28 aout 1870.
[225] «Temps», 30 aoflt 1870.
[226] Ibid., 26 aout 1870.
[227] Ibid., 27 aout 1870.

Из показаний генерала Шмитца мы узнаем о многочисленных депутациях, которые были приняты губернатором Парижа в Лувре в последних числах августа. Депутация от национальной гвардии, по словам Шмитца, настаивала, в частности, на том, чтобы Трошю, проведя как можно скорее смотр национальной гвардии, «взял в свои руки бразды правления»[228].

Как относились в это время к генералу Трошю рабочие Парижа? Разделяли ли они надежды, возлагавшиеся на него буржуазными слоями населения? Считали ли они его таким, каким его изображала буржуазная печать,— патриотом и демократом? Для исчерпывающего ответа на этот вопрос у нас, к сожалению, нет необходимых данных. Но мы располагаем косвенными указаниями, позволяющими сделать некоторые выводы на этот счет.

Демагогические обращения военного губернатора Парижа ко всем слоям населения столицы; его заигрывание с народными массами в условиях жесточайшего бонапартистского террора; обещания строить свои взаимоотношения с ними исключительно на взаимном доверии и не прибегать к «физической силе», несмотря на осадное положение; его публичное осуждение политического режима Второй империи, основанного на грубом насилии, его лжедемократические декларации,— все это в соединении с оппозиционным к империи прошлым генерала Трошю, о котором усердно напоминала буржуазная печать, несомненно оказало влияние не только на мелкобуржуазные слои, но и на значительную часть рабочих Парижа. С именем Трошю рабочие связывали определенные надежды на улучшение военного положения Франции, на успех оборонной деятельности генерала.

Введенные в заблуждение демагогическими обращениями к ним военного губернатора, народные массы Парижа, а тем более провинции, были глубоко убеждены, что генерал Трошю принимает все необходимые меры к тому, чтобы должным образом подготовить Париж к военному отпору наступавшему неприятелю. Между тем в действительности Трошю, возглавлявший Комитет обороны Парижа, до такой степени бездействовал, так мало занимался организацией оборонных мероприятий, что вызвал даже нарекания некоторых членов Комитета. Один из них в конце августа открыто спросил генерала, следует ли его считать председателем «Комитета обороны» (Comite de defense) или «Комитета бессилия» (Comite de defaillance)[229]. Тьер, входивший в состав Комитета обороны, как мы видели, также отмечал бездеятельность Трошю.

«Actes», t. V, p. 436. Deposition Schmitz.
'bid., p. 70. Deposition David.

Маркс уже в то время, в конце августа 1870 г., справедливо указывал что, французская буржуазия в целом страшится собственного народа гораздо больше, чем прусских завоевателей. Он обращал внимание Энгельса на провокационную роль буржуазии, искусно создававшей у широких масс населения ложное представление, будто в Париже проводятся эффективные оборонные мероприятия. Касаясь истинных намерений бонапартистов, Маркс писал: «По моему мнению, вся защита Парижа — лишь полицейский фарс, чтобы успокоить парижан, пока пруссаки не будут стоять у ворот и пока не спасут *порядок,* а именно династию и ее мамелюков»[230]. В другом письме этого периода Маркс разоблачал происки орлеанистов: «В Париже, повидимому, заняты исключительно тем, чтобы удержать население от выступлений до тех пор, пока будут приняты необходимые меры для передачи временного правления trustees[231] Орлеанской династии»[232].

Эти слова относились в сущности и к пособникам орлеанистов, депутатам республиканской оппозиции. В своих выступлениях в Законодательном корпусе и в печати они неизменно и все более настойчиво внушали народным массам, что со времени появления в Париже генерала Трошю оборона столицы находится в верных руках. Уже 20 августа, через два дня после назначения Трошю военным губернатором Парижа, левые депутаты, в частности Гамбетта, заявили в Законодательном корпусе, что организация вооружения национальной гвардии значительно улучшилась[233]. 25 августа они потребовали, чтобы на закрытом заседании Законодательного корпуса было заслушано сообщение генерала Трошю о военном положении. Это требование вызвало резкий протест правого большинства, усмотревшего в нем покушение на прерогативы военного министра.

Левый депутат Пикар писал на следующий день в своей газете «L'Electeur libre» по поводу этого инцидента: «Мы не можем поверить, чтобы положению генерала Трошю что-либо угрожало. Правительство не захочет пойти против общественного мнения. Если же оно в этом мнении сомневается, посоветуем ему присутствовать на предстоящем смотре национальной гвардии»[234].

[230] Маркс — Энгельсу. 2 сентября 1870 г. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 390.
[231] Уполномоченным.
[232] Маркс — Энгельсу. 22 августа 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XXIV, стр. 389.
[233] «Annales...» Corps Legislatif, Seance .du 20 aofit 1870, p. 164.
[234] «L'Electeur libre», 26 aout 1870. Цит. по газете «Temps». 27 aout 1870.

27 августа Гамбетта и Пикар потребовали, чтобы руководство комплектованием и вооружением национальной гвардии Парижа было вверено исключительно генералу Трошю. Они мотивировали свое требование тем, что только при этом условии будет достигнута необходимая оперативность в деле вооружения населения Парижа[235].

Выставляя это требование, левые депутаты отнюдь не имели в виду ускорить вооружение рабочих, подавляющее большинство которых к концу августа все еще только на бумаге числилось в рядах национальной гвардии. Оно так и не было вооружено. Настаивая на передаче руководства вооружением национальной гвардии в ведение генерала Трошю, депутаты левой оппозиции рассчитывали этим успокоить рабочих Парижа и тем временем вооружить те слои буржуазии, в том числе мелкобуржуазные, которые выражали недовольство «медлительностью администрации» в деле их вооружения и предъявляли претензии к правительству. О недовольстве части буржуазии свидетельствует, например, опубликованная 25 августа в газете «Temps» статья под названием «Национальная оборона». «Странно,— писал автор этой статьи,— что наряду со столь новыми для нас и столь достойными речами, которые повсюду произносит перед нами генерал — командующий военными силами Парижа, второстепенные правительственные органы не спешат привести свои действия в соответствие с этими речами, которые являются серьезным обещанием»[236]. Парижская буржуазия требовала создания новых батальонов национальной гвардии, их вооружения и военного обучения. Она требовала также соблюдения принятого палатой закона от 11 августа 1870 г. о выборности командиров вновь формирующихся батальонов— закона, остававшегося мертвой буквой.

Левые депутаты были отлично осведомлены о бездеятельности Трошю в Комитете обороны и убеждены в том, что в политике вооружения трудового населения Парижа не произойдет никаких существенных перемен и после передачи руководства этим делом генералу Трошю. Как нельзя лучше это подтверждал изданный 24 августа военным губернатором приказ о немедленной высылке из Парижа лиц, «не имеющих средств к существованию, присутствие которых в Париже представляет угрозу для общественного порядка и для личной безопасности жителей, как и для их имущества, а также лиц, которые своими действиями препятствуют осуществлению мероприятий, направленных к обороне и к обеспечению общественной безопасности». Нисколько не смущаясь данным им за несколько дней до того населению Парижа обещанием руководствоваться в своих отношениях с ним принципом «моральной силы» и не прибегать к репрессиям, Трошю в приказе от 24 августа ссылался на ст. 75 декрета от 24 декабря 1811 г., как и на закон от 9 августа 1849 г. об осадном положении. Приказ заканчивался угрозой по адресу нарушителей данного постановления: такие лица, говорилось в приказе, будут предаваться суду военного трибунала[237].

«Вестник Европы» резонно усматривал связь между приказом Трошю от 24 августа и политикой бонапартистского правительства в деле вооружения национальной гвардии. «Пролетарий и рабочий вообще,— отмечалось в иностранном обозрении журнала,— не только не принимается в состав национальной гвардии, но, по последнему приказу Трошю, даже должен будет совершенно покинуть Париж, ибо он не в состоянии заготовить для себя жизненные припасы на все время осады»[238].

На основании приказа от 24 августа в Париже были произведены в последующие дни многочисленные обыски и аресты среди рабочих столицы. В одну только ночь на 25 августа в северном предместье Парижа Монмартре было арестовано в результате массовых обысков среди рабочего населения около 800 человек. Бонапартистский официоз газета «Figaro» с удовлетворением сообщала: «Все предместье, вплоть до улицы Мучеников, было самым тщательным образом обыскано полицией. Особенно многочисленны были обыски в меблированных комнатах»[239]. «26 августа,— писала «Неделя»,— парижская полиция арестовала до 1500 человек под предлогом необходимости удалить из города всех бродяг, но в числе арестованных есть много республиканцев, социалистов и ненавистных для Второй империи журналистов»[240].

Массовые обыски и аресты среди неимущего населения продолжались и в последующие дни августа 1870 г. Рабочие Парижа убеждались, таким образом, в том, что у них не было особых оснований возлагать надежды на генерала Трошю. В их среде усиливалось революционное брожение. Один из правых депутатов Законодательного корпуса откровенно писал в последних числах августа: «Империя погибла и, по всей видимости, вместе с ней исчезнет и палата, ибо наши коллеги из левой фракции не скрывают от нас, что они с большим трудом сдерживают завсегдатаев клубов, людей из предместий. Насту-

«Annales...» Corps Legislatif. Seance du 27 aout 1870, p. 252, 253. «Temps», 25 aout 1870.

[237] «Temps», 27 aout 1870; «Journal de Geneve», 27 aout 1870.
[233] «Вестник Европы», 1870, кн. IX, стр. 393.
[239] «Figaro», 25 aout 1870. Цит. по газ. «Temps», 26 et 27 aout 1870
[240] «Неделя», № 34, 23 августа (4 сентября) 1870, стр. 1111.

пит момент, когда они не смогут больше их удержать, и тогда поток хлынет через край»[241].

Введение осадного положения во многих департаментах Франции указывало на то, что и в провинции усилилось движение против империи. Вслед за портовыми городами Шербур, Брест, Лориан, Рошфор, Тулон, в которых осадное положение было введено 17 августа[242], был 20 августа объявлен на осадном положении весь департамент Восточные Пиренеи[243], а 22 августа — департаменты Ньевр и Шер[244]. Газета «Journal de la Nievre» указывала на то, что причиной введения осадного положения в департаменте была «попытка призвать народ к восстанию»[245], имевшая место 21 августа в коммуне Аркиан Нёви (Arquian Neuvy) и подавленная жандармерией. Эти сведения подтверждаются позднейшими показаниями председателя апелляционного суда г. Буржа. «Департамент Ньевр,— сообщил он следственной комиссии,— как почти все департаменты, расположенные в долине Луары, с давних пор подвержен влиянию социализма и тайных обществ... Самим фактом большого скопления в нем рабочего населения, как и своим прошлым, этот край в некотором роде как бы предназначен служить объектом воздействия Интернационала, одним из агентов которого здесь являлся Гамбон». Местная секция Интернационала, особенно укрепившаяся со времени апрельской стачки 1870 г. в Фуршамбо[246], возглавила движение против империи, и в частности попытку восстания, произведенную здесь 21 августа[247].

Что касается департамента Шер, то и он был объявлен на осадном положении по тем же мотивам, что и департамент Ньевр. Депутат от департамента Шер, буржуазный республиканец Жиро, заявил 25 августа в Законодательном корпусе, что департаменту Шер, как и департаменту Ньевр, не угрожала в то время опасность со стороны неприятеля, и выразил протест по поводу введения осадного положения в этом департаменте[248].

Выступление Мак-Магона из Реймса без твердого стратегического плана, а затем принятое им в Мезьере решение возобновить движение на восток по направлению к Мецу в значительной мере предопределили военную катастрофу, постигшую вскоре французскую армию.

Энгельс писал 27 августа в «Pall Mall Gazette»: «Не может быть сомнений в том, что в германской главной квартире отлично известны передвижения Мак-Магона. С того момента, как в результате битвы у Резонвиля (или у Гравелотта, как это официально указывалось) Базен оказался запертым в Меце, армия Мак-Магона стала следующим очередным объектом не только для армии кронпринца, но и для всех других войск, которые могли бы быть оттянуты от Меца»[249]. Мак-Магон, как доказывал Энгельс, мог рассчитывать достигнуть Меца и освободить Базена только в том случае, если бы он; выступив из Реймса, стремительно атаковал преграждавшую ему путь к Мецу и грозившую нападением на его фланги Третью немецкую армию кронпринца Прусского и, заставив ее отступить в юго-восточном направлении, освободил себе дорогу на Мец. Но Мак-Магон не решился на наступление, считая, повидимому, свою армию недостаточно сильной. Он ограничил свою задачу попыткой укрыться от преследований армии кронпринца. Отказ от наступления не только делал такую попытку безнадежной, но и фактически ставил армию Мак-Магона под удар немецких войск. «Ничего хуже нельзя было сделать»,— писал по этому поводу Энгельс еще 26 августа, предсказывая уже тогда «почти верное поражение» Мак-Магона, в результате чего остатки его разбитой армии «могут быть оттеснены на нейтральную территорию или принуждены к капитуляции»[250].

План движения к Мецу в том виде, в каком он проводился Мак-Магоном с момента его выступления из Реймса, Энгельс считал «безумным». Не будучи осведомлен о закулисной борьбе, происходившей во французских правительственных кругах, он тем не менее уже 26 августа высказал уверенность в том, что этот план, несомненно, вызван не военными соображениями, а «политической необходимостью». «Вот Вторая империя во всей своей красе,— писал Энгельс.— Сохранить видимость, скрыть поражение — вот что требуется больше всего. Наполеон все поставил на одну карту и проиграл ее; а теперь Мак-Магон, когда его шансы на выигрыш составляют один против десяти, снова собирается играть «va banque». Чем скорее Франция избавится от таких людей, тем лучше для нее. В этом ее единственная надежда»[251].

[241] «Actes», t. V, p. 125. Deposition Trochu.
[242] «Temps», 19 aout 1870.
[243] Ibid., 22 aout 1870.
[244] Ibid., 25 aout 1870; «Journal de Geneve», 24 aout 1870.
[245] Цит. по газ. «Temps», 25 aout 1870
[246] См. выше, стр. 194—195.
[247] «Enquete parlementaire sur Finsurrection du 18 mars», p. 112.
[248] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 25 aout 1870, p. 211—-212.

[249] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 70.
[250] Там же, стр. 66, 67.
[251] Там же, стр. 67—68.

Ближайшие дни полностью подтвердили правильность прогноза Энгельса, который на основе подробного анализа ошибочных шагов Мак-Магона делал общий вывод о том, что «последняя армия, которой Франция располагает на фронте и. повидимому, вообще будет располагать во время этой воины[252]. сознательно идет к своей гибели, спасти от которой ее могут только грубейшие промахи врага; а этот враг до сих пор не совершил еще ни единой ошибки»[253]. Прусское командование, заинтересованное в том, чтобы Мак-Магон как можно дальше продвинулся в избранном им направлении и тем самым увеличил для себя опасность быть отрезанным от Парижа и загнанным между германской армией и бельгийской границей, преднамеренно сообщало в печати, будто значительные германские силы «решительно двинулись на Париж». В действительности прусское командование, используя военные преимущества, которые ему давал в руки сам Мак-Магон, продолжало двигать основную массу немецких войск к северо-востоку. Действуя со значительно большей быстротой, чем Мак-Магон, медлительность которого объяснялась небоеспособностью его армии, вынужденными отклонениями в сторону от магистральной линии движения в поисках продовольствия и боевых припасов, и, наконец, его личной нерешительностью, немцы вскоре продвинулись к реке Мёз (Маас) и захватили переправы через нее. 30 августа они атаковали Мак-Магона близ Бомона и нанесли ему поражение. «Результат боя, происходившего во вторник 30 августа.— *Э. Ж-,*— писал Энгельс,— оказался для участвовавших в нем французских корпусов катастрофическим. Свыше 20 пушек, 11 митральез и 7000 пленных — это результаты, почти равные результатам сражения при Вёрте, но достигнутые гораздо легче и с гораздо меньшими жертвами. На обоих берегах Мааса французы были отброшены назад непосредственно к окрестностям Седана»[254].

Пока Мак-Магон после сражения 30 августа укреплялся на позициях в окрестностях Седана, стянув сюда все имевшиеся у него в наличии войска, «Мольтке осуществил ряд передвижений, имевших целью запереть французов между рекой Мёз и бельгийской границей: армия Альберта Саксонского, двигаясь по правому берегу, закрыла восточные выходы, армия кронпринца Прусского, двигаясь по левому берегу,— западные»[255].

[252] Энгельс уже в то время, в конце августа 1870 г., считал, что «от Базена надо отказаться, если только Мак-Магону не удастся помочь ему, а это более чем сомнительно». См. К- Маркс и Ф. Энгельс Соч" т. XIII, ч. И, стр. 74.

[253] Там же.

[254] Ф. Энгельс. Французские поражения К. Маркс и ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 80.

[255] A. Chuquet. Op. cit, p. 96.

Утром 1 сентября немецкие войска, перейдя в наступление в составе Четвертой армии и трех корпусов Третьей армии, двинулись против французской армии, зажатой в узком пространстве между рекой Мёз и бельгийской границей.

t Сражение 1 сентября 1870 г. под Седаном, являющееся, по мнению военных историков, крупнейшим артиллерийским сражением XIX в.[256], подробно описано в обширной военно-исторической литературе, и нет надобности освещать его детально в настоящей работе. Как известно, с французской стороны один за другим руководили этим сражением, начавшимся 1 сентября на рассвете, маршал Мак-Магон, генерал Дюкро, генерал Вимпфен. Мужество и отвага, с каким и на этот раз сражались французские солдаты, не могли предотвратить поражения французской армии, оказавшейся перед численно превосходящими силами противника, располагавшими превосходной артиллерией и крупными позиционными преимуществами. Известна и позорная роль, которую сыграл в этот день Наполеон III. По его распоряжению около 3 часов дня на центральной крепостной башне Седана был выброшен белый флаг, флаг капитуляции. Он же отправил прусскому королю следующее послание: «Дорогой мой брат, так как я не сумел умереть среди своих войск, мне остается вручить свою шпагу Вашему величеству. Остаюсь Вашего величества добрым братом. Наполеон»[257].

2 сентября генералом Вимпфеном и генералом Мольтке был подписан акт о капитуляции французской армии.

3 тыс. убитых, 14 тыс. раненых, 3 тыс. разоруженных ка бельгийской территории, 83 тыс. взятых в плен солдат, офицеров, генералов во главе с Наполеоном III, не говоря о крупных военных трофеях, доставшихся немцам,— таков позорный итог военной катастрофы, постигшей Вторую империю у Седана.

Война послужила испытанием для военной и политической организации Второй империи. «Организация армии,— писал Энгельс 31 августа 1870 г., накануне сражения у Седана,— повсюду оказывается негодной; благородная и мужественная нация видит, что все ее усилия защитить себя оказываются тщетными, потому что она в течение двадцати лет терпела, чтобы ее судьбами управляла шайка авантюристов, которая превратила администрацию, правительство, армию, флот — фактически всю Францию — в источник своей личной наживы»[258].

[256] См., напр., A. Chuquet. La guerre de 1870—1871. In: «Histoire generale», publ. sous la dir. de E. Lavisse et A. Rambaud. Paris, 1899, p. 797.

[257] Ch. Seignobos. Le declin de l'Empire. Paris 1921. p. 242. (E. Lavisse. L'Histoire de la France contemporaine, t. VII).

[258] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 75.

Война вскрыла всю гнилость государственного строя Второй империи. «Французская катастрофа 1870 года,— писач Маркс,— не имеет параллелей в истории нового времени! Она показала, что официальная Франция, Франция Луи Бонапарта Франция правящих классов и их государственных паразитов — гниющий труп» [259].

[259] К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции» «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 281.

Глава VII

РЕВОЛЮЦИЯ 4 СЕНТЯБРЯ 1870 ГОДА

1

Война все более обнажала подлинные отношения между классами. Дни, следовавшие за военным разгромом Второй империи, показали это особенно наглядно.

3 сентября, через два дня после капитуляции французской армии, население Парижа все еще не было поставлено в известность о событиях, происшедших у Седана: с 30 августа правительство не опубликовало ни одного сообщения о положении на фронте [1], несмотря на крайнюю тревогу, в которой пребывала страна со времени выступления Мак-Магона на выручку армии Базена. «Жизнь целого народа в некотором роде остановилась; ничто, кроме войны и военных известий, не интересовало более граждан»,— сообщал публицист Альфред Дюке. В Париже «народ беспрерывно выстаивал толпами на бульварах, перед Бурбонским дворцом, везде, где он рассчитывал что-либо узнать о драме, разыгрывавшейся в Арденнах» [2].

Днем 3 сентября состоялось заседание Законодательного корпуса. Паликао в своей информации о военном положении ни словом не упомянул о событиях у Седана. Он, напротив, заверял палату, что «если с некоторых пор ситуация такова, что не позволяет надеяться на соединение сил маршала Мак-Магона с силами маршала Базена», то это «отнюдь не значит, что маршал Базен не может попытаться снова выступить» [3]. Между тем правительство уже 1 сентября узнало о неблагополучном исходе сражения у Седана и о ранении Мак-Магона: об этом сообщил военному министру телеграммой из Мезьера генерал

[1] J. Favre. Op. cit., p. 54.
[2] A. Ducquet. Paris. Le quatre septembre et Chatillon. Paris 1890 p. 9, 10.
[3] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 3 septembre 1870, p. 355.

Винуа[4]. 2 сентября правительственные круги получили сведения о военном поражении империи из английских и бельгийских источников[5].

Заявление Паликао было в сущности обращено не к присутствовавшим в зале депутатам, которые со 2 сентября знали о разгроме французской армии[6]. Оно имело целью скрыть военную катастрофу от широких масс парижского населения, лихорадочно следивших за ходом заседаний в Бурбонском дворце. В этом отношении Паликао встречал единодушную поддержку палаты.

Депутаты левой фракции заодно с другими усердно помогали бонапартистскому правительству держать страну в неведении относительно военного положения[7]. Они старались выиграть этим время, чтобы принять меры к предотвращению страшившей их революции. Левые депутаты считали, что и после Седана можно совместными решительными действиями буржуазных партий воспрепятствовать революционному свержению империи.

Поэтому Жюль Фавр, который с вечера 2 сентября располагал достоверными сведениями о поражении у Седана[8], днем 3 сентября ничем не обнаружил в Законодательном корпусе своей осведомленности о капитуляции французской армии. В ответ на сообщение Паликао о предполагающемся новом призыве в армию «всех живых сил нации» в интересах «национальной обороны» Фавр в своем выступлении невозмутимо заявил: «Декларация господина военного министра принадлежит к числу тех, которые ни у одного из членов этой палаты не должны вызывать иных помыслов, кроме решимости в тесном единении защищать отечество до последней капли крови... В этом все мы единодушны. Все мы жаждем во имя нашего отечества... принять самые действенные меры, чтобы добиться успеха, и мы целиком этому отдаемся». Не удивительно, что заявление главы левой оппозиции было встречено бонапартистским большинством одобрительными возгласами: «Браво! Браво!»[9].

До начала этого заседания левые депутаты, в том числе Гамбетта, обратились к орлеанисту Тьеру, убеждая его возглавить коалиционное правительство с генералом Трошю в качестве военного министра[10]. Однако Тьер, который, как мы знаем, был сторонником создания коалиционного правительства буржуазии, категорически отказался от личного участия в нем. Основную задачу такого правительства он .видел в том, чтобы, отказавшись от дальнейшего ведения войны, как можно скорее заключить мир с Пруссией ". Но непосредственно после Седана мир мог быть заключен только на кабальных для Франции условиях. Орлеанистский главарь предпочитал устраниться от официального участия в правительстве, которое обрекало себя на недолговечность уже одним фактом заключения такого кабального мира. Тьер к тому же рассчитывал, что и оставаясь вне правительства, он сможет оказывать на него необходимое давление' и подчинить его действия интересам орлеанистской реставрации.

Но и после отказа Тьера левые депутаты продолжали энергично добиваться путем закулисных переговоров скорейшего сформирования нового буржуазного правительства.

В 4 часа дня в Париже была получена на имя регентши депеша от Наполеона III, в которой тот сообщал, что армия потерпела поражение и взята в плен; сам он также является пленником[12]. Скрывать дальше от населения все происшедшее у Седана становилось невозможным, тем более что слухи о разгроме французской армии постепенно просачивались в столицу[13]. Ввиду этого было срочно созвано в тот же день второе заседание Законодательного корпуса.

На вечернем заседании левая фракция выставила кандидатуру генерала Трошю на пост военного диктатора Франции. Выступивший с этим предложением Жюль Фавр убеждал бонапартистское большинство в жизненной необходимости такого акта. «Крайне необходимо и мудро в настоящий момент,— доказывал он,— чтобы все партии отступили... перед именем военного..., который должен взять оборону отечества в свои руки. Перед этим дорогим, любимым именем должны отступить все другие имена, как и тот призрак правительства, который довел Францию до того положения, в котором она сейчас находится»[14].

Впоследствии Жюль Симон, касаясь этого предложения Фавра, утверждал, будто Фавр и другие депутаты левой фракции не имели в виду требовать для генерала Трошю полномо-

[4] «Actes», t. VI, p. 52. Deposition Vinoy.

[5] E. D г ё о 1 1 е. La journee du 4 septembre du Corps Legislatif., p. 21, 23

[6] 2 сентября министр общественных работ Жером Давид конфиденциально сообщил о поражении Тьеру. Вслед за тем об этом узнали другие депутаты. См. «Actes», t. V, p. 7. Deposition Thiers; J. S i m o n. Origine et chute du Second empire, p. 336—337.

[7] Comte de K ё r a t r y. Le 4 septembre et le Gouvernement de la defense nationale. Deposition devant la Commission d'enquete de l'Assemblee nationale. Paris, 1872, p. 27—28.

[8] J. F a v r e. Op. cit., p. 54.

[9] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 3 septembre, p. 356.

[10] J. P. T. B u r y. Op. cit., p. 49; H a u s s o n v i 11 e. Op. cit., p. 90.

[11] «Actes». t. V, p. 8. Deposition Thiers., J. S i m o n, Origine et chute du Second empire, p. 362.

[12] Ibid., p. 119. Deposition Chevreau.

[13] Ibid., p. 78. Deposition Palikao.

[14] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 3 septembre 1870, p. 357.

чий диктатора. Они якобы добивались лишь того, чтобы ему было поручено возглавить оборону: «Мы,— уверял Симон,— продолжали настаивать на пожелании, чтобы палата назначила правительственную комиссию. Мы хотели, чтобы ее главой был Тьер, а ее правой рукой генерал Трошю. Таково было наше единственное желание также и на другой день, вплоть до того момента, когда палата была насильственно разогнана» [15].

Это заявление не соответствовало действительности: левая фракция, как мы знаем, внесла 3 сентября свое предложение относительно назначения Трошю уже после того, как получила решительный отказ Тьера войти в состав нового правительства. Она поэтому и не выставляла в Законодательном корпусе его кандидатуры.

Бонапартистское большинство правильно поняло суть предложения Фавра. Оно, однако, не разделяло эмоций левой фракции в отношении генерала Трошю, находившегося в течение ряда лет в оппозиции к империи, и не было намерено добровольно облечь его диктаторской властью. Паликао, поддержанный бонапартистами, заявил, что такое назначение явилось бы «заменой конституционно установленного режима произвольным». Предложение Фавра было отклонено. Следующее заседание Законодательного корпуса было назначено на 4 сентября в 3 ч. дня [16].

Левые депутаты, однако, не унимались. Они выдвигали другие проекты организации власти, обнаружившие их готовность пойти на любое предательство, только бы избежать свержения империи путем народной революции. Один из предложенных ими вариантов, автором которого был Фавр, предполагал передачу власти триумвирату: Шнейдеру, Трошю, Паликао,—двум бонапартистам и одному орлеанисту[17]. Энгельс с негодованием отметил этот акт предательства «жалкого Жюля Фавра», заявив по его адресу: «Такой сволочи еще не бывало» [18]. Даже у некоторых буржуазных исследователей это предложение Фавра вызывает недоумение. «Это было странное для республиканца решение вопроса»,— замечает, например, по этому поводу один из них [19].

Вечером 3 сентября правительство было вынуждено опубликовать официальное сообщение о военных событиях у Седана. Оно малодушно преуменьшило вдвое размеры понесенных французской армией потерь. Чтобы смягчить впечатление от постигшей империю военной катастрофы, сообщалось о том, будто «через несколько дней под стенами Парижа появится новая армия; кроме того, формируется армия на берегах Луары» [20]. Сообщение всколыхнуло весь Париж.

В рабочих кварталах Парижа, где с 20-х чисел августа нарастало, как нам известно, стремление свергнуть империю [21], бланкисты, по указанию находившегося в Париже Бланки, развили 3 сентября революционную пропаганду. В этот день в предместье Сен-Дени, на квартире у бланкиста Пиля, состоялось при участии Бланки и его ближайших соратников совещание, на котором были приняты важные решения. «Полный нетерпения исправить неудачу 14 августа,— сообщал впоследствии по этому поводу бланкист Бальсенк,— Бланки дал указание, чтобы бланкисты обошли рабочие кварталы и подготовили к следующему дню манифестацию, которую во что бы то ни стало следовало попытаться превратить в революцию» [22]. Были определены пункты на подступах к Бурбонскому дворцу, которые, согласно директиве, данной Бланки, должны были быть заняты 4 сентября бланкистскими группами за час до открытия заседания Законодательного корпуса [23].

Однако парижские рабочие по собственному почину выступили раньше намеченного бланкистами срока — • вечером 3 сентября. «С Бельвилля, Менильмонтана, Монмартра многолюдными колоннами спускаются рабочие»,— сообщал впоследствии о событиях 3 сентября 1870 г. в Париже буржуазный республиканец Ранк. К манифестантам, как видно из описания Ранка, присоединились также другие слои населения. «Национальные гвардейцы Сены,— писал он,— покинули свои казармы и разбрелись по городу. Во всем Париже звучит один клич. Рабочие, буржуа, студенты, национальные гвардейцы, солдаты, мобильные гвардейцы приветствуют низложение Бонапарта. Это — голос народа, голос нации!.. Кто настроен иначе — молчит, прячется или спасается бегством. Низложение! — таков клич Парижа, клич Франции» [24].

Бланкисты Гранже, Пиль, Ранвье, Пейрутон [25] на ходу возглавили основную массу манифестантов, направлявшуюся к Бурбонскому дворцу, оглашая улицы возгласами: «Низложе-

[15] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 343.
[16] «Annales...» Corps Legislatif. Seance du 3 septembre 1870, p. 361.
[17] J. P. T. Bury. Op. tit., p. 48—49; «Actes», t. V, p. 149. Deposition Favre.
[18] Энгельс — Марксу. 4 сентября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 391.
[19] См. J. P. T. Bury. Op. cit., p. 49.
[20] «Actes», t. I, p. 177, note 1. Rapport Daru.
[21] См. гл. VI.
[22] Из письма Бальсенка к Гастону Да Коста. Q. Da Costa. La Commune vecue, t. III. Paris, 1905, p. 316.
[23] M. Dommanget. Blanqui. La guerre de 1870—1871. La Commune. Paris, 1947, p. 23; «Actes», t. I, p. 180—181. Rapport Daru.
[24] A. Ranc Souvenirs-correspondance. 1831—1908. Paris, 1913, p. 154.
[25] M. Dommanget. Op. cit., p. 22.

ние! Да здравствует республика!»[26]. Другой поток направился к Лувру, резиденции генерала Трошю.

По пути к Законодательному корпусу манифестанты подверглись нападению жандармерии. По некоторым сведениям, с той и с другой стороны были убитые и раненые[27]. В 9 ч. 40 м. вечера префект парижской полиции информировал правительство о «чрезвычайном возбуждении, царящем в Париже». «Толпы народа,— докладывал он,— обегают бульвары и главные магистрали, испуская мятежные возгласы. В 9 часов несколько сот человек атаковали полицейский пост на бульваре Бон-Нувель. После горячей схватки нападающие были разогнаны. Главари и многие другие лица арестованы»[28].

В то время как парижские рабочие направлялись к Законодательному корпусу, требуя свержения империи и установления республики, левые депутаты лихорадочно совещались в одном из помещений Бурбонского дворца[29], стараясь опередить рабочих, парализовать их инициативу.

Было единодушно решено настоять на созыве чрезвычайного ночного заседания Законодательного корпуса и добиться на нем принятия решения о низложении Наполеона III и о передаче власти Законодательному корпусу. Делегация левой фракции во главе с Фавром в 10 часов вечера направилась к Шнейдеру[30]. Фавр упрашивал его безотлагательно созвать чрезвычайное заседание Законодательного корпуса и отрешить Наполеона III от власти. В случае промедления,— настаивал Фавр,— • Париж утром окажется «во власти демагогии». «Мы умоляли его немедленно созвать палату,— сообщал впоследствии Фавр.—'...В этот решительный момент мы, так же как и 7 августа, когда я разыскал председателя Шнейдера, былидалеки от личных интересов. У нас была одна цель — осуществить без революции великий акт справедливости, ставший абсолютно неизбежным»[31]. С теми же доводами явились к председателю и некоторые правые депутаты, бонапартисты. «Завтра утром,— убеждали они,— к дверям Законодательного корпуса может прийти народ из предместий, и кто даст нам гарантию, что у нас будет днем возможность заседать?»[32]. От имени части бонапартистов они изъявили готовность передать власть Законодательному корпусу в расчете на то, что тот передаст ее снова Бонапартам, когда для этого наступит момент[33]. Другая часть бонапартистов во главе с многолетним ближайшим сподвижником Наполеона III Руэром все еще не соглашалась ни на какие компромиссы. «Лучше полк кирасиров, чем любые соглашения»,— такой оставалась и после Седана позиция сторонников Руэра[34].

Шнейдер дал согласие на созыв чрезвычайного заседания. Передача власти Законодательному корпусу была единственным остававшимся в руках французской буржуазии шансом в борьбе против грозившей вспыхнуть народной революции. Вооруженная расправа с парижским пролетариатом в случае его выступления, о которой мечтали не одни только сторонники Руэра, была неосуществима. Правительство Второй империи, как писал впоследствии, выдавая себя и своих коллег, Жюль Симон, располагало 3 сентября 1870 г. в Париже не более чем 4 тыс. солдат и офицеров, в «благонадежности» которых оно, к тому же, не было уверено. «Что касается национальной гвардии,— сообщал он,— то она, как и все население, была восстановлена против империи»[35].

При таких обстоятельствах оставалось лишь попытаться обмануть народные массы видимостью упразднения империи... с трибуны Законодательного корпуса. На этом сходились буржуазные республиканцы, орлеанисты, в том числе Тьер, и часть бонапартистов. Они расходились только в том, как следует сформулировать предложение, которое предстояло внести на утверждение Законодательного корпуса. «Мы придавали большое значение тому, чтобы было произнесено слово «низложение»,— с беззастенчивой откровенностью сообщал позднее от имени левой фракции Жюль Симон.— Это слово казалось нам необходимым, чтобы умиротворить народный гнев, если только

[26] A. Arnould. Paris et la Commune. «La Liberte», 17 mars 1870; «Actes», t. V, p. 385. Deposition Bellanger.

[27] CM. P. Robiquet. Souvenirs du 4 septembre. «Revue bleue», 1889, № 44, p. 311; «Temps», 5 septembre 1870.

[28] Prefet de police a Imperatrice, Guerre, Interieur, Gouverneur de Paris, general Soumain, Paris, le 3 septembre, 9 h. 40 m. soir. «Papiers et correspondence de la famille imperiale». Livr. XIV, p. 422—423.

[29] Со второй половины августа 1870 г. депутаты левой фракции покинули помещение на улице La Sourdiere, где они обычно устраивали свои фракционные совещания. Боясь революционных рабочих, они перенесли свои совещания в помещение Законодательного корпуса. См. J. Simon. Op. cit., p. 368.

[30] По словам депутата Кератри, находившегося в кабинете у Шнейдера в момент прихода делегации левой фракции и имевшего с ним разговор на ту же тему, в составе делегации находились в числе прочих Фавр, Симон, Пикар, Жосо. Левый депутат Гийо-Монпейру впоследствии уверял, *jno* и он, по собственной инициативе, явился вечером 3 сентября к Шнейдеру и настаивал на созыве ночного заседания Законодательного корпуса. См. «Actes», t. V, p. 399. Deposition Guyot-Montpayroux.

[31] J. Favre. Op. cit., p. 60.

[32] E. Dreolle. La journee du 4 septembre au Corps Legislatif, p. 27, 28.

[33] E. Dreolle. Op. cit., p. 12—13; J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 363.

[34] «Actes», t. V, p. 400. Deposition Guyot-Montpayroux; Comte de Keratry. Op. cit., p. 9, 25.

[35] **J. Simon.** Origine ot chute du Second empire, p. 357—358.

его вообще можно было умиротворить, и этим предотвратить революцию, ибо ни одна власть не могла рассчитывать на повиновение в том случае, если бы народ остался при убеждении, что он обоснованно считает ее прикрытием императорской власти, ее временным замещением»[36]; Предложение, подготовленное левой фракцией, гласило: «Луи-Наполеон Бонапарт и его династия объявляются низложенными. Назначается комиссия Законодательного корпуса, облеченная всеми правительственными полномочиями; на нее возлагается строгая обязанность оказывать максимальное сопротивление нашествию и изгнать неприятеля из пределов страны... Генерал Трошю остается в должности губернатора Парижа».

Орлеанисты, во главе с Тьером, предлагали менее определенную формулировку, облегчавшую возможность договориться с бонапартистами. Предложение Тьера было сформулировано следующим образом: «Ввиду вакантности трона палата назначает комиссию для управления и для осуществления национальной обороны. Как только позволят обстоятельства, будет созвано Учредительное собрание»[37]. В этом предложении, как видим, ничего не было сказано о низложении Наполеона III.

Следует отметить, что левая фракция, хотя и намерена была выступить на ночном заседании со своим собственным предложением, вместе с тем приняла заранее решение присоединиться к предложению Тьера в случае, если ее предложение будет отвергнуто[38]. Интересно и то, что перед открытием ночного заседания Фавр и Ферри предприняли новую попытку уговорить Тьера войти в состав временного правительства из 9 членов. Тьер и на этот раз отказался[39].

Так, в страхе перед собственным народом объединились для совместной борьбы против него различные политические партии французской буржуазии: бонапартисты, орлеанисты, буржуазные республиканцы, в том числе их радикальное крыло, возглавлявшееся Гамбеттой. Их собственные распри временно отступили на второй план.

В 1 час ночи открылось заседание Законодательного корпуса. Оно продолжалось только 20 минут. Глава правительства ограничился официальным сообщением о капитуляции французской армии и о пленении императора, после чего предложил перенести обсуждение последствий этого события на следующий день. Паликао принадлежал к той части бонапартистов, которая все еще не желала признавать невозможность сохранения империи, и был решительным противником передачи власти

J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 372—373.
«Annales...» Corps Legislatif. Seance du 3 septembre 1870, p. 367.
«Actes», t. V, p. 399. Deposition Guyot-Montpayroux.
D'Haussonville. Op. cit., p. 96.

Законодательному корпусу. Ни один голос не раздался против его предложения перенести обсуждение создавшейся ситуации на 4 сентября. Левые депутаты, так настойчиво добивавшиеся несколькими часами ранее созыва заседания, покорно согласились с предложением бонапартистов. «Если палата придерживается мнения, что при том прискорбном и серьезном положении, на которое в достаточной мере указывает сообщение г. военного министра, благоразумно отложить обсуждение до полудня, то у меня нет никаких мотивов противиться этому»,— заявил с трибуны Законодательного корпуса Фавр[40]. Он ограничился внесением предложения левой фракции, подписанного 27 депутатами, для рассмотрения его 4 сентября.

Странное на первый взгляд поведение левых депутатов во время ночного заседания Законодательного корпуса находит объяснение в том, что и это поспешно созванное заседание оказалось в известной мере запоздалым. Ко времени его начала на ближайших подступах к Бурбонскому дворцу теснились прибывшие сюда рабочие Парижа. Они бурно выражали свою ненависть к империи, требовали провозглашения республики. Среди них находились бланкисты и другие ненавистные буржуазным политическим деятелям представители парижских рабочих. Левые депутаты, как и депутаты других фракций, считали необходимым как можно скорее прекратить заседание, так как опасались, что в противном случае массы насильственно завладеют Бурбонским дворцом.

И действительно, толпившийся у Законодательного корпуса народ старался проникнуть в Бурбонский дворец. За запертой оградой дворца стоял на возвышении Гамбетта, окруженный депутатами, в том числе бонапартистами. Он пускал в ход все свое красноречие, чтобы удержать парижских рабочих от захвата Бурбонского дворца. Гамбетта апеллировал к их «благоразумию», призывал их «дать возможность представителям нации выполнить свой долг», приняв необходимое решение, убеждал их в том, что время для установления республики еще не наступило. «Не говорите о республике, говорите о нации!»[41] — взывал он в ответ на возгласы: «Да здравствует республика!». Даже рьяные бонапартисты, видевшие и слушавшие Гамбетту в ночь на 4 сентября, остались вполне удовлетворенными его поведением. «Некоторые консервативные депутаты, находившиеся там,— засвидетельствовал впоследствии квестор Законодательного корпуса генерал Лебретон,— пожимали ему Гамбетте.— *Э. Ж.* руки и поздравляли

[40] «Annales...» Corps Legislatif. Seance de nuit du 4 septembre 1870, p. 364.
[41] «Actes», t. V, p. 389. Deposition Bescherelle; «Actes», t. I, p. 178. Rapport Daru.

его. «Вы взяли с ними правильный тон,— говорили они ему,— Вы должны сейчас избавить нас от этих людей и отправить их домой» [42].

Опасность захвата Бурбонского дворца была вполне реальна: к дворцовой площади направлялись около 10 тыс. рабочих. Сведения эти доставил один из агентов буржуазных республиканцев. «Предупредите левых депутатов. Необходимо любой ценой помешать тому, чтобы народ двинулся сюда!» — услышал бонапартист Дреоль, стоявший рядом с Гамбеттой, взволнованный шопот человека, находившегося в толпе по ту сторону ограды и усиленно старавшегося обратить на себя внимание Гамбетты [43]. «Собеседником Дреоля,— сообщал впоследствии на этот счет Жюль Симон,— был, очевидно, один из преданных нам людей, один из умеренных, которые, смешавшись с манифестантами, стремились предотвратить беспорядки и помешать захвату Законодательного корпуса, чего мы страшились» [44].

Усилия Гамбетты, его призывы к патриотизму увенчались некоторым успехом — судя по сообщениям парижской печати и показаниям полицейских агентов Второй империи [45]. Народ, стал расходиться. На набережной, поблизости от Бурбонского дворца, осталось несколько сот человек. Часть из них, повидимому, разогнали правительственные войска, оцепившие двойным кордоном здание Законодательного корпуса и занявшие ближайшие подступы к нему. Когда новый поток манифестантов попытался вскоре приблизиться к дворцу, ему преградили путь войска.

Тем не менее депутаты, в том числе и левые, не сразу решились после окончания заседания покинуть Бурбонский дворец. Когда около двух часов ночи они, наконец, вышли на Дворцовую площадь, то старались при помощи различных ухищрений «спастись» от все еще не расходившихся, хотя и оттесненных войсками манифестантов, продолжавших требовать низложения Бонапарта и провозглашения республики. Фавр укрылся в карете Тьера. Республиканец и орлеанист были в этот момент более чем когда-либо близки друг другу: оба они боялись парижских рабочих, оба были полны решимости всемерно противодействовать народной революции. «Господин Жюль Фавр,—і засвидетельствовал впоследствии Тьер,— был так же мало намерен, как и я, быть причастным к революции» [46].

[42] «Actes» t. V, p. 381. Deposition Lebreton; E. D r e o l l e. Op. cit., p. 33.
[43] E. D r e o l l e. Op. cit., p. 33.
[44] J. S i m o n. Origine et chute du Second empire, p. 362.
[45] См., напр., «Actes», t. V, p. 392. Deposition Simonneau.
[46] «Actes», t. V, p. 8. Deposition Thiers.

За внешним спокойствием, которое хранил Париж утром 4 сентября, таилась взаимная настороженность обоих враждебных лагерей. Правительство мобилизовало для своей охраны все военно-полицейские силы, имевшиеся в его распоряжении. Конная и пешая жандармерия, линейные и кавалерийские войска запрудили подступы к зданию Законодательного корпуса: площадь и мост Согласия, набережные Сены, Дворцовую площадь. Два батальона пехоты охраняли дворец изнутри. Крупные резервы конных и пеших войск были выстроены у Дворца индустрии и на Елисейских полях [47]. Всего, по свидетельству жандармского полковника Аллавена, охранявшего в этот день подступы к Бурбонскому дворцу, было мобилизовано для охраны Законодательного корпуса около 2500—3000 человек [48]. Кроме того, в казармах держали в боевой готовности остававшиеся там войска [49].

В предместьях и в рабочих кварталах Парижа,— насколько позволяют судить имеющиеся сведения,— с утра царило необычайное возбуждение. «В Бельвилле,— по свидетельству бонапартиста Дреоля,— рабочие не явились в мастерские. В Монмартре, в Батиньоле ремесленники и мелкие рантье группами собирались на улицах... Слова «низложение», «республика» переходили из уст в уста» [50].

Буржуазные республиканцы и орлеанисты, в противовес бланкистской революционной пропаганде в рабочих кварталах, развили 3 сентября в Париже активную деятельность. Вечером этого дня они распространили, в частности, среди манифестантов, направлявшихся к Законодательному корпусу, письменный призыв явиться 4 сентября в 2 часа дня к Бурбонскому дворцу в обмундировании национальной гвардии. Призыв, по некоторым сведениям исходивший от генерала Трошю [51], относился, следовательно, не к рабочим; в большинстве своем они все еще оставались в то время вне рядов национальной гвардии, а те, кто был зачислен в нее, как правило, не были обмундированы за неимением средств. Обращение адресовалось к буржуазным элементам национальной гвардии. Вторичное напоминание о явке появилось утром 4 сентября в либеральной газете «Le Siecle». Рядом с ним был воспроизведен текст декрета Национального собрания от 10 августа 1792 г., второй пункт кото-

[47] Gen T r o c h u. Oeuvres posthumes, t. I, p. 182.
* «Actes»" t. V, p. 389. Deposition Allavene; «Actes», t. V, p. /9. Deposition Palikao.
[49] Ibid p. 405 Deposition Soumain.
5° E. D r e o l l e. Op. cit., p. 51.
[51] CM. I. T c h e r n o f f. Op. cit., p. 603-604.

рого, напечатанный курсивом, гласил: «Глава исполнительной власти, ввиду необходимости, отстраняется от исполнения своих функций»[52].

Между тем бонапартисты перенесли заседание Законодательного корпуса с 2 часов на 12 часов дня[53]. Этот маневр был, несомненно, вызван намерением преподнести народным массам Парижа, ко времени их прибытия к Бурбонскому дворцу, сообщение об уже состоявшейся передаче власти Законодательному корпусу.

Маневр, однако, не удался. Уже к 12 часам дня площадь Согласия и прилегающие к ней улицы заполнились многотысячными массами манифестантов, рабочих, ремесленников, студентов и т. д.[54]. «Было бесчисленное множество народа. Весь город был поднят на ноги»,— сообщал Жюль Симон. Он *и* другие левые депутаты с большим трудом прокладывали себе дорогу к зданию Законодательного корпуса. По пути им пришлось услышать немало упреков по своему адресу[55].

Большинство левых депутатов явилось во дворец задолго до начала заседания. Сюда заблаговременно пришли и многие депутаты других фракций. В этот критический для империи час, когда так стремительно надвигалась революция, стерлись грани между буржуазными республиканцами, орлеанистами и теми бонапартистами, которые признавали необходимость передачи власти Законодательному корпусу. На открывшемся в 11 часов утра предварительном совещании левой фракции присутствовали орлеанисты и бонапартисты. «Наше совещание не было закрытым: сюда приходили члены левого центра, даже члены большинства, и мы принимали их с предупредительностью, ибо мы нуждались в них так же, как они нуждались в нас»,— сообщал впоследствии республиканец Жюль Симон[56]. Совещание имело целью договориться о форме передачи власпг Законодательному корпусу.

Буржуазные республиканцы и орлеанисты не ограничивались, однако, одними переговорами с депутатами других фракций о передаче власти Законодательному корпусу. Они одновременно принимали практические меры на тот случай, если

[52] J. P. T. Bury. Op. cit., p. 54

и «Actes», t. V, p. 225. Deposition Simon.

Трошю впоследствии утверждал, что 4 сентября на подступах к Бурбонскому дворцу около полумилдиона человек

* ThiHlm04OrLgine et chute du Second empire - p- 367.

депутат ш л ' Я я Л откровенен был в своих показаниях левый депутат, граф Кератрл (бывший орлеанист), утверждавший 6vn™ ня™ т т Г л ™ ™ ФРЗКЦИИ УТРоМ 4 СеНТябРя присутствовало "около ?5депу-™ Т с ? Л Г 0 Со Ра й е У е М ГЛ В Гор 0б с Гр ТИ 28 В "" «

народные массы, не дождавшись решения Законодательного корпуса, попытаются ворваться в Бурбонский дворец и провозгласить в нем республику. К такому заключению приводит внимательное изучение показаний многочисленных участников событий 3 и 4 сентября, как и других материалов. Следует указать, что ни буржуазные республиканцы, ни орлеанисты в своих позднейших показаниях и мемуарах не упоминают об этой стороне своей «деятельности» накануне и в день революции. Об этом не сообщают и буржуазные исследователи.

Ввиду затянувшихся переговоров между Тьером и бонапартистами относительно редакции совместного предложения,, заседание Законодательного корпуса открылось с опозданием,—в 1 ч. 15 м. дня. На его рассмотрение были представлены три предложения: предложение Тьера (левый центр), в мотивировочной части которого слова: «Ввиду вакантное™ трона» были заменены еще более неопределенной формулировкой: «Ввиду обстоятельств»; уже известное нам предложение левой фракции; предложение части бонапартистов, требовавших создания «правительственного совета национальной обороны»[57] под главенством *Паликао,* наделенного диктаторскими полномочиями[58]. Все три предложения были направлены в комиссии для выработки окончательного текста законопроекта о дальнейшей организации власти. В 1 ч. 40 м. дня заседание было прервано, чтобы возобновиться как только комиссии закончат свою работу.

А в 2 ч. 30 м. дня Бурбонским дворцом завладели народные массы Парижа. «Во время объявленного перерыва,— гласит стенографический отчет о заседании Законодательного корпуса от 4 сентября 1870 г.,— толпа, находившаяся на мосту Согласия и у фасада Бурбонского дворца, ворвалась во двор, затем в кулуары Законодательного корпуса, заняла внутренние лестницы и устремилась к трибунам для публики с возгласами: «Низложение! Да здравствует Франция! Да здравствует республика!»[59].

При каких обстоятельствах был осуществлен захват Законодательного корпуса?

Как мы уже знаем, рабочее население Парижа, бросив-, мастерские, с утра устремилось к Законодательному корпусу. Между 11 и 12 ч. дня площадь Согласия начала заполняться тысячами манифестантов, стекавшимися с разных районов: Парижа. Сюда к 1 ч. дня явились Бланки, Гранже, Левро,

[57] Бонапартисты первоначально имели даже намерение потребовать, создания «Регентского совета» (Conseil de Regence) во главе с регентшей. Но они вынуждены были от этого отказаться.

[68] «Annates...» Corps Legislatif. Seance de jour du 4 septembre 1870, p. 366.

[59] Ibid., p. 368.

Бальсенк и другие бланкисты в сопровождении студентов и рабочих[60]. Другая часть бланкистов заняла позиции на набережных левого берега Сены, примыкавших к Бурбонскому дворцу.

Около 12 часов дня на площади Согласия стали появляться национальные гвардейцы, одни вооруженные, другие без оружия. Они собирались в группы, которые возглавили лица в штатской одежде и в военных головных уборах («кепи»). *Несколько позднее на* площадь вступили батальоны вооруженной национальной гвардии. Один из батальонов во главе со своим командиром,— по некоторым данным, это был буржуазный республиканец Эдмон Адан[61],— с развернутыми знаменами и барабанным боем подошел вплотную к мосту, отделяющему площадь Согласия от Дворцовой площади и здания Законодательного корпуса. Мост охранялся со стороны площади Согласия конной жандармерией, со стороны Дворцовой площади — пешими полицейскими войсками. Далее линейные войска охраняли Дворцовую площадь и Бурбонский дворец.

Сопоставление многочисленных показаний участников описываемых нами событий, как бы различны ни были эти показания в деталях, приводит к одному определенному выводу: правительственные войска, охранявшие мост со стороны площади Согласия, а затем те, которые охраняли его с другого конца, со стороны Дворцовой площади, как только к ним вплотную подошли батальоны национальных гвардейцев, отступили, не оказав сколько-нибудь серьезного сопротивления. Место правительственных войск повсюду заняли национальные гвардейцы буржуазных батальонов. С этого момента они охраняли «порядок».

Слабое сопротивление правительственных войск объяснялось деморализующим действием, *которое оказало на* них военное поражение империи. Военный министр был уже с утра 4 сентября предупрежден об «опасных настроениях» солдат в казарме имени Наполеона. В ней находилось около 1500 солдат 30 и 31-го линейных полков. Казарма соединялась с Бургонским дворцом подземным ходом. «Вся моя казарма в крайнем возбуждении,— сообщал генерал Моньоы.— Вокруг нее то и дело расхаживают люди, выкрикивающие: «Да здравствует республика!». Солдаты из окон отвечают такими же возгласами»[62]. Полковник Аллавен, командир жандармских войск, охранявших 4 сентября Законодательный корпус, засвидетельствовал позднее в своих показаниях, что «линейная пехота браталась с народом. Солдаты побросали ружья в саду, примыкавшем к резиденции председателя палаты». «Для меня ясно,— заявил бонапартистский жандарм,— что солдаты были обработаны с утра... Мне стало известно, что между солдатами и народом имелось общение и пагубные связи и что солдаты были предрасположены к нарушению своего долга»[63].

Однако существовала также другая причина, заставившая правительственные войска отступить без сопротивления. О ней умолчали буржуазные республиканцы и орлеанисты. Правительственные войска, как это позволяет установить следственный материал о событиях 4 сентября, отступили по приказу генерала Косада, командовавшего войсками, охранявшими Законодательный корпус. Он .был за несколько дней до того назначен на этот пост по рекомендации Трошю[64]. Приказ об отступлении был дан генералом Косадом именно тогда, когда к мосту, ведущему к Бурбонскому дворцу, вплотную подошел со стороны площади Согласия вооруженный батальон национальной гвардии во главе со своим командиром. Рядом с генералом в тот момент находился левый депутат Кремье[65]. Аналогичные распоряжения были даны войскам также в некоторых других пунктах, поблизости от Бурбонского дворца.

Как видим, левые депутаты совместно с генералом Трошю принимали практические меры к тому, чтобы опередить парижских рабочих и заблаговременно расположить буржуазные батальоны национальной гвардии в непосредственной близости к Бурбонскому дворцу для противопоставления их рабочим. С этой же целью они в ночь на 4 сентября расставили преданных им национальных гвардейцев у боковых входов в Бурбонский дворец[66], а с утра 4 сентября, до начала заседания, *начали постепенно проводить в* Бурбонский дворец небольшими группами верных им людей, в том числе национальных гвардейцев[67]. Около Бурбонского дворца можно было видеть 4 сентября преданных Трошю мобилей, покинувших военный лагерь Сен-Мор. Обо всем этом мы узнаем из показаний бонапартистов, которые были убеждены в том, что эти действия направлялись исключительно против империи[68].

Некоторые признания Симона подтверждают наш вывод о том, что левые депутаты и их сообщники орлеанисты забла-

[60] См. G. Da Costa. Op. cit., t. Ill, p. 314-315.

[61] P. Bondois. Histoire de la revolution de 1870—71. Paris, 1888 p. 128.

[62] «Actes», t. VII, p. 99. Note relative au nombre des troupes placees sous le commandement du gen. de Caussade 4 sept. 1870 et mises a *sa* disposition pour empecher l'envahissement de l'Assemblee.

[63] «Actes», t. V, p. 388. Deposition Allavene.

[M] Ibid., p. 101. Deposition Duvernois.

[e5] Ibid., p. 388, 389. Deposition Allavene; ibid., p. 396. Deposition Jacob; ibid., p. 372. Deposition Hebert; ibid., p. 101. Deposition Duvernois.

[66] Ibid., p. 69, Deposition David.

[67] Ibid., p. 74. Deposition Palikao; ibid., p. 396. Deposition Jacob; ibid., p. 388. Deposition Allavene; «Actes». t. I. p. 182. Rapport Daru.

[03] См., напр., «Actes», t. V, p. 69. Deposition David.

говременно принимали меры к тому, чтобы воспрепятствовать установлению республики, возглавленной революционным правительством. «Многие,— сообщил Симон,— привели с собой 4 сентября к Законодательному корпусу национальных гвардейцев, чтобы с их помощью отстоять порядок в случае, если начнется опасное для общественного спокойствия движение» [69]. Эти «многие», как выясняется из последующих признаний того же депутата, были связаны с левыми депутатами. Одного из них, мэра парижского предместья Нейи, приведшего с собой вооруженный отряд буржуазных национальных гвардейцев, Симон открыто называет в своих мемуарах.

Троило намеревался сосредоточить в своих руках, в качестве военного губернатора Парижа, охрану Законодательного корпуса. Он предполагал окружить Бурбонский дворец национальными гвардейцами, главным образом прибывшими вместе с ним из Шалона мобилями. Надо полагать, что и назначение 2 сентября генерала Ламотружа, друга Трошю, командующим парижской национальной гвардией [70] было связано с этим намерением Трошю. План Трошю расстроил военный министр Паликао, не доверявший генералу и взявший лично на себя руководство охраной Законодательного корпуса.

Левые депутаты были, несомненно, осведомлены о намерении генерала Трошю. Поэтому они 4 сентября выступили в Законодательном корпусе с протестом против отстранения национальной гвардии от охраны Законодательного корпуса. «Достоинство страны, как и достоинство палаты, являющейся единственной властью, представляющей нацию,— заявил депутат Кератри, поддержанный Фавром, Пикаром и другими депутатами левой фракции,— требуют того, чтобы нас охраняла не полиция и не жандармерия, а национальная гвардия. Я удивлен, что военный министр граф Паликао отдал распоряжение, идущее вразрез с распоряжениями генерала Трошю. Я вынужден поэтому заявить, что военный министр вышел за рамки своих полномочий» [71].

Паликао категорически отказался пойти на какие-либо уступки в этом вопросе. Он напомнил левым депутатам об их постоянном страхе перед народом. «На что жалуетесь вы? — возмущенно заявил он в ответ.— На то, что я слишком много стараюсь для вас? Я расставляю вокруг Законодательного корпуса войска в количестве, достаточном для того, чтобы полностью обеспечить свободу обсуждений, а вы еще жалуетесь на это! Если бы я не расположил войска, вы жаловались бы на то, что я подвергаю Законодательный корпус опасности, проистекающей от разыгрывающихся вовне страстей» [72].

В требовании левых депутатов заменить национальной гвардией охранявшие Законодательный корпус правительственные войска бонапартисты усматривали заговор против империи, нити которого, как они считали, шли от генерала Трошю. В действительности заговор Трошю и его соучастников, левых депутатов, был направлен против рабочих масс, в лице которых орлеанисты и буржуазные республиканцы видели для себя после Седана главную опасность. Передовые рабочие Парижа и их руководители, по словам самих же буржуазных республиканцев, «питали к членам левой оппозиции по меньшей мере' такую же ненависть, как к депутатам большинства» [73].

Можно полностью согласиться с утверждениями левых депутатов об их непричастности к свержению империи. «Левая фракция,— писал, например, в 1874 г. Жюль Симон,— не имела 4 сентября 1870 г.— *Э. Ж-* никаких связей с главарями банд,, которые могли находиться в толпе... Левая фракция не только не желала захвата палаты; она этого страшилась» [74]. Что касается лично его, то он, по его словам, «ни прямо, ни косвенно не способствовал захвату Законодательного корпуса», он боялся такого захвата и до последней минуты надеялся, что палата возьмет на себя осуществление переворота». «Я вообще страшусь действий масс,— заявил Симон,—ибо никогда нельзя знать, на чем они остановятся» [1b].

Буржуазные республиканцы использовали 4 сентября против рабочих вооруженную национальную гвардию, сформированную при империи, а она, как указывал в то время Энгельс, состояла «из буржуазии, преимущественно из мелких лавочников», которые «представляют собой силу, организованную для борьбы не столько с внешним врагом, сколько с внутренним» [76].

3

Под напором народных масс, в рядах которых действовали бланкисты, «приободренные появлением рабочих парижских предместий» [77], вооружённая охрана непосредственно у Бурбон-

«Actes», t. V, p. 225. Deposition Simon.
Gen. T r o e h u. Uhe page d'histoire contemporaine..., p. **48—49**
«Annales...» Corps Legislatif. Seance de jour du 4 septembre 1870, p. 365

[72] «Annales...» Corps Legislatif, p. 366; «Actes», t. V, p. **125.** Deposition Trochu.
[73] J. S i m o n. Origine et chute du Second empire, p. 371.
[74] Ibid.
[76] «Actes», t. V, p. 226. Deposition Simon.
[76] Ф. Э н г е л ь с. Заметки о войне. К- М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч т. XIII, ч. II, стр. 127.
[77] G. Da C o s t a. Op. cit., p. 317.

ского дворца и на ближайших подступах к нему,— в том числе буржуазные части национальной гвардии, заменившие в разных пунктах правительственные войска,— была оттеснена. «Двор, оба парка, все кулуары, все залы,— сообщал в качестве очевидца Жюль Симон,— были наводнены народом. Люди стремглав бросились к лестницам, дрожавшим под тяжестью ног... Со всех сторон раздавались возгласы: «Долой империю! Долой Законодательный корпус! Да здравствует республика! Республика провозглашена!» [78].

В зале заседаний, куда хлынул народ, находилось не более 12—15 депутатов: в комиссиях все еще шел торг относительно условий передачи власти Законодательному корпусу и состава будущего правительства. Тщетно пытался находившийся в зале председатель Законодательного корпуса водворить порядок при помощи левых депутатов Кремье и Гамбетты. Возгласы: «Низложение! Да здравствует республика!» были неизменным ответом ворвавшихся в палату масс. Особенно усердствовал в своих настояниях Гамбетта, взывавший к соблюдению «порядка и строгой законности» и убеждавший присутствующих «предоставить своим депутатам полную свободу обсуждения» [79].

Бланкисты растеряли в переполненных до отказа кулуарах дворца своих людей. К тому же они не сразу отыскали зал заседаний. На каждом шагу им преграждали путь расставленные у входов и выходов национальные гвардейцы. В одном из помещений дворца они натолкнулись на совещавшихся орлеанистов, депутатов левого центра; среди них был Тьер, который спешно ретировался[80]. Когда они, наконец, оказались у входа в зал заседаний и, отстранив стражу, ворвались в него, то им стало ясно, что они не смогут немедленно провозгласить республику: их было для этого слишком мало. На трибуне находился Гамбетта. «В настоящих условиях,— ораторствовал он, обращаясь к присутствующим,— каждый из вас обязан охранять порядок... Если вы хотите показать пример самого сознательного и свободного народа, заклинаю вас, соблюдайте порядок, пока идет наше обсуждение» [81]. На этом же настаивал бонапартист Шнейдер. Восхваляя высокий патриотизм левого депутата, он, подобно ему, также повторял, что «истинная свобода есть та, которой сопутствует порядок»[82].

[73] J. Simon. Origine et chute du second empire, p. 387.

[79] «Annates...» Corps Legislatif. Seance de jour du 4 septembre 1870 p. 368.

[80] M. Dommanget. Op. cit., p. 25.

[81] «Annates...» Corps Legislatif. Seance de jour du 4 septembre 1870, p. 368.

[82] Ibid., p. 36».

Бланкисты удалились из зала, чтобы привести с собой побольше людей.

Между тем совместные усилия Шнейдера и Гамбетты, старавшихся предотвратить провозглашение республики[83], не приводили к желательным для них результатам. «Мы знаем, кто вы такой!» — раздавались враждебные голоса в ответ бонапартисту Шнейдеру. Паликао и некоторые депутаты-бонапартисты, считая, повидимому, опасным оставаться в зале, удалились. Вслед за ними поднялся с председательского кресла и Шнейдер. Левые депутаты, однако, не сдавались. Они водворили Шнейдера на его место и, сменяя друг друга на трибуне, общими силами старались «образумить» народ. «Вы знаете меня? Я — депутат Жиро из департамента Шер,— убеждал один из них.— Никто не вправе относиться ко мне с подозрением. Я настоятельно прошу не допускать тирании... Перед наступающим врагом не должно существовать никаких политических партий. Сейчас должна быть одна единая политика, единая Франция, дающая отпор нашествию и охраняющая свой суверенитет» [84]. Выступали Стенакерс, Шуазель, Кератри, снова и снова Гамбетта, восемь раз поднимавшийся в этот день на трибуну. Словно в ответ на их увещевания, которые были бессильны унять все возраставший гул, в зал вторично ворвались бланкисты с возгласами «Вперед! Да здравствует республика!», увлекая за собой новый поток толпившихся в кулуарах манифестантов. Прибывшие заняли скамьи, заполнили проходы на галереях, в амфитеатре, окружили стол секретарей-редакторов, пюпитры стенографов. Возгласы: «Низложение! Да здравствует республика!» с новой силой огласили **зал.** В невообразимом шуме тонул голос председателя, объявившего заседание закрытым. Покинув свое место, Шнейдер спустился с трибуны и вышел из зала. Было около 3 часов дня[85].

Когда председатель палаты удалился, его место заняли бланкисты Маршан, Гранже, Левро. Маршан с помощью председательского колокольчика старался водворить тишину. Гранже, перекрывая своим зычным голосом стоявший в зале шум, обратился к присутствующим со следующими словами:

[83] Впоследствии Жюль Фавр, описывая события 4 сентября в Законодательном корпусе, следующим образом отозвался о совместном выступлении Гамбетты и Шнейдера: «Нельзя не признать, что депутат, выступавший от имени оппозиции, разговаривал с толпой тем же языком, что и законный глава палаты: тот и другой, воодушевленные общим им чувством, искренним желанием достигнуть парламентского решения, исчерпали себя в тщетных усилиях добиться освобождения зала л свободы обсуждения». См. J. Favre. Op. cit., t. I, p. 74.

[84] «Annates...» Corps Legislatif. Seance de jour du 4 septembre 1870, p. 369

[85] Ibid., p. 369—370.

«Граждане! Ввиду наших величайших бедствий, ввиду постигших отечество несчастий, парижский народ завладел этим помещением, чтобы провозгласить в нем низложение империи и установление республики. Мы требуем от депутатов, чтобы они декретировали, то и другое»[86].

Буржуазным республиканцам стало ясно, что в случае их дальнейшего сопротивления они предоставят возможность бланкистам провозгласить республику и сформировать революционное правительство. Гамбетта, обменявшись несколькими словами с другими,левыми депутатами, снова очутился на трибуне. Жюль Ферри в это время с помощью нескольких национальных гвардейцев удалил с председательского места бланкистов. Гамбетта сделал новую попытку призвать народ к спокойствию и терпеливому выжиданию решения палаты. В ответ раздавались лишь возгласы: «Да здравствует республика!». Тогда он, наконец, решился огласить декрет, заранее подготовленный левой фракцией. «Принимая во внимание,— гласил декрет,— что отечество находится в опасности, что национальному представительству было дано необходимое время для низложения императора.— *Э. Ж-,* что мы являемся законной властью, избранной путем всеобщей и свободной подачи голосов, мы заявляем, что Луи-Наполеон Бонапарт и его династия навсегда прекратили царствование во Франции»[87].

Это была новая попытка обмануть народ: низложить Наполеона III, не провозгласив республики, а передав власть Законодательному корпусу. Уловка, однако, не удалась. «А республика? — раздались со всех сторон голоса.— Мы хотим двух вещей: низложения, а затем республики! Империя повержена,— повержена навсегда вместе со своим главой, не сумевшим даже умереть!». Эти слова, как гласит стенографический отчет, произнес «молодой человек, с виду студент», надо полагать, один из бланкистов. С новой силой зазвучали требования провозглашения республики. Наступил критический момент. Провозгласить в такой обстановке республику значило разделить власть с бланкистами. Гамбетта бросился к появившемуся в этот момент в зале Фавру. Мгновенно договорившись между собой, оба они поднялись на трибуну. «Хотите вы или не хотите гражданской войны,— кричал, угрожая, Фавр,— заклинаю вас, не устраивайте кровавого дня... Не вынуждайте храбрых французских солдат... направить против вас оружие. Их оружие должно быть направлено только против иноземцев. Будем же единодушны; пусть нас объединяет идея патриотизма и'Демократии». Однако ему в ответ упорно неслись требования: «Да здравствует республика!». Тогда Фавр выкрикнул: «Республика? Но ведь не здесь ее следует провозгласить, а в ратуше!». «Граждане, .за мной, в ратушу!» — вторил Фавру Гамбетта. И спустившись с трибуны, оба они продолжали призывать: «В ратушу! в ратушу!». Однако другие голоса,— они принадлежали бланкистам,— настаивали: «Нет! Здесь должна быть провозглашена республика! Мы ее провозглашаем! Республика провозглашена!». Бланкист Пейрутон устремился к трибуне со словами: «Провозгласим республику здесь! Да здравствует республика!». Между тем Гамбетта и Фавр, за которыми последовала часть присутствующих, направились к выходу. Их сторонники бросали в толпу множество клочков бумаги с крупно начертанными на них словами: «В ратушу!». Сбитые с толку, неспособные из-за стоявшего в зале шума разобраться в происходившем, люди последовали за удалившимися из зала левыми депутатами.

Буржуазные историки обычно умалчивают об истинных побуждениях левых депутатов, когда они 4 сентября повели за собой в ратушу народные массы Парижа, добивавшиеся провозглашения республики в Законодательном корпусе. «Во Франции,— пишет, например, английский историк Бэри,— революция имеет свои традиции. Именно в ратуше было образовано временное правительство в 1830 и 1848 гг. В глазах Фавра, который сам был деятелем 1848 г. и обладал сентиментальным складом характера, параллель между 1830 и 1848 гг. была столь же заманчива, сколь очевидна, и это побудило его следовать по стопам Ламартина»[88]. Такое объяснение поведения левых депутатов, в частности Фавра, получившее хождение в буржуазной историографии[89], не выдерживает критики.

Сам Фавр в своих позднейших признаниях откровенно заявил, что когда 4 сентября он увидел на трибуне Законодательного корпуса бланкистов, в нем ожили «воспоминания об ужасах» майских дней 1848 г. «Что меня особенно поразило 15 мая,—-объяснял он в своих показаниях,— так это профанация палаты, это законы, принятые путем голосования инспирированной Барбесом толпой, в особенности закон о миллиардном налоге на богатых. Я опасался возобновления подобных сцен. Надеяться на то, что толпа удалится сама, было иллюзией»[90]. Поэтому Фавр и бросил в толпу клич: в ратушу! «Это внезапно пришедшее мне на ум решение,— объяснял он,— • имело то преимущество, что освобождало палату от народа, предотвращало кровавое столкновение, которое могло произойти в ее стенах, предупреждало дерзкое предприятие, в результате

[88] G. Da Costa. Op. cit., p. 319.

[87] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 397—398.

88 т р т Burv. Op. cit., p. 61.

"См.," напр., E. Lavisse: Histoire de France contemporame, 1. VII, p. 247. , .„

[90] «Actes», t. V, p. 150. Deposition Favre.

которого руководство движением оказалось бы в руках неистовой, крамольной партии»[91]. Яснее нельзя раскрыть мотивы, которыми руководствовались левые депутаты, уводя народ в ратушу, как и невозможно откровеннее признаться в готовности буржуазных республиканцев вооруженным путем разрешить спор о власти между ними и представителями рабочих.

Не соответствующую действительности роль отводят буржуазные историки и Гамбетте. Даже те из них, которые признают, что 4 сентября «Гамбетта сделал все от него зависевшее, чтобы умерить нетерпение толпы, восстановить порядок и обеспечить законный переход власти в руки правительства, законно избранного Законодательным корпусом», обычно утверждают, наряду с этим, будто Гамбетта вел 3—4 сентября двойственную политику в отношении империи, будучи в действительности «далеко не таким противником того, чтобы взять на себя ответственность за установление республиканского правления, как он старался позднее доказать»[92]. На деле Гамбетта, как свидетельствуют источники, и до и после Седана был противником провозглашения республики. На это указывает и его поведение в Законодательном корпусе, а затем в ратуше, куда он и Фавр направились в сопровождении многочисленных масс народа,— один во главе тех, кто шел вдоль левого берега Сены, другой — во главе других, шедших вдоль правого берега. К ним присоединилась часть депутатов левой фракции.

На мосту Сольферино Фавр столкнулся с генералом Трошю, направлявшимся верхом к Законодательному корпусу. Трошю с вечера 3 сентября отсиживался в Лувре, получая информацию о происходящем в городе от офицеров своего штаба и выжидая момента, когда окончательно определится ситуация. После того, как правительственные войска на подступах к Бурбонскому дворцу отступили перед национальной гвардией, квестор палаты генерал Лебретон бросился в Лувр к Трошю, чтобы убедить его в необходимости прийти на помощь правительству. Бонапартист Лебретон доказывал генералу, что только он один способен спасти империю, благодаря большой популярности, которой он пользуется в Париже[93]. Настояния Лебретона заставили Трошю направиться к Законодательному корпусу. Он, однако, не спешил прибыть туда.

По пути Трошю обступила многочисленная толпа, требовавшая, чтобы он вместе с нею приветствовал «социальную республику». В ужасе бросился он прочь, давя копытами своей лошади теснившихся кругом людей. На набережной у моста Сольферино он встретился с направлявшимися в ратушу левыми депутатами во главе с Фавром. Трошю имел крайне взволнованный вид. Только что происшедший инцидент произвел на него, по его собственному признанию, «гораздо более ошеломляющее и удручающее впечатление, чем революции 1830 и 1848 гг.», свидетелем которых он был[94].

Фавр сообщил генералу о захвате Законодательного корпуса народом и о намерении левых депутатов сформировать в ратуше правительство. Трошю,— свидетельствует очевидец этой встречи, французский писатель Поль Робике, участвовавший в событиях 4 сентября в качестве мобильного гвардейца и случайно.оказавшийся рядом с генералом во время его разговора с Фавром,— одобрил действия Фавра и его коллег, заявив о своем присоединении к ним[95]. Он повернул обратно к Лувру.

4

Было около 4 часов дня, когда оба потока манифестантов во главе с Фавром и Гамбеттой почти одновременно прибыли к ратуше. На ее вышке развевалось красное знамя, символ победы рабочей революции[96]. Его водрузили рабочие парижских предместий. Гревская площадь кишела людьми. Охранявшие ратушу правительственные войска не оказали никакого сопротивления народным массам, устремившимся в помещение ратуши вслед за прибывшими депутатами, которых, по выражению Фавра, «внес» туда людской поток. Буржуазные республиканцы застали там опередивших их бланкистов и якобинцев, намеревавшихся в этот момент огласить в переполненном до отказа главном зале список членов революционного правительства. В этом списке, наряду с некоторыми левыми депутатами, фигурировали имена Бланки, Флуранса, Делеклюза, Феликса Пиа, Рошфора. «Когда Жюль Фавр вошел в главный зал,— сообщает в этой связи Жюль Симон,— он, едва бросив взгляд по сторонам, убедился в том, что люди, совершившие нападение в Ла Виллет[97], осуществившие захват Законодательного корпуса, находились здесь. Окружавшие его друзья сообщили ему и о присутствии здесь завсегдатаев клубов, которых они знали лучше, чем он, и даже назвали ему некоторые имена»[98]. В числе названных лиц был, в частности, Мильер, будущий деятель Коммуны, проявивший в этот день большую актив-

[91] J. Favre. Op. cit., p. 77.

[92] J. P. T. Bury. Op. cit., p. 63; «Actes», t. V, p. 248: Deposition Gambetta; «Actes», t. I, p. 182—183. Rapport Daru.

[93] Gen. Trochu. Oeuvres posthumes, t. I, p. 181—182.

[94] Gen. Trochu. Une page d'histoire contemporaine..., p. 52.

[95] P. Robiquet. Op. cit. «Revue bleue», 1889, № 10, p. 312; R. Dreyfus. Op. cit., p. 132.

[96] «Actes», t. V, p. 390. Deposition Bescherelle.

[97] Симон имел в виду бланкистов.

[98] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 413.

ность. «Не сопротивление бонапартистов и солдат являлось в этот момент главной опасностью для лидеров новой оппозиции, а соперничество республиканцев»,— признает английский историк Бэри, выражая явное сочувствие левым депутатам ".

Необходимо было действовать быстро и решительно, чтобы предотвратить участие бланкистов и неоякобинцев в новом правительстве. Фавр, стараясь выиграть время, обратился к присутствующим с пространным призывом соблюдать спокойствие, «вести себя как подобает великой нации, которая вновь обрела свободу», и т. д. Но его попытка была безуспешна. «Да здравствует республика!» — неизменно раздавались в ответ возгласы, выражавшие непреклонную волю парижских рабочих. Фавру ничего не оставалось как провозгласить республику. Дальнейшее сопротивление было небезопасным [шо].

Тем временем, левые депутаты, покинув зал заседаний и отыскав в дальних кулуарах дворца небольшую комнату, спешно приступили под охраной преданных им людей к составлению окончательного списка членов временного правительства, тайно намеченного ими вечером 3 сентября, в то время, когда еще шла речь об образовании правительственного комитета из представителей различных фракций Законодательного корпуса. Этот другой, секретный список членов временного правительства, по свидетельству депутата Кератри, «был составлен из депутатов левого центра и главным образом из депутатов меньшинства» [,01], иными словами, из буржуазных республиканцев и орлеанистов.

Совещание левых депутатов затягивалось. Бланкисты, однако, не воспользовались благоприятным моментом для оглашения состава революционного правительства. Их силы были распылены. Часть бланкистов, выполняя директиву, полученную 3 сентября от Бланки, устремилась к тюрьме Сент-Пелажи освобождать политических заключенных. В ратуше бланкистов было числецно недостаточно для того, чтобы успешно действовать против левых депутатов, бросивших сюда главные свои силы и исполненных решимости прибегнуть к любым средствам, только бы не допустить к власти представителей рабочих. Бланкисты с нетерпением ожидали прибытия в ратушу остальных членов их организации вместе с Рошфором, которого должны были освободить из тюрьмы. Готовность Рошфора войти в состав революционного правительства не вызывала у них сомнения [102].

J. P. T. Bury. Op. cit., p. 65.

«Actes»,-t. V, p. 150. Deposition Favre; «Actes», 1.1, p. 188. Rapport Daru. Comte de Keratry. Op. cit., p. 14—15.

G. Da Costa. Op. cit., p. 322.

Тюрьма Сент-Пелажи была атакована рабочими, явившимся туда вместе с бланкистами. Рошфор и другие политические заключенные были освобождены [102a] «Рошфор — мэр Парижа!» неслись приветственные возгласы. Повязанный красным шарфом, он триумфально следовал в открытой коляске по улицам Парижа, направляясь к ратуше. На всем пути его приветствовал народ как будущего .мэра столицы.

Но вот Рошфор прибыл на Гревскую площадь. Его внесли на руках в ратушу. «Знаменитого составителя «Фонаря», окруженного экзальтированными людьми,— рассказывает очевидец этих событий,— поставили на стол и предложили ему огласить состав правительства» [103]. Это был, несомненно, список членов революционного правительства, составленный бланкистами и присутствовавшими в ратуше неоякобинцами.

Буржуазные республиканцы предпочли впоследствии умолчать о том, что в момент, когда Рошфор, стоя у окна ратуши, должен был огласить перед собравшимися на Гревской площади состав революционного правительства, в числе членов которого находился и он сам, рядом с ним появился Жюль Ферри, предупрежденный о происходившем и устремившийся сюда, чтобы расстроить планы бланкистов. Ферри увлек Рошфора в комнату, где заседали левые депутаты. Там Рошфор был введен в состав правительства, сформированного из одних депутатов от Парижа. Идея создания именно такого правительства принадлежала Жюлю Ферри. Она имела целью не' допустить к власти бланкистов и неоякобинцев.

Вводя Рошфора в состав создаваемого ими правительства, левые депутаты прежде всего стремились отвоевать его у бланкистов и вместе с тем поднять в глазах широких масс населения Парижа престиж нового правительства, поскольку Рошфор продолжал пользоваться огромной популярностью. Левые депутаты не переоценивали Рошфора как революционера. Фавр уже в этот день, 4 сентября, заявил, что, по его мнению, лучше иметь Рошфора в составе правительства, чем вне его. Буржуазные республиканцы не усматривали для себя каких-либо неудобств, если в числе членов правительства будет Рошфор.

Рошфор сыграл немаловажную роль в борьбе за власть, происходившей 4 сентября между буржуазными республиканцами и бланкистами. Из двух правительств, одновременно намечавшихся в этот день в парижской ратуше, более приемлемым для Рошфора, несомненно, являлось буржуазное правительство Жюля Фавра и Ферри. Недаром он был так взволнован порученной ему бланкистами миссией — огласить состав револю-

[102a] Бланкисты Эд и Бридо, приговоренные к смертной казни по «делу Ла Виллет», были утром 5 сентября освобождены из тюрьмы Шерш-Миди.

[103] P. Robiquet. Op. cit. «Revue bleue», 1889, № 10, p. 312.

ционного правительства, в которое он был введен помимо его согласия. «В оцепенении, с бледными, сомкнутыми губами» стоял он у окна ратуши, выходившего на Гревскую площадь. Об этом сообщает видевший его в тот момент будущий, французский историк Олар, в то время двадцатилетний национальный гвардеец, находившийся, в числе прочих, на Гревской площади вместе со своим другом, будущим историком Дебидуром [104].

Демагогически приписав впоследствии народным массам, находившимся 4 сентября в ратуше, идею создания временного правительства из одних парижских депутатов, Симон цинично подчеркивал: «Если бы не эта счастливая идея, мы, быть может, уже 4 сентября имели бы Коммуну, а вслед за ней через, восемь дней — пруссаков» [105]. Такое же клеветническое утверждение, будто установление 4 сентября революционного правительства Коммуны ускорило бы оккупацию Франции пруссаками, принадлежит также другим левым депутатам и вкупе с ними кровавому палачу французских рабочих — Тьеру [106].

Как только новое буржуазное правительство с участием Рошфора было сформировано, имена его членов были оглашены из окна ратуши. Списки лиц, составивших правительство,, были, кроме того, распространены среди собравшихся на Гревской площади масс [107].

В состав правительства вошло одиннадцать депутатов левой фракции: восемь депутатов от Парижа,— Фавр, Ферри, Эм. Араго, Кремье, Гарнье-Пажес, Рошфор, Пеллетан, Гле-Бизуэн, и три депутата, избранных одновременно в Париже и в провинции, но баллотировавшихся в провинции,— Гамбетта (департамент Устья Роны), Пикар (департамент Эро) и Симон (департамент Жиронда). Пост главы правительства был предоставлен Фавру.

Так же ловко, как правительственными местами, завладели буржуазные республиканцы и парижским муниципалитетом. Рабочее население, как мы видели, прочило на пост мэра Парижа Рошфора. Рассматривая парижский муниципалитет как революционный орган власти, призванный продолжить традиции Парижской Коммуны 1792—1794 гг., рабочие, естественно, хотели видеть мэром Парижа человека, способного защищать их интересы. Таким человеком представлялся им тогда Рошфор.

Однако ко времени прибытия Рошфора в ратушу там уже распоряжался в качестве мэра Этьенн Араго, которому при активном участии его племянника Эмануэля Араго, вошедшего в состав временного правительства, был спешно предоставлен этот пост. Предусмотрительный племянник заблаговременно припас трехцветный шарф, которым он опоясал своего дядю, как только тот был возведен в звание мэра. Этьенн Араго в качестве мэра Парижа не представлял для вновь созданного правительства сколько-нибудь серьезной опасности. Этот устаревший, давно сошедший с политической сцены умеренно-республиканский деятель 1848 г. был способен только на «революционное» фразерство. «Он был слишком порядочным человеком, чтобы действовать против империи в качестве заговорщика»,— отзывался о нем один из консервативных французских писателей [108].

Рошфор, так же как Этьенн Араго, был далек от того, чтобы представлять интересы рабочего класса. Но рабочие Парижа -были тогда твердо убеждены, что парижский муниципалитет во главе с Рошфором превратится в революционный орган власти, который возглавит борьбу за упрочение и защиту республики. Если такие расчеты и не были обоснованными, то во всяком случае следует признать, что Рошфор в качестве мэра Парижа вынужден был бы делать известные уступки парижским рабочим в интересах сохранения своей популярности. Это, повидимому, понял 4 сентября и сам Рошфор, и именно потому он с такой готовностью предоставил парижский муниципалитет Этьенну Араго и даже выступил перед собравшимся у ратуши народом с наилучшей аттестацией этого «доброго республиканца». Он демагогически призывал парижский муниципалитет и его главу осуществлять функцию «наблюдения за правительством». Рошфор, как видим, и на этот раз, как и в вопросе о составе правительства, сыграл на руку буржуазным республиканцам.

Буржуазные республиканцы имели, таким образом, полное основание дважды зарегистрировать 4 сентября успех своего маневра с введением Рошфора в состав сформированного ими правительства. Заявление Жюля Фавра о том, что лучше иметь Рошфора в составе правительства, чем вне его, приобретало, следовательно, и тот смысл, что в качестве мэра Парижа Рошфор был опаснее, чем в качестве члена правительства. Вводя Рошфора в состав правительства, левые депутаты тем самым предотвращали опасность того, что Рошфор в роли мэра Парижа, пользующегося широкой поддержкой масс, по необходимости был бы вынужден противопоставлять себя правительству, членами которого они являлись.

[104] См. «La Revolution Francaise», t. 73, 1920, p. 263. A. AularcL Souvenirs du 4 septembre.

[105] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 316.

[106] CM. «Actes», t. V, p. 9. Deposition Thiers; J. Favre. Op. cit., p 93.

[107] «Revue bleue», 1889, № 10, p. 313; «Actes», t. V, p. 430. Deposition Read.

[108] E. Lamy. Le Gouvernement de la defense nationale. «Revue des deux inondes», 15 mai 1896, p. 252.

Для полноты своей победы буржуазные республиканцы считали крайне важным ускорить официальное присоединение генерала Трошю к вновь созданному правительству. Ему были предназначены посты военного министра и военного губернатора Парижа. Два депутата со списком членов нового правительства, из которого был преднамеренно изъят Рошфор, направились к генералу. Убедить Трошю в необходимости явиться в ратушу оказалось нетрудно: для этого достаточно было сообщить ему, что депутаты Парижа желают договориться с ним о его вхождении в состав правительства, крайне необходимом для обеспечения «общественного порядка»[109]. Трошю еще до прихода делегатов заявил начальнику своего штаба, генералу Шмитцу, о своем твердом решении «опередить революцию, чтобы придать ей оборот, который успокоил бы благонамеренных людей»[110].

Буржуазные республиканцы, находившиеся, как мы знаем, до революционных событий 4 сентября в постоянной связи с орлеанистом Трошю, впоследствии лицемерно заверяли, будто после сформирования в ратуше нового правительства они все еще находились в полном неведении относительно того, какую позицию займет в отношении их генерал Трошю, и с волнением ожидали его ответа. «Правительство было провозглашено, но оно не существовало еще на деле. Если генерал Трошю не примет сделанного ему предложения, правительство окажется неспособным обеспечить себе подчинение армии»,— так изображал, например, Жюль Симон положение в тот момент, когда к Трошю была послана делегация. Симон далее описывал «огромную радость», охватившую членов нового правительства «при виде генерала, входившего в комнату», куда они «укрылись». «С облегчением мы сказали себе, что опасность гражданской войны миновала»,— заявляет Симон[111], не сомневавшийся, так же как и его коллеги, в том, что в этот день их пути сойдутся с Трошю.

Трошю, решивший связать себя с буржуазными республиканцами для совместной борьбы против революционного пролетариата, был, однако, твердо намерен запросить за свое сообщничество с ними гораздо больше того, что они намеревались ему предложить. Отправляясь в ратушу, он был заранее убежден в том, что возвратится оттуда главой правительства. «Я иду взять на себя роль Ламартина»,— заявил он, уходя, генералу Шмитцу[112]. Ламартин, возглавивший в 1848 г. буржуазное временное правительство, продолжал Трошю, обеспечил победу во Франции трехцветного знамени над красным[113].

В ратуше Трошю потребовал для себя пост главы правительства, мотивируя это тем, что в качестве главнокомандующего вооруженными силами он должен располагать неограниченными полномочиями[114]. Его требование было удовлетворено. Фавр, первоначально получивший пост главы правительства, удовольствовался ролью заместителя Трошю. Генерал обусловил далее свое участие в правительстве обязательством со стороны членов этого правительства не посягать на семейные устои, собственность, религию. Буржуазные республиканцы успокоили его и на сей счет. Они заверили генерала, что «искренно разделяют эти консервативные принципы»[115].

Сделка с орлеанистом Трошю была совершена при неполном составе правительства. Два его члена, Гамбетта и Пикар, в это время старались опередить друг друга, чтобы заблаговременно, до распределения министерских портфелей, завладеть явочным порядком министерством внутренних дел. Это министерство досталось Гамбетте, а Пикару пришлось удовлетвориться министерством финансов. Одновременно с ними Кремье обосновался в министерстве юстиции. Четвертый из отсутствовавших членов нового правительства, Гарнье-Пажес, все еще отсиживался в Законодательном корпусе, выжидая окончательного исхода событий этого дня. Совместно с бывшими депутатами-монархистами он изыскивал пути соглашения между республиканским правительством и бонапартистской палатой, которую он все еще не считал упраздненной. Таким образом, в переговорах с Трошю участвовало семь из одиннадцати членов правительства. В их числе был Рошфор. «Господин Рошфор с самого начала проявил благоразумие,— сообщал позднее в этой связи член правительства Гле-Бизуэн.— Он присоединился к предложению призвать генерала Трошю»[116]. Со своей стороны, Трошю, которого сначала неприятно поразило неожиданное для него присутствие Рошфора в составе правительства, очень скоро, по его собственному признанию, убедился в том, насколько полезен был Рошфор в качестве члена правительства[117]. Вопрос о полномочиях Трошю был окончательно урегулирован между ним и буржуазными республиканцами около 6 часов вечера.

Ни Тюильрийский дворец, где выжидала исхода событий

[109] См. «Actes», t. V, p. 349. Deposition Steenackers.

[110] «L'Empire et la defense de Paris devant le jury de la Seine», p. 146. Deposition Schmitz.

[111] J. Simon. Origine et chute du Seconde empire, p. 416.

[112] «L'Empire et la defense de Paris devant le jury de la Seine», p. 146. Deposition Schmitz.

[113] Ibid.

[114] J. Favre. Op. cit., p. 80.

[115] J. Simon. Origine et chute du Second empire, p. 423.

[116] A. Glais-Bizoin. Dictature de cinq mois. Paris, 1871, p. 11.

[117] CM. «Actes», t. V, p. 125. Deposition Trochu; «Actes», t. I, p. 186. Rapport Daru.

регентша, ни Люксембургский дворец, где заседал Сенат, не были атакованы парижскими рабочими. В этом не было необходимости. Бывшая императрица беспрепятственно покинула, при содействии австрийского и американского послов, пределы Франции тотчас после того, как рабочие захватили здание Законодательного корпуса.

До конца дня 4 сентября на фронтоне парижской ратуши развевалось красное знамя рабочей революции. Оно было сорвано вечером, в присутствии республиканца Гле-Бизуэна, одним из бонапартистов, продолжавших попрежнему стоять в карауле, охранявшем ратушу[118]. Красное знамя — символ республики труда — было заменено трехцветным знаменем буржуазной Франции.

На первом заседании Временного правительства, состоявшемся в 8 часов вечера 4 сентября, был сформирован кабинет министров. Пост главы правительства занял генерал Трошю, который по совместительству оставался и военным губернатором Парижа. Его заместителем и министром иностранных дел *был* назначен Фавр, министром внутренних дел — Гамбетта, министром финансов — Пикар, военным министром — генерал Лефло, морским — адмирал Фуришон, министром юстиции — Кремье, министром просвещения — Симон, министром общественных работ — Дориан, министром земледелия и торговли — Маньен. Часть министров (Лефло, Фуришон, Дориан, Маньен) не входила в состав сформированного в ратуше правительства. С другой стороны, часть членов правительства (Эм. Араго, Пеллетан, Гарнье-Пажес, Гле-Бизуэн, Рошфор) не получила •министерских портфелей.

Буржуазное временное правительство присвоило себе наименование «правительства национальной обороны.

Революция 4 сентября 1870 г., как показано нами, была совершена рабочими Парижа, свергшими империю Наполеона III, вопреки активному противодействию буржуазных республиканцев, депутатов левой фракции Законодательного корпуса, и их сообщников орлеанистов. Лишенные надлежащего революционного руководства — события 4 сентября еще раз показали неподготовленность социалистов — рабочие заставили левых депутатов провозгласить республику, вопреки их воле.

Приведенные нами факты полностью подтверждают указания Маркса и Энгельса на решающую роль рабочих в революции 4 сентября. «Республика,— писал Маркс в 1871 г.,— была

«Actes», t. V, p. 390. Deposition Bescherelle.

провозглашена 4 сентября не крючкотворами, водворившимися в городской ратуше в качестве правительства обороны, а парижским народом»[119]. Энгельс в 1878 г. также указывал, что именно парижские рабочие «смели в сентябре 1870 г. изжившую себя империю, к которой буржуазные радикалы не имели смелости и прикоснуться»[120].

Характеризуя инициативу, проявленную трудящимися массами 4 сентября 1870 г., необходимо учесть и тот знаменательный факт, что в ряде индустриальных центров,— Лионе, Марселе, Тулузе и других — где противодействие буржуазии было менее сильным чем в Париже, были созданы революционные Коммуны. За короткое время своего существования эти революционные органы власти в провинции, особенно в Лионе, успели осуществить, как увидим в дальнейшем, ряд радикальных политических и социальных мероприятий и принять ряд постановлений, некоторые из которых предвосхищали декреты Парижской Коммуны 1871 г.

Плоды, добытые 4 сентября 1870 г. французскими рабочими, присвоили орлеанисты и буржуазные республиканцы. Политическое лицо буржуазного временного правительства, сформированного в Париже в день свержения Второй империи парижскими рабочими, кратко, но выразительно охарактеризовал В. И. Ленин следующими словами: «Либеральные пройдохи захватывают власть»[121].

Известие о крушении империи и о провозглашении республики было встречено с энтузиазмом народными массами Франции, в том числе значительной частью крестьянства, которую окончательно оттолкнуло от империи ее поражение в войне.

[119] К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции». «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 267.

[120] Ф. Энгельс. Европейские рабочие в 1877 году. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 402.

[121] В. И. Ленин. План чтения о Коммуне. Соч., т. 8, стр. 180.

Глава VIII

ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ПЕРВЫЕ ДНИ РЕСПУБЛИКИ

1

Война изменила свой характер. После крушения милитаристской империи Наполеона III она не являлась более оборонительной для Германии. Она грозила превратиться в завоевательную войну с немецкой стороны в случае отказа прусского правительства заключить почетный мир с французским народом, провозгласившим республику. Генеральный совет Интернационала,— как мы помним,— еще в первые дни войны, в воззвании от 23 июля 1870 г. к членам Международного товарищества рабочих в Европе и Соединенных Штатах, предупреждал немецкий рабочий класс об агрессивности господствующих классов Пруссии и предостерегал его, чтобы он не допустил вырождения оборонительной войны в войну против французского народа.

Поведение передовых немецких рабочих в июле 1870 г. давало основание Генеральному совету рассчитывать на то, что они и в дальнейшем останутся верны принципам Интернационала. Передовые немецкие рабочие присоединились к протесту французских секций Интернационала против войны и горячо откликнулись на их призыв. «Мы — враги всяких войн, но прежде всего — войн династических,— гласила резолюция огромного рабочего собрания в Брауншвейге, состоявшегося 16 июля 1870 г.— ... Мы призываем весь рабочий класс Германии сделать невозможным повторение столь ужасного социального несчастья, добиваясь при этом для народов власти самим решать вопрос о войне и мире и делая таким образом народы господами своей собственной судьбы». Собрание представителей 50 тыс. саксонских рабочих, состоявшееся в Хемнице, провозглашало в единогласно принятой резолюции: «С радостью пожимаем мы братскую руку, протянутую нам французскими рабочими. Памятуя лозунг Международного Товарищества Рабочих: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»,* мы никогда не забудем, что рабочие *всех* стран — наши *друзья,* а деспоты *всех* стран — наши *враги».* В таком же духе высказались берлинская секция Интернационала[2], многолюдные собрания рабочих Бремена, Мюнхена, Бреславля и других мест[3].

В знак солидарности с французским пролетариатом гамбургские литейщики в двадцатых числах июля оказали денежную помощь бастовавшим свыше трех месяцев парижским литейщикам[4].

С законной гордостью за передовых рабочих Франции и Германии Генеральный совет Интернационала в воззвании от 23 июля заявлял: «В то время как официальная Франция и официальная Германия бросаются в братоубийственную борьбу, французские и немецкие рабочие посылают друг другу вести мира и дружбы. Уже один этот великий факт, не имеющий себе равного в истории, открывает надежды на более светлое будущее. Он показывает, что в противоположность старому обществу с его экономической нищетой и политическим безумием нарождается новое общество, международным принципом которого будет — *мир,* ибо у каждого из пародов будет один и тот же властелин — *труд!* Провозвестником этого нового общества является Международное Товарищество Рабочих»[5].

Между тем господствующие классы Пруссии все более разнузданной шовинистической пропагандой старались разжечь воинственный пыл у немецкого народа. В конце июля 1870.г. Энгельс писал Марксу о том, что в Пруссии снова поднялся «старый вой из-за Эльзас-Лотарингии»[6].

Захватнические притязания Пруссии в отношении граничивших с ней двух восточных провинций Франции приобрели чрезвычайную остроту в годы, предшествовавшие франко-прус-

[1] См. К. Маркс. Первое воззвание Генерального совета Международного товарищества -рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 445—449.

[2] К. Марке. Первое воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 448.

[3] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. П/30. Minutes of the General Council of the I International. 1870. Council meeting, August 2. Сообщение Маркса.

[4] «Le Rappel», 25 juillet 1870.

[5] К. Маркс. Первое воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 449.

[6] Энгельс — Марксу. 31 июля 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 365.

ской войне. Немецкие реакционные публицисты, поэты и ученые, служившие интересам господствующих классов, требовали аннексии Эльзаса и Лотарингии. Среди множества брошюр, Появившихся на эту тему в Пруссии в предвоенные годы, обращает на себя внимание вышедшая в 1860 г. в Берлине анонимная брошюра под названием «Elsass und Lothringen deutsch», в которой пространно доказывалось, насколько ошибочна была в 1815 г. политика Германии, упустившей тогда Эльзас и Лотарингию. Сейчас, говорилось в брошюре, «от нас зависит, чтобы на карте Европы Эльзас и Лотарингия вновь входили в состав Германии. Долг печати, и особенно школы, помочь нам в этом деле... Всё, что нас приближает к объединению, приближает одновременно и надежду на то, что мы вновь обретем Эльзас и Лотарингию» [7]. По свидетельству французского публициста А. Дюмона, современника франко-прусской войны, «на вогезских курортах начиная с 1865 г. можно было видеть географические карты, на которых Эльзас и немецкая Лотарингия были включены в состав Германии» [8].

Прусское правительство в годы Второй империи развило во Франции, особенно в Эльзасе и Лотарингии, активную шпионскую деятельность. Многочисленные немецкие «туристы» ежегодно наводняли курорты департамента Нижний Рейн [9].

После объявления войны 1870 г. и в ходе ее развития в Пруссии еще настойчивее раздавались требования отторжения от Франции Эльзаса и Лотарингии. Профессора Теодор Момзен [10], Генрих Трейчке [11], Адольф Вагнер [12], Вильгельм Мауренбрехер [13], Бернгард Вернеке [14], поэт Освальд Марбах [15] и многие другие своими устными и печатными выступлениями разжигали шовинистические настроения среди немецкого населения. Такую же. роль играла националистическая и либеральная периодическая печать. Захватнические мотивы звучали во множестве песен немецкой армии.

[7] «Elsass und Lothringen deutsch». Berlin, 1860.

[8] A. Dumont. L'administration et la propagande prussienne en Alsace. Paris, 1871, p. 4.

[9] Ibid, p. 5.

[10] См. его послания «К итальянцам», впервые появившиеся в миланских газетах «La Perseveranza» от 10 августа и «II secolo» от 20 августа 1870 г. Оба послания в том же месяце вышли отдельной брошюрой под названием «Agli Italiani». Firenze, 1870.

[11] H. Treitschke. Was fordern wir von Frankreich? Berlin, 1870.

[12] Ad. Wagner. Elsass und Lothringen und ihre Wiedergewinnung fur Deutschland. Lpzg, 1870.

[13] W. Maurenbrecher. Elsass, eine deutsche Provinz. Konigsberer 1870.

[14] B. Wernecke. Elsass und Lothringen. Ein Vertrag gehalten im wissenschaftlichen Verein zu Paderborn am 30 Nov. 1870. Miinster 1871.

O. Marbach. Das Halbiahr Deutschlands. Klange und Lieder Berlir, 1Й7П

Уже в первые месяцы войны появилось множество немецких этнографических брошюр об Эльзасе и Лотарингии. Берлинский географ Генрих Киперт издал три географические карты Эльзас-лотарингского генерал-губернаторства, учрежденного указом прусского короля еще в то время, когда большая часть департамента Верхний Рейн находилась в руках французов. Одна из географических карт Киперта носила название: «Части Германской империи, отторгнутые в XII в., до добровольного присоединения Мюльгаузена к республике в 1798 г.». Вторая карта была лингвистической. Третья воспроизводила географическую карту, изготовленную в Берлине германским генеральным штабом. На ней были нанесены новые границы Германии, включавшие Эльзас и восточную Лотарингию.

10 августа 1870 г., после первых побед прусской армии; Энгельс вторично писал Марксу: «...Вопли об Эльзас-Лотарингии сделались всеобщими» [16]. Пособниками имущих классов выступили лассальянцы, главарь которых Швейцер 21 июля голосовал в рейхстаге за предоставление военных кредитов прусскому правительству. Под влиянием широко развитой националистической пропагандистской кампании, в проведении которой приняли участие лассальянцы, значительная часть немецких рабочих, по примеру других слоев населения, также прониклась шовинистическими настроениями. Только передовые рабочие, шедшие за революционными вождями немецкого пролетариата, А. Бебелем и В. Либкнехтом, сохранили верность принципам социализма и Интернационала. Бебель и Либкнехт; которые мужественно выступили против войны в самом ее начале и не поддержали 21 июля в северо-германском рейхстаге законопроект о предоставлении прусскому правительству военных кредитов, продолжали и в дальнейшем настойчиво и последовательно бороться с трибуны рейхстага и вне его «с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине, национализму» [17], доказывая, что война выгодна только господствующим классам.

После крушения Второй империи и провозглашения республики во Франции передовые немецкие рабочие и социалисты еще более усилили сопротивление завоевательным планам юнкерства и буржуазии, требовавших раздробления французской республики, отторжения от нее в пользу Германии Эльзаса и Лотарингии. Немецкий социалистический пролетариат требовал почетного для Франции мира без территориальных аннексий в пользу победителя и настаивал на признании французской рес-

[16] Энгельс — Марксу. 10 августа 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XXIV, стр. 377.

[17] В. И. Ленин. yterycT Бебель. Соч., т. 19, стр. 265.

публики. Его волю выразил Центральный (Брауншвейгский) комитет германской социал-демократической рабочей партии в манифесте, опубликованном 5 сентября 1870 г.[18]. В центральном органе социал-демократической рабочей партии «Der Volksstaat» Вильгельм Либкнехт 11 сентября торжественно заявил, что немецкие рабочие помнят о предупреждении Генерального совета Интернационала в, воззвании от 23 июля 1870 г. и сумеют исполнить свой долг[19].

Руководители германского пролетариата, авторы манифеста, были заключены в крепость.'Центральный комитет социал-демократической рабочей партии подвергся судебному преследованию по обвинению в государственной измене.

Война продолжалась. Третья и Четвертая немецкие армии, выступившие 2 сентября из Седана под командованием принца Саксонского и кронпринца Прусского, вели наступление на Париж.

2

Под Седаном Вторая империя потеряла свою последнюю действующую армию. По подсчетам одного французского писателя, из 450 тыс. человек, находившихся под ружьем во Франции к началу войны, 50 тыс. остались на полях первых сражений, 100 тыс. оказались пленниками у Седана, 170 тыс. были блокированы в Меце, 80 тыс. составляли гарнизонные войска в осажденных или угрожаемых крепостях, а также в Алжире. Один только корпус Винуа, задержавшийся по приказу Мак-Магона в Мезьере, да кой-какие остатки кавалерии и артиллерии, спасшиеся у Седана, всего в количестве 35 тыс. человек, отступали к столице, преследуемые победителями. Вместе с некоторыми другими людскими ресурсами боевые силы, которыми мог располагать Париж после 4 сентября, составляли, по подсчетам того же автора, о.коло 70 тыс. человек[20]. Энгельс в военной корреспонденции в «Pall Mall Gazette» от 7 сентября 1870 г. называл примерно такую 'же цифру. Кроме того, имелись еще «необученные новобранцы, совершенно непригодные для полевых операций»[21]. Таким образом, немногочисленные военные силы, которые после провозглашения республики представлялось возможным сосредоточить в Париже, состояли из

[18] Текст манифеста Брауншвейгского комитета см. в кн. E. Villetard. Histoire de I'Internationale. Paris, 1872, p. 246.

[19] «Der Volksstaat», 11. August 1870. Politische Uebersicht.

[20] E. Lamy. Le gouvernement de la defense nationale. «Revue des deux mondes», 15 juillet 1896, p. 241—242.

[21] См. Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс Соч., т. XIII, ч. II, стр. 86.

солдат, «едва насчитывавших 15 дней воинского стажа и еще не израсходовавших ни одного патрона из своих шаспо»[22].

Париж, следовательно, был лишен — говоря словами Энгельса — «существенного условия его обороны», а именно регулярной армии, которая прикрывала бы его и обороняла «либо непосредственно в качестве гарнизона, достаточно сильного, чтобы помешать постоянными атаками правильной осаде и даже полному обложению крепости, либо же косвенно, с тем, чтобы, заняв позицию за Луарой, пополнить там свои силы и затем, как только представится удобный случай, произвести нападение на слабые пункты осаждающей стороны»[23]. Гарнизон Парижа в том состоянии, в каком он находился ко времени провозглашения республики, был непригоден для успешной обороны столицы, ибо был крайне мало.числен и плохо обучен.

В таких условиях приобретало решающее значение быстрое вооружение и обучение национальной гвардии Парижа при одновременной организации боевых сил провинции. Это дало бы возможность продлить сопротивление столицы до тех пор, пока на помощь ей не подоспели бы организованные в провинции вспомогательные армии. Материальные и моральные силы страны далеко еще не были исчерпаны после Седана. Впоследствии Гамбетта прямо признавал в своих показаниях следственной комиссии: «Громовой удар, поразивший Францию под Седаном, был способен ее потрясти, но недостаточен, чтобы окончательно ее сразить; в этом я был убежден тогда, как убежден и сейчас»[24]. В сентябре 1870 г. это было ясно не только членам французского временного правительства, но и вражеской стороне. Главнокомандующий немецкой армией фельдмаршал Мольтке также считал Францию способной продолжать войну после Седана. «Несмотря на неудачный до сих пор ход войны,— писал он о военном положении французской республики в сентябре 1870 г.,— столь богатая ресурсами Франция не была полностью обезоружена. Даже не считая франтиреров и добровольческих отрядов, она могла выставить еще миллион человек». Показав, что и с вооружением этих людей дело обстояло после Седана не столь уж плохо, Мольтке приходил к следующему заключению: «Такие боевые ресурсы при живом патриотизме нации, будучи приведены в действие сильной волей, могли оказать продолжительное сопротивление»[25].

Однако «правительство национальной обороны» не было способно привести в действие боевые ресурсы страны и органи-

[22] E. Dreolle. Op. cit, p. 16.

[23] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч т. XIII, ч. II, стр. 85.

[24] «Actes», t. V, p. 249. Deposition Gambetta.

[25] H. Moltke. Geschichte des deutsch-franzosischen Kneges von 1870—71. Berlin 1933, S. 135.

зовать эффективное сопротивление наступавшему на Париж неприятелю, как этого настоятельно требовали государственные интересы Франции. Продолжать войну после Седана, в условиях, когда французская кадровая армия была фактически уничтожена, а немецкие войска почти беспрепятственно двигались к Парижу, можно было только «вооружив... рабочих, образовав из них действительную военную силу, научив их военному искусству на самой войне»[26]. Необходимо было в то же время вооружить широкие массы населения провинции, организовать сопротивление прусским войскам на пути их следования к Парижу. Но буржуазное временное правительство, так же как предшествовавшее ему бонапартистское правительство, больше всего боялось вооружить рабочих, ибо это практически означало — говоря словами Маркса — «вооружить революцию».

Глубокие противоречия разделяли пришедшее 4 сентября к власти буржуазное правительство и французский народ. Народные массы - Франции требовали упрочения завоеванной ими республики, широкой демократизации всего общественного строя, решительной борьбы против реакционных сил, сопротивлявшихся республиканскому переустройству страны. Рабочие видели в этом и залог успеха в борьбе против прусских агрессоров, продолжавших настаивать на своих захватнических притязаниях. Однако для временного правительства, представлявшего интересы крупной буржуазии, требования рабочих были неприемлемы. Оно и не помышляло о том, чтобы двинуть хотя бы на шаг дело республиканского преобразования государственного строя Франции, а, напротив, стремилось положить конец республике, «рожденной мятежом», передать власть Национальному собранию. Реакционный состав Собрания предопределялся уже той поспешностью, с какой предполагалось его созвать: при этих условиях республиканская демократическая предвыборная агитация была бы крайне затруднена.

Поставленное перед необходимостью,— как писал Маркс,— сделать выбор между национальным долгом и классовыми интересами буржуазии, правительство буржуазных республиканцев и орлеанистов с первых дней своего пребывания у власти «превратилось в правительство национальной измены»[27], стало на путь капитуляции перед Пруссией.

Новые правители Франции, однако, тщательно скрывали от рабочих масс свои капитулянтские и антиреспубликанские замыслы. Они, напротив, постоянно подчеркивали в своих официальных заявлениях готовность «выполнить свой долг до конца» и «спасти отечество» путем организации действенной обороны. Они призывали при этом все слои населения забыть «былые расхождения» и соблюдать «национальное единство», без чего невозможен успех в войне.

Все группировки крупной буржуазии, в том числе и монархисты, выражали готовность оказать поддержку республиканскому временному правительству. Орлеанистский орган «Temps» на второй день после провозглашения республики писал: «Единственная цель правительства — национальная оборона. Все, не относящееся к обороне, должно и может быть отложено, Трошю — председатель — это отлично* это весьма способствует укреплению общественного доверия, которое — повторяем и настаиваем,— должно быть безоговорочно выражено новому правительству»[28]. Бывшая бонапартистская газета «Le Gonstitutionnel» также выразила доверие «новому правительству» и убеждение в том, что оно «сумеет все подчинить интересам общественного спасения».

Легитимисты, в свою очередь, поспешили «во имя интересов отечества» присоединиться к республиканскому правительству. Католический орган «L'Univers» писал вскоре после 4 сентября: «Великий, единственный наш долг состоит отныне в том, чтобы изгнать иноземцев. Временное правительство назвало себя правительством национальной обороны. На этой чисто патриотической почве единство — наш священнейший долг»[29]. Свою поддержку правительству обещали и бонапартистские органы печати «Le Pays», «Le Public», «Le Peuple Frangais», «La France», «Le Frangais»[30].

Монархическую буржуазию примиряло с временным правительством то,' что оно, «узурпировав власть у людей Коммуны», «спасло» 4 сентября буржуазию от опасности установления «красной республики» во Франции. «При мысли о том, что Жюль Фавр, Пикар, Симон, Кремье завладели властью, чтобы не допустить к ней Бланки, Пиа, Делеклюза, Варлена... все смирились и выжидали»,— откровенно определил впоследствии монархист Боро-Лажанади настроение французской крупной буржуазии в начале сентября 1870 г.[31].

Стремясь ослабить политическую бдительность народных масс, французская монархическая буржуазия усердно декларировала свою преданность республике. Центральный орган бельгийских секций Интернационала «L'Internationale» справедливо указывал в те дни, что «во Франции горячие сторонники империи перекрашиваются в пылких республиканцев»[32].

[26] К. Маркс. Гражданская война во Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 458.

[27] Там же.

[28] «Temps», 6 septembre 1870.

[29] Цит. по кн. J. Desmarest. La defense nationale. Paris, 1949, p. 77, 78

[30] СМ. «Times», 1870, September 7.

[31] «Actes», t. VII, p. 271. Rapport Boreau-Lajanadie.

[32] «L'Internationale», 4 septembre 1870.

Французская буржуазия, вплоть до самых реакционных ее элементов, призывала всех французов к общенациональной борьбе против внешнего врага. Она высказывалась за решительную борьбу против внутренних врагов, препятствующих успешному осуществлению «национальной обороны».

Лишь в ходе дальнейшего развития и обострения классовой борьбы во Франции рабочие убедились в том, как велики расхождения между ними и буржуазией в вопросах войны и мира. Только значительно позднее поняли они и то, кого именно считала буржуазия «внутренними врагами». В начале же существования сентябрьской республики у широких масс французского рабочего класса сохранялась иллюзия о готовности пришедшего к власти буржуазного правительства возглавить все живые силы страны в борьбе за предотвращение нависшей над ней опасности, подобно тому, как это было в 1792—1794 гг.

Ослепленные этой иллюзией, французские рабочие и их тогдашние руководители, не учитывавшие обострения классовых противоречий со времени революции конца XVIII в., отказались от использования вынужденно дарованных республикой свобод для осуществления своих классовых задач. Вместо организационного укрепления своих рядов, они ограничились борьбой против внешнего врага под руководством буржуазного временного правительства. В этом заключалась их глубокая ошибка.

Бланки и 19 его ближайших соратников выступили 7 сентября в первом номере своей газеты, названной ими «Отечество в опасности», с декларацией, в которой объявили буржуазное временное правительство выразителем «народной мысли и национальной обороны», обещали оказывать ему «энергичную» и «абсолютную» поддержку и при этом заявили, что «перед лицом врага» не должно быть «никаких партий, никаких оттенков», что «во имя общественного спасения... должна исчезнуть всякая оппозиция, всякое несогласие». Бланкистская декларация заканчивалась, правда, предупреждением, что, присоединяясь к правительству, бланкисты от имени французского народа возлагают на него обязательство «скорее похоронить себя вместе с нами под развалинами Парижа, чем подписать позор и расчленение Франции»[33]. Но это заявление лишь подчеркивало наивную веру бланкистов в новых правителей, в их готовность и способность возглавить борьбу за безопасность и территориальную целостность страны.

Члены парижской федерации Интернационала, со своей стороны, как увидим в дальнейшем[34], изъявили готовность поддержать буржуазное правительство при условии выполнения им определенных требований рабочего класса. При этом и они ошибочно считали, что борьба против внешнего врага несовместима с борьбой пролетариата за укрепление своих классовых организаций.

Генеральный совет Интернационала во втором Воззвании о франко-прусской войне от 9 сентября 1870 г., написанном Марксом, предостерегал французских рабочих от увлечения лозунгами совершенно иной исторической эпохи — конца XVIII в. Он подчеркивал, что «им нужно не повторять прошлое, а построить будущее». Одновременно с исполнением своего гражданского долга — участием в обороне своей страны, они должны «основательнее укрепить организацию своего собственного класса», пользуясь для этой цели «всеми средствами, которые дает им республиканская свобода». Именно в этом видел Генеральный совет залог успеха рабочего класса в его борьбе за республику, за возрождение его страны, за его собственное освобождение[35].

В воззвании содержались и другие важнейшие указания. Приветствуя учреждение республики во Франции, Генеральный совет Интернационала вместе с тем высказывал серьезные опасения по поводу того, что эта республика «провозглашена не как социальное завоевание, а как национальная мера обороны» и находится в руках буржуазного временного правительства, унаследовавшего от империи, судя по некоторым из его первых шагов, «ее страх перед рабочим классом». Генеральный совет указывал на грозившую Франции опасность орлеанистской реставрации, облегчить которую, согласно замыслам некоторых буржуазных заправил, призвана была вновь учрежденная республика. Он, однако, предостерегал французский пролетариат против ошибочных, поспешных действий, указывая на то, что «всякая попытка ниспровергнуть новое правительство, тогда как неприятель уже почти стучится в ворота Парижа, была бы отчаянным безумием»[36].

Генеральный совет разоблачал захватнические планы прусского юнкерства и буржуазии и указывал на то, какую опасность представляет победа Пруссии для дела рабочего класса и прежде всего для немецких рабочих. Призывая рабочий класс Германии и других стран к борьбе против захвата Эльзаса и Лотарингии, за признание французской республики, Генеральный совет снова предупреждал: «Если рабочие забудут свой долг, если они останутся пассивными, настоящая ужасная война

«La Patrie en danger», 7 septembre 1870.
См. ниже, стр. 387—388.

[35] К. Маркс. Второе воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 466.

[36] Там же, стр. 455, 456.

станет предтечей новых, еще более ужасных международных войн и приведет в каждой стране к новым победам над рабочими рыцарей шпаги, землевладения и капитала»'[37].

Указания Генерального совета Интернационала, имевшие неоценимое значение для французского рабочего класса, не стали в то время достоянием французских рабочих. Член Генерального совета Огюст Серрайе, отправившийся 7 сентября в Париж для оказания помощи французским социалистам, так и не мог добиться опубликования Воззвания Интернационала в левореспубликанских газетах «Le Rappel» и «Le Reveil»[38]. Единственный буржуазный орган, напечатавший Воззвание, устранил из него характеристику «правительства национальной обороны», данную Генеральным советом[39]. Только в конце сентября 1870 г. Лафарг, находившийся в то время в Бордо, сообщил Марксу об опубликовании им в бордоской газете «La Tribune» французского перевода Воззвания «с многочисленными ужасающими опечатками». «Посылаю Вам несколько экземпляров,— писал Лафарг,— чтобы Вы могли раздать их французским секциям». Лафарг с горечью констатировал, что Воззвание не привлекло к себе до сих пор должного внимания французов, «а они,— писал он,— могли бы многому научиться из чтения этого документа»[40].

Неизвестным оставалось во Франции в то время и замечательное письмо Эжена Дюпона от 7 сентября 1870 г., адресованное им в Лион на имя А. Ришара, являвшегося одним из французских корреспондентов Генерального совета. «Жалкий конец императора Сулука,— писал Дюпон,— привел к власти всех этих гамбетт и фавров. Ничего не изменилось: господство попрежнему остается в руках буржуазии. В этих условиях роль рабочих или скорее их долг состоит в том, чтобы предоставить этой буржуазной нечисти заключить мир с пруссаками. Необходимо использовать предоставляемые обстоятельствами свободы для организации всех сил рабочего класса. Активизировать, распространять повсюду эту организацию — такова задача нашего Товарищества». Призывая французских членов Интернационала «удвоить энергию, во сто крат умножить самоотверженность, сплотить вокруг себя всех энергичных и решительных людей», Дюпон в заключение подчеркивал, что это «единственный путь к победе рабочего класса в предстоящей социальной революции»[41].

Французская буржуазия, в отличие от рабочего класса, вполне осознавала создавшееся после 4 сентября политическое положение и, вопреки своим словесным декларациям, не разделяла в действительности иллюзий насчет «общенационального единства». Она отнюдь не была склонна поступиться своими классовыми интересами во имя общих интересов страны; созданное ею 4 сентября правительство с первых своих шагов показало, что оно поставило себя на службу буржуазии.

Наибольшие основания быть довольными составом временного правительства имели орлеанисты. Глава правительства Трошю, военный министр Лефло, морской министр Фуришон, префект парижской полиции Кератри были орлеанистами. «Орлеанисты владеют реальной силой. Трошю держит в своих руках военное командование, а Кератри — полицию; господа же слева имеют только посты для болтовни»,— писал Энгельс о составе «правительства национальной обороны» через три дня после его образования[42].

Не удивительно, что орлеанисты, и прежде всего Тьер, видели в составе временного правительства гарантию близкого успеха орлеанистской реставрации[43]. Тьер уже 5 сентября указывал собравшимся в его салоне видным парижским орлеанистам на близость прихода орлеанистов к власти. «Мы представляем, по сути дела, разум и здравый смысл нашей страны,— заявил он.— После известных шатаний придется в конечном счете снова обратиться к нам. Через некоторое время мы сможем располагать огромным моральным авторитетом»[44].

Тьер не заблуждался относительно задач, которые ставило перед собой пришедшее к власти республиканское правительство. Именно поэтому он убеждал своих единомышленников оказывать поддержку этому правительству, «помочь этим людям выполнить трудную задачу, которую они на себя взяли». «Оказывая им поддержку,— разъяснял он свою позицию,— ...мы дадим им силу, необходимую прежде всего для сопротив-

[37] К. Маркс. Второе воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 457.

[38] Серрайе, сообщивший об этом в отчете о своей поездке во Францию, сделанном Генеральному совету в феврале 1871 г., не назвал газеты, напечатавшей Воззвание Генерального совета; он не сообщил и о том, как отнеслась к -Воззванию редакция бланкистской газеты «La Patrie en danger».

[39] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. П/30. Minutes of the General Council of the I International. 1871. Council Meeting, february 28.

[40] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8223, оп. 5. П. Лафарг — Марксу, 1870, около 25 сентября.

[41] Полный текст письма Дюпона опубликован в кн. O. Testut. L'Internationale. Son role apres le 4 septembre. Paris, 1871, p. 6—7. В письме к Марксу от 8 сентября 1870 г. Дюпон подробно излагал содержание своего письма от 7 сентября. См. Архив Института марксизма-ленинизма, ф. , ед. хр. 6121, оп. 5.

[42] Энгельс — Марксу, 7 сентября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. XXIV, стр. 395.

[43] D'Haussonvi 11 e. Op. cit., p. 111.

[44] Ibid., p. 110.

ления вторгшемуся неприятелю, как и для отпора всем дурным страстям, находящимся в брожении и кишащим за их спиной»[45].

В этих словах была выражена сущность политической линии, которой, по убеждению Тьера, должны были на первых порах придерживаться орлеанисты. Она заключалась в том, чтобы помочь сентябрьскому правительству выполнить взятую им на себя «трудную задачу»,— заключить кабальный для Франции мир с пруссаками вопреки сопротивлению народных масс. Говоря о «сопротивлении вторгшемуся неприятелю» как о ближайшей задаче временного правительства, Тьер в действительности не имел в виду вооруженное сопротивление прусским агрессорам. Бго единомышленникам было уже тогда хорошо известно, что он не верил в успех дальнейшего ведения войны. Орлеанистский главарь подразумевал под этим дипломатические усилия со стороны временного правительства, которые должны были иметь целью добиться некоторого облегчения условий мира. Для успеха этих дипломатических усилий Тьер считал крайне важным сохранять видимость дальнейшего военного сопротивления Франции наступавшему неприятелю.

Указывая на необходимость помочь членам временного правительства дать «отпор всем дурным страстям, кишащим за их спиной», Тьер имел в виду прежде всего парижских рабочих и социалистов, сопротивлявшихся заключению кабального мира и видевших в упрочении республики залог успешной обороны Франции. Именно рабочих и их политических представителей орлеанисты, как и другие фракции французской реакционной буржуазии, считали «внутренними врагами», мешающими «спасению отечества».

Ставя перед собой эти задачи, а именно содействие ускорению мирных переговоров временного правительства с Пруссией и совместную с ним борьбу против парижских рабочих, Тьер и его единомышленники рассчитывали добиться заключения мира в самое ближайшее время. Поэтому они уже на другой день после провозглашения республики начали готовиться к выборам в Национальное собрание, которые, по их расчетам, должны были последовать непосредственно за прекращением военных действий. 5 сентября в салоне Тьера обсуждался вопрос о формах орлеанистской предвыборной агитации в различных департаментах Франции[46]. «Как я полагал уже две недели тому назад,— писал Энгельс 7 сентября 1870 г. Марксу,— орлеанисты хотят временной республики, которая заключила бы.

[45] D'Haussonville. Op. cit, p. I11

[46] Ibid., p. 112.

позорный мир, чтобы ответственность не падала на орлеанскую династию, которую они потом реставрируют»[47].

Поэтому понятно, почему Тьер был решительно настроен против преждевременного возвращения во Францию принцев Орлеанских. Узнав 5 сентября о таком намерении принцев, Тьер, по свидетельству близко стоявшего к нему орлеаниста д'Оссонвилля, пришел в сильнейшее беспокойство. «Это было бы абсурдом, это было бы преступлением,— заявил он.— Это повергло бы нас в гражданскую войну. Все, вероятно, кончится их приходом к власти; я это предвижу, и я этого желаю. Но сейчас необходимо присоединиться к правительству республики, а не создавать ему затруднения». Тьер далее нарисовал картину «междоусобной войны», которая последовала бы за возвращением принцев Орлеанских в Париж. «Легитимисты,—доказывал он,— стали бы подозрительными, республиканцы завопили бы о предательстве Комитета национальной обороны, а 50-тысячное население предместий приготовилось бы стрелять в сторонников Орлеанской династии вместо того, чтобы с высот-крепостных валов стрелять в пруссаков»,[48].

Принцы Орлеанские все же тайно прибыли в Париж вечером 5 сентября. Утром 6 сентября об этом было конфиденциально сообщено Жюлю Фавру, Трошю и Кератри с целью предварительного выяснения отношения правительства к прибытию принцев и к их просьбе о разрешении остаться во Франции. Фавр — первый, кто был поставлен орлеанистами в известность о появлении принцев в Париже,— взволнованный этим известием, рассыпался в похвалах их «высокому патриотизму», их «чистосердечнейшей преданности интересам отечества», но вместе с тем высказал сомнение в возможности положительного ответа правительства на их просьбу. «При тех разнообразных трудностях, которые одолевают правительство в настоящий момент,— заявил Фавр,— принцы только повредят ему, как бы честны ни были их намерения... Не знаю, сколько времени мы пробудем у власти и при каких обстоятельствах мы сложим ее с себя, но даю слово, что если я выйду отсюда живым, я первый публично заявлю о демарше принцев и воздам должное их благородному патриотизму»[49].

[47] Энгельс — Марксу. 7 сентября 1870 г К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 395.

[48] D'Haussonville. Op. cit., p. 113.

[49] Фавр выполнил свое обещание. После кровавого подавления Парижской Коммуны, в разгар орлеанистской реакции, он в своих воспоминаниях о деятельности «правительства национальной обороны», написанных с целью реабилитировать это правительство в глазах восторжествовавшей буржуазной контрреволюции, не преминул «воздать должное» «патриотическому» поведению принцев Орлеанских, в сентябре 1870 г. См. J. Favre. Op. cit., t. I, p. 209—210.

Трошю, со своей стороны, выразил сомнение в возможности пребывания принцев во Франции, сославшись, подобно Фавру, на крайнюю напряженность военного и политического положения в стране. «Мы шагаем по краю пропасти с большим риском в нее свалиться»,— заявил Трошю, намекая на непрочность «правительства национальной обороны». Помимо общеполитических соображений, у Трошю имелись, несомненно, личные мотивы, которые побуждали его удалить принцев за пределы Франции. О них он открыто не говорил. Принцы — опасался Трошю — могли в дальнейшем стать на его пути и помешать осуществлению его честолюбивых замыслов.

Префект парижской полиции Кератри был особенно взволнован прибытием принцев и крайне раздосадован тем, что они поспешили известить членов правительства о своем приезде. Кератри предпочитал временно обеспечить принцам нелегальное пребывание в Париже в ожидании более благоприятной политической обстановки[50]. «Для правительства, и в особенности для меня, прибытие принцев создает самое ужасное положение,— признался он орлеанисту д'Оссонвиллю, явившемуся к нему от имени принцев.— Вы не представляете себе моего положения. В конечном счете, если я нахожусь на своем посту, то делаю это ради принцев, они должны об этом догадываться.' Люди из «Марсельезы» и их соучастники уже изобличили меня в орлеанизме. Эти безрассудные объявят меня завтра предателем, и я окажусь бессильным служить принцам, когда пробьет их час. Лучше кого бы то ни было я знаю, насколько опасна почва, по которой мы ступаем. Вот почему я иду дальше Жюля Фавра и осмеливаюсь умолять принцев — в наших интересах, как и в их собственных,— уехать сегодня же... Лично я буду им глубоко признателен; Комитет национальной обороны останется им обязан»[51].

Гамбетта, узнав от префекта о прибытии принцев, сперва потребовал их немедленного ареста с последующей высылкой, но тут же отказался от этого требования. Вместе с министром финансов Пикаром он отправился к Трошю. Гамбетта настаивал перед главой правительства, чтобы принцам были предоставлены ответственные посты в армии, если не в самой Франции, то, по крайней мере, в Алжире. Гамбетту энергично поддержал Пикар, высказавшийся за предоставление принцам военных должностей в каком-либо районе страны. Но Трошю твердо стоял на своем. «Вы, стало быть, хотите воссоздать армию для принцев? — заявил он, предъявив вслед за тем ультиматум: либо немедленная высылка принцев, либо он, Трошю, подаст немедленно в отставку[52].

О прибытии принцев были тайно извещены также Тьер, военный министр Лефло, связанный долголетней дружбой с Орлеанами[53], и депутат левого центра, «убежденный орлеанист» Этанселен[54], близко стоявший после 4 сентября к правительственным кругам. Этанселен, доставивший принцам паспорта для обратного выезда из Франции, тайно выданные на их имя префектом полиции Кератри, настойчиво предлагал им временно укрыться с его помощью в надежном месте в Париже. Но принцы предпочли последовать совету Кератри[55]. Вечером 6 сентября, не дожидаясь официального ответа правительства на их просьбу о разрешении остаться во Франции, они покинули Париж, чтобы возвратиться в Англию. В тот же вечер был получен отказ правительства удовлетворить просьбу принцев.

Орлеанист д'Оссонвилль правильно истолковал мотивы, побудившие «правительство национальной обороны» отказать принцам в их просьбе. «Несомненно,— писал он, имея в виду буржуазных республиканцев, членов правительства,— страх перед теми, кто стоит позади них, мешает лучшим республиканцам следовать благородным побуждениям»[56].

«Благородные побуждения» в отношении принцев Орлеанских имелись у ряда «лучших» республиканцев, членов временного правительства. Жюль Фавр и Пикар с полной откровенностью продемонстрировали такие побуждения незадолго до начала войны, 2 июля 1870 г., во время состоявшегося на квартире у Фавра секретного совещания между буржуазными республиканцами и орлеанистами, на котором обсуждался вопрос о перспективах реставрации Орлеанской династии во Франции. Симпатии к Орлеанам, по некоторым сведениям, питали также Жюль Симон и Жюль Ферри[57]. Да и Гамбетта одно время заигрывал с Орлеанами. В 1865 г. он во время своего пребывания в Лондоне имел свидание с одним из принцев Орлеанских[58]. Лишь страх перед народными массами удержал

E. Daudet. Le due d'Aumale. Paris, 1898 p 182
D'Haussonville. Op. cit., p. 129—130.

[52] E. Daudet. Op. cit., p. 180. Орлеанист Э. Додэ, приводя со слов Кератри эти факты, добавляет: «Следует напомнить, что в своих мемуарах генерал Трошю упрекает Гамбетту в том, что тот не призвал графа Омальского в Тур и не предоставил ему командного поста в армии».

[63] D'H'aussonville. Op. cit., p. 123.

[54] E. Daudet. Op. cit., p. 181.

[55] «Actes», t. V, p. 298. Deposition Keratry.

[56] D'Haussonville. Op. cit., p. 137.

[57] G. Lefrancais. Etude sur le mouvement communaliste..., p. 61

[68] J. P. T. Bury. Qarnbetta and the national defence, p. 11, 128, 129; J. P T. Bury. Gambetta in England: an unpublished letter. «Cambridge historical journal», 1954, vol. XI, № 2, p. 229—230; H. Pessard. Mes petits papiers, t. I, p. 128, 129.

в сентябре 1870 г. буржуазных республиканцев и орлеанистов от того, чтобы разрешить принцам Орлеанским возвратиться во Францию.

Страх перед рабочими Парижа объединял буржуазных республиканцев и орлеанистов в августе 1870 г., побуждая их сообща противодействовать революционному свержению бонапартистской империи. Страх перед рабочими массами, свергшими империю, объединял буржуазных республиканцев и орлеанистов и после захвата ими власти, завоеванной 4 сентября народом.

В первый же день своего прихода к власти члены «правительства национальной обороны» поспешили довести до сведения населения, что они ограничивают свою деятельность чисто военными мероприятиями. «Правительство является прежде всего правительством национальной обороны»,— подчеркивали они 4 сентября в первой своей прокламации «К гражданам Парижа» и в специальном обращении «К парижской национальной гвардии»[59]. «Мы являемся не правительством той или иной партии, а правительством национальной обороны. У нас только одна цель, одно стремление: спасение отечества»,—снова заявили они на следующий день в прокламации к армии[60].

Но для того, чтобы по-своему решить вопрос о войне и о судьбе республики, а не так, как этого требовал французский народ, новое правительство неизбежно должно было, вразрез со своими декларациями, выйти за пределы чисто военной деятельности, стать на путь политической борьбы против народных масс. На этот путь оно и стало с первого дня своего существования. «Борьба временного правительства против демагогии,— заявил Трошю следственной комиссии,— началась с вечера 4 сентября 6i

j

Борьба «правительства национальной обороны» против французского народа носила многообразные формы. В основном она велась по двум вопросам: о войне и мире и об укреплении республики. Свою позицию в первом вопросе правительство определило на первом же заседании, вечером 4 сентября, признав невозможным продолжать войну с какими-либо шансами на успех. Члены правительства беспрекословно приняли к сведению заявление Трошю, назвавшего «безумием» «попытку Парижа при существующем положении вещей выдержать осаду»[62]. Таким образом, с первого дня своего пребывания у власти орлеанисты и буржуазные республиканцы стали на путь капитуляции перед прусскими оккупантами.

Временное правительство, однако, открыто не признавалось в своей готовности немедленно приступить к мирным переговорам с Пруссией. Такая откровенность стоила бы ему существования[63]. Особую осторожность приходилось соблюдать в первые дни после провозглашения республики, пока не были организованы военно-полицейские силы новой государственной власти[64]. Ввиду этого буржуазные республиканцы и орлеанисты старались лживыми обещаниями усыпить политическую бдительность народных масс.

На первом же заседании правительство определило свою позицию и в другом важном вопросе. Во время обсуждения проекта первого обращения нового мэра Парижа Этьенна Араго к населению было единогласно отвергнуто наименование «Парижская Коммуна», которым в проекте, представленном Араго, был назван парижский муниципалитет[65]. Этим была выражена решимость правительства не допустить создания в Париже революционного органа власти, по примеру Коммуну созданных 4 сентября в Лионе, Марселе, Тулузе и в ряде других индустриальных центров Франции.

Одновременно с первым заседанием правительства, происходившим в городской ратуше, состоялось совещание в помещении парижской федерации рабочих обществ и федерации

[59] «Depeches, circulates, decrets, proclamations et discours de Leon Gambetta». Paris, 1886—1891, p. 2, 3.

[60] «Recueil officiel des actes du Gouvernement de la defense nationale pendant le siege de Paris». Paris, 1871, p. 361

«Actes», t. V, p. 125. Deposition Trochu.

[62] Это заявление, сделанное Трошю 4 сентября 1870 г., было им подтверждено в январе 1871 г. перед собранием парижских мэров. Мэр XV округа Парижа Корбон, присутствовавший на данном собрании, впоследствии предал гласности признание Трошю. См. К- Маркс. Гражданская война во Франции в 1871 г. «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 7. Да и сам Трошю откровенно признавал впоследствии: «Когда 4 сентября я в Париже взял в свои руки дело национальной обороны, я знал, что оно безнадежно в военном и в политическом отношении». См. Gen, Trochu. Oeuvres posthumes, t. I, p. 332.

[63] Граф Дарю, вице-председатель комиссии по расследованию деятельности «правительства национальной обороны», в своем докладе заявил по адресу членов сентябрьского правительства: «Они были вынуждены показывать себя сторонниками продолжения войны, в противном случае они были бы свергнуты». См. «Actes», t. I, p. 265. Rapport Daru.

[64] Трошю считал наиболее опасными для «правительства национальной обороны» первые три дня его существования, пока не была, по его словам, «придана видимость единства разрозненным и дезорганизованным войскам, находившимся в Париже. См. «Actes», t. V, p. 125. Deposition Trochu.

[65] «Proces-verbaux des seances du Conseil du Gouvernement de !a defense nationale». Publ. d'apres les manuscrits originaux de A. Dreo, l'un des secretaires du Gouvernement. Paris. Seance du 4 septembre 1870, p. 68.

Интернационала, на площади Ла Кордери. Здесь собрались представители рабочих Парижа: члены Интернационала, члены синдикальных палат (профессиональных объединений), в том числе видные социалисты столицы, «получившие известность в качестве постоянных ораторов публичных собраний»[66]. Некоторым из присутствовавших, в частности членам Интернационала Бриону, Шарлю Бела и другим, днем 4 сентября удалось проникнуть в ратушу и быть свидетелями создания «правительства национальной обороны». В своих выступлениях на совещании ораторы констатировали «узурпацию народного суверенитета буржуазными республиканцами»[67].

Однако — гласит сохранившийся протокол описываемого нами совещания[68] — «ввиду войны, а также ввиду недостаточной организованности и неподготовленности народных масс»[69], было признано несвоевременным начать немедленно борьбу против правительства. Собрание выразило готовность поддержать правительство при условии выполнения им следующих требований рабочего класса:

«1. Полное упразднение полицейской префектуры и передача ее функций муниципалитетам.

2. Немедленное смещение всех должностных лиц империи.

3. Упразднение всех ограничительных — карательных и фискальных — законов, касающихся печати, права собраний и союзов.

4. Немедленные выборы в парижский муниципалитет.

5. Аннулирование (а не амнистия) всех приговоров и преследований в отношении поступков, квалифицируемых как политические преступления или правонарушения, а равно приговоров и преследований за участие в народных движениях, имевших место в годы империи».

Было решено создать массовую организацию, «состоящую из делегатов от парижских округов»[70] и возглавляемую руководящим органом, получившим вскоре название «Центрального комитета 20 округов». Эта организация должна была объединить по территориальному принципу всех граждан, готовых активно участвовать в обороне страны. Ее задача ограничивалась оказанием помощи правительству в организации обороны и в борьбе с внутренней контрреволюцией.

[66] G. Lefrangais. Etude sur le mouvement communaliste..., p. 63.
[67] G. Lefrancais. Souvenirs d'un revolutionnaire, p. 394.
[68] Протокол этот, в числе других документов, был впоследствии конфискован парижской полицией у одного из коммунаров и опубликован в материалах комиссии по расследованию деятельности «правительства национальной обороны». См. «Actes», t. I, p. 192. Rapport Daru.
[69] «Actes», t. I, p. 287. Piece «K». Seance du Comite des vingt arrondissements. 4 septembre 1870.
[70] Ibid.

Собрание приняло обращение к немецкому народу, в котором, между прочим, говорилось: «Республиканская Франция призывает тебя, во имя справедливости, увести обратно свои войска. В противном случае нам придется бороться до последнего человека и пролить потоки своей и нашей крови. Мы снова заявляем тебе то, что было заявлено нами объединившейся против нас Европе в 1793 г.: французский народ не заключает мира с неприятелем, оккупирующим его территорию. Вернись снова за Рейн. Протянем друг другу руки с двух разных берегов оспариваемой реки. Забудем о военных преступлениях, которые деспоты заставили нас совершить друг против друга»[71]. Аналогичное обращение приняла также марсельская секция Интернационала[72].

5 сентября парижский Федеральный совет послал Марксу полный текст своего обращения вместе с просьбой к Генеральному совету издать новое воззвание, специально обращенное к немецкому народу. Маркс немедленно отправил в Париж подробный ответ с анализом действительного положения вещей. Одновременно он запросил у Энгельса «необходимые... военные указания относительно Эльзас-Лотарингии». Он считал необходимым осветить этот вопрос в новом воззвании и уже 6 сентября, на заседании Генерального совета, предложил издать такое воззвание, основные положения которого были им тут же изложены[73]. Второе воззвание о франко-прусской войне было принято Генеральным советом Интернационала на чрезвычайном заседании 9 сентября 1870 г.

Обращение к немецкому народу, подписанное главным образом прудонистами, было 5 сентября опубликовано на французском и немецком языках. Его перепечатал 7 сентября «Times». 8 сентября Дюпон писал из Манчестера Марксу: «Если перевод обращения точен, то парижский Комитет совершил большую неловкость. Смешно требовать от немецкой социал-демократии, чтобы она увела немецкие войска из Франции. Это значит требовать невозможного. Немцы с большим основанием могли бы потребовать от французских социалистов, чтобы они помешали империи начать войну. Со своей стороны я нахожу, что то, что сделали члены парижского Комитета, лишено здравого смысла. Прежде всего они не имеют права пользоваться

[71] См. «Times», 1870, September 7
[72] J. D a ut ry. Le probleme national devant l'opinion ouvriere a la veille de la Commune de Paris. «Cahiers Internationaux», mars 1953, № 44, p. 51, note 11.
[73] См. Маркс — Энгельсу, 6 сентября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 394; Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 21, ед. хр. И/30. Minutes of the General Council of the I International. 1870. Council Meeting, September 6.

Интернационалом для придания блеска своим фразам. Они должны были бы спросить мнения Совета и особенно Вашего, прежде чем публиковать что-либо. При настоящем положении вещей Интернационал должен выступать только наверняка»[74].

Точка зрения Маркса на этот вопрос полностью совпадала с мнением Дюпона[75]. В сентябрьском воззвании Генерального совета Интернационала о франко-прусской войне Маркс, предостерегая, как мы уже знаем, французских рабочих от увлечения традициями 1793 г., подчеркнул, в частности, и .то, что немецкий рабочий класс не имел возможности помешать войне[76].

Собрание, состоявшееся 4 сентября в Ла Кордери, выделило делегацию, которой поручалось немедленно доставить все принятые решения в ратушу. Согласно протоколу, «делегация не смогла в эту ночь проникнуть в помещение ратуши и была принята только днем 5 сентября»[77]. Ее принял Гамбетта. Он заявил, что отмена фискальных ограничений печати (гербового сбора и залога) предполагается самим фактом провозглашения республики[78], что декрет об амнистии участникам политических движений против империи (а не об аннулировании всяких преследований за политические выступления, как этого требовали рабочие) уже'печатается в типографии. Что касается других требований, предъявленных правительству, то «это серьезные вопросы, решать которые правительство неправомочно», но что «все будет учтено и будут приняты меры к прекращению злоупотреблений»[79]. Эта общая декларация ни к чему не обязывала правительство.

Обещанная Гамбеттой амнистия участникам политических выступлений против бонапартистской империи фактически была уже осуществлена народными массами Парижа и провинции, освободившими 4 сентября по собственному почину политических заключенных. Новому правительству, таким образом, оставалось только узаконить совершенный акт. В отношении же будущего Гамбетта не давал никаких гарантий, никаких обещаний удовлетворить какие-либо из выставленных рабочими требований, кроме освобождения печати от фискальных ограничений, при сохранении, однако, карательных законов о печати, действовавших во времена империи.

Между тем в Бельвилльской программе, выставленной Гамбеттой в период выборов 1869 г. в Законодательный корпус и доставившей ему в свое время, широкую популярность среди рабочих Парижа, в числе других демократических требований фигурировало требование неограниченной свободы печати, собраний, союзов[80]. В первый же день своего пребывания у власти Гамбетта уклонился от выполнения обещаний, данных им парижским рабочим всего год тому назад.

«Наши делегаты,— сообщал впоследствии Гюстав Лефрансе, участвовавший в переговорах с Гамбеттой, — вернулись крайне озабоченными и убежденными в том, что если не быть настороже, то эта революция кончится тем же, чем кончились все предыдущие»[81].

После неудачи переговоров с правительством состоялось 5 сентября второе собрание рабочих представителей. На нем были уточнены организационные основы нового массового объединения населения столицы.

Было решено создать 20 «республиканских комитетов бдительности» — по числу округов Парижа. Количество членов каждого из комитетов определялось численностью населения соответствующего округа. Комитеты подлежали избранию на публичных собраниях округов. От каждого окружного комитета делегировались четыре представителя в Центральный комитет 20 округов, в который должны были, таким образом, войти 80 представителей от населения Парижа. Задача новой организации — как это было сформулировано вторым совещанием — состояла в «принятии мер к спасению отечества и к окончательному установлению истинно республиканского режима»[82].

Парижский Федеральный совет Интернационала в секретном циркуляре, разосланном им вскоре после 4 сентября французским секциям в качестве руководства к действию, заявлял: «Час недоверия и раскола не настал. На нас лежат только две обязанности, которые нам надлежит выполнить: оборона

[74] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 6121, от. 5. Э. Дюпон— Марксу. Манчестер, 8 сентября 1870 г.

[75] Маркс—Энгельсу. 10 сентября 1870 г.; Энгельс — Марксу. 12 сентября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 398, 399.

[76] К. Маркс. Второе воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. К- Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 454.

[77] «Actes», t. I, p. 287. Piece «K». Seance du Comite des vingt arrondissements. Лефрансе, напротив, утверждает, что делегация была принята Гамбеттой в 1 час ночи на 5 сентября. Это утверждение правдоподобно: заседание правительства действительно окончилось в 1 ч. 10 м. ночи. См. «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 4 septembre 1870, p. 70.

[78] Соответствующий декрет был утвержден правительством 5 сентября. См. «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 5 septembre 1870, p. 75.

[79] G. Le franca is. Etude sur le mouvement communaliste a Paris.... p. 65.

[80] См. выше, стр. 146—147.

[81] G. Lefran Qais. Etude sur le mouvement communaliste..., p. 65.

[82] «Manifeste du comite central republicain de defense nationale des vingt arrondissements de Paris». «La Patrie en danger», 17 septembre 1870.

Парижа и принятие мер предосторожности против растерявшейся, ошеломленной, но не побежденной реакции»[83].

Таким образом, французские рабочие отказывались до окончания войны от укрепления организации своего собственного класса. Ослабляя себя, они обрекали на неудачу свою борьбу за демократизацию общественного строя, за упрочение завоеванной ими республики и за ее защиту от немецких агрессоров.

Комитеты бдительности и ЦК 20 округов на первых порах ограничивали свою задачу только помощью правительству в проводимых им мероприятиях.

Между тем Гамбетта вслед за посещением его делегацией парижских рабочих поспешил совместно с мэром Парижа Этьенном Араго назначить новых, временных мэров для 20 округов Парижа. Гамбетта стремился опередить рабочих, требовавших немедленного избрания нового парижского муниципалитета и выражавших намерение, в случае отказа со стороны правительства, осуществить это мероприятие самочинно.

Опасаясь, повидимому, что промедление в решении этого вопроса крайне осложнит положение правительства,— а промедление представлялось неизбежным, если бы вопрос был поставлен на обсуждение,— Гамбетта и Араго произвели назначение новых мэров без ведома остальных членов правительства. Те узнали об этом 6 сентября из сообщения правительственного органа «Journal officiel».

Парижские мэры и их помощники, за немногими исключениями, были отобраны из числа орлеанистов и буржуазных республиканцев, питавших вражду к революционным рабочим. Так, например, новый мэр XIX округа Ришар — как сообщает историк Парижской Коммуны, социалист Луи Дюбрейль — открыто заявлял, что «в июне 1848 г. было перебито недостаточно народа...»[84].

Тем не менее назначение новых мэров, произведенное Гамбеттой и Араго, вызвало резкое осуждение других членов правительства.- Особенно неистовствовали Трошю и Пикар; их поддержали Фавр, Ферри и Симон[85]. Пикар, считавший новые, республиканские назначения неприемлемыми, настаивал на восстановлении старых мэров Второй империи и, кроме того, предлагал вынести публичное порицание мэру Парижа за его своевольный акт. Пикар грозил, что в противном случае он выйдет из состава правительства. После долгих споров было

[83] Циркуляр парижского Федерального совета Интернационала. Ин-т марксизма-ленинизма. Фотокопия.

[84] L. Dubreuilh. La Commune («Histoire socialiste (1789—1890)» sous la dir. de J. Jaures, t. II, Paris, s. a., p. 254).

[85] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seances du 6 et 7 septembre 1870, p. 79—84; «Actes», t. V, p. 128. Deposition Trochu.

найдено компромиссное решение: произвести частичную замену вновь назначенных мэров, отказавшись от тех из них, кто «возбуждал наибольший протест со стороны общественного мнения», иными словами, со стороны буржуазии. В числе «неприемлемых» значились, например, вновь назначенный мэр IV округа Парижа прудонист Греппо, который на другой день «отказался» от предложенного ему поста[86], буржуазный республиканец Ранк, назначенный помощником мэра IX округа, и другие.

Таким образом, уже в первые дни после провозглашения сентябрьской республики встал во всей остроте один из важнейших вопросов, вокруг которого разгоралась все более острая политическая борьба во Франции в 1870—1871 гг., а именно вопрос об избрании муниципалитетов и об их составе.

Следует отметить, что 6 сентября временное правительство вынесло решение о том, чтобы провести выборы в парижский муниципалитет «в кратчайший срок»[87]. Между тем в дальнейшем, по мере обострения классовой борьбы, то же правительство все с большим упорством сопротивлялось проведению выборов. За ускоренные выборы высказался 6 сентября даже умереннейший Пикар, так резко протестовавший в этот день против поспешного отстранения бонапартистских мэров. Необъяснимое на первый взгляд решение от 6 сентября об ускорении муниципальных выборов в Париже становится понятным, если учесть, что временное правительство рассчитывало в то время на быстрое проведение выборов в Национальное собрание, реакционный состав которого, как уже было нами сказано, при этих условиях был бы предрешен. Выборы же парижского муниципалитета, согласно расчетам Пикара и его единомышленников, должны были последовать непосредственно за выборами в Национальное собрание, что также обеспечило бы приемлемый для буржуазии состав муниципалитета.

Однако, как увидим, временному правительству, вследствие сопротивления народных масс, не удалось добиться проведения выборов в Национальное собрание так быстро, как оно того хотело. Ввиду этого правительство резко изменило в дальнейшем свою позицию в вопросе о выборах парижского муниципалитета. «Уже очень скоро, — признавал впоследствии Пикар в своих показаниях следственной комиссии, — вопрос этот приобрел совсем иной характер, он свелся к вопросу о создании коммуны. Поэтому требовать избрания муниципального совета означало в действительности протянуть руку движе-

[86] «Proces-verbaux des seances du Conseil...», Seance du 7 septembre 1870, p. 84.

[87] Ibid. Seance du 6 septembre 1870, p. 80.

нию, имевшему целью водворить в ратуше коммуну, которая должна была заменить собой правительство, установить нечто вроде диктатуры и образовать Комитет общественного спасения»[88]. Этим и объяснялось сопротивление, которое в дальнейшем оказывало «правительство национальной обороны» неизменным требованиям рабочих ускорить муниципальные выборы в Париже.

Свое отношение к созыву Национального собрания временное правительство высказало в первые же дни после прихода к власти. 8 сентября вопрос этот подвергся обстоятельному обсуждению на заседании правительственного совета. Из одиннадцати его членов пять человек, а именно Фавр, Трошю, Пикар, Ферри, Гарнье-Пажес, настаивали на немедленном созыве Национального собрания. Фавр не постеснялся заявить, что в этом заключается «спасение республики». За немедленные выборы высказались и присутствовавшие на заседании министр общественных работ Дориан и министр земледелия и торговли Маньен, не входившие, как мы знаем, в состав правительства, избранного 4 сентября в ратуше, а являвшиеся только членами кабинета, сформированного вечером того же дня[89]. Шесть членов правительства — Гамбетта, Рошфор, Кремье, Симон, Гле-Бизуэн, Эммануэль Араго, признавая необходимым ускорить выборы, высказались, однако, против их немедленного проведения. Они ссылались на невозможность обеспечить нормальный ход выборов в условиях военного времени, когда значительная часть территории оккупирована прусскими войсками; в неоккупированной же зоне было, по их мнению, опасно возбуждать политические страсти в такое время, когда для «спасения страны... столь необходимо единство»[90].

Голосование дало следующие результаты: 7 человек высказались за немедленные выборы в Национальное-собрание, 6— против. Однако по настоянию меньшинства голоса двух министров, не входивших в состав правительственного совета, не были приняты во внимание и, таким образом, большинством в один голос (5 голосов — за, 6 — против) одержали верх противники немедленных выборов в Национальное собрание. Выборы были назначены на 16 октября[91]. Декрет о дне выборов был датирован 8 сентября[92].

[88] «Actes», t. V, p. 223. Deposition Picard.
[89] Ibid., p. 238. Deposition Dorian.
[90] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 8 septembre 1870, p. 91.
[91] С теми же результатами голосования: 6 — за, 5 — против. См. «Actes», t. I, p. 203, RappoTt Daru.
[92] СМ. «Recueil officiel des actes du Gouvernement de la defense nationale», p. 375—376.

Таким образом, 8 сентября члены «правительства национальной обороны» засвидетельствовали, что они ориентируются на быстрое окончание войны. Между тем они отдавали себе ясный отчет, что в этом случае были неизбежны территориальные уступки Пруссии. Они были осведомлены о захватнических притязаниях прусского правительства. Это откровенно признали впоследствии некоторые из них. Так, например, Жюль Симон в своих воспоминаниях писал: «Господин Бисмарк в то время[93] говорил об Эльзасе и Лотарингии совершенно так же, как и в конце января[94]. Он говорил о них уже до войны. По его распоряжению в Пруссии в течение нескольких лет продавались географические карты Германии, на которых значились Эльзас и Лотарингия, мысленно аннексированные империей короля Вильгельма»[95]. Да и Гамбетта в своих показаниях следственной комиссии заявил, что он никогда «не сомневался» в том, что пруссаки потребуют отторжения от Франции «провинций, которые они выдавали за немецкие»[96].

Вопрос о территориальных уступках Пруссии был подвергнут обсуждению уже 8 сентября на том же заседании, на котором был установлен срок созыва Учредительного собрания. Речь шла о сдаче Пруссии французского флота либо об уступке ей прирейнских областей Франции. Пикар высказался за второе. Гамбетта и Рошфор, по не установленным нами причинам, предпочли воздержаться от изложения своей точки зрения на этот важнейший вопрос. Судя по сохранившимся кратким протокольным записям данного заседания, Гамбетта и Рошфор не выразили протеста против капитулянтской позиции своих коллег[97]. Во всяком случае, другими сведениями мы не располагаем.

Мы видим, таким образом, как мало соответствуют действительности более поздние утверждения буржуазных республиканцев, бывших членов «правительства национальной обороны», и их сотрудников, будто до переговоров между Фавром и Бисмарком в Ферьере относительно условий мира, т. е. до 19—20 сентября, до начала осады Парижа, правительство сентябрьской республики ориентировалось в своей политике исключительно на почетный для Франции мир с Пруссией и в случае невозможности добиться такого мира считало необходимым продолжать войну. «Программа Жюля Фавра,— заверял, например, в 1884 г. начальник департамента почт и теле-

[93] Имеется в виду начало сентября 1870 г.
[94] 1871 г.
[95] J. Simon. Le Gouvernement de la defense nationale. Paris, 1874, p. 66.
[96] «Actes», t. V, p. 249. Deposition Gambetta.
[97] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 8 septembre 1870, p. 89—90.

графа при сентябрьской республике Стенакер,— с самого начала и до Ферьерского свидания сводилась к почетному миру либо к продолжению войны... к необходимости до последней возможности защищать честь Франции и целостность ее территории»[98]. Такого рода утверждения встречаются до сих пор во французской буржуазной историографии".

Заседание «правительства национальной обороны», на котором была с такой откровенностью выражена готовность во имя быстрейшего заключения мира пойти на крупные территориальные уступки Пруссии, происходило всего через два дня после опубликования известного циркуляра Жюля Фавра от 6 сентября 1870 г. В этом циркуляре министр иностранных дел сентябрьской республики заявлял на весь мир о твердой решимости французского правительства «не уступить ни одной пяди земли, ни одного камня крепостей» и употребить «все средства» для «победоносного завершения войны»[wo]. Заслуживает внимания тот факт, что во время предварительного обсуждения этого циркуляра на заседании правительства Пикар высказался против категорической формы, в которой было сделано заявление Фавра[ш]. Он считал такое заявление «неосторожностью» со стороны правительства. Согласно собственному признанию Пикара в его позднейших показаниях следственной комиссии, он уже в эти дни, в начале сентября 1870 г., «предвидел капитуляцию». Однако Трошю настоял на сохранении именно такого категорического тона декларации. Он считал «необходимым, ввиду происшедших событий, как и ввиду событий, ожидаемых в будущем, чтобы циркуляр носил явно выраженную печать решительного сопротивления»[102]. Остальные члены правительства присоединились к Трошю. Циркуляр, как гласит протокол, «встретил живое одобрение»[103].

Оба вопроса —о сроке созыва Национального собрания и об условиях мира с Пруссией — не случайно обсуждались одновременно: они были неразрывно связаны между собой. И хотя обсуждение вопроса об условиях мира сохранялось правительством в глубокой тайне, широкие массы французского народа правильно расценили смысл опубликованного 9 сентября правительственного постановления о назначении на 16 октября выборов в Национальное собрание. Это постановление вызвало глубокое беспокойство у рабочих Парижа.

Парижский Федеральный совет Интернационала совместно с федерацией рабочих обществ в специально выпущенной ими листовке изложили свою позицию в вопросе об условиях мира с Пруссией. «Убежденные в том,— говорилось в листовке от имени представителей этих двух организаций рабочего класса,— что они выражают мнение всего трудящегося народа, всех граждан, считающих делом чести сохранить неприкосновенным достоинство Франции, они заявляют о своей решимости вести войну до последней крайности, отвергать всякое перемирие, ведущее к позорному миру, оказывать сопротивление всяким мольбам, обращенным от имени французской республики к европейским монархиям. Мир может быть добыт только на поле брани. Такой мир, заключенный помимо всякого давления монархических правительств, приведет к примирению два народа, разделенных исключительно в силу властолюбия их монархов. Отказ от всякого перемирия, от всякого предварительного мирного договора, основанного на иных условиях, кроме следующих: ни одной пяди нашей территории, ни одного камня наших крепостей, ни одного сантима нашего бюджета...»[104]-

Такую же позицию занимал в этом вопросе и Бланки. Обеспокоенный тем, что в циркуляре Фавра от 6 сентября отсутствовало упоминание о решимости французской республики не поступиться также «ни одним экю из ее бюджета», Бланки 14 сентября писал: «Такое упущение служит зловещим предзнаменованием. Оно свидетельствует о молчаливом согласии на ограбление страны». Напомнив далее правительству о том, что республиканцы предложили ему свою поддержку только на том условии, что оно не допустит ни расчленения, ни бесчестия Франции, Бланки заявлял, что «мир, добытый ценою денег, есть бесчестие»[105].

Бланки, как видим, не допускал еще в эти дни мысли о готовности временного правительства пойти на территориальные уступки Пруссии, хотя назначение выборов в Национальное собрание на 16 октября внушало ему крайнее подозрение и беспокойство. «Правительство, повидимому, намерено заключить мир с Пруссией на любых условиях»,— писал он. Поэтому нет

[98] F. F. Steепackers et F. le Goff. Histoire du Gouvernement de la defense rationale en province. Paris, 1884, p. 114.

[99] См.. напр. J. Desmarest. La defense nationale. Paris, 1949, P- Ю7, 117.

[100] «Recueil officiel des actes du Gouvernement de la defense nationale...», p. 370—373. Circulate adressee aux agents diplomatiques de la France par le vice-president du Gouvernement, ministre des affaires etrangeres.

[101] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 6 septembre. 10 h. matin, p. 80.

[102] «Actes», t. V, p. 219, 222. Deposition Picard.

[103] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 6 septembre 1870, p. 80.

[104] Текст этого документа, хранящегося в парижской Национальной библиотеке, см. в статье Жана Дотри «Le probleme national devant l'opinion ouvriere a la veille de la Commune de Paris». «Cahiers Internationaux», 1953, № 44, p. 51.

[105] «La Patrie en danger», 14 septembre 1870.

«ничего удивительного в том, что этот мир уже заранее считают заключенным... Во всяком случае это дерзкое назначение выборов в точно установленный и весьма близкий срок звучит печально для слуха республиканцев. Неужели это значит, что мы будем свидетелями позора отечества?» [106].

Но если в народных массах поспешный созыв Национального собрания вызывал глубокую тревогу за судьбу республики и безопасность Франции, то в кругах французской крупной буржуазии готовность временного правительства как можно скорее назначить выборы в Национальное собрание, напротив, возбудила надежды на близость заключения мира и ликвидации республики. «Одна надежда оставалась у нас,— сообщал впоследствии монархист Боро-Лажанади.— Начиная с 8 сентября, диктаторы из городской ратуши обещали нам созыв избирателей. Мы рассчитывали на выполнение этого торжественного обещания. Мы дожидались Национального собрания, которое, несмотря на все бедствия, окажет повсеместно живительное воздействие на отечество» [107].

Об ориентации временного правительства на скорое окончание войны любой ценой свидетельствовало также принятое им в первые же дни после провозглашения республики важнейшее решение о местопребывании центральной власти. Повидимому, уже 4 сентября было в принципе решено, что правительство остается в Париже, так как 5 сентября — судя по протокольной записи правительственного заседания этого дня — обсуждался вопрос о выборе города для постоянного местопребывания правительственной «делегации», направлявшейся в провинцию в качестве представительства от центральной власти. Были названы города Тур, Бурж и Ренн [108]. Выбор пал на Тур, и 7 сентября на утреннем заседании правительства Пикар уже докладывал о начавшемся переезде в этот город трех отделов возглавляемого им министерства финансов. На вечернем заседании того же дня было принято решение об учреждении в провинции представительства от трех других министерств: военного, внутренних дел и иностранных дел [109].

8 сентября был поставлен на обсуждение наиболее спорный вопрос — о том, кто из членов правительства возглавит «делегацию». Вопрос этот неоднократно обсуждался и в последующие дни, но был окончательно решен только 11 сентября. Единственным представителем центральной власти в провинции был назначен престарелый министр юстиции Кремье [110], на которого возлагалась организация обороны во всей неоккупированной зоне Франции. Это назначение являлось в сущности актом саботажа обороны со стороны правительства. Оно преднамеренно запирало себя в Париже, связь которого со страной, ввиду форсированного наступления немцев, должна была оборваться в ближайшее время. Однако временное правительство в опубликованном им 12 сентября постановлении лицемерно мотивировало свое решение о командировании Кремье в провинцию именно «необходимостью... в случае осады Парижа сохранить полную свободу действий для организации обороны в департаментах и для управления ими» [111].

Энгельс еще 15 августа, в одной из своих корреспонденции в лондонской «Pall Mall gazette» подчеркивал важнейшее значение, какое имела для Франции организация военного сопротивления в провинции. «Трудно также допустить,— писал Энгельс,— что германская армия даст французам время развернуть их еще не пробудившиеся силы. И развернуть эти силы в какой-нибудь степени возможно лишь в том случае, если французы будут готовы сделать то, чего они никогда еще не делали,— предоставить Париж и его гарнизон их собственной участи и продолжать борьбу, имея своей оперативной базой линию Луары... До тех пор, пока Франция не будет готова к этому, лучше ей не говорить о всеобщем ополчении» [112]. Ту же мысль Энгельс одновременно высказал в письме к Марксу: «Debacle Франции,— писал он,— повидимому, ужасен... Тем не менее революционному правительству, если оно скоро появится, не следует отчаиваться. Но оно должно предоставить Париж его участи и продолжать войну с юга. Тогда еще, возможно, оно сумеет продержаться до тех пор, пока не будет закуплено оружие и организованы новые войска, при помощи которых враг постепенно будет вновь оттеснен до границы. Это был бы, собственно, лучший конец войны, когда обе страны представят другу другу доказательство своей непобедимости. Но если это скоро не произойдет, то комедии конец» [113].

Впоследствии Фавр старался доказать, будто единственным мотивом, побудившим членов «правительства национальной обороны» в сентябре 1870 г. остаться в Париже, было их стремление разделить с населением столицы невзгоды и опасности

[106] «La Patrie en danger», 14 septembre 1870.
[107] «Actes», t. VII, p. 277. Rapport Boreau-Lajanadie.
[108] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 5 septembre 1870, p. 72.
[109] Ibid. Seance du 7 septembre 1870, p. 82, 85.
[110] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 11 septembre 1870, p. 104.
[111] «Recueil officiel des actes du Gouvernement de la defense nationale», p. 382.
[112] Ф. Энгельс. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 47.
[113] Энгельс — Марксу. 15 августа 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 382—383.

осады. «Париж,— заявил Фавр в своих показаниях следственной комиссии,— был местом опасностей, которые мы ежедневно предвидели. Лично для меня мысль о том, чтобы перед лицом стольких опасностей покинуть Париж, столь угрожаемый и столь несчастный, представлялась в высшей степени мучительной»[114]. В действительности решение правительства остаться в Париже имело иные мотивы.

«Правительство национальной обороны» руководствовалось двумя соображениями, когда остановило свой выбор на Париже: во-первых, уверенностью в близком заключении мира и, следовательно, в бесцельности переезда в провинцию, главный смысл которого заключался в организации сопротивления наступавшему на Париж неприятелю; во-вторых, необходимостью, в связи с предстоявшим заключением мира, сдерживать революционный Париж, который — как можно было предвидеть — будет ожесточенно сопротивляться принятию кабальных для Франции условий мира. Не располагая достаточной вооруженной силой, чтобы усмирить рабочих, буржуазные республиканцы, члены правительства, не решались покинуть столицу, оставив в ней одного Трошю, который «жил всю жизнь вне политики и не был знаком с разнообразными элементами парижского населения,— как писал о ней в этой связи Жюль Симон[115].

«Жюль Фавр, Леон Гамбетта и Эрнест Пикар,— писал публицист Эмиль Жирарден,— остались в Париже исключительно из боязни второго 15 мая и 25 июня 1848 г.»[119]. Да и сами члены временного правительства впоследствии откровенно признавались в этом, стремясь реабилитировать себя в глазах восторжествовавшей реакции. С предельным цинизмом Жюль Симон писал по этому поводу следующее: «У меня нет ни тени сомнения в том, что отъезд правительства привел бы на шесть месяцев раньше к Коммуне или, по меньшей мере, к беспрерывному брожению и к постоянным вооруженным столкновениям, в результате чего мы уже через месяц имели бы в Париже пруссаков»[117]. Он ставил в заслугу правительству

[114] «Actes», t. V, p. 152. Deposition Favre.

[115] J. Simon. Le Gouvernement de la defense nationale, p. 36.

[116] E. Girardin. Hors Paris. Bordeaux 1871, Introduction, p. VII. Интересно, что еще 30 августа, до крушения Второй[1] империи, Альфред Даримой в письме к министру общественных работ Жерому Давиду не советовал правительству Второй империи покидать Париж: ввиду предстоявшей осады Парижа, правительство намеревалось переехать в провинцию. «Нечего и думать о том, чтобы переводить все правительство или часть его из Парижа, это послужило бы сигналом к революции»,— писал Даримой. См. A. Darimon. Notes pour servir a l'histoire du Second empire, p. 261—262. Республиканское правительство руководствовалось теми же соображениями, когда приняло решение остаться в Париже.

[117] J. Simon. Le Gouvernement de la defense nationale, p. 37. В другой связи Симон, как мы помним, заверял, что пруссаки были бы в Париже уже через восемь дней после 4 сентября.

4 сентября то, что за время его пребывания у власти в Париже произошло «только два мятежа, при этом кровь была пролита всего один раз». «Это значительный результат, который должен быть отнесен за счет мудрости правительства в целом, за счет его непрестанных усилий,— писал Симон.— Такого результата не мог бы добиться никто из членов правительства, если бы он оставался один в Париже»[118].

Напротив, Трошю в своих показаниях признавал ошибочным решение временного правительства остаться в Париже. Это решение, по его словам, «было принято без серьезного обсуждения»[119]. Трошю, однако, утаивал, что правительство осталось в Париже потому, что члены его были уверены в быстром заключении мира. Если бы Трошю не разделял этой уверенности с остальными членами правительства, он, несомненно, настаивал бы в сентябре 1870 г. на том, чтобы отдать Париж в руки одних военных властей.

Что касается Гамбетты, то он в своих позднейших показаниях уверял, будто прилагал все усилия к тому, чтобы предостеречь правительство от совершения этой «капитальной ошибки». «Я с самого начала требовал, чтобы все правительство целиком покинуло Париж,— заявил Гамбетта следственной комиссии.— Я не понимал, как может правительство оставаться в городе, который со дня на день должен быть осажден и блокирован и тем самым сведен просто к роли военного и стратегического пункта. Я требовал, чтобы, по крайней мере, министры финансов, внутренних дат, иностранных дел и военный министр покинули Париж и составили правительство в провинции»[120].

В действительности позиция Гамбетты в этом вопросе, как видно из протокольных записей заседаний «правительства национальной обороны», не отличалась от позиции других членов правительства[121]. Только 15 сентября Гамбетта впервые заговорил о необходимости создания в провинции «реального и сильного правительства», мотивируя такую необходимость исключительно политическими, а не военными соображениями: оппозиционными к правительству настроениями и «сепаратистскими» тенденциями, обнаружившимися к этому времени в провинции[122].

Итак, в первые восемь дней своего существования «правительство национальной обороны» приняло ряд важнейших ре-

[118] J. Simon. Le Gouvernement de la defense nationale, p. 37—38.

[1,9] «Actes», t. V, p. 127. Deposition Trochu.

[120] Ibid, p. 249. Deposition Gambetta.

[121] См. «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seances du 7, 9, 10, 11 septembre 1870.

[122] Ibid., Seance du 15 septembre 1870, p. 121—122.

шений, в значительной мере предопределивших дальнейший ход войны и обнаруживших вместе с тем подлинное лицо самого правительства. Каждое из принятых решений и все они в совокупности свидетельствовали об уверенности новых правителей Франции в быстром скончании войны и заключении мира, условия которого и в первые дни сентября представлялись им, как мы видели, отнюдь не почетными. Энгельс уже 7 сентября 1870 г. писал Марксу: «Господа из временного правительства и буржуа в Париже... знают, повидимому, хорошо, что продолжение войны — простая фраза... До сих пор мероприятия, т. е. фразы новых правителей, как мне кажется, не обещают ничего иного, как скорую сдачу» [123].

Капитулянт Трошю, заявивший позднее следственной комиссии, что «недоверие», которое он «вначале питал к своим коллегам, уже через восемь дней совершенно исчезло» [124], имел, как видим, для этого все основания.

Не только решения «правительства национальной обороны», но и его первые практические шаги в области внешней и внутренней политики окончательно успокоили орлеаниста Трошю насчет позиции его коллег, буржуазных республиканцев.

Члены временного правительства, слушая изо дня в день на своих заседаниях капитулянтские разглагольствования Трошю о безнадежности обороны Парижа, ни разу не подвергли их сомнению, ни разу не противопоставили им иной оценки военных перспектив Франции. О том, с какой настойчивостью Трошю неизменно повторял свои доводы о бесполезности дальнейшего военного сопротивления, мы узнаем из показаний министра финансов Пикара. «Начиная со второго или с третьего дня наших совещаний,— засвидетельствовал Пикар,— я почувствовал себя охваченным глубокой тревогой, непреоборимым ощущением,... что генерал Трошю не приведет нас к победе. Он сам говорил об этом,... он считал осаду безнадежно проигранной, он заявлял нам, что оборона... является геройским безумием, что нечего рассчитывать на помощь как извне, так и изнутри. Он не верил в армии, которые могли прийти извне, он заявлял, что мы имеем дело с организованными военными силами, и что только такие же организованные и обученные военные силы в состоянии вести против них борьбу. Он не оставлял нам ни малейшей надежды» [125].

Фавр — заместитель Трошю и министр иностранных дел — первый сделал практические выводы из пессимистических прогнозов главы правительства, которые разделял и он сам [126]. Уже через несколько дней после прихода республиканского правительства к власти Фавр обратился к послу США в Париже Вашберну с просьбой «не официально, а в качестве частного лица связаться с прусским правительством, чтобы узнать о его намерениях относительно заключения мира». Этот демарш не имел успеха: по предписанию правительства США, симпатии которого были на стороне Пруссии, Вашберн отказал Фавру в посредничестве [127].

Не увенчался успехом и демарш Фавра перед послами некоторых европейских правительств. На пятый день после провозглашения республики Фавр, во время заседания правительства, сообщил о постигших его дипломатических неудачах и откровенно выразил готовность лично отправиться в ставку прусского короля и начать переговоры о мире [128]. Предложение это не встретило одобрения со стороны других членов правительства: такой шаг был, по их мнению, чреват большими опасностями. Однако Фавр не успокаивался. Вечером 8 сентября он втайне от других членов правительства, с ведома одного только Тьера, обратился к английскому правительству, прося его содействия в получении пропуска в прусский генеральный штаб [129]. Английский посол в Париже лорд Лайонс с первых дней существования республики настойчиво рекомендовал Фавру совершить такой шаг; само же английское правительство не было намерено взять на себя прямое посредничество в мирных переговорах между «правительством национальной обороны» и Бисмарком.

О настойчивом стремлении Жюля Фавра всемерно ускорить заключение мира с Пруссией были осведомлены не только Вашберн и лорд Лайонс. Об этом знали и другие европейские послы в Париже. «Жюлю смертельно хочется заключить мир»,— сообщал 8 сентября с пренебрежительной фамильярностью по адресу Фавра австрийский посол в Париже Меттерних министру иностранных дел Австрии Бейсту [130].

Одновременно с попытками лично вступить в переговоры о мире с прусским правительством Фавр в первые же дни после

[123] Энгельс — Марксу. 7 сентября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 396.

[124] «Actes», t V, p. 126. Deposition Trochu.

[125] Ibid., p. 218. Deposition Picard.

[126] «4 сентября я был убежден,— признавал впоследствии Фавр перед следственной комиссией,— что через 8 дней мы увидим пруссаков. У нас не было патронов или хотя бы зарядных капсюлей, крепости не были в боевой готовности, они не были вооружены. Мы находились в ужасном положении». См. «Actes», t. V, p. 150. Deposition Favre.

[127] M. Washburne a M.-Fish, a Washington, le 13. IX. 1870. «Annales diplomatiques» 1871—72, p. 563. Цит. по «Actes», t. I, p. 38. Rapport Rainneville.

[128] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 9 septembre 1870, p. 95

[129] J. Desmarest. Op. cit., p. 116.

[130] Цит. по J. P. T. Bury. Op. cit., p. 78

4 сентября неоднократно обращался за содействием в деле ускорения мирных переговоров к орлеанисту Тьеру. Фавр убеждал его взять на себя дипломатическую миссию с целью побудить европейские правительства поддержать французскую республику в ее практических шагах к заключению мира. Тьер должен был убедить правительства Европы в том, «чтб Власть во Франции оказалась в руках благонамеренных людей, стремящихся к сохранению порядка и желающих мира», и что поэтому со стороны этих правительств «было бы актом варварства и крайнего неблагоразумия, если бы они отказались протянуть руку Франции только потому, что она переменила правителей в результате революции, которая, к несчастью, была объяснима и находила оправдание после всего, что произошло у Меца и у Седана» [ш].

Тьер сначала отказался от предложенной ему миссии, сославшись на то, что он окончательно отошел от политической жизни, решив посвятить остаток своих дней научным занятиям. Это был лишь ловкий маневр с его стороны. В действительности этот политический интриган не складывал, как мы знаем, оружия и со времени провозглашения республики удвоил свои старания ускорить орлеанистскую реставрацию. Лицемерно «уступая» настояниям Фавра, он попросил дать ему время «для размышления». Оно было использовано им для всестороннего рассмотрения, совместно со своими сообщниками орлеанистами, тех выгод, которые представляла для орлеанистов предложенная ему дипломатическая поездка, после чего он дал положительный ответ Фавру.

* 12 сентября, в день, когда «правительство национальной обороны» опубликовало сообщение о намерении организовать в провинции эффективную оборону страны, Тьер отправился в путь, сначала в Лондон, затем в Петербург и в Вену, чтобы испросить у европейских правительств посредничества в заключении мира. В Лондон он отвозил секретное письмо принцам Орлеанской династии, в личные переговоры с которыми он был лишен возможности вступить, поскольку являлся официальным представителем французской республики [132].

В правительственном органе «Journal officiel» от 12 сентября о поездке Тьера было глухо сообщено следующее: «Г. Тьер, при существующих обстоятельствах, не захотел отказать правительству в своих услугах. Он отправляется сегодня вечером с миссией" в Лондон, а затем в Санкт-Петербург и в Вену» [ш]. В чем имендо состояла миссия Тьера, об этом правительство сочло благоразумным умолчать.

[131] «Actes», t. V, p. 10. Deposition Thiers.
[132] D'H a u s s o n v i l l e. Op. cit., p. 158—159.
[133] «Journal officiel de la Republique Franchise», 12 septembre 1870.

Однако для парижских социалистов цель поездки Тьера была и без того ясна. 15 сентября в бланкистском клубе (зал Фавье) ораторы выражали возмущение правительством, которое «послало орлеаниста Тьера с единственной миссией добиться от тиранов позорного мира, обещав им променять республику на короля» [134]. Бланкисты имели в виду реставрацию Орлеанской династии, к чему особенно благосклонно относилось английское правительство [135].

Секретные шаги с целью быстрейшего заключения мира, предпринимавшиеся «правительством национальной обороны» уже в первой половине сентября, находились, как видим, в полном противоречии с его официальными заявлениями и прежде всего с циркуляром Жюля Фавра от 6 сентября, направленным им дипломатическим представителям Франции заграницей. Им предписывалось вручить копии этого циркуляра правительствам государств, в которых они были аккредитованы [135].

Документ этот, получивший печальную известность, представлял собой образец унизительного заискивания перед реакционными правительствами Европы, безответственного бахвальства и лицемерной демагогии. Министр иностранных дел французской республики заверял в нем европейские кабинеты в «добропорядочности» и консерватизме нового французского правительства. Он утверждал, будто французское правительство твердо намерено «принять вызов» прусского короля в случае, если тот «возьмет на себя ответственность перед миром и перед историей продолжать гнусную войну, которая окажется для него по меньшей мере такой же роковой, как и для нас». Заявляя далее, что Франция вполне подготовлена к продолжению войны, Фавр от имени «правительства национальной обороны» грозил, как уже было сказано, не уступить ни пяди земли, ни одного камня крепостей, даже в том случае, если оно не найдет поддержки у европейских держав, вопреки их прямым интересам. Для победоносного завершения войны будут тогда употреблены все средства, вплоть до баррикад. «Париж может продержаться три месяца и победить,— заявлял Фавр.— Если же Париж падет, Франция, поднявшись на его призыв, отомстит за него. Она продолжит борьбу, которая приведет агрессора к гибели». Циркуляр заканчивался выражением готовности французского правительства «выполнить свой

[134] «La Patrie en danger», 18 septembre 1870. Salle Favier. Seance du 15 sept. 1870.
[135] D'H a u s s o n v i l l e. Op. cit., p. 159.
[135] CM. J. V a l f r e y. Histoire de la diplomatie du Gouvernement de la defense nationale. Premiere partie. Paris 1871, p. 144—145. Pieces justificatives. M. Juks Favre *nix* agents diplomatiques de la France a I'etranger. Paris, le 6 septembre 1870.

долг до конца», как и его уверенности в «конечном триумфе Франции»[137].

Однако воинственные фразы сентябрьских правителей не ввели в заблуждение европейские кабинеты. Сопровождая' решительные словесные заявления своего официального циркуляра капитулянтскими демаршами своей тайной дипломатии, французское правительство только ослабляло этим свои позиции и делало смехотворной свою декларацию от 6 сентября. Подлинные намерения «правительства национальной обороны» были правильно поняты за пределами Франции. «Язык, которым говорит Жюль Фавр, позволяет нам, наконец, надеяться, что могут быть открыты переговоры о восстановлении мира»,— писал министр иностранных дел Австрии.Бейст австрийскому послу в Париже Меттерниху после получения им копии циркуляра Фавра[138].

Дипломатическая миссия, порученная Тьеру, убежденному противнику дальнейшего ведения войны, только лишний раз подчеркивала готовность «правительства национальной обороны» пойти на значительные уступки Пруссии во имя быстрейшего заключения мира.

Буржуазные историки, касаясь циркуляра Жюля Фавра от 6 сентября 1870 г., несостоятельность которого признается многими из них, ограничиваются обычно указанием на внешнеполитические мотивы, обусловившие его появление. Они игнорируют внутриполитические соображения, руководившие «правительством национальной обороны» при издании циркуляра. Между тем циркуляр этот был обращен не только к внешнему миру, но и к народным массам Франции. Он имел назначением создать видимость дальнейшего военного сопротивления Франции не только в глазах прусского правительства с тем, чтобы добиться от него более приемлемых условий мира, но и в глазах народных масс Франции, прежде всего рабочих Парижа. Глубокие противоречия, разделявшие, как мы уже сказали, буржуазное «правительство национальной обороны» и французский народ, толкали это правительство — в целях самосохранения — на путь демагогических заявлений и лживых обещаний рабочим массам. Заявление Жюля Фавра о решимости французского правительства продолжать непримиримую борьбу с внешним врагом во имя завоевания почетного и длительного мира, брошенный им клич — «ни пяди земли, ни одного камня крепостей», отвечали настроениям французских рабочих масс, превративших фразу Фавра в боевой лозунг своей борьбы за национальные интересы Франции. Мы видели, что на первых порах декларацию Фавра принимал всерьез и Бланки. Обещанием твердо отстаивать территориальную целостность Франции Фавр рассчитывал ослабить политическую бдительность рабочих масс.

Однако в конечном счете «правительству национальной обороны» не удалось при помощи его фальшивой декларации ввести в заблуждение народные массы Франции, как не удалось ему при помощи этой декларации улучшить международное положение французской республики.

5

В момент появления циркуляра Жюля Фавра в стране с виду царил «классовый мир», рьяно проповедуемый буржуазной печатью. Даже передовые рабочие Парижа и их политические руководители, как было нами показано, временно отказались от борьбы за самостоятельные классовые интересы пролетариата и все свои силы бросили на борьбу против внешнего врага, которую они готовы были вести под руководством буржуазного временного правительства. Из упомянутого выше циркуляра парижского Федерального совета Интернационала к французским секциям мы узнаем о той кипучей активности, которую развили в этом направлении деятели французского социалистического движения. «Всевозможными средствами,— гласил циркуляр,— мы содействуем национальной обороне, что является основной задачей в данный момент... Мы хотим оборонять Париж до последней крайности. Одну только эту цель и преследуют созываемые нами во всех кварталах публичные собрания, ускоряемая нами организация республиканских комитетов, наше активное участие в работе республиканских муниципалитетов, распространяемое нами обращение к немецкому народу, призывы к проявлению энергии и единства, которые мы подписываем, помощь, которую мы оказываем правительству национальной обороны».

Авторы циркуляра следующим образом объясняли занятую ими позицию: «Наша собственная революция еще не совершена. Мы совершим ее тогда, когда, избавившись от нашествия, заложим фундамент общества, основанного на равенстве, к которому мы стремимся»[139].

[137] Circulaire, adressee aux agents diplomatiques de la France par le vice-president du Gouvernement, ministre des affaires etrangeres. 1870, 6 septembre, In: «Recueil officiel des actes du Gouvernement de la defense nationale...», p. 370—373.

[138] Le comte de Beust au prince de Metternich a Paris. Vienne le 12 septembre 1870. (J. Valfrey. Op. cit., p. 145.)

[139] Циркуляр парижского Федерального совета Интернационала к французским секциям (сентябрь 1870 г.). Институт марксизма-ленинизма. Фотокопия.

Бланкисты, как об этом свидетельствовала их декларация от 7 сентября [140], на первых порах шли еще дальше по пути сотрудничества с правительством, чем парижская федерация Интернационала, хотя Бланки считал большинство членов этого правительства «палачами республики 1848 года» и в дни 3 и 4 сентября прилагал усилия, чтобы не допустить их к власти. Ложная идея о том, будто пришедшее к власти правительство было способно подчинить классовые интересы буржуазии интересам Франции, овладела умами бланкистов, как и многих других французских социалистов. 9 сентября Бланки писал в своей газете: «Никогда народ Парижа не проявлял большего величия и благородства, чем в условиях нынешнего ужасного кризиса. Он отбросил все свои жалобы. Его не занимают больше идеи общественного обновления, которые еще недавно одни только увлекали его. Стоять насмерть, спасти Париж и Францию ценой всей своей крови — такова идея, целиком овладевшая им. Пусть не говорят ему ни о чем другом. Он воспротивится этому. Его снедает жажда жертвы. С покорно опущенной головой он будет слепо следовать за правительством, только бы оно вело его прямо на пруссаков» [ш].

Позиция, занятая парижскими социалистами после 4 сентября по отношению к «правительству национальной обороны», имеет отчасти и другое объяснение. «Со времени провозглашения республики,— заявляли авторы циркуляра парижского Федерального совета,— нынешняя ужасная война приобрела другой смысл: она является теперь смертельной схваткой между феодальным монархизмом и республиканской демократией. Париж, осажденный прусским королем,— это значит, что цивилизация, революция находятся в опасности» [142].

Как видим, республику 4 сентября, возглавлявшуюся буржуазными республиканцами и орлеанистами, французские социалисты рассматривали как символ «республиканской демократии», между тем как за прусским «реакционным монархизмом» они не видели революционных сил современной им Германии. Лафарг недаром выражал в письме к Марксу сожаление, о том, что Воззвание Генерального совета Интернационала остается не известным французским рабочим и социалистам, и выражал надежду, что война научит французских социалистов интересоваться тем, что делается за пределами Франции. Еще в мае 1869 г. Лафарг обратил внимание Маркса на то, как мало знаком, в частности, Бланки «с движением внутри Германии». По словам Лафарга, Бланки заявил ему тогда: «Если бы у нас во Франции произошла революция, прусский король меньше чем в неделю мобилизовал бы свою армию и бросил бы ее на Париж». «Я заметил ему на это,— сообщал Лафарг,— что если бы у нас произошла революция, то она, вероятно, нашла бы отклик в Германии». «Нет,— ответил он мне,— прежде чем немцы успеют в этом разобраться, вся армия будет уже на ногах с возгласом: «Вперед на Париж!». В ответ на замечание Лафарга о существовании в Германии революционной партии, которая «приложит все усилия, чтобы оказать сопротивление войне с республиканской Францией», Бланки упорно повторял, что он «не особенно верит во влияние этой партии», о которой, впрочем, как он сам признал, «он мало что знает» [143].

Но уже вскоре после появления бланкистской декларации бланкисты начали высказывать первые сомнения в готовности «правительства национальной обороны» оправдать доверие народа и «согласовать свои действия со своими словами». 8 сентября бланкистская газета «La Patrie en danger» поставила вопрос о недопустимости оставления на прежних постах жандармов и полицейских агентов Второй империи. «Совершенно нетерпимо,— писал бланкист Реньяр,— что жандармерии и муниципальной полиции доверяется охрана полицейской префектуры, а также помещения, в котором заседает правительство». Обращаясь к парижанам, Реньяр призывал их к бдительности, так как «контрреволюция не дремлет». «Не предавайтесь слепой доверчивости, которая нас уже раз погубила»,— предупреждал он. «Сигнализируйте органам власти о всех злоумышлениях..., сообщайте о них и требуйте правосудия,— писал он,— ибо республика должна иметь дело с одним лишь внешним врагом... Мы требуем, чтобы внутренний враг, бонапартизм, был уничтожен».

Отражая «первое смутное беспокойство», вызванное в народных массах инертностью правительства, проявлявшего крайнюю медлительность в деле отстранения полицейских и жандармов бонапартистской империи, бланкисты требовали от него решительных мер в этом направлении. «Бывшие жандармы и полицейские Парижа,— указывали они 8 сентября,— составляют два корпуса, которые страшны своей численностью, наглым поведением, привычкой к насилиям. Считалось, что их расформировали, но это не сделано. Жандармы занимают посты, которые должны были быть ими оставлены. Невозможно понять такую неосторожность» [144].

[140] См. выше, стр. 378—379.

[ш] «La Patrie en danger», 9 septembre 1870 (сентябрь 1870 г.). Ин-т марксизма-ленинизма.

[143] Архив Ин-та марксизма-ленинизма, ф. 1, ед. хр. 8226, оп. 5. П. Лафарг—Марксу. Париж. Конец мая 1869 г.

[144] «La Patrie en danger», 8 septembre 1870.

Фотокопия.

Требование решительной борьбы с внутренними врагами не сходит с этого дня со страниц бланкистской и неоякобинской печати. Однако и бланкисты и неоякобинцы на первых порах ошибочно объясняли попустительство по отношению к полицейским агентам Второй империи «занятостью правительства другими заботами» [145].

Орлеанист Кератри, возглавивший 4 сентября полицейскую префектуру Парижа, сохранял почти нетронутым полицейский аппарат империи. Он умышленно не высылал из Парижа даже наиболее ненавистных народу бонапартистских жандармов, которых он был вынужден сместить. В штатской одежде буржуа, рабочих, в форме национальных гвардейцев они свободно расхаживали по улицам, сея панику среди населения провокационными выпадами против республиканцев, выдаваемых ими за прусских шпионов. Бланкисты, обращая внимание правительства на происки этих врагов республики, требовали, чтобы оно приняло суровые меры против подобных преступлений, результатом которых являются тысячи жертв, и предупреждали его, что в случае «если оно не вмешается, чтобы положить конец этим насилиям, население будет вынуждено собственными силами защитить себя и наказать злоумышленников» [14a].

8 сентября к префекту парижской полиции, как он сам сообщил об этом впоследствии в своих показаниях и что согласуется с сообщениями бланкистской печати, явились левый прудонист Мильер [147] и бланкисты Эд, Бридо, Гранже. Они вручили Кератри постановление, принятое 7 сентября членами бланкистского клуба «La Patrie en danger» [148]. Постановление гласило:

1. Префекту полиции предлагается немедленно направить в действующую армию или в находящиеся поблизости от столицы крепости всех бывших агентов, жандармов и прочих, а также всех полицейских, являющихся в большинстве своем старыми солдатами.

2. Собрание патриотов требует немедленного смещения всех полицейских комиссаров империи, независимо от времени их назначения.

Кератри отказался выполнить эти требования, на что делегаты ответили угрозой в тот же вечер насильственно завладеть префектурой. Префект полиции, со своей стороны, заявил, что в случае такой попытки они будут расстреляны на месте. «Никто в этот день не явился»,— сообщал впоследствии Кератри [149].

Между тем в Париже в тот же день начались по округам выборы новых полицейских комиссаров. Они производились на публичных собраниях. 8 сентября, как сообщала бланкистская газета, в XV округе Парижа состоялось народное собрание, на котором присутствовало «не менее 2 тыс. человек». Здесь были единогласно избраны четыре полицейских комиссара для XV округа и принято решение немедленно довести об этом до сведения префекта полиции и мэра XV округа Корбона. Вновь избранными полицейскими комиссарами были член Интернационала Луи Шален и бланкисты Гранже, Брейе, Верле [150]. Аналогичные собрания, судя по сообщению печати, состоялись в этот и в следующие дни в других округах Парижа.

Замена полицейского аппарата Второй империи избранными уполномоченными, начатая по инициативе народных масс, вызвала крайнее озлобление и тревогу в правительственных кругах. 12 сентября, когда префект Кератри на заседании правительства доложил о том, что «сегодня вечером народ намерен водворить новых полицейских комиссаров, избранных на народных собраниях», члены правительства выразили твердое намерение пресечь «такую узурпацию власти» [ш].

И действительно, правительство путем принятых им репрессивных мер насильственно приостановило обновление аппарата полицейской префектуры, начатое снизу народными массами. Полицейские агенты Второй империи продолжали оставаться на своих местах. Бланкистская и неоякобинская печать не переставала и в дальнейшем требовать от правительства их отстранения. Так, 17 сентября Мильер в неоякобинской газате «Le-Combat», редактировавшейся Феликсом Пиа, с возмущением писал о том, что полицейские Второй империи получают жалованье от правительства и, находясь в полной безопасности, готовят под руководством своих начальников «самый настоящий заговор против республики, а, следовательно, и против Франции» [152]. О том же писал тремя днями позднее Бланки: «Париж не перестает требовать расформирования и увольнения прежних полицейских сил, оставивших по себе столь кровавые воспоминания. Правительство остается глухо и немо. Префект полиции, словно в насмешку, переименовал их: вместо муниципальной гвардии они ныне называются республиканской гвардией. То же проделано с полицейскими, которые из sergents

[145] «La Patrie en danger», 8 septembre 1870.

[146] Ibid.

[147] По данным, исходящим из бланкистских источников, в составе делегации, явившейся 8 сентября к префекту Парижа, находился не Мильер, а бланкист Мордак.

[143] Отчет о заседании бланкистского клуба, на котором было принято это постановление, дан в газете «La Patrie en danger» от 8 сентября 1870 г.

[149] Comte de Keratry. Op. cit., p. 232—233.

[150] «La Patrie en danger», 9 septembre 1870.

[151] «Proces-verbaux des'seances du Conseil...». Seance du 12 septembro 1870, p. 110.

[162] «Le Combat», 16 septembre 1870.

casse-tete превращены в gardiens de paix. Отныне власть опирается исключительно на эти ненавистные полицейские войска. На все жалобы, упреки, мольбы — один ответ: издевательские призывы к спокойствию и повиновению»[153].

Правительство, однако, не решилось аннулировать состоявшиеся выборы отдельных полицейских комиссаров. Оно, в частности, вынуждено было оставить на посту бланкиста Рауля Риго, избранного полицейским комиссаром на одном из народных собраний[154].

Насколько незначительно был обновлен аппарат парижской полицейской префектуры, можно судить по тому, что даже весьма умеренные буржуазные либералы считали такое обновление недостаточным и «требовали более широкой чистки», как об этом сообщает бывший начальник кабинета генерального секретаря полицейской префектуры Парижа, умеренный буржуазный республиканец Кобэ, находившийся на этом посту с 4 сентября по 15 октября 1870 г. По его словам, либерал Тирар, назначенный после 4 сентября мэром II округа Парижа, ходатайствовал в конце сентября перед центральной префектурой о смещении двух полицейских комиссаров-бонапартистов подведомственного ему округа, остававшихся на своих постах после провозглашения республики. Свою просьбу Тирар мотивировал тем, что в противном случае эти комиссары будут насильственно смещены народом[155]. С аналогичными просьбами обращались в центральную префектуру мэр VII округа Рибокур, мэр VI округуа Эрисон, мэры других округов. «Из всех округов Парижа,— сообщал Кобэ,— к нам ежедневно поступали подобные просьбы, доставлявшие нам иной раз большие затруднения»[156].

Не только полицейский, но и весь чиновничий аппарат Второй империи подвергся самому незначительному обновлению, что вызывало крайнее возмущение народных масс Парижа. «Правительство национальной обороны» вначале было даже склонно привлечь к управлению бывших депутатов бонапартистского Законодательного корпуса, главным образом орлеанистов. «Предполагали просить их депутатов.— *Э. Ж-,* — сообщал позднее по этому поводу Жюль Симон,— составить при правительстве нечто вроде широкого совета или консультативного комитета. Это оказало бы превосходное действие на провинцию. Предложение обсуждалось самым серьезным образом в течение нескольких заседаний, но потом от этой мысли отказались»[157].

Жюль Симон, разумеется, умолчал о том, что только страх перед народными массами заставил временное правительство отказаться от своего преступного намерения сохранить власть в руках заклятых врагов завоевавшего республику рабочего класса. Зато он откровенно указал на другую весьма важную причину, побудившую правительство отказаться от привлечения к управлению бывших депутатов Законодательного корпуса. «Решили, что депутаты будут более полезны в своих департаментах, чем в Париже»,— сообщает он[158]. Инициатором сотрудничества с депутатами-монархистами был министр финансов Пикар, политическим идеалом которого, несмотря на его формальную принадлежность к республиканской партии, являлась конституционная монархия. Именно поэтому Пикар в последние годы империи был тесно связан с орлеанистами и в качестве вожака так называемой «открытой левой» способствовал все большему сближению правого крыла буржуазных республиканцев с орлеанистами. После того как на заседании правительства было признано «нецелесообразным» оставление бывших депутатов в Париже, Пикар предложил, чтобы «правительство использовало своих бывших коллег по оппозиции в качестве делегатов в провинции»[159].

«Правительство национальной обороны», таким образом, не было намерено радикально обновить государственный аппарат Второй империи. Об этом откровенно писал впоследствии начальник департамента почт и телеграфа при сентябрьской республике Стенакер. «В политической, административной, дипломатической и судебной областях,— признавал он,— значительная масса чиновников осталась нетронутой. Ограничились отстранением лишь тех из них, кого невозможно было сохранить. Заменили лишь тех префектов, генералов, прокуроров, дипломатических деятелей, которые были лично скомпрометированы злосчастной политикой павшего режима. Отстранили также некоторых высших чиновников, которые были обязаны своим возвышением скандальной милости двора. Всякие радикальные мероприятия,... как и всякая основательная реформа в области политической, экономической и административной, были решительно отложены»[160].

Бланкистская печать безуспешно требовала от правительства смещения старых мэров, в свое время «тщательно подоб-

за Patrie en danger», 19 septembre 1870.

J. Caubet. Souvenirs (1860—1889), Paris, 1893, p. 120. Секр

[157] J. Simon. Le Gouvernement de la defense nationale, p. 31.

[158] Ibid.

[159] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seances du 6, 10 septembre 1870, p. 81, 102.

[160] F. F. Steenackers et F. Le Golf. Op. cit., p. 104.

ранных Бонапартом для отравления сознания провинции», — как писала бланкистская газета [161]. Того же требовала неоякобинская пресса, а также левобуржуазная газета «Le Rappel».

10 сентября бланкисты предложили правительству проект декрета, который, по их словам, «в мгновение ока все преобразит», как только он будет претворен в жизнь. Проект состоял из трех пунктов:

«1. Все мэры, назначенные при империи, смещаются;

2. В каждой коммуне республиканцы, известные своей прошлой деятельностью и своими убеждениями, избирают нового мэра;

3. Любой враг республики, который своими интригами, угрозами и т. д. посмеет узурпировать эту должность, будет приговорен к бессрочной высылке и конфискации имущества» [162].

Тон, в котором бланкисты осуждали политику правительства, становился все более резким. Уже 10 сентября бланкисты, указывая на то, что «чиновники империи все еще остаются на своих местах», заявляли, что «этой одной ошибки достаточно, чтобы возродить развязность реакционеров и обескуражить патриотов». Бланкист Тридон писал в тот же день: «Разве правительство вправе забывать о том, что эти императорские мэры были орудием долголетнего угнетения, деморализовавшего Францию и опошлившего ее? Разве ему неизвестно, что эти презренные вызвали к жизни бонапартистскую жакерию, возродившую жестокости варварских времен? Их низкая клевета ввела в заблуждение и подняла крестьян, и нет сомнения в том, что эти мэры, успокоенные инертностью правительства, прибегнут к подобным же покушениям, чтобы вернуть себе власть, пусть даже с помощью пруссаков» [163].

Бланкистская и неоякобинская печать указывала и на необходимость более решительной смены бонапартистских префектов. Этого требовала и газета «Le Rappel». «Уверяют,— писала она уже 7 сентября,— что министр внутренних дел проявляет чрезмерную терпимость к чиновникам Второй империи. Из опасения дезорганизовать государственные учреждения крайне нерешительно смещают и заменяют новыми бонапартистских префектов. Такие колебания нам непонятны». Газета выражала, однако, полное доверие Гамбетте. «Мы слишком верим в патриотизм министра внутренних дел,— писала она,— чтобы допустить хотя бы на минуту, что он намерен оставить на службе республике лакеев Бонапарта» [164].

[161] «La Patrie en danger», 11 septembre 1870.
[102] Ibid., 10 septembre 1870.
[163] Ibid.
[164] «Le Rappel», 7 septembre 1870.

Но и назначенные Гамбеттой новые префекты мало чем отличались от старых, бонапартистских префектов. Неоякобинская пресса давала убийственную характеристику вновь назначенным ставленникам временного правительства. «Эти префекты,— писала газета Делеклюза «Le Reveil»,— в большинстве случаев отобраны из числа провалившихся псевдолиберальных кандидатур... Если бы вместо них правительство национальной обороны назначило людей энергичных, обладающих истинно революционным темпераментом, которые заговорили бы с населением языком мужества, всколыхнули бы провинцию, вдохнули бы в нее священный огонь и республиканский энтузиазм — какие чудеса можно было бы сотворить! Но орлеанистские и либеральные префекты не так скроены, чтобы взять на себя эту великую роль». Констатируя далее, что «цвет орлеанистской и либеральной реакции заполняет префектуры и су-префектуры», газета, опираясь на «единодушные сообщения из провинции», утверждала, что «население не питает никакого доверия к этим новым администраторам» [165].

Под покровительством оставленных на своих местах чиновников Второй империи бонапартисты развили активную пропаганду в провинции, главным образом в сельских местностях, восстанавливая против республики крестьянское население.

Бланкистская печать неустанно разоблачала происки бонапартистов в провинции. «Большинство депутатов бывшей правой,— писала 7 сентября газета «La Patrie en danger»,— отправилось в свои департаменты с открыто высказанным намерением поднять крестьян против «красных». Не пора ли принять энергичные меры против этих союзников Пруссии? Это требуется в интересах спасения отечества» [166]. Двумя днями позднее газета, возвращаясь снова к этой теме, подробно описывала контрреволюционную подрывную деятельность бонапартистов во многих районах Франции. «Со всех сторон, с севера, юга, центра,— писал 9 сентября Тридон,— к нам поступают взволнованные сообщения о контрреволюционных выступлениях крестьянства, подстрекаемого бонапартистскими агентами и чиновниками, оставленными на прежних местах вследствие непредусмотрительности республиканцев». Сообщая об актах насилия над патриотами, совершаемых в провинции, об открытых угрозах реакционеров по адресу республиканцев, Тридон разоблачал «префектов временного правительства», которые «с олимпийским бесстрастием взирают на эти акты варварства и реакции». «Неужели хотят при республике продолжать режим империи и взорвать почву у нас под ногами?»,:— спрашивал

«Le Reveil», 13 septembre 1870.
«La Patrie en danger», 7 septembre 1870.

Тридон, предупреждая правительство, что «такое положение, если оно будет продолжаться далее, не может не привести к катастрофе» [167].

Бланкисты настаивали на том, чтобы противопоставить подрывной деятельности бонапартистов республиканскую агитацию путем посылки в департаменты правительственных делегатов, которые должны были повысить революционную, патриотическую активность населения Франции и призвать его на помощь Парижу. Того же требовала газета Делеклюза «Le Reveil» [168].

Орлеанисты в свою очередь представляли для республики большую опасность, которую парижские социалисты на первых порах недооценивали. Орлеанисты, как мы видели, уже с 5 сентября начали активную подготовительную кампанию к выборам в Национальное собрание. Орлеанистские главари весьма положительно оценивали постановление «правительства национальной обороны» от 8 сентября о назначении выборов в Национальное собрание на 16 октября. Они называли это постановление актом «порядочности, патриотизма и великодушия» со стороны членов республиканского правительства. Выборы в Национальное собрание, согласно убеждению орлеанистов, неизбежно должны были «вернуть большинство нынешних правителей Франции в неизвестность, откуда их временно извлекли события 4 сентября» [169]. До выборов «правительству национальной обороны» надлежало выполнить свою основную роль, которую, по мнению Тьера, «только оно одно и способно было выполнить: создать видимость сопротивления и заключить какой-либо мир» [170].

Поэтому Тьер и удерживал, как мы помним, своих единомышленников от открытых выступлений против республики, считая такие акты преждевременными. 12 сентября, в день своего отъезда в Лондон, он не преминул еще раз проинструктировать в этом смысле графа д'Оссонвилля, поручив ему обеспечить выполнение этой директивы на время его отсутствия. Д'Оссонвилль, по поручению Тьера, должен был поставить в известность принцев Орлеанских письмом, которое сам же Тьер тайно отвозил для них в Лондон, о необходимости придерживаться крайне осторожной тактики [171]. Будучи убежден в скором приходе орлеанистов к власти, Тьер уже до своего отъезда из Франции приступил к распределению депутатских мест между своими единомышленниками и ближайшими сторонниками. «Необходимо, чтобы в Учредительном собрании были все известные орлеанисты. Это должно стать лозунгом для партии и основой ее политики»,— заявил он уже 10 сентября д'Оссонвиллю [172].

На время отсутствия Тьера его политический салон был переведен на квартиру графа д'Оссонвилля. Уже 12 сентября туда поступили сведения о первых результатах предвыборной деятельности орлеанистов. «Г. Симоннэ,— записал д'Оссонвилль вечером этого дня,— только что прибыл из Монтро... Он уже занимается выборами. Он сообщил мне имена, которые он предполагает включить в избирательный список нашего департамента» [173].

[167] «La Patrie en danger», 9 septembre 1870.
[168] «Le Reveil», 13 septembre 1870.
[169] D'Haussonville. Op. cit., p. 147—148
[170] Ibid., p. 143.
[171] Ibid., p. 158—159

[172] D'Haussonville. Op. cit., p. 148.
[173] Ibid., p. 160. Говоря о «нашем департаменте», д'Оссонвилль имел в виду деп. Сена и Марна, в список кандидатов от которого был включен его сын. Сам он намеревался пройти в Национальное собрание от Лотарингии при условии, если «парижское правительство попросит его, как об услуге, принять эту кандидатуру». Тьер перед отъездом обещал ему, что это так и будет. См. D'Haussonville. Op. cit., p. 148—149.

Глава IX

БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС ПРОТИВ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ ОСАДЫ ПАРИЖА

1

«Правительство национальной обороны», несмотря на возмущение широких масс парижского населения безнаказанностью контрреволюционеров, несмотря на предупреждения бланкистской и неоякобинской печати, продолжало политику попустительства монархистам, все более активизировавшимся в Париже и особенно в провинции. В результате такой политики в ряде местностей неоккупированной зоны Франции к середине сентября республика все еще не была провозглашена. В этих местностях продолжали попрежнему хозяйничать от имени Наполеона III префекты и мэры Второй империи. Так обстояло, например, дело в портовом городе Булонь-сюр-Мер (департамент Па-де-Кале) [1], в г. Верной (департамент Эр) [2], во многих других населенных пунктах. Даже вблизи Парижа, например в г. Корбей, 17 сентября еще не была провозглашена республика, а мэр города бонапартист Дарбле открыто предписал населению не оказывать сопротивления приближавшимся к городу прусским войскам и не остановился перед тем, чтобы разоружить местную национальную гвардию[3]. В некоторых других местностях, расположенных вблизи Парижа, как сообщалось в бланкистском клубе, к середине сентября республика также не была еще провозглашена [4].

Но и во многих местах, где республика была провозглашена своевременно, мало что изменилось. «В Сен-Дье, — возмущалась 13 сентября газета «Le Reveil», — су-префект Жерарден в свое время являлся одним из яростных инициаторов гонений 2 декабря. И он администрирует сейчас от имени республики!». Газета далее сообщала: «Аналогичные протесты раздаются во всех концах Франции»[5]. Другой неоякобинский орган, «Le Combat», сообщал значительно позднее, в двадцатых числах сентября, о том, что «во всей провинции военные власти все еще отказываются признать республику». Газета винила в этом военного министра генерала Лефло, который «до сих пор не направил местным военным властям никакого циркуляра, никакого предписания на этот счет» [6].

Временное правительство продолжало бездействовать, не принимая мер к пресечению контрреволюционной деятельности монархистов. Только один раз за период, предшествовавший осаде Парижа, Гамбетта на заседании правительства поставил вопрос об отстранении мэра г. Верной, бонапартиста д'Альбюфера, открыто поддерживавшего связь с пруссаками [7].

Зато крайнюю тревогу «правительства национальной обороны» вызывали революционные события, происходившие в провинциальных центрах страны. Начиная с 5 сентября Гамбетта на заседаниях правительства систематически информировал своих коллег о положении дел в Лионе, Марселе и в других промышленных городах. Особенно беспокоил временное правительство Лион.

В Лионе при активном участии местной секции Интернационала республика была провозглашена раньше, чем в Париже, — утром 4 сентября, тотчас после получения известия о поражении под Седаном. Рабочие завладели ратушей, заставив отступить охранявшие ее правительственные войска, оказавшие, впрочем, слабое сопротивление. С энтузиазмом была провозглашена революционная Коммуна, водружено на городской ратуше красное знамя. Был сформирован революционный орган власти — Комитет общественного спасения, состоявший частью из рабочих, принадлежавших к Интернационалу, частью из буржуазных республиканцев-радикалов[8]. Вслед за этим был создан Комитет общественной безопасности.

Одним из первых актов Комитета общественного спасения было довольно значительное обновление полицейского и чинов-

[1] «La Patrie en danger», 10 septembre 1870. Club de la Patrie en danger. Seance du 9 septembre 1870.

[2] «Le Reveil», 13 septembre 1870.

[3] «Le Combat», 16, 17 septembre 1870.

[4] «La Patrie en danger», 17 septembre 1870. Club de la Patrie en danger. Seance du 15 septembre 1870.

[5] «Le Reveil» 13 septembre 1870.

[6] «Le Combat», 21 septembre 1870.

[7] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 16 septembre 1870, p. 129.

[8] См. Маркс — Э.-С. Бизли. Лондон, 19 октября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 78.

ничьего аппарата Второй империи. Префект департамента Рона, генеральный прокурор, многие видные бонапартистские чиновники были арестованы и заменены республиканцами[9]. Лионская реакционная печать недаром с нескрываемым озлоблением противопоставляла радикальной политике лионского Комитета общественного спасения «мудрость и примерное поведение Парижа»[10].

Среди других важных мероприятий и решений Комитета общественного спасения следует отметить декрет об упразднении всяких преследований за участие в «политических выступлениях, стачках, ассоциациях и собраниях», изданный 5 сентября ", на другой день после освобождения из тюрьмы свыше 100 политических заключенных[12]. Как мы знаем, рабочие Парижа не могли добиться от центрального правительства издания такого декрета. Лионским Комитетом общественного спасения был издан также декрет о снятии религиозных учреждений с муниципального бюджета и о передаче коммунальных помещений светским школам[13]. Кроме того, было принято решение обратиться к правительству с предложением издать декрет об отделении церкви от государства[14] и о конфискации имущества духовенства[15]. Из других декретов, из данных в Лионе в первые дни существования лионской Коммуны, отметим декрет о бесплатном возврате владельцам заложенных в ломбарде вещей, стоимость которых не превышает 20 франков[16]; декрет об упразднении налога октруа[17], декрет об установлении налога на недвижимую собственность, а также на капитал, превышающий 1000 франков[18].

Последний декрет имел целью переложить тяжесть прямых и косвенных налогов на крупную буржуазию и вместе с тем увеличить финансовые ресурсы лионской Коммуны. Эти средства предназначались главным образом для нужд обороны, в частности для вооружения и снаряжения местной и мобильной национальной гвардии.

Комитет общественного спасения на своих ежедневных заседаниях уделял много внимания вопросам организации и вооружения национальной гвардии: раздаче оружия, обмундированию и оплате национальных гвардейцев, выборам начальствующего состава местной и мобильной национальной гвардии. Считая недостаточным количество оружия, имевшегося в арсеналах Лиона, Комитет общественного спасения принимал меры к его пополнению. В целях поощрения добровольческого движения он принял 8 сентября решение добиться от военных властей «упразднения всяких формальностей при зачислении в добровольческие отряды»[19]. 9 сентября Комитет общественного спасения постановил выделить из своей среды облеченную неограниченными полномочиями комиссию из пяти человек для надзора за производством оружия, инспектирования фортов и обеспечения всех прочих мероприятий, касающихся обороны[20].

Несомненный интерес представляют также обсуждавшиеся на заседаниях Комитета общественного спасения вопросы, не получившие — за недостатком времени — окончательного разрешения в виде декретов. Заслуживают особого внимания направленный 8 сентября на рассмотрение финансовой комиссии Комитета общественного спасения проект декрета об установлении на время войны жалования чиновникам в размере, не превышающем 3 тыс. франков[21], а также проекты декретов о конфискации имущества лиц, покинувших город и устранившихся таким образом от участия в его обороне[22], о смещении всех полицейских чиновников Второй империи и их замене представителями народа, избранными по-улично либо поквартально на основе всеобщего голосования[23].

Комитет общественного спасения не успел вынести окончательного решения по этим и другим обсуждавшимся важным вопросам. Не были практически осуществлены и некоторые из изданных им декретов. Так, например, взимание налога с крупных собственников было крайне затруднено. Часть из них в панике бежала из Лиона, чтобы спасти от обложения свои капиталы, другая часть прибегала к различным ухищрениям, стараясь скрыть от органов власти подлинные размеры

[9] «Actes», t. II, p. 22—26, Piece № 4. Liste generate de toutes les personnes arretees pendant le mois de septembre 1870 par le Comite de salut public et par mesure de surete generate.

[10] L. Garel. Op. cit., p. 40.

[11] «Actes», t. II, p. 31. Piece № 6. Affiches et proces-verbaux du Comite de salut public.

[12] Ibid., p. 27—30. Piece № 5. Etat nominatif des condamnes de droit commun mis en liberte le 4 septembre et les jours suivants.

[13] Ibid., p. 33. Comite de salut public. Seance du 7 septembre 1870 (matin); p. 42. Decret du 14 septembre 1870.

[14] Ibid., p. 33. Принято при двух голосах против.

[15] Ibid. Принято единогласно.

[16] Ibid., p. 35. Comite de salut public. Seance du 8 septembre 1870 (soir).

[17] Ibid., p. 39. Comite de salut public. Seance du 12 septembre 1870. Чистый доход от налога октруа в пользу муниципальной казны составлял около 6 млн. франков в год. См. L. Garel. Op. cit., p. 64—65.

[18] Ibid., p. 40. Decret du 12 septembre 1870.

[19] «Actes», t. II, p. 35. Comite de salut public. Seance du 8 septembre (midi).

[20] Ibid , p. 36, Comite de salut public. Seance du 9 septembre 1870 (soir)

[21] Ibid., p. 35. Comite de salut public. Seance du 8 septembre 1870 r).

[22] Ibid., p. 36. Comite de salut public. Seance du 9 septembre 1870.

[23] Ibid., p. 39. Comite de salut public. Seance du 12 septembre 1870.

принадлежавшего им состояния. Вмешательство центральной власти окончательно парализовало деятельность Комитета общественного спасения в этом направлении.

Первейшая забота «правительства национальной обороны», в частности Гамбетты с первого дня его пребывания на посту министра внутренних дел, состояла в том, чтобы как можно скорее положить конец существованию лионской революционной Коммуны, занявшей к тому же независимое положение по отношению к центральному правительству. Уже 5 сентября лионский Комитет общественного спасения был уведомлен о том, что в Лион направляется в качестве префекта департамента Рона, облеченного «необходимыми полномочиями», «стойкий республиканец» Шалемель-Лакур[24]. Утром 6 сентября новый префект, один из близких к Гамбетте людей, прибыл в Лион.

Вся последующая история лионской Коммуны является историей борьбы республиканского префекта против Комитета общественного спасения. Новый префект старался любыми средствами уничтожить первые революционные завоевания лионских рабочих и воспрепятствовать дальнейшей деятельности революционной власти Лиона. В этом ему активно помогала центральная власть.

5 сентября в депеше на имя лионского муниципального совета (Комитет общественного спасения не признавался центральным правительством законной властью в Лионе) Гамбетта, одновременно с сообщением о предстоявшем прибытии в Лион нового префекта, уведомлял, что префекту поручено, в частности, освободить из тюрьмы бывшего префекта, «если это еще не сделано»[25]. 6 сентября министр внутренних дел в первой депеше на имя прибывшего в Лион Шалемель-Лакура писал: «Лионские патриоты, стихийно принявшие меры, чтобы положить конец режиму, приведшему на нашу территорию иноземца,... в настоящий момент,' после создания правительства республики,... должны приветствовать в вас единственного законного представителя национальной обороны»[26]. Заявив, таким образом, что оно считает существование лионской Коммуны незаконным, временное правительство потребовало аннулирования важнейших мероприятий революционной власти Лиона, прежде всего освобождения арестованных чиновников и полицейских Второй империи. 6 сентября министр юстиции Кремье специальной депешей предписал освободить из тюрьмы генерального прокурора Лиона, мотивируя это тем, что «правительство не желает никаких политических арестов»[27]. 8 сентября Гамбетта от имени главы правительства Трошю и от своего имени дважды запросил, приведен ли в исполнение приказ об освобождении бывшего префекта и других арестованных лиц. Он при этом подчеркнул, что «правительство весьма взволновано длительным пребыванием в тюрьме арестованных чиновников»[28].

8 сентября Шалемель-Лакур сообщил в Париж о первых достигнутых им успехах. «Часть арестованных лиц освобождена... Лучшая часть Комитета общественного спасения.— *Э. Ж.,* как и вся национальная гвардия, на моей стороне»,— телеграфировал он министру внутренних дел[29]. Сообщение префекта относительно позиции национальной гвардии Лиона не соответствовало действительности, ибо он мог рассчитывать только на поддержку ее буржуазной части. Зато полностью соответствовало действительности его сообщение об освобождении части арестованных бонапартистов, как и о том, что ему удалось повлиять на часть членов Комитета общественного спасения; это в значительной мере облегчалось благодаря пестроте его состава и его громоздкости. Комитет состоял из 80 человек — людей различных социальных слоев и политических взглядов. Умереннейшие буржуазные республиканцы, вроде адвоката Луи Андрие, консерваторы различных оттенков, как, например, некоторые лионские фабриканты, заседали в нем рядом с рабочими-социалистами, членами Интернационала. О своей провокационной, раскольнической деятельности в Лионе Шалемель-Лакур самодовольно рассказывал позднее следственной комиссии: «Я решил, что в этом Комитете общественного спасения не все умы в одинаковой степени одержимы. С величайшей осторожностью и осмотрительностью я наводил справки, и таким образом мне удалось различить среди 80—100 членов Комитета общественного спасения около десятка лиц, пользовавшихся в нем наибольшим влиянием, благодаря своей интеллигентности и сравнительно недавним гарантиям, которые они представили демократической партии»[30].

Шалемель-Лакур установил связь с правыми элементами

[24] «Actes», t. IV, p. 4. Depeches telegraphiques, № 29944-P. Tours, 5 septembre 1870, 5 h. 48 s. Interieur a Comite de salut public, Lyon.

[25] «Actes», t. II, p. 3. Depeches telegraphiques, № 29811-P. Paris, 5 septembre 1870, 12 h. 39 s. Interieur a municipalite. Lyon. Hotel de ville.

[26] «Actes», t. IV, p. 70. Depeches telegraphiques, № 30395-P. Paris, 6 septembre 1870, 8 h. 46 s. Interieur a Prefet, Rhone, Lyon.

[27] «Actes», t. IV, p. 7. Depeches telegraphiques, № 30408-P. Paris, 6 septembre 1870, 6 h. 35 s. Ministre Justice a Challemel-Lacour, prefet. Lyon.

[28] «Actes», t. II, p. 9. Depeches telegraphiques, № 30781, 30991 bis. Interieur a prefet. Lyon. Paris, 8 septembre 1870, 9 h. 50 s. et 6 h. 30 s.

[29] «Actes», t. IV, p. 469. Depeches telegraphiques, № 41737-P. Prefet a Interieur. Lyon, 8 septembre 1870, 1 h. 20 s.

[30] «Actes», t. V, p. 515. Deposition Challemel-Lacour.

Комитета общественного спасения[31] и без особого труда превратил их в свою агентуру.

Таким образом в Комитете общественного спасения после прибытия в Лион нового префекта обозначились два течения. «Одни,— сообщал Шалемель-Лакур,— были более или менее расположены присоединиться к усилиям делегата центрального правительства; другое течение, напротив, было настроено по отношению ко мне крайне враждебно»[32].

Уже вечером 6 сентября, в день прибытия Шалемель-Лакура, на заседании Комитета раздавались голоса, требовавшие 'установления «добрых отношений с префектом и исправления некоторых чрезвычайных мер»[33]. В первую очередь предлагалось «освободить под залог некоторых лиц, в частности членов бывшего муниципального комитета»[34]. После бурных прений одержали верх сторонники этого предложения.

Так было положено начало отступлению. За первым предложением последовало второе — о немедленном назначении срока выборов в муниципальный совет. Как гласит протокол собрания, «после энергичных протестов большого числа присутствующих, считавших, что революционная власть должна быть еще сохранена, после длительной и бурной дискуссии предложение было принято и выборы назначены на 18 сентября»[35].

Между тем из Парижа следовали настоятельные предписания об освобождении из тюрьмы бывшего префекта и других отъявленных бонапартистов. Осуществить это пока не удавалось. 8 сентября Шалемель-Лакур в ответной депеше Гамбетте сообщал об «ожесточенном сопротивлении части комитетов»[36] и выражал опасение, что освобождение бывших чиновников может привести в Лионе к гражданской войне. «Вчера вечером,— информировал он министра,— состоялось многолюдное собрание в Гийотьере[37]. Второе собрание назначено на сегодня. Серьезный кризис. Располагаю вооруженной силой, однако воздерживаюсь, так как хочу избежать вооруженного столкновения»[38].

Решение Комитета общественного спасения об освобождении под залог арестованных чиновников вызвало сильное волнение и в рабочем предместье Лиона Круа-Русс. Вечером 7 сентября, во время заседания Комитета, в ратушу прибыла делегация от рабочих этого предместья, потребовавшая объяснений по поводу вывешенного объявления об освобождении под залог части арестованных чиновников Второй империи. За первой делегацией появилась вторая, предъявившая те же требования. Председатель Комитета общественного спасения Щепье, один из наиболее умеренных членов его пролетарского состава, повидимому не сумел дать удовлетворительного ответа делегации, ибо, как гласит протокол заседания Комитета общественного спасения, в поддержку ему выступили буржуазные члены Комитета Андрие и Мэнар[39]. .

Классовое чутье подсказывало рабочим Лиона, какую опасность представляет для учрежденной ими революционной Коммуны уступка, сделанная реакции Комитетом общественного спасения. Они заставили Комитет немедленно опубликовать заявление, в котором решение об освобождении под залог арестованных чиновников признавалось ошибочным[40]. Бывший префект не был освобожден. Однако 8 сентября решено было перевести его из мэрии Круа-Русс, где он содержался в заключении с 4 сентября, в тюрьму Сен-Жозеф[41], подальше от рабочих кварталов.

Чрезвычайно острую форму приняла в последующие дни в Комитете общественного спасения борьба по вопросу о сроке выборов в муниципальный совет. Уже после принятия решения о назначении выборов на 18 сентября последовали протесты ряда членов Комитета, потребовавших аннулирования принятого решения. Оппозиция в Комитете общественного спасения была одно время настолько сильна, что префект был вынужден дать заверения в том, что выборы будут происходить «в революционном духе» и состоятся не ранее чем во всех других коммунах департамента Рона[42].

Однако в конечном счете победу в этом вопросе одержал префект, как это видно из депеши, посланной им 11 сентября Гамбетте. В ней Шалемель-Лакур сообщал о том, что он постепенно все более «завоевывает почву в Лионе и становится господином положения»[43]. Строжайший надзор за перепиской префекта, установленный в первые дни Комитетом обществен-

[31] «Actes», t. II, p. 8. Rapport Sugny.

[32] «Actes», t. V, p. 516. Deposition Challemel-Lacour.

[33] «Actes», t. II, p. 32. Proces-verbaux du Comite de salut public. Seance du 6 septembre 1870 (soir).

[34] Ibid., p. 33. Seance du 6 septembre 1870 (soir).

[35] Ibid.

[36] Имелись в виду Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности.

[37] Рабочее предместье Лиона.

[38] «Actes», t. IV, p. 479. Depeches telegraphiques, № 42737-P. Prefet a Interieur. Lyon, 8 septembre 1870, 1 h. 20 s.

[39] «Actes», t. II, p. 34. Comite de salut public. Seance du 7 septembre 1870 (8'/₂ h. du soir).

[40] Ibid., p. 34. Le Comite de salut public aux citoyens lyonnais. Lyon, le 7 septembre 1870.

[41] Ibid., p. 35. Comite de salut public. Seance du 8 septembre 1870 (midi).

[42] Ibid., p. 36—37. Comite de salut public. Seance du 10 septembre (matin); «Actes», t. IV, p. 481. Depeches telegraphiques, № 1844. Prefet a Interieur. Lyon, 12 sept. 1870, 7 h. 30 s.

[43] «Actes», t. II, p. 62. Prefet du Rhone au ministre de l'lnterieur.

ного спасения, был снят. Префект получил полную возможность беспрепятственно осуществлять, при помощи реакционных элементов, свой заговор против лионских рабочих. Вскоре ему удалось еще более приблизить срок муниципальных выборов. 11 сентября он сообщил в Париж, что муниципальные выборы назначены в Лионе на 15 сентября[44].

Выборы действительно состоялись 15 сентября. Был избран муниципальный совет, состоявший из правых буржуазных республиканцев и еще более консервативных элементов. 16 сентября он занял место революционной власти Лиона — Комитета общественного спасения.

В последнем своем обращении к населению Лиона Комитет общественного спасения подвел итог своей кратковременной деятельности, заявив при этом, что «в своем поступательном движении и в своей преобразовательной деятельности он был вынужден сталкиваться с препятствиями, чинимыми злой волей администрации, военной и гражданской иерархией»; что «ему приходилось вести борьбу против высокомерных предубеждений старой и новой власти в отношении революционного действия»[45].

В Марселе, где имелась сильная секция Интернационала[46], была также провозглашена революционная Коммуна до получения известия о событиях в Париже. Население Марселя узнало о разгроме французской армии рано утром 4 сентября из официального правительственного сообщения, расклеенного по городу местными властями[47]. Уже в 10 часов утра у здания префектуры теснились многочисленные толпы народа, полные решимости немедленно покончить с бонапартистским режимом. Людской поток на улицах и площадях Марселя все прибывал, оглашая город пением «Марсельезы» и «Походного гимна» и сокрушая повсюду на своем пути статуи Наполеона III и эмблемы империи. Правительственные войска братались с народом.

Около 2 часов дня народные массы двинулись к городской ратуше, где впервые собрался избранный в начале августа муниципальный совет, состоявший из буржуазных республиканцев. Марсельские рабочие, не дожидаясь решений муниципального совета, водрузили на ратуше красное знамя. Созданный по их инициативе революционный Комитет общественного спасения приступил к исполнению своих обязанностей. Наряду с ним была создана так называемая департаментская административная комиссия, в которую вошли десять членов муниципального совета во главе с умеренным буржуазным республиканцем, крупным коммерсантом Лабадье, назначенным временным префектом департамента Устья Роны на место смещенного бонапартистского префекта.

В Марселе, так же как в Лионе, были 5 сентября произведены аресты полицейских чиновников империи, смещен командующий вооруженными силами департамента Устья Роны генерал-бонапартист д'Орель де Паладин. Населению была обещана немедленная раздача оружия. Началось формирование национальной гвардии.

Однако деятельность Комитета общественного спасения была парализована рядом обстоятельств. Комитет состоял из людей различных политических убеждений — умеренных и радикальных буржуазных республиканцев, социалистов. Что касается департаментской административной комиссии, то в нее входили лица, всячески препятствовавшие осуществлению тех радикальных политических и экономических мероприятий, которые были приняты Комитетом общественного спасения под давлением его социалистических членов. Враждебно встретил эти мероприятия также верховный администратор департамента Устья Роны, буржуазный республиканец Эскиро, ставленник Гамбетты. При поддержке министра внутренних дел Эскиро аннулировал их.

Революционные события, происшедшие в Лионе и Марселе, оказали влияние на события в Тулузе. В этом городе существовала сильная секция Интернационала. Революционная Коммуна в Тулузе была также провозглашена до получения известия о событиях в Париже. Уже утром 5 сентября здесь были произведены аресты среди полицейских Второй империи, а в следующие дни осуществлен ряд радикальных политических и социальных мероприятий.

Но так же, как в Лионе и Марселе, «правительство национальной обороны», действуя через свою агентуру, уничтожило революционные завоевания рабочих Тулузы и других провинциальных городов. Маркс писал в 1871 г.: «Коммуна была провозглашена в Лионе, затем в Марселе, Тулузе и т. д. после Седана. Гамбетта приложил все усилия, чтобы подавить ее»[48].

2

Между тем немцы беспрепятственно двигались к Парижу. Третья и Четвертая немецкие армии, наступавшие двумя раз-

[44] «Actes», t. IV, p. 480. Depeches telegraphiques, № 1832. Prefet a Interieiw. Lyon, 11 septembre 1870, 2 h. 25 s.

[45] «Actes», t. II, p. 40—41. Rapport Sugny. Pieces justificatives.

[46] См. Маркс — Э.-С. Бизли, 19 октября 1870. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI, стр. 78.

[47] Оно было подписано военным министром Второй империи. См. «Actes», t. II, p. 68. Rapport Sugny.

[48] К. Маркс. Первый набросок «Гражданской войны во Франции». «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), стр. 313.

личными маршрутами на французскую столицу, не встречали на своем пути почти никакого сопротивления. «Правительство национальной обороны» не ставило своей задачей организовать оборону многочисленных укрепленных пунктов севера и востока Франции, лежавших на пути следования германских войск, что, несомненно, ослабило бы их силы, продлило бы их путь к Парижу и дало бы возможность французам лучше подготовиться к предстоявшей осаде столицы. Этого именно и опасался Мольтке, учитывавший недостаточное количество (около 150 тыс. человек) и невысокую боеспособность утомленных предшествовавшими сражениями немецких войск[49]. Однако французское правительство словно поставило своей целью облегчить неприятелю движение на Париж. Оно и не помышляло о том, чтобы снабдить необходимыми средствами обороны наиболее угрожаемые укрепленные пункты. Некоторые представители власти на местах были готовы по первому предписанию из Парижа оказать вооруженное сопротивление оккупантам. Они запрашивали на этот счет центральную власть, но получали обычно уклончивый ответ: «поступать соответственно обстоятельствам», что было равносильно предписанию об отказе от сопротивления.' В результате прусское командование получило возможность в кратчайший срок и с наименьшими потерями осуществить свой военный план. Одни укрепленные пункты Франции сдавались без боя, считая сопротивление безнадежным; другие оказывали сопротивление, но, не получая поддержки, в конечном счете были вынуждены сдаться. Как правило, инициатива сопротивления исходила снизу, от населения и рядовых солдат французской армии. Так было, например, при сдаче 9 сентября крепости Лан. Оставшийся неизвестным рядовой солдат французской армии взорвал крепость в момент ее сдачи неприятелю, похоронив себя под ее развалинами. Героически сопротивлялись пруссакам, стараясь задержать их продвижение к Парижу, гарнизоны и население отдельных укрепленных пунктов — Монмеди, Суассона и др. Но это были единичные случаи.

«Разве так ведут войну? — писал 14 сентября Бланки.— Отступающая армия должна откатываться медленно, отстаивая позицию за позицией, сдерживая передовые отряды неприятеля и принуждая его развертывать свои людские силы». Указав далее на то, что пруссаки, не встречая сопротивления на своем пути, скоро появятся под стенами Парижа, Бланки утверждал, что в действительности Франция располагает достаточными боевыми силами, чтобы шаг за шагом, позиция

[49] H. Moltke. Geschichte des deutsch-franzosischen Krieges von 1870—71. Berlin, 1891, S. 114. Имеется русский перевод.

за позицией, оспаривать у неприятеля каждую пядь земли. В активных оборонительных боях французской армии Бланки видел залог ее дальнейших успехов. Отказ от таких боев он расценивал как «зловещее предзнаменование для будущей обороны». В связи с этим Бланки писал: «Не рассчитывают ли больше на дипломатическую миссию Тьера, на его переговоры с иностранными дворами, чем на мужество и патриотизм солдат республики?». И он с прискорбием заключал: «В какую же пропасть мы катимся!»[50].

Более серьезное сопротивление, чем французская армия, оказывали наступавшим немецким войскам партизаны (франтиреры), в рядах которых было немало крестьян. Отряды франтиреров взрывали мосты, разрушали проезжие дороги, производили смелые нападения на вражеские части. Мольтке впоследствии признавал, что французские франтиреры в сентябре 1870 г. чинили серьезные препятствия прусской кавалерии, которая в ряде случаев оказывалась вынужденной спешиваться, чтобы выбивать партизан из засады[51]. Все возраставшая сила народного сопротивления прусским оккупантам являлась отражением нараставшей ненависти, которую возбуждали во Франции прусские захватчики своими бесчинствами на оккупированной ими французской земле. Путь немецкой армии во Франции, как указывал в 1870 г. Энгельс, был «слишком часто отмечен огнем и кровью»[52].

«Никто в мире не питает такой ненависти к французам, как прусские юнкеры»,— писал Энгельс. В основе такой ненависти лежало главным образом то, что в результате французской революции конца XVIII в. «былое юнкерское величие было похоронено в значительной мере даже в старой Пруссии, а за последние остатки этого величия бедным юнкерам приходилось из года в год вести упорную борьбу, и большая их часть уже опустилась до уровня жалкого паразитического дворянства. За это следовало отомстить Франции, и эту задачу выполнили юнкерские офицеры в армии под руководством Бисмарка»[53].

Оккупация французской территории немецкими войсками началась 4 августа. В течение августа они захватили в Эльзасе значителную часть департаментов Нижний и Верхний Рейн, в Лотарингии — часть департаментов Мез, Мозель, Мерт, Вогезы; они заняли также часть департамента Арденны. В сентябре

[50] «La Patrie en danger», 14 septembre 1870.

[61] H. Moltke. Op. cit.. S. 118.

[52] Ф Энгельс. Бои во Франции. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 174.

[53] Ф Энгельс. Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 485—486

были оккупированы департаменты Сена и Уаза, Сена и Марна. Таким образом, уже в первые два месяца войны немцы завладели замечательными по своим природным богатствам и важными в экономическом отношении районами Франции. На занятой ими французской территории они установили варварский оккупационный режим.

Между тем 11 августа в воззвании к населению оккупированных французских областей Вильгельм I торжественно провозгласил, что он «ведет войну с французскими солдатами, а не с гражданами Франции», и гарантировал мирному населению «полную личную и имущественную безопасность»[54]. Аналогичное обещание было повторно дано 18 августа командующим Третьей германской армией кронпринцем Прусским Фридрихом-Вильгельмом в прокламации к населению Лотарингии. «Населению,— говорилось в этой прокламации,— нечего опасаться враждебных по отношению к нему мер. Мирные жители должны рассчитывать на самую большую заботу о них»[55]. Однако прусский король гарантировал покровительство французским гражданам лишь «до тех пор, пока враждебные действия, предпринятые ими против немецких войск, не лишат их этого права»[56].

Что следовало понимать под лишением «права на покровительство» прусского короля, было в ходе войны весьма вразумительно разъяснено оккупантами населению Франции. Прусское командование беспощадно истребляло французов, ставших На путь борьбы против захватчиков. С 18 августа, как это видно из соответствующего приказа прусского командования, на оккупированной французской территории вводились военные суды, которым предписывалось выносить смертные приговоры лицам, «не принадлежащим к французской армии», которые будут совершать враждебные акты против немецких войск. Приговоры эти должны были немедленно приводиться в исполнение. Минимальное наказание за участие в партизанском движении определялось в 10 лет каторжных работ[57], отбываемых в Германии. Коммуны, указывалось в приказе, на территории которых будут совершаться подобные акты, будут в каждом отдельном случае облагаться штрафом, независимо от того, являются ли лица, совершившие эти акты, жителями данных коммун. Штраф налагался в размере ежегодной суммы налога с недвижимого имущества, выплачивавшейся коммуной.

В более поздних прокламациях оккупанты требовали от французских мэров выдачи франтиреров немецким властям. «В тех случаях,— говорилось, например, в прокламации командующего Второй немецкой армией принца Фридриха-Карла от 31 августа, опубликованной в департаменте Арденны,— когда мэры не предупредят заранее о появлении франтиреров, все дома и местности, в которых найдут убежище франтиреры, а равно места, откуда будут производиться атаки на немецкие войска, будут сжигаться или подвергаться бомбардировке»[58]. «Истинно *по-прусски,*— писал по этому поводу 2 сентября Маркс,— звучит заявление, что никто не имеет права защищать свое «отечество», кто ае носит мундира!»[59].

Прусские захватчики требовали от французского населения прямой измены родине, выдачи оккупантам французов, борющихся против них, и обязательного выполнения функций проводников при вражеской армии. «Теперь становится понятно,— с негодованием писал по этому поводу один из современников франко-прусской войны,— что имел в виду король Вильгельм под выражением «мирные жители». «Мирный житель»— это изменник родине, предатель своих друзей, сын, предающий отца, отец, предающий сына. Для всех прочих одна кара — смерть!»[60].

Известны факты беспощадного истребления прусскими оккупантами еще до 4 сентября целых селений во Франции, не пожелавших склониться перед победителями. Ярким примером такой расправы является варварское уничтожение 31 августа 1870 г. населения деревни Базейль. «Утром 31 августа,— сообщал 1 сентября в редакцию «Gazette de France» один из свидетелей последствий базейльской трагедии,— мужественные жители этой деревни при виде приближавшегося неприятеля надели свои мундиры национальных гвардейцев и пришли на помощь армии, защищавшейся против корпуса баварцев и против эрфуртской дивизии Шелера из состава IV прусского резервного корпуса. Французская армия была отброшена. Враг вступил в Базейль, и тогда начались чудовищные сцены и эксцессы, которым нет названия и которые навсегда обесчестили тех, кто их совершил. В наказание за то, что жители защищались, баварцы и пруссаки сожгли деревню. Большинство национальных гвардейцев погибло. Жители, укрывавшиеся в подвалах, в том числе женщины и дети, сгорели. Из 2 тыс. жителей едва уцелело 300 человек. Они рассказывают, что видели, как баденцы втаскивали в огонь целые семьи и рас-

J. Valfrey. Op. cit, t. Ill, p. 269. Piece justificative № 1.
Ibid., p. 270. Piece justificative № 2.
Ibid., p. 269. Piece justificative № 1.
Ibid., p. 274. Piece justificative № 4.

[58] J. Valfrey. Op. cit., t. Ill, p. 275. Piece justificative № 5.
[59] Маркс — Энгельсу. 2 сентября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 390.
[60] Ch. Daubaп. La guerre comme la font les prussiens. Paris, 1870, p. 23—24.

стреливали женщин, пытавшихся бежать. Я видел собственными глазами дымящиеся руины этой несчастной деревни. Душил запах горелого человеческого мяса. У дверей домов я видел обуглившиеся тела их обитателей»[61].

Письмо это было перепечатано в газетах ряда стран и наделало так много шума, что немцы вынуждены были выступить с опровержением, никого не убедившим, так как другие показания рисовали еще более ужасающую картину расправы с Базейлем и его жителями. «От этого красивого селения,— сообщалось, например, в одной бельгийской корреспонденции,— остались одни развалины; сгорело 647 домов. Бомбами же было разрушено лишь 30 домов. После отступления французов баварцы при помощи разрывных пуль и ракет сожгли остальные дома, облив их предварительно керосином, чтобы усилить пламя». Далее из той же корреспонденции мы узнаем, что пруссаки сжигали в Базейле раненых французских бойцов.

Развалины Базейля посещались не только французами, но и многочисленными иностранцами, стремившимися лично удостовериться в правдивости слухов о зверской расправе немецких оккупантов с жителями этого селения.

Беспощадно расправляясь с партизанами, немецкое командование одновременно применяло систему опустошительных реквизиций у мирного населения, производившихся без всякого учета его материальных.возможностей и подрывавших экономические ресурсы целых районов Франции. Прусские захватчики с присущей им методичностью выкачивали из оккупированной зоны все, что только можно было выкачать.

Уже в прокламации от 11 августа прусский король предписывал командирам корпусов немедленно принять меры к обеспечению реквизиции провианта у населения «в размерах, признанных необходимыми для нужд войск»[62]. 18 августа населению оккупированных областей было сообщено о нормах обложения. «Каждый солдат,— указывалось в прусской прокламации,— должен получать ежедневно 750 г хлеба, 500 г мяса, 250 г свиного сала, 30 г кофе, 60 г табака или пять сигар, поллитра вина, либо литр пива или 0,1 литра водки». На содержание каждой лошади французское население обязано было доставлять ежедневно 6 кг овса, 2 кг сена и 1,5 кг соломы. «В тех случаях, когда жители предпочтут возмещать расходы деньгами, а не натурой,— указывалось в прокламации,— они должны будут выплачивать на содержание каждого солдата 2 франка в день»[63]. Издеваясь над населением Франции, кронпринц Прусский в прокламации от 18 августа заявлял: «Для

[61] См. E. Fou'rnier. Les prussiens chez nous. Paris, 1871, p. 61—62.
[62] J. Valfrey. Op. cit., t. Ill, p. 270, Piece justificative № j.
[63] Ibid., p. 272—273. Piece justificative № 3.

содержания армии и требую лишь излишек провизии, ненужный французскому населению»[64].

О том, что в действительности означали для французского населения производившиеся у него реквизиции, можно судить по некоторым примерам, относившимся к первым же дням прусской оккупации в Эльзасе. Так, эльзасский городок Гагенау с населением в 7350 человек, занятый немцами уже 7 августа, был обязан расквартировать и содержать за счет немногочисленного местного населения несколько тысяч баденских и прусских кавалеристов. Город был, кроме того, обложен контрибуцией в 1 млн. франков — суммой, до такой степени превышавшей ресурсы города, что для выплаты ее муниципальный совет вынужден был произвести заем в Швейцарии у муниципального совета г. Базеля. Коммуна Барр в департаменте Нижний Рейн, насчитывавшая немногим более 4 тыс. человек, должна была доставить 54 тыс. кг хлеба, 72 тыс. кг мяса, 10 тыс. кг риса, 1800 кг соли, 1800 кг жженого кофе, 2400 кг зеленого кофе, 50 тыс. литров вина, 2400 центнеров овса, 600 центнеров сена, 700 центнеров соломы. Другие коммуны департамента Нижний Рейн, едва в них вступили пруссаки, были также обложены огромными контрибуциями.

Приведем некоторые цифровые данные, дающие представление о бремени, ложившемся на население оккупированной зоны в связи с расквартированием и содержанием прусских войск. Данные эти касаются мелких селений департаментов Марна и Эн[65].

Название селем"	Численность населения	Расквартировано людей	Содержалось лошадей
Bermericourt	80	600	100
Sarcy . . .	250	3000	500
Chermlzy . .	250	2800	800
Fresne . . .	400	1000	400
Bourgogne .	1000	2000	350
»	—	1500	2000
Buzancourt .	1300	3900	1200
Warmeriville	2000	12000	1200 (4 сент.)
	—	3000	700 (5 сент.)
	—	4000	700 (8 сент.)

«Даже там, где вражеские войска не останавливались на постой,— сообщал А. Мезьер о методах прусской оккупации в Эльзасе,—они облагали местности тяжелыми реквизициями и с неумолимой пунктуальностью требовали их уплаты. Они рыскали по всему департаменту Нижний Рейн.— *Э. Ж.,* вплоть

[64] J. Valfrey. Op. cit., p. 270. Piece justificative № 2.
[65] Таблица заимствована из кн. A. Brenet. La France et l'Allemagne devant le droit international. Paris, 1902, p. 60.

до гор, с единственной целью — расширить круг своих грабежей и увеличить размеры своей добычи. Их можно было видеть повсюду, и везде они сеяли вокруг себя ужас. Они назначали срок, когда снова вернутся за получением требуемого, и их пунктуальность была уже до такой степени известна, что в назначенный ими день их с ужасом ожидали»[66].

Таким образом, прусские оккупанты ставили население захваченных ими районов перед альтернативой: либо военный суд и смерть в случае сопротивления, либо разорение от непосильных поборов в случае отказа от сопротивления.

Немецкая оккупационная армия содержалась исключительно за счет французского населения. «Война питает войну»,— этим грабительским принципом неукоснительно руководствовались оккупанты. Помимо нормы провианта, перечисленного выше, население обязано было выплачивать каждому немецкому офицеру от 6 до 8 франков в день. Что касается расходов на содержание высших чинов немецкой оккупационной армии, то они не регламентировались. Это давало прусским интендантам еще более широкие возможности всяческих злоупотреблений.

«Из всех офицеров германской армии,— писал один из современников,— именно интенданты проявляли по отношению к несчастным муниципалитетам наибольшую требовательность и непреклонность, порой доходившую до зверской жестокости. Всегда они действовали методами угроз... Немецкие интенданты систематически грабили французское население, забирая у него насильственно кожу для обуви и упряжи, железо, гвозди для ковки лошадей, шерсть, сукно для обмундирования людей, дерево для строительных нужд и для отопления печей, плиты для бараков и походных госпиталей, свечи, масло, керосин для освещения учреждений, бумагу, конверты, сургуч и даже облатки для запечатывания конвертов в их канцеляриях. И таким же образом они приобретали все прочее. Все, решительно все изымалось у населения путем реквизиций. В первое время жители были вынуждены приносить интендантам даже свое белье и обувь, чтобы удовлетворить несоразмерные с ресурсами местной торговли требования, сопровождавшиеся угрозами военной экзекуции и самой суровой кары по отношению к наиболее почтенным жителям»[67].

Особенно страдало от оккупантов сельское население. Систематически производившиеся реквизиции зерна, скота, сельскохозяйственного инвентаря разоряли французских крестьян. Нередки были случаи, когда крестьяне принуждались к тому, чтобы следовать в обозе немецких войск на собственных телегах, груженных продовольствием и фуражем для немецкой армии, больными и ранеными немецкими солдатами.

Не довольствуясь грабительскими поборами натурой, оккупанты вымогали у населения значительные денежные суммы. Для этого существовали три приема. Первый — контрибуции в виде единого ежемесячного обложения, размер которого определялся следующим образом: к сумме прямых налогов текущего года прибавлялась средняя от общей суммы косвенных налогов (не считая налогов на табак, соль, порох) за последние пять лет. Полученная таким образом сумма распределялась между населением[68]. Ответственным за своевременный взнос этой суммы был мэр данной местности. Методами террора, наложением крупных штрафов за каждый просроченный день оккупанты обеспечивали себе аккуратную уплату денег. В ряде случаев они подкупали французских мэров, превращая их в своих агентов, отчисляя в их пользу 3% взимаемой ими контрибуции. Далее следовали денежные штрафы за разные провинности, составлявшие крупную статью дохода оккупантов. Третий источник составляла эксплуатация лесных массивов: было вырублено и вывезено из Франции, главным образом из Эльзаса и Лотарингии, немало лесных богатств.

Оккупанты вывозили в Германию ценнейшие богатства Франции — от редких произведений искусства французских музеев и дворцов до оборудования предприятий. Оборудование, вывозилось из Лотарингии, из департамента Уаз и из ряда других, занятых немцами районов.

Все вышеперечисленные поборы натурой, контрибуции, штрафы и пр. взимались обычно префектом, назначавшимся прусским командованием тотчас после захвата той или иной местности и действовавшим.через посредство французских мэров в. тех областях, которые считались немцами временно оккупированными, а в Эльзасе и в так называемой немецкой Лотарингии— через прусских финансовых чиновников, занявших. места уволенных немецкими властями французских чиновников.

В этих двух областях подавляющее большинство государственных должностей было тотчас после вступления немецких войск распределено между прусскими чиновниками, хотя в со-„ставе «союзной армии»., оккупировавшей Эльзас и Лотарингию, находились баварцы, вюртембержцы, бадёнцы. Наплыв пруссаков в Эльзас и Лотарингию с первых дней оккупации этих

[66] A. Mezieres. L'invasion en Alsace. «Revue des deux mondes». 1870, t. 89, p. 606—607,

г «"-De-la Coste. L'armee phissienne en"Lorraine. «Le Corresp'ondant», 10 aofit 1871, p. 397—398.

[68] Прокламация ген.-губернатора Лотарингии от 5 сентября 1870 г., ст. Г и II. «Le Correspondent», 10 aout 1871, p. 399. ,

двух провинций отмечается рядом современников франко-прусской войны. Немецкий буржуазный радикал Карл Фогт в своих «Политических письмах» сообщал, со слов близко стоявшего к Бисмарку лица, о том, что уже к концу сентября 1870 г. в канцелярию Бисмарка поступило около шести тысяч прошений о замещении должностей в Эльзасе. «Представь себе,— писал по этому поводу Фогт буржуазному демократу Фридриху Кольбу,— весь этот поток служащих, устремившихся в новую провинцию, словно в какую-то Калифорнию, со своими женами и детьми»[69]. «Господин Фогт мог бы лучше всякого другого,— отметил в связи с сообщением Фогта французский публицист А. Дюмон,— изобразить то глубокое удовлетворение, которое было написано на лицах (прусских.— *Э. Ж-)* чиновников в Эльзасе... Некоторые из них совсем потеряли голову от радости. Я мог бы назвать г. Фогту сборщика поборов, разъезжавшего в карете с грумом, трубачем и глашатаем, который в каждой деревне должен был выкрикивать: «Приветствуйте первого сборщика поборов в Эльзасе»[70]. Захват должностей, занимавшихся ранее французами, как отмечала в то время французская печать, являлся составной частью прусской оккупационной системы.

Рассчитывая на отторжение от Франции Эльзаса и части Лотарингии, прусские власти несколько слабее облагали поборами население этих двух областей. Французский историк А. Рамбо, бывший современником франко-прусской войны, сообщал о том, что, например, в немецкой Лотарингии «военные постои были менее обременительными, чем во французской Лотарингии... они не сопровождались обязательством кормить солдата». Но хотя прусская администрация «проявляла гораздо больше черствости, придирчивости, хищничества во французской Лотарингии, чем в так называемой немецкой», они, по свидетельству А. Рамбо, и в немецкой части Лотарингии тяжело обрушивались на местное население, особенно страдавшее от произвола и бесчинств прусского командного состава[71].

Но чем больше бесчинствовали во Франции прусские оккупанты, тем более ожесточенным становилось сопротивление широких масс французского населения.

Волна партизанского движения после 4 сентября все шире разливалась по стране. Если в первый месяц войны были возможны случаи, подобные происшедшему в г. Нанси (Лотарингия), где четыре ворвавшихся в город прусских улана легко добились беспрекословного подчинения своим приказам и безнаказанно грабили население, то в следующие месяцы пруссакам нужны были внушительные силы для сопровождения реквизиционных отрядов. «Отдельным ротам или эскадронам,— писал в этой связи Энгельс,— когда они расквартированы в деревне, приходится чрезвычайно остерегаться внезапных ночных нападений, так же как и нападений из засад во время похода»[72].

Партизанские отряды множились на занятой немцами территории, наводя ужас на оккупантов. Зверская расправа с французскими партизанами — таков был ответ прусского командования на действия французских народных мстителей.

3

Рабочие Парижа, объятые крайней тревогой за судьбу своей страны, мало что знали достоверного о ее военном положении после Седана. Правители французской республики, по примеру бонапартистов, скрывали его от народных масс. «Характерно для паршивого парижского правительства,— писал Энгельс 7 сентября Марксу,— что оно тоже не решается преподнести публике правду о том, как собственно обстоят дела»[73]. Революционная печать столицы — настойчивее всего бланкистская — требовала от правительства, чтобы оно, наконец, нарушило молчание. «Париж объят беспокойством,— писала 8 сентября бланкистская газета.— Правительство молчит. Оно продолжает ошибки последних лет. Положение не терпит молчания. Необходимо успокоить народ, который чувствует приближение бури. Народ ничего не знает. Ему ни слова не говорят об опасности, как и о средствах ее преодоления»[74].

Правдиво рассказать широким массам населения о подлинной опасности, угрожавшей Парижу, значило возбудить в народе еще более мощное движение в защиту столицы. Напротив, скрывая действительное военное положение, правительство облегчало себе возможность саботировать оборону Парижа и провинции.

«Правительство национальной обороны» — так же, как бонапартистское правительство,— руководствовалось в своих действиях скорее политическими, чем военными соображениями. Так, например, Гамбетта, возглавлявший организацию нацио-

[69] K. Vogt. Politische Briefe. Biel, 1870. S. 22, 23.

[70] A. Duitntfnt. L'Alsace sous le regime prussien. «Revue des deux mondes, 1871. t. 98, p. 418—419.

[71] A. Rambaud. La Lorraine sous le regime prussien. «Revue des deux mondes», 1 mai 1871, p. 151.

[72] Ф. Энгельс. Бои во Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 173.

[73] Энгельс — Марксу. 7 сентября 1870 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 396.

[74] «La Patrie en danger», 8 septembre 1870

нальной гвардии в Париже и в провинции[75], в изданном им 5 сентября приказе о порядке комплектования парижской национальной гвардии сохранял созданные правительством Второй империи 60 «благонамеренных» буржуазных батальонов департамента Сена и фактически исключал из рядов национальной гвардии зачисленную в нее в последние дни империи часть рабочего населения, умышленно оставленную бонапартистами невооруженной. Согласно приказу Гамбетты, национальная гвардия отныне комплектовалась только из людей, располагавших оружием. «Лица,— гласил приказ,— недавно внесенные в списки национальной гвардии, которые, таким образом, не будут больше состоять в них, переходят в распоряжение мэров тех округов, в которых они проживают,— с тем, чтобы создать из них новые батальоны».

Гамбетта предписал создание 60 новых батальонов национальной гвардии по 1500 человек в каждом. И в данном случае им руководили политические соображения: число батальонов в каждом округе устанавливалось соответственно числу имевшихся в нем избирателей, а между тем не все рабочие могли пользоваться избирательными правами. Кроме того, согласно приказу, списки граждан, подлежавших включению в батальоны, должны были быть проверены окружной комиссией, возглавляемой мэром соответствующего округа, что, несомненно, затрудняло рабочим доступ в национальную гвардию.

Отсюда понятно, почему полковник Монтагю, бывший в сентябре— октябре 1870 г. заместителем начальника генерального штаба национальной гвардии Парижа, в своих позднейших показаниях выразил сожаление по поводу того, что приказ, изданный 5 сентября 1870 г. Гамбеттой, на практике не был соблюден. «Если бы придерживались приказа Гамбетты,—заявил он,— национальная гвардия могла быть отлично организована. Ее можно было укомплектовать превосходными элементами»[76]. Монтагю возлагал на парижских мэров ответственность за то, что национальная гвардия Парижа, вопреки декрету Гамбетты, «достигла огромной численности».

Монархисты, противники сентябрьской республики, возлагали ответственность за непомерный, по их мнению, рост национальной гвардии после 4 сентября на «правительство национальной обороны» в целом. Они подвергали особенно резким нападкам министра внутренних дел. Трошю в своих показаниях старался «реабилитировать» Гамбетту перед следственной комиссией. «Не Гамбетта, а непреодолимая сила обстоятельств сделала неизбежным всеобщее вооружение,— заявил он.— Я убежден, что между Гамбеттой и демагогией не существовало никакого сговора». В подтверждение своих слов Трошю ссылался на то, что «каждый раз, когда демагоги являлись к Гамбетте в ратушу, он показывал себя их решительным противником»[77].

«Непреодолимая сила обстоятельств», вынуждавшая «правительство национальной Обороны» вооружать гораздо более широкий контингент населения Парижа, чем тот, который оно первоначально намеревалось вооружить, заключалась в том, как давал понять Трошю, что возглавляемое им правительство не чувствовало себя достаточно устойчивым (etabli)[78]. Ввиду этого ему приходилось лавировать, «сдерживать демагогию при помощи моральной силы», иными словами, лицемерно заигрывать с революционными рабочими Парижа и, помимо своей воли, идти на известные уступки народным массам.

Даже некоторые из противников «правительства национальной обороны», возлагавших на него впоследствии ответственность за поражение Франции в войне 1870—1871 гг., как и за восстание 18 марта 1871 г., признавали, что вооружение населения являлось вынужденным актом со стороны этого правительства. «Республиканская партия,— заявил, например, в своих показаниях главный редактор «Journal de Paris» орлеанист Эрве,— страдает тем недостатком, что ее штаб гораздо лучше ее армии. Ее высшие офицеры — люди весьма умеренные; те, кто пониже чином — несколько менее умерены; что касается армии, то ей совсем не свойственна умеренность». Руководители республиканской партии, рассуждал далее Эрве, придя к власти в результате переворота, не могли не считаться с теми, кто этот переворот совершил. Уже на другой день после 4 сентября «они оказались вынужденными следовать за партией вместо того, чтобы руководить ею». Вооружение национальной гвардии Парижа было мероприятием, на которое вожаки республиканской партии, члены временного правительства, «пошли против своих взглядов»[79].

Но помимо этого существовала и вполне реальная сила — ее не назвал Трошю,— которая принуждала «правительство национальной обороны», вопреки его желанию, расширять круг вооружаемых им людей. Этой силой были созданные народными массами после провозглашения республики «комитеты бдительности», представители которых были прикомандированы к парижским муниципалитетам. Эти комитеты немало содейст-

[75] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seances du 4, 5, 6, 7, 8, 9 septembre 1870.

[76] «Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. 260. Deposition Montagut.

[77] «Actes», t. V, p. 129. Deposition Trochu.

[78] Ibid., p. 130.

[79] «Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars 1871», p. *lib.* Deposition Herve.

вовали организации и вооружению национальной гвардии столицы. Следует, однако, сказать, что в период, предшествовавший осаде Парижа,— т. е. в период, о котором идет речь,— комитеты бдительности еще только приступали к своей деятельности. В большинстве случаев они были вынуждены затрачивать значительные усилия, чтобы преодолевать сопротивление мэров, которые, как правило, крайне враждебно относились к представителям рабочих масс. 11 сентября, на первом заседании Центрального комитета 20 округов, на котором присутствовали делегаты от пятнадцати округов Парижа, было установлено, что только два мэра, XI и XVIII округов, предоставили помещение комитетам бдительности. Все прочие мэры не скрывали своего враждебного отношения к ним и всячески препятствовали их нормальной деятельности[80].

В различных округах Парижа вооружение населения производилось по-разному. В округах с буржуазным населением оружие выдавалось в полном соответствии с декретом Гамбетты — только лицам, занесенным в списки избирателей; в рабочих округах вооружали всех способных носить оружие граждан[81]. Здесь наиболее энергично действовали комитеты бдительности, оказывая влияние на политику вооружения, между тем как в буржуазных округах сопротивление мэров было настолько сильным, что комитетам бдительности так и не удалось его преодолеть, по крайней мере в период, предшествовавший осаде.

Создавая видимость серьезной подготовки к обороне Парижа, республиканское правительство в действительности препятствовало — в той мере, в какой это было в его власти — превращению национальной гвардии департамента Сена в боевую силу, способную оборонять столицу. В воззвании к новым мэрам 20 округов Парижа, назначенным, как мы помним, 5 сентября, мэр Парижа Этьенн Араго указывал им, что «в условиях, когда враг наступает на Париж, их первейший долг — неустанно заботиться о вооружении граждан и быть готовыми денно и нощно оказывать помощь, национальной обороне»[82]. Действительная политика правительства в деле вооружения национальной гвардии резко расходилась с этой словесной декларацией.

Временное правительство знало о том, что имевшегося в Париже оружия было недостаточно для нужд обороны и что, кроме того, далеко не все находившееся в наличии оружие было пригодным. Однако оно не проявило ни малейшего стремления

[80] «Actes», t. 1, p. 287. Piece «K». Comite des vingt arrondissements. Reunion du 11 septembre.

[81] «La Patrie en danger», 9 septembre 1870. Club de la Patrie en danger.

[82] «Depeches, circulaires, decrets... de Leon Gambetta», t. I, p. 8.

пополнить запасы оружия до начала осады, пока Париж не был отрезан от остальной Франции... «За время с 4 по 20 сентября,— указывал Бланки,— можно было забросать Париж ружьями и пушками. Ни одного ружья, ни одной пушки не было завезено в город»[83]. Бланки неутомимо призывал правительство выйти из бездействия и вооружить все способное носить оружие население. 9 сентября в статье «Оборона Парижа» он указывал на возрастающую в народе тревогу по поводу того, что в столице при недостатке винтовок и пушек бездействуют военные предприятия. «В Париже,— писал он,—-существует множество крупных, хорошо оборудованных мастерских, которые могли бы быть использованы для переделки устаревших винтовок, для производства шаспо и митральез, для выплавки пушек. Однако эти мастерские бездействуют. Одни из них уже закрыли, другие намереваются закрыть в ближайшее время. В чем причина этого? Население хочет знать правду. Оно во весь голос требует этой правды»[84]. В тот же день в бланкистском клубе Брейе требовал, чтобы правительство использовало для производства оружия металлургические заводы бывшего председателя Законодательного корпуса Шнейдера[85].

Правительственный декрет о праве свободного производства оружия, изданный 5 сентября, фактически оставался мертвой буквой, как это видно на примере производства митральез. Декретом устанавливалось, что частные предприниматели, намеревающиеся заняться производством митральез, будут, согласно их заявкам, получать образцы от военного ведомства. Когда же группа предпринимателей обратилась в военное ведомство за получением образцов, то им было отказано в них на том основании, что производство военных орудий составляло монополию' императора Наполеона III. В результате производством этих необходимых для обороны орудий занималось в Париже единственное правительственное предприятие, насчитывавшее не более 30 рабочих. Газета «Le Reveil», сообщившая 13 сентября об этом скандальном факте, саркастически запрашивала правительство, не следует ли обратиться за получением образцов к прусскому королю, который производит митральезы по заимствованным им во Франции образцам[86].

Бланки, со своей стороны, призывал правительство срочно переправить в Париж, Безансон и в другие укрепленные пункты запасы оружия из арсеналов Сент-Этьенна, Тюля, Шатель-

[83] «La Patrie en danger», 23 septembre 1870.

[8*] Ibid., 9 septembre 1870.

[85] Ibid., 10 septembre 1870. Club de la Patrie en danger. Seance du 9 sept. 1870.

[88] «Le Reveil», 13 septembre 1870.

ро и Буржа, где их сохранность не была обеспечена и ими легко мог завладеть неприятель[87]. Эти советы, разумеется, не возымели действия. Правительство попрежнему саботировало оборону. Бланки с возмущением писал (вскоре после начала осады): «Шестьдесят старых батальонов вооружены винтовками, заряжающимися с казенной части. Новые же, наиболее многочисленные и наиболее энергичные батальоны располагают лишь скверными пистонными винтовками, непригодными для обеспечения серьезной обороны». Настаивая на том, чтобы рабочим было выдано оружие из арсеналов Венсенна и Мон-Валерьена[88], Бланки горестно вопрошал: «Неужели из-за инертности лишат доброкачественного оружия, хранящегося в этих двух фортах, множество рабочих, которые вследствие непригодности имеющихся у них винтовок фактически остаются невооруженными? Это будет настоящей изменой»[89].

Несмотря на призывы бланкистской и неоякобинской печати, в Париже, по данным неоякобинского органа «Le Combat», к началу осады оставались невооруженными около 100 тыс. республиканцев, способных носить оружие[90]. В бланкистском клубе уже 15 сентября ораторы прямо и резко ставили вопрос о том, что «нынешнее правительство отказывается вооружать революционеров»[91]. Со все большей настойчивостью добивались оружия для всех этих людей и неоякобинцы. «Эти люди требуют оружия,— писала 23 сентября газета «Le Combat».— Надо им дать это оружие; если его нет, надо его отыскать; если его не находят, его надо произвести... О чем же думают те, кто взял на себя организацию национальной гвардии, по какой преступной нерадивости лишают они отечественную армию столь большого числа солдат?»[92].

При распределении патронов придерживались того же принципа, что и при раздаче оружия. «Почему одни батальоны получили патроны, между тем как другие их не имеют? Разве допустимы привилегии в такой момент?» — запрашивала 17 сентября генерала Трошю газета «Le Combat»[93]. Бланкисты в свою очередь указывали на отсутствие патронов у национальных гвардейцев — рабочих, даже у тех из них, кто охраняет парижские форты, имеющие первостепенное значение для обороны Парижа. Бланкисты указывали и на то, что в ряде случаев национальным гвардейцам выдаются негодные патроны[94]. Не лучше обстояло дело с обмундированием национальных гвардейцев, не имевших материальной возможности обмундироваться за собственный счет. Многие из них оставались без обуви и одежды. Командование не позаботилось и о том, чтобы снабдить их палатками для защиты от осенней непогоды. 16 сентября в бланкистском клубе раздавались нарекания по адресу Рошфора, избегающего народных собраний. «Если бы он провел среди нас хотя бы один час,— заявил один из ораторов,— мы спросили бы его, между прочим, и о том, почему национальным гвардейцам — рабочим не выдали палаток, тогда как их приберегают для национальных гвардейцев, которые хорошо обмундированы»[95]. На все эти факты, разоблачавшие политику правительства в деле вооружения народа, неоднократно указывал в своих выступлениях в клубе и в печати и сам Бланки. Он, как и другие ораторы бланкистского клуба, не видел в этом ничего удивительного: монархически настроенное офицерство при поддержке правительства, указывал он, продолжало держать в своих руках командование национальной и мобильной гвардией.

На публичных собраниях, в клубах, на страницах парижской, революционной печати приводились многочисленные свидетельства того, что отъявленные бонапартисты продолжали оставаться на командных постах в национальной гвардии. Они распоряжались вооружением народа. В рабочем Бельвилле, например, вплоть до начала осады раздачей патронов ведал бонапартист Декутюр, бывший помощник генерального прокурора Второй империи[96]. Легитимист маркиз де Гуп,— как указывали ораторы в бланкистском клубе,— являлся командиром конного эскадрона национальной гвардии[97]. Командиром важнейшего парижского форта Мон-Валерьен,— на это указывал 12 сентября в своем выступлении Бланки,— был «70-летний корсиканец, единственной заслугой которого является его преданность империи». Вполне естественно, что этот враг республики всячески тормозил вооружение форта[98]. Командиром 56-го батальона национальной гвардии оставался ярый бонапартист, демонстративно подчеркивавший свою приверженность импе-

[87] «La Patrie en danger», 13 septembre 1870.

[88] «Правительство национальной обороны» еще 9 сентября постановило передать в распоряжение Гамбетты для распределения среди населения Парижа 80 тыс. винтовок, хранившихся в арсеналах этих двух фортов. Это постановление не было выполнено. См. «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du 9 septembre 1870, p. 95.

[89] «La Patrie en danger», 22 septembre 1870.

[90] «Le Combat», 23 septembre 1870.

[01] «La Patris en danger», 17 septembre 1870. Club de la Patrie en danger. Seance du 15 septembre.

[92] «Le Combat», 23 septembre 1870.

[93] Ibid., 17 septembre 1870.

[94] «La Patrie en danger», 14 septembre 1870. Club de La Patrie en danger. Seance du 12 septembre 1870.

[95] Ibid., 18 septembre 1870. Clib de la Patrie en danger. Seance du 16 septembre 1870.

[96] Ibid., 20 septembre 1870.

[97] Ibid., 18 septembre 1870.

[98] Ibid., 14 septembre 1870.

рии и дошедший в своей наглости до того, что открыто призывал солдат кричать: «Да здравствует император!». «Национальные гвардейцы,— сообщала по этому поводу бланкистская газета,— сорвали с него эполеты и знаки различия, сломали его шпагу и поволокли его в тюрьму Мазас» ". На страницах революционной печати и в клубах приводилось множество других подобных примеров.

Еще хуже обстояло дело с командным составом мобильной гвардии. Новые формирования местной национальной гвардии, составлявшиеся главным образом из рабочих, в ряде случаев самочинно избирали себе командиров из числа парижских социалистов. Так, 14 сентября был избран командиром 169-го батальона национальной гвардии Монмартра Бланки; командирами других батальонов национальной гвардии были избраны бланкисты Флуранс, Эд, якобинцы Делеклюз [10°], Разуа и другие. Командный же состав мобильной гвардии оставался почти таким, каким он был при Второй империи. Командиры мобильной гвардии,— по мере того как выяснялась подлинная сущность политики республиканского правительства,— со все большей откровенностью выражали, словом и делом, свои контрреволюционные настроения. Страницы прогрессивных парижских газет пестрили в сентябре многочисленными сообщениями об открытых выпадах офицеров мобильной гвардии против республики и республиканцев. Так, например, газета «Le Rappel» 8 сентября сообщала о том, что сын бывшего министра юстиции Второй империи Жюля Барош, остававшийся и после провозглашения республики командиром 12-го батальона мобильной гвардии, откровенно заявил, что не станет выполнять ни одного приказа, исходящего от республиканского правительства [1ш]. В бланкистском клубе и в бланкистской газете указывалось на то, что племянник префекта парижской полиции, бонапартиста Пьетри, остававшийся на посту командира мобилей, охранявших форт Мон-Валерьен, откровенно поносил республику [102]. Мобили Мон-Валерьена дважды обращались к Трошю с выражением недоверия по адресу своего командира. Им, однако, было указано, что «для смещения командира Пьетри нет серьезных оснований» [103].

Но и новые назначения командного состава мобильной гвардии вызывали возмущение широких демократических масс населения. «Из вчерашнего номера «Journal Officiel»,— указывала 20 сентября газета «Le Combat»,— мы узнаем о назначении на пост командира нового пехотного полка мобильной гвардии сына или внука графа Полиньяка, последнего министра Карла X. Если он остался верен традициям своего рода, то можно не сомневаться в том, насколько он предан республике» [104]. Со страниц бланкистской и неоякобинской печати этого периода не сходили жалобы на то, что «шуаны» командуют бретонской молодежью, прибывшей на помощь Парижу [105]. Газета «Le Combat» указывала далее на случай разоружения — по приказу командиров — национальных гвардейцев, откровенно выражавших свои республиканские настроения [106], на запрещения в отдельных частях национальной гвардии произносить слова: «Да здравствует республика!».

Та же картина наблюдалась в провинции. Провинциальная печать жаловалась на то, что «большинство офицеров мобильной гвардии, получивших свои чины отнюдь не по соображениям военного характера, сейчас совершенно неспособно к командованию, а у части из них неспособность усугубляется чувствами, которые они и не стараются скрывать» [107].

В газете «Le Combat» было помещено письмо одного мобильного гвардейца, в котором правильно отмечалось вопиющее несоответствие между настроениями многочисленного рядового состава мобильной гвардии, воодушевленного республиканскими, патриотическими чувствами, и настроениями реакционного командного состава. «Волнующее и величественное зрелище,— писал он,— представляет собой цвет молодежи мобильной гвардии, проходящей военное обучение на улицах и площадях Парижа. Со времени революции 89 г. Франция не видела ничего подобного. Однако организация мобильной гвардии противоречит принципам республики и ни в коей мере не отвечает потребностям момента. Не является ли аномалией тот факт, что во главе этой национальной милиции стоят люди, которые не только получили свои посты вопреки всем республиканским принципам, но и назначены павшим правительством? Такое положение может привести к гибельным последствиям» [108].

«Куда мы идем?» — задавалась вопросом якобинская пресса [ш]. Прямее и резче ставила вопрос бланкистская газета: «Куда завело нас так называемое правительство национальной обороны?» [ио]. Незамедлительное отстранение старых команди-

[99] «La Patrie en danger», 16 septembre 1870.

[100] Делеклюз отказался от этого звания, ссылаясь на то, что он не обладает специальными военными знаниями.

[101] «Le Rappel», 8 septembre 1870.

[102] «La Patrie en danger», 14 septembre 1870.

[103] «Le Combat», 16 septembre 1870.

[104] «Le Combat», 20 septembre 1870.

[105] Ibid, 19 septembre 1870.

[106] Ibid, 22 septembre 1870. Communication du Comite Central republicain au journal «Le Combat».

[107] «L'Ordre du Pas-de-Calais». Цит. по газете «Le Rappel», 15 septembre 1870.

[108] «Le Combat», 16 septembre 1870.

[109] Ibid, 21 septembre 1870.

[310] «La Patrie en danger», 14 septembre 1870.

ров и замена их новыми, избранными прямым голосованием из числа «наиболее способных и достойных людей»[111],— таково было единодушное, настойчивое требование революционной печати Парижа, участников народных собраний. Бланкистская печать ставила в прямую зависимость от срочного переизбрания командного состава мобильной гвардии исход предстоявших сражений против наступавшего на Париж неприятеля. «Существующий штаб мобильной гвардии не может быть далее сохранен,— писала еще 9 сентября газета «La Patrie en danger».— Речь идет о безопасности республики и о судьбе сражений. Мобили — горячие патриоты, они не могут с полным доверием идти в огонь под командованием ревностных сторонников империи. Время не терпит, близок час великих сражений. Пусть правительство поспешит разрешить мобилям свободно избрать своих командиров»[112];

Под все возраставшим давлением народных масс временное правительство было вынуждено объявить выборы командного состава мобильной гвардии. Выборы были назначены на 19 сентября. Однако, как правильно указывала бланкистская печать» организация выборов «была порочной в самом своем принципе», так как, согласно пункту 2 правительственного постановления о выборах, вся процедура выборов передавалась в руки командиров, подлежавших переизбранию. «Эти командиры,— писала газета «La Patrie en danger»,— избранные из числа сеидов павшей власти, будут прибегать ко всевозможным средствам, чтобы фальсифицировать выборы и оказывать давление на голосующих». «Все назначенные империей командиры,— требовала газета,— должны быть отстранены от избирательной урны. Они должны оставаться непричастными к процедуре- голосования»[113],

При сохранении в основном старого командного состава военное обучение местной и мобильной национальной гвардии носило показной характер. Национальная гвардия не предназначалась правительством для военных действий против прусской армии. Создавая видимость ее военного обучения и вводя таким образом в заблуждение широкие массы парижского населения относительно обороноспособности Парижа, командование национальной гвардии практически ограничивалось проведением элементарных строевых занятий, мало способствовавших повышению боеспособности национальных гвардейцев.

Бланкистская печать и в этом случае проявила политическую бдительность: она неоднократно подчеркивала показной характер военного обучения национальной гвардии. «Пусть обучают нас стрелять без промаха. Мы только этого и хотим,— требовали бланкисты от имени народных масс 18 сентября перед самым началом осады.— Мы до сих пор все еще занимаемся упражнениями для дрессированных собак: как здороваться и т. п. Мы отнюдь не стремимся к тому, чтобы господа пруссаки пришли в восторг от нашей элегантной выправки под ружьем, а к тому, чтобы в них попадали наши пули. Сейчас речь идет о том, чтобы быстро создавать солдат, а не о том, чтобы нагромождать пушечное мясо... Для этого нам нужны патроны и обучение стрельбе. Каждый упущенный час — выигрыш для пруссаков. Разве не ясно, что если бы нас сейчас призвали к крепостным валам, мы оказались бы совершенно бесполезными? Так дайте же нам патроны, поставьте нас перед мишенью, а затем ведите на врага!» [ш].

Провинциальная печать в середине сентября, со своей стороны, указывала на то, что «общее руководство мобильной гвардией заставляет желать лучшего. С тех пор как мобильная гвардия была призвана, ее заставляют делать одни только элементарные упражнения. Ее все еще обучают маршировать, поворачивать голову направо, налево, вскидывать ружье, отдавать честь и т. п.!»[115].

Военный смотр парижской национальной гвардии, проведенный генералом Трошю 13 сентября, представлял собой показную, парадную демонстрацию ее мнимой «боевой мощи». Цель смотра заключалась в том, чтобы продемонстрировать не столько перед пруссаками, которых не так-то легко было ввести в заблуждение[116], сколько перед широкими массами парижского населения, «успехи» оборонных мероприятий правительства и таким образом укрепить поколебавшееся доверие к нему. По окончании смотра Трошю в прокламации, обращенной к местной и мобильной национальной гвардии Парижа, демагогически заверял ее в том, что она непобедима. «Питайте же полное доверие,— так заканчивалась прокламация Трошю,— и знайте, что крепостной пояс Парижа, защищенный настойчивыми усилиями общественного сознания и 300 тыс. винтовок, неприступен»[117]. .С неменьшим лицемерием Трошю вечером 13 сентября, во время заседания правительства, заверял своих коллег в том,

[111] «Le Combat», 16 septembre 1870.'
[112] «La Patrie en danger», 9 septembre 1870.
[113] Ibid., 20 septembre 1870. *r* '- . ' : ' ,–; .-.-J; :

[1,4] «La Patrie en danger», 18 septembre 1870.
[115] «Le Rappeb, 15 septembre 1870. Корреспонденция газеты «L'Ordre du Pas-de-Calais».
[116] Мольтке считал, что в сентябре 1870 г. Париж фактически располагал для своей обороны не более чем 60 тысячами пехотинцев и 5 тысячами кавалеристов, пригодных для действий в боевой обстановке. См. H. Moltke. Op. cit., S. 120.
[117] «Recueil officiel des.actes du Gouvernement de la defense nationale», p. 388. Proclamation du gouverneur de Paris. Pans, le 14 septembre 1870.

что «отныне он считает Париж с его 300 тыс. вооруженных и исполненных энтузиазма людей почти непобедимым» [118].

Цель, поставленная правительством при проведении военного смотра 13 сентября, была им в значительной мере достигнута. *Рабочие* массы поверили в обороноспособность Парижа, и это отразила прежде всего бланкистская газета. «Лев проснулся» — под таким заголовком описывала она на другой день после смотра боевую мощь парижских народных масс, продемонстрированную, по ее мнению, военным смотром. Бланкисты выражали уверенность в том, что отныне «Пруссия либо откатится назад, либо ее солдаты найдут свою могилу под стенами Парижа» [119]. Правда, они ставили успех дальнейшего ведения войны в зависимости от ряда условий, главными из которых были отстранение всех должностных лиц империи и мобилизация провинции на помощь Парижу.

Газета «Le Rappel» шла еще дальше в оптимистической оценке военного смотра. На другой день после его проведения она писала: «Париж представлял вчера самое грозное и самое успокоительное зрелище. Никогда великий город не видел подобной демонстрации сил». Однако в своем стремлении дать выразительную картину единодушия и патриотизма, которыми были якобы охвачены во время смотра все слои парижского населения без исключения, газета невольно выдавала слабые стороны организации национальной и мобильной гвардии Парижа. «Это было не только количество..., это была поднявшаяся на свою защиту нация...— указывала газета.— Это была даже не нация, а единая семья... Одежда, вооружение были самые разнообразные, а сердца у всех были едины. Ружья пистонные, ружья, заряжающиеся с казенной части, шаспо, карабины; штатская одежда, туники, блузы, куртки — все виды оружия и все виды обмундирования, но душа у всех была одна. Будь же спокойна родина!» [120].

Так успокаивала эта левобуржуазная газета многотысячное трудовое население Парижа. Между тем новые правители Франции и не намеревались обмундировать, вооружить и обучить парижских рабочих. Генерал Трошю, которому была доверена оборона Парижа, питал лютую вражду к парижскому пролетариату. Ни разу со дня его прихода к власти, ни в одной из прокламаций, с которыми он то и дело обращался к французам, этот убежденный реакционер не произнес слова республика. Передовые люди Парижа, политические настроения которых выражала бланкистская газета «La Patrie en danger» (парижские члены Интернационала не имели в то время своего печатного органа), отмечали тот факт, что и в обращении генерала Трошю к национальной гвардии Парижа после окончания военного смотра 13 сентября отсутствовало всякое упоминание о республике.

Бланкистская газета, переоценившая военное значение смотра, вместе с тем правильно определила политические настроения многих его участников. В возгласах, раздававшихся во время смотра, бланкисты отмечали два совершенно различных тона. «Да здравствует республика!» — звучал один из них. «Да здравствует Франция!» — звучал другой. «Первый,— писал 18 сентября бланкист Тридон,— гремел над рядами батальонов парижских предместий, второй доносился преимущественно со стороны аристократических секций буржуазных кварталов. Оба тона, внешне столь родственные, столь дружественные, казалось, сталкивались между собой с таким антагонизмом, от которого сжималось сердце». Тридон расценивал возгласы «Да здравствует Франция!» как «одну из разнообразных личин, которыми прикрывается реакция», стремящаяся «предательски прикончить республику». ««Да здравствует Франция!» — продолжал он,— в устах реакционеров, противопоставляющих Францию республике, звучит реакционно. Это означает: «Да здравствуют Орлеаны!»» [121].

Словно подтверждая тревожные опасения бланкистов, правительство опубликовало 16 сентября постановление о перенесении выборов в Национальное собрание с 16 октября на еще более близкий срок, на 2 октября. За этим постановлением, возбудившим негодующий протест рабочих, последовал 17 сентября новый циркуляр министра иностранных дел к дипломатическим представителям Франции за границей. В нем Жюль Фавр давал пространное обоснование решения французского правительства об ускорении выборов в Национальное собрание. Он мотивировал это решение отказом прусского короля признать в правительстве французской республики законное правительство Франции, правомочное вести переговоры о перемирии и мире. «Мы признаем справедливость этого возражения, — гласил циркуляр Фавра,— и именно поэтому мы немедленно созываем свободно избираемое Собрание» [122].

Прусские оккупационные власти действительно опубликовали 11 сентября в Реймсе и в Амьене от имени прусского короля декларацию, в которой указывалось, что прусское правительство «не признает и в настоящее время никакой другой власти во

[118] «Proces-verbaux des seances du Conseil...», p. 114. Seance du 13 septembre 1870, 9 h. 50 m. du soir.

[119] «La Patrie en danger», 15 septembre 1870.

[120] «Le Rappeb, 15 septembre 1870.

[121] «La Patrie en danger», 18 septembre 1870.

[122] «Recueil ofiiciel des actes du Gouvernement de la defense nationale», p. 394—396. Circulaire du ministre des affaires etrangeres aux representants de la France a l'etranger. Paris, le 17 septembre 1870.

Франции, кроме власти императора Наполеона», и что «до установления нового порядка эта власть является в глазах Пруссии единственной властью, правомочной начать на национальной основе переговоры о мире». Что касается посредничества европейских держав в деле заключения мира между Германией и Францией,— указывалось далее в декларации,— то такое посредничество «не может иметь каких-либо шансов на успех до тех пор, пока... во Франции не появится правительство, признанное всей страной и действующее от ее имени» [123]. Прусское правительство, отказываясь начать переговоры о мире, руководствовалось, кроме того, стремлением оттянуть их до тех пор, пока немецкие войска не достигнут французской столицы и не приступят к ее блокаде. Бисмарк рассчитывал, что это сделает французов «более сговорчивыми».

Одновременно в Лондоне также оказывали давление на французское правительство, побуждая его ускорить выборы в Национальное собрание. Министр иностранных дел граф Гранвиль, сообщая английскому послу в Париже лорду Лайонсу содержание своей первой беседы с прибывшим в Лондон ТbepoiМ, состоявшейся 13 сентября, писал: «Я выразил сожаление по поводу того, что созыв Национального собрания назначен на столь отдаленный срок, как 16 октября, и спросил Тьера, не окажется ли возможным сократить этот срок» [124]. Тьер не преминул немедленно поставить об этом в известность парижское правительство [125].

Но кроме внешнего давления, также и внутриполитическая обстановка, сложившаяся во Франции к середине сентября, побуждала правительство ускорить выборы в Национальное собрание. Но об этом оно старательно умалчивало.

Народные массы Парижа и провинции к середине сентября начали понемногу освобождаться от иллюзий первых дней республики. Они стали более критически относиться к внутренней и внешней политике временного правительства. Соответственно пало доверие народа к «правительству национальной обороны», а это обстоятельство, как хорошо понимали стоявшие у власти буржуазные республиканцы и орлеанисты, было чревато для них серьезными опасностями.

В провинции к середине сентября обозначилось широкое демократическое движение, принявшее наиболее отчетливую форму в южных департаментах. Движение это ставило своей основной задачей решительную борьбу с внешним врагом и одновременно с внутренними врагами, реакционерами всех мастей, препятствовавшими республиканскому переустройству страны и тем самым ее успешной обороне. Инициаторы республика некого движения на юге Франции открыто выражали недоверие «правительству национальной обороны», указывая, что оно не способно успешно выполнить эти две неразрывно связанные между собой задачи, осуществления которых требуют интересы Франции.

14 сентября в Марселе состоялось совместное собрание членов Комитета обороны и Департаментского совета, созданных после провозглашения республики. Собрание вынесло постановление, которое 15 сентября было направлено в Париж. «Ввиду того,— говорилось в нем,— что наступательное движение неприятеля обнаруживает недостаточность защиты, которую центральная власть может оказать департаментам, подвергающимся вторжению; ввиду необходимости, чтобы все департаменты могли предпринять самые энергичные военные меры, позволяющие устремиться на помощь столице, мы просим членов временного правительства в течение трех дней указать нам, какова должна быть линия нашего поведения в деле национальной обороны и, в случае если в указанный срок такого указания не последует, предоставить нам в этом отношении полную свободу действий» [126].

Так как ответа из Парижа в указанный срок не поступило, то 18 сентября в Марселе состоялось второе, чрезвычайное собрание представителей республиканских комитетов департаментов юга. Констатировав, что «центральное правительство предоставило департаменты своей собственной участи», собрание приняло решение о создании федерации департаментов юга для организации «национальной обороны» и для «спасения департаментов от религиозного *а* монархического фанатизма, жертвой которого они являлись в продолжение многих веков» [127]. «Мы хотим создать политическую ассоциацию южных департаментов без других районов Франции,— заявил в своей речи примкнувший к движению «верховный администратор» департамента Устья Роны буржуазный республиканец Эскиро.— Республика должна оставаться единой и неделимой, но, ввиду создавшихся обстоятельств, образуется временная конфедерация, которая позволит нам действовать согласованно. Юг, возможно, сумеет спасти север, если мы объединим силы департаментов юга. Если Париж падет, то обязательно должна и после этого сохраниться остальная Франция.

[123] Текст прусской декларации см. в газете «Le Combat», 18 septembre 1870.

[124] Count Granville to lord Lyons. 16 septembre 1870. «Blue Book». Цит. по книге: J. Valfrey. Op. cit, p. 266.

[125] Текст сообщения Тьера в Париж от 13 сентября 1870 г. См. J. Favre. Op. cit., t. I, p. 137.

126 «Actes», t. И, p. 76. Rapport Sugny.

[127] Ibid.

Объединенными силами юга удастся продолжить оборону и заставить военное счастье повернуться к нам лицом»[128].

Эту идею развивали в своих выступлениях и другие делегаты. «Мы хотим создать резервуар новых защитников, откуда военный министр сумеет черпать силы, которые ему понадобятся»,— заявил один из делегатов. Мы не хотим чинить препятствий деятельности военного ведомства. Мы хотим присоединить наши усилия к его усилиям, чтобы активизировать реорганизацию военных сил, способных изгнать врага с нашей земли. Силы, которые мы хотим создать, вовсе не предназначаются для того, чтобы оставаться на юге, они должны двинуться к Парижу»[129].

Единогласно было решено назвать новую организацию «Лигой юга для защиты республики». Лига объединяла департаменты: Устья Роны, Изер, Воклюз, Дром, Эро, Гар, Вар, Ардеш, Нижние Альпы, Верхние Альпы, Приморские Альпы, Верхняя Луара. Центрами деятельности Лиги были объявлены Лион и Марсель. Многочисленные ее делегаты немедленно направились из Марселя в разные пункты юга страны, имея на руках мандаты, в которых указывалось, что наряду с другими обязанностями на них возлагается задача активизировать республиканские чувства широких масс населения с тем, чтобы «выборы в Национальное собрание и в муниципалитеты получили республиканский характер»[130].

Об упадке доверия народных масс к временному правительству свидетельствовала возраставшая популярность Центрального комитета 20 округов, функции которого расширялись и усложнялись. За десятидневный срок своего существования он успел возбудить ненависть буржуазного правительства. Своей политикой «невмешательства» правительство облегчало враждебное противодействие комитетам бдительности со стороны парижских мэров, а также контрреволюционные выпады против ЦК 20 округов отъявленных монархистов.

13—14 сентября Центральный комитет 20 округов обсудил, а 16—17 сентября опубликовал в революционных парижских газетах программу требований рабочих в области обеспечения общественной безопасности, организации обороны Парижа и провинции, продовольственной и жилищной политики. Одновременно по всему Парижу была расклеена афиша, содержавшая все эти требования.

Программа требовала упразднения полиции, которая, как указывалось, «служит при всех монархических правительствах делу порабощения граждан, а не их защиты». Функции упраздненной полиции предлагалось передать выборным муниципалитетам с возложением охраны общественной безопасности на избираемых должностных лиц, которые должны составить новую муниципальную полицию, пользующуюся поддержкой национальной гвардии.

Программа требовала далее выборности и ответственности чиновников, упразднения всех ограничительных — репрессивных и фискальных — законов в отношении свободы слова, печати, собраний и ассоциаций.

В области продовольственной политики в программе выставлялось требование реквизиции всех продовольственных запасов и предметов первой необходимости, хранившихся в розничных и оптовых складах, с предоставлением их владельцам гарантии в уплате стоимости этих товаров после войны. Для каждого квартала предлагалось избрать комиссию по учету предметов продовольствия и их раздаче населению в обмен на боны, подлежавшие периодическому распределению по округам, в соответствии с числом проживающих в них жителей и с учетом продолжительности осады.

ЦК 20 округов требовал от муниципалитетов обеспечения всех граждан надлежащими жилищными условиями, в частности предоставления населению жилых помещений, покинутых их владельцами.

Что касается оборонных мероприятий, то в этой области предлагалось немедленно провести выборы нового командного состава мобильной гвардии, как можно скорее снабдить всех граждан доброкачественным оружием и достаточным количеством патронов, а также другим боевым снаряжением, необходимым для успешного отражения возможной вражеской атаки; использовать на оборонных работах население, не подлежащее призыву в национальную гвардию; установить постоянный общественный контроль над всеми мероприятиями по подготовке к обороне Парижа, используя для этого помощь женщин и детей.

Авторы программы требовали объявления всеобщего набора в ополчение, а также реквизиции всего необходимого для обороны; направления в провинцию делегатов для установления связи с местными республиканцами — с тем, чтобы «стимулировать патриотический энтузиазм населения, расстроить происки реакционеров, предотвратить измену, ускорить прибытие волонтеров на помощь Парижу и, не щадя жизни, принять в случае необходимости командование над ними»[131].

[128] «Actes», t. II, p. 122. Rapport Sugny.
[129] Ibid.
[130] Ibid., p. 77

[131] Полный текст воззвания см. в газете «La Patrie en danger», от 17 сентября, в газете «Le Combat», от 16 сентября 1870 г.

Под программой стояло 46 подписей. Из них 11 подписей принадлежали будущим членам Парижской Коммуны, а ряд подписей — другим активным участникам революционных событий марта—мая 1871 г.

Программа Центрального комитета 20 округов, как писал впоследствии один из ее составителей, Гюстав Лефрансе, «указывала, что именно необходимо сделать не только для преодоления существующих трудностей, но и для организации и прочного установления республики» [132]. Составители программы не отдавали себе, однако, отчета в том, что этого как раз меньше всего желали новые правители Франции. Они не намерены были упразднить государственный аппарат Второй империи, заменить его республиканскими учреждениями. Даже радикал Гамбетта уже 8 сентября заявил на заседании правительственного совета: «Правительство отнюдь не является политическим органом, а лишь властью, на которую возложена оборона. Оно не является и республиканским правительством, а лишь органом, уполномоченным осуществить оборону» [ш]. Тем более неприемлемым было для временного правительства предложение о реквизиции у торговцев продовольствия в интересах рабочих.

Но и решительные оборонные мероприятия, предлагавшиеся Центральным комитетом 20 округов, были неприемлемы для правительства, которое, как мы видели, принимало все меры к тому, чтобы как можно скорее заключить мир.

Опубликование и широкое распространение в Париже программы ЦК 20 округов было расценено «правительством национальной обороны» как начало решительного наступления «демагогии». Оно отказалось принять делегацию, явившуюся 16 сентября в ратушу, чтобы передать членам правительства текст программы Центрального комитета. Оно не чинило препятствий усилившимся выпадам монархистских элементов против передовых парижских рабочих и их руководителей -и этим поощряло такие выпады. Ободренные антинародной политикой временного правительства, монархисты все яростнее обрушивались на парижский пролетариат, на социалистов. Расклеенные в различных районах Парижа афиши ЦК 20 округов срывались реакционерами и демонстративно сжигались. Около вывешенных афиш происходили «скандальные», по выражению иео'якобинской прессы, столкновения. Группа реакционеров, согласно сообщению парижской печати, ворвалась в типографию, в которой печаталась программа ЦК 20 округов. Она угрожала владельцу типографии, что уничтожит типографские станки. Бонапартистская газета «Le Francais», продолжавшая выходить в Париже, разразилась негодующими выпадами против «возродившейся старой партии 15 мая и июньских дней». Заявив далее о том, что «красная афиша изорвана и растоптана», бонапартистский орган сообщал о подготовляющемся организованном «сопротивлении дерзостному выступлению» революционеров и открыто призывал к оружию «всех порядочных людей, патриотов и добрых граждан». «Не позволим партии революции,— грозила газета,— взять в свои руки инициативу выступления и смело поднимем против уличных революционеров знамя свободы» [ш].

По поводу этого наглого контрреволюционного выступления распоясавшихся монархистов неоякобинская газета «Le Combat» писала 18 сентября, за день до начала осады Парижа немецкими войсками: «Правительство получило предупреждение. Вот они, плоды его чрезвычайной нерешительности, его обходительности с гнусной бонапартистской партией, которая вместо того, чтобы разоружиться, полна готовности вступить в войну против республики... Если бы правительство с самого начала запрятало в тюрьму этих лакеев, готовых стать на колени перед новым хозяином, ...мы не были бы свидетелями невероятного зрелища, а именно того, как в условиях республиканского режима бонапартисты призывают к оружию против республиканцев» [133].

Итак, первые же две недели пребывания у -власти правительства национальной обороны» обнаружили антинародную и антинациональную сущность его внутренней и внешней политики. Буржуазные республиканцы и орлеанисты, захватившие власть 4 сентября 1870 г., уже в период, предшествовавший осаде Парижа, показали всей своей деятельностью, что они только формально — под давлением народных масс — провозгласили республику, не имея ни малейшего намерения заложить основы ее прочного существования. Взяв на себя задачу отстоять безопасность и территориальную целостность Франции, они подчинили интересы страны классовым интересам буржуазии.

Глубокие противоречия, разделявшие французский народ и буржуазное «правительство национальной обороны», привели к дальнейшему обострению классовой борьбы во Франции. Борьба французских рабочих и примкнувшей к ним передовой части мелкой буржуазии против реакционных сил Франции за осуществление задач революции 4 сентября началась, как мы видели, до осады Парижа. Она приняла еще более острый характер со

[132] G. Lefrancais. Etude, sur le mouvement communaliste..., p. 73.

[133] «Proces-verbaux des seances du Conseil...». Seance du B septembre 1.Ч7П г, 01

[134] Статья из бонапартистской газеты «Le Francais» (автор Frangois Baslay) была перепечатана в разоблачительных целях в газете «Le Combat» .от 18 сентября 1870 г.

[135] «Le Combat», 18 septembre 1870.

времени осады. Банкротство и предательство буржуазного правительства, становившиеся все более очевидными для народных масс, побуждали их к свержению этого правительства и его замене подлинно демократической, революционной властью, способной возродить Францию и отстоять ее интересы. Идея создания революционного правительства Коммуны все более властно овладевала массами.

Бессмертный исторический подвиг, совершенный парижскими рабочими в марте—мае 1871 г., героическая Парижская Коммуна явилась, говоря словами Маркса, «истинным ответом парижского народа на Вторую империю, империю лжи». Парижская Коммуна, возглавившая все живые силы Франции в борьбе за полное политическое и экономическое освобождение трудящихся, не привела тогда французский народ к победе. Но одной из ее выдающихся исторических заслуг является то, что она спасла и упрочила республику во Франции, обрекла на неминуемое поражение любые попытки монархической реставрации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В 50—60-х годах, как показано в настоящей работе, французский капитализм сделал крупный шаг вперед в своем развитии по сравнению с концом 40-х годов. В эти десятилетия во Франции завершился в основных чертах промышленный переворот. Фабричное производство охватило почти все наиболее важные отрасли промышленности, в том числе машиностроение. Дальнейших успехов достигла механизация промышленности и, транспорта. В гораздо более крупных размерах, чем в предшествующие десятилетия, производились капиталовложения в тяжелую индустрию, которая по темпам своего роста опережала легкую промышленность, хотя по удельному весу в общем объеме промышленного производства все еще уступала ей. 50—60-е годы характеризуются также ростом концентрации производства во французской промышленности. Крупные предприятия, которые до того времени насаждались главным образом в текстильном производстве, в годы Второй империи получили распространение и в добывающей, металлургической, химической и других отраслях тяжелой промышленности. К концу 60-х годов во Фракции, в том числе и в Париже, имелось немало крупных предприятий, часть которых насчитывала сотни и тысячи рабочих. Процесс концентрации значительно усилился также в области торговли и кредита.

Однако, несмотря на успехи крупной промышленности, несмотря на то, что в результате возросшей капиталистической конкуренции мелкое и отчасти среднее производство неуклонно подрывалось, наиболее распространенным типом промышленного предприятия все еще оставалась во Франции и в конце 60-х годов мелкая мастерская с одним или несколькими рабочими, либо вовсе без применения наемного труда. В Париже мелкое производство сохраняло еще большую устойчивость, чем во многих других промышленных районах страны.

2. 50—60-е годы отмечены во Франции также усилением концентрации земельной собственности и аренды земли, ростом крупного земледелия, основанного на специализации, интенсификации и механизации сельскохозяйственного производства.

В целом же французское сельское хозяйство в 50—60-х годах деградировало, что объясняется ростом закабаления и экспроприации преобладающей массы крестьян. Утверждения буржуазных исследователей (Левассера, Лаверня, А. Сэ, Блока, Бодрияра, Виаллата и др.). будто французское сельское хозяйство достигло в 50—60-х годах крупных успехов, а положение крестьянства существенно улучшилось, является искажением действительности. На деле-успехов достигла лишь капиталистическая верхушка деревни, обладавшая необходимыми средствами для перестройки своего хозяйства в соответствии с новейшими техническими требованиями.

Растущее разорение парцеллярного крестьянства, его переход в ряды сельскохозяйственного и городского пролетариата были обусловлены, наряду с конкуренцией капиталистической верхушки деревни, все более тяжелым бременем ипотечной и ростовщической задолженности, государственного налога и других поборов.

3. Следствием развития капитализма во французской промышленности и сельском хозяйстве было изменение состава рабочего класса и углубление классовой дифференциации крестьянства. Наряду с ремесленными и мануфактурными рабочими, составлявшими в 50—60-х годах преобладающую часть французского пролетариата, неуклонно рос индустриальный пролетариат, главным образом в металлургической, добывающей, текстильной, химической отраслях крупной промышленности. Индустриальный пролетариат создавался и в Париже, однако в конце 60-х годов он составлял лишь около 10% парижских рабочих (примерно 50 тыс. человек).

Ряды индустриального пролетариата пополнялись (причем гораздо интенсивнее, чем в предшествующие десятилетия) разорявшимися ремесленниками, а также мелкими парцеллярными крестьянами и сельскохозяйственными рабочими, бегство которых в города резко усилилось в 50—60-х годах. Часть парцеллярного крестьянства полностью переходила в ряды пролетариата; другая часть соединяла труд в сельском хозяйстве с местными промыслами либо с сезонным наемным трудом в городской промышленности.

4. Завершение промышленного переворота повлекло за собой дальнейшее абсолютное и относительное обнищание французского пролетариата. Хотя номинальная заработная плата у преобладающей части французских рабочих (но не у всех категорий, как утверждают буржуазные исследователи) повысилась, в действительности она была гораздо ниже, чем это представлено буржуазными историками-экономистами, обычно игнорирующими скрытые формы ее снижения. Они выражались в интенсификации труда на предприятиях и в шахтах, отмене для ряда предприятий закона об ограничении продолжительности рабочего дня, произвольном удлинении предпринимателями установленного рабочего дня, в многочисленных разновидностях денежного штрафа, налагавшегося на рабочих; в принудительной оплате труда (полностью или частично) товарами с высокими наценками, которые шли в карман капиталистов, в отчислениях от заработной платы в пенсионные кассы, находившиеся во многих случаях в распоряжении предпринимателей. Наличие резервной армии безработных позволяло буржуазии снижать заработную плату и усиливать эксплуатацию рабочих, занятых в производстве.

Повышение номинальной заработной платы в 50—60-х годах, достигнутое в условиях упорной стачечной борьбы рабочих, отставало от роста цен на предметы первой необходимости, в особенности от роста цен на квартиры. Реальная заработная плата французского пролетариата в годы Второй империи снизилась. Она повысилась только у ничтожного меньшинства рабочих. Одним из способов снижения реальной заработной платы был также рост налогов.

Рост цен и налогов снижал жизненный уровень французского пролетариата, ухудшал его материальное положение. Утверждения, встречающиеся в буржуазной историко-экономическои литературе (Левассер, Легуа, Лавернь и др.), будто положение большинства французских рабочих в годы Второй империи улучшилось, являются несостоятельными.

5. В годы Второй империи чрезвычайно возросло обогащение крупной городской буржуазии и капиталистических верхов деревни. Правительство Наполеона III руководствовалось в своей политике лишь интересами капиталистической наживы и биржевого шантажа, хотя оно и старалось казаться надклассовым. Пеной увеличения более чем вдвое государственного долга Франции и обременения больших городов тяжелыми муниципальными долгами, ложившимися основной своей тяжестью на плечи трудящихся, французский император обеспечивал крупной буржуазии такие важные источники обогащения, как государственные займы, концессии, предоставлял ей субсидии и прочие привилегии, предпринимал в ее корыстных интересах грабительские войны и колониальные экспедиции (в Китай, Сирию, Алжир, Кохинхину (южный Вьетнам), Мексику и др.).

Рост промышленности и торговли, а в еще большей мере биржевой спекуляции способствовал сосредоточению в руках крупнейших финансистов и промышленников наиболее важных промышленных, транспортных и банковских предприятий Франции. В условиях растущей концентрации производства и капитала, искусственно ускоряемой в интересах крупной буржуазии за счет государственной казны, мелкая и отчасти средняя про-

мышленная и торговая буржуазия становилась все менее способной выдерживать конкуренцию крупных предпринимателей и все более разорялась.

6. Рост крупного капиталистического производства в промышленности и сельском хозяйстве внес большую ясность в классовые отношения. Обострение классовых противоречий привело в конце 50-х, а главным образом в 60-х годах, к возрождению и новому революционному подъему французского рабочего движения, особенно усилившемуся со времени экономического кризиса 1866—1867 гг.

Французский пролетариат в конце 60-х годов вел активную экономическую и политическую борьбу. Обострение нужды и бедствий рабочего класса в результате роста дороговизны и дальнейшего наступления буржуазии на его жизненный уровень привело ко все нараставшей волне стачек, часть которых была подавлена бонапартистским правительством вооруженной силой. Резко усилилось недовольство и возмущение рабочих масс полицейско-бюрократическим бонапартистским режимом, значительно повысилась их политическая активность, возросло и обострилось их нежелание мириться с дальнейшим существованием империи в любой конституционной форме, их стремление к революционному свержению бонапартистского режима. Об этом свидетельствовали сотни публичных собраний, сыгравших крупную роль в общественно-политической жизни Франции 1868—1870 гг., все большие успехи Интернационала, судебные процессы Международного товарищества рабочих. На это указывали массовые антиправительственные манифестации 1867—1870 гг. в Париже и в других индустриальных центрах. «Низы» (рабочие массы Франции) решительно не хотели более «жить по-старому», говоря словами В. И. Ленина.

7. Одновременно с подъемом революционного рабочего движения с 1866—1867 гг. неуклонно нарастала открытая оппозиция по отношению к режиму Второй империи широких кругов французской буржуазии, первые проявления недовольства которой сказались в период экономического кризиса 1857 г.

Уже в начале 60-х годов совершается перегруппировка политических сил оппозиционной буржуазии, выразившаяся, в частности, в создании во время избирательной кампании 1863—1864 гг. политического блока под названием «либеральный союз», объединившего главным образом правые элементы буржуазных республиканцев и орлеанистов (в него входила и часть легитимистов). Сближение этих фракций французской буржуазии было вызвано не только интересами их совместной политической борьбы против бонапартистской империи, как это изображается буржуазной историографией, но и обострением классовой борьбы в стране, ростом классовой сознательности рабочих, начинавших постепенно освобождаться от влияния мелкобуржуазного прудонизма, установивших в начале 60-х годов связь с рабочими других стран и активно участвовавших в основании Интернационала.

С другой стороны, с начала 60-х годов наблюдается отход молодого поколения буржуазных республиканцев, составивших радикальное крыло республиканской буржуазии, от либеральных республиканцев старшего поколения, деятелей 1848 г. Да и в рядах радикального крыла происходит идейное размежевание. Отдельные представители радикальной молодежи сближаются с рабочими и примыкают к социалистическому движению.

С 1866—1867 гг. недовольство буржуазии внутренней и внешней политикой бонапартистского правительства принимает все более острый характер. Крупная буржуазия, приведшая Наполеона III к власти, проникается недоверием к императору как из-за понесенного ею в ходе экономического кризиса 1866—1867 гг. материального ущерба, так и ввиду окончательно определившегося в 1867 г. провала авантюристической внешней политики империи, которая не принесла удовлетворения материальным вожделениям буржуазии и к тому же поставила Францию перед угрозой внешнеполитической изоляции. Помимо неудач внешней политики бонапартистского правительства во время шлезвиг-голыцтинской войны 1864 г. и особенно австро-прусской войны 1866 г., стали очевидными крушение его итальянской политики, крах Мексиканской экспедиции, безуспешность дважды предпринятых им в 1867 г. попыток присоединения Люксембурга к Франции. Буржуазия вменяла в вину Наполеону III и его безуспешную политику заигрывания с рабочим классом, в результате которой, как утверждала буржуазная печать, «нанесен удар... самой гарантии сохранения общественного порядка и консервативных интересов». Росло и обострялось также недовольство мелкой буржуазии разорявшей ее политикой Второй империи.

Буржуазия все настойчивее требовала политической свободы,— свободы слова, печати, собраний и т. д. Она выступала против полицейско-бюрократического централизма бонапартистской империи, настаивала на расширении прав муниципалитетов. Этим она завоевывала популярность в широких массах французского народа, рассчитывая в то же время использовать добытую при поддержке народных масс свободу для усиления борьбы не только против бонапартистской империи, но и против передовых революционных рабочих.

Тем не менее либеральная буржуазная оппозиция против политического строя Второй империи, конфликты и борьба между либеральной и бонапартистской буржуазией имели важное зна-

чение для развития рабочего движения. Они объективно, вопреки воле буржуазии, создавали более благоприятную обстановку для подлинно революционной борьбы против бонапартистского режима, которую вели народные массы.

Нараставшее недовольство буржуазии, все настойчивее требовавшей политических реформ; уступки, на которые вынужден был пойти Наполеон III в 1867—1870 гг.; приход к власти в январе 1870 г. либерального министерства Оливье; поспешность, с какой правительство возвестило о предполагаемом им осуществлении программы либеральных преобразований, в том числе замены конституции 1852 г. новой, либеральной конституцией,— все это свидетельствовало о кризисе политики господствующих классов — кризисе «верхов», о том, что «верхи» были поставлены перед невозможностью «сохранить в неизмененном виде свое господство» [1] и «...вести государственные дела по-старому» [2].

Таковы были основные объективные признаки революционной ситуации, все отчетливее складывавшейся во Франции в конце 60-х годов.

8. Однако французский пролетариат в конце 60-х годов, через двадцать лет после революции 1848 г., все еще не располагал ни идейно вооруженной, дисциплинированной, тесно связанной с народными массами рабочей партией, способной возглавить его борьбу за свое политическое и социальное освобождение, ни широко разветвленной системой массовых профессиональных и других организаций. Не существовало тогда и общефранцузского руководства секциями Интернационала, а равно и профессиональными объединениями рабочего класса. В значительной мере это объяснялось многолетним пребыванием французских рабочих в условиях полицейско-бюрократического гнета бонапартистского режима, подавления общественных свобод и личных прав, засилья католического духовенства.

Французские социалисты в конце 60-х годов оставались распыленными на ряд группировок (правые и левые прудонисты, бланкисты, бакунисты и др.), которых разделяли разногласия по кардинальным вопросам политики и тактики. Даже среди более передовых из них, так называемых левых прудонистов-коллективистов, не было единого взгляда на характер грядущей революции. Пережитки прудонизма, элементы бакунизма, бланкистские заблуждения, эклектизм, неизжитое преклонение перед устаревшими лозунгами буржуазной революции конца XVIII в. все еще были присущи французскому социалистическому движению. Борьбу за вооружение этого движения передовой революционной теорией — марксизмом вели тогда во Франции лишь отдельные социалисты (Лафарг, Дюпон, Френкель).

Слабостью французского социалистического движения изучаемого нами периода являлась также недооценка большинством французских социалистов значения прочного союза между рабочим классом и крестьянством и совершенно недостаточная вследствие этого связь социалистов с трудовыми массами крестьян. Эта слабость была, в частности, использована бонапартистской реакцией во время майского плебисцита 1870 г.

Вместе с тем нами было показано, что социалистическое движение во Франции достигло к концу 60-х годов значительно большей зрелости чем в период революции 1848 г. Об этом свидетельствуют и проанализированные выше социально-экономические и политические взгляды наиболее видных французских социалистов того времени. К числу завоеваний французского рабочего и социалистического движения конца 60-х годов следует прежде всего отнести то, что передовые французские социалисты именно в эти годы выдвинули в качестве настоятельной задачи рабочего движения создание и укрепление политической партии пролетариата на базе французских секций Интернационала, очищенных от прудонистских элементов. Они видели в этом необходимое условие завоевания «социальной и демократической республики». Серьезным шагом к организационному укреплению рабочего и социалистического движения явилось образование весной 1870 г. четырех крупных федераций Интернационала,— парижской, лионской, марсельской, руанской, и местных федераций профессиональных рабочих объединений. Ближайшей задачей, которую ставили перед собой социалисты, было создание общефранцузских федераций. Однако далеко не все руководящие деятели социалистического движения (это прежде всего относится к Бланки и его последователям) понимали значение революционной партии рабочего класса для успеха его освободительной борьбы.

Несомненный сдвиг произошел, как мы видели, в конце 60-х годов и в понимании крестьянского вопроса частью французских социалистов. В 1869—1870 гг. они стали все более определенно высказываться за необходимость систематической работы среди крестьян. Они и практически приступили к пропагандистской и организационной деятельности в сельских местностях с целью вырвать трудовое крестьянство из-под влияния буржуазии. Но это были только первые шаги на пути к установлению подлинного союза между рабочим классом и крестьянством.

Залогом дальнейших успехов революционного движения во Франции являлось растущее влияние Интернационала на французский пролетариат. Передовые французские социалисты в

[1] В. И. Ленин. Крах II Интернационала. Соч., т. 21, стр. 189.
[2] В. И. Ленин. Распущенная Дума и растерянные либералы. Соч., т. 19, стр. 228.

конце 60-х годов начали изучать произведения революционного марксизма, в частности «Нищету философии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Капитал». Хотя первое из этих произведений вышло в свет, как известно, еще в конце 40-х, а второе — в начале 50-х годов, содержание их не было до тех пор знакомо французским социалистам.

9. Ближайшая задача рабочего класса Франции — это понимала наиболее передовая часть французских социалистов — заключалась в том, чтобы свергнуть бонапартистскую империю и завоевать республику, т. е. такой политический строй, который, хотя и не устранял господства эксплуататорских классов, но предоставлял все же рабочим известную степень личной и «общественной свободы для борьбы за свое социальное освобождение.

Готовясь к свержению империи, французские социалисты -считали одной из своих первоочередных задач преодоление идейного влияния буржуазных республиканцев на рабочий класс, сильно подорванного к 1870 г., но далеко еще не изжитого.

Французская буржуазия утратила способность возглавить народные массы в их революционной борьбе. Ее страх перед народной революцией был сильнее ее стремления избавиться от бонапартистской империи. Ни одна из группировок республиканской буржуазии не была намерена допустить свержение бонапартистской империи путем народной революции. Не только правые элементы буржуазных республиканцев, политические стремления которых в 60-х годах все более смыкались со стремлениями орлеанистов и не шли дальше конституционной монархии, но и так называемые «непримиримые» республиканцы во главе с Гамбеттой были ярыми противниками свержения империи революционным путем, сторонниками завоевания республики одними лишь парламентскими средствами.

Вот почему в исследуемый в настоящей работе период бурного политического развития Франции мы в большинстве случаев встречаем «радикального демократа» Гамбетту и его единомышленников в одном противостоявшем рабочему классу лагере с буржуазными республиканцами правого толка (Фавром, Пикаром и другими), с которыми в предшествующие годы его разделяли известные политические разногласия.

Французские социалисты единодушно считали своим долгом добиться того, чтобы буржуазные республиканцы не присвоили себе плодов предстоявшей революции. «Мы должны заблаговременно их разбить, пусть даже несколько отсрочится вследствие этого падение империи»,— писал, как мы знаем, Варлен.

10. Франко-прусская война, которую правящая бонапартистская клика навязала Б июле 1870 г. французскому народу, рассчитывая найти в ней выход из глубокого внутриполитического кризиса, угрожавшего дальнейшему существованию империи, осложнила ход революционной подготовки французского рабочего класса, но она ускорила вместе с тем крушение Второй империи. Война, послужившая испытанием для политической и военной организации империи, уже на начальной своей стадии обнаружила всю гнилость бонапартистского режима. Рабочие Парижа и крупных провинциальных центров Франции после первых же поражений французских армий, в дни 7—9 августа 1870 г., требовали провозглашения республики. Империя, однако, не была тогда свергнута, так как народные антиправительственные манифестации не были возглавлены социалистами, лучшие представители которых, наиболее испытанные руководители французского пролетариата, находились в тюрьмах бонапартистской империи, в изгнании или в армии. Что касается буржуазных республиканцев, депутатов левой оппозиции, то они предпочли пожертвовать жизненными интересами своей страны, лишь бы не допустить революционного выступления народных масс, не допустить его победы.

События 7—9 августа 1870 г., исход которых оказал большое влияние на дальнейшее развитие франко-прусской войны, фальсифицированы буржуазной историографией. Они представлены в ложном свете и в социал-реформистской литературе. Далеким от действительности является, в частности, освещение этих событий Жоресом, указывавшим на пассивность парижских народных масс, не поддержавших якобы 7—9 августа 1870 г. «путем уличных движений» республиканских депутатов в их борьбе за низложение Наполеона III. В действительности именно предательство левых депутатов, противодействовавших рабочим Парижа в их попытках установить республику, продлило существование бонапартистского режима в ущерб национальным интересам Франции, интересам ее безопасности.

11. Пришедшая 10 августа 1870 г. к власти правобонапартистская клика во главе с графом де Паликао средствами жесточайшего террора парализовала попытки дальнейших революционных выступлений против империи. Правительству Паликао к тому же удалось в сообщничестве с буржуазными республиканцами создать временно у народных масс Франции ложную уверенность в эффективности его военных мероприятий, систематически скрывая от них действительное военное положение Франции, армия которой во второй половине августа 1870 г. понесла ряд тяжелых поражений. Буржуазные республиканцы, действуя заодно с монархистским большинством Законодательного корпуса, всемерно старались, по их собственному признанию, «помешать революции», хотя сами они отлично сознавали,

что только своевременное свержение империи могло предотвратить военный разгром Франции.

Но и французский пролетариат, при отсутствии руководства революционной партии, обнаружил в августе 1870 г. наряду с организационной слабостью и идейную незрелость. Рабочий класс Франции после объявления войны и быстро последовавших затем поражений французской армии наивно подхватил брошенный буржуазией фальшивый лозунг о соблюдении «гражданского мира» между всеми французами, в интересах якобы успешной обороны отечества. Этим в значительной степени объясняется запоздалое свержение империи — лишь после военного разгрома Франции у Седана.

12. Революция 4 сентября 1870 г., результатом которой было провозглашение республики во Франции, изображается буржуазной историографией, так же как и события 7—9 августа, в ложном свете. По инициативе именно рабочих, а не буржуазных республиканцев была 4 сентября 1870 г. провозглашена республика. Именно рабочие, как это показано нами на основе документальных данных, свергли империю вопреки активному противодействию буржуазных республиканцев. Рабочие заставили левых депутатов против их воли провозгласить республику.

Плоды, добытые 4 сентября 1870 г. рабочими, присвоила буржуазия. Буржуазные республиканцы и орлеанисты, завладев властью в завоеванной рабочими республике, составили временное коалиционное «правительство национальной обороны».

Созданные после свержения империи в крупнейших индустриальных центрах Франции (Лионе, Марселе, Тулузе и др.) революционные Коммуны были быстро и решительно подавлены «правительством национальной обороны» при активном участии министра внутренних дел Гамбетты. За короткое время своего существования революционные власти в провинции, особенно в Лионе, успели осуществить ряд радикальных политических и социальных мероприятий и принять ряд решений, некоторые из которых предвосхитили позднейшие мероприятия и постановления Парижской Коммуны (о бесплатном возврате владельцам заложенных ими в ломбарде вещей, об ограничении жалованья чиновникам, о конфискации имущества лиц, покинувших город и устранившихся от его обороны, о замене полицейских народными уполномоченными, избираемыми на основе всеобщего голосования, об отделении церкви от государства).

13. Французский рабочий класс ошибочно отказался после провозглашения республики от укрепления своих классовых организаций, разрушенных преследованиями и войной. Он изъявил готовность ограничит! ся борьбой против прусских оккупантов, целиком доверившись руководству буржуазного временного правительства.

Между тем «правительство национальной обороны» с первых дней своего пребывания у власти стало на путь капитуляции перед Пруссией. На этот путь толкал буржуазных правителей страх перед своим же народом, исполненным решимости упрочить завоеванную им республику путем демократизации всего общественного строя. Временное правительство, напротив, старалось положить конец республике, рожденной народной революцией, ускорить приход к власти «законного» правительства контрреволюционной буржуазии.

Стремясь усыпить бдительность народных масс, «правительство национальной обороны» заверяло их в своем твердом намерении бороться до последней крайности за каждую пядь земли, за каждый камень французских крепостей. Одновременно оно втайне вело переговоры с прусским правительством о скорейшем заключении мира, хотя отлично сознавало, что в случае отказа от дальнейшего вооруженного сопротивления мир после Седана был возможен только на кабальных для Франции условиях.

14. Буржуазное временное правительство полностью подчинило и свою внутреннюю политику классовым интересам буржуазии, в жертву которым оно принесло интересы Франции.

Вместо радикального обновления полицейского и чиновничьего аппарата Второй империи, его замены республиканскими органами власти, как этого все настойчивее требовали народные массы и их представители, правительство сентябрьской республики либо оставляло на прежних постах бонапартистских полицейских и чиновников, либо заменяло их преимущественно орлеанистами. Благодаря преступному попустительству временного правительства притаившиеся, но не сложившие оружия монархисты (бонапартисты, орлеанисты, легитимисты) под покровительством враждебных республике префектов, мэров, полицейских властей развили активную контрреволюционную пропаганду в Париже и в провинции, главным образом в сельских местностях. Они восстанавливали против республики крестьян, подготовляли почву для победы монархистской контрреволюции[1] во время ближайших выборов в Национальное собрание, главное назначение которого они видели в «водворении порядка» во Франции.

Вместо своевременной организации действенной обороны: Парижа, угроза блокады которого с каждым днем возрастала,, буржуазное временное правительство оставалось в бездействии, отказавшись от всяких попыток сопротивления немецким армиям на пути их следования к Парижу и саботируя подготовительные оборонные мероприятия в самой столице. Подобно правительству Второй империи, оно всемерно препятствовало

вооружению рабочих, медлило со смещением реакционного командного состава национальной гвардии.

15. Антинародная и антинациональная политика «правительства национальной обороны» привела, как мы видели, уже к концу двухнедельного периода, предшествовавшего осаде Парижа, к обострению классовой борьбы во Франции. В ходе этой борьбы французский пролетариат постепенно освобождался от иллюзий первых дней республики.

Осуществить задачи революции 4 сентября, упрочить и защитить республику можно было только опираясь на народные массы, главным образом на рабочих. Однако государственные деятели Франции предпочитали прусское нашествие победе республики, завоеванной рабочими.

Боялись своего народа и возглавляемые Гамбеттой представители той части французской буржуазии, которая позднее, в октябре 1870 г., взяла на себя организацию военных сил в провинции для дальнейшего сопротивления прусским агрессорам. Подобно другим буржуазным республиканцам, и Гамбетта беспощадно подавлял республиканско-демократическое движение в провинции, сковывал инициативу народных масс, направленную на защиту республики, всемерно препятствовал развитию партизанского движения. Именно поэтому его усилия добиться успеха в борьбе с внешним врагом оказались бесплодными.

Подлинным выразителем интересов французского народа, самоотверженным борцом за их осуществление был рабочий класс, возглавивший в 1870—1871 гг. передовые элементы мелкой буржуазии. Именно он, невзирая на лишения и невзгоды войны, на мучения осады, на препятствия, чинимые господствующими классами, вел героическую борьбу за безопасность и целостность Франции, за укрепление республиканского, демократического режима, за социальные преобразования.

Подняв в марте 1871 г. знамя восстания против буржуазного правительства своей страны, покрывшего себя позором национального предательства, парижский пролетариат ставил своей задачей обеспечить торжество «социальной и демократической республики», освобожденной от капиталистической эксплуатации и угнетения. Его революционная борьба за подлинную свободу, демократию, социализм в силу ряда причин не увенчалась тогда успехом. Но именно она окончательно упрочила республиканский строй во Франции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. Произведения, переписка, речи, документы классиков марксизма-ленинизма

Маркс К- и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Избранные произведения в двух томах, т. 1, М., 1955.

Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1.

Маркс К- Предисловие к «Критике политической экономии». К- Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1.

Маркс К. Первый набросок «Гражданской войны зо Франции». «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII), М., 1934.

Маркс К. Второй набросок «Гражданской войны во Франции». «Архив Маркса и Энгельса», т. III (VIII).

Марке К- Гражданская война во Франции. К- Марке и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1.

Маркс К- Революция 1848 года и пролетариат. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К- Франция Бонапарта маленького. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. XI, ч. 1.

Маркс К. Французский «Credit Mobilier». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К- Экономический кризис в Европе. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К. Экономический кризис во Франции. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К. Новый закон о Французском банке. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Марке К. Торговый кризис во Франции. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К. Начало конца Луи Наполеона. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К. Правление преторианцев. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К- Нынешнее положение Бонапарта. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К. Мадзини и Наполеон. К- Маркс иФ. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К. Финансовые маневры Бонапарта. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К- Проект регулирования цен на хлеб во Франции. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. 1.

Маркс К. Историческая параллель. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II.
Маркс К. Господин Фогт. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. 1.
Маркс К. Новый договор между Францией и Англией. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II.
Маркс К. Финансовое положение Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II.
Маркс К. Интернациональная афера Мирэ. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XII, ч. II.
Маркс К- Учредительный манифест и временный устав Международного товарищества рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
Маркс К. О Прудоне (письмо И.-Б. Швейцеру). К- Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I.
Маркс К. Инструкция делегатам временного центрального совета по отдельным вопросам. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
Маркс К. Отчет Генерального совета Брюссельскому конгрессу М. Т. Р. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
Маркс К- Генеральный совет Международного товарищества рабочих — Центральному бюро Международного альянса социалистической демократии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
Маркс К- Отчет Генерального совета Четвертому ежегодному конгрессу Международного товарищества рабочих. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
Маркс К. Конфиденциальное сообщение. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
Маркс К. ГО преследованиях членов французских секций Международного товарищества рабочих. К членам Международного товарищества рабочих. К. Маркси Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
Маркс К- Первое воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I.
Маркс К. Второе воззвание Генерального совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I.
Маркс К. Письмо к Н. Либкнехт. 2 марта 1871 г. «Исторический архив», 1955, № 3.
Маркс К- Мнимые расколы в Интернационале. Негласный циркуляр Генерального совета Международного товарищества рабочих. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. П.
Маркс К. Отчет Генерального совета Пятому ежегодному конгрессу Международного товарищества рабочих. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II.
Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих. Соч., т. XIII, ч. П.
Энгельс Ф. Заметки о войне. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II.
Энгельс Ф. К жилищному вопросу. К. Маркси Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., ' т. XVI, ч. I.
Энгельс Ф. Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого (1851) года. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII.
Энгельс Ф. Преследование Монталамбера. К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. XI, ч. I.
Энгельс Ф. Предисловие к «Крестьянской войне в Германии», К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I.
Энгельс Ф. Эмигрантская литература. 1874—1875 гг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч,, т. XV.
Энгельс Ф. Европейские рабочие в 1877 году. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV.
Энгельс Ф. Введение к брошюре Маркса «Гражданская война во Франции». К. Маркси Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II.
Энгельс Ф. Введение к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. И.
Маркс К. и Энгельс Ф. Переписка. 1861—1867. Соч., т. XXIII.
Маркс К. и. Энгельс Ф. Переписка. 1868—1883. Соч., т. XXIV.
Маркс К. и Энгельс Ф. Письма. 1844—1868. Соч., т. XXV.
Маркс К. и Энгельс Ф. Письма. 1869—1877. Соч., т. XXVI.
Маркс К. и Энгельс Ф. Письма. 1878—1887. Соч., т. XXVII.
Энгелье Ф. Письма. 1888—1691. К- Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII.
Энгельс Ф. Fr. Engels a Laura Lafargue. Londres, 8 octobre 1889. «La Pensee», 1955, № 61.
«Переписка К- Маркса и Ф. Энгельса с русскими деятелями». ОГИЗ, 1951.
Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве. Соч., т. 4.
Ленин В. И. К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян чего хотят социал-демократы. Соч., т. 6.
Ленин В. И. План чтения о Коммуне. Соч., т. 8.
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Соч., т. 9.
Ленин В. И. Социализм и крестьянство. Соч., т. 9.
Ленин В. И. Доклад об Объединительном съезде РСДРП. Соч., т. 10.
Ленин В. И. К итогам съезда. Соч., т. 10.
Ленин В. И. Отношение к буржуазным партиям. Соч., т. 12.
Ленин В. И. Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса, к Л. Кугельману. Соч., т. 12.
Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Соч., т. 13.
Ленин В. И. Уроки Коммуны. Соч., т. 13.
Ленин В. И. Об оценке текущего момента. Соч., т. 15.
Ленин В. И. Заметки публициста. Соч., т. 16.
Ленин В. И. Манифест либеральной рабочей партии. Соч., т. 17.
Ленин В. И. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы. Соч., т. 17.
Ленин В. И. О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. Соч., т. 17.
Ленин В. И. Памяти Коммуны. Соч., т. 17.
Ленин В. И. Реформизм в русской социал-демократии. Соч., т. 17.
Ленин В. И. Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг. Соч., т. 17.
Ленин В. И. «Сожаление» и «стыд». Соч., т. 17.
Ленин В. И. Август Бебель. Соч., т. 19.
Ленин В. И. Распущенная дума и растерянные либералы. Соч.. т. 19.
Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. Соч., т. 20.
Ленин В. И. Крах II Интернационала. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Социализм и война. Соч., т. 21.
Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Соч., т. 22.
Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч, т. 22.
Ленин В. И. За деревьями не видят леса. Соч., т. 25.

Ленин В. И. Марксизм и восстание. Соч., т. 26.
Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Соч., т. 31.
Ленин В. И. Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу. Соч., т. 31.
Ленин В. И. О тезисах по аграрному вопросу Французской коммунистической партии. Соч., т. 33.
Ленинский сборник XXVI. Три конспекта доклада о Парижской Коммуне.
Ленинский сборник XIV. Марксизм о государстве. Материалы по подготовке брошюры «Государство и революция».

II. Архивные документы

/. *Архив Института марксизма-ленинизма*

П. Лафарг — К. Марксу. Париж. Февраль 1869 г.
П. Лафарг — К. Марксу. Париж. Май 1869.
П. Лафарг — К. Марксу. Париж. 23 октября 1869 г.
Э. Дюпон — К. Марксу. 22 ноября 1869 г.
Лаура Лафарг — К. Марксу. Париж. 18 апреля 1870 г.
П. Лафарг — К- Марксу. Париж. 20 апреля 1870 г.
П. Лафарг — К- Марксу. Париж. Около 29 апреля 1870 г.
Лаура Лафарг — К. Марксу. Париж. Май (ранее 4) 1870 г.
П. Лафарг — К. Марксу. Париж. Июль 1870 г.
Э. Дюпон — К. Марксу. Манчестер. 8 сентября 1870 г.
Э. Дюпон — К. Марксу. Манчестер. 19 сентября 1870 г.
П. Лафарг — К. Марксу. Бордо. Около 25 сентября 1870 г.
П. Лафарг — К. Марксу. Сан-Себастьян. 9 ноября 1871 г.
А. Ришар — Э. Дюпону. Лион. 9 августа 1869 г.
Ж- Жоаннар — Г. Юнгу. Париж. 3 октября 1869 г.
«Minutes of the General Council of the I International», 1866, 1867, 1868, 1869, 1870.
Секретный циркуляр Парижского Федерального Совета. Сентябрь 1870 г. Ин-т марксизма-ленинизма. Фотокопия.

2. *Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР*

а) Фонд канцелярии министра. Дело № 113 за 1868 г.; дело № 125 за 1869 г.; дело № 116 за 1870 г.
б) Пресса. Дело № 101 за 1870 г.

3. *Государственный центральный военно-исторический архив (ГЦВИА)*

Фонд ВУА, 440. Дела № 185, 187, 188 за 1870 г.

III. Собрания опубликованных документов

/. *Статистические издания и прочие документальные материалы о социально-экономическом развитии Франции в 50—60-е годы.*

Annuaire de l'economie politique et de la statistique, par M. Block et Guillaumin. Paris, 1868.
Block M. Dictionnaire generale de la politique, t. 1. Paris, 1873.
Block M. Statistique de la France comparee avec les divers pays de l'Europe, t. 2. Paris 1875.
Chambre de commerce de Paris. Statistique de l'industrie a Paris, resultant de l'enquete faite par la Chambre de commerce pour les annees 1847—1848. Paris, 1851.
Chambre de commerce de Paris. Statistique de l'industrie a Paris, resultant de l'enquete faite par la Chambre de commerce pour l'annee 1860. Paris, 1864.
Chambre de commerce de Saint-Etienne. Rapport sur les traites de commerce avec l'Angleterre, la Belgique, PItalie etc., par E. Richard, vice-president de la Chambre de commerce. Saint-Etienne, 1870.
Enquete parlementaire sur le regime economique de la France. Paris, 1870.
Exposition universelle de 1862. Londres. Rapports des delegues des ouvriers parisiens. Paris, 1862—1864.
Exposition universelle de 1867. Paris. Commission ouvriere. Recueil de proces-verbaux, t. 1—2. Paris, 1869.
Exposition universelle de 1867. Paris. Rapports des delegations ouvridres, t. 1. Paris 1869.
Exposition universelle de 1867. Paris. Rapports des delegues lyonnais, publ. par la delegation. Lyon, 1868.
Ministere de l'agriculture et du commerce. Situation economique et commerciale de la France. Expose comparatif pour la periode 1853—1867; pour la periode 1854—1868, 1855—1869. Paris, 1869—1870.
La siderurgie francaise, publ. par le Comite des Forges de France. 1864—1914. Paris 1914.
Statesman's Year-Book. London, 1904.
Statistique agricole de la France, publ. par le Ministere de l'agriculture. Resultats generaux de l'enquete decennale de 1882. Paris, 1887.
Statistique agricole de la France, publ. par le Ministere de l'agriculture. Resultats generaux de l'enquete decennale de 1892. Paris, 1897.
Statistique generale de la France, Annuaire statistique de la France. Paris, 1883. Tableau retrospectif de l'industrie minerale.
Statistique generale de la France. Annuaire statistique de la France. Paris 1913. Resume retrospectif.
Statistique generale de la France. Salaires et cofit de l'existance a divers epoques jusqu'en 1910. Paris, 1911.

2. *Парламентские и правительственные документы и материалы*

Annales du Senat et du Corps Legislatif. Session ordinaire de 1867.
Annales du Senat et du Corps Legislatif. Session ordinaire de 1868.
Annales du Senat et du Corps Legislatif. Session ordinaire de 1869.
Annales du Senat et du Corps Legislatif. Session ordinaire de 1870.
Annales du Senat et du Corps Legislatif. Session extraordinaire de 1870.
Bulletin des lois de la delegation du Gouvernement de la defense nationale hors de Paris. Tours et Bordeaux du 12 septembre 1870 au 18 fevrier 1871, № 1—27. Versailles, juin 1871.
Circulaires, rapports, notes et instructions confidentielles 1851—1870. Paris, 1872.
Depeches, circulaires, decrets, proclamations et discours de Leon Gambetta, publ. par J. Reinach, t. 1—2. Paris, 1886—1891.
Le dossier de la guerre de 1870. Paris, 1877.
Enquete parlementaire sur les actes du Gouvernement de la defense nationale, t. 1—7. Paris, 1872—1876.
Enquete parlementaire sur l'insurrection du 18 mars, t. 1—3. Versailles, 1872.
Lois, decrets et actes officiels concernant la garde nationale de la Seine. Paris, 1870.

Les Murailles politiques franchises, t. 1. Paris, 1873.
Papiers et correspondance de la famille imperiale, t. 1—2. Paris, Imprimerie nat., 1870—1871.
Papiers sauves des Tuileries. Suite de la correspondance de la famille imperiale. Publ. par R. Halt. Paris, 1871.
Papiers secrets du Second empire, livr. 1—13. Bruxelles, 1871.
Papiers secrets et correspondance du Second empire. Reimpression complete de rimprimerie nat. annotee et augmentee a nombreuses pieces, publ. a l'etranger et recueillies par A. Poulet-Malassis. 2-e ed. Paris 1873.
Proces-verbaux des seances du Conseil du Gouvernement de la defense nationale, 1870—1871. Publ. d'apres les manuscrits originaux de A. Dreo. Paris.
Recueil officiel des actes du Gouvernement de la defense nationale pendant le siege de Paris. Paris, 1871.

3. Протоколы конгрессов I Интернационала, материалы его процессов и прочая документация

Базельский конгресс Первого Интернационала 6—11 сентября 1869 г. Партиздат, 1934.
Либкнехт В. Письмо К. Марксу. 1 апреля 1871 г. «Исторический архив», 1955, № 3.
Письма деятелей I Интернационала в дни Коммуны 1871 г. Партиздат, 1933.
Первый Интернационал в дни Коммуны. Документы и материалы. М., 1941.
Лондонская конференция I Интернационала. Партиздат, 1936.
Congres ouvrier de I'Association Internationale des Travailleurs, tenu a Geneve du 2 au 8 septembre 1866. Geneve, 1866.
Compte rendu du Congres de Lausanne de I'Association Internationale des Travailleurs, partie 1—2. Chaux-de-Fonds, 1867.
Rapports lus au Congres ouvrier reuni du 2 au 8 septembre 1867 a Lausanne. Chaux-de-Fonds, 1867. (Фотокопия Ин-та марксизма-ленинизма).
Compte rendu officiel du Congres de Bruxelles de I'Association Internationale des Travailleurs 6—30 septembre 1868. Bruxelles, 1868.
Report of the fourth annual congress of the International Working Men's Association held at Basle... London 1869.
Proces de I'Association Internationale des Travailleurs. Premiere et deuxieme commissions du Bureau de Paris. Paris, 1870.
Troisieme proces de I'Association Internationale des Travailleurs a Paris. Paris, 1870.
Manifeste aux travailleurs des campagnes, publ. par le Comite de propagande des sections allemandes de I'Association Internationale des Travailleurs. Geneve, Janvier 1870.

IV. Периодическая печать

/. Газеты

«Голос». СПб., 1867—1870
«Неделя». СПб., 1870.
«Beehive». London, 1868.
«Le Combat». Paris, 1870.
«Le Courrier Francais». Paris, 1867—1870
«L'Egaliti». Geneve, 1868—1870.
«Le Gaulois». Paris, 1870.
«La Gazette de Lausanne», 1870.
«La Gazette des Tribunaux». Paris, 1865, 1867—1870.
«L'lllustration». Paris, 1868—1870.
«L'Independance beige». Bruxelles, 1867—1870.
«L'Internationale». Bruxelles, 1869, 1870.
«Journal de Geneve», 1870.
«Journal des Debats.» Paris, 1867—1870.
«Journal Officiel de la Republique francaise». Paris, 1870.
«La Liberie». Paris, 1868, 1870.
«La Marseillaise». Paris, 1869, 1870.
«Le Moniteur prussien de Versailles», 1870—1871. Reproduction, t. 1—2. Paris, 1872.
«Le Moniteur Universel». Paris, 1867—1870.
«Le National». Paris, 1870.
«Pall Mall Gazette». London, 1870.
«La Patrie en danger». Paris, 1870.
«Le Progres». Locle, 1870.
«Le Rappel». Paris, 1870.
«Le Reveil». Paris, 1870.
«La Rive Gauche». Bruxelles, 1865, 1866.
«La Solidarite». Neuchatel, 1870.
«Le Temps». Paris, 1869, 1870.
«The Times». London, 1870.
«Der Volksstaat», Leipzig, 1870.

2. Журналы

«Вестник Европы». СПб., 1870.
«Голос -минувшего». М., 1914, № 4; 1916, № 7—8, 9.
«Исторический архив». М., 1955, № 3.
«Отечественные записки». СПб., 1869, 1870.
«Полярная звезда на 1869 год». Geneve-Bale, 1868, кн. 8.
«American historical review». New York, 1926, 1946, 1951.
«Annales» (Economies-societes-civilisations). Paris, 1954.
«Cahiers d'histoire». Grenoble, 1956, N 1.
«Cahiers du communisme». Paris, 1933, 1951, 1953.
«Cahiers internationaux». Paris, 1949, 1950, 1952, 1953, 1956.
«Cambridge historical journal». 1954, vol. XI, № 2.
«Le Correspondant». Paris, 1871.
«Economie et politique». Paris, 1955, № 1.
«Information historique». Paris, 1948, № 3; 1954, № 1.
«International review for social history». Amsterdam — Leiden, 1937, vol. II; 1939, vol. IV; 1956, vol. I, part. I.
«Journal des economistes». Paris, 1862, 1867, 1868, 1869.
«Journal of modern history». Chicago, 1942, 1943, 1953.
«1848. Revue des revolutions contemporaines», Paris, 1951.
«Movimento operaio». Milano, 1952, N 6.
«La Pensee». Paris, 1948, 1955.
«La Revolution de 1848». Paris, 1931, 1932.
«La Revolution Francaise». Paris, 1920, t. 73.
«Revue bleue». Paris, 1889, t. 44, № 10; 1905.
«Revue d'economie politique», 1897, t. 11.
«Revue de Paris», 1914, № 4.
«Revue des deux mondes». Paris, 1860, 1865, 1868, 1871, 1896, 1914, 1926.

«Revue d'histoire moderne et contemporaine». Paris, 1954, t. 1; 1955, t. 2
«Revue du Nord». Lille, 1951, 1953, 1955.
«Revue francaise de science politique». Paris, 1953.
«Revue historique». Paris, 1931.
«Revue internationale d'histoire politique et constitutionnelle». Paris, 1955.
«Revue politique». Paris, 1868.
«Revue politique et parlementaire». Paris, 1946.
«Revue socialiste». Paris, 1896, 1951.
«Les Temps modernes». Paris, 1954, 1955.
«La Vie ouvriere». Paris, 1913, 1914.
«Der Vorbote». Qenf, 1869, 1870.

V. Произведения, мемуары, переписка, речи участников и современников изучаемых событий

Анненков М. Война 1870 года Заметки и впечатления русского офицера. СПб., 1871.
Герцен А. И. Былое и думы. Л., 1946.
Лавров П. Л. Парижская Коммуна 18 марта 1871 г. М., 1925. Первое изд. 1879 г..
Лавров П. Л. Письма к Е. А. Штакеншнейдер из Парижа в 1870—1873 гг. «Голос минувшего», 1916, Яг 7—8, 9.
Лафарг П Движение поземельной собственности во Франции. Соч., т. 2. М.—Л., 1928.
Леонтьев. Оборона Парижа. СПб., 1871.
Милютин Д. А. Дневник, т. I. Ред., биогр. очерк и примеч. П. А. Зайончковского. М., 1947.
Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804—-1877), т. 1—2. СПб., 1905.
Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом. Полное собр. соч., т. 2. М., 1951.
Чернышевский Н. Г. Франция при Людовике Наполеоне. Полное собр. соч., т. 5. М., 1950.
Чернышевский Н. Г. Кавеньяк. Полное собр. соч., т. 5.
Шелгунов Н. В. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции. Ноябрь 1861 г. Соч., т. 2. СПб., 1891.
Abrantes d.'Essai sur la regence de 1870. Paris, 1870.
Adam J. Mes sentiments et nos idees avant 1870. Paris, 1878.
Affaire de la souscription Baudin. Appel, seul compte-rendu complet. Paris, 1868.
Allain-Targe H. La Republique sous l'Empire. Lettres (1864—1870). Paris 1939.
Andreoli G. I,e gouvernement de 4 septembre et la Commune de Paris. Paris, 1871.
Andrieux L. A. travers la Republique. Paris, 1926.
Andrieux L. La Commune a Lyon en 1870 et 1871. Paris, 1906.
Arago E. L'H6tel-de-Ville de Paris au 4 septembre et pendant le siege Paris, 1874.
Arnould A. Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris, t. I. Paris, 1876.
Arsac J. Memorial du siege de Paris. Paris, 187.
Audiganne A. Memoires d'un ouvrier de Paris. Paris, 1873.
Audiganne A. Les populations ouvrieres et les industries de la France, t. 1—2. 2-e ed. Paris, 1860.
Aulard A. Souvenirs du 4 septembre. «La Revolution Francaise», 1920. t. 73.
Barbe.ret J. Les greves et la loi sur les coalitions. Paris, 1873.
Barberet J. Le mouvement ouvrier a Paris de 1870 a 1874, t. 1. Paris. 1874.
BarocheJ. Second empire. Notes et souvenirs. Paris, 1921.
Bavoux E. La France sous Napoleon III, t. 1—2. Paris, 1870.
Bazaine F. L'armee du Rhin. Paris, 1872.
Bazin A. A propos des salaires. «Journal des economistes», juin, 1862.
Benedetti V. Ma mission en Prusse. Paris. 1871
Bernard A. De la criminalite en France depuis 1826. «Journal des economistes», 1867, № 19.
Bernard A. Statistique financiere. «Journal des economistes», 1868, № 26.
Beslay Ch. Mes souvenirs. 1830—1848—1870. Paris, 1873.
Beslay Ch. La verite sur la Commune. Bruxelles, 1878.
Le bilan de l'annee 1868, Paris, 1869.
Bismarck O. Gedanken und Erinnerungen. Die drei Bande in eineni Bande. Stuttgart—Berlin, 1928.
Bismarck O. Politische Schriften. 1869—1871. Berlin, 1931. (Die gesammelten Werke. 2. Aufl. Bd. 6b).
B Ianqui A. La critique sociale, t. 1—2. Paris, 1885.
Bor*ego A. Le general Trochu devant l'histoire. Traduit de l'espagnol par L. Gerdebat. Paris, 1871.
Bosq P. Souvenirs de l'Assemblee nationale. 1871—75. Paris, 1908.
Boudon R. La verite sur la situation economique et financiere de l'Empire. Paris, 1867.
Busch M. Graf Bismarck und seine Leute wahrend des Krieges mit Frankreich, Bd. 1—2. Leipzig, 1878.
Caubet J. Souvenirs. 1860—1889. Paris, 1893.
Choppin H. Souvenirs d'un cavalier du Second empire. Paris, 1898.
Claretie J. Histoire de la Revolution de 1870—71, t. 1. Paris, 1875.
Cochin A. Paris. Sa population, son industrie. Memoire lu a l'Academie des sciences morales et politiques le 18 juin 1864. Paris, 1864.
Compte rendu d'un habitue des reunions publiques non politiques (ievrier — septembre 1869). Paris, 1874.
Corbon A. Le secret du peuple de Paris. Paris, 1863.
Corne A. Essai sur la criminalite. Sur ses causes, sur les moyens d'y remedier. «Journal des economistes», 1868, № 25.
Cresson E. Cent jours du siege a la prefecture de Police. Paris, 1901.
Crestin, d-r. Souvenirs d'un lyonnais. Lyon, 1897.
Da Costa G. La Commune vecue, t. 1—3. Paris, 1903.
The Daily News correspondence of the war between Germany and France London, 1871.
Darimon A. L'agonie de l'Empire. Nouv. ed. Paris, 1891.
Darimon A. Les cent seize et le ministere du 2 Janvier (1869—1870). 3-e ed. Paris, 1889.
Darimon A. Notes pour servir a l'histoire de la guerre de 1870. Paris, 1888.
Dauban Ch. La guerre comme la font les prussiens. Paris, 1870.
Delion T. Les membres de la Commune et du Comite Central. Paris, 1871
Delord T. Histoire du Second empire, t. 1—6. Paris, 1868—1875.
Deschamps A. Histoire de la chute du Second empire. Paris, 1871.
Diary of the besieged resident in Paris. London, 1871.
Discussion du projet relatif a la denunciation du traite de commerce de 1860 a l'Association nationale. Seance du 1 fevrier 1872. Discours de M. Wolowski, depute de la Seine.
Dredlie E. La journee du 4 septembre au Corps Legislatif. Paris, 1871.
Du Camp M. Souvenirs d'un demi-siecle, t. 1—2. Paris, 1909.
Duchene G. L'empire industriel. Paris, 1869.

Ducrot, general. La defense de Paris, t. 1—4. Paris, 1875—1878.
Du Mesnil A. Paris et Ies allemands. Paris, 1872.
Dumonп t A. L'administration et la propagande prussienne en Alsace. Paris, 1871.
Esquiros A. Marseille et fa Ligue du Midi en 1870—1871. «Nouvelle revue», 1 fevrier, 1883.
Faure A. Histoire de la guerre franco-allemande 1870—1871, t. 1. Paris, 1875.
Favre J. Gouvernement de la defense nationale du 30 juin au 31 octobre 1870. Paris, 1871.
Favre J. Discours parlementaires, t. 3. 1865—1870 (3 septembre). Paris. 1881.
Flaubert G. Correspondance, t. 4. Paris, 1927.
Flourens G. Paris livre. Paris, 1871.
Forbes A. My experiences of the war between France and Germany, t. I Leipzig, 1871.
Fournier E. Les prussiens chez nous. Paris, 1871.
J Fribourg E.-E. LAssociation Internationale des Travailleurs. Paris, 1871.
Fribourg E.-E. Le pauperisme parisien. Ses progres depuis 25 ans. Paris, 1872.
Fribourg E. E. Quelques mots d'explications pour un fait personnel. Paris 1868.
Friedrich III, Kaiser. Das Kriegstagebuch von 1870/1871. Berlin — Leipzig, 1926.
Gambetta L. Discours et plaidoyers politiques, t. 1. Paris, 1881.
Gambetta L. Lettres (1862—1880). Recueillies et annotees par D. Halevy et E. Pillias. Paris 1938.
Gambetta. 1869—1879. Paris, 1879.
Gambetta. Preface et commente par G. Bourgin. Monaco, 1950. (Les grands orateurs republicans, VIII).
Gambetta et la defense nationale. (Quelques documents). Publ. par J. Reinach. «Revue Bleue», 1905, t. 3, № 16.
Garel L. La revolution lyonnaise depuis le 4 septembre. Lyon, 1871.
Garnier-Pages L. A. L'opposition et l'Empire, t. 1—2. Paris, 1872—1873.
Girardeau F. La verite sur la campagne de 1870—1871. Marseille, 1871.
Girardin E. Hors Paris. (Novembre 1870). Bordeaux, 1871.
Glais-Bizoin A. Dictature de cinq mois. Paris, 1873.
Goncourt E. Journal des Goncourt, ser. 2, t. 1. 1861—1870. Paris, 1890.
Gramont A. La Prusse et la France avant la guerre. Paris, 1872.
Granier deCassagnac. Souvenirs du Second empire, t. 1—2. Paris, 1879—1882.
Grenville-Murray E. C. Les hommes de la III Republique, t. 1. Paris, 1873.
Guillaume J. L'Internationale, t. 1—2. Paris, 1905—1907.
Halevy L. Carnets, t. 1—2. Paris, 1935
Halevy L. Le 4 septembre 1870. Paris, 1904.
Hamel E. Histoire de Robespierre, t. 1—3. Paris, 1865—1867.
Hanotaux G. Mon temps, t. 1. Paris, 1933.
Hatzfeldt P. Briefe an seine Frau. Leipzig, 1907.
Haussmann G. H. Memoires du baron Haussman, t. 1—2. Paris, 1890.
Haussonville J. d'. Mon journal pendant la guerre (1870—1871). Paris, 1905.
1 Heligon P. Le mouvement ouvrier du 1848 a 1870. Discours prononce 19 mars 1880. Paris, 1880.
Herisson M. d'. Journal d'un officier d'ordonnance (juillet 1870 — fevrier 1871). Paris, 1885.
Hugo V. Correspondance, t. 3. Paris, 1952. (Oeuvres completes).
Hugo V. Histoire d'un crime, t. 1—2. Paris, 1882—1883. (Oeuvres completes).
Jacqmin F. Les chemins de fer pendant la guerre de 1870—1871. Paris, 1872.
Keratry E. de. Le 4 septembre et le Gouvernement de la defense nationale. Deposition devant la Commission d'enquete de l'Assemblee Nationale. Paris, 1872.
Kerneu P. Journal d'un mobile. 14 sept. 1870—29 janv. 1871. Paris, 1880.
Lafargue P. Karl Marx. «Die Neue Zeit», 1890—1891, Bd. I.
Lafargue P. Nouvelle generation. «La Rive Gauche», 22 avril, 1866.
Larroque P. De l'organisation du gouvernement republicain. Paris, 1870.
LaTour-du-Pin-Chambly de. L'armee frangaise a Metz. Paris, 1871.
Lavergne L. de. Sur le denombrement de la population en 1866. «Journal des economistes», juillet 1867.
Lavergne L. L'economic rurale de la France. Paris, 1866.
Lavollëe Ch. Statistique industrielle de Paris. «Revue des deux mondes», 1865, t. 55.
Lazare L. Les quartiers pauvres de Paris. Paris, 1869.
Lebrun, general. Souvenirs militaires. (1866—1870). Paris. 1895.
Lefrancais G. Etude sur le mouvement communaliste a Paris en 1871 Neuchatel, 1871.
Lefrancais G. Souvenirs d'un revolutionaire. Bruxelles, 1902.
Le Hardy de Beaulieu. La depopulation des campagnes est-elle a desirer ou a regretter? «Journal des economistes», novembre, 1867.
Lehautcourt P. Histoire de la guerre de 1870—1871, t. 1. Paris. 1901.
Leroy-Beaulieu P. La province pendent la guerre. «Revue, des deux mondes», 15 mars 1871.
Lissagaray H. Histoire de la Commune de 1871. Nouv. ed. Paris, 1929.
Loudun E. Journal de Fidus, t. 1. La revolution de septembre. Paris, 1889
Ma Ion B. Les collectivistes francais. «Revue socialiste», 1887, t. 5.
Ma Ion B. La troisieme defaite du proletariat francais. Neuchatel, 1871.
Marbach O. Das Halbjahr Deutschlands. Klange und Lieder. Berlin, 1871.
Maupas de. Memoires sur le Second empire, t. 2. Paris, 1885.
Maurenbrecher W. Elsass, eine deutsche Provinz, Konigsberg, 1870.
Mazade Ch. La guerre de France (1870—1871). Paris, 1875.
Mazade Ch. L'insurrection du 18 mars et l'enquete parlementaire. «Revue des deux mondes», 1872, t. 99.
Meaux. Souvenirs politiques, 1871—1877. Paris, 1905.
Merimee P. Lettres a M. Panizzi. 1850—1870, t. 1—2. Paris, 1881.
Mezieres A. L'invasion en Alsace. «Revue des deux mondes», 1871, t. 89.
Michel L. La Commune. Paris, 1898.
Michel L. Memoires, ecrits par elle-meme, t. 1. Paris, 1886.
Molinari G. de. Le mouvement socialiste et les reunions , publiques avant la revolution du 4 septembre 1870. Paris, 1872.
Molinari G. de. La reaction protectionniste. «Journal des economistes», fevrier 1868.
Moltke H. Briefe an seine Braut und Frau. Stuttgart — Leipzig — Berlin, 1892. (Gesammelte Schriften und Denkenwurdigkeiten. Bd. 6. Briefe. Dritte Sammlung).
Moltke H. Briefe an seine Mutter und an seine Briider Adolf und Ludwig. Berlin, 1891. (Gesammelte Schriften und Denkenwurdigkeiten. Bd. 4. Sammlung 1).
Moltke H. Geschichte des deutsch-franzosischen Krieges von 1870—1871. 2. Aufl. Berlin, 1891. (Gesammelte Schriften. Bd. 3).
Ollivier E. L'Empire liberal, t. 1—17. Paris, 1907—1915.
Palikao Ch. de. Un ministere de la guerre de vingt quatre jours. Paris, 1871.
Pelletan E. Le 4 septembre devant l'Enqulte. Paris, 1874.

Pessard H. Mes petits papiers, 1860—1870. Paris, 1887.
Pointu J. Histoire de la chute de l'Empire. Paris. 1874.
La Politique commerciale de la France ou le traite de 1860 avec l'Angleterre. Paris, 1872.
Pollier E. Chants revolutionnaires. Paris, 1937.
Pouyer-Quertier A. Verites parlementaires. Paris, 1869.
Progres de la France sous le Gouvernement imperial. Paris, 1869.
Proudhon P.-J. Correspondance, t. 13. Paris. 1875,
Proudhon P.-J. De la capacite des classes ouvrieres. Paris, 1865.
Proudhon P.-J. La Revolution sociale demontree par le coup d'Etat. Paris., 1852.
Pyat F. Les inassermentes. Discours. Paris, 1870.
Rambaud A. La Lorraine sous le regime prussien. «Revue des deux mondes», mai 1871.
Ranc A. Sous l'Empire. Memoires d'un republicain. Paris, 1878.
Ranc A. Souvenirs-correspondance. 1831—1908. Paris, 1913.
Rapport de M. Magne, ministre des finances, sur la situation financiere de la France en 1868. «Journal des economistes», fevrier 1868.
Renard G. Mes souvenirs (1870—71). «La Revolution de 1848», 1931, t. 28.
Reybaud L. Etudes sur le regime des manufactures. Conditions des ouvriers en soie. Paris, 1859.
Reybaud L. Essai sur la condition morale, intellectuelle et materielle des ouvriers qui vivent de l'industrie de la soie. Paris, 1860.
Reybaud L. Le coton. Paris, 1863.
Reybaud L. La laine. Paris. 1867,
Richard A. Les propagateurs de l'lnternationale en France. «La Revue socialiste», 1896, t. 23.
Robiquet P. Souvenirs du 4 septembre. «Revue bleue», 1889, t. 44, № 10.
Rochefort H. Les aventures de ma vie, t. 2. Paris 1896.
Rocher A. Les tueurs d'hommes. Geneve, 1871.
Rogeard A. La crise electorale de 1869. Bruxelles, 1869.
RogeardA. L'echeance de 1869. Bruxelles, 1869.
Sacy S. de. Lettres a ma fille. 1862—1872. «Revue des deux mondes», novembre 1926.
Sand G. Correspondance, t. 6 (1812—1876). Paris, 1884.
Sand G. Journal d'un voyageur pendant la guerre. Paris, 1871. (Oeuvres, t. 21).
Sarcey F. Le siege de Paris. Paris, 1871.
Saverney E. Les delegations ouvrieres a l'Exposition Universelle de 1867. «Revue des deux mondes», octobre 1868.
Simon J. L'apprentissage des jeunes ouvriers dans la petite industrie «Revue des deux mondes», 1865, t. 55.
Simon J. Le Gouvernement de la defense nationale. Paris, 1874.
Simon J. Le Gouvernement de M. Thiers, t. 1—2. 3-e ed. Paris, 1879.
Simon J. Origine et chute du Second empire. Paris, 1874.
Simon J. L'ouvriere. Paris, 1876.
Simon J. Le salaire et le travail des femmes. Les femmes dans la fabrique lyonnaise. «Revue des deux mondes», 1860, t. 25.
Steenackers F. F. et Le Goff F. Histoire du Gouvernement de la defense nationale en province, t. 1. Paris, 1884.
Stern D. Lettres republicaines du Second empire. Documents inedits. Paris 1951.
Stoffel, colonel. Rapports militaires, ecrits de Berlin, 1866—1870. Paris, 1871.
Tenot E. Campagnes des armees de l'empire en 1870. Etudes critiques. 2-e ed. Paris, 1872
Tenot E. Paris en decembre 1851. Paris, 1868.
Tenot E: La province en decembre 1851. Etude historique sur le couo d'Etat. Paris, 1868.
Tenot E. et Dubost A. Les suspects en 1858. Etude historique sur l'application de la loi de surete generale. Paris, 1869.
Testut O. L'lnternationale. Paris, 1871.
Testut O. L'lnternationale. Son role apres le 4 septembre. Paris, 1871.
Testut O. L'lnternationale et le jacobinisme au ban de l'Europe. Paris, 1872.
Testut O. Le livre bleu de l'lnternationale. Paris. 187!.
Thiers A. Notes et souvenirs, 1870—1873. Paris, 1903.
Thiers A. La correspondance de M. Thiers pendant la guerre de 1870—1871. «Revue des deux mondes», 1916, t. 33.
Tolain H. L'lnternationale. Discours prononces a l'Assemblee Nationale. Seances du 4 et 13 mars 1872. Paris.
Touchebon. Souvenirs de guerre. 1870—1871. Paris, 1894.
Treitschke H. Was fordern wir von Frankreich. Berlin, 1870.
Tridon G. Gironde et girondins. Paris, 1869.
Tridon G. Les hebertistes. Paris, 1864.
Trochu, general. L'armee francaise en 1867. Paris, 1867.
Trochu, general. L'Empire et la defense de Paris devant le jury de la Seine. Paris, 1872.
Trochu et Palikao. Extrait du discours du general. Lettre de Palikao. Paris, 1871.
Trochu, general. Oeuvres posthumes, t. 1—2. Tours, 1896.
Trochu, general. Une page d'histoire contemporaine devant l'Assemblee Nationale. Paris, 1871.
Trochu, general. Pour la verite et pour la justice. Petition a l'Assemblee Nationale... par le general Trochu. Documents sur les evenements de 1870—1871. Paris 1873.
Turgan J. Les grandes usines. Etudes industrielles en France et a l'etranger, t. 1—8. Paris, 1866—1870.
Valfrey J. Histoire de la diplomatie du Gouvernement de la defense nationale, t. 1—3. Paris, 1871.
Valles J. L'insurge. Paris, 1886.
Vermorel A. Les hommes de 1848. Paris, 1869.
Vermorel A. Jules Simon. Paris 1869.
Vermorel A. Le peuple aux elections. Paris, 1868.
Victoria, queen. The letters of queen Victoria. Second ser., vol. 2. London, 1926.
Victorine B. Souvenirs d'une morte vivante. Paris, 1909.
Villerme L. Tableau de l'etat physique et morale des ouvriers, employes dans les manufactures de coton, de laine et de soie, t. 1—2. Paris. 1840.
Villetard E. Histoire de l'lnternationale. Paris, 1872.
Vinoy, general. L'armee franchise en 1873. Paris, 1873.
Vinoy, general. Campagne de 1870—1871. Paris, 1872.
Vitu A. Les reunions publiques a Paris. 1868—1869. Paris, 1869.
Vogt K. Politische Briefe. Biel, 1870.
Vuillaume M. Mes cahiers rouges au temps de la Commune. Paris s. a.
Wagner Ad. Elsass und Lothringen und ihre Wiedergewinnung fur Deutschland. Leipzig, 1870.
WashburneE. B. Recollections of a minister to France. 1869—1877, vol. 1. London, 1887.
Wernecke B. Elsass und Lothringen. Ein Vertrag gehalten im Wissenschaftlichen Verein zu Paderborn am 30. Nov. 1870. Mtinster, 1871.
Witt C de. Six mois de guerre 1870—1871. Paris, 1894.

VI. Исторические и экономические исследования, публицистические произведения и статьи последующих лет

Алексеев-Попов В. С. Влияние Парижской Коммуны на германское социал-демократическое движение (1871—1872). «Вопросы истории», 1953, № 5.

Белкин И. Д. Жюль Гед и борьба за рабочую партию во Франции М., 1952.

Вайнштейн О. Л. История Парижской Коммуны. М., 1932.

Волгин В. П. Политические и социальные идеи Бланки. Вступительная статья. В кн.: Л. О. Бланки. Избранные произведения. М., 1952.

Данилин Ю. Антология поэзии Парижской Коммуны 1871 года. М., 1948.

Данилин Ю. Поэты Парижской Коммуны, т. 1. М., 1947.

Засулич В. И. Варлен перед судом исправительной полиции. Женева, Изд. Русского социал-демократического союза, 1890.

Засулич В. И. Очерки истории Международного Товарищества Рабочих. В кн.: В. И. 3 асулич. Сборник статей, т. 1. СПб., 1907.

Кан С Б. Якобинская пресса перед 18 марта 1871 г. «Историк-марксист», 1927, № 6.

Керженцев П. М. История Парижской Коммуны 1871 г. М., 1940.

Книжник-Ветров И. Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская («Елизавета Дмитриева»). «Летописи марксизма», 1928, VII—VIII.

Книжник-Ветров И. А. Корвин-Круковская (Жаклар). М., 1931.

Левитский В. Ф. Сельскохозяйственный кризис во Франции (1862—1892). Харьков, 1899.

Лурье А. Я- Портреты деятелей Парижской Коммуны. М., 1956.

Манфред А. 3. Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М., 1952.

Мендельсон А. Экономические кризисы и циклы XIX в. М., 1949.

Мировые экономические кризисы 1848—1'935. Под ред. Е. Варга, т. 1. М., 1937.

Молок А. И. Германская интервенция против Парижской Коммуны 1871 г. М., 1939.

Момджян Х. Н. Лафарг и некоторые вопросы марксистской теории. Ереван, 1954.

Перцев В. Н. Проект франко-прусского разоружения в 1870 году. «Голос минувшего», 1914, № 4.

Пигарев К. Ф. М. Тютчев о французских политических событиях 1870—73 гг. «Литературное наследство», 31—32. М., 1937.

Потемкин Ф. В. К вопросу о положении рабочего класса во Франции в последний период промышленного переворота (50—60-е годы XIX в). В сб.: «Из истории социально-политических идей». К семидесятипятилетию акад. В. П. Волгина. М., 1955.

Потемкин Ф. В. Массовые движения во Франции со времени лионских восстаний до революции 1848 г. «Ученые записки по новой и новейшей истории». Вып. I. М., 1955.

Потемкин Ф. В. Фабричная хлопчатобумажная промышленность во Франции перед революцией 1848 г. (К истории промышленной революции во Франции). «Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1947, т. IV, № 1.

Революция 1848—1849, т. 1—2. Под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. М., 1952.

Ротштейн Ф. А. Две прусские войны. М.— Л., 1945.

Скворцов-Степанов И. Парижская Коммуна 1871 года и вопросы тактики пролетарской революции. М., 1921.

Тарле Е. В. Гамбетта и его место в истории. В кн: «Очерки и характеристики европейского общественного движения в XIX в.». СПб., 1903.

Тарле Е. В. Крымская война, т. 1—2. М.—Л., 1944.

Шнеерсон А. Аграрный вопрос во Франции. М., 1948.

Armengaud A. Sur l'opinion publique toulousaine en aout 1870. «Annales» (Economies-societes-civilisations). Paris, 1954, № 1.

Arnaud R. La Deuxieme republique et le Second empire. Paris, 1929.

Arnaud R. Le coup d'Etat du 2 decembre. Paris, 1926.

Aubray M. et Michelesi S. Histoire des evenements de Marseille. Marseille, 1872.

Auge-Laribe M. L'evolution de la France agricole. Paris, 1912.

Bainville K La Troisieme republique. Paris, 1935.

Baudrillard H. Les populations agricoles de la France, t. 1—2. Paris, 1885—1888.

Bernstein S. The beginning of marxian socialism in France. New York, 1933.

Bloch M. Les caracteres originaux de l'histoire rurale francaise. Nouv. ed. Paris, 1952.

Blumenberg W. Ein unbekanntes Kapitel aus Marx Leben. Briefe an die hollandischen Verwandten. «International review for social history». Amsterdam, 1956, vol. 1, part. 1.

Bondois P. Histoire de la Revolution de 1870—71. Paris, 1888.

Boon H. N. Reve et realite dans l'oeuvre economique et sociale de Napoleon III. La Haye, 1936.

Bossakiewicz S. Histoire generale de Saint-Etienne depuis les origines jusqu'a nos jours. La Fere, 1905.

Boudot F. Quelques aspects originaux de l'histoire de la cooperation en France. «Revue d'histoire economique et sociale», 1955, № 1.

Bourgin G. La guerre de 1870—1871 et la Commune. Paris, 1939.

Bourgin Q. Histoire de la Commune. Paris, 1907.

Bourgin G. Les prefets de Napoleon III, historiens du coup d'Etat. «Revue historique», mars-avril, 1931.

Bourgin G. Les premieres journees de la Commune. Paris, 1922.

Bourgin G. La Troisieme republique. Paris, 1939.

Braeke. Jule Guesde. «La Nouvelle revue socialiste», 1926, № 8.

Brenet A. La France et l'Allemagne devant le droit international. Paris, 1902.

Brindeau L. Les evenements de 1870—1871 au Havre, t. I. Le Havre, 1909.

Brizon P. Histoire du travail et des travailleurs. Bruxelles, 1926.

• Bruhat J. A propos de Blanqui. «Cahiers internationaux». Paris, 1952, № 39.

"' Bruhat J. Histoire du mouvement ouvrier francais. Preface de G. Monmousseau, t. 1. Paris, 1952.

Bruhat J. Paul Lafargue et la tradition du socialisme revolutionnaire frangais. «Cahiers internationaux», 1949, № 7—8.

Bury J. P. T. Gambetta and the national defence: a republican dictatorship in France. London — New York — Toronto, 1936.

Cady J. F. The roots of French imperialism in Eastern Asia. New York, 1954.

Callet A. Les origines de la Troisieme republique. Paris, 1921.

Cameron E. L'exportation des capitaux frangais, 1850—1880. «Revue d'histoire economique et sociale», 1955, № 3.

Caroil Ë. M. French public opinion on war with Prussia in 1870. «American historical review», 1926, vol. XXXI, № 4.

Case L. M. French opinion on war and diplomacy during the Second empire. Philadelphia, 1954.

Challener R. D. The french theory of the nation in arms. 1866—1939. New York, 1955.

Chastenet J. L'enfance de la Troisieme. 1870—1879. Paris, 1952.

Chatelin A. Les migrations temporaires et la propagation des idees revolutionnaires en France au XIX siecle. «1848. Revue des revolutions contemporaines», 1951, № 188.
Chevalier L. La formation de la population parisienne au XIX siecle. Paris, 1950.
Chronique parisienne des six derniers mois de l'Empire. Paris, 1912
Chuquet A. La guerre. 1870—1871. Paris, 1895.
Cinquantenaire de la chambre de commerce de Meurthe-et-Moselle. Revue des industries du departement. Nancy, 1905.
Clapham J. H. The economic development of France and Germanv 1815—1914. Cambridge, 1923.
Compere-Morel. Jules Guesde. 1845—1922. Paris, 1937.
Da Costa Ch. Les blanquistes. Paris, 1912.
Dagnan J. Le Gers sous le Second empire. «La Revolution de 1848» 1932—1933, t. 29.
Dansette A. Deuxieme republique et Second empire. Paris, 1942
Daudet E. Le due d'Aumale. 1822—1897. Paris, 1898.
Dautry J. Le probleme national devant l'opinion ouvriere a la veille de la Commune de Paris. «Cahiers internationaux», 1953, № 44.
Del Bo G. Lo spionaggio intorno alia I Internazionale. Oscar Testut, agento segreto «Numero 47». «Movimento operaio», now— dec, 1952.
Delbriick H. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Teil 6, Buch 1—2. Berlin, 1929—1931.
Denis E. Histoire contemporaine, t. 1. Paris, 1897.
Derrecagaix V., colonel. La guerre moderne, t. 1. Paris, 1885.
Dechanel P. Gambetta. Paris, 1920.
Desmarest J. La defense nationale. Paris, 1949.
Dessal M. Un revolutionnaire jacobin Charles Delescluze. 1809—1871. Paris, 1952.
Dollëans E. Histoire du mouvement ouvrier, t. 1, 1830—1871. Paris 1936.
Dommanget M. Blanqui. La guerre de 1870—1871.-La Commune. Paris, 1947.
Dommanget M. Les groupes blanquistes de la fin du Second empire. «Revue socialiste», 1951, № 44.
Dreyfus R. Les premieres armes de Gambetta. «Revue de France». decembre 1932, Janvier 1933.
Dreyfus R. M. Thiers contre l'Empire, la guerre, la Commune. Paris 1928.
Dubreuilh L. La Commune de 1871. («Histoire socialiste (1789—1890)» sous la dir. de J. Jaures, t. XI. Paris, s. a.).
Dunham A. L. The anglo-french treaty of commerce of 1860 and the progress of the industrial revolution in France. University of Michigan Press, 1930.
Dupont-Ferrier P. Le marche financier de Paris sous le Second empire. Paris 1925.
Ducquet A. Paris. Le quatre septembre et Chatillon. Paris, 1890. (Guerre de 1870—1871).
Dutacq F. Les greves lyonnaises de la fin du Second empire. «La Revolution de 1848». 1931—1932, t. 28, № 139.
Dutrait-Crozon H. Gambetta et la defense nationale 1870—1871. Paris 1932.
Duval M. Projets de desarmement franco-prussien en 1870. «Revue de Paris», 1914, № 4.
Duveau G. La vie ouvriere en France sous le Second empire. Paris, 1946.
Figueres L. Les maitres du socialisme scientifique et le blanquisme. «Cahiers du communisme», 1953, № 4.
Fohlen C. La concentration dans l'industrie textile francaise au millieu du XIX siecle. «Revue d'histoire moderne et contemporaine», Janvier — mars, 1955.
Fohlen C. Crise textile et troubles sociaux: le Nord a la fin du Second empire. «Revue du Nord», 1953, № 138.
Fohlen C Esquisse d'une evolution industrielle. Roubaix au XIX siecle. «Revue du Nord», 1951, № 130—131.
Foulon M. Eugene Varlin. Clermont-Ferrant, 1934.
Foville A. de. Le morcellement. Paris, 1885.
Garaudy R. Les sources francaises du socialisme scientifique. Paris, 1949.
Geffroy G. L'enferme. Paris, 1897.
Gendarme R., La region du Nord. Essai d'analyse economique. Paris, 1954.
Genevois H. La defense nationale. 1870—1871. Paris, 1906.
Gill G. Jules Valles (1832—1885). Paris, 1941.
Girard L. La politique des travaux publics du Second empire. Paris, 1952.
Gouaull J. Comment la France est devenue republicaine. Les elections generales et partielles a l'Assemblee Nationale 1870—1875. Paris, 1954.
Grange Ch. Le parti republicain a la fin du Second empire. Bordeaux, 1903.
Guerard A. Napoleon III. Cambridge, Massachusetts, 1943 (Makers of Modern Europe).
Guillemin H. Les origines de la Commune. «Les Temps modernes», Paris 1954, 1955.
Guiral P. Marseille dans l'esprit des contemporains sous le Second empire. «Information historique». Paris, 1954, № 1.
Guiral P. Prevost-Paradol (1829—1870). Paris, 1955.
Halevy D. Le courrier de M. Thiers. Paris, 1921.
Halevy D. Essais sur le mouvement ouvrier en France. Paris, 1901.
Hanotaux G. Histoire de la fondation de la Troisieme republique, t. 1. Nouv. ed. Paris, 1929.
Hours. J. Le mouvement ouvrier francais. Paris, 1952.
Jaures J. La guerre franco-allemande (1870—1871). («Histoire socialiste (1789—1900)», t. XI).
Juillard E. La vie rurale dans la plaine de Basse-Alsace. Paris, 1953.
Katzenbach E. L. Liberals and war: the economics policies of the Governement of national defense, 1870—1871. «American historical review», 1951, vol. 56, № 4.
Kovacs F. French military institutions before the Franco-Prussan war «American historical review», 1946, vol. 51, № 2.
Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Frankreich von 1789 bis die Gegenwart. Zweiter Teil. 2. verbess. Aufl. Berlin. 1955.
La Gorce P. de. Histoire du Second empire, t. 1—7. Paris, 1905.
Lally F. E. French opposition to the Mexican policy of the Second empire. Baltimore, 1931.
Lamy E. Le Gouvernement de la defence nationale. «Revue des deux mondes». 15 mai, 15 juin, 15 juillet 1896.
Lefebvre Ch. Socialistes francais et beiges de la fin de l'Empire au debut de la Ill-e republique. «Revue du Nord», 1955, № 148.
Lefevre A. Sous le Second empire: Chemins de fer et politique. Paris. 1951.
Leon P. Les greves de 1867—1870 dans le departement de l'Isere, «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1954, t. 1.
Leon P. La naissance de la grande industrie en Dauphine (fin du XVII siecle — 1869), t. 1—2. Paris, 1954.
Lepelletier E. Histoire de la Commune de 1871. Paris, 1911.
Lescoeur C. Essais historique et critique sur la legislation des societes commerciales en France et a l'etranger. Paris, 1877.

Lescure J. Crises generates et periodiques de surproduction. 3-e ed. Paris. 1923.
Levasseur E. Histoire des classes ouvrieres et de l'industrie en France, t. 2. 2-e ed., Paris, 1904.
Levasseur E. Histoire du commerce de la France, t. 2. Paris, 1912.
Levy M. Histoire economique et sociale de la France depius 1848, fasc. 1—2. Paris, 1952, (Universite de Paris, lnsfitut d'etudes politiques. Cours 1951—1952).
L'Huillier. L'evolution des principals greves a la fin du Second empire. «Bulletin de la societe d'histoire moderne», 1951, № 24.
Lissagaray P. Histoire de la Commune de 1871. Bruxelles, 1877.
Louis P. Le sort de l'ouvrier francais sous le Second empire. «Revue politique et parlementaire»,.decembre 1946.
Lyon, cite republicaine a la veille de la guerre de 1870 et des journees insurrectionelles de la Commune. «1848. Revue des revolutions contemporaines», 1951, № 188—189.
Madaule J. Histoire de France de 1715 a nos jours. Paris, 1946.
Marion M. Histoire financiere de la France, t. 5. Paris, 1928.
Maritch S. Histoire du mouvement social sous le Second empire a Lyon. Paris, 1930.
Martel W. Mes entretiens avec Granger, lieutenant de Blanqui. Paris. 1939.
Matter P. Bismarck et son temps, t. 2. Paris, 1906.
Matter P. Gambetta. Paris, 1923.
Maurain J. Baroche, ministre de Napoleon III d'apres ses papiers inedits. Paris, 1936.
Maurain J. La politique ecclesiastique du Second empire de 1852 a 1869. Paris, 1930.
Mermeix. La France socialiste. Paris, 1886.
Montreuil J. Histoire du mouvement ouvrier en France. Paris 1947.
Nettlau M. Der Anarchismus von Proudhon zu Kropotkin. Berlin, 1927.
Noel O. Histoire du commerce exterieur de la France depuis la revolution. Paris, 1879.
Nouvelles etudes de sociologie electorale, rassemblees et prefacees par F. Goguel. Paris, 1954.
Olivesi A. La Commune de 1871 a Marseille et ses origines. Paris, 1950.
Pariset E. Histoire de la Fabrique lyonnaise. Lyon, 1901.
Pinкney D. H. Migration to Paris during the Second Empire. «Journal of modern history», march, 1953.
Poire P. La France industruelle ou description des industries francaises 2-e ed. Paris, 1875.
Prelot M. Les institutions politiques francaises de 1789 a 1870, fasc. 3. Paris, 1951.
Prelot M. La signification constitutionnelle du Second empire. «Revue francaise de science politique», 1953, № 1.
Psichari H. Renan et la guerre de 70. Paris, 1947.
Reelus M. Ernest Picard. 1821—1877. Paris, 1912.
RecIus M. Grandeur de «La Troisieme». De- Gambetta a Poincare. Paris, 1948.
Reelus M. Jules Favre. 1809—1880 2-e ed. Paris, 1913.
Reclus M. Jules Ferry. 1832—1893. Paris, 1947.
Reelus M. La Troisieme republique de 1870 a 1918. Paris, 1945.
Recouly R. Le 4 septembre. Paris, 1930.
Reinach J. La vie politique de L. Gambetta. Paris, 1918.
Rheindorf K. England und der deutsch-franzosische Krieg 1870/71 Bonn —Leipzig, 1923.
Rist Ch. La duree du travail dans l'industrie francaise de 1820 a 1870. «Revue d'economie politique», 1897, t. 11.
Rousset, colonel. Histoire generate de la guerre franco-allemande (1870—71), t. 1. Paris, 1900.
Schnerb R. Rouher et le Second empire. Paris, 1949.
See H Esquisse d'une histoire economique et sociale de la France. Paris, 1929.
Seignobos Ch. Le declin de l'empire et l'etablissement de la Ill-e republique (1859—1875) Paris, 1921. («Histoire de France contemporaine», publ. sous la dir. de E. Lavisse, t. 7).
Soboul A. la question paysanne en 1848. «La Pensee», 1948 № 18, 19, 20.
Sorel A. Histoire diplomatique de la guerre franco-prusse, t. 1. Paris, 1875.
Suret-Canale J. La «Marianne», une insurrection ouvriere manquee en 1855. «Cahiers internationaux», 1956, № 73
Tchernoff I. Le parti republicain au coup d'Etat et sous le Second empire. Paris, 1906.
Tersen E. La carriere militante de Leo Frankel (1844—1896). «Cahiers internationaux». Mai 1950, № 16.
Thomas A. Le Second -empire (1852—1870). («Histoire socialiste, (1789—1900)», t. 10. Paris, s. a.).
Thoumas, general. Les transformations de l'armee francaise, t. 1. Paris, 1887.
Viallate A. L'activite economique en France de la fin du XVIH-e siecle a nos jours, Paris, 1937.
Weill G. Histoire du mouvement social en France (1852—1902). Paris, 1904.
Weill G. Histoire du parti republicain en France de 1814 a 1870. Paris, 1900.
Wright G. Public opinion and conscription in France 1866—1870. «Journal of modern history», 1942, vol. XIV, № 1.
Wright G. The distribution of french parties in 1865: an official survey. «Journal of modern history», 1943, vol. XV, № 4, Documents.
Zevaes A- Les candidatures ouvrieres et revolutionnaires sous le Second empire. «La Revolution de 1848», 1932, t. 39, № 142.
Zevaes A. Les debuts de la Republique et le proces Baudin. Grenoble 1935.
Zevort E. Histoire de la Troisieme republique. Paris, 1899.